В.А. Артамонов

Полтавская битва

Генеральная баталия Северной войны 1700–1709

«Академический проект»
Москва, 2020

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
А 86

Артамонов В.А.

А 86 Полтавская битва. Генеральная баталия Северной войны. 1700–1709. — М.: Академический проект, 2020. — 484 с. — (История России: Империя).

ISBN 978-5-8291-3402-0

В книге освещаются основные сражения первой половины Северной войны 1700–1721 гг.: Нарвская катастрофа, сражения в Прибалтике, Польше и Белоруссии. Оккупировав Саксонию и разбив польско-саксонскую личную унию, 35-тысячная армия шведского короля Карла XII в конце лета 1707 г. двинулась на Москву. «Удар по сердцу противника» должен был завершиться низвержением царя Петра I и развалом России на отдельные феодальные владения. Однако русско-шведское единоборство на Гетманщине, несмотря на измену Мазепы, завершилось победой Петра I.

На основе отечественной и шведской исторической литературы, русских документальных источников, шведских мемуаров и дневников показывается, как командование русской армии справилось со смертельной угрозой.

Переломная битва Северной войны перевернула военные и политические отношения в Восточной Европе, освободила Украину и Речь Посполитую от шведской оккупации и сменила оборонительную стратегию русской армии на наступательную.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8291-3402-0

Введение. Военные силы соперников к началу Северной войны

Новая эпоха российской государственности и русской военной силы началась с Петра Великого. Реформы великого царя преобразовали Московское царство в первую в мире православную империю и пересоздали управление, формирование, стратегию, тактику и мораль вооруженных сил России.

Одна из исторических целей России состояла в том, чтобы пробить шведский барьер, отсекавший ее от доступа к культурному и экономическому миру Европы и вернуть утраченные в 1609–1617 гг. Ижорскую землю и часть Карелии. Идея выхода на «Варяжское море» прошла сквозь всю русскую историю начиная с IX в. Балтика не разъединяла, а соединяла народы, живущие по ее берегам. Гений царя уловил морскую предопределенность величайшей континентальной страны. Имея доступ к балтийским портам, Россия приближалась к передовым европейским странам.

С 1694 г. и вплоть до смерти государственник Петр Великий стремился осуществить четыре морские доктрины — Балтийско-Атлантическую (посол в Вене А.А. Матвеев в 1712 г. предлагал включить в состав России шведскую Бременскую область с портом и с выходом на атлантические торговые пути), Азово-Черноморскую, Каспийско-Индийскую (вспомним экспедиции А. Бековича-Черкасского в 1716–1717 гг. по поиску путей через Среднюю Азию в Индию) и Тихоокеанскую с выходом в сторону Аляски и через Камчатку и Курилы в сторону Японии и Китая. Царь стремился также восстановить связь Балтики и Черного моря, существовавшую в Древней Руси.

Захват Азова в 1696 г. обозначил становление России как государства, стремившегося следовать политике мировых держав — Великобритании, Франции, Нидерландов, Испании, Португалии. Посол П.Б. Возницын в 1699 г. на переговорах в Карловаце включил Россию в ведущие страны мира и выставил запросы на Крым, Азов, Очаков и устье Днепра[1].

В наше время большинство стран Европы, исходя из принципа толерантности, стараются сгладить исторические обиды, понимая, что нынешние международные отношения бессмысленно растравливать былой враждой. Исследования прошлых конфликтов историки разных национальностей проводят, как правило, в академически объективном ключе. Сейчас между Швецией и Россией сложились добрососедские отношения.

Только дружеские чувства испытывает русский народ к северному соседу, но три века назад все было по-другому.

В начале XVIII в. против шведов в Восточной Европе шла ожесточенная война России, Саксонии, Дании и Речи Посполитой.

Основные геополитические интересы Шведско-финского королевства лежали в Балтийском регионе, и именно там была развернута шведская экспансия. Соседство русских и шведов многократно приводило к войнам между нашими народами в 1142–1164, 1187, 1229, 1240, 1246–1250, 1293–1295, 1311–1323, 1348–1351, 1375–1396, 1411, 1495–1497 гг. После расторжения датско-норвежско-шведской Кальмарской унии (1397–1521) и образования национального королевства в 1523 г. Швеция воевала с Россией в 1554–1557, 1570–1582, 1590–1593, 1610–1613, 1614–1617, 1656–1658, 1700–1721, 1741–1742, 1788–1790 гг. Последняя Русско-шведская война состоялась в 1808–1809 гг., после которой Швеция уступила России Финляндию и Аландские острова. Много раз шведы воевали против своего наследственного противника Дании, против Польши и нескольких немецких государств. Особенно острым было шведско-датское историческое соперничество.

Период с 1611 по 1718 г. был зенитом шведского абсолютизма. Во время «каролинского единовластия» Швеция сколотила сильную с централизованным управлением «империю», превратив Балтику в свою вотчину. Была отвована прочная военная машина и на ней, а не на экономике держалась гегемония Швеции.

В 1617 г. это королевство, простиравшееся от Гётеборга до Лапландии, Выборга и Эстляндии, отвоевало у России Ингрию с Ивангородом, Копорьем, Ямом, Орешком, карельскую землю к северу от Невы и Ладоги и наглухо отсекло Российское царство от Балтики.

Военная мощь скандинавского государства особенно выросла в годы реформ Густава II Адольфа в 1620-х гг. В 1621–1622 гг. шведы отняли у Речи Посполитой Лифляндию с Ригой, отрезав выход Великому княжеству Литовскому к Рижскому заливу.

В 1648 г. воинственные короли завоевали Переднюю и часть Нижней Померании с о. Рюген, Узедомом и Волином, после чего пошлины за торговлю по Одеру с Бранденбурга и силезских земель Габсбургов потекли в казну Стокгольма. Захватив секуляризованные архиепископство Бремен и епископство Верден при впадении рек Везера и Эльбы в Северное море и г. Висмар на Балтике, шведы взяли под контроль средне- и нижненемецкие княжества Священной Римской империи, а также герцогство Мекленбург. Во владении Швеции оказались, таким образом, важнейшие гавани не только Балтийского, но и Северного моря, она как владелица германских княжеств стала членом Священной Римской империи с правом посылать своих депутатов на имперские сеймы.

Своими колониями — Новой Швецией (1638) в Северной Америке у залива и устья р. Делавэр и Кабо-Корсо (Золотой берег) в современной Гане[2] (1650) шведские правители особо не интересовались и они были быстро утрачены.

В 1655–1660 гг. Швеция воевала с Польшей и Бранденбургом, чтобы закрепиться на южном побережье Балтики от Западной Двины до Одера. В 1658–1660 гг. король Карл X Густав лишил Данию двух пятых ее территории — южных провинций Скандинавского полуострова, о. Борнхольма, и Тронхеймского лена в Норвегии. Позже шведские короли собирались окончательно раздавить датского соперника и ввели войска в герцогство Гольштейн-Готторп, угрожая Дании с юга[3].

Ущемив интересы нескольких государств, властители из Стокгольма понимали, что в любой момент они должны быть готовы к нападениям с разных сторон. Имея планы завоевания Архангельска и Кольского полуострова, шведское правительство все же больше ориентировалось на овладение береговой полосой от Риги до Померании и Одера, что сулило больше выгод и торговых пошлин.

Российское царство с конца XV в. стремилось заполнить восток Европы и Северную Азию своей православной цивилизацией. С XVI в. духовная идея «Москва — Третий Рим» напоминала о Святой Руси и о последнем перед пришествием антихриста истинном государстве на земле, в котором соединились судьбы ранее погибших христианских царств[4]. Позже к этой духовной идее подключилась державная («имперская») концепция. По совету патриарха-державника Никона (1605–1681), титул которого не уступал царскому («Божиею милостию великий господин и государь, архиепископ царствующаго града Москвы и Всеа Великия и Малыя и Белыя Росии и всея Северныя страны и Помориа и многих государств патриарх») царь Алексей Михайлович возглавил войско, начавшее поход против Речи Посполитой для воссоединения всех земель бывшей Древней Руси. Никон даже советовал наступать на Варшаву и Краков, он же побудил объявить войну Швеции за выход к Балтике и направить войска на Стокгольм[5]. В войне 1656–1658 гг. русские рати не смогли обеспечить выход России к Балтике ни по Неве, ни по Западной Двине. 21 июня (1 июля) 1661 г. со шведами был заключен вечный мир.

4(15) сентября 1697 г. в древней столице Польши Кракове курфюрст Фридрих Август I из саксонской династии Веттинов был венчан польской короной и взял имя Августа II в подражание последнему Ягеллону — Сигизмунду II Августу (1520–1572), завоевавшему в 1561 г. Лифляндию и при котором личная польско-литовская уния в 1569 г. была преобразована в реальную. Так личностью короля саксонское курфюршество соединилось с огромным западнославянским государством.

Король-немец обещал шляхте вернуть все потерянные земли, в том числе и в Прибалтике. Небольшая Саксония с площадью в 40 тыс. кв. км и населением в 2 млн чел. была богатой сословной монархией с медными и серебряными рудниками, развитой горной промышленностью, торговлей и ремеслами. По иронии судьбы новый польский король был прозван германцами «Сильным» не за таланты и волю, а за мускулатуру. При своем дворе Август II завел такую же роскошь, как французский король Людовик XIV. Двуличность была натурой этого баловня. Толстяк весом 121 кг при росте 176 см мог рвать подковы, был неплохим наездником, знал военное дело, разбирался в артиллерии и фортификации, любил танцы и сверх меры — «венусовы плезиры» (ходили легенды о его 168 внебрачных детях.)

Но силач напрочь был лишен полководческого дара, что продемонстрировал в 1695–1696 гг. в войне против турок в Венгрии[6]. Равнодушный к вере, он ради польской короны сменил протестантизм на католичество.

Казалось, неплохо вооруженная, обученная по европейским уставам 30-тысячная саксонская армия, могла стать достойным соперником шведов. Однако ее низкая боеспособность определялась тем, что саксонские сословия и большинство жителей Рудных гор, Дрездена, Лейпцига, Мейсена, а также славянские сербы-лужичане не горели желанием платить налоги и проливать кровь за польскую корону. Вербовка в армию была из-под палки, и рекруты думали только о побеге. Офицерский корпус состоял в основном, из иностранцев. В Северной войне саксонские военачальники терпели только «позорные поражения» (так писал известный романист Д. Дефо) и, по словам светлейшего князя А.Д. Меншикова, надеялись «носить военное иго... на одном русском хребте». Вполне разумно Петр I отклонил предложение завербовать на 4–6 лет два пехотных немецких полка из Саксонии.

8-миллионная Речь Посполитая с огромной площадью в 733 500 кв. км и войском в 28–33 тыс. чел. в начале XVIII в. выпала из сферы большой европейской политики, несмотря на потенциальные угрозы с севера, востока и юга. Прошли времена, когда после триумфа в 1683 г. под Веной король-державник Ян III Собеский пытался укрепить польское влияние в Венгрии, Молдавии и Валахии, а шляхта задорно пела «Пройдя море с нашим Яном, станем мы над Иорданом!», надеясь изгнать в Азию татар из Крыма силами России[7]. Время «кирхгольмских» побед в начале XVII в., когда решающий удар наносился крылатыми польскими гусарами, было прочно забыто. Варшава так и не смогла инкорпорировать ни герцогство Курляндию (польский лен с 1561 г.), ни владения бывшего Тевтонского ордена («Княжескую Пруссию», которая с 1618 г. вступила в личную унию с Бранденбургом, а в 1657 г. перестала быть леном Короны Польской.) В шляхетской республике, раздробленной на федерацию воеводств, центральная власть была разорвана между королем, сеймом, магнатами

и враждовавшими гетманами. Высшей ценностью шляхты была защита своих привилегий («золотых свобод») и стремление не быть втянутыми в международные конфликты. Польская шляхта, была готова «до горла» защищать «золотые вольности» против абсолютистских поползновений своих королей, но не хотела ни воевать за выход к Балтике у устья Вислы и Западной Двины, ни платить налоги на войско, которое ходило в ветхих мундирах и голодало. При общем упадке пассионарности не стало ярких полководцев, способных командовать большими массами войск. Безначалие, развал дисциплины и дезертирство привели к общей деградации военного дела. Неудивительно, что после войн с Россией (1654–1667) и Османской империей поляки лишились Малороссии (Левобережной Украины) и Подолии с южной частью правобережья Днепра (в 1672–1699.) Заключив «вечный мир» с Турцией в 1699 г. Польша ликвидировала «украинский щит» на Правобережной Украине. В линейных порядках почти не имевшее пехоты Коронное (13 тыс. чел.) и Литовское (3–4 тыс.) войска не могли сражаться. Архаичная конница «народового строя» с «хоронгвями» (польск. — ротами; это слово надо отличать от русск. «хоругвь» — знамя) по 50–200 чел. была подобна русской поместной коннице последних лет ее существования. Выставлять на поле польских жолнеров было так же рискованно, как кочевников. Войска в Польше и Великом княжестве Литовском состояли из наемных частей, пешей крестьянской милиции, личных войск магнатов, местных формирований воеводств. Еще продолжало созываться (вплоть до 1812 г.) «посполитое рушение» — средневековое шляхетское ополчение, расцвет которого приходился на XV в. Некоторой боеспособностью обладали вербованные пехотные и драгунские части «немецкого» строя. Шляхта в период военных действий старалась уклоняться от открытого боя и перешла к партизанским конным набегам, подобно степнякам и казакам.

Распространенным в Северную войну был стереотип поведения — пусть «Москва бьется со шведом, а мы примкнем к тем, кто победит».

Польский господствующий класс был бы не прочь снова завладеть утраченными землями на Гетманщине и в Лифляндии, но мобилизовать полноценные вооруженные силы для этой цели не желал.

И России, и Речи Посполитой, и Саксонии приходилось учитывать политику грозного соседа на южных границах. Османская империя (100 тыс. пехоты, 15 тыс. конницы), в то время оставалась великой военной державой трех континентов. Положение облегчалось тем, что в первой половине Северной войны основное внимание Стамбула после больших потерь в войне 1683–1699 гг. оказалось прикованным к Балканам. Главными противниками османы тогда считали Габсбургов и Венецианскую республику, отобравших у нее Трансильванию и Пелопоннес. Азов, отвоеванный Россией в 1696 г., считался Высокой Портой сравнительно мелкой утратой.

Мощной вспомогательной силой для турок было полунезависимое Крымское ханство (около 70 тыс. сабель.) Для Крымского ханства, контролировавшего ногайские степи и Предкавказье (Западную Черкесию) надвигавшаяся на Черное море Россия представлялась основной угрозой. Петр I, укрепив крепости Азов, Таганрог, Каменный Затон, Самару, блокировал северные пределы ханства. С конца XVII в. Бахчисарай стремился поддерживать мирные отношения со слабеющей Речью Посполитой и при возможности вбить клин между двумя славянскими государствами. Стамбул же не только имел отличную от ханства внешнюю политику, но и существенно ограничивал автономию ханов. Обязанность поставлять крымских всадников на балканский и венгерский фронты возбуждали в Крыму недовольство. Комплекс таких политических расхождений стал даже причиной переговоров о переходе «Великой Орды правой и левой руки» в русское подданство в 1701–1712 гг.[8]

Войска двух вассальных православных княжеств Молдавии (до 7 тыс.) и Валахии (до 10 тыс.) привлекались турками только для разведок, сопровождения обозов и саперных работ.

Активно укреплявший свои вооруженные силы Бранденбург стремился округлить владения за счет Польши и Швеции, но в первой половине Северной войны не участвовал, так как большая часть его сил была отдана «Великому союзу» (коалиции Англии, Голландии, «Священной Римской империи», Дании, Бранденбурга, Португалии, Савойи) в войне за Испанское наследство (1701–1714) против Франции в обмен за согласие императора на преобразование Пруссии в королевство. Вплоть до 1715 г. Бранденбург-Пруссия занимал позицию нейтралитета и к России, и Швеции. Только 1 мая 1715 г. король Фридрих-Вильгельм I (1713–1740) объявил войну Карлу XII.

Против шведской армии в 36 тыс. чел. северные союзники — Датско-Норвежская, Польско-саксонская унии и Российское царство могли выставить 105 тыс. чел., но по качеству они не были равноценными шведским. В чем же состояла «шведская сила» и «русская слабость» к началу Великой Северной войны 1700–1721 гг.?

Как указывалось, с 1648 г. Швеция утвердила себя великой военной державой Северной Европы. Новые преобразования начались при Карле XI (1660–1697) после трудной войны с Данией в 1679 г. С 1682 г. флот и армия набирались по уникальной системе призыва («Indelningsverket»), не имевшей аналогов в Европе. В зависимости от чина офицеры получали казенные хутора разных размеров и натуральные налоги напрямую с определенного числа крестьянских дворов. По договорам, заключенным государством с крестьянством, шведские и финские солдаты индельты от 2–4 крестьянских дворов получали дом и надел земли, с которого они кормили семью. Оружием и мундирным сукном солдаты обеспечивались от

полка, все остальное оплачивалось крестьянами, которые могли не опасаться, что их сыновей насильно рекрутируют в армию. Зажиточные крестьяне экипировали кавалериста с конем. Солдатами добровольно становились тысячи людей, у которых никогда не хватило бы средств на свой двор[9]. Так шведская армия и флот получили 40 тыс. добровольцев, которые в мирное время обрабатывали землю. Кроме того, 30 тыс. были завербованы в лейб-гвардию, артиллерию, морские команды, в крепостные гарнизоны. Король лично ездил по стране и инспектировал воинские части. Регулярно проводились учения для рекрутов. При Карле XI была усовершенствована уникальная военная машина. Швед стал считаться лучшим солдатом Европы, сила которого держалась на «святом долге» перед Богом и королем, на послушании начальству, суровой дисциплине, храбрости и хладнокровии.

Линейная тактика XVIII в. делала ставку не на полевые сражения, чреватые кровавыми потерями, а на маневры, которыми выдавливали противника с театра военных действий. Приоритет в бою со времен «революции» в военном деле (1560–1660) давался огнестрельному оружию. Войска выстраивались несколькими шеренгами в тонкую длинную линию и огнем пехоты, пушек и конницы старались выбить противника с поля боя.

Шведская армия, как и все в Европе, тоже придерживалась линейного порядка. Шведские кавалеристы с облегченным снаряжением, имевшие два пистолета и карабин, опрокидывали противника, как правило, полным карьером — с выброшенными вперед, наподобие пик, палашами. Это было наследием Густава II Адольфа. Стрельба с коня («караколь») не разрешалась. «Плуг» сверхплотной конной массы (ботфорты всадников заходили под колено соседа) сметал противника с поля еще до столкновения. Небольшое шведское войско стремительными ударами било превосходящие силы неприятелей. Солдаты, спаянные в землячества, грамотно выполняли любые команды[10].

Итак, к 1700 г. Швеция имела образцовую регулярную армию с отлаженной системой мобилизации. К тому времени в Европе произошла смена нескольких глав государств. В России в 1694 г. после правления клана Нарышкиных и смерти Натальи Кирилловны, жены царя Алексея Михайловича, руководство страной полностью принял на себя Петр I. В 1696 г. ушел из жизни «польский лев» король Ян III Собеский и корона досталась в 1697 г. саксонскому сибариту Августу II. С 1697 г. во главе многонациональной Швеции (кроме шведов там жили немцы, несколько угро-финских народов, латыши и русские) встал талантливый полководец Карл XII (1682–1718.) В 1699 г. после смерти Христиана V датским королем стал 24-летний Фредерик IV.

Рыцарскими правилами предписывался бой холодным оружием без пушек в открытом месте, где решает только мужество, сила и предопре-

деление Господа. Привилегией считалось начать бой первым. Юный Карл XII, из скандинавских саг знавший, как бились его предки, возвел в принцип победный прием, отработанный во времена его отца и похожий на атаки берсерков, в боевом экстазе бросавшихся без доспехов на врага. Каролинцы, как викинги, «взрывались» яростью и неистовым натиском 6-метровых пик, штыков и рапир вводили в панику противника. Пехота била огнем только тогда, когда разброс пуль был минимальным — с 30 метров. Молниеносные «марши-прыжки» Карла XII захватывали врасплох врага. Одновременный взрыв бесстрашной энергии, «силовое поле» победы, сметал с поля противника. Неприятель откатывался, не вступая врукопашную, а боязнь врага еще сильнее стимулировала агрессию шведов. Помимо этого, Карл XII, бросавшийся очертя голову в самое пекло битв, сверхъестественным образом всегда оставался невредимым. Король стал считаться чудотворным талисманом, предопределявшим победы. Вместе с ним каролинцы считали себя непобедимыми. Протестантский мессианизм, наработанные за сто лет военные навыки, вера в военное счастье короля, порядок на маршах и стоянках, умение без страха перестраиваться под огнем, сформировали «синдром победы» у всех — от солдата до генерала. Быстрота, натиск и согласованная атака всех родов войск позволяли побеждать меньшинством. Датчане, саксонцы, поляки и русские в полной мере изведали мощь шведских ударов. Героический Карл XII стал центральной фигурой военной истории Швеции. Вместе с тем рост уверенности и презрение к врагам вели к принижению роли тяжелой артиллерии, магазинной системы, пренебрежению безопасностью на маршах, ставке только на ближний бой холодным оружием , т. е. к упрощению шведского военного искусства.

В отличие от Карла XII Петр I не получил в наследство образцовую военную машину. Допетровская рать с XVI в. накопила уникальный опыт войны с кочевыми соседями. Несмотря на тысячеверстные засечные линии, от Путивля и Белгорода до Алатыря и реки Камы, сравнимые по масштабам с римскими лимесами и Великой Китайской стеной, и в XVII в. приходилось считаться с болезненными набегами крымских татар и ногайцев. Вместе с тем сильные противники на севере и западе заставляли присматриваться к военному делу Западной Европы и «свейских немцев», о котором узнавали из «курантов», через польское посредство и от наемников в Москве.

До Петра I вооруженные силы Российского царства, как и Речи Посполитой, делились на войска отечественного («русского») и «иноземного» («нового») строя. «Русский строй» включал:

А. Дворян, детей боярских, татарских мурз и князей, новокрещенов. Они несли пожизненную службу за земельные пожалования.

Б. Служилых «по прибору» — стрельцов, городовых казаков, пушкарей, затинщиков, воротников. Они зачислялись в потомственную службу

из вольных людей и служили «с земли» (частично за жалованье) и также за торговые и промысловые льготы.

В. Даточных крестьянских ополченцев, набиравшихся на время войны. Они выставлялись помещиками или общинниками по одному от определенного числа дворов и должны были снабжаться ими одеждой, провиантом и оружием произвольного типа.

Г. Отдельным видом «русского строя» были донские, терские, волжские и яицкие казаки.

Военная сила «иноземного строя» к 1681 г. составляла 60–70% от всего войска и состояла из 33 солдатских и 25 рейтарских и драгунских полков численностью до 90 тыс. чел. В XVII в. русское правительство при их организации ориентировалось на западноевропейский и польские образцы[11].

Рейтарские драгунские, копейные и гусарские полки (по 1000–1500 всадников) получали вооружение из казны. Рейтары в Европе появились около 1540 г., вооружались они двумя пистолетами, ружьем или карабином, длинной шпагой, шлемом и грудными латами. В России они вооружались саблями. В бою они строились шеренгами и отбрасывали противника залповым огнем.

Драгуны («ездящая пехота») впервые появились в России с 1632 г. Они вооружались мушкетами, бердышами, короткими пиками и в XVII в. сражались пешими. Как и рейтары, они имели немецкий тип седла и сбруи. Служба в коннице на Руси, как и повсюду в мире, считалась престижнее службы в пехоте. На просторах Восточной Европы были нужны не тяжелые кирасиры, [12] а мобильные воины, способные биться и в пешем и в конном строю. С середины XVII в. роты «ездящей пехоты» — драгун, вооруженных, как и в Европе, облегченными мушкетами или карабинами и шпагами, усиливали огнем рейтар, копейщиков и гусар; драгунами выполнялись и саперные работы[13]. Петр I из трех видов конницы регулярного типа — рейтар, копейщиков и гусар — предпочтение отдал драгунам. С 1700 г. в драгунские полки стали выдавать ручные мортирки с мортирными седлами. Драгуны в Северную войну набирались из дворян, детей боярских, из служивых старых служб — пушкарей, воротников и рейтар. В драгунские полки попало немало и бывших гусар и копейщиков, имевших за плечами боевой опыт Чигиринских (1677, 1678), Крымских (1687, 1689) и Азовских (1695, 1696), походов. Вновь сформированные регулярные конные полки уже не распускались, как прежде, а служили постоянно. Численность драгун была поднята до 20 тыс. чел. Всего с 1703 по 1 июля 1706 г. Разрядным и Военным приказами в драгуны было определено 23 762 чел., в солдаты — 62 563 чел.[14].

Тяжелой конницы (гусар), заведенной по польскому образцу, было немного. Как и польских гусар, их вооружали длинными копьями, седельными пистолетами, пластинчатыми латами и саблями.

Пешие солдатские полки (по 1–2 тыс. чел.) состояли из мушкетеров и пикинеров. Служили они за денежное жалованье и частично за поместье.

Рядовой состав «иноземных полков» был почти исключительно русским. У правительства были средства только на содержание офицеров. В мирное время солдатские и рейтарские полки собирались лишь в осенью на один месяц лагерных сборов.

В составе «московского списка» 1681 г. было 6385 чел[15]. Поместная конница составляла в 1687 г. 7,5% войска[16].

Полки были разной численности. Командного состава не хватало (были воеводы и головы над «тысячами» и «сотнями».) Командный состав имел дорогостоящее оружие восточного типа, породистых аргамаков в сбруях с драгоценными камнями и роскошные одежды. Поместное дворянство, дети боярские были вооружены огнестрельным и лучным боем, их боевые холопы хорошо переносили походные тяготы, холод и голод.

Привилегированными частями были 45 тыс. стрельцов. Ловких, храбрых и дерзких стрельцов цари охотно брали в телохранители[17]. После восстания 1682 г. стрельцы претендовали на роль царской гвардии, или «надворной пехоты» (возможно, по примеру «надворных рот» польских королей.)

Стрелецкие полки (по 800–1000 чел.) были неплохо укомплектованы офицерским составом — сотниками, пятидесятниками, десятниками. Они прекрасно владели любимым оружием — бердышами, а также саблями и пищалями. Все стрельцы имели дворы, хозяйство, могли иметь наемную рабочую силу. Корпоративный дух стрельцов был высоким. На период военных кампаний они с неохотой отрывались от семей и хозяйства, в походах враждовали (вплоть до драк на сборах) с другими видами войск[18].

Несмотря на ядовитый отзыв талантливого сторонника Петра I Посошкова, писавшего, что они превратились в «гангрену, свое, а не чужое тело вредящую», стрельцы оставались самой боеспособной силой России. Неслучайно переформированные Петром I стрельцы составили костяк для 28 новых регулярных солдатских полков, а в 1702–1703 гг. было даже сформировано 12 новых стрелецких полков. (Как отдельные полки они существовали вплоть до 1727–1728 гг.[19] Смуты и ослабление власти при царе Федоре Алексеевиче и царевне Софье привели к деградации полков как «русского», так и «иноземного» строя. Жизнь по слободам разлагала, воины приобретали вкус к торговле, мелким ремеслам, но теряли охоту к сабле и мушкету. В рядовые «иноземного строя» поступали посадские и даточные.

Солдаты, рейтары и драгуны, служившие с поместий или за жалованье, тяготились службой так же, как и стрельцы, и превратились, по сути,

в такое же ополчение, как поместная конница. Так же, как дворяне и стрельцы, они за взятку были не прочь отсидеться в поместье. Наполовину безлошадные, рейтары, драгуны и солдаты бражничали на сборах. Если в Швеции работники сбегали с мануфактур и рудников в армию, а дворянство активно поддерживало завоевательную политику королей, то русское дворянство в определенной мере было лишено как военного честолюбия, так и стимула служить за поместье. Служба дворян в то время была пожизненной и обязательной, но не постоянной. «Русские более любят мир, чем войну и говорят, это, конечно, должно быть сумасшествие, — бросить свою собственную землю, ехать в другие страны, терпеть там нужду и насилие и, наконец, дать себя убить»[20]. Соперничать русским рейтарам и драгунам с польской, крымской и османской (сипахами) конницей, а тем более со шведской кавалерией было трудно.

В 1680-х гг. военный потенциал страны составлял 164 тыс. регулярных, и до 50 тыс. иррегулярных войск. Несмотря на провал Крымских походов 1687/89 гг. Россия продемонстрировала не меньшую способность к мобилизации огромной массы войск, чем Австрия и Османская империя, и впятеро большую, чем Польша.

В 1689 г. русское правительство ради «вечного мира» с Речью Посполитой отказалось от огромных территорий в Приамурье, [21] а в 1693–1694 г. правительство Л.К. Нарышкина, опасаясь выхода Речи Посполитой из войны с Турцией, поступаясь престижем, было готово вернуться к унизительнымусловиям Бахчисарайского перемирия 1681 г. с выплатой дани Крымским ханам, прекращенной в 1685 г.[22]

Тактика в то время была оборонительно-осторожной. К месту боя полки «русского» и «иноземного» строя продвигались медленным маршем, чтобы при встрече с врагом прикрыться (как это было по всей Восточной Европе) обозом и, если позволяло время, большим валом. Зимой фашинные двухметровые туры набивались снегом. Поместную конницу при нападении степняков и польской кавалерии часто прятали в таборе. (Татарские ратники Московского войска по степной традиции свой табор не огораживали.) Как при Дмитрии Донском и Иване Грозном, рать делилась на полки Правой и Левой руки, Большой, Передовой и Ертоул — авангардный полк, в который отбирались лучшие наездники с самым добротным снаряжением[23]. Наиболее многочисленной составляющей были пешие даточные. Исключительной отсталости русских вооруженных сил от западно-европейских не было.

С XVI в. в Италии после эпохи кондотьеров стали пользоваться уважением гражданские и торговые профессии. Экономическая активность стала брать верх над военной в Испании, Голландии, Англии и Франции. Армию стали переводить под гражданское управление. Противоположная тенденция взяла верх в Центральной и Северной Европе — в Бранденбур-

ге-Пруссии, монархии Габсбургов и Швеции. Там армия стала основной опорой власти, военная служба — престижной, а государственный аппарат — милитаризованным[24].

Лишь со второй половины XVII в. европейские государства стали переходить на постоянные армии и перестали распускать временно завербованных наемников после военных кампаний.

Рождение русской постоянной армии запоздало всего на пять десятков лет. В России вооруженные силы точно так же стали самым действенным оружием центральной власти и орудием модернизации государства.

Архаика поместной конницы не была исключительно русской спецификой. Призывы французского рыцарского ополчения, несмотря на его несостоятельность, проходили в 1674, 1675, 1689, 1703, 1758 гг.[25] Русское государство, несмотря на провал Крымских походов В.В. Голицына в 1687/89 гг., продемонстрировало свои большие мобилизационные возможности. Кроме России, мобилизовать 100-тысячное войско под силу было только Османской империи, но ни Шведскому королевству, ни Речи Посполитой.

Военная машина Руси во второй половине XVII в. приспособилась к конфликтам с потерявшими наступательный дух Речью Посполитой и Османской империей. Самодержавная власть Москвы полностью контролировала вооруженные силы и снабжение Русской армии, которое осуществлялось в целом по такой же схеме, как и в Европе. Русские засечные черты намного эффективнее защищали страну, чем польская оборона мелкими конными отрядами «obrona potoczna». Московские рати с крупнокалиберной артиллерией могли брать хорошо укрепленные твердыни, тогда как польское войско с трудом могло захватывать слабые крепости — Глухов в 1654 г., Новый Быховец и Могилёв в 1665 г., (но не Каменец-Подольский и Смоленск.) Польские крепости не модернизировались по «системе Вобана», и Краков, Люблин, Познань, оставались типично средневековыми крепостями[26]. Русское воинство и украинские казаки могли быстро возводить земляные крепости, которые в определенной мере лучше выдерживали обстрел осадных орудий, чем кирпичные в Прибалтике.

Сторожевую и разведывательную службу выполняли казаки, татары и калмыки. Российская степная конница была многочисленнее и не хуже, чем «граничары» — сербы, хорваты и румыны, которые защищали австрийскую границу против османов за выделенные им участки земли.

В России немыслимы были легальные вооруженные конфедерации, как в Польше.

Успехи русского воинства во многом определялись выносливостью ратников, привычных к крестьянской работе. Боевая аскеза была привычна с древнеславянских времен. На ржаных сухарях, толокне и крупах, в плохой обуви или лаптях, в изодранных тулупах, они могли перетаски-

вать на руках по бездорожью многотонные артиллерийские орудия, без ропота спать в сырости и снегу, а также совершать тысячеверстные марши вместе с лошадьми, питавшимися листвой или даже корой с деревьев. Это было почти немыслимо для западноевропейских армий, возивших за собой огромные провиантские магазины.

Эта книга выполнена благодаря постоянной поддержке родного Института российской истории РАН, благодарность к которому сохранится у автора навсегда. Немалую помощь оказали научные труды и благожелательные советы исследователя П.В. Коновалъчука и членов Королевской академии военных наук Э. Люта и Б. Веннерхольма (Швеция), которым выражается глубокая признательность. Большая часть иллюстраций предоставлена энтузиастом В.М. Максимовым, которому автор желает всемерного пополнения его богатых коллекций.

Главы II, IV и V, вышедшие отдельными брошюрами в 2007–2008 гг., в данном издании исправлены и дополнены.

Примечания

[1] *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. М.–Л. 1946. С. 367–376, 392–393.

[2] *Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С.* История Швеции. М., 2002. С. 335, 341.

[3] *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986. С. 57, 59.

[4] *Синицына Н.В.* Третий Рим. М. 1998. С. 141, 243, 323.

[5] *Богданов А.П.* Патриарх Никон // Вопросы истории. 2004. № 1. С. 51–85.

[6] *Gurlitt C.* August der Starke. Ein Fürstenleben aus der Zeit des deutschen Barock. Dresden, 1924. S. 143–144; ***Nadolski D.*** Ware Geschichten um August den Starken. Leipzig, 1991. S. 8.

[7] *Артамонов В.А.* Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в 17 в. М., 2002. Ч. 2. С. 297, 299.

[8] *Артамонов В.А.* Переговоры о переходе Крымского ханства в русское подданство при Петре Великом // Славяне и их соседи. Славяне и кочевой мир. М., 2001. Вып. 10. С. 271, 273–274.

[9] *Карлссон О.* Карл XII. Stockholm, 2002. С. 12–13; *Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С.* История Швеции. М., 2002. С. 133.

[10] *Эриксон-Вольке Л.* Импульсы к проведению военных реформ // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур // Под ред. Т. Тоштендаль-Салычевой и Л. Юнсон. Сб. статей. М., 2009. С. 275.

[11] О вооруженных силах Московского государства в XVII в. см. солидную монографию: *Малов А.В.* Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М., 2006. С. 30–58.

[12] Снаряжение кирасира стоило очень дорого: лошадь 45 р., карабин и пистоли 6 р., седло с ольстрами и прочим 3 р., подперси и пахви 1 р., стремена 45 коп., сапоги и шпоры 2 р., чепрак 1 р. 45 коп., епанча и кафтан 9 р., шляпа с галуном 1 р. 25 коп., перевязь к карабину и сумам, портупея 1 р. 25 коп., шпага 1 р., кираса 4 р. Итого 76 р. РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 53. Л. 921.

[13] *Малов А.В.* Конница нового строя в Русской армии в 1630–1680-е годы // Отечественная история. 2006. № 1. С. 119, 128; *Курбатов О.А.* «Оружность» русской конницы в 1630-х — начале 1650-х гг. // Цейхгауз. 2006. Вып. 23. С. 4.

[14] РГАДА. Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 6. Л. 346–348.

[15] *Водарский Я.Е.* Служилое дворянство в России в конце XVII — начале XVIII вв. // Вопросы военной истории России XVIII — первой половины XIX в. М., 1969. С. 237.

[16] *Чернов А.В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М. 1954. С. 195.

[17] *Корб И.* Дневник путешествия в Московское государство Игната Христофора Гвариента, посла императора Леопольда I к царю и великому князю Петру Алексеевичу в 1698 г., введенный секретарем посольства Иоганном Георгом Корбом // Рождение империи. М., 1997. С. 195–197.

[18] *Куракин Б.И.* Гистория о царе Петре Алексеевиче // Архив князя Ф.А. Куракина СПб., 1891. Кн. 1. С. 58–60.

[19] *Рабинович М.Д.* Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. 1956. Т. 58. С. 275.

[20] Так писал шведской королеве Кристине из Москвы 15 сентября 1647 г. Карл Поммеринг. *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897. С. 410.

[21] *Демидова Н.Ф.* Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г. // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 306.

[22] *Артамонов В.А.* Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. С. 314.

[23] *Курбатов О.А.* Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идейные источники и цели реформ царского войска // Единорогъ. Материалы по военной истории Восточной Европы. М., 2009. Вып. 1. С. 202–203.

[24] *Corvisier A.* Dictionnaire d'art et d'Histoire militaries. P., 1988. P. 20–22.

[25] *Дельбрюк Г.* История военного искусства. М., 1930. Т. 4. С. 223.

[26] *Majewski W.* Polska sztuka wojenna w drugiej polowie 17 wieku // Historia wojskowosci polskiej. Warszawa, 1972. S. 194–195.

Глава I. «Скоромышленно начатая война»

1.1. Нарвская невзгода

В Северной войне воевавшие порознь северные союзники не ставили цель полного разгрома противника, но пытались вернуть свои земли, вошедшие в состав Шведского королевства. Все соперники считали свои военные действия справедливыми, но Северная лига, начав первой, с формальной стороны казалась агрессором. 5 июля и 11 ноября 1699 г. Россия заключила антишведские оборонительные и наступательные союзы с Данией и Саксонией[1].

В Русско-шведской войне 1700–1721 гг. можно выделить три периода.

1. От сражения при Нарве до Полтавской победы 1700–1709 гг. русская стратегия ориентировалась на коалиционную войну, локальные удары по периферии противника, оборону и «малую войну», в которой войска накапливали опыт.

2. 1709–1714 г. От Полтавы до Гангутской морской победы стратегия предпочитала опираться на наступательные действия и собственные силы необязательно при численном превосходстве войск над противником в полевых боях.

3. От Гангута до Ништадского мира 1715–1721 гг. Наступательная стратегия стала переходить от нападений на окраинные земли противника к ударам по шведской метрополии.

К 1700 г. Швеция вместе с прибалтийскими и немецкими провинциями насчитывала всего около 2,5 млн чел. Это было меньше, чем у противников — Датско-норвежской унии, Саксонии, Речи Посполитой и России. В расчете на то, что Россия завязнет в войне с османами[2], в Швеции летом 1697 г. с готовностью выполнили выгодный русский заказ на отливку 300 пушек и дали разрешение на еще одну аналогичную поставку. В начале 1700 г. шведское правительство даже предлагало помощь против Турции[3]. Тогда же королевский совет принял во внимание сообщение генерал-губернатора Лифляндии Эрика Дальберга, о необходимости укрепления гарнизонов Ингерманландии, Эстляндии и Лифляндии.

«Великую Северную расправу» Петр I начал с тяжкого промаха, который привел к большим людским и материальным потерям. Полвека государственных, финансовых и военных реформ и армейской муштры прусских королей Фридриха I (1683–1713) и Фридриха-Вильгельма I (1713–1740) преобразовали Бранденбург-Пруссию в военно-казарменное

государство, прежде чем Фридрих II Великий бросил прусскую армию в большую европейскую войну.

Цена войны была бы меньше, проведи Петр I военные реформы до, а не во время войны. Ведь в 1697–1698 гг. Петр хорошо познакомился с вооружением, промышленной технологией и армиями Западной Европы, воевавшими с учетом опыта Густава II Адольфа, Тюренна, принца Луи Конде. Но царь распустил старое войско, не сформировав полноценное новое.

В ночь на 12 февраля 1700 г. Август II, несмотря на противодействие Габсбургов и несогласие польского сейма, послал свое войско под Ригу, чтобы отвоевать захваченную шведами в 1629 г. Лифляндию.

18 тыс. саксонцев прошли к устью Западной Двины, взяли крепостцу Кобрун, Дюнамюнде-шанец и заперли Ригу с моря. Датчане в конце марта ввели войска в союзное шведам Гольштейн-Готторпское герцогство, чтобы разжать «шведско-готторпские клещи».

Россия же не могла начать войну на севере без мира с Османской империей, но уже в апреле русские отряды стали подтягиваться к Новгороду и Пскову якобы для охраны пограничья и подстраховки дружественных саксонцев от Пруссии. «Я гоню от себя ужасные мысли о намерении царя нарушить недавно еще и добровольно подкрепленный договор с королем», — с отчаянием писал шведский резидент в Москве Томас Книпперкруна[4].

«Неутолимое кровопролитие»

Шведское правительство, как указывалось, не собиралось воевать. 1 сентября 1699 г. шведские наблюдатели в Москве ошибочно оценивали общий русский военный потенциал в 400 тыс. чел., а Азовский флот в 50 кораблей и 22 галеры[5]. В Москве ради стратегической внезапности подготовку к «Свейской войне» проводили втайне.

2 ноября 1699 г. царь пил за здоровье «брата Карла» со шведскими послами, прибывшими для подтверждения Россией Кардисского мира 1661 г., а 8 и 17 ноября 1699 г. были опубликованы указы о наборе «всяких вольных людей» и даточных, кроме крестьян с «пашни» (их стали забирать в армию с 1705 г..) К городским воротам прибивали «призывные листы», по торжкам и перекресткам бирючи зазывали охочих людей в рекруты.

3 (14) июля в Стамбуле было подписано 30-летнее перемирие с османами, весть о котором в Москве получили 8 августа 1700 г. и 9 (20) августа царь получил возможность объявить польскому королю о начале войны со Швецией[6]. Тогда не знали, что шведский десант под Копенгагеном заставил Данию заключить 8 августа в замке Травенталь близ Любека мирный договор, который на 10 лет выбил ее из Северного союза[7].

Первый «ругодивский поход» начался 22 августа 1700 г., когда царь вместе с двумя «сберегательными» (лейб-гвардейскими) полками выехал

из Москвы. «Прорубая окно в Европу» через Ругодив-Нарву, Петр не составил ни общего плана нападения с союзниками, ни морского плана. Россия не имела ни регулярной армии, ни грамотного офицерского корпуса, ни полноценных военных уставов, ни современной стратегии и тактики, ни генерального штаба, ни опыта боев против передовой кадровой армии Европы. В отличие от осад приморских крепостей Азова в 1696, Нарвы в 1704, Риги в 1710 гг., не построили судна, чтобы блокировать в 1700 г. Нарву с моря.

Почему сразу после 3 августа 1698 г. не застучали топоры на Волхове, Сяси, Луге, Свири? Почему предварительно не был создан флот, подобный Азовскому? Можно предположить, что возобладала старая концепция «завоевать берег, потом море», возможно, после победы 1696 г. «море казалось по колено». Возможно, вперед гнал азарт и надежда на молниеносность войны. Начиная ради саксонского союзника осенний поход, может быть, надеялись, что шведы откажутся от зимней кампании либо навалятся на саксонцев для освобождения Риги[8]. Познакомиться со шведским военным потенциалом и театром военных действий (за исключением разведки инженера В.Д. Корчмина в Нарве) не удалось. И тем не менее 4 июня 1700 г. генерал-адмирал Ф.А. Головин убеждал датского посла П. Гейнса, что Россия достаточно сильна, чтобы одновременно напасть на Ругодив, Ниеншанц и Орешек[9]. Итак, в преддверии осени, отказавшись послать 30-тысячный корпус к Риге, под давлением саксонского союзника без отвлекающей демонстрации, взялись, как писал И.Г. Посошков, «за пень» (Нарву), а не за «ветви», (Нотебург или Ниеншанц), как предлагали саксонцы, которые боялись, что Нарва отойдет к владениям царя[10].

Рассекая нарвской осадой Эстляндию и Ингрию, рисковали получить удар с тыла от Ниеншанца или Нотебурга. Стычки с татарами и турками у Азова, опыт «потешных боев» на Семеновском поле» в 1690–1691 гг. и у Кожухова в 1694 г. с перекидыванием друг в друга «огненных горшков» не восполняли опыта войны со шведами, с которыми не было столкновений более 40 лет. Качество «неокуренных порохом» новобранцев и офицеров было «ниже вида».

В 1699–1700 гг. полки составлялись по уникальному принципу отдельно из помещиков, холопов, крестьян, даточных, дворянских недорослей. Лошади поместной конницы боялись выстрелов и грохота боя.

Московское правительство упустило из виду разницу в боевом духе русской и шведской военной силы. Многонациональное Шведское королевство было прочно сбито ортодоксальной лютеранской верой. Самодержавие Карла XII было таким же абсолютным, как и Петра I. Пропаганда широко эксплуатировала выдвинутую еще Ф.А. Парацельсом (1493–1541) национально-державную идею защиты европейского проте-

стантизма «северным львом»[11]. Каждый каролинец армии Карла XII считал себя державником. За плечами кадровой армии шведских королей было несколько десятков лет участия в европейских войнах.

Сокрушительная сила шведской мобильной армии в немалой мере держалась на протестантском вдохновении. С предельным ожесточением и с «неукротимой верой» в божественную поддержку, бились каролинцы «за правое дело» против агрессоров. Шведская пропаганда искусно раздула ненависть и презрение к саксонцам и русским, цветасто расписывая «московитов» как зайцев, бегающих «нагими и босыми» от шведов, но якобы «тирански» забивающих пленных шведов дубьем и кнутами и бросающих их тела собакам[12].

Стратегия Карла XII в определенной мере была не менее эффективной, чем тактика. Она метила в ядро державной силы (в столицу) противника. Казалось, скандинавский меч вершит судьбы народов и королевств. Десантом под Копенгаген в 1700 г. Карл XII выбил из войны Датско-Норвежское королевство. Захват Варшавы и Кракова в 1702 г. поставил на колени Польшу. Вторжение в центр Саксонии в 1706 г. вынудило польского короля Августа II отречься от короны и развалило польско-саксонскую унию. «Русский поход» в 1708–1709 гг. метил в сердце России Москву.

В России моральной подготовки к войне не было, общественное мнение (если о таковом можно говорить) не считало шведов врагами, в отличие от «басурман». Единичными были упоминания, что шведы — еретики-иконоборцы, отпавшие от истинной веры «греческого закона»[13]. Полноценное обоснование войны — публицистический трактат П.П. Шафирова «Рассуждение, какие законные причины Петр I, царь и повелитель Всероссийский, к начатию войны против Карла XII, короля шведского, в 1700 году имел» был написан с большим опозданием — в 1717 г.

В 1700 г. не было ни общенационального подъема, как например, в 1612 и 1812 гг., ни резкого религиозного противостояния шведам. В народе знали, что шведы сильнее, чем ляхи и крымцы и война с ними не была популярна, особенно при насильственном бритье бород и обряжании в немецкие кафтаны[14]. В распоряжении царя Петра было лишь «кондовое» поколение XVII в. с неустойчивым «державным сознанием». Даже среди высшего руководства не было единодушия. На совете, решавшем вопрос о войне со Швецией, собранном после депеши Е.И. Украинцева о мире с турками 22 июля 1700 г., чины старой ориентации и дядя Петра I Л.К. Нарышкин считали, что поводов нарушать торжественно подтвержденный мирный договор со шведами нет: войско из набранных иностранцев окажется несостоятельным против «воинственной нации», не хватает вооружения и опытного командного состава, казна почти все истратила на Азовские походы, Дания и Саксония союзники ненадежные, новые налоги могут вызвать мятежи. Для начала предлагалось послать несколько полков для

выучки на службу в страны Европы[15]. В 1699–1700 гг. Россия потеряла трех опытных командующих — генерала и контр-адмирала П.И. Гордона (1635–1699), генерала и адмирала Ф.Я. Лефорта (1665–1699) и «генералиссимуса» А.С. Шеина (1662–1700.) Наверх пришлось поднимать новых военачальников. В две московские дивизии генерала (с 1699) А.М. Головина и генерал-майора, автора составленного в 1699 г. «Воинского устава» А.А. Вейде (1667–1720) набрали до 32 тыс. чел[16]. А.М. Головин (1667–1720), был деятельным и знавшим «солдатскую экзерцицию» генералом и никак не «гораздо глупым», как ядовито отзывался о нем Б.И. Куракин.

Набор в новую армию не был отлажен. К 1699/1700 гг. планировалось мобилизовать 8 дивизий — две московских, одну поволжскую, а также новгородскую, псковскую, смоленскую, севскую и белгородскую. Поволжская дивизия генерала князя А.И. Репнина (1668–1726) не успела прибыть к Нарве. Из даточных крестьян, охочих и праздных людей собрали 27 пехотных и два драгунских полка, распределив их по трем дивизиям. Начиная «ругодивскую кампанию», надеялись на неожиданность и многочисленность войска, которому в августе 1700 г. было приказано двигаться к Нарве. От Москвы до Новгорода под снаряды, ядра, пушки и солдат приказали собрать до ста тысяч телег с сопровождающими и спешно гнать к Балтике. Продовольствие поступало из рук вон плохо, голодные новобранцы грабили своих крестьян и тайком сбывали ружья, лошадей и мундиры.

Видимо, уже на марше по раскисшим дорогам в «новоприборных» полках накипала злоба к иноземным педантам, которыми Петр перенасытил офицерский корпус. Если в 1681–1682 гг. иноземцы-командиры составляли только 10–15%[17], то сейчас все старшие офицеры были исключительно иностранцы. В 1701–1702 гг. в 27 солдатских полках было 869 иностранных офицеров, «иные из которых и за мушкет не умели приняться»[18]. Лишь с 1711 г., после поражения в Прутском походе, правительство ограничило число иностранцев в русской армии до 1/3. Иноземное начальство било тростью в строю младших по чину русских офицеров, уличенных в разгуле. В целом же войско только на 29% было укомплектовано командным составом[19].

Сентябрьские гамбургские, митавские и нарвские газеты (по сообщениям корреспондентов из Москвы) численность отправленных войск оценили почти правильно — 20–30 тыс. чел. Но в октябре-ноябре 1700 г. (еще до Нарвской битвы) куранты в Стокгольме, Ревеле, Митаве и Данциге вдвое-втрое преувеличивали силу русской армии до 70, 80 и даже 100 тыс. чел. 28 октября в Митаве и 9 ноября 1700 г. в Альтоне газеты сообщили, что на весну 1701 г. царь собрался призвать 300–400 тыс. чел.[20]

Помещики сбывали в армию самых «худых», не обеспечив их в должной мере одеждой и обувью. Практически это был сырой материал, смотревший на войну как на «отчаянное зло».

Лихорадочная строевая, огневая и боевая подготовка весной-летом 1700 г. оказалась явно недостаточной. (В Швеции, Пруссии, Дании и Саксонии помимо одиночного обучения проводились маневры ротами, эскадронами и полками.) Из войск изъяли привычные для стрельцов бердыши и копья, вооружив шпагами и мушкетами с багинетами («обоюдниками») из мягкого железа. Стволы разнокалиберных фузей, бывало, разрывались и раздувались. Солдатам на марше выдавали бумагу, нитки, свинец и они сами переделывали пули и бумажные картузы под калибр своих ружей. Командный состав из иноземцев нередко уклонялся от военных учений, не страшась шпицрутенов и «шельмования»[21]. Дворянство полагало вернуться домой через несколько месяцев.

Артиллерия, частично снятая со стен Пскова и Новгорода, не была устроена. Пушки были «нутром не прямы», «ядрами не гладки».

Пушкари почти без обучения не попадали в «аршинные цели»[22]. Мортиры палили не ядрами, а камнями, отсыревший порох часто превращался в «гущу».

За исключением Преображенского, Семеновского и Лефортовского полков в новонабранных полках еще не сложилась корпоративная спайка и прилежание к военному делу. Смысл «прорубания окна в Европу» солдаты вряд ли осознали. Уклонение от службы было всеобщим. Некоторые солдаты желали скорее смерти, чем службы впроголодь[23]. Бегство с поля боя не считалось позором. «Бежок не честен, да здоров» — была такая поговорка.

Пехоты и пушек для прикрытия опасного западного направления не выделили. (Через 9 лет на дальних подступах к северу от осажденной Риги стояли дивизии Репнина и Алларта, а русский наплавной мост перекрыл судоходство вверх и вниз по Двине. Тогда же к югу от Риги было отсыпано несколько редутов.)

Петр позже правильно обобщил тогдашнее «неискусство во всех делах, а наипаче в начатии войны, которую, не ведая противных силы и своего состояния, начали, как слепые».

Генерал-фельдмаршалом был назначен опытный дипломат и хороший организатор, но не имевший военного опыта 49-летний Ф.А. Головин. В то время как высшее начальство пировало на серебре и пило заморские вина, «беспалаточные» солдаты кормились пареной рожью и чахли от дождей, мокроты и холодов. Под Ругодивом холопы и даточные, одетые вместо тулупов и малахаев в непривычные короткие мундиры и плоские, не прикрывавшие уши треуголки, претерпевали психологический слом. Глинистое месиво по колено и даже под брюхо лошадям, перетаскивание на руках многотонных орудий, рытье траншей и рвов в слякоть, снег и стужу, засыпка плетневых «городков» семиверстного вала руками, а не лопатами, которых не хватало, изнурило людей. Около 10 тыс. телег с провиантом

и боеприпасами застряло в грязи по пути к Нарве, от голода передохли почти все крестьянские лошади (из 30 оставалась едва одна кляча)[24]. К моменту сражения в лагере лежало около 2 тыс. больных. Холодные из-за нехватки дров землянки, ночные тревожные караулы под дождем без епанчей и накидок, питание впроголодь сухарями — резко контрастировало с поведением знати, пировавшей с винами, медом и мясом на серебре и спавшей в избах под роскошными одеялами, подбитыми куницами и соболями[25].

Вместе с тем положение не было провальным. Была надежда, что шведы не поспешат поздней осенью на выручку Нарвы, а саксонцы оттянут на себя часть сил противника[26]. Ободряла близость тыловых баз в Новгороде и Пскове, выучка и многолетний опыт гвардии, ружья и штыки которой были длиннее саксонских. Гвардейцы не страдали от холодов — их зеленые кафтаны были подбиты мехом, а красные, похожие на татарские шапки опушены соболями. Поражала выносливость русских людей, быстро выполнивших немыслимо огромный объем земляных работ. Как и под Азовом, армия прикрыла себя двумя линиями валов и рвов — со стороны Нарвы и со стороны «поля». Линии упирались флангами в р. Нарову. Этот земляной заслон был даже более солидным, чем тот, которым петровская армия окружила себя под Полтавой. Внешняя («циркумвалационная») линия растянулась на семь верст. Там, где располагалось два гвардейских и семь пехотных полков дивизии А.М. Головина и 25 пушек, профиль линии, воздвигнутой под руководством генерал-лейтенанта и генерал-инженера фортификации Л.Н. Алларта и саксонских инженеров, был внушительным — за рвом глубиной в 6 футов из бруствера («загрудного боя») торчали вбитые острием вперед колы. Наверху вала высотой в 9 футов стояли деревянные «ежи» («испанские рогатки».) За ними на бермах бастионов — пушки. Валы, хотя и лишали свободы маневра, выглядели как солидная земляная крепость, за которой можно отсидеться. Ивангород тоже был окружен контрвалационной линией, обстреливался с 4 батарей, поодаль за которыми, как указывал Л.Н. Алларт, стояла новгородская конница.

Предложенные ради непрерывности стрельбы «огнестрельные рогатки на колесах» (вращающиеся во все стороны затинные пищали в три яруса) остались только в виде опытного образца[27].

К 14 октября под Нарвой было сосредоточено 33 384 чел., из них 27 тыс. солдат и стрельцов, полторы тысячи драгун и около 6600 чел. поместной конницы. «Пушечный наряд» — артиллерия состояла из 145 пушек разного калибра, 28 мортир и 4 гаубиц[28].

В центре, на возвышенной позиции (на обратном склоне высоты Херманнсберг) рядом со ставкой мнительного и страдавшего заиканием, генерал-майора и новгородского воеводы И.Ю. Трубецкого стояли стрель-

цы полковников М.Ф. Сухарева и С.М. Стрекалова. Слева от него находилась дивизия А.А. Вейде (14 полков, 28 пушек, всего 11 383 чел..) Еще левее, примыкая флангом к р. Нарове, — дворянская конница Б.П. Шереметева. Большая площадь лагеря огораживалась в расчете на размещение идущей к Нарве дивизии А.И. Репнина (12 тыс. пехоты и 16 тыс. кавалерии)[29]. Нарва была современной, хорошо укрепленной крепостью, расположенной (вместе с Ивангородом) по обоим берегам р. Наровы. Ее бастионы обновлялись с 1682 г. и незадолго до осады были закончены. Гарнизон (900 пехотинцев, 150 кавалеристов и 400 пеших ополченцев) был в достатке обеспечен амуницией, порохом и провиантом[30]. Комендантом с 1695 г. был померанец, опытный служака, начавший военную карьеру с 1664 г. волонтером в артиллерии, пехотный генерал-майор и с 1700 г. командующий всеми крепостями Ингрии и Карелии Хеннинг Рудольф Хорн (1651–1730.)

На предложение И.Ю. Трубецкого о сдаче он высокомерно передал, что ответ русские получат из «большой чернильницы», после чего громыхнул 30-фунтовой бомбой с бастиона «Глория»[31].

Обстрел крепости, начавшийся 20 октября разом с нескольких батарей, был неудачен. Под орудиями большого калибра сосновые лафеты ломались, когда их затягивали на руках на батареи, а после 3–4 выстрелов лопались колеса и оси. Подмоченный порох приходилось забивать по полуторной норме и несколько пушек разорвало — «заряды не разродились». 7 ноября 1700 г. генерал-фельдцейхмейстер артиллерии, юный грузинский царевич Александр Арчилович Багратиони, получивший свой высокий пост за знатность, доложил, что боеприпасов осталось всего на 24 часа пальбы, от которого, впрочем, будет больше «позора, чем пользы».

19 ноября Россия потерпела военную катастрофу — потеряла только что собранную армию вместе с генералами, артиллерией и знаменами. И, тем не менее, первый шведский урок Петр I назвал «великим счастьем», которое отогнало «заржавелую леность». *«Все то дело яко младенческое играные было, а искуства виду. То какое удивление такому старому, обученному и практикованному войску над такими неискусными сыскать викторию… сие нещастие (или лучше сказать, великое счастие) получили, тогда неволя леность отогнала и к трудолюбию и искуству день и ночь принудило»*[32].

Над эстляндским побережьем осенью 1700 г. прошли проливные дожди, а с середины октября начинал выпадать снег и промерзать почва. 5 октября 1700 г. 18-летний Карл XII высадился в Пернове и, предвосхищая Наполеона, взял за правило «маршировать по несколько десятков верст в день, настичь врага и тут же ввязаться в сражение». Русских он ошеломил так же, как датчан, застигнутых врасплох шведским 10-тысячным десантом в Зеландии.

Поначалу шведы полагали, что к русским пойдут саксонцы от Риги, однако узнав, что те ушли обратно за Двину, повернули к Ревелю, где к ним присоединился отряд в 4 350 чел. из Гельсингфорса.

5 ноября по непролазному бездорожью шведы вышли из Ревеля к Везенбергу (Раковору.) «Бить мужиков!» — с таким настроем спешили на восток каролинцы. Походная колонна растянулась — отставших не ждали. Ради скорости бросили багаж и тяжелые полевые орудия. В русском лагере уже тогда возникла тревога: 7 ноября Петр I послал королю Августу II депешу о срочной помощи. Шведы парализовали волю противника на расстоянии и побежденные были разбиты еще до сражения. 11 ноября вся армия готовилась отражать сильную вылазку из Нарвы; 10 ноября туда сбежал капитан элитной бомбардирской роты Преображенского полка, товарищ царя, балтийский немец Иоганн Гуммерт, который выдал Хорну состояние русской армии. Предательство Гуммерта стало позже для командования одним из оправданий Нарвского поражения[33].

Надвигавшуюся беду почувствовал и Б.П. Шереметев, который 25 октября 1700 г. был послан с 5-тысячной конницей в дальний поиск к Везенбергу, чтобы оттуда держать под наблюдением пути от Пернова и Колывани (Ревеля) к Ругодиву (Нарве.) На растянутую колонну Шереметев не напал и не вступил в арьергардные бои. Языки, захваченные вдали от десанта, раздули силу короля до 24–40 тыс. чел. при 32 орудиях[34]. В лагере вспыхнуло «великое смятение».

У д. Пихайогги эстонский крестьянин провел шведов через болото в тыл коннице Шереметева, и та покинула удобную позицию, даже не разрушив мост у реки. («Дикий крик», как вспоминали шведы, не остановил их.) Ушел Шереметев и с «паса» у Силламягги[35]. Легкость, с которой удалось выдавить русских, подняла дух уставших наступающих солдат. Шереметев прибыл в лагерь, над которым уже витало поражение.

Тревога взвинтилась еще сильнее, когда за 11 часов до появления врага, в ночь на 18 ноября Петр I принял наихудшее из возможных решений — уйти в Новгород вместе с генерал-фельдмаршалом и первым министром Ф.А. Головиным.

В 1722 г. А.И. Макаров, редактируя «Гисторию Свейской войны», спрашивал царя, «когда от Нарвы государь пошел в Новгород, в том месте каким бы образом лутче написать причину?» Подыскать более подходящее объяснение, чем свидание с польским королем «по отступлении его от Риги ради совету о общих намерениях», не удалось[36].

Немецкий историк Р. Виттрам оправдывал царя тем, что, трезво оценивая свои возможности и военные знания, тот заранее решил не брать на себя командование осадной армией. У него якобы оставалось два пути: либо разделить судьбу войска и быть разбитым или плененным, либо бросить ее, чтобы организовать войну иным способом[37].

Однако можно указать и на другие возможности: напасть на растянутую колонну шведов, заблокировать подходы к Нарве, снять осаду, бросив тяжелые орудия и обоз, и начать «малую войну» при отступлении (как в 1708 г.), уйти вместе с армией в крепости Псков и Новгород. Петру было известно, как поступил саксонский союзник, получив известие о высадке Карла XII, — тот быстро свернул 25 сентября свой лагерь под Ригой, 26–27 сентября под Юнгферхофом и отступил за Двину в Курляндию и Литву[38]. Бегство главы государства деморализовало войско. Властитель царства был духовной опорой, и его престиж был несравненно выше авторитета, никому не известного главнокомандующего князя Священной Римской империи, бельгийского герцога-гугенота маркграфа Карла Евгения Круи (1651–1702), прибывшего от императора Леопольда I вместе с 85 немецкими офицерами незадолго до сражения[39].

Нового генерал-фельдмаршала Петр I назначил вслепую. Без знания языка и психологии русских «арцух фон Крой» не мог воодушевить войско. Опытный генерал-комиссар Приказа военных дел Я.Ф. Долгорукий (1659–1720), назначенный ему в помощь, тоже не мог спасти положение. Приходится гадать, по каким причинам царь остановил выбор на Круи — скорее всего, и по блестящей рекомендации Леопольда I, и по опыту Круи в войне со шведами в «Шонской войне» (1675–1679) и с турками в 1683–1693 гг., и по симпатиям к гугенотам[40], и по надежде в «чудодейственность» иноземцев.

Лучше Круи показали бы себя военачальники, знавшие русского солдата и ушедшие из жизни как раз накануне Нарвского похода — Гордон, Лефорт, Шеин, которым Петр I собирался заказать памятники в Италии и, перезахоронив в Александро-Невском монастыре, заложить Пантеон русских героев[41]. Возможно, лучше проявили бы себя и Ф.А. Головин, или Я.Ф. Долгорукий, или А.А. Вейде.

Когда конница Шереметева вернулась в лагерь, шведы были на подходе. Всех по тревоге подняли. Вечером Круи осмотрел лагерь и вместо того, чтобы выставить конные пикеты подальше в поле за вал, приказал ездить сотне конного дозора только вдоль вала. Пользуясь этим, король и генерал-майор Юхан Риббинг беспрепятственно осмотрели ретраншемент и промерили ров.

Свой первый и последний приказ по армии Круи составил 18 ноября: ждать атаки противника, отстрелять из мушкетов старые заряды, приставить ко всем пушкам по офицеру, наутро раздать по 24 патрона солдатам и до восхода солнца выстроить всех для смотра. После сигнала из трех пушек — греметь военной музыке, бить в барабаны и распустить на брустверах и бастионах все знамена. Огонь открывать только с дистанции 20–30 шагов. Половину армии герцог на всю ночь поставил под ружье.

Ничего не было сказано о выделении резерва, о вариантах боя при штурме противника. Возможность прорыва укреплений исключалась.

* * *

Как высокопарно писали некоторые шведские историки, разразившееся «в варварской, полувосточной тьме» глухого угла Европы Нарвское сражение «с его великой славой» навечно останется среди таких ярчайших битв, как Марафонская или Азенкурская. 18-летний король-полководец победил в таких же сложных условиях, какие были у Александра Македонского, Яна Жижки, Жанны д'Арк, 19-летнего английского короля Эдуарда IV (1442–1483) при Мортимер-Кроссе и Тоутоне (1461), или у принца Луи Конде (1621–1648) в Тридцатилетней войне[42]. Действительно, тот высокий боевой дух, который показали каролинцы, не часто встречался в военной истории. Вопреки правилам военного искусства, предписывавшим иметь хотя бы полуторное численное превосходство для нападающего, каролинцы сходу пошли на приступ сильных укреплений, за которыми, как они полагали, готовился защищаться восьмикратно сильнейший враг.

Шведский авангард появился утром 19 ноября в двух верстах от рвов — 21 батальон (5 886 чел.), 47–48 эскадронов (4 314 чел.) и 37 полковых пушек (334 чел.) — всего 10 531 чел.[43]

Промокшие, измотанные двухнедельным маршем и голодом (лошадям скармливали кору с деревьев), солдаты не верили, что им прикажут идти сразу на штурм огромного и хорошо укрепленного лагеря. Также полагали и в русской армии. Все, вплоть до последнего стрельца, надеялись на подход дивизии А.И. Репнина и на то, что шведы промедлят еще некоторое время, а возможно, и отложат деблокаду Нарвы из-за наступающей зимы.

Однако король принял совет своего «Пармениона» Реншельда — не дать опомниться врагу и напасть с ходу. Позже шведская пропаганда начало Нарвской битвы расписывала как в рыцарском Средневековье — между 9 и 10 часами утра сквозь туман прогремели литавры, трубы и четыре пушечных залпа — это король вызывал противника помериться силами в открытом поле[44].

Вряд ли так было на самом деле — в интересах шведов была неожиданность нападения. Общий замысел Карла XII и Реншельда состоял в том, чтобы собрать на узком участке превосходящие силы, расклинить центр противника и разбить его по частям. Место прорыва указал сам король. На случай захода в тыл русской конницы часть шведских драгун осталась в поле. Пехота была собрана не в линию, а в три «кулака-колонны» по 3, 8, и 11 батальонов.

План Круи был сугубо оборонительным — этот военачальник, несомненно, знал случаи успешного отпора деблокирующим армиям. Около

4 тысяч солдат сидели в апрошах против нарвской крепости, все остальные были вытянуты сплошной цепью фронтом в поле, где в шесть, где в три, где в одну шеренгу, с разрывами между ротами от нескольких шагов до нескольких саженей — в среднем по четыре человека на погонный метр вала[45]. При этом лучшие и опытные солдаты ставились без разбору вперемешку с новобранцами[46].

Судя по записям Алларта, Круи смотрел на предстоящую битву как на безнадежное дело. Объехав линию, он бросил замечание, что для ее защиты нужна 60–70-тысячная армия[47]. (В таком случае на каждый погонный метр пришлось бы ставить по 10 чел. в затылок друг другу.) Взять атакующих в клещи фланговыми ударами, как предусматривал «оборонительный план» Петра I под Полтавой, или послать конницу в тыл противнику никто не думал. По традиции XVII в. на край левого фланга, за вал упрятали всю поместную конницу. Полков для переброски на угрожаемый участок не выделили. Предостережение Б.П. Шереметева об опасности боя в тесноте между двумя оборонительными валами учли, но выводить против шведов войска в чистое поле военный совет, слава Богу, отклонил.

По приказу герцога на брустверах выставили большие, хлопающие на ветру боевые хоругви, и ухнули три крупных орудия. Закрутила метель, поэтому шведский обстрел «большого раската» (больверка) И.Ю. Трубецкого в течение часа с дистанции 1200–1500 шагов не причинил большого вреда. Видимо, такими же бесполезными были выстрелы русских пушек, но в лагере «уже так мыслили, якобы неприятель уже баталию получил» (Л.Н. Алларт.)

Герцог собрался взглянуть на атакующих, но ничего разобрать не смог. Натянув в нервной спешке разные сапоги, он выехал за линию укреплений, но быстро вернулся обратно, как только шведское ядро сорвало с него красный плащ[48].

Около 14 часов к низко нависшим снеговым тучам взвились две ракеты. Сняв ранцы и плащи, шведы быстро пошли на прорыв под прикрытием кавалерии на флангах и огня с двух батарей (пушки были установлены на высоте Херманнсберг против русского центра.)

Правую колонну вел граф генерал О. Веллинг, генерал-лейтенант Б. Вахтмайстер и генерал-майор К.М. Поссе. Левую — генерал-лейтенант К.Г. Реншельд, генерал-майор Г.Ю. Майдель и генерал-майор Хорн. Карл XII двигался с левым крылом. (Согласно шведской легенде, король якобы хотел лично сразиться с Петром — на самом деле он до сражения уже узнал об отъезде царя.) Колонны возглавляли гренадеры и гвардейцы. Атакующий клич был традиционным: «Med Gods hjälp!» («С Божьей помощью!».) Косая вьюга била в лицо русским и скрыла наступающих. Вглядываясь в белую муть, цепь защитников нервничала, — все были

уверены, что наступает 32-тысячная армия. Каждому казалось, что он один — за снежной завесой не видно ни соседей, ни ликов святых на знаменах. Усталость тех, кто простоял всю ночь под ружьем, усиливала тревогу. Никто не знал, куда будет нанесен удар — не было ни казачьей разведки, ни драгунских пикетов, которые могли бы оповестить о месте прорыва.

Надежда не допустить врага до рукопашной и отбросить его артиллерийским огнем из нескольких десятков орудий испарялась. Паралич воли охватил, видимо, и царевича Александра Арчиловича. Хотя он и обучался в Гааге в 1697 г. бомбометанию, но стянуть артиллерию к месту прорыва не имел времени. Гордость русского военного литья — «ломовые» (стенобитные) пищали-гиганты «Лев» весом 5,5 т, отлитая в 1590 г. Андреем Чоховым, «Медведь», «Барс», «Соловей» после битвы уплыли бесславными трофеями в Швецию[49].

О приказе герцога не стрелять до подхода врага на близкую дистанцию никто не помнил. «Вначале они стреляли, как черти» — так запомнилось каролинцам. Пушки бесполезно садили ядра в снежную пелену, фузеи вразброд хлопали мимо, влажные хлопья сметали с полок запальный порох. Не понимая ни немецких команд, ни жестов, кто лихорадочно перезаряжал (на перезарядку шло до 4 минут), кто ругался и спускал курки не целясь, кто недвижно стоял, некоторые побежали. Привычных для русской руки бердышей не было, багинетами сражаться еще не умели.

Когда таранные колонны атакующих, построенные в небольшие батальоны по 250–300 чел., появились у рва, метель стихла. Прорыв в «мнимую твердыню» прошел за четверть часа. Шведы, не обращая внимания на выстрелы и ледяную, по пояс воду, заметали ров фашинами и срывали рогатки, расширяя проходы для кавалерии. Накат правой самой сильной колонны из 11 батальонов О. Веллингка, во главе которых шли 50 гренадеров гвардии, пришелся по стрельцам И.Ю. Трубецкого, возможно, еще не забывших кровавых расправ над их собратьями после восстания 1698 г.[50]

Вид неистово атакующих шведов и финнов погнал русских вдоль вала и за вал. Случилось самое страшное: паника пронеслась над солдатами и стрельцами, хлынувшими в разные стороны и сминавшими соседей. В то время как любой народ на подъеме державной идеи (арабы в VII–VIII, монголы в XIII, османы в XIV–XVI вв., русские и французы в конце XVIII — начале XIX вв.), шведы могли гнать перед собой волну жуткого ужаса смерти[51]. Каролинцы, не имея сил для преследования по всем направлениям, решили блокировать левый фланг А.А. Вейде и добить правое крыло. Полки Фливерка, Иваницкого, Мевса, Белица Больмана, Трейдена вместе с повозками стали откатываться к наплавному мосту к острову Камперхольм, который быстро разорвался. Путь отступления отсечен, потерявшие строй шведы беспорядочно пиками и шпагами гнали толпы

с бастиона на бастион, рубя и ругая немецких офицеров «сволочью и саксонскими собаками».

«Рассвирипев удачей», каролинцы удвоили «натужный напуск» и чуть не «растоптали» дивизию Вейде — такими красками живописал позже секретарь царя Петра А.В. Макаров тот момент в «Гистории Свейской войны». Метавшиеся люди кидались за валы, на заснеженное поле, где попадали под клинки шведских драгун.

Неудержимый страх охватил и командный состав — *«ни единого офицера не было, которой бы командовал и кто б их слушался»*, — вспоминал Алларт. Самые боеспособные Преображенский и Семеновский полки недвижимо стояли там, где никто на них не нападал.

Раненые русские офицеры не могли рассчитывать на пощаду: их, *«хотя шведы умерщвлять и не желали, но финны их везде стреляли и кололи. И то они чинили по прежним обычаям, что ни в полон не отдаваться, ни в полон не брать»*[52].

* * *

Тем не менее Карл XII не смог победно завершить наступление, ликвидировать Русскую армию ему было не под силу. К вечеру силы каролинцев, державшихся без пищи более суток, иссякли. Дивизия Вейде перестроилась и выставила линию перед каменоломней. Сопротивление на бастионах было. Из 10 537 каролинцев русские перебили 646 чел. и 1 265 ранили[53], т. е. почти каждый пятый выбыл из строя. (После форсированного марша и боя 1 023 каролинца заболели[54].) Еще до окончания боя среди победителей началось повальное мародерство на русских складах и пьянство, в котором, как писал Л.Н. Алларт, особенно отличались финские рекруты.

Почти все боеприпасы были израсходованы. Было потеряно не только оружие, но и управление полками. Погиб замерявший утром ров генерал-майор Риббинг, полковник Карельского полка Ганс Генрик Ребиндер, капитаны Патрик Сасс, Карл Дюбен и др. Получили ранения многие высшие офицеры, в том числе Реншельд. Половина Нерке-Вермландского полка была ранена или перебита, когда зачищали бастионы. Подполковник Карл Густав Роос получил рану в руку. Полковник Дальского полка Магнус Стенбок, после битвы получивший чин генерал-майора, рассказывал, что до половины его полка была переранена, а его кафтан был пробит пулями.

На «большом раскате» Трубецкого в руках Стенбока и Майделя оказалась самая большая батарея, склад ядер и пороха. Шведы бросились рубить, драть и грабить государев шатер с казной, осквернять походную церковь, оплевывая и разбрасывая в грязь иконы. Беспорядок среди победителей дошел до апогея. Противники перемешались. Алларт видел,

как при шведских батальонных знаменах оставалось всего по 20–30 пикинеров и по 40–50 мушкетеров. Офицеры не знали, куда делись их полки. В сумерках несорванные русские знамена еще хлопали на валах и спровоцировали обстрел шведами друг друга[55].

Беспокоило отсутствие короля — помчавшись на залпы русских гвардейцев, он угодил вместе с конем в яму с грязью и талым снегом и надолго пропал, покуда его без шпаги и сапога не извлекли два финских солдата. (После битвы Карл XII обнаружил в галстуке пулю — первую из пяти, попавшую на излете в него.)

Когда у шведов начался беспорядок, Круи решил сдаться вместе с частью немецких высших офицеров. Растерянные иностранцы бросали своих подчиненных. Впавшие в ярость толпы стали кричать: «Немцы изменили!» и рубить чужеземцев. Не найдя барабанщика, который умел бы бить сигнал сдачи, Круи вместе с саксонским послом бароном И.Е. де Ланген, генерал-лейтенантом бароном Аллартом, полковником лейб-гвардии Преображенского полка И.Э. Блюмбергом и четырьмя другими полковниками, спасая свои жизни, пустили лошадей вскачь вдоль р. Наровы, чтобы объехать русский лагерь и сдаться шведским тылам[56].

Убитыми оказались 7 офицеров саксонской службы и челядь Круи (его секретарь, кухмистр, камердинер, лакей, два гайдука, два повара и повариха, а также две жены офицеров)[57]. Может быть, они погибли вскоре после бегства Круи от рук стрельцов, имевших ревнивую неприязнь к иноземцам и войскам «иноземного строя», да и вообще к солдатам Петра I[58].

Понять «бешенство» (так писал полковник Блюмберг) гибнущих можно. Иностранцы поплатились за промахи командования, повлекшие массовую гибель войска. «Как измену» рядовой состав мог расценивать бегство обоих генерал-фельдмаршалов (Головина и Круи), отказ от боя конницы Шереметева у Силламягги, где, по словам Алларта, 6 тысяч могли сдержать 30-тысячную армию, неумение организовать отпор и вообще малодушие высших офицеров, устрашившихся врага и не предусмотревших путей отступления. В русской историографии герцогу Круи выпала роль козла отпущения. Но царь не оценивал сдачу в плен иностранных офицеров как измену и в апреле 1702 г. объявил через манифесты в Европе новую массовую вербовку иноземцев (при желательном владении кандидатов одним из славянских языков, в особенности польским.)

Часть русских солдат собралась снова у центрального бастиона, где была возможность уцелеть, приди на помощь пассивно стоящая конница Шереметева или полки Бутурлина и Вейде. Как указывалось, часть отступавших, бросая оружие, покатилась к стоявшему на якорях и канатах мосту через Нарову. От напора он разорвался, люди посыпались в воду

и, как с удовольствием вспоминал король, шведы стреляли по головам тонущих, как по уткам.

Разрыв армии надвое фатально сказался на ее судьбе. Однако не все командование было парализовано, и тотальной гибели людей не случилось. Полковник А. Гордон в 1715 г. писал, что войска левого фланга, получив известие о разрыве моста, решили создать новую линию обороны и продолжать сражение[59].

Паника не захватила всех. Островок храбрости и мужества гвардейских полков предотвратил распространение безумного страха на все войско. Около 4 тыс. преображенцев и семеновцев среди вагенбурга, землянок и изб заняли круговую оборону и прикрылись баррикадами из повозок и рогаток между р. Наровой, внешними валами и болотом. С трех еще остававшихся в руках русских бастионов были стянуты 9 орудий и был организован «жестокий отпор» — так писали шведы[60]. К этому ядру присоединились и другие отступавшие из центра полки. Командование приняли на себя сержанты и нижние чины из обер-офицеров. Общее начальство, возможно, принял Я.Ф. Долгорукий.

Гвардейцы не потеряв хладнокровия, стреляли не вразнобой, а по команде. Они выпалили залпами по 20 зарядов и, хотя результативность из-за темноты видимо, была невелика[61], но дружность выстрелов остановила противника. Автор «Летописца» 1700 г. сожалел, что преображенцы не имели отмененных недавно бердышей и часть гвардейцев стреляла, а часть руками (!) отпихивала копья «латышей»[62]. Шведам самим неподалеку от вагенбурга пришлось организовать круговую оборону.

Отпор гвардии и других воинов среди окопов, ям и землянок продолжался до 3 часов ночи. Убитыми и ранеными Семеновский полк потерял 474 чел[63].

Дивизия Вейде, хотя и не двигалась с места, но держалась стойко, огородившись обозом и рогатками. Подбадривая себя по старой привычке «великим криком», солдаты обстреливали атакующих и схватывались с ними в разных местах. Наседавшего противника удалось оттеснить даже «за вал на ругодивскую сторону»[64].

Активность спала, когда Вейде был дважды ранен мушкетной пулей. Тем не менее даже с наступлением морозной ночи русские, как писал Алларт, из своих шалашей и землянок «жестоко стреляли». Риск ночевки между двумя крыльями еще не до конца разбитой армии учитывался противником. Лейтенант лейб-гвардии Л. Вреде писал: *«Мы были крайне утомлены, не имея ни пищи, ни покоя несколько дней; притом же наши солдаты так упились вином, которое нашли в Московском лагере, что невозможно было немногим оставшимся у нас офицерам привести их в порядок. И если бы генерал Вейде, имевший до 6 000 под ружьем, решился на нас ударить, мы были бы разбиты непременно»*[65].

Когда перестрелка стихла, Я.Ф. Долгорукий после ночного военного совета предложил перемирие и свободный отвод русских войск от города с оружием и знаменами (от русских вначале были посланы князь Козловский и майор Пиль, первый был убит в темноте, второй не нашел шведского короля) Карл XII согласился на эти условия, но не позволил лишь взять пушки, ссылаясь на то, что они уже захвачены шведами[66]. (Пушки в осадных траншеях против Нарвы и Ивангорода не были захвачены.)

Около 3 часов ночи сносные условия капитуляции (при задержании высших офицеров как заложников) король подкрепил рукопожатием. Шведское командование разрешило восстановить мост и посетить генерал-майору И.И. Бутурлину дивизию Вейде.

Около 4 часов утра гвардия с барабанным боем, с распущенными знаменами, заряженными ружьями и несколькими полковыми пушками уходила по восстановленному ею мосту за р. Нарову. Побеждена была армия, но не русская гвардия. За ее мужество Петр I ввел первый знак отличия для младших офицеров от нижнего прапорщика до капитана — нагрудный знак (ринграф) с надписью «1700 19 но[ября]. Этот знак наградного отличия существовал только в России, и преображенцы и семеновцы его надевали на парады вплоть до 1917 г.

Шведский клин, вбитый по центру армии, ухудшил ситуацию к утру 20 ноября. Перед зарей шведы ходили по лагерю и грабили все подряд. Утром Вейде послал парламентера к шведам с запиской: *«Ввиду того что мы отсечены от армии, хотим защищаться до последней капли крови, но если мы получим разумные для обеих сторон условия, то, если они окажутся великодушными, я готов их принять»*[67]. В восьмом часу утра, не видев в лицо врага, дворянская конница стала бросать палатки, рундуки, скарб, посуду и возы. Подоспевший адъютант Шереметева сказал, чтобы все уходили за р. Нарову, туда, где находится их начальник. Последняя страница истории поместной конницы была бесславной. Психическая энергия победителя действует на расстоянии сама по себе, и на переправе у Нейшлосса (Сыренска) без всякого повода всадников настиг страх. Около 6 600 царедворцев, москвичей, смоленской шляхты, не приняв ни одного выстрела противника, бросались на изнуренных конях в быструю порожистую реку в одежде и кольчугах, давили и топили себя в черной ледяной воде. Утонуло около тысячи человек. Вплоть до Гдова (почти 100 км) всадники бросали оружие и доспехи. Паническое бегство захватило даже крестьян встречавшихся на пути деревень. Уцелевшие почти все вернулись в Новгород пешими — их лошади «померли все з голоду»[68].

Когда ушли боеспособные части правого крыла, настал час позора для дивизии Вейде. Увидев утром всю сумятицу, шведское командование

сочло нецелесообразным упускать добычу и в нарушение договоренности применило древний германский прием — обезглавить войско противника.

79 высших офицеров и генералов были отделены вначале как заложники, а потом арестованы (Вейде «выпростался из плена» только в 1711 г..)

Через военачальников передали всем полкам, чтобы они, как пленные, сдали оружие и знамена перед тем, как вступят на наплавной мост. Как только солдаты оказались безоружными, они (как всегда это было и будет), подверглись унижению — с них сдирали кафтаны, вырывали кошельки у офицеров, ломали копья, ругали дворян, рвали нательные кресты, плевали на иконы. Для пущего позора их заставили уходить под дулами 3 тысяч вооруженных шведов без мундиров, в одних рубашках, с непокрытыми головами[69]. Так, 20 ноября 1700 г. окончилась двухмесячная, с 23 сентября, осада Нарвы. С 28 ноября по 5 декабря 1700 г. в лютую стужу в Новгород вернулось (потеряв по пути несколько сотен замерзшими) 22 967 чел[70]. До 20 декабря подошло еще несколько сотен. Из дивизии Трубецкого вернулось около 2 тыс. чел. — почти вчетверо меньше, чем из дивизий Головина и Вейде. Например, Матвеева полку Трейдена — 27 офицеров, 937 урядников и рядовых и 18 раненых прибыли всего с двумя алебардами, 31 фузеями, 45 багинетами. 25 офицеров, 755 унтер-офицеров и рядовых полка Карла Эваницкого принесли 208 фузей, 256 багинетов и 5 алебард; 15 офицеров и 619 стрелецкого полка Ильина доставили 2 знамени, 91 фузею, 124 багинета, 6 алебард.[71]

За все время Северной войны под Нарвой погибло больше всего людей — около 6 тыс. регулярных войск и поместной конницы. (Под Фраустадтом в 1706 г. — потеряли жизнь около 5 тысяч, под Полтавой — 1507, у Лесной — 1111 чел..) **Тем не менее, благодаря сопротивлению, битва закончилась перемирием и отходом двух третей русской армии к Новгороду.**

* * *

Если физически шведская армия не уничтожила врага, то с главным делом она прекрасно справилась. Четыре года после Нарвы русские «трепетали от шведов», — писал Петр 11 октября 1715 г. Шведское королевство стало восприниматься «гордым великаном Голиафом». В солдатской среде возникло суеверие, что шведы и финны — это чародеи, которых не берет ни штык, ни пуля[72]. Но нарвская катастрофа не сломила державника царя. Сражение Петр оценил как «младенческое играние». Оно было, по сути, битвой допетровской эпохи. На рядовых воинах не лежит вины; поражение произошло, главным образом от неграмотности командования и его неумения оценить обстановку. Военачальники не отработали план отражения противника. Войска растянули по всей оборонительной линии, не выделили резерва, который можно было бы перебросить на участок

прорыва. Поместную конницу не ввели в бой даже после того, как шведские войска пришли в расстройство. Нарва стала первым и тяжелым разгромом северных союзников. Позже датчане и саксонцы, несмотря на то, что имели хорошо обученные армии, испытывали такие же поражения[73].

Шведская пропаганда громко раструбила нарвскую победу, после которой взошла европейская слава Карла XII. На шведских медалях «шведский Геракл» раскалывал палицей головы трехголового Цербера — так изображалась борьба с датско-русско-саксонским Северным союзом. Победа праздновалась по всему королевству, кирхи и дома украшались и иллюминировались. Нарвский триумф необычайно поднял шведский боевой дух и задал тон первой половине Северной войны. В официальном сообщении канцелярии короля от 28 ноября 1700 г., переведенном на несколько языков, в том числе на эстонский, говорилось о разгроме 80-тысячной русской толпы восемью тысячами шведов (подобное повторялось историками вплоть до XX в..) В европейских газетах, писавших о героизме шведов, с восторгом и злорадством говорили о русской рати, как об «огромном диком животном» числом в 60–180 тыс. чел., о «безмерной добыче», о захвате 7 бочек золота, фельдмаршала и всех высших офицеров[74]. Писали также, что торжество шведов важнее для христиан, чем победа над турками под Веной в 1683 г. В шведских панегириках и победных песнях Карла сравнивали с юношей Давидом, победившим великана Голиафа. Был раздут тезис о «клятвопреступлении и вероломстве» царя и русских, которые должны быть беспощадно наказаны. Национальный характер русских представляли исключительно черным — «русские — жестокий, суровый, фальшивый и хитрый народ, с ним невозможно договариваться учтиво и мягко, напротив, если надо добиться от них чего-либо, нужно удвоить жесткость обращения и уменьшить деликатность, ибо это грубая и бессовестная нация»[75].

Составили и памфлет на царя, который де одел хламиду, лапти и, заливаясь слезами, вел себя так безобразно, что никто не смел подступиться к нему с военными делами. Г.В. Лейбниц стал пророчить завоевание России вплоть до Амура[76].

После победы под Нарвой шведский генерал-майор Карл Магнус Стюарт предложил план зимнего похода на Москву. 3 декабря 1700 г. король отпечатал в Нарве и подписал вместе с первым министром К. Пипером листовки («подзывные листы») к русскому населению о вторжении на русские земли и походе к Пскову, «как лед на реке станет». Листовки обещали сохранить православие и «не брать даже куренка» у тех, кто его имеет[77]. На 10 верст шведы вторглись по направлению к Пскову и захватили на Чудском озере 120 судов с порохом, свинцом и провиантом[78].

Полковник Лифляндского драгунского полка В.А. Шлиппенбах, взятый в плен в чине генерал-майора в 1709 г., говорил, что король *«...взял*

меня в спальню, где большой ланскафт на стене был прибит, в котором он мне марш в Москву показывал, которой бы конечно учинился, ежели бы генералитет надежды не имели тако, что с Польши большие взятьки взять, ежели с России. И того ради генералитет беспрестанно королю говорили, чтоб первее идти в Польшу, а потом в Россию, и затем назначенный марш прямо в Москву отменился». Продолжать зимнюю «скифскую войну» в России шведам было невозможно — не было ни провианта, ни снаряжения, ни рекрутского пополнения, которое не могло прибыть через Финский залив раньше весны 1701 г. У многих солдат не прекращался кровавый понос. Реншельд уговорил Карла стать на зимние квартиры, где тот и оставался до 17 июня 1701 г.

Шведские попытки использовать «нарвский шок» и захватить Олонец, Ладогу, Гдов и Печеру в начале 1701 г. не удались — уже в декабре 1700 г. на русском пограничье собралось до 45 тыс. русских войск[79]. Русская контрпропаганда в Европе почти не велась и военный и международный престиж России обвалился. О триумфе под Азовом было забыто. Наследственный противник Швеции — Дания отказалась передать в наем на русскую службу 3 пехотных и 3 кавалерийских полка и отдала их в службу Великому союзу.

Ради удержания в войне саксонцев, пришлось обещать им большие субсидии, порох, 15–20-тысячный вспомогательный корпус на русском содержании и отказаться от претензий на Лифляндию и Эстляндию[80]. Речь Посполитая не только отказалась вступить в Северную войну, но стала требовать возврата Киевщины и Смоленщины. Полякам пришлось посулить от лица России не мириться со шведами до тех пор, пока Эстляндия и Лифляндия не перейдут к Речи Посполитой, передать полосу земли вдоль правого берега Днепра, которая по Вечному миру 1686 г. должна была оставаться «впусте» и дать надежду на «исправление границ Великого княжества Литовского за счет русской государственной территории»[81].

Поражение отозвалось даже на Правобережной Украине, где до 1700 г. Россия тайно поддерживала повстанцев-палиевцев в борьбе со шляхтой, а после Нарвы, желая привлечь поляков на свою сторону, старалась держать нейтралитет в казацко-шляхетской борьбе[82].

Не столь тяжек был материальный урон (уже в 1701 г. Тула дала 300 пушек, Урал — 269, Москва в 1702 г. —130, Олонец –104), [83] сколько бедственной оказалась плита морального превосходства противника, подавившая всех северных союзников. Воспоминания о Нарвской катастрофе на 7 лет стали фактором, определяющим русские оперативные планы[84]. Несколько лет Петру пришлось поднимать боеспособность новой армии. Вопреки причитаниям, что не надо было поднимать меч на шведов, что все пропало и вся армия короля навалится на Россию, царь проявил уве-

ренность, что страна в силах отбить древний выход на Балтику. Для всех стало ясно, что борьба будет длительной и что сила шведов не в числе, а в качестве. Железная длань универсального гения Петра Великого, хотя он не имел образцового военного наследства, полученного, к примеру, Карлом XII от Густава II Адольфа (1594–1632) и своего отца Карла XI (1655–1697), или Фридрихом II Великим (1712–1786) от отца Фридриха-Вильгельма I (1688–1740) подняла русскую армию.

Главный урок, вынесенный из Нарвского поражения, состоял в том, что поднимать боеготовность поверженного войска пришлось «малой войной», частыми и мелкими стычками с небольшими шведскими подразделениями при своем численном превосходстве и опустошительными рейдами вглубь вражеской территории.

Чтобы уничтожить «шведобоязнь», Петр I принял за правило учиться военному ремеслу у «шведских учителей» и выбрал верную тактику «натаскивания» численно превосходящих новобранцев на ослабленные и утомленные части. На поле боя эскадроны строились неплотными шеренгами, чтобы при неудаче развернуть коня назад. Отсыпка легких земляных укреплений стала сильной стороной русского военного искусства на весь XVIII в. Свершилось чудо: благодаря нечеловеческой воле и энергии Петра Великого русские, в отличие от датчан, саксонцев и поляков, всего за 5 лет освободились от «шведобоязни» и шаг за шагом отвоевали Прибалтику.

Вплоть до 1709 г. старались придерживаться оборонительной тактики и обходиться без генеральных сражений: «Искание генерального бою зело суть опасно, ибо в один час может все дело опровергнуто быть»[85].

Царь поднял на дыбы всю страну, началась военная реформа, одной из частей которой стал процесс перехода к регулярной армии, завершившийся к 1705 г. Перетрясли штаты столичного двора, приказов и церковных организаций, составили списки монастырей и их доходов. Спешно укрепляли Новгород, Псков, Архангельск. Завоевывать Ижорскую землю теперь решили не с крупной крепости, а с небольшой — Орешка. Ресурсы страны были брошены на вооружение, наем новых иностранных офицеров, бомбардиров и инженеров, на пополнение армии, в которую забирали канцеляристов, боярскую челядь и церковных служителей. Опыт Нарвы заставил понять значение полевых и временных укреплений[86]. После нарвского урока был ликвидирован огромный армейский обоз, офицерских жен запретили брать в лагерь.

Депрессия оказалась кратковременной, и Россия не вышла, подобно Дании, из войны после первого поражения. Она оказалась той страной Северного альянса, которая нашла в себе силы побеждать. На языке XVIII в. это читалось таким образом: «русские, испытав острастку, стряхнули с себя замерзелую гнусность»[87].

Втянуть в войну против шведов Речь Посполитую на февральско-мартовских переговорах 1701 г. в г. Биржи (в 100 км к югу от Риги) не получилось, несмотря на обещания включить Лифляндию и Эстляндию в состав Польши и предоставление полякам «20 000 тыс. пехоты и 40 орудий с военными снарядами, аммунициею, и жалованием на все время, сколько эта война продолжится»[88].

После первой крупной полевой победы у Карла и части его генералитета сложилось стойкое презрение к противникам, их перестала интересовать численность врага, но лишь его местонахождение. Самым сильным (и пока неразгромленным) противником оставалась саксонская армия, которая могла угрожать владениям Швеции в Прибалтике и в Северной Германии. Вплоть до 1706–1707 гг. шведский король преследовал упорно одну стратегическую цель — выбить из войны Саксонию (и находившуюся с ней в личной унии Речь Посполитую.) Карл не сомневался, что войска в Эстляндии и Лифляндии успешно отобьются от русских своими силами.

Дождавшись к лету 1701 г. подкреплений из Швеции, 12-тысячная полевая армия короля выступила к Риге, оставив против 30-тысячной группировки Б.П. Шереметева и 10-тысячной войск Ф.М. Апраксина заслоны у Дерпта 3100 чел. под командованием полковника В.А. фон Шлиппенбаха и 6 тысяч генерал-майора Абрахама Крониорта в Ингрии. Всего в Ингрии, Эстляндии и Лифляндии было 18–19 тыс. войск[89].

Целью Карла XII было вторжение в Польшу и детронизация Августа Сильного. Саксонцев русское поражение под Нарвой не обескуражило, и еще в январе 1701 г. они готовились повторить атаку на Ригу[90]. Казалось бы, после Нарвы Петр I должен был все силы собрать в кулак, но в соответствии с русско-саксонским соглашением в Биржах он послал дивизию А.И. Репнина, не попавшую в молотилку под Нарвой, на помощь союзнику. 15 мая 1701 г. Репнин с 18 солдатскими полками и одним стрелецким полком Юрия Веста (всего 17 551 чел.) вышел из Пскова и 25 июня подошел к г. Кокнесе (Кокенгузену) и поступил под верховное командование саксонского фельдмаршала Адама Генриха фон Штейнау, части которого, укрываясь за цепью шанцев, перекрывали путь противнику на юг вдоль левого берега Западной Двины от Риги до Кокенгузена.

Дивизия Репнина по отзыву Штейнау, неплохо выглядела, вооружена голландскими (маастрихтскими и лютихскими) ружьями, багинетами и шпагами, но имела значение скорее моральной поддержки — новобранцы не были окурены порохом. Немецких полковников Репнина Штейнау охарактеризовал как старых и малоопытных. 4 тысячи солдат отрядили на отсыпку земляных полевых укреплений против Риги, где те работали «прилежно и скоро». 4 полка из восемнадцати послали на соединение с саксонцами. Один отряд из 400 человек был помещен в шанце на о. Луцавсала. Основная часть дивизии не дошла до Риги 8–10 верст.

Казалось, саксонский заслон (7 500 кавалеристов и 6 200 пехоты, 36 пушек) не пропустит шведов на юг от Двины. Однако шведский бросок через реку оказался таким же молниеносным, как под Нарвой. Для десантирования Карл XII отобрал 7 тыс. чел.

Ночью 8(19) июля 1701 г. Карл XII «набил» в шлюпки и лодки до 12 батальонов пехоты, погрузил на паромы с опускными бортами 600 всадников и пушки и около 4 часов утра начал переправу. На носу лодок были сложены влажные копны сена, а на некоторых связки пеньки для защиты от пуль. Под прикрытием пушек рижской цитадели и дымовой завесы от подожженного сена шведы доплыли до середины реки и потом продвигались среди фонтанов от падавших саксонских ядер. Дерзкую переправу, продолжавшуюся полчаса, можно считать немыслимой удачей.

Штейнау выстроил 14 батальонов и 15 кирасирских и драгунских эскадронов (около 10 тысяч) в две линии между двумя редутами. Десант построился в одну линию и с ходу овладел одним редутом. Боевой строй саксонцев, который был длиннее шведского, четырежды пытался сбросить десант снова в воду, охватывая его правый фланг. Упорное сражение, во время которого шведов высаживалось все больше, длилось почти 3 часа. Наконец, в 7 утра саксонцы стали подаваться назад, и их линии разорвались в центре. Бросить в прорыв кавалерию, как под Нарвой, помешала непогода, разметавшая понтонный мост. Фактор неожиданности был смазан, и саксонцы в относительном порядке ушли в сторону Курляндии.

Русские батальоны не участвовали в битве и отступили, не дожидаясь ее окончания. Их не преследовали из-за нехватки кавалерии. Только после того, как шведы навели мост через Двину и переправили артиллерию и оставшуюся кавалерию, Карл XII в двухлинейном боевом порядке подошел к Коброншанцу. Саксонцы ушли оттуда и из других, расположенных на левом берегу Двины редутов. Четыре сотни русских солдат в редуте на о. Луцавсала не хотели и слышать ни о какой капитуляции и отчаянно защищались, пока все не были уничтожены[91]. У шведов при штурме погиб один полковник, несколько офицеров и более сотни рядовых.

11 июля весь корпус Репнина отступил к Двинску (Даугавпилсу) и 15 августа в составе 16 824 чел. вернулся в Псков[92]. Общие потери союзников составили до 2 тыс. убитыми и ранеными, 500 пленными. Потеряно было 36 пушек, 3 штандарта и 1 знамя. У шведов было убито и ранено до 500 чел.[93]. Бессмысленно осуждать Репнина за неучастие в сражении. «Нарвский синдром» еще работал, и Репнин подчинялся генеральной директиве — не ввязываться в крупные сражения.

Шведы не ликвидировали под Двиной всю саксонскую армию, но политическое значение Двинской битвы было серьезным. Саксонский оборонительный рубеж вдоль Двины рухнул. Шведы перешли границу Речи

Посполитой, формально до сих пор не воевавшей со Швецией. Карл XII оккупировал Курляндское княжество и его столицу Митаву (Елгаву.) Польская шляхта потребовала вывода саксонских войск из Речи Посполитой. В конце 1701 — начале 1702 г. Август II фактически вышел из войны и русско-саксонский договор 1701 г. превратился в фикцию[94]. После поражения на Двине Веттин потерял надежду на быстрое приобретение Ливонии и дал согласие на ведение войны там русскими любым способом[95].

Весной 1702 г. Карл XII решил добить Августа Сильного на земле Польши, несмотря на объявленный шляхтой нейтралитет в войне между своим и шведским королем. Каролинцы прошили насквозь страну от Курляндии до Малой Польши. Заняв Варшаву 23 мая, они ровно через год после Двинской победы разбили саксонцев и поляков в полевом сражении у Клишова, в 80 км к северо-востоку от Кракова.

18 одетых в ярко-красные кафтаны батальонов и 70 эскадронов (всего 16 тыс.) саксонских солдат засели с 36 пушками на холме, подходы к которому почти отовсюду заслоняли болота. Пехота центра прикрылась испанскими рогатками. Левый фланг примыкал к топкой местности, правый — к лесу, перед которым расположилось 8 тысяч польской коронной конницы. Такая позиция могла считаться достаточно устойчивой.

В 6 часов утра шведская армия изготовилась для атаки. Правым флангом командовал сам Карл XII, левым — его зять, гольштейн-готторпский герцог и генералиссимус шведских войск в Германии Фридрих IV. Около 10 часов утра 4 колонны шведов быстро выдвинулись навстречу противнику и, опустив знамена и пики, чтобы скрыть свою численность, развернулись в 2 линии. Карл XII не мог атаковать напрямик через топь и приказал Фридриху IV и генералу Отто Веллингу с 7–8 тысячами левого крыла совершить рискованный маневр — пройти вдоль фронта противника, обогнуть болото и атаковать правый фланг саксонцев и поляков. Впрочем, степень риска большой не была. Когда шведы совершали свой фланговый марш, саксонские ядра шлепались в трясину и поднимали лишь фонтанчики грязи. Саксонцы решили сняться с высоты и спустились к подножию холма, развернув правое крыло фронтом к шведам. Из-за стесненности болотом и кустарником кавалерии пришлось строиться в 4 линии. Правее растянулись две линии поляков, одетых в пышные наряды и доспехи, с длинными флюгерами на пиках, перевитыми разноцветными лентами. Командовал ими великий коронный маршал, краковский каште-лян князь Иероним Августин Любомирский и польный коронный гетман, белзский воевода Адам Миколай Сенявский. Там же были и нерегулярные хоронгви, набранные из молдаван и казаков (валахов) и татар-липки из Великого княжества Литовского. Часть нерегулярных была переодета «в немецкую одежду», чтобы создать видимость обученных войск[96]. Им была поставлена задача беспокоить левый фланг шведов.

К 13 часам саксонская пехота построилась внизу между двумя болотами, выставив вперед рогатки и пушки. Всего на стороне Веттина сражалось 22–24 тыс. чел., у шведского короля было вдвое меньше — 12 тыс. (18 батальонов и 47 эскадронов.) Все были старыми кадровыми солдатами, 4 полковые пушки были взяты для подачи сигналов[97].

Шведское левое крыло, где 6 батальонов были расставлены вперемешку с 20 драгунскими эскадронами, Карл усилил Кальмарским полком, образовав строй, внешне похожий на «кочергу». Во второй линии находилось несколько эскадронов и батальонов, выполнявших роль резерва.

Первую атаку шведы направили на слабейшую часть противника- поляков. Знаменитые в прошлом польские тяжелые гусары уже с 1655–1660 гг. не могли опрокидывать строй противника[98]. Контратака первой линии — двух тысяч гусар под командованием Любомирского захлебнулась. Шведская первая шеренга, встав на колено, выставила вперед пики, а вторая и третья, подпустив близко мчавшихся всадников, выстрелила в плотную массу, быстро перезарядила ружья и сбила на землю до 320 латников. Польская конница исчезла с поля боя, саксонцы остались без прикрытия, рискуя получить удар во фланг и тыл.

Левое крыло шведов, продвигаясь вперед, оторвалось от пехоты центра, линия разделилась на три части. Саксонская кавалерия генерал-лейтенанта графа Якуба Генриха Флемминга, обстреливая неприятеля «караколем» из пистолетов, трижды напускалась на левое крыло, а фельдмаршал граф Адам Генрих Штейнау, пройдя топкое место у р. Ниды, нападал 28 эскадронами на правое крыло шведов. Но они были всюду отбиты и при отходе через болота понесли большие потери от огня шведского центра.

Шведская гвардия — корпус лейб-драбантов, конный лейб-полк и лейб-драгуны — согласно шведскому уставу, не отвечая на выстрелы, контратаковали холодным оружием и везде обращали в бегство саксонцев. 4 батальона гвардии каролинцев первыми преодолели болото и пошли врукопашную с «красной пехотой» саксонцев. Последние, сбежав через болото, пытались собраться на старой позиции у обоза на вершине холма, однако были разбиты и там.

Бой продолжался долго, до 18 часов. Грабеж обоза задержал шведов и спас саксонцев от полного уничтожения. Побежденных не преследовали.

Потери саксонцев составили 2 тыс. убитыми, 2 тыс. пленными, из которых 900 приняли шведскую службу и были отправлены в гарнизоны Померании. Потеряны были все пушки, обоз и кареты с шестью сотнями офицерских жен, которым победители великодушно позволили выехать за силезскую границу. Шведы потеряли до 1100 чел. убитыми и ранеными.

Результатом Клишовской победы было торжественное, без боя, вступление «северного льва» в древнюю столицу Польши Краков, в котором

Август Сильный не стал обороняться и скрылся за пределами Священной Римской империи — в Саксонии. Клишовская битва, как и остальные, в которых не участвовали русские, анализировалась в России. Значение ее для саксонцев и поляков было подобно Нарвской для русских — после Клишова они стали точно так же бояться грозной шведской пехоты. Гусарской коннице западных славян пришлось отказаться от средневековых стальных пластинчатых кирас с крыльями, наплечников, предплечников и т. п., подобно тому, как поместной коннице славян восточных — от кольчуг, шишаков и луков.

Слава шведов, продолжавших побеждать меньшинством, поднялась еще выше, однако невыносимые контрибуции «еретиков-протестантов», которые считали, что война на чужой территории должна вестись за счет населения, объединили часть шляхты вокруг Августа II и подняли патриотическое воодушевление.

22 августа 1702 г. образовалась патриотическая Сандомирская конфедерация в защиту «католической веры и свободной элекции», пытавшаяся посредничать между Августом II и шведским королем ради мира. Эту антишведскую партию поддерживала Россия[100]. «Сандомиряне» противостояли северному агрессору вплоть до 1714 г. Шведам пришлось оголять Прибалтику ради военных действий против поляков и саксонцев. Началось «вползание» (В.Д. Королюк) слабой Польши в Северную войну, которая, поглотив силы шведов, предотвратила их нападение на Россию до 1707–1708 гг.

Стремительной тактикой «маршей-прыжков» шведы завоевывали новые победы. 20 апреля (1 марта) 1703 г. 4 полка саксонской конницы и несколько хоронгвей литовского войска (около 800 чел.) в присутствии Штейнау были настигнуты и разбиты у Пултуска на р. Нарев тремя кавалерийскими полками шведов. 9 июля 1703 г. была организована Великопольская (Варшавская) конфедерация, которая согласилась на низложение Веттина взамен мира со Швецией.

13 октября 1703 г. сдался гарнизон крепости Торунь, как только шведы сделали вид, что собираются рыть осадные траншеи. Вслед за этим без сопротивления был взят Эльблонг, и хлебная торговля по Висле перешла под контроль Швеции. Шведы утвердились на польской земле. Ни саксонская, ни русская армия не смогли воспрепятствовать избранию в июне 1704 г. нового польского короля. 12 июля 1704 г. шведский генерал-лейтенант А.Б. Хорн согнал под Варшаву около тысячи великопольских шляхтичей, нескольких сенаторов и силой заставил признать «контркоролем» покладистого вельможу Станислава Лещинского (1677–1766.) (Современники считали того за «невольника» или «младшего офицера» при Карле XII.) Шведско-польский договор, заключенный в Варшаве 28 ноября 1705 г. превратил шляхетскую республику в сателлита Швеции:

оккупанты могли забирать рекрутов, вводить гарнизоны в города и вести там беспошлинную торговлю. Курляндию и польскую часть Лифляндии («Инфлянты») шведы собирались включить в состав своих владений, а Станиславу I передать Киев, Смоленск и Заднепровье. Сидевший на шведских штыках Лещинский был не в силах объединить Польшу. 15 тыс. его вооруженных сторонников («станиславцев») также были недовольны самовластием Карла XII, не проявляли особой верности к нему и, вступая в тайные контакты с русскими резидентами, заявляли о желании мира с царем[101].

«Шведская руина» — грабежи костелов, монастырей, склепов и систематические репрессии подтолкнули большинство шляхты и магнатов к Августу II. Король-саксонец не отказывался от Борьбы и пытался нападать из-за границ Священной Римской империи. 27 октября (7 ноября) 1704 г. Карл XII настиг генерал-лейтенанта И.М. фон Шуленбурга у г. Пуница (польск. Понец) у самой силезской границы. Шуленбург был опытным военным, на саксонскую службу поступил в 1702 г. Саксонцы вышли из города и развернули две линии из 17 батальонов и 14 эскадронов с 9 орудиями, причем 4 эскадрона были поставлены в центре. 20 эскадронов шведской кавалерии без пехоты выстроились двумя линиями по центру и одной по флангам. Шведы опрокинули саксонскую конницу, но были сдержаны огнем пехоты. Саксонцы передвинулись в более удобную позицию и построились в каре, где их фланги прикрывались болотами. Всадники Карла XII атаковали вторично, но были отбиты. После третьей атаки шведскому королю удалось даже пробиться внутрь каре, но без поддержки пехоты он не мог справиться с противником и отошел ждать 5 полков инфантерии. Опасаясь повторного нападения утром, саксонцы ускользнули ночью за Одер, за рубежи империи[102].

Станислав I был коронован 4 октября 1705 г. и вплоть до 1717 г. Речь Посполитая не могла выйти из гражданской войны, в которой до 1708 г. «увяз» и Карл XII. Ни саксонское, ни русское, ни шведское командование не доверяли полякам. При полном военном превосходстве шведы не могли создать прочный тыл в Польше и превратить ее в антирусский плацдарм. Шведский король-спартанец презирал саксонского толстяка-ренегата, но сбить польскую корону с Августа «Сильного» ему не удавалось. За время, когда шведы увязли в Польше, русская армия добилась крупных успехов в Лифляндии и Эстляндии.

1.2. «Свейские походы» фельдмаршала Шереметева в Ливонию 1701–1704 гг.

Шведские войска в Прибалтике[103], не были подчинены общему командованию. Все подкрепления из Финляндии и Швеции Карл вызывал на

основной театр военных действий — в Польшу, запрещая их переправлять к В.А. Шлиппенбаху, на попечение которого были оставлены Эстляндия и Лифляндия.

В то время как шведский властитель старался лишить трона Августа Сильного, Петр малой войной натаскивал свое войско в Ливонии. Вспомнили старое ратное дело — приостановили расформирование войск старых служб, стали создавать новые стрелецкие полки.

В Прибалтику удачно перенесли татарский опыт с Дикого поля — тактику набегов драгунами, казаками, татарами, калмыками для опустошения земли противника.

Явное русское превосходство в живой силе проявилось после того, как Карл покинул зимние квартиры у Дерпта. У полковника В.А. Шлиппенбаха помимо небольших регулярных частей было дворянское ополчение остзейцев, а также ополчение латышских и эстонских крестьян.

Основной задачей Шлиппенбаха в 1701 г. было опустошение русского пограничья, то есть та же самая тактика, которую выполнял Б.П. Шереметев в отношении ливонских земель. В мировой истории найдется немного случаев, когда бежавшего с поля боя кавалерийского генерала повышали до фельдмаршала. Однако, вручая после поражения под Нарвой командование Шереметеву, царь не ошибся. Дело в том, что под европейскими мундирами и треуголками еще долго, почти до середины XVIII в., скрывалась старомосковская рать. Не чета заезжим иноземцам, дородный боярин знал национальную и военную психологию русских. Не победы «любой ценой», а осторожность и основательность были достоинством Шереметева (что тогда было нужно и Петру.)

Первый генерал-фельдмаршал русской армии и первый русский граф Б.П. Шереметев родился 25 апреля 1652 г. В юности получил хорошее для своего времени образование. Есть сведения, что он учился в Киевской коллегии (академии), знал латынь, бегло говорил по-польски. Помимо досконального знания русского дипломатического этикета овладел модным для тогдашней России «польским политесом».

При царе Алексее Михайловиче он, бывало, стоял в белоснежном кафтане и с серебряным топориком на плече рындой в почетной страже у его трона. В 1679 г. — товарищ воеводы в Большом полку, в 1681 г. — воевода и наместник в Тамбове, с 1682 г. — боярин. Борис Петрович оказал России большие услуги на дипломатическом поприще: высокого, осанистого, рассудительного голубоглазого блондина европейские дипломаты характеризовали как «самого вежливого человека в стране и наиболее культурного». Неслучайно в 1686 г. он был назначен главой огромного посольства в Речь Посполитую., где участвовал в переговорах с поляками при ратификации «святого дела» русско-польского Вечного

мира. Там боярину приходилось и играть с польской королевой в шахматы, и танцевать с принцессами.

Со Средних веков род Шереметевых, отличаясь военными способностями, мечом служил России. Отец Петр Васильевич, служивший воеводой в Севске, Киеве, Симбирске, Великом Новгороде и Тобольске, обучал своего отпрыска военному ремеслу с 14 лет. Своим человеком в тереме Шереметева был военный профессионал шотландец Патрик Гордон, позже — близким другом — один из образованнейших людей петровской эпохи — Я.В. Брюс.

Хороший военный опыт Шереметев набрал за 7 лет службы по охране от степняков огромного участка южной границы — Белгородского военного разряда (округа.)

Первые лучи славы и европейской известности пали на боярина как главнокомандующего одной из самых многочисленных (120 тыс.) армий Европы, которая в 1695 г., под занавес Турецкой войны 1683–1699 гг. «снесла с сатанинского основания» четыре османских форта на Нижнем Днепре. Вторжение глубоко на юг русских воинов (в основном поместной конницы и казаков гетмана И.С. Мазепы) вынудили капитулировать форт Казыкермен на четвертый день осады, остальные сдались без сопротивления. По значению это событие сравнимо со взятием Азова в 1696 г. Петром I, Шеиным, Гордоном и Лефортом. Так же как и по Дону, русская военная сила рассекла Крымское ханство по Днепру, вклинившись в степь, не дойдя до Черного моря всего 120 км. Она захватила место традиционных крымско-татарских переправ при походах на коренные земли Украины, чего Польша добивалась от русского союзника с 1685 г. Второй «отвлекающий» поход Шереметева на Очаков и Крым в 1696 г. был остановлен на р. Берестовой из-за тягот марша. (Вторжение на Крымский полуостров оказалось под силу Русской армии лишь в 1737 г.)

В паре с Петром Шереметев активно работал и в сфере дипломатии в 1697–1698 гг. Одновременно с Великим посольством царя Шереметев пытался раздуть угасавшую войну Священной Лиги с османами. В Варшаве, Вене, Риме, Венеции и на Мальте его чествовали как генералиссимуса российских войск и победителя над «неверными». В польских панегириках его сравнивали с римскими «сципионами», мальтийцы в знак уважения предоставили ему командование эскадрой из 7 галер на маневрах и приняли в рыцарский капитул своего ордена.

Поспешную войну со Швецией в 1700 г. новый кавалер Мальтийского ордена вряд ли одобрил — он видел, что наспех собранные рекруты явно не готовы к встрече с лучшей кадровой армией Европы, что офицерский корпус «стыд и печаль».

До конца верный престолу, выросший на православной культуре, но легко сменивший ферязь на камзол, Шереметев старался не допустить

«порухи» чести своего рода и рыцаря Мальтийского ордена, со звездой которого почти никогда не расставался. От диких потех «Всепьянейшего собора» он держался в стороне, был «другом» царевича Алексея и его старорусского окружения.

Богатство, щедрость и великодушие позволяли ему держать открытый стол в Москве и доступную для командного состава свою главную квартиру в походах, а при своем штабе — собственную дворянскую роту («шквадрон».) Как дорогого гостя выходил встречать и провожать царь Петр Бориса Петровича.

Знатность исключала соперничество с другими аристократическими родами, все еще ревниво следившими за соответствием «места» породе. (Антипетровская оппозиция в 1697 г. даже собиралась выдвинуть его кандидатом на русский трон.)

В отличие от Петра и генералов-иностранцев стиль военного мышления Бориса Петровича совпадал с психологией большинства армии. Под непрестанными понуканиями царя («делай, делай, делай»), порой рискуя «потерей головы», Шереметев ухитрялся комплектовать, снабжать, размещать и готовить солдат к походам, иногда надолго задерживая их выступления (и тем самым сберегая жизни.) Состояние армии определяло поведение Шереметева на войне, и он хорошо вписывался в круг военачальников «кордонно-маневровой» стратегии XVIII в.

Заботясь о том, чтобы офицеры не теснили солдат на постоях и не изнуряли на караулах, граф представлял редкость в тогдашней Европе. Он пользовался симпатией европейских военных, европейских дворов и, в отличие от многих других петровских генералов, любовью солдат, сложивших об «отце» много песен[104]. Петр постоянно вызывал его на военные советы, где он, как правило, председательствовал в отсутствие царя. По масштабности военного кругозора и стратегического мышления, Шереметев, конечно, не мог сравниться с Петром Великим, но он был значимым центром русской армии. Умер первый русский генерал-фельдмаршал в Москве 17 февраля 1719 г. Вопреки желанию быть погребенным в Киево-Печерском монастыре, Петр приказал похоронить «своего Тюренна» во вновь создаваемом им некрополе героев России.

Уже через 17 дней после нарвской катастрофы, 5 декабря 1700 г. Шереметев получил высочайший приказ «разорять дальние места», но всю первую половину 1701 г. он переформировывал, обучал и «выправлял» деморализованных беглецов, «обстреливая» их в приграничных стычках и неглубоких рейдах партиями до двух тысяч человек.

В начале июня 1701 г. из Москвы снаряжали Большой полк генерал-фельдмаршала. Ратным людям вручили хранившееся в Оружейной палате Большое государственное знамя XVII в. «Спас Эммануил», образы св. Сергия и Никона Радонежских и полотняную церковь. Московские

стольники и стряпчие посылались в Большой полк «бессрочно», под угрозой лишения половины поместий[105].

К тысячному пехотному Лефортовскому полку были добавлено две сотни, составленные из стрельцов и казаков. Командному составу из 375 чел. московских чинов подчинялись 3 060 малороссийских казаков и чугуевских калмыков, около тысячи башкир, 600 яицких казаков, 473 чел. астраханских мурз и татар, а также по сотне астраханских, саратовских, самарских и красноярских стрельцов.

Низкорослые косматые ордынские лошадки и верблюды дополняли экзотику ожившего степного Средневековья. Всего летом 1701 г. к походу было готово 40 988 чел., из них 26 888 пеших[106].

Первый июньский набег 1701 г. продолжался всего 3 дня, все войско из окрестностей Нотебурга и Ниеншанца вернулось из-за рубежа с 13–33 пленными. Затем «тренировочные» рейды следовали с нарастающей дерзостью и дальностью.

4 сентября 3 русские партии одновременно напали на шведов. Сын фельдмаршала Михаил Борисович Шереметев (в его 18-тысячном отряде были кроме русских татары, курские калмыки и казаки Слободской Украины), напав с двух сторон, раздавил 6 сотен шведов у Ряпиной мызы. Я.Н. Римский-Корсаков (13 716 чел.) напал на сторожевой пост (200 чел.) у мызы Рауге, разбил его, взял 13 пленников, но был отбит подоспевшим полутысячным отрядом шведов. Савва Айгустов (5 260 чел.) под Новоезерицкой мызой взял в плен двух человек.

2 октября 1701 г. Петр приказал идти Шереметеву в «генеральный поход». Сил было собрано достаточно, и часть нерегулярных из-за «худобы и безлошадности» распустили по домам. Сюда были включены — 1 237 смоленской шляхты, 3 тыс. чугуевских калмыков и 10 636 слободских «черкас». Всех благословили иконой Тихвинской Божией Матери и чудотворными иконами Сергия и Никона Радонежских.

29 декабря 1701 г. во время зимнего рейда за Чудское озеро был одержан первый настоящий успех в Северной войне. Войска Шереметева численностью в 17 539 чел. (около 10 тыс. конницы, в том числе 6 тыс. поместной) атаковали отряд полковника В.А. Шлиппенбаха, в котором было не более 3 800 чел. и 6 пушек[107].

Бой при Эрестфере проходил целиком в традициях XVII в.: ружейный огонь из-за обоза, затем рассыпная конная атака. Как и прежде, стволы фузей и пистолетов раздувались и рвались. Командовать драгунами было трудно — ради устрашения они атаковали по традиции «варварским мерзким криком», не слыша команд, стреляя в спешке, не целясь и начиная тут же, в бою, грабеж. Впрочем, боеспособность драгун была выше, чем у нерегулярной конницы.

Поначалу шведская кадровая выучка одержала верх. В воинстве Шереметева рода войск еще не могли действовать слаженно, драгуны были отбиты и пехота оказалась расстроенной. Положение спасла русская артиллерия. Впервые в военном деле Европы русский инженер Василий Дмитриевич Корчмин, посадив на коней артиллерийскую прислугу, быстро доставил 16 пушек, 3 гаубицы и 1 мортиру к месту боя и в то время, как пехотные полки еще собирались, открыл скорую стрельбу картечью, чем привел врага «в конфузию» после 4-часового боя. Около 2 тыс. шведов погибли, всего 134 чел. было пленено. Шлиппенбах не потерял боеспособности, отошел на 25 км и даже собирался разгромить Шереметева и захватить Псков! Оправдывая свои потери, Шлиппенбах, преувеличил силы русских до 100 тыс. чел.[108]

Орудийными залпами, колокольным звоном и первым салютом в истории России — фейерверком — праздновали Эрестферскую победу, чтобы поднять настрой армии и народа. Москвичам с кремлевских стен показали трофейные знамена, офицеры получили золотые медали. Солдаты — серебряные рубли. Главного героя — Бориса Петровича — произвели в кавалеры ордена Св. Андрея.

Уже после Эрестфера стали постепенно избавляться от поместной конницы и национальных нерегулярных формирований. О малороссийских казаках, незаинтересованных служить на севере, Шереметев писал по горячим следам 31 декабря Петру: «Лучше умереть, нежели с ними служить, а на добычу, и на разоренье таких не слыхано»[109].

После того, как 23 января 1702 г. Карл XII вывел свои силы из Курляндии в Литву и с его присутствием на «ливонском фронте» можно было не считаться, рейды стали глубже и смелее. «Самое ценное сокровище Шведской короны» — Ливония — беспощадно разорялась. Была надежда, что санксонцы пойдут разорять Колывань[110]. Без шведов боеспособность частей, составленных в значительной части из эстонцев, латышей и финнов, оказалась сниженной и Большой полк одержал новую победу, имевшую местное стратегическое значение.

18 июля 1702 г. в 6-часовом сражении 16–17-тысячное «ратоборственное войско» Шереметева у Гуммельсгофа разбило 7-тысячный корпус Шлиппенбаха, который бежал в Пернов и больше уже не осмеливался выходить в поле против русских.

Дело началось с атаки на шведов ертоула — составленного из иррегулярных конников — татар, калмыков, донцов и черкасов (всего около 2 150 чел..) Как и следовало ожидать, атака была отбита. Отражено и нападение драгун Боура. Шлиппенбаха сломили 3 батальона гвардии, посаженные на коней — они оставались ядром русского корпуса в продолжение всего сражения. Шведы потеряли более 50% своего состава (3 500–3 700 чел. убитыми и ранеными, 328 пленными) и бросили 6 пушек.

Потери Шереметева составляли 1–1, 5 тыс. чел., из них убитыми около 400 чел.[111]

После победы Шереметев начал восходящие к традициям ордынских времен опустошения земли противника. Мелкие отряды выграбили и выжгли все до Колывани, Юрьева и Пернова, угнали скот и 7–8 тыс. крестьян. Нельзя не сострадать горькой судьбине народа, но свирепость войны была одинаковой с обеих сторон. В феврале 1709 г. Карл XII точно так же выжигал села и угонял население с «русской» Украины (см. ниже.) После Полтавской битвы, когда появилась надежда удержать Прибалтику в русских руках, разорительные набеги прекратились.

Для русской стороны Гуммельсгоф стал переломным моментом в русско-шведской войне в Прибалтике. С 1702 г. шведы старались уклоняться от полевых встреч с русскими. Участились случаи дезертирства[112]. Конечно, важная для России победа не могла компенсировать майский успех 1702 г. Карла в Польше — взятие Варшавы. Более того, уже после Эрресфера и Гуммельсгофа шведский король, считая польский театр войны самым главным, перевел из Риги в Польшу 7–8 тысяч своих войск.

1.3. Ключи и замки русской Балтики

В то время как Шереметев «вычищал» западные рубежи, бомбардир-поручик А.Д. Меншиков зимой 1701/1702 гг. по царскому приказу тайно готовил артиллерию для действий на новом стратегическом направлении Нотебурга (Орешка), древнерусской каменной крепости, запиравшей выход из Ладожского озера через Неву на Балтику. Взять Орешек по льду не собрались.

В июне 1702 г. начальник Адмиралтейского приказа Ф.М. Апраксин (1661–1728) оттеснил разъезды 12-тысячной группировки войск генерал-майора барона Абрахама Крониорта (1634–1703) и поставил свои посты до р. Мга, освободив подход к Нотебургу. После указа Петра отбросить Крониорта еще западнее, Апраксин настолько быстро сблизился с восемью драгунскими полками барона на р. Ижоре, что пять его пехотных полков не смогли поспеть к сражению 1 августа 1702 г. Бросив повозки и амуницию, Крониорт не отступил, а бежал под защиту Ниеншанца[113].

27 сентября 1702 г. Петр I начал осаду Орешка двумя гвардейскими и 12 драгунскими полками (12, 5 тыс. чел.) с 43 осадными орудиями, под номинальным командованием Б.П. Шереметева. 29 и 30 сентября были построены батареи. 450 чел. защитников Нотебурга со 142 орудиями, за двухсаженными каменными стенами, подходившими к самой воде, могли держаться неограниченно долго. Командовал гарнизоном мужественный полковник Густав Вильгельм фон Шлиппенбах (брат командующего войсками в Лифляндии.)

1 октября русские без боя отогнали шведов с редутов с правого берега Невы и начали метать «чугунные мячи» в крепость. Русских орудий (14 трехпудовых мортир и 31 18-фунтовая и 12-фунтовая пушка) было втрое меньше, чем у осажденных. Однако их состояние было несравненно лучше, чем тех, которые были под Нарвой. 23 «ломовых» орудия больших калибров и здесь вышли из строя, но произошло это из-за непосильной работы: после того, как они расстреляли 4 373 пудов пороха, их можно было пустить только на переплавку.

По крепости за 11 дней было выпущено 3 794 18-фунтовых ядра, 3 850 — 12-фунтовых, 500 — 6-фунтовых, 2 581 бомб и 4 471 ручная граната[114]. Внутренние постройки крепости превратились в развалины и в костры, защитники не знали, куда прятаться от сыпавшихся сверху снарядов, но дух их не был сломлен. Новая артиллерия, «слезами омоченная», дала первый осязаемый результат: в двух куртинах и одной из башен Орешка были пробиты широкие бреши, и к утру 11 октября был назначен штурм.

Лифляндец, генерал-майор Иоганн Рейнгольд Паткуль писал, что за всю свою жизнь он не видел таких решительных приступов. Воля государя заставляла забывать о смерти. Почти на верную, но геройскую смерть впереди двух тысяч атакующих добровольно вызвалось несколько сотен охотников из гвардейских Семеновского и Преображенского полков. С лодок по крутым всходам солдаты взбирались под картечь, ядра, камни и бревна. Штурмовые лестницы не дотягивались до проломов, отчаянный приступ был отбит. Петр, видя неудачу, приказал отступить.

Подполковник Семеновского полка Михаил Михайлович Голицын бесстрашно командовал у самой стены; защитники, метя в начальника, сбросили на него камень, от которого тот едва увернулся[115]. Увидев, что некоторые рядовые собрались бежать с острова, Голицын оттолкнул лодки, чтобы отсечь мысль об отступлении. Нет лживых легенд: все эпосы, былины и сказания воспевают красоту подвига. Были или нет слова смельчака: «Передай царю, что теперь я не Петров, а Божий!» — они прославляли идеал бесстрашия и на века давали образец для подражания.

После 13-часового кровавого штурма осажденные поняли, что их сломят, и барабаны забили «шамад» — сигнал о капитуляции. К этому времени из 2 тысяч штурмующих выбыло большинство — 564 было убито, 928 человек ранено, т. е. втрое больше, чем было защитников. Целью Петра было скорейшее отвоевание морского берега, и он согласился выпустить гарнизон с наивысшим почетом, не мстя за позорную капитуляцию русских под Нарвой. 14 октября защитникам разбитого Нотебурга было позволено под звуки военной музыки, с развернутыми знаменами и с заряженными стволами ружей[116] сесть на шведское судно и отбыть в Ниеншанц. Четверо семеновцев и восемь преображенцев, бежавших

с приступа к реке, были повешены после позора «шельмования» и оплевывания в лицо[117].

Штурм Орешка был одним из самых кровавых в истории русской армии, поэтому можно понять гордость шведов, расписывавших героическую оборону крепости всего «несколькими десятками» защитников против 8 тысяч казаков и 35 тысяч русских, сделавших 10 548 выстрелов и бросивших 6 554 бомбы. После сдачи из крепости вышло всего 83 здоровых и 156 раненых солдат[118]. Тем не менее Г.В. Шлиппенбах был посажен шведами под арест, но освобожден Петром I после взятия Нарвы в 1704 г. под честное слово.

За геройский штурм М.М. Голицын получил золотую медаль, 3 тысячи рублей, 314 дворов и чин полковника Семеновского полка. После благодарственного молебна русскую древнюю крепость Орешек переименовали в Ключ-город (Шлиссельбург.) На западной «Государевой» башне Петр I укрепил крепостной ключ, «в ознаменование того, что взятием Нотебурга отворились ворота в неприятельскую землю»[119].

В декабре по Тверской и Мясницкой улицам Москвы был проведен «нотебургский триумф» («победительная радость».) Через триумфальные ворота прошли победители в сопровождении трофейных пушек и мортир, а также пленные, захваченные в Прибалтике.

В начале 1703 г. Петр I стал готовиться к окончательному овладению древнерусской Ижорской землей. Выход из Невы контролировался городком Нюен с четырьмя сотнями деревянных домов и земляной крепостью того же названия Нюеншанц в устье р. Охта. Крепостью с 1689 г. командовал русского происхождения шведский подданный, полковник Выборгского пехотного полка Иван (Юхан) Аполлов. В его распоряжении было 800 солдат и 47 пушек на семи бастионах и равелинах[120]. Ужас в округе от предстоящего русского наступления шел уже с осени прошлого года, и комендант сжег преждевременно город и казенные склады 20 октября 1702 г.[121]

26 апреля 1703 г. 20-тысячное войско Шереметева подошло по правобережью Невы к Нюеншанцу и на следующий день начало осадные работы. 30 апреля траншеи подвели к валу и рву, и всю ночь до рассвета 1 мая с батарей бросали в крепость бомбы и ядра из 12 мортир и 20 пушек. Через 10 часов стрельбы из крепости дали знать, что готовы к переговорам о сдаче. Помимо интенсивного обстрела скоротечность капитуляции была вызвана и памятью о падении Нотебурга. Можно не сомневаться, что эвакуированный из Орешка в 1702 г. гарнизон ярко расписал свои переживания при неистовом штурме 11 октября 1702 г. Искушать судьбу Аполлов не стал и, выговорив себе такую же почетную капитуляцию, что и Г.В. Шлиппенбах, в 10 часов утра 1 мая впустил в крепость русских. Гарнизон был отпущен в Нарву, где за преждевременную капитуляцию был арестован нарвским комендантом.

2 мая в пару Ключ-городу Нюеншанц символически переименовали в «Замочный город» (Шлотбург.) Этот городок не уцелел — в 1703 г. все его бастионы были срыты, кроме одного, а постройки пошли на сооружение домов будущей столицы Российской империи. 16 мая на рыбачьем острове Яниссаари на 2 версты ближе к Финскому заливу, с «великой поспешностью» по приказу царя заболоченный грунт стали поднимать землей, переносимой в мешках и полах кафтанов, чтобы построить «цитадель» в честь святых апостолов Петра и Павла.

14 и 27 мая 1703 г. были взяты Ям и Копорье, и в том же году Петр I замкнул символическую цепь «Венечным замком» — такое название — Кроншлот дали крепости, заложенной на ряжах с камнями на о. Котлин против устья Невы.

Стратегическое значение трех русских крепостей у Невы было огромным. Вся Ижорская земля и все течение Невы, оказавшись в русских руках, рассекли надвое владения Швеции в Восточной Балтике. Остзейские провинции превращались в островок, неспособный защищаться без помощи из метрополии.

19 апреля 1704 г. под давлением шведов в Польше было провозглашено низложение законного короля Августа II. Это был шаг к разрыву польско-саксонской унии и подчинению Речи Посполитой Швеции. В конце мая после жесткой блокады портовый город Данциг присоединился к Варшавской (прошведской) конфедерации, и Карл XII установил прочную морскую связь со Швецией. В ответ сторонники Августа II 20 мая объявили в г. Сандомире Речь Посполитую в состоянии войны со Швецией[122].

В Москве же к весне 1704 г. было решено взять одновременно «горькопамятную» Нарву и древний русский город Юрьев-Дерпт. (В тогдашних русских источниках его именовали только Юрьевым.) Оказывать серьезную военную помощь королю Августу II и конфедератам, сопротивлявшимся шведам, в то время было невозможно. Вместе с тем контраст в действиях русского командования по сравнению с 1700 г. был разительным. За 1,5 месяца до новой нарвской осады 2 драгунских и 5 солдатских полков П.М. Апраксина соорудили батареи у моря и едва закончив их, встречали 19 апреля гостя с «серебряной рукой» — вице-адмирала де Пру с 37 кораблями и фрегатами. Помочь Нарве вице-адмирал ничем не смог — русский заслон артиллерийским огнем отбил несколько попыток провезти провиант в Нарву из Финляндии[123]. Полуторатысячный отряд Шлиппенбаха практически не имел возможности пробиться к Нарве через русские оборонительные заставы.

30 мая русские войска обложили Нарву, а 5 июля — Юрьев-Дерпт. На случай появления шведского «сикурса» было выбрано место и составлен план для сражения[124]. Разделение войск по двум — нарвскому и юрьев-

скому направлениям — говорило об уверенности Петра I в том, что его армия способна быстро брать крепости.

2 июля 1704 г. генерал-лейтенант Йорг Юхан Майдель подошел к Неве и 4 часа обстреливал укрепления Петропавловской крепости, но был отбит и ушел за р. Сестру. В первых числах августа Майдель снова организовал наступление. Он расположился лагерем на версту ниже разоренного Нюеншанца и составил плоты для переправы через Неву. 5 августа шведы построили мост через Охту к городу Ниеншанцу и вошли в разоренное место. Русские войска снова стали воздвигать батареи против бывшего Нюеншанца, и 9 августа противник отступил по карельской дороге. Эскадра де Пру не смогла высадить десант на о. Котлин. Три замковых крепости прочно замыкали невский рубеж.

В конце мая Шереметев вышел из Пскова и вплоть до 8 июня русские части подтягивались к устью р. Амовжи (Эмбах), впадающей в Чудское озеро. 9 июня фельдмаршал разбил лагерь в версте от Юрьева, проложил гати и мосты через заболоченную пойму Амовжи и в ту же ночь начал рыть шанцы. Часть драгунских полков из Гдова, переправившись через р. Нарову, подходила к Юрьеву с севера. Нарвская, рижская и ревельские дороги к Юрьеву были перекрыты. Всего к Юрьеву пришло конницы: 8 драгунских полков, 1 ертоульский, 1 рейтарский и 53 чугуевских калмыка. Пехоты было: 12 солдатских полков, 2 стрелецких полка, из артиллерии 24 пушки (одна 36-фунтовая, одна 24-фунтовая, 12 12-фунтовых, 8 10-фунтовых, 2 — 15-фунтовых, 15 медных мортир и 7 медных гаубиц.) Всего в распоряжении Шереметева было 22 142 чел., 17 тыс. ядер и бомб и 14 тыс. пудов пороха, свинца, фитилей и пр.[125] Осадные работы подвигались медленно — город почти со всех сторон был окружен болотистой почвой.

С 19 июня по 4 июля ежедневно стреляли по башням, больверкам и бойницам стен, чтобы сбить пушки, активно отвечавшие осаждавшим. Во многих местах стены были повреждены, но в целом две тысячи бомб Шереметев «выметал» зря. Выбрав неудачное место для батарей против прочных участков стен, он лишь измучил солдат, работавших по пояс в грязной жиже[126].

Вечером 2 июля к Юрьеву на яхтах прибыл Петр I, осмотрел все три русских лагеря и 5 июля приказал перевезти пушки и мортиры к стенам, выходящим на нарвскую дорогу. После этого за одну неделю пробили три бреши. 12 июля царь приказал отобрать из каждого полка по 200 чел., сделать фашины, залечь у контрэскарпа (отлогости наружного рва укреплений, обращенной в сторону противника) или окопаться около палисадов. Формальное командование оставалось за фельдмаршалом. 13 июля в 2 часа ночи построили мост против нижней батареи и почти в темноте начали штурм. Гранатами и ружейным огнем выбили шведов от контрэскарпов и вырубили палисады.

Солдаты отважно бросились к бреши, взобрались на земляной больверк (бастион) и развернули 6 больших пушек на город. В «свальной стрельбе», гремевшей 9 часов, погибло около 300 чел. и 400 ранено. Сигнал сдачи атакующие услышали не сразу и парламентерам отказали в почетной капитуляции. Через Шереметева Петр передал, что слишком велико озлобление солдат, потерявших много товарищей.

Без досмотра имущества, но без знамен, артиллерии на русских подводах отправили 697 чел. из гарнизона в Ригу, 1 388 чел. к Нарве, 1 427 чел. торговых людей и жителей осталось в городе[127].

Победителям досталось 97 пушек, 18 мортир, 6 гаубиц, 11 дробовиков, немалые запасы ядер, бомб, пуль, 4 299 бочек ржи, 150 бочек соли, 80 бочек масла и прочий провиант. В третий раз после Ивана Грозного и Алексея Михайловича «праотеческий Юрьев», основанный русским князем Ярославом Мудрым, перешел в русские руки. На памятной медали была отчеканена надпись: «Дерпт принят в подданство 14 июля старого стиля». Корпус Шереметева сразу же был переброшен к Нарве.

При победной осаде Нарвы в 1704 г. русская армия насчитывала около 30 тыс. чел. — 30 пехотных полков, 16 драгунских и 150 орудий, т. е. не больше чем при первой осаде.

Получивший чин генерал-майора после первой осады в 1700 г. и назначенный главным командующим над всеми крепостями лена Ингрии и Кексгольма, выходец из Померании барон Хеннинг Рудольф Хорн (1651–1730) на сей раз имел втрое больше сил — 3 175 солдат, 1 080 всадников, 300 артиллеристов и 432 орудия.

Зная, что Хорн ожидает помощь со стороны Везенберга, Меншиков предложил гвардейцам-семеновцам, одетым как и шведы, в синие мундиры, а также Ингерманландскому и двум драгунским полкам отойти за 6 верст и «устроить нападение» на русский лагерь. Полтора часа семеновцы «по-шведски» дружно гремели холостыми залпами и пускали ядра поверх голов отряда Репнина и Меншикова, отвечавших беспорядочным боем. После «замешательства» в русских рядах, в лагере стали снимать палатки и впрягать лошадей. Хорн распахнул ворота и послал к «шведам» до 1 000 пехотинцев и 150 драгун, за которыми побежали жители Нарвы, надеявшиеся поживиться в русском обозе. Русская хитрость удалась, и до 300 шведов было перебито.

В середине июня доставили осадную артиллерию и начали рыть аброши против бастионов «Виктория и «Гонор». Всего под Нарвой собрали 66 пушек (24-фунтовых — 19, 18-фунтовых — 22, 12-фунтовых — 13, 3-фунтовых — 12), к ним 21 242 ядра; 26 мортир (из них 9-пудовых — 2, 3-пудовых — 24), к ним 7 540 бомб; 1 гаубица пудовая (120 бомб) и 7 мортирцев 6-фунтовых (150 ядер.) Для острастки Меншиков поставил на вид, что, если неприятели «назад пожмут», все должны стоять до последнего че-

ловека, «и во время бою приказано задним стрелять из пушек и из ружья по тем беглецам без всякого милосердия»[128]. 27 июня царь вручил командование над войсками шотландскому уроженцу, бывшему фельдмаршал-лейтенанту австрийской службы Георгу Бенедикту Огильви, Юрию Юрьевичу, как его именовали в России.

Вторично после Круи русскую армию вручали человеку, не знавшему ни русского языка, ни русского солдата, но которому обязались платить сумасшедшие деньги — 16 тыс. ефимков в год[129]. (За 10 тыс. ефимков в то время строили 50-пушечный корабль.) В то время под Нарвой было 29 тыс. 422 чел. Огильви составил новое штатное расписание для тех же полков на 45 тыс. 700 чел.[130]

6 августа от боя «ломовых» орудий осел каменный фас бастиона «Гонор», и весь земляной бруствер с него обвалился в ров. Образовались две широкие бреши на добрую сотню солдат. На бастионе «Виктория» были сделаны две бреши. Всего до 9 августа по нарвским стенам и городу было выпущено 12 358 ядер (из них 24-фунтовых — 6 098, 18-фунтовых — 5 514, 12-фунтовых — 376, 3-фунтовых — 370) и 5 714 бомб (9-пудовых — 648, 3-пудовых — 5051, 1-пудовых — 15)[131]. Стало ясно, что крепость будет взята, однако Хорн, не веря, что русские способны на что-либо серьезное, отклонил 7 августа предложение о сдаче и оскорбил царя «хулительной насмешкой».

Бомбардировка сломила дух защитников (но не гордеца Хорна.) Огильви говорил, что он не знает народа, умеющего лучше обращаться с пушками и мортирами, чем русские.

Когда фельдмаршал назначил три колонны для приступа к брешам, никто не сомневался в успехе. В ночь на 9 августа аброши скрытно заняли солдаты со штурмовыми лестницами и гренадеры, взятые со всех полков. Возможно, у Нарвы был один из первых случаев использования штрафников — в ров бастиона «Глория» спустились бывшие беглые солдаты. В 14 часов 9 августа начался штурм — гренадеры непрерывно стреляли гранатами из только что поступивших на вооружение ручных мортир «нового маниру»[132]. Напрасно шведы скатывали сверху бочки и подрывали под брешью мину. Сопротивление продолжалось недолго, и через 45 минут русские знамена стояли на нарвских стенах. Осажденные в панике бежали из нового в старый город. Шпагами и багинетами солдаты кололи всех, кто попадался под руку. Хорн в отчаянии сам стал бить кулаком в барабан сигнал сдачи, но остановить всеобщее остервенение никто не мог, «в первом жару и жены и дети мало щажены», бегущих гнали вплоть до Ивангорода. Петру I пришлось пустить в ход свою шпагу против солдат, чтобы остановить кровопролитие. Так, в 1704 г. позор «первой Нарвы» был смыт «малой кровью» — 359 убитых и 1 340 раненых. Если Азов в 1696 г. брали 5 месяцев, то в 1704 г. Юрьев — за 5 недель,

Нарву — за 2 месяца. За 3 года побед (1701–1704) Русская армия доказала свою способность к полевым столкновениям и умелым и храбрым штурмам.

19 августа в Нарве был заключен оборонительный и наступательный союз с Речью Посполитой против Швеции. Договор обязывал стороны не заключать сепаратного мира. За обещание республики воевать со шведами силами 48-тысячного войска Россия обязалась предоставить Августу II 12 тыс. войск, а республике по 200 тыс. руб. за каждый год войны. Прибалтика без Эстляндии обещалась Речи Посполитой (по Русско-саксонскому договору 1699 г. и Лифляндия, и Эстляндия после ее завоевания русским оружием отдавались шляхетской республике.) После освобождения от шведов, польско-литовское государство обязывалось воевать в «государствах свейских». Все знали, что выставить 48-тысячное войско поляки не смогут, поэтому петровская дипломатия рассчитывала не платить субсидии в полном размере. (В 1704 г. было выплачено только 40 тыс. руб. на коронное и 30 тыс. на литовское войско.) С 1704 г. Польша вступала в войну равноправным (но не равноценным) союзником.

19 декабря «веселые победители» (выражение Петра I) под салют со стен Кремля и Китай-города прошли 7 триумфальных ворот, ведя за собой 159 шведских офицеров во главе с Хорном и 80 медных трофейных пушек. На победной медали в честь второй битвы за Нарву значилось: «Отпала от рода своего»; «Нарва взята штурмом 9 августа ст. ст.».

Петр I продолжал остерегать своих военачальников от генеральных боев со всей шведской армией, но солдаты уже перестали «трепетать» от шведов. Почти вся Восточная Прибалтика была взята «воинством Его Царского Величества», а на «Остзее» начал развертываться полноценный русский флот. И тем не менее военное превосходство шведов в Польше, основанное на военном насилии, грабежах и солдатских постоях, было неоспоримым. Треть Речи Посполитой лежала в развалинах, сотни сел превратились в страшные пепелища, погибли тысячи жителей. Появились даже слухи, что новым кандидатом на польский трон будет сам Карл XII и его якобы поддерживает примас Польши[133].

Россия стала ключевой фигурой в Северном союзе, протектором Польши стал русский самодержец. С 20 февраля 1705 г. в России, в том числе и по Сибири, был объявлен рекрутский набор для «свейской службы». «Неоплошно» и «с великим поспешением» собирались по одному с 20 дворов «добрые, человечные, нестарые и неувечные» новобранцы. Зачинщиков побегов приказывалось казнить или по жребию вешать каждого десятого беглеца. Холостую 15–20-летнюю молодежь для конных даточных собирали с 80 дворов по 1 «одежному» человеку с лошадью и ружьем. Для пропитания рекруту давалось на 1 месяц сухарей по 3 четверика (объем четверика — 26,25 л) и полчетверика круп. К 1706 г. в Рос-

сии было сформировано 28 драгунских полков (в том числе и гарнизонных.) На каждый полк драгун расходовалось ежегодно 15 тыс. руб. в год.

Главной стратегической целью для Петра оставалось овладение частью Балтийского побережья, при сковывании шведов саксонскими и польскими силами. Но для этого следовало активизировать военные действия на землях польско-литовской республики[134].

1.4. «Несчастливая баталия с потерянием артиллерии»

Спасти своего союзника — польского короля Августа II, попавшего в отчаянное положение, Петр не мог. Русский вспомогательный корпус И.Р. Паткуля после неудачной попытки взять Познань ушел в ноябре 1704 г. в Саксонию.

Военная сила Карла оставалась еще настолько грозной, что союзники не осмеливались подступиться к Центральной Польше, не говоря уже о том, чтобы, используя выгодное положение, с двух сторон раздавить шведского короля. В 1705–1706 гг. за 32 тыс. Карла и генерала Реншельда, который стерег силезский рубеж, и за 10–12 тыс. жолнеров Лещинского наблюдали более 100 тыс. войск северных союзников: 35-тысячная русская армия у Гродно, до 10 тыс. литовского войска у Бреста, 20 тыс. казаков Мазепы у г. Ярослава за р. Сан, 25 тыс. коронных войск у Кракова и 19 тыс. саксонцев и русских генерала С. Ренцеля за Одером)[135]. Вторжение малороссийских войск не напугало польских магнатов. «Страха казацкого», который охватил Польшу во время освободительной войны 1648–1654 гг. уже не было.

О концентрированном ударе со всех сторон по шведам не думали. Петр предлагал оставить в Саксонии большую часть войска, а самому Августу с 8–10 тыс. чел. соединиться с русскими в Литве. Вместо этого «полет мысли» саксонского силача предлагал русскому союзнику десантироваться на Стокгольм и наложить на Швецию контрибуции[136].

Августа II после очередного поражения у Пуница скрылся за рубежом Священной Римской империи, который шведский король не мог переступать без риска осложнить отношения с «Великим союзом», воевавшим тогда против Франции. Из России польскому королю советовали пробираться в польское королевство обходным путем через Словакию, соединиться с казаками Мазепы, и потом русские полки могли бы войти в Польшу для поддержания его трона[137].

В середине июня 1705 г. русское командование приняло решение занять основные центры Великого княжества Литовского, а отдельному корпусу Шереметева идти против командующего всеми войсками в Лифляндии, Курляндии и Земгалии графа Адама Людвига Левенгаупта, который

продвинулся на юг до Ковно. «Легкий», без пехоты, поход Шереметева должен был отрезать графа от Риги и ликвидировать угрозу русским тылам при продвижении войск Петра I в Польшу. В случае успеха Шереметев должен был идти к Гродно.

Мазепе было приказано с 30 тыс. казаков идти из Батурина к Сандомиру и Бресту. По сравнению с каролинцами воинство Шереметева выглядело в глазах поляков по-восточному экзотично: калмыки, навьюченные верблюды, священник с крестом и Евангелием, расписная карета русского фельдмаршала и «азиатская роскошь» свиты.

1 июля 1705 г. главные русские силы под командованием Петра, Огильви, Меншикова были направлены из Полоцка в сторону Вильно и Гродно, 15 июля дошли до литовской столицы. Для Лифляндии, Риги и корпуса Левенгапута все это угрожало опустошительным вторжением теперь уже с южного направления. Отправление против Левенгаупта ограниченного контингента Шереметева вместо всей армии оказалось ошибкой. «Нехваткой пехоты» объясняло позже русское командование причины поражения фельдмаршала при Гемауэртгофе (Мур-мызе)[138]. Возможно, тогда ввела в заблуждение «всегдашняя удача в 1701–1704 гг.».

Уйдя из-под удара главных русских сил к северу, граф занял хорошо прикрытую позицию на р. Света в 30 км к югу от Митавы — у Гемауэртгофа. Слева его 7-тысячный корпус (36 эскадронов, 13 пехотных рот, 10 пушек, 3 польских хоронгви) прикрывался речушкой, правый упирался в болото. В тылу, за обозом, был лес. О примерных силах Левенгаупта Шереметев знал от языков. В распоряжении фельдмаршала было три полка — 2 875 пехотинцев, 6 976 драгун, 10 гаубиц, 6 пушек и 2,5 тыс. казаков.

Несмотря на примерное равенство сил, «воинская дума» высказалась за нападение. За плечами Шереметева был уже трехлетний опыт побед. Нападать он решил с ходу. В третьем часу дня русские начали строиться и Левенгаупт, желая опередить противника, послал своих вперед, с кличем «С Божьей помощью, во имя Иисуса!».

Первыми стали бить русские пушки, им ответили шведские. По оценке придворного историографа шведского короля, камергера г. Адлерфельда, «московиты» встретили противника хладнокровно, дружным ружейным огнем. Часть драгун генерал-майора Р.Х. Боура перешла речушку и бросилась на шведскую конницу левого крыла, посадив сзади на коней по пехотинцу. Дерзкий, с воплями и свистом «напуск» сбил 15 эскадронов назад, но огонь шведских батальонов отогнал русских всадников.

Началась шведская атака на русскую пехоту центра и левого русского фланга, которая не успела сформировать плотную линию и уйти обратно за ручей. По русской «реляции» бой в центре и на левом фланге долго велся на равных[139]. Согласно шведским источникам, пехотинцы Левенга-

упта имели превосходство в массированном огне, они оттеснили противника и покололи часть врага в рукопашной[140].

Шереметев нарушил одно из основных правил — взаимодействие родов войск. Новую атаку драгуны правого фланга начали вопреки линейной тактике, без пехоты и артиллерии. Врассыпную конники форсировали речушку и врубились в шведский фланг и тыл. Опасность охвата заставила графа отвести левое крыло назад. В руки русских попали 3 пушки. В азарте боя, забыв петровскую науку, драгуны полковника Игнатьева, гикая вместе с командиром и офицерами, вырвались из строя и погнались за противником как в добром XVII в. Команд фельдмаршала никто не слышал. Видимо, в этот момент он бросился в зону огня и был ранен.

Атака была погашена не шведами, а шведским обозом — драгуны принялись за грабеж повозок[141]. Клонившаяся в сторону русских победа уплыла к шведам. Получив передышку, они построились в боевой порядок и погнали не только драгун смертельно раненого Игнатьева, но и всю русскую конницу и пехоту обратно.

Солнце шло на закат, когда граф двинул свою уставшую пехоту, построенную в одну линию в заключительную атаку через ручей. У Шереметева к этому времени из строя выбыли 308 драгун, но больше убитыми и ранеными потеряла пехота — около 1 000 чел.

Русские начали покидать поле боя. Отступление не было беспорядочным — они спалили свой обоз, якобы перебили (по данным противника) пленных шведов, взятых ранее в Митаве, но не смогли увезти 13 пушек — все упряжные лошади погибли. Бой показал, что русская кавалерия еще плохо освоила линейную науку. Командование не могло контролировать ход сражения, и до 1709 г. обязательным стало правило — драгунам ходить в атаку шагом «или малой грудью».

Преследовать Шереметева Левенгаупт не мог. Ни один русский солдат не попал в плен! Пропавшие без вести солдаты через несколько дней вернулись в отряд.

Наградой графу за упорный, почти часовой бой, выигранный ценой огромного напряжения и потерь (1 900 убитых и раненых) был чин генерал-лейтенанта.

Митавские жители, видевшие воинов Левенгаупта после Гемауэртгофа, говорили, что едва 3 тыс. могли нормально нести свои мушкеты. По отзывам победителей, они сами не знали, как «сия виктория им досталась» и если бы русские утром повторили нападение, то «ни одна бы душа не спаслась»[142]. 1 августа царь приказал Шереметеву, «не жалея себя и лошадей», догнать Левенгаупта, не позволить ему спрятаться в Риге, однако в бой не вступать, а задерживать его на переправах. «Местного значения» бой при Гемауэртгофе имел важные стратегические

последствия. После захвата Нарвы и Дерпта обстановка, казалось, диктовала нападение на Ригу. Но Рига, как считали шведы, была спасена как раз победой Левенгаупта. Петр не пошел из Вильно в направлении к Рижскому заливу.

В то время как Шереметев неудачно пытался уничтожить корпус Левенгаупта, поляки Сандомирской конфедерации и саксонцы пытались сорвать коронацию Станислава Лещинского.

На Варшаву из района Бреста пошел саксонский генерал-лейтенант Отто Арнольд Пайкуль вместе с великим литовским гетманом М. Вишневецким и частью коронного войска.

20 (31) мая 1705 г. союзники по левому берегу Вислы подошли к стоящим в готовности трем рейтарским полкам шведского генерал-лейтенанта Карла Нирота (по 800, 500 и 750 рейтар.) Бой проходил без предварительной диспозиции. Саксонские кавалерийские полки центра (3650 чел.) Пайкуль поставил в две линии, каждую в 3 шеренги. На правом фланге он поставил 40 коронных хоронгвей по 65 чел., на левом — 50 литовских по 60 чел. Союзники надеялись охватить фланги шведов. Нироту пришлось растягивать свою линию из двух шеренг, оставляя большие прогалы между полками. 6 эскадронов Пайкуля попытались через эти интервалы напасть на фланг полковника Крусе.

Шведский центр почти сразу опрокинул саксонцев, то же самое произошло и на фланге Крусе, который даже перебросил на левое крыло один эскадрон и всех 60 пехотинцев. Литовские и польские хоронгви сбежали к пригороду Варшавы Воле. Там шведы еще раз напали на них и прогнали за Вислу. Генерал-лейтенант Пайкуль сдался и был казнен в Стокгольме как бывший подданный шведской короны и государственный изменник.

Коронация «насильника и нахала» Станислава I (так переводилось тогда слово узурпатор) беспрепятственно состоялась 5 октября 1705 г. в костеле Св. Яна в Варшаве. Сила саксонского союзника таяла на глазах, несмотря на русские субсидии. 28 ноября 1705 г. шведы заключили неравноправный договор с Польшей Лещинского, превратив ее в вассальное государство.

Набеги мелких русских конных отрядов к Варшаве ничего не могли изменить.

С того же 1705 г. начались исторические потрясения в России — череда восстаний в Астрахани, Башкирии, на Дону, Масштаб астраханского восстания настолько обеспокоил правительство, что на защиту столицы послали с театра военных действий адмиралтейца Ф.М. Апраксина. От Петра была получена весть, что Карл двинется на Новгород, и вплоть до 25 сентября 1705 г. главный начальник Адмиралтейского приказа охранял новгородские рубежи. С 25 сентября всем «новгородским полкам» было приказано стоять «насмерть» под столицей, защищая ее от астра-

ханских бунтовщиков. Правда, в октябре полки Апраксина были распущены, кроме трех, которые отослали вместе с Шереметевым к Астрахани[143].

«Пошаливали» крымские татары, староверы-донцы («капитоны») просили Мазепу, чтобы тот с крымским ханом и Донским войском ополчился на Москву[144]. Для защиты Азова и воронежских верфей приходилось посылать малороссийских «черкасских казаков»[145] и жечь степи, вместо которых, бывало, горели леса. Беспокоили слухи из-под Чернобыля, что 18 хоронгвей коронного подскарбия Ежи Любомирского готовятся идти за Днепр войной на малороссийские города[146].

Казалось, после захвата Нарвы и Юрьева можно было бы осаждать Ревель и Пернов (так полагал английский посол Ч. Витворт), но нужно было спасать саксонского и польского союзника, и Петр послал русскую армию на запад к Бугу. **Военная стратегия Петра I была нацелена только против главного геополитического противника**. Всех остальных соперников царь стремился нейтрализовать или вовлечь в союзные отношения. Позже эту внешнеполитическую концепцию канцлер императрицы Елизаветы Петровны А.П. Бестужев-Рюмин назвал «системой Петра Великого»[147]. Используя силу новой армии, царь мог бы захватить все древнерусское наследие Речи Посполитой. Однако на первом плане для реформатора стояли морские доктрины. Он отказался от традиционного русско-польского соперничества за белорусские и украинские земли и не начал «Польскую войну» против шляхетской республики, превратившейся в конфедерацию воеводств, где эгоистическое магнатство и шляхетство довело свое государство до самораспада и разделов в 1772–1795 гг.

Чтобы отсечь Лифляндию и сделать поход в Польшу безопаснее, царь с 40 тыс. войска подошел 14 августа 1705 г. к Митаве, приказал готовить туры и фашины, 2 сентября бомбардировал митавский замок и 4–5 сентября принял его капитуляцию.

По словам Петра, Левенгаупт удалялся от него, как «Нарцисс от Эха». Путь на запад, казалось, был открыт, однако русские войска не пошли за Вислу, а остановились у Гродно, где было решено устроить зимние квартиры, впервые так близко от главной армии шведского короля. Солдатских полков там было 23 126 чел.[148] Все боевые акции союзников в то время преследовали цель «разволочь» силы Карла XII, чтобы «дать отдух» Августу II[149]. Однако, как и в 1700 г., русская армия могла попасть под удар с севера от Риги и с юго-запада от Варшавы. Шведы продолжали свою наступательную стратегию, и Петр считал, что перед ними надо «уступать» с места на место, утомляя мелкими набегами[150].

В ноябре 1705 г. на совете в Гродно Август II и Петр I решили по весне взять шведов в клещи: с запада — почти 20-тысячным саксонским войском фельдмаршала И.М. Шуленбурга и с востока от Гродно — 40-тысячной Русской армией под командованием фельдмаршала Огильви. Но

Реншельд и шведский король порушили этот план. В зимнюю стужу 1706 г. Карл XII с 20-тысячным войском, при котором было и 4 тыс. «сапежинцев», неожиданно появился под Гродно, решив пленить Огильви вместе с армией или уморить ее голодом. Русскому командованию пришлось даже учитывать вероятность похода шведов на Москву.

Август II, опасаясь за Саксонию, заклинал не выводить русские войска из Гродно и не верить слухам о марше шведов прямиком на русскую столицу, где те якобы обоснуются и поднимут «русский бунт». Похвальбу Августа II освободить гродненских страдальцев саксонской кавалерией и Коронным войском[151] не приняли во внимание.

Гродно как место зимовки понравилось Меншикову. «Натуральная фортеция» имела с двух сторон ров, а сзади крутизну к Неману. Главнокомандующий русской конницей лихо заявлял, что здесь даже три сотни отобьются от главной шведской армии[152].

С октября 1705 г. 25 тысяч инфантерии под командованием Огильви стали обосновываться на зимовку в городе. Пояс русских войск от Митавы до Замостья отделял часть Литвы, Белоруссию и Украину от польских этнических земель. Саксонская и русская кавалерия заняла позиции от Августова до Пултуска[153].

10 русских полков держали посты в Курляндии против Левенгаупта, у Тикоцина стояли коронные хоронгви, у Люблина — конные части саксонского фельдмаршала И.М. Шуленбурга, на Волыни, вплоть до Замостья, — казаки Мазепы, у Кракова — саксонские драгуны, у Губена в Силезии — 18 тыс. саксонско-русских войск фон Штейнау. Всего 50 тыс. кавалерии[154].

Не успели солдаты отогреться от слякотных и морозных переходов, как всех сразила тревожная весть: по зимнику, в январскую стужу Карл XII заставил своих воинов совершить молниеносный 250-километровый бросок от Варшавы до Гродно. Русская армия, как и прежде, воевала «как слепая», без дальней разведки, и ей грозило уничтожение, как под Нарвой. Только что в декабре 1705 г. Меншиков успокаивал, что шведы обретаются на прежнем месте, а уже 13 января 1706 г. пути на восток были отсечены. Кавалерия союзников не только не сдержала противника, но даже не смогла осведомить о нем. Теперь не 10, а 20 тыс. шведов (8 пехотных полков, 4 драгунских и 5 рейтарских) сели русским «со шпагою на шею», заперев их в Гродно. За обледенелыми валами люди оказались на краю катастрофы. В «гродненском изнурении» солдаты, драгуны и жители гибли от морозов, «наготы и босоты». Из-за куска хлеба случались убийства. Умирали даже высшие чины армии (генерал Венедиер и бригадир Ридер.) Больные и истощенные люди пытались бежать из города, но вязли, падали и гибли в сугробах. Войска пришли «едва не в последнее бедство». Урон в личном составе достигал 25%, в лошадях — до 40%.

О конных рейдах по шведским тылам, подобно «свейским походам» Шереметева, боялись и думать. (Шведы тоже страдали от нехватки продовольствия — они пиками отыскивали крестьянские ямы, куда ссыпалась рожь, и ели зерно.) Возможно, в феврале-марте у Карла XII созрела мысль напасть на Саксонию[155].

Штурмовать зимой крепость было бессмысленно, но шведы надеялись, что тиф и цинга быстро скосят скученное на ограниченном пространстве войско.

По приказу царя из Гродно уехал Меншиков, не уведомив Огильви. 17 января 1706 г. с шестьюстами саксонскими гвардейцами и четырьмя русскими драгунскими полками вырвался за саксонской помощью Август II. Настроение осажденных упало. С 16 января Петр требовал вырываться отрезанному гарнизону из мышеловки. Огильви, наоборот, собирался отсидеться за валами до подхода саксонцев. Наемный фельдмаршал в письме к Петру, написанном после 20 января, жаловался и храбрился: он-де покинут без провианта и не может без «всеконечного разорения» двинуть войско ни вперед, ни назад. Огильви сообщал, что в Гродно на 18–20 января находится мушкетеров 14 333, больных при полках — 861, в посылках и отлучках, 4 229, неизвестно куда пропали 11 офицеров и 1 772 рядовых. Муки только 3 187 бочек, сухарей 4 127 бочек, круп 241 бочка. Лошадей под артиллерию нет, в иных драгунских ротах только по 50 человек. Если бы армия была в порядке, он бы напал на шведов, которые сейчас рассеялись по разным сторонам. Августу II надо помочь деньгами, и если к Гродно придут саксонцы, он учинит неприятелю «потужную диверсию». Огильви советовал двинуть на запад от Смоленска 50-тысячную армию, включив в нее 20 тыс. «доброездных дворян с добрыми саблями или палашами», Мазепе крепить Оршу и выставить у Минска 10 тыс. казаков. При таком раскладе, если «стоять крепко и без конфузии», то шведов можно изгнать из Польши и Литвы, заключал фельдмаршал.

Прав оказался Петр — попытка саксонцев высунуться за силезскую границу окончилась разгромом.

1.5.«Шведские свирепые поступки»

Если прежние шведские короли «откусывали» по частям балтийские берега, то «последний викинг» превратил в зону господства почти всю территорию Речи Посполитой. Бои за окраины — за Лифляндию, Ингерманландию, Нарву, Дерпт, Орешек и Ниеншанц, он считал второстепенными. 2(13) февраля 1706 г. Карл XII нанес союзным войскам самое сокрушительное поражение после нарвской катастрофы.

Август II в ответ на коронацию Лещинского побудил Шуленбурга напасть из Саксонии на оставленный в Познанском воеводстве 12-тысяч-

ный корпус генерал-лейтенанта К.Г. Реншельда и через Варшаву пробиться к Гродно.

Карл Густав Реншельд (1651–1722) был почти земляком Шуленбурга (родился в Штральзунде), учился в Грейфсвальдском и Лундском университетах, знал кроме немецкого и шведского латынь и французский. Службу начал прапорщиком в 1673 г. и был примером для солдат в тяготах походной жизни. Невысокий ростом, профессионал, отличался волей, храбростью и выносливостью, был талантлив в военном деле, честолюбив, немногословен, высокомерен, несдержан и язвителен. Чин генерал-лейтенанта получил в 1698 г. Карл выбрал его своим военным наставником. Когда 19 октября 1718 г. на Аландском конгрессе Реншельда обменивали на генералов А.М. Головина и И.Ю. Трубецкого, то русская сторона выставила условие не участвовать всем троим в войне[156].

Чтобы обмануть Шуленбурга, Реншельд распустил во Фрауштадте слух, что намерен избежать сражения с численно превосходящим саксонско-русским войском и отступает. Действительно, против 12 неполной численности шведских батальонов (4 500 чел.) и 37 эскадронов (5 700 чел.) у Шуленбурга, который собрался до тла разорить имения короля Станислава, было 18 300 чел., 29 пушек, 2 гаубицы и 44 ручные мортирцы для метания гранат. Состав его воинства был пестрым — 42 эскадрона конницы (около 2 000 чел.), 19 батальонов (9 375 чел.), среди которых было 3 батальона французов и швейцарцев, плененных принцем Евгением Савойским под Хохштедтом 13 августа 1704 г. и уступленных Августу II[157]. Вспомогательные войска из России — 10 солдатских и 1 стрелецкий батальон насчитывали 6 362 чел. Часть русских вместе с больными была оставлена в обозе. Заброшенные из Киева в 1703 г. к саксонцам 11 русских полков претерпели несчастную судьбину — уцелело из них только пятая часть. Всех славянских штаб- и обер-офицеров саксонцы заменили на своих и велели сократить обоз, сжечь солдатские телеги, палатки и запасную одежду. Командовавший ими бригадир Ерц, получавший деньгами за провиант, морил людей голодом, и многие умерли или дезертировали. После рассмотрения жалоб солдат он был арестован, но сбежал к шведам. Вместо Ерца командиром был назначен другой саксонец — генерал-майор Ганс Генрих Востромирский.

В 1706 г. позиция саксонцев после перехода по льду р. Одер казалась неплохо выбранной. В трех милях от Фрауштадта (польск. Всхова) на открытом поле свой плотный фронт длиной в 2 км они прикрыли испанскими рогатками и балками с ввинченными в них длинными ножами. Пушки были расставлены тремя группами перед пехотой, причем 6-фунтовые стояли по центру. Фланги упирались в две большие деревни — Гейерсдорф и Рерсдорф. Конницу расположили на концах пехотных линий за этими деревнями, чтобы скрыть намерение напасть на шведские флан-

ги[158]. Почти в центре стояли три «французских» батальона, и в их распоряжении находилось 12 пушек. Две линии пехоты без разрывов стояли очень близко одна от другой, что позже обернулось несчастьем. Перед сражением Шуленбург приказал соблюдать сплоченность, внимать командам, пресекать ложные слухи и закалывать в бою паникеров. Пехота, начиная с дистанции 100 шагов, должна была сделать 5–8 залпов. Русским посоветовали вывернуть мундиры красной подкладкой наизнанку, чтобы не отличаться от саксонцев. Возможно, часть русских солдат поменялась мундирами с союзниками, ибо атака ожидалась именно на них[159]. Вопреки прошлым неудачам, саксонцы решили бодрить себя кличем: «Macht nieder alles!» («Разваливай все!».)

1 февраля Реншельд приказал изготовиться к наступлению к 4 часам утра следующего дня. Его план состоял в том, чтобы фланговыми ударами конницы сбить саксонскую кавалерию, зайти в тыл и потом всем войском окружить пехоту противника. Битву все ждали с необычайным подъемом, «московитов» военачальники изначально условились истребить, чтобы отплатить за разорения в Прибалтике.

В 7 часов утра 2 февраля все полки, пропев с воодушевлением псалмы, под девизом «С Божьей помощью, и да будет все как при Клишове!» пошли тремя колоннами по заснеженным полям на сближение. В полдень колонны развернулись в тонкую линию длиной почти в 3 км. Ненастье, как и под Нарвой в 1700 г., было на руку атакующим — дождь со снегом слепил глаза противнику. Еще до подхода шведов саксонцы стали нервничать. Кавалерия, скученная в четыре линии, «не дав ни единого залпа», бежала, когда шведские эскадроны, завернув за деревни, не приблизились и на 500 шагов. Из 22 эскадронов правого фланга приказ о контратаке выполнили только два. Бегство было настолько стремительным, что шведы не могли настичь беглецов. Избежав потерь, саксонские всадники сбросили кирасы и принялись грабить русский и собственный обоз.

Русская пехота, оставшись без прикрытия, открыла залповую стрельбу преждевременно по наступавшим без выстрелов шведам. Саксонцы успели с 10–12 шагов (!) произвести пушечные выстрелы по всему шведскому фронту картечью. Шведы только у самых рогаток сделали один залп и стали раскидывать их, чтобы сделать проходы. Главный удар был направлен на слабейшее звено: французы и швейцарцы бросали на землю знамена, заряженные мушкеты и сдавались, когда их окружала даже малая группа шведов. Как и под Нарвой, вломившись в строй, шведы развернулись в две стороны, в основном против русских, и заработали штыками, пиками и шпагами. Драгуны напали на пехоту с тыла, 12 трофейных пушек открыли фланговый огонь по русским, «отчего российские люди пришли в конфузию и от жестокой стрельбы розбиты»[160]. Востромирского, испуганные стрельбой упряжные лошади в начале боя зацепили дышлом и унесли

к шведам. 4 русских полка и гренадерский батальон, которые стояли в окружении в передней линии, «с места не сошли и были все перебиты». Реншельд, командовавший на правом фланге, «врезался со шпагой в московитские батальоны и крушил всех, кто попадался ему по пути»[161]. Бегущие из первой линии завалили строй второй. Однако некоторые полки держали строй, *«особливо российские гораздо устояли… однако же и они за сметением других и понеже наши бегущие на них же навалилися, выстрелять не могли»*[161]. Шведские драгуны напали на неприятеля с тыла. Солдаты метались как безумные, не слушали офицеров и гибли под выстрелами и штыками, писал Шуленбург Августу II через 2 дня. С трудом часть солдат была поставлена в строй, но в расширявшиеся интервалы вливались новые массы пехоты и конницы, рубившей рассыпавшиеся батальоны. Примерно час отстреливались 14 (большей частью гвардейских) батальонов правого фланга, но они боялись сдвинуться с места. Вторая линия не поддержала первую. Вопли об окружении вызвали всеобщий ужас, части стали стрелять друг в друга.

Сражение Реншельд провел мастерски — вдвое меньшими силами он окружил противника и через 2 часа истребил его.

Если под Нарвой в 1700 г. пленных отпустили, а успехи царя в Прибалтике с 1701 по 1705 г. были оплачены весьма скромной ценой — 5 724 убитых и умерших от ран, [163] то здесь военачальники К.Г. Реншельд, М. Стенбок, К.Г. Руус и распоряжавшийся центром А.А. Мардефельт устроили «русскую бойню». Сдаваясь, люди бросались на колени, но их приканчивали — до 5 тыс. русских было перебито на месте или при бегстве к обозу и к Фрауштадту. Саксонцев погибло всего около 700 чел., остальных пощадили. Соотношение числа погибших показывает, что уничтожение русских было заранее обговорено. Бежавших шведы выбили из обоза, но дальше не преследовали. Только валахи добивали рассеянных солдат вплоть до силезской границы. Из 18 300 чел. лишь 3 тыс. удалось спастись. Из 7 638 сдавшихся саксонцев многие перешли на шведскую службу. 2 тысячи из них были посланы на Карельский фронт против русских. Шведы потеряли всего 425 чел. убитыми и 1077 ранеными[164].

Участник сражения лейтенант И.М. Лит оставил такое описание кровавой расправы: «*…те, кто не был убит в акции, бросали оружие, срывали треуголки и взывали о пардоне, который саксонцы везде получали, а русские нет. Без разрешения его превосходительства господина генерала Реншельда драгуны, кавалеристы и пехотинцы образовали круг, в который собрали всех уцелевших русских — приблизительно 500 человек, которые тут же безо всякой пощады были перестреляны и перерезаны, так что они валились друг на друга, как овцы на бойне*»[165].

Шведский очевидец, обеляя Реншельда, не записал, что русских пленных издевательски клали по 2–3 человека друг на друга и прокалывали

их пиками и штыками[166]. Потом добивали раненых, разыскивая их в течение двух дней среди пленных саксонцев по вывернутым красным наизнанку мундирам, выводили перед строем и простреливали голову[167]. Жестокость того времени была всеобщей. Расправу с пленными позже одобрил Карл XII, видимо, как месть за разоренные Анфляндию и Эстляндию. Захваченных позже пленных уже не истребляли, но рубили 2 пальца правой руки и прогоняли[168].

Из русских полков и гренадерского батальона уцелело только 3 батальона (не более 1500–1600 чел.), которых потом собрал по саксонским и польским землям полковник С. Ренцель. Он увел их в Саксонию, потом на Рейн. Затем по разрешению императора Иосифа I (1705–1711) через германию они вернулись в Польшу на соединение с русской армией.

Шведам досталось 29 пушек, 2 гаубицы и 74 знамени[169]. По количеству убитых и пленных победа шведов при Фрауштадте сопоставима с русской победой под Полтавой.

Реншельд заслуженно получил титул графа и звание генерал-фельдмаршала, но сделал ошибочный вывод о возможности обходиться без артиллерии.

Поражение настолько пришибло Августа II, что тот собрался обменять остатки своих ненадежных солдат на датчан, с чем соглашался («хотя бы и меньшим числом») и Петр I. Веттин жаловался, что Шуленбург был им «принесен в жертву» ради выручки гродненской армии, — ведь отсидевшись в Саксонии, тот якобы мог поднять выше боеспособность своих частей.

После «несчастливой баталии саксонской» Петр приказал немедленно вырваться из Гродно, бросая все тяжести, лишь бы спасти живую силу. То, что шведы окрестили «постыдным бегством»[170], на самом деле было спасительным прорывом измученной армии. Высвобождение из «гродненского сидения» и 44-дневный марш русской армии на Тикоцин-Брест-Луцк-Киев военные историки называли шедевром военного искусства[171]. Рассчитав погодное время, А.И. Репнин 22–23 марта 1706 г. вывел войска из гиблого места через Неман, на юго-запад, в противоположном от Карла XII направлении. И хотя пришлось бросить часть артиллерии, обоз и оставить в Гродно много больных, шведский король из-за начавшегося ледохода не мог пуститься в погоню ранее 3 апреля 1706 г., а вскоре после этого он был остановлен гигантским половодьем в Полесье. 8 июня русская армия, уменьшившись на 14 тыс., была уже под защитой стен Киево-Печерской крепости. Строптивец Огильви был освобожден от «обер-команды» и в августе 1706 г. уехал из Киева к своему «государю-цесарю для лечения теплыми водами».

Меншиков иронизировал над Карлом XII: «Король шведцкой, сказывают, как уведал о выходе наших войск из гродни, то таков был весел, что

волосы на себе драл»[172]. Состояние отступившей армии после марша в несколько сотен километров было настолько плачевным, что пораженный ее видом саксонский генерал-майор и генерал-адъютант Йост Фридрих фон Арнштедт, писал своему королю, что она не восстановит боеспособность даже в будущем, а малейшие тяготы войны вызовут бунты в ней[173].

Саксонцы боялись, что армия царя вообще покинет Речь Посполитую. Но Петр I не отказывался от основной стратагемы: «не дать выгнать» из Польши Августа II, который худо-бедно связывал руки шведам. Саксонскому и польскому союзникам следует воздать должное — благодаря их сопротивлению из семи лет после нарвского поражения в 1700 г., лишь 6 месяцев в первой половине 1706 г. наша армия имела перед собой главные силы шведов.

Примечания к главе I

[1] Северная война 1700–1721 гг. Сб. документов. М., 2009. Т. 1. С. 13–20.

[2] *Палли Х.Э.* Между двумя боями за Нарву. Эстония в первые годы Северной войны (1701–1704.) Таллин, 1966. С. 111.

[3] *Blome A.* Das deutsche Russlandbild im frhen 18. Jahrhundert. Untersuchungen zur zeitgenossischen Presseberichterstattung über Russland unter Peter I. Wiesbaden, 2000. S. 94.

[4] *Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России во второй половине 17 в. (1648–1700) // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. № 9. С. 90.

[5] *Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России… С. 85–86.

[6] ППВ. Т. 1. С. 383.

[7] *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986. С. 85–86.

[8] На это рассчитывал новгородский воевода кн. И.Ю. Трубецкой еще в мае 1700 г., основываясь на показаниях лазутчиков в Нарве. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1700. Д. 1. Л. 85, 119. Заслуги и подвиги его светлости, князя Александра Даниловича Меншикова… // Сын Отечества. 1848. Кн. 1. С. 30.

[9] *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. М., 1948. Т. 4. С. 464.

[10] «По многим домогательствам министра Ланга не в удобное осеннее время, для облегчения ему отвращения неприятелских сил, атаку Нарвы начать». — писал Петр позже, 27 апреля 1707 г. ППВ. Т. 5. С. 208.

[11] *Swedenborg E.* Festivus applausus in Caroli XII in Pomeraniam suam adventum. Uppsala, 1985. P. 115.

[12] См. письма русского посла А. Хилковаиз Швеции: РГАДА. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 6. Л. 779об. – 780, 789 – 790 об.

[13] Летописец 1700 года. СПб., 1868. С. 15.

[14] *Гудима-Левкович П.К.* Очерк исторического развития вооруженных сил России до 1708 г. с критическим разбором кампании 1708 г. // Военный сборник. 1876. № 1. С. 41.

[15] Заслуги и подвиги его светлости. Кн. 1. С. 18.

[16] *Рабинович М.Д.* Формирование регулярной русской армии накануне Северной войны // Вопросы военной истории России в XVIII — первой половине XIX вв. М., 1969. С. 229–232.

[17] *Чернов А.В.* Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М., 1954. С. 162,

[18] ППВ. Т. 1. С. 806; *Богословский М.М.* Петр I… Т. 4. С. 183.

[19] *Рабинович М.Д.* Формирование регулярной Русской армии накануне Северной войны С. 225.

[20] *Blome A.* Das deutsche Russlandbild... S. 96.

[21] ППВ. Т. 1. С. 806, 814.

[22] Переход на типовые калибры стал осуществляться только после Нарвского поражения. Артиллерийские школы стали создаваться в 1701, 1712, 1721 гг., школы сержантов — с 1707, инженеров — с 1709, 1710 гг.

[23] *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. СПб., 2004. С. 42–44.

[24] Летописец 1700 г. года. С. 18–19.

[25] Такие трофеи достались шведам. См.: *Bengtsson F.G.* Karl XII: slevnad. Stockholm, 2001. S. 164.

[26] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1700. Д. 1. Л. 85, 119.

[27] *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве… С. 49–50.

[28] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 19. Л. 26–27 об., 49 об. Подробное описание хода осады по дням оставил в своем дневнике с 5 сентября 1700 г. по 26 мая 1701 г. опытный инженер, саксонец Людвиг Николай барон фон Алларт (1668–1728), принятый на русскую службу в 1700 г. в чине генерал-поручика.

[29] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1700. Д. 18. Л. 1–7.

[30] Такие данные приводил Л.Н. Алларт по показаниям перебежчиков. РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 13. Л. 19.

[31] *Wrangeil G.* Die Schlacht bei Narva am 19. 11. 1700 // Die harrisch-wierische Ritterschaft. Reval, 1914. S. 28.

[32] ГСВ. Вып. 1. С. 209.

[33] РГАДА. Оп. l. 1700. Д. 15. Л. 6 об., 34.

[34] РГАДА. Оп. l. 1700. Д. 15. Л. 33; Тамже. Ф. 96. Оп. l. 1700. Д. 18. Л. 1–7.

[35] Когда Шереметев был 17 ноября у Силламягги, ему сообщили, что в 9 милях от Нарвы уже находится дивизия Репнина и восемь тысяч казаков, но что царь покидает армию. — РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 13. Л. 32.

[36] ГСВ. Вып. 1. С. 206. В черновой инструкции герцогу де Круи было написано, что царь покинул армию, чтобы побудить полки к скорейшему маршу, а особенно для свидания с Августом П. ППВ. Т. 1. С. 405. До сих пор отечественная историография повторяет такое объяснение. См.: История Северной войны 1700–1721. М., 1987. С. 46. Были также сведения, что царь поехал навстречу к ту-

рецкому великому послу, прибывшему в Москву, или ускорить прибытие артиллерии или дивизии Репнина.

[37] *Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser. Göttingen, 1964. Bd. l. S. 236, 446, 450.

[38] В 1705/1706 гг. Август, номинально командуя союзными войсками, ушел от Гродно из-под шведского удара вместе с саксонцами и четырьмя русскими полками. Находясь в тяжелейшем положении на Пруте в 1711 г., окруженные 130-тысячным османо-татарским войском и практически не имея земляного оборонительного вала, как под Нарвой, царь и военный совет решили пробиваться из окружения вместе с армией. Взять в котел под Нарвой превосходящие русские силы шведы бы не смогли, поэтому даже после поражения войска могли бы пробиться к Новгороду.

[39] «Выбор главнокомандующего является одним из самых сложных вопросов управления, одной из важнейших частей военной политики государства». *Жомини А.* Очерки военного искусства. М., 1939. Т. 1. С. 62.

[40] *Панченко А.М.* Церковная реформа и культура петровской эпохи // Восемнадцатый век. СПб., 1991. С. 14.

[41] *Нартов А.А.* Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи.) СПб., 2001. С. 90–91.

[42] *Bengtsson F.G.* Karl XII: slevnad… S. 129, 141.

[43] Karl XII på slagfältet: karolinsk slagledning sedd mot bakgrunden av taktikens utveckling fran åldsta tiden. Stockholm, 1918. T. 3. S. 298–299, 318. 8 тыс. указано в русских источниках: «Когда король швецкий город Нарву выручил, и с ним войска было 8 тысяч, а Лейб-регимент конной, в котором 2 тысячи состояло, хотя у него и указ был, не могли в то время до Нарвской атаки поспешить» // РГАДА. Госархив. Разряд XX. Л. 1–3. *Бутурлин Д.П.* Военная история походов россиян в 18 столетии. СПб., 1819. 4. 1. Т. 1. С. 42.

[44] «Объявление с швецкой стороны о баталии при Нарве» Из Нарвы ноября в 24 день. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1700. Д. 18. Л. 10–12.

[45] Летописец 1700 года… С. 5–6; *Hallart L.N.* Das Tagebuch des Generals von Hallart über Belagerung und Schlacht von Narva 1700. Reval, 1894. S. 5–6.

[46] Иоганн Гуммерт — Петру I. 6 августа 1701 г. из Нарвы. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1.. Д. 5. Л. 4 об.

[47] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 13. Л. 3–6 об.

[48] *Wisocki-Hochmuth L.* Dagbok af en Ingeniör-officer L. Wisocki-Hochmuth 1700–1708 // Karolinska krigares dagböcker. Lund. 1903. Bd. 2. S. 127.

[49] *Бранденбург Н.Е.* Исторический каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея. СПб., 1877. 4. 1. С. 108, 111.

[50] Заслуги и подвиги…ЬСн. 2. С. 33. См. также план Нарвской битвы, хранящийся в РГВИА. Ф. ВУА. № 1445. Л. 9. Всего стрельцов в 5 стрелецких полках — было 2184 чел. *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4. Ч. 2. С. 468.

[51] После окончания «великодержавия» ничего подобного у шведов не было. См. также: *Артамонов В.А.* Подъемы и спады державного сознания в истории

России IX–XX вв. // Патриотизм — духовный стержень народов России. М., 2006. С. 7–25.

[52] Запись Л.Н. Алларта. РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 13. Л. 41.

[53] *Палли Х.Э.* Между двумя боями за Нарву. С. 115.

[54] *Sarauw Chr.* Die Feldzüge Karls XII. Ein quellenmässiger Beitrag zur Kriegsgeschichte und Kabinetspolitik Europas im XVIII. Jahrhundert. Leipzig, 1881. S. 59; *Korkiakangas O.* Kaarle XII: n kenttäarmeijan huolto sotaretkillä. Vuosina 1700–1701. mannereurooppalaisten huoltojärjestelmien näkökulmasta. Helsinki, 1974. S. 347–348.

[55] *Jsberg A.* Propaganda och fakta om slaget vid Narva // KFÅ. 1963. S. 136. Абсурдно утверждение шведского историка Й. Нордберга, что от взаимной перестрелки шведов погибло больше, чем во время боя.

[56] *Hallart L.N.* Das Tagebuch... S. 58, 59; *Wrangeil G.* Die Schlacht bei Narva... S. 87.

[57] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 13. Л. 43.

[58] В 1697–1698 гг. стрелецкая вольница грозилась громить Немецкую слободу в Москве; *Богословский М.М.* Петр I. Материалы для биографии. Т. 3. С. 36, 38, 53.

[59] *Jsberg A.* Propaganda och fakta... S. 13.

[60] *Wisocki-Hochmuth L.* Dagbok af en Ingeniör-officer. S. 123.

[61] *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве. С. 326.

[62] Летописец 1700 г. ...С. 21.

[63] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1700. Д. 15. Л. 33–34 об. Ожесточенность отпора родила красивую для воспитания солдат легенду о том, что в память геройства гвардейцев, стоявших по колено в крови над трупами товарищей, после сражения им предоставили право носить красные чулки.

[64] РГАДА. Оп. 1. 1700. Д. 18. Л. 6 об. – 7.

[65] *Бобровский О.П.* История лейб-гвардии Преображенского полка 1683–1725. М., 2007. С. 331.

[66] РГАДА. Каб. ПВ. Оп. 6. Д. 36. Л. 43–44.

[67] Цит. по: *Григорьев Б.Н.* КарлXII... С. 102–103.

[68] Летописец 1700 г. С. 24.

[69] *Wisocki-Hochmuth L.* Dagbok af en Ingeniör-officer. S. 125; *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften, König von Schweden. Frankfurt und Leipzig, 1742. Bd. l. S. 52; *Sperling C.H.P.* Löjtnanten grefve C.H.P. Sperlings dagbok 1700–1710 // KKD. Lund, 1907. T. 3. S. 15.

[70] ГСВ. Вып. 1. С. 209.

[71] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1700. Д. 1. Л. 154, 197.

[72] История Русской армии и флота. М., 1911. Вып. 1. С. 101.

[73] Под Хельсингборгом на юге Швеции 10 марта 1710 г. датчане потеряли 4–5 тыс. чел., около сотни офицеров, 70–80 пушек и почти весь обоз. РГАДА. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 13. Л. 89.

[74] РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1700. Д. 4. Л. 190–192 об., Там же. Ф. 96. Оп. 1. 1700. Д. 18. Л. 1–4 об., 12 об.

[75] *Аскер Б.* «Нация, которой надо показывать зубы». Шведский взгляд на Россию времен Петра Великого // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур / Под ред. Т. Тоштендаль-Салычевой, Л. Юнсон. Сб. статей. М., 2009. С. 357–364.

[76] *Павловский И.Ф.* Битва под Полтавой и ее памятники. Полтава, 1909 С. 99; *Фоккеродт И.Г.* Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 43.

[77] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1700. Д. 14. Л. 1.

[78] Там же. Д. 1. Л. 175; *Bengtsson F.G.* Karl XII: slevnad... S. 144.

[79] *Балашова Ю.П.* Из истории Северной войны (от поражения под Нарвой до взятия Орешка 1700–1702 гг..) Дис. ... канд. ист. наук. М., 1960. С. 5.

[80] *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1862. Т. 4. С. 165.

[81] *Королюк В.Д.* Избрание Августа II на польский престол и вступление Речи Посполитой в Северную войну. Дис. ... канд. исторических наук. М., 1948. Т. 2. С. 354; ППВ. Т. 1. С. 346, 347, 365.

[82] *Janczak J.* Powstanie Paleja // Universytet Wroclawski im.B. Bieruta. Zeszyty naukowe. Seria A. № 23. Historia III. Wrocław, 1960. S. 111.

[83] *Коваленко Г.М.* Первые металлургические заводы в Карелии. 1670–1703. Л., 1979. С. 86

[84] *Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser. Göttingen, 1964. Bd. l. S. 308–309.

[85] ППВ. Т. 3. С. З.

[86] *Ласковский Ф.Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. СПб., 1861. Ч. 2. С. 195.

[87] РГАДА. Ф. 9. Оп. 6. Д. 36. Л. 45.

[88] *Перелштейн А.* Свидание Петра Великого с Августом II в Биржах. Рукописный дневник (Diariusz) польского дипломата — очевидца этого свидания // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских, 1853. Кн. 17. Отд. «Смесь». С. 10–17.

[89] *Палли Х.Э.* Между двумя боями... С. 131.

[90] *Там же.* С. 121.

[91] РГВИА. Ф. ВУА. № 1445. Л. 5.

[92] РГВИА. Ф. ВУА. № 1434. Л. 19.

[93] *Бутурлин Д.М.* Военная история... Ч. 1. Т. 1. С. 85.

[94] *Королюк В.Д.* Избрание Августа II... Т. 4. С. 721.

[95] ППВ. Т. 1. С. 868.

[96] *Wisocki-Hochmuth L.* DagbokafenIngeniör-officer. S. 412–415.

[97] РГВИА. Ф. ВУА. № 1445. Л. 6; *Горяинов С.М.* С. Записки сподвижника Карла XII (К истории Северной войны) // Журнал русского военно-исторического общества. СПб., 1910. Кн. 2; Karl XII på slagfaltet. T. 2. S. 412–415.

[98] *Wimmer J.* Polskie wojsko I stuka wojenna w czasie Wielkiej wojny Północnej // Studia i materially do historii wojskowości. Wroclaw, 1978. T. 21. S. 367.

[99] Karl XII påslagfältet... T. 2. S. 439; *Wisocki-Hochmuth L.* Dagbok af en ingeniör-officer. S. 153.

[100] *Королюк В.Д.* Вступление Речи Посполитой в Северную войну // Ученые записки Института Славяноведения. М., 1954. Т. 10. С. 239–347.

[101] Весной 1709 г. сторонники Станислава I прямо оповещали русских представителей в Польше, что хотят иметь с царем мир. *Артамонов В.А.* Русско-польский союз в кампании 1708–1709 годов // Советское славяноведение. М., 1972. № 4. С. 53–54.

[102] РГВИА. Ф. ВУА. № 1445. Л. 8.

[103] В то время в Лифляндии, Эстляндии, Ижорской земле и Финляндии вместе с гарнизонами шведов было 24 700 чел. (из них ландмилиции 8 тыс.), в немецких провинциях — 18 тыс. (11 тыс. в Передней Померании) и в самой Швеции 14 600 чел.

[104] Народные исторические песни / Сост. В.Н. Путилов. М., 1962. С. 221–226.

[105] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Ч. 16. Д. 1. Л. 12 об.

[106] Походный журнал Б.П. Шереметева // РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 1434. Л. 15–19, 32 об.

[107] *Палли Х.Э.* Между двумя боями. С. 155, 157, 165, 167, 203. (Отечественная литература преувеличивала силы и потери шведов.)

[108] *Палли Х.Э.* Между двумя боями. С. 163.

[109] ППВ. Т. 1. С. 887. Неверна фраза, написанная в 1726 г. после ухода части запорожских казаков в Турцию в 1709 г. о том, что «нашли не совсем выгодным, чтобы казаки изучили регулярную войну». (Заслуги и подвиги... Кн. 2. С. 54.) Кубанские казаки, потомки запорожского казачества, хорошо познакомившись с «регулярной войной», с концаXVIII в., когда они прочно осели на землю, были верной опорой Российской империи.

[110] *Петр Б.П.* Шереметеву 5 июня. СВ. Т. I. С. 133.

[111] *Палли Х.Э.* Между двумя боями. С. 183–185.

[112] *Wittram R.* Peter I... S. 251.

[113] Журнал служб графа Апраксина. — РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. П. 240. Д. 6. Л. 2–4 об.

[114] РГАДА. Ф. 9. Каб. ПВ. Оп. 6. Д. 34. Л. 13.

[115] *Кук Д.* Путешествия и странствия по Российской империи, Татарии и части Персидского царства // Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 418.

[116] Немецкое выражение «mit Kugeln im Mund» («с пулями в дулах», как готовность в любой момент дать отпор) отечественные историки до сих пор неверно интерпретируют как «с пулями во рту». См. напр.: Анисимов Е.В. Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб., 2003. С. 23. Нем. *der Mund* означает как дуло, отверстие, так и рот.

[117] *Дирин П.Н.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т. 1. С. 58.

[118] *Люстров М*. Шведские и русские победословия эпохи Северной войны // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур / Под ред. Т. Тоштендаль-Салычевой и Л. Юнсон. Сб. статей. М., 2009. С. 327.

[119] *Бобровский О.П*. История лейб-гвардии Преображенского полка. С. 348.

[120] Равелин — отдельное фортификационное сооружение треугольной формы, располагавшееся перед крепостным рвом между бастионами.

[121] *Кепсу С*. Петербург до Петербурга. История устья Невы до основания города Петра. СПб., 2000. С. 110–111.

[122] *Королюк В.Д*. Избрание Августа II. Т. 4. С. 828, 840.

[123] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. 240. Д. 6. Л. 4 об. — 5 об.

[124] Инструкция А.И. Репнину от 10 июня 1704 г.// ППВ. СПб., 1893. Т. 3. С. 87.

[125] РГАДА. Ф. 199. 130. 4. 16. Д. 4. Л. 3 и об.

[126] Петр I — А.Д. Меншикову 7 июля 1704 г. / ППВ. СПб., 1893. Т. 3. С. 94.

[127] РГАДА. Ф. 199. 130. 4. 16. Д. 4. Л. 12.

[128] *Статьи А.Д*. Меншикова 8 июня 1704 г. СВ. Т. 1. С. 205.

[129] Фельдмаршал-лейтенанту Г. Гольцу платили по 12 тыс. ефимков в год. — РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 457 об.. Русскому полному генералу клали жалованье 3600 руб. в год, полковнику — 600 руб. «Учреждение жалованья нашему стройному войску, како оному на 12 месяцев, кроме обыкновенного походного запасу; денгами рубль по 3 цесарских гулденов…» // РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 53. Л. 1209 и об.

[130] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. 150. Ч. 12. Д. 6. Л. 45.

[131] *Славнитский Н.Р*. Осада и взятие Нарвы русскими войсками в 1704 г. // Мир в Новое время. СПб., 2005. С. 111–117.

[132] ППВ. Т. 3. С. 181.

[133] *Королюк В.Д*. Избрание Августа II. Т. 4. С. 827, 846.

[134] *Там же*. С. 851–883.

[135] Роспись шведских войск, находящихся в Польше, от 5 апреля 1705 г. // СВ. Т. 1. С. 241–242; ППВ. Т. 3. С. 508; The New Cambridge Modern History. Cambridge, 1970. Т. 6. P. 700.

[136] Грамота Августа II от 17 ноября 1705 г. // ППВ. Т. 3. С. 508.

[137] Петр I — Августу II 17 июля 1705 г.// ППВ. Т. 3. С. 416.

[138] Ф. А. Головин — И.Р. Паткулю 31 июля 1705 г.// ППВ. Т. 3. С. 398.

[139] ППВ. Т. 3. С. 389–390.

[140] *Sarauw Chr*. Die Feldzüge Karls XII. S. 186–188.

[141] РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1700. Д. 15. Л. 112–113.

[142] Петр I — Г.Б. Огильви из Митавы 17 августа 1705 г. — ППВ. Т. 3. С. 417-

[143] РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. П. 240. Д. 6. Л. 6–7.

[144] ППВ. Т. 3. С. 1013.

[145] Петр I — Т.Н. Стрешневу 17 июля 1705 г.// ППВ. Т. 3. С. 381.

[146] Расспрос 6 февраля 1705 г. киевского мещанина Федора Баглаенко, побывавшего в Чернобыле.// РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1705. Д. 1. Л. 42 и об., 46.

[147] *Анисимов М.Ю.* Влияние геополитики на дипломатию России в середине XVIII в. геополитические факторы во внешней политике России. Вторая половина XVI — начало XX в. М., 2007. С. 137.

[148] СВ. Т. 1. С. 262–263.

[149] 95% бюджета России в то время шло на военные нужды. *Бескровный Л.Г.* Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. С. 111–125. Большие суммы уходили на жалованье квалифицированным иностранным офицерам и генералам, заслуга которых в Северной войне неоспорима.

[150] Петр I — Ф.А. Головину 10 августа 1705 г.// ППВ. Т. 3. С. 411–412.

[151] Август II — Петру 122 марта 1706 г. // РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 4. 1706 г. Д. 100. Л. 3 об.; Там же. Д. 96. Л. 19–22.

[152] *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1990. С. 291.

[153] *Дирин П.Н.* История лейб-гвардии Семеновского полка. С. 70.

[154] Karl XII på slagfältet... T. 2. С. 444.

[155] С. Эйсиендель — мужу И.Р. Паткулю 27 января 1706 г.// Паткуль И.Р. Письма несчастного графа Паткуля. М., 1806. С. 39–44, 46, 66.

[156] РГАДА. Ф. 199. П. 140. Ч. 1. Д. 8. Л. 12

[157] РГВИА. Ф. ВУА. № 1445. Л. 3; *Konov J. von.* Karolinen Rehnskiöld fältmarskalk. Karlskrona, 2007. S. 84; *Zechlin H.* Die Schlacht bei Fraustadt. Posen, 1896. S. 29, 268. *Беспалов А.В.* Битвы Северной войны. М., 2005. С. 82–86.

[158] *Бутурлин Д.П.* Военная история... Ч. 1. Т. I. С. 22.

[159] *Gyllenstierna N.* Öfversten grefver Nils Gyllenstiernas berättelse om polska och ryska kriegen 1702–1709 // KKD. Lund, 1913. T. 8. S. 37; Zechlin H. Die Schlacht... S. 42–43.

[160] ГСВ. Вып. l. С. 262–263.

[161] *Sperling C.H.P.* Löjtnanten grefve C.H.P. Sperlings dagbok 1700–1710 // KKD. Lund, 1907. T. 3. S. 67–68.

[162] ГСВ. Вып. 2. С. 374. «Реляция из Бреславы от 17 февраля 1706». Там же. С. 401–402.

[163] РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 1434. Л. 275, 276.

[164] *Sperling C.H.P.* Löjtnanten grefve. S. 76; *Konov J. von.* Karolinen Rehnskiöld... S. 84–93.

[165] *Lyth I.M.* Löjtnant Joachim Mattias Lyths dagbok 1703–1722 // Karolinska dagböcker. Stockholm, 1958. S. 54.

[166] ГСВ. Вып. 1. С. 263.

[167] Заслуги и подвиги. Кн. 4. С. 26; *Zechlin H.* Die Schlacht... S. 237, 239, 244–254. Петр I осуждал зверскую жестокость, но авторитет Реншельда как полководца в его глазах не был поколеблен.

[168] РГАДА. Ф. 160. Оп. 1. 1705. Д. 1. Л. 58 об. Август II, полагая, что русские в глазах шведов не имеют ценности, просил царя обменивать пленных шведов на саксонцев.. ППВ. Т. 3. С. 485.

[169] *Gyllenstierna N.* Öfversten grefver Nils Gyllenstiernas berättelse. S. 38–39.

[170] *Cederhielm J.* Sekretaren vid Carl XII. Fältkansli Josias Cederhielm bref till sin broder Germund 1707–1722 // KKD. Lund, 1912. T. 6. S. 211.

[171] *Мышлаевский А.З.* Петр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 гг. СПб., 1896. С. 111.

[172] АД. Меншиков — Петру I из Киева 7 мая 1706 г. // РГАДА. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 5. Л. 392.

[173] РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 8. Л. 18, 18 об.; Д. 9. Л. 12.

Глава II. Предвестница Полтавы — виктория при Калише

2.1. «Светлейший Римского и Российского государства князь»

В Польше русские были такой же опорой для польских и саксонских союзников, как шведы для станиславцев. Русское командование, как и шведское, свободно перемещало свои войска по польской территории, уже не считая Польшу и Саксонию равноценными партнерами. После завоевания Ингрии, Дерпта и Нарвы Петр был готов пойти на мир, однако «свейская гордость и уперливость» препятствовала этому: шведы, считая себя непобедимыми в полевых боях, требовали возврата всего завоеванного и компенсации в 4 млн ефимков за военные убытки.

Упустив весной 1706 г. русскую армию, Карл XII выдавил отряды казаков из-под Минска и задержался у Пинска.

Очередное кровавое поражение отряду солдат, драгун и стрельцов воеводы С.П. Неплюева и казакам Д.П. Апостола, нанес 19(20) апреля 1706 г. полковник К.Г. Кройц у Клецка, в 45 км к востоку от Барановичей. Неподалеку в Ляховичах 1 000 кавалеристов Кройца окружили казаков. Как писал Карл XII Реншельду, чтобы вызволить их, Неплюев подошел к Клецку с тремя пехотными, четырьмя конными полками и полком драгун (всего 6 000 чел..) Кройц не блистал талантами, но был хорошим боевым офицером. По оценке короля, он совершил подвиг, после которого стал генерал-майором. Оставив у Ляховичей часть своих сил, он у Клецка разгромил противника, который при бегстве срывал мундиры, амуницию, бросил ружья, 4 пушки, 16 знамен, штандартов и 4 пары литавр[1]. Всех раненых и притворившихся мертвыми шведы прикончили.

С марта 1706 г. по русской и «литовской» земле от Смоленска до Пскова валился лес полосами шириной в 300 шагов. Опасаясь за Киев, усиливали его гарнизон и Печерскую крепость. На 21 июля 1706 г. урядников и солдат (вместе с больными) там было до 30 тысяч.

Среди высшего командования русской армии (А.С. Шеин, Ф.А. Головин, Б.П. Шереметев, Ф.М. Апраксин, И.И. Бутурлин, кн. В.В. Долгоруков, кн. А.И. Репнин) только кн. М.М. Голицын и А.Д. Меншиков встали вровень с запросами нового XVIII в.

В 1706 г. Меншиков доказал, что и в поле русские могут одерживать победы. Известно, что битву при Лесной 28 сентября 1708 г. Петр I назвал

«матерью Полтавской баталии». Виктория светлейшего князя у Калиша может претендовать на «дедовскую степень» родства с Полтавской.

Фантастической карьерой лучший гвардеец Преображенского полка был обязан прежде всего своему таланту. Не зря на его гербе красовался девиз: «Доблесть ведет, счастье сопутствует». «Господин мой товарищ» — так именовал Петр I своего главного сподвижника, который вместе с ним строил корабли, верфи, города, крепости, заводы и «все государство правил» (Б.И. Куракин.) «Полудержавный властелин» был таким же реформатором и генератором идей, как и сам Петр Великий. Его приказы, как и царские, подлежали неукоснительному исполнению. Второй человек царства имел карт-бланш с подписью государя и право менять его распоряжения, если это было целесообразно. При царе князь был только «слуга», но с другими людьми он обращался как Петр I: был самоволен, скор и крут на расправу. Этим князь обрел много врагов, охотно распространявших ложь о его неграмотности и безродности. Эта легенда ныне убедительно развенчана. Меншиков имел большую библиотеку и умел читать не только чертежи и планы городов, крепостей, но письма и книги. Князь бегло говорил на голландском и «солдатско-немецком» языке. «А.Д. Меншиков был грамотен — умел читать и писать; он обладал познаниями в математике, готовил и изучал чертежи, в том числе архитектурные; был специалистом в области судостроения и мореплавания и вообще был образованным человеком... Очень вероятно, что А.Д. Меншиков — потомок древнего чешско-польско-литовского рода, восходящего к временам Рюрика (IX в.), или несколько более поздним (XI в.)»[2].

Лондонское королевское общество вполне резонно за заслуги в преобразовании России приняло русского самородка в свои члены. Меншиков, как и государь, обладал даром вдохновлять воинов. Позже царь разрешил ему издавать указы с использованием титула, близкого к царскому: «Мы, Александр Меншиков, светлейший Римского и Российского государства князь и герцог Ижорский, наследный господин Аранибурха, и иных Его Царского Величества Всероссийского верховный действительный тайный советник, и над войски командующий генерал-фельдмаршал и генерал-губернатор губернии Санкт-Петербургской и многих провинций Его Императорского Величества, кавалер Святого апостола Андрея и Слона, Белого и Черного Орлов, от флота Российского шатбенахт и прочая и прочая». Герои сражений награждались как золотыми финифтяными портретами царя, так и такими же портретами Меншикова. Семейные торжества Меншикова отмечались как государственные — на них съезжались послы и посланники[3]. В некотором отношении Меншиков превосходил даже своего гениального патрона: он был лишен взрывных эмоций и спадов настроения, которые случались у царя.

За его плечами были военные маневры в Кожухове в 1694 г., Азовские походы 1695–1696 гг. и служба в гвардейском Преображенском полку (с 1691 г..) В мае 1698 г. «дворянин А.Д. Меншиков» возглавлял большую часть Великого посольства царя в Вену. Свою отвагу Меншиков доказал в кровавых осадах и штурмах Орешка, Ниеншанца, Нарвы и в абордажном бою против двух шведских кораблей в устье Невы в 1703 г., за что получил орден Св. Андрея Первозванного. После кампании 1704 г. он стал — поручиком гвардии и генерал-губернатором Ижорской земли (Ингерманландии) и Карелии. Тогда же царь запросил для своего любимца титул князя «Римской империи» у императора и позволил ему обзавестись собственной гвардейской бригадой — Ингерманландским пехотным и кавалерийским полкам из дворянских недорослей, а также личным «шквадроном» из 330 драгун. На красных знаменах конного полка Меншикова пылала основная эмблема князя — золотое сердце с короной над ним, окруженное двумя победными пальмовыми ветвями.

Любовь к коням князь унаследовал от отца, служившего в царских «потешных» конюхах, и сам стал заядлым кавалеристом и коннозаводчиком[4]. Естественно, что в «Свейской войне» умевший и хотевший делать все, «светлейший» прославился прежде всего как лихой кавалерийский командир. Правда, Данилыч не имел ни времени, ни возможности на одиночное обучение всадников или конных масс атакам на разных аллюрах в манежах и на пересеченной местности, как это делали позже блестящие прусские генералы Ф.В. фон Зейдлиц или Х.И. Циттен. Но, начав с круглого нуля «марсово дело», он ухитрялся бить шведских генералов, окончивших европейские университеты. Не на маневрах, а в битвах князь учил драгун прикрывать отходящих, преследовать врага и взаимодействовать с пехотой и артиллерией. Признавая разницу эпох, Меншикова можно поставить в ряд с наполеоновским маршалом И. Мюратом (1767–1815.) Обладая такой же «наглой отвагой», он превосходил последнего сметкой и панорамным взглядом на военные и государственные дела.

За два десятка лет (1695–1714), проведенных на полях битв, Меншиков вместе с царем заложил основы регулярной пехоты и драгунской конницы, идеально приспособленной для просторов России, боев в конном и пешем строю и для малой войны. С неограниченными полномочиями Меншиков мог делать больше, чем все кавалерийские генералы русской истории, начиная от К.Э. Ренне (1665–1716) и Р.Х. Боура (1667–1717) до М.И. Платова (1751–1818) и Ф.П. Уварова (1773–1824.)

К 1705–1706 гг. полководческое мастерство статного, ростом в 195 см 33-летнего красавца-генерала развернулось в полную силу. 23 ноября 1705 г., в день св. князя Александра Невского, Меншиков заслуженно получил чин генерала от кавалерии и был награжден только что учре-

жденным Августом II орденом Белого орла, имениями в Полонном и Орше, а также почетным шефством над саксонским полком Я.Г. Флеминга[5]. 21 января 1706 г. император Иосиф I подписал (но не отослал) диплом на титул князя Священной Римской империи.

Из песни слов не выкинешь — у выскочившего на вершину царства «римского князя» неуемно раздулось честолюбие. По указу Данилыча его имя поминалось в молитвах в православных и лютеранских церквах Ингерманландии. Волевой и крутой, как царь, «прегордый голиаф» не только умело подбирал помощников, но в бараний рог был готов свернуть любого, кто встал бы поперек реформ. Сверх всего князь был не только «зело лаком» до богатства, но буквально ненасытен — ради денег рисковал даже государственными интересами и своей головой.

Назначив Меншикова генерал-аншефом над всей кавалерией, Петр I поставил его вровень с фельдмаршалом Шереметевым, которому оставлена была российская пехота.

Русская стратегическая разведка была налажена плохо. На случай, если бы неприятель вздумал спуститься водой на Киев, Меншиков распорядился устроить небольшую крепость с пушками при впадении Припяти в Днепр. Для прикрытия смоленского направления князь с драгунами с 22 мая начал напрасный марш через Чернигов и Гомель к Быхову. Возможно, на такое решение повлияла шведская дезинформация: еще в июне резидент при Августе II кн. Василий Лукич Долгоруков из Кракова механически пересылал Меншикову слухи из «ведомостей» то ли о марше Карла XII прямо на Москву через Быхов и Могилёв, «ища где слабее», то ли через Брест к Кракову против Августа[6]. Дальше Гомеля, к счастью, идти не пришлось. 22 мая 1706 г., когда Меншиков двинулся на север, Карл XII и Станислав Лещинский начали «Волынский поход» от Пинска к Луцку, заставляя шляхту беспощадными контрибуциями и арестами присягать Станиславу I. «Черный шлях» стелился за ними — это горели местечки, села и имения тех, кто противился шведам. Страшные опустошения вызвали ненависть и партизанскую борьбу на Волыни. Некоторое количество пленных русских солдат шведами было послано в Чернигов и другие малороссийские города для диверсионных поджогов. Август II, боясь, что попадет в тиски между Реншельдом и Карлом XII, бежал из Кракова на север в Литву к Новогрудку.

6 июля в направлении Киева был отправлен поисковый отряд Смоландской кавалерии с валахами, который атаковал русские форпосты на Киевщине и пленил 200 чел.[7] Русское командование было почти уверено, что шведы вторгнутся Россию в 1706 г. Для защиты «матери городов русских» в Киев 5 июля прибыл сам царь. Киево-Печерский монастырь с его 219 пушками, 21 мортирой и 6 гаубицами превращался в сильную

фортецию, а в городе наготове стояло 26 полков пехоты (26 668 чел..) От Пскова до Брянска спешно укреплялась оборонительная линия.

7 (18) июля «шведский геркулес», рискуя обострить отношения с императором Иосифом I, Британией и Нидерландами, решил прикончить «саксонскую гидру» там, где она отращивала головы взамен отсеченных, и от Луцка свернул на запад к Саксонии. Уже 26 августа (5 сентября) 1706 г. Карл XII стал грозить жестокими карами тем саксонцам, кто сбежит, скроет или закопает свое добро.

Когда опасность шведского вторжения спала, Петр I увел около 20 тыс. войск от Западной Двины для осады Выборга. Из Петербурга туда же было направлено 5 драгунских полков (5 465 чел..) Его любимец в это время, не покладая рук, поднимал боеготовность конного корпуса. Конечно, образцовой выучки и дисциплины быть еще не могло. Драгуны научились держать линию на конях и в пешем строю, отработали стрельбу из мушкетов и удар во фланг противнику, но с трудом перестраивались из походного в боевой порядок и вряд ли могли, как шведы, заворачивать, смыкая колено за коленом. Караулы выставлялись «спустя рукава». Снабженные в достаточной мере мукой, сухарями, гречкой и овсяной крупой, кавалеристы охотились по хатам на кур, гусей, ветчину и горилку. Негодных приходилось отчислять в солдаты. Помня поражение Б.П. Шереметева при Гемауэртгофе 15 июля 1705 г., где конница в беспорядке бросалась в атаку с криком и гиканьем, генерал сумел вдолбить самое главное — атаковать строем без отрыва от пехоты. С конца июня 1706 г. в Фастове, потом в Полонном Меншиков пополнял полки гренадерскими ротами, ревизовал оружие, посещал больных, менял конский состав из конфискованного на Украине 6-тысячного поголовья (в каждом полку более 200 лошадей были негодны), следил за фуражом и, самое главное, делал то, что умел лучше всех — подстегивал своей энергией (и венгерским токайским) «кураж» командного состава — будущих участников Полтавской победы — Ренне, Боура, Волконского, Пфлюга, горбова, Астафьева и др. Вместе с тем князь, когда брал подряды на поставку обмундирования для драгун, не брезговал «содрать копейку» с подопечных — для одной из партий в 1 000 мундиров он просил шить строевые кафтаны, камзолы и штаны не из плотного английского сукна ценой в 75 копеек аршин, а из самого дешевого по 40 копеек и красить русскую сермягу «непотребной краской», сходившей после дождя, березовым листом[8].

Драгунское вооружение все еще оставалось разноперым — сабли соседствовали со шпагами, палашами и унтер-офицерскими тесаками, фузеи — с карабинами, а огнестрельное оружие — с копьями. К фузеям полагались багинеты, которые с начала 1700-х гг. постепенно стали заменяться «кривыми багинетами» — штыками. Помимо личного вооружения

в полки выдавались полковые регалии — знамена и барабаны, шанцевый и хозяйственный инструмент: серпы, топоры, мотыги, кирки, заступы, котлы, палатки, слесарные и кузнечные инструменты. На полковые средства приобретались необходимые богослужебные книги и церковная утварь. Для конного строя полагались большие тупоносые ботфорты с раструбами и железными шпорами. За всем следили слесари, кузнецы, мортирщики, лекари и коновалы. «Строение» каждого полка обходилось дорого — в 18–20 тыс. руб., годовое содержание — 10–15 тыс. руб[9]. Впервые введенным и потому действенным новшеством Петра I была мобильная конная артиллерия с прислугой, посаженной на верховых лошадей. Она состояла из 2–3 фунтовых орудий, которых звали «сынами полка». (Только в 1759 г. прусский король Фридрих II по примеру русских легких единорогов с конной прислугой завел конную батарею из десяти 6-фунтовых пушек.) Драгуны гренадерских (с 1703 г.) рот держали по две гранаты в сумах. Меншиков просил также выслать ему 300 драгунских шведских фузей, отобрав их у гвардии, и разрешить ему самому раздавать жалованье и брать штрафы с провинившихся офицеров[10].

20 июля русская конница отправилась из Фастова на запад. Перед этим князь утвердил наставление «Артикул краткий», который поднял дисциплину и боеспособность. В походе воины должны были ежедневно просить милости Бога и, не медля, собираться на молитву и смотры. За попойки провинившимся грозил арест. Запрещалось обсуждать приказы, отставать от рот, спать на караулах, покидать посты, играть в кости, затевать свары и тайные сходки, распевать «скверные песни» и держать блудниц. Командирам предписывалось отдавать приказы «без стыдного ругания и бесчестных слов». При штурмах указывалось щадить женщин и детей, «разве что от генеральства для причины какой иное что приказано будет». Устрашающие наказания должны были предупреждать преступления: прогон сквозь строй предусматривался за воровство (за неоднократное — обрезание носа, ушей или виселица.) За матерщину заставлялось просить прощения или гнать сквозь строй. За пьяные убийства — «гвоздить» на 1 час руку к виселице. За поджоги из баловства стогов и гумен, за уличные разбои, за пьянство в виду врага, изнасилования,ското- и мужеложство — смерть. В бой предписывалось идти с «бодрым сердцем» и биться до последней капли крови[11].

Обладая развитой интуицией и как бы предчувствуя падение польского короля, Петр I убеждал Августа II не ввязываться в крупные сражения, «чинить поиск» конницей, а не пехотой, и за два месяца до отречения того от польской короны обнадежил, что сам собирается в Польшу. Август II просил дать ему под команду на Волынь 8 драгунских полков, 4 000 калмыков и казаков Мазепы. Но Меншиков счел, что отправлять днепровских казаков на Правобережную Украину, где поляков ненави-

дели, нецелесообразно: «от многого от них разорения на нас излишнее нарекание и нам как в провианте, так и конских кормах от них обида»[12]. Для подкрепления духа союзника русские силы преувеличивались: регулярных войск у Меншикова якобы было 20 тыс., нерегулярных 20 тыс., выборных казаков от Мазепы 5 тысяч, донцов и калмыков 5 тыс., пехоты фельдмаршала Б.П. Шереметева, которая вышла из Киева четырьмя колоннами 19 (30) августа, 30 тыс., в Литву с генерал-майором Чамберсом отправлено 5 тыс., в Полоцке стоит гарнизон генерал-майора фон Вердена в 8 тыс.[13] Шереметеву было приказано не удаляться далеко от границ, чтобы не быть отрезанным, как случилось с армией в Гродно.

«Головоломный» австрийский план спасения Саксонии не был принят: из Вены предлагали: если русские подавят венгерское восстание Ференца II Ракоци, разгоревшееся в 1703 г., тогда император и его союзники позволят Дании послать против Швеции флот, который вместе с кораблями адмиралтейца Ф.М. Апраксина вынудит Карла XII отказаться от оккупации Саксонии[14].

В начале августа 1706 г. польский король встал на путь измены. Веттин давно боялся потери саксонской короны и шведского вторжения в свои наследственные земли. Проведав, что враг повернул в Саксонию, он 5 (16) августа дал полномочия своим двум дипломатам добиться сепаратного мира с Карлом XII даже ценой польского трона. Тогда же саксонский резидент в Киеве фон Арнштедт заявил начальнику Посольской канцелярии Г.И. Головкину, что если саксонское войско не получит русских денег, то будут приняты «иные поступки»[15]. Тем не менее криводушный король все же надеялся, что русский корпус помешает оккупации Саксонии. 20 (31) августа Веттин настаивал на срочном марше самого царя вместе с пехотой к Дубно, конницы к Люблину и передачи ему не менее 2 тыс. лошадей, драгун или рекрутов. Одновременно он советовал навести мосты через Припять у Чернобыля, Турова, Пинска и Киева на случай отступления. В ответ на аресты шведами семей сандомирян, он просил захватывать семейства видных станиславцев, разорять их усадьбы, а также отдать ему пленных шведов для обмена их на пленных саксонцев.

18 августа царский любимец обвенчался в Киеве с юной и знатной красавицей Дарьей Арсеньевой. Посаженым отцом на свадьбе и распорядителем брачного пира был сам царь, приказавший устроить по случаю торжества фейерверк. Через пять дней вместе с новобрачной генерал отправился в «свадебный марш» вслед за драгунами. (Дарья Михайловна не разлучалась с мужем, умела ездить верхом и проделала с ним весь поход 1706–1707 гг..) Конный корпус, который должен был «дать отдух» саксонцам и сандомирянам, насчитывал 8756 драгун. В каждом из 17 полков было в среднем по 500 драгун. К корпусу присоединили небывало много иррегулярных — 6 тыс. донских казаков и 4 тыс. калмыков, захва-

тивших с собой верблюдов. Длиннокосых ламаистов впервые должны были увидеть поляки. (Польный литовский гетман Г.А. Огинский 1 июня 1706 г. просил на помощь именно калмыков, как наводящих больший страх на противника.)

Выбора для стратегического использования конницы в позднее предосеннее время не было — она посылалась для «диверсии», чтобы Август «Сильный» не был потерян для Польши. Англичане и голландцы, боясь, что «северный огонь» перекинется в Римскую империю, уговаривали послать русских драгун против рижского губернатора Левенгаупта. Тот, по слухам, из района Ковно якобы собрался маршировать в Великопольшу для удара в тыл Меншикову. В связи с этим европейские дипломаты советовали не рисковать глубоким рейдом на запад, а прочнее закрепиться в Лифляндии. Шафиров тогда же писал царю, что дипломаты морских держав, боясь, что Карл XII силой принудит Августа II примкнуть к Швеции, занимают антишведскую позицию и надеются, что «диверсия» Меншикова заставит шведского короля оставить земли империи в покое.

Впервые русские войска уходили так далеко на запад. За шведским королем следовали на почтительном расстоянии. Все военные историки высоко оценивают дисциплину и выносливость каролинцев, однако психическая и физическая закалка русского воина была не меньшей — всего за одно украинское лето была восстановлена боеспособность конного корпуса. После гродненской блокады и бесполезного марша к Гомелю степной путь в девять сотен километров в жару, без палаток, при безлесье и безводье был стойко выдержан, хотя многие из драгун пострадали от солнечного удара. (Этот марш в целом оказался легче, чем 550-километровый Прутский поход в июне-июле 1711 г. от Киева до Прута.) Исключением стал бунтарь поручик князь Василий Кропоткин, о котором Меншикову пришлось писать к царю. Он разбойничал, избил ксендза, а в итоге ушел к шведам. Валашские отряды шведов на Галичине разоряли села перед наступающим корпусом.

Хлеб приходилось добывать прямо с полей. В июле полный рацион получали только старослужащие, рекруты шли впроголодь. Традиционно «беззапасные» казаки и калмыки кормились грабежом, «чинили разорение и вырубали жидов», население разбегалось перед ними. Поляков первое нашествие калмыков поразило: те облачались в церковную одежду, пили из костельной утвари и, случалось, насиловали женщин в виду войска. Вместе с тем иррегулярная конница не только охраняла и вела разведку, но и прикрывала плотной «завесой» движение корпуса, препятствуя узнавать его силы. «Шкода» от калмыцких и казацких партий, рассыпавшихся вдоль маршрута, вызвала бурю протеста, и поляки грозились расправляться с ними. Русскому командованию пришлось одного

из пойманных мародеров четвертовать, двух повесить, а в Сандомире был повешен сам «калмыцкий атаман» вместе с калмыком и казаком[16].

Шведское командование близоруко пренебрегло русским наступлением. Для отдыха в беззащитной Саксонии Карл XII забрал с собой всю армию с фельдмаршалом Реншельдом, рискуя потерей контроля над Польшей. (Первый министр и начальник полевой канцелярии К. Пипер советовал послать в Саксонию Реншельда, а Карлу XII остаться на месте.) Не в середине, а у крайнего пограничья Польши по р. Варте шведский король оставил сколоченный по «остаточному принципу» почти 5-тысячный наблюдательный корпус генерала Арвида Акселя Мардефельта (1660–1708.)

Получивший этот чин в 1706 г., барон Мардефельт был честным и храбрым служакой, но вряд ли мог сравниться с Реншельдом и с М. Стенбоком. В 17 лет Мардефельт поступил в королевскую лейб-гвардию и в 1677 г. получил чины прапорщика и лейтенанта. Капитаном гвардии стал в 1686 г. В 1697 г. стал полковником Зюдерманландского полка, участвовал в шести сражениях в Западной Европе и Польше, в том числе под Фрауштадтом[17], где, как и другие, отличился истреблением русских. В шведской армии барон пользовался большим уважением. О его жестокости после Фрауштадтской победы в России вспомнили в 1720-е годы при составлении «Гистории Свейской войны», в которой после пометки «написать, как Мардефель живых колол» было вставлено: «И ругательски, положа человека по 2 и по 3 один на другова, кололи их копьями и багинетами»[18]. Однако этот дебелый человек был серьезно нездоров — страдал астмой и подагрой. В 46 лет он называл себя «больным стариком», просился на пенсию, предчувствовал свою смерть и умер через два года после Калишского сражения. Позже, попав в плен к русским, он безнадежно смотрел на себя: *«Я сказал королю* [Августу II]: *чтобы удовлетворить как-нибудь русских, пусть король лучше оставит меня в их руках, лишь бы другие пленные были освобождены. Русские будут довольны иметь в плену у себя командующего. А ведь я стар и болен и могу скоро околеть (!), так что они ничего не получат за меня»*[19]. Скверное здоровье не могло не сказаться на восприятии Мардефельтом военной обстановки и на ошибках, стоивших ему потери сражения. В свое оправдание он составил «Реляцию о том, что происходило в Польше после того, как Его Королевское Величество пошел 14 августа [шв.ст.] от р. Варты в Саксонию и каким образом на самом деле проходила акция под Калишем».

Перед шведскими полками у Вислы жались 112 легких хоронгвей конницы «киевского воеводы» Юзефа Потоцкого (1673–1751.) В 1706 г. тот был назначен Станиславом I великим коронным гетманом и подавлял восставших казаков на Правобережной Украине. Его военная квалификация не превышала уровень обычного полковника. (Всего тогда на сто-

роне Лещинского было около 15 тыс. поляков, находившихся в неустойчивом состоянии.) Казалось, что станиславцы брошены на произвол судьбы. Но 1706–1707 гг. приходились как раз на пик славы Карла XII. Исходя из опыта «польской войны» в 1702–1706 гг., шведский король не сомневался, что снова станет хозяином Польши, как только вернется обратно. По сути, «наблюдательный корпус» оставлялся как тыловой заслон и символ шведского контроля над шляхетской республикой. Воспрепятствовать же соединению Августа II, сандомирян и Меншикова Мардефельт не мог и не собирался.

В это время круживший по Польше в карете под охраной саксонских гвардейцев король-беженец, находившийся тогда под Краковым с примерно 6 тысячами саксонцев и 10 тысячами поляков, даже не думал выставить щит перед Саксонией и укрылся на северо-востоке у Новогрудка, обогнув слабый шведский отряд у Бреста.

После Фрауштадта перед «последним викингом» стал заискивать сам император Иосиф I, и шведы уже не опасались ни нарушить суверенитет Империи, ни протестов морских держав Великобритании и Нидерландов. Когда 11 сентября солдаты короля вместе с несколькими хоронгвями Лещинского перешли границы Саксонии, то она, в отличие от России, Польши и Литвы, сдалась «не боронясь». Сокрушительный разгром у Фрауштадта деморализовал и предопределил ее бескровную оккупацию. Саксонские протестанты не заперлись в городах и замках, не стали партизанить против единоверцев и отвергли план Флемминга и Шуленбурга «ломать свои дома и сады». Дрезден и Лейпциг лишь вздохнули с облегчением, когда освободились от страха обстрела и штурма. (О русской тактике «выжженной земли» не могло быть и речи, но Петр I выражал недоумение, почему такой крепкий город, как Лейпциг, без боя сдался «нечеловеколюбимому неприятелю».) 4 тыс. чел. поспешно собранной генералом Шуленбургом резервной милиции сбежали через Тюрингию на запад под защиту имперских войск. (Еще до вторжения Карла в Саксонию тайный советник на русской службе И.Р. фон Паткуль предложил отдать русских солдат императору Иосифу I в гарнизоны Рейнской области[20].)

В начале сентября 1706 г. 19 084 шведа вошли в Саксонию и 13(24) сентября в замке Альтранштедт под Лейпцигом К. Пипер и К. Реншельд, продиктовав саксонским дипломатам «вечный, твердый и истинный мир и дружбу» для Августа и его наследников, «освободили» Польшу от «саксонского ярма». (Посланцы Веттина ради спасения польской короны предлагали даже союз против Москвы, расчленение Речи Посполитой на Корону и Великое княжество Литовское и признание Лещинского королем после смерти Августа. Сбылось предостережение Петра I, советовавшего Августу Сильному избегать полевых битв, иначе тот «не точию от

неприятеля, но и от... поляков с срамом выгнан и веема престола лишен бытии может».

Но и без этого пришлось пойти на неслыханное унижение: польско-саксонская уния разрывалась. Речь Посполитая потеряла короля, а Россия — опору в Центральной Европе. Саксонский «воскреситель счастья Польши» навечно должен был отречься от польского трона в пользу Станислава I, которого он признавал «державнейшим принцем, братом, другом, соседом и королем Польским и Великого княжества Литовского», освободить шведских пленных, разорвать «святой нерушимый союз» с Россией и выдать остатки войск царя, проливавших кровь за Августа. Саксония обязывалась выплачивать громадную контрибуцию (по 625 тыс. талеров в месяц), вся шведская армия должна была содержаться без определения срока на саксонских харчах. Военные действия в Саксонии прекращались немедленно, а в Речи Посполитой — спустя три недели. Не была забыта и подстраховка — в случае мести царя, Август получит помощь от Карла XII и Станислава I. «Вечный мирный трактат» был замаскирован под «10-недельное перемирие», пока не будет получена ратификация. (Только Полтавская победа освободила Польшу от шведской оккупации, а Саксонию — от Альтранштедского унижения.) И Карл и Лещинский направили сообщение Мардефельту и Потоцкому не вести враждебных действий против саксонцев[21].

В шведском официальном заявлении от 14 (25) сентября и универсале от имени Августа II 16 (27) сентября объявлялось окончание военных действий и отношение друг к другу «во благости и чести». В Дрездене по случаю мира служили молебны и пели гимн «Тебя, Бога, хвалим». На памятной медали Карл XII и Август II пожимали руки друг другу. Оккупация наследственных земель лишила Августа средств — и финансовых и военных. С этого времени его дипломатия свелась к виртуозному обману шведов, русских и поляков.

В Европе поход Меншикова, который мог оттянуть шведских победителей обратно в Польшу, воспринимался с сочувствием. В Вене гадали, куда двинутся русские: в Силезию, Саксонию, шведскую Померанию или Лифляндию, или за поздним временем они останутся в Польше для окончательной ликвидации станиславцев. Некоторые дипломаты намекали послу в Париже А.А. Матвееву, чтобы царь не пропустил «благовременного случая» и осадил Ригу и другие города Прибалтики, которым король не в силах будет скоро помочь. Английская королева Анна Стюарт и Генеральные Штаты, по мнению Матвеева, высказанному в письме Ф.А. Головину от 13 сентября 1706 г., и «не заикнутся» о Риге. Пруссия предлагала царю, оставшемуся один на один с Карлом XII, пойти на мир, отказавшись от всех завоеваний в Прибалтике[22]. Использовать шведское вторжение в Германию как повод для вступления России в антифранцуз-

ский Великий союз не удалось — страна не обладала тогда достаточным военным и политическим весом. Из дипломатических соображений Москва предложила признать того польского короля, который удержится в Польше после вывода как русских, так и шведских войск.

16 (27) сентября русские, поляки и саксонцы соединились около Люблина. Через три дня состоялся общий смотр с пушечным и ружейным салютом. После общего «веселья» Меншиков язвительно поиздевался над «оголодавшим» саксонцем: *«Королевское величество зело скучает о деньгах и со слезами наодине у меня просил, понеже обнищал так, что есть нечего... Ево скудость видя, я дал ему своих денег 10 тысяч ефимков»*. На деле Август II получил от него лишь 6 тыс. ефимков; 10 тысяч князь рассчитывал компенсировать из казны[23].

Меншиков знал, что у Мардефельта меньше войск, чем у него, однако он должен был считаться с вероятностью броска Карла XII из Саксонии. Отвлекающий марш Левенгаупта с 20 сентября (1 октября) из Курляндии на Ковно и Вильно (и далее, по слухам, на Полоцк) не мог спасти Мардефельта. Князь сообщал, что совместный поход будет до Познани и что шведский король оставил в Польше 4 тыс. конницы и 4 тыс. пехоты, которые он собирается атаковать. Уход шведского короля в Саксонию взбодрил и сандомирян — великий коронный гетман А.Н. Сенявский сообщал Петру I о желании биться со шведами. 23 сентября союзники подошли к Висле, отбросили заслоны «шведских поляков» и переправились через эту реку. Взятые в плен две рейтарские хоронгви князя Любомирского присягнули Августу II.

Мардефельт выслал тревожные депеши своему королю о приближении крупных сил противника, но не получил ответа. Станиславцы укрылись за отряд в 450 чел. драгун шведского Северо-Сконского полка, выставленных к Петркуву для сбора контрибуции, провианта и наблюдения за наступающими. Из-за «завесы», устроенной казаками и калмыками, ни шведская, ни польская разведка так и не выяснила силу союзников, о которой им пришлось узнать только в день Калишского сражения. Шведские драгуны, соединившись с конницей Ю. Потоцкого у Велюни, отступили к Калишу.

С 27 сентября в районе Петркува концентрировались русские, саксонские и польские силы. Отсюда они уже наскоро без обозов продвигались тремя колоннами — поляки справа, саксонцы посредине, русские слева. Против отступавших станиславцев Меншиков послал трехтысячный авангард генерал-лейтенанта К.Э. Ренне. (К нему присоединились и 30 хоронгвей сандомирян.) Перед авангардом были пущены все 10 тыс. калмыков и казаков. 3 октября вечером у р. Варта при г. Видаве калмыцкая конница на низкорослых лошадках, вооруженная только пиками с широкими наконечниками, саблями и луками (их, как и башкир, Москва не

снабжала «огненным боем») бросилась к польскому обозу, «не дождався драгун», выманила и навела на засаду 3 тыс. станиславцев. Правое крыло Ю. Потоцкого «из 10 полков» было разнесено в пух и прах, и все его войско в беспорядке бежало. По данным перебежчиков, за трехчасовой бой тот потерял до 600 чел. и якобы собрался через Калиш уходить к Познани. Калмыки, потеряв до 30 чел. ранеными и убитыми, показали явное превосходство над поляками. Несколько десятков пленных были распластаны калмыцкими саблями по приказу Меншикова: *«А которые были взяты драгуны и рейтары, и тех всех калмыки после той потребы прирубили, понеже о том такой указ им от нас был дан... Переметчики сказывали, что подлинно в тое потребу убито 600 человек драгунов и рейтар, в том числе несколько офицеров, понеже такая в их войске конфузия была, что ежели бы драгуны наши подоспели, то б конечно всех прирубили. А поляков всех числом было 13 000 человек»,* — писал, преувеличив силы врага, Данилыч 7 октября 1706 г.[24] Практиковавшейся тогда всеми воюющими сторонами расправой с пленными, Меншиков, возможно, намеревался сбить гонор с приверженцев Лещинского. Успех под Видавой укрепил уверенность русской кавалерии в своих силах. Зная, что у шведов есть инфантерия, Меншиков, тем не менее, не собирался ждать русской пехоты, которая вышла из Киева 19 (30) сентября и находилась тогда за полтысячи километров, в районе между Дубно и Полонным. Примерно в тогда же Меншиков проведал о 10-недельном «перемирии» саксонцев со шведами, что привело его в «сомнение».

В день калмыцкой победы 3 октября у Мардефельта состоялся бурный военный совет. Разногласия вспыхнули по поводу боеспособности поляков. Генерал-майор Э.Д. Крассау и полковник В.Б. Мюллер предлагали разбить вместе с ними противника, учитывая «равно низкую боеспособность одной и той же (славянской. — *В. А.*) породы» и привычность поляков к боям с «московитами». Три полковника — Маршальк, Густав и Карл Хорн, учитывая перевес врага, говорили, что поляки ненадежны и могут предать в бою. Великий коронный гетман Ю. Потоцкий, взбодренный вестью, что противник идет без пехоты, заверял, что поляки кипят желанием сразиться с русскими и будут стоять «до последней капли крови», тем более что в обозе у них жены и дети. Мардефельт корректно указывал, что поляки «не всегда стойки», и возможно, имеет смысл отступить к Познани, где стоял Вестерботтенский полк с полковником Функом. В конце концов Мардефельт, уповая на всегдашний успех шведского оружия в полевых боях, решил дать сражение. Оправдывая ставку на бой, в котором потерпел поражение, Мардефельт в своем «Отчете-рассказе» 17 раз (!) упомянул о польских заявках на баталию.

Тогда же 3 октября, за две недели до Калишского сражения, Август II узнал о шведском диктате 13 (24) сентября 1706 г. и принял «мерзостный

и поносный от всего света мир» (так позже квалифицировала его русская дипломатия.) Наступление для него становилось не только бессмысленным, но опасным из-за ответных шведских расправ в Саксонии. Казалось, для короля приспело время скрытно покинуть союзников, но улизнуть из кольца русских и поляков незаметно (в 1708 г. подобное удалось Мазепе) было невозможно. Оставалось только замедлять движение. Нет сомнения, что именно Август подкинул мысль отпустить «на отдых» русскую конницу к Львову, а саксонскую — к Кракову. 7 октября Меншиков послал (вместе с 20 бочками токайского) царю депешу: *«Мы здесь будем стоять еще неделю, и буде неприятель сего далного от нас походу не оставит, то пойдем на зимовые квартиры, понеже время своих людей, также и лошадей покоить...»*[25]. Царь тоже остерегал от чрезмерного удаления от русских рубежей, так как кружили слухи о специальном заманивании русского корпуса. Будучи в «великой печали» от оккупации Саксонии, Петр I тоже начал сомневаться, что коннице удастся сделать что-либо серьезное в Польше, и предлагал пехоте идти в Литву, чтобы вытеснить Левенгаупта в Лифляндию и занять квартиры у Риги.

9(10) октября Мардефельт получил весть от Реншельда с упоминанием о воинском долге и славе генерала, из чего был сделан вывод, что шведский король не особенно беспокоится об оставшихся в Польше и не желает отступления. 10 (21) октября Ю. Потоцкий провел пышный смотр польских сил и продолжал настаивать на сражении.

Лишенный польской короны, саксонец как мог тянул с развязкой и сдерживал движение. 10 октября, чтобы предотвратить столкновение, Август II тайно заслал к Мардефельту вестника-трубача с оповещением о мире с Карлом XII. Он сокрушался, что *«ничего не может поделать с московитами, которые намереваются драться во что бы то ни стало»*, и предлагал отступить перед соединенными союзниками. Шведскому командующему тайная подсылка показалась подозрительной — он счел, что Август, боясь шведов, всегда громивших превосходящие силы врага, пытается примитивной хитростью выдавить его из Польши[26]. Его ответ гласил, что, не имея сведений о мире, он должен следовать приказам своего короля, а не советам врага.

2.2. «Счастливая баталия»

Линейных войск у Мардефельта было 6 батальонов и 23–26 эскадронов. Этот корпус был набран почти исключительно из немцев. В нем находилось три полка немецких драгун, набранных из германских владений Швеции — Бременский полк генерал-майора Ернста Детлефа Крассау, Верденский — полковника барона Карла Густава Маршалька и Померанский — полковника барона Мюллера фон дер Люнен. «Природно-швед-

ским» был только Северо-сконский кавалерийский полк полковника Густава Хорна из Мариенборга.

Пехота состояла из Померанского полка (полковник Карл Габриэль Хорн из Оминне), а также из разношерстных вояк, сменивших трех государей — Баварского полка (полковник Генрих Вильгельм Гертц), батальона швейцарцев и батальона французов. Все они были пленены австрийцами в войне за Испанское наследство после сражений при Хохштедте в 1703 г. и на Рейне в 1705 г., перевербованы в Саксонскую армию, а потом, сдавшись Реншельду под Фрауштадтом включены в шведский корпус по «остаточному принципу». «Их скверного товарищества следовало опасаться» — такую характеристику выдал им Мардефельт. Часть этих переметчиков вообще не имела ружей, мундиры были изодраны, армейской амуниции недоставало. Артиллерия шведского генерала состояла из десятка 3–6-фунтовых пушек.

Переход из разоренной Польши на саксонские хлеба все шведы считали наградой. По мнению Мардефельта боевой настрой его полков не был высоким: *«После того, как Его Королевское Величество ушел, оставшиеся в Польше части проявляли большое недовольство, а некоторые впали в глубокую подавленность, так как сочли, что к ним Его Королевское Величество относится с некоторым пренебрежением, отсортировав их как негодные. Об этом особенно свидетельствовало то, что недавние пленные перевербованные пехотинцы были тоже оставлены здесь... и если эти части будут потеряны, Его Королевское Величество не слишком взволнуется. В особенности это задевало сконцев -единственных из... природных шведов»*[27].

Чтобы «шведская спесь не высилась» Меншиков, вопреки Августу, продолжал тянуть всех к Калишу, в районе которого по данным его разведки находилось до 8 тыс. шведов и 15 тыс. станиславцев[28].

12 (23) октября Мардефельт отошел за р. Просну и 13 октября получил не только информацию Карла XII о мире с саксонцами, но и разумный совет уйти пехоте в Познань, а кавалерии, если неприятель будет наседать, отступать вплоть до Лужицкой земли в Саксонию. Мардефельт в свое оправдание позже писал, что не мог бросить обремененное повозками и каретами польское воинство, учитывая, что не имевший обоза и пехоты противник, будучи наверняка осведомленным поляками из табора Потоцкого, «день и ночь сновавшими туда и обратно», легко накроет их, пройдя через броды на Просне.

Станиславцы к северу от Калиша на левом заболоченном берегу Просны составили вагенбург из телег, выкопав вокруг неглубокий ров и забросав колеса землей. 200 или 300 шведов-драгун были переправлены в Калиш. Для шведского обоза там не нашлось места, и тысячи повозок пришлось большей частью оставить вне города.

15 октября, когда Меншиков оказался в 2,5 милях от шведов, Август II через второго посланца выложил Мардефельту все, что можно: силы союзников, день нападения, угрозу для шведов с тыла отряда генерал-майора А. Шмигельского. (Поляки называли того «польским Ахиллом и Гектором».) Под конец Август заклинал отступить к Познани не позже двух суток, когда еще можно было удержать русских от удара[29].

Правило «предупрежден — значит вооружен» не сделало Мардефельта сильнее. Отступать было уже почти невозможно. 16 (27) октября Потоцкий с несколькими десятками хоронгвей предпринял неуверенную разведку, но, не пройдя сквозь конные заставы, без боя вернулся назад, так и не узнав сил противника.

17 (28) октября союзники перешли неглубокую Просну, согласовали расстановку полков и встали в боевой порядок в 5 км к югу от Калиша. С севера город блокировали иррегулярные части. Часть поляков переправилась только на следующее утро, в день битвы. Мардефельт выстроил войска за ручьем, протекающим через д. Добжец, фронтом на юг и с опорой левого фланга на Просну. Всю ночь обе стороны простояли в боевой готовности. О неожиданной ночной или утренней атаке противники не думали: Мардефельт, начисто лишенный тактической дерзости Карла XII, сдал всю инициативу противникам, Август II до последнего момента сдерживал Меншикова.

Утром 18 октября союзники провели военный совет, после которого, несмотря на проволочки Августа, несколько часов двумя колоннами перемещались на более выгодную западную позицию, перед которой не было водных преград. 10 тыс. казаков и калмыков, блокировали тыл шведов за правым болотистым берегом Просны и с востока от Калиша. Загнанный в угол Мардефельт развернул 3-километровый фронт между деревнями Косьцельна Весь и Добжец лицом на запад, тылом к Просне. После этого шведские военачальники *«более ничем не занимались, как выправляли линии и вдохновляли людей, которые были в хорошем расположении духа»* — так оправдывал своих воинов шведский генерал.

Единого командования у союзников не было. Август никогда не управлял войсками в бою. Отрешенный шведами от короны, он формально не имел права начальствовать. Распоряжение саксонцами он вручил генерал-лейтенанту голштинцу М. Брандту, нанявшемуся в Коронное войско в 1692 г. и успевшему слегка повоевать с турками, татарами и шведами. Чтобы не создавать впечатления полного отстранения от боя, Август, вопреки обыкновению, сменил одежду и выехал на поле рядовым наездником. Спасая постфактум престиж короля, некоторые тогдашние фантазеры писали, что якобы тот с палашом в обнаженной до плеча руке рвался в самые опасные места, чтобы смерть избавила его от Альтранш-

тадского позора[30]. Но саксонский бонвиван слишком ценил свою плоть, чтобы очертя голову бросаться под пули.

Сандомирянами командовал великий коронный гетман Адам Николай Сенявский, один из руководителей Сандомирской конфедерации, амбициозный, но посредственный военачальник.

Де-факто главным командующим (в этом качестве он выступал впервые) стал инициатор Калишской баталии А.Д. Меншиков, который, надо думать, выезжал на поле с полной верой в победу. Будучи на 13 лет младше Мардефельта, русский генерал не уступал тому в военном опыте. Как указывалось, он участвовал с 1696 г. в осадах и штурмах четырех крепостей и отражении шведов от Петербурга и Кронштадта. После 1706 г. Меншиков подтвердил свой полководческий дар в сражениях при Добром, Лесной, Батурине, Полтаве, Тоннинге и Штеттине. Опрятный и любивший пышную одежду, князь, судя по его словам, выходил на бой «с радостью» — в дорогой белой рубашке, красном камзоле, темно-зеленом «строевом» кафтане Преображенского полка с двумя орденами и красными обшлагами, прихватив, надо полагать, любимый белый парик «львиная грива». Помимо оружия князь имел и подзорную трубу (скорее всего с нею, а не с фельдмаршальским жезлом, он изображен на прославленной гравюре, отпечатанной в 1707 г..) Вряд ли была забыта и трубка с табакеркой. Охрану князя составляли 45 драгун из разных полков. В Калишском сражении участвовал и генерал-поручик Я.В. Брюс.

В сухой осенний полдень 18 октября союзники стали готовиться к бою. При общей численности в 34 тыс. чел. (вместе с нерегулярными) в линиях было выставлено около 24 тыс. всадников. Казаки и калмыки стояли в боеготовности за Просной. Правое сильное (и почетное) крыло составили две русские линии из 17 пятиэскадронных полков (8 756 драгун.) Первой линией командовал генерал-лейтенант К.Э. фон Ренне, его помощниками были генерал-майоры Р.Х. Боур и Г.К. Пфлуг. Второй командовал генерал-майор И.К. Хайнске (Генскин.) В первой линии длиной около 1,7 км были выставлены: личный гвардейский шквадрон князя (330 драгун) и восемь драгунских полков: Московский (К.Э. Ренне), Сибирский (Г.К. Пфлюга), Смоленский (кн. Б. Гагарина), Владимирский (кн. П.Мещерского), Новгородский (кн. Г.С. Волконского), Тверской (М. фон Шульца), Троицкий (Г. Розена) и Киевский (Р.Х. Боура.) Во второй линии такой же длины стояло 7 драгунских полков — Астраханский (М. Неттельхорста), Нижегородский (О.Р. фон Шаумбурга), Рязанский (Геренсков), Петербургский (И.К. Генскина), Черниговский (А. фон Штольца), Казанский (М.Г. Мюленфельса), Псковский (Н.Ю. Инфлянта) и один полк Августа II. Сзади, в третьей линии, стоял Вятский (кн. Александра Волконского) полк, который, хотя и обозначен Меншиковым «на резерве» изначально принимал участие в бою. 30 октября, уже после победы,

Меншиков послал в Россию чертеж строя союзников вместе с «Ведомостью полкам драгунским, каким которой именем назначен». (После баталии полкам по именам командиров Меншиков дал названия по русским городам.) Чертеж сражения пока не найден, но из пояснений к нему явствует, что русские стояли не в три, а в две линии[31]. Большинство русских драгун в черных треуголках и галстуках, с мушкетами на колене, парой пистолетов и палашами, были одеты в васильковые кафтаны с красной подпушкой из байки, в красные суконные камзолы и штаны на холщевой подкладке и в синие плащи-епанчи. Кони были покрыты разноцветными чепраками. За каждым полком прапорщики держали на бархатных с золотыми позументами перевязях белые полковые и черные ротные знамена с бахромой и кистями.

Саксонское левое крыло из 14-трехэскадронных полков (42 эскадрона) было короче и почти в полтора раза слабее русского. В первой линии на крупных конях в красных кафтанах выстроились семь тяжелых полков: кавалергарды (Garde du Corps), конная лейб-гвардия (Leibregiment Cavallerie), три кирасирских полка князя Александра, курпринца (тогда десятилетнего будущего польского короля Августа III), королевы, и драгунский лейб-регимент. Во второй линии стояли драгунские полки генерал-лейтенанта фон Браузе и фон Милькау, кирасирские полки полковников фон Айхштедта, фон Герсдорфа, фон Дамница и два драгунских полка фон Гольтца и фон Шуленбурга. Эти 14 полков по штатному расписанию (600 кавалеристов в каждом) должны были бы насчитывать 8 400 чел., но будучи реально вдвое слабее, насчитывали видимо, менее 6 тыс. кирасир и драгун[32].

Обычно русские и саксонские эскадроны строились в три шеренги. Особого превосходства в артиллерии у союзников не было: против 10 пушек Мардефельда перед русским фронтом стояло 13, перед коротким саксонским — 4 пушки малого калибра.

Поляков было больше, чем по отдельности русских, саксонцев или шведов. Учитывая, что они не могли сражаться в линейных порядках, их разместили позади второй линии, уступом назад. Хоронгви польного коронного гетмана Станислава Мацея Ржевуского поставили за русскими, а за саксонцами — конников Сенявского. Всех поляков сгруппировали по 500 чел. по примеру драгунских полков. *«Во время самой битвы [поляки] оставались в бездействии, как и калмыки и казаки, но оказали большую помощь в преследовании врага»* — сообщал Меншиков[33]. Численность сандомирян варьируется в разных источниках от 10 до 16 тыс. Польский военный историк *Я.* Виммер принял, возможно, наиболее достоверную численность в 10 тыс. чел. Третья двойная «польская линия» со времен Адлерфельда неточно изображалась двумя укороченными «крылышками» на флангах. 12 шляхетских хоронгвей «польского Гекто-

ра» Адама Шмигельского и два неполных полка саксонских драгун, фактически два эскадрона, находились в полумиле за леском и ручьем, протекающим через д. Косьцельна Весь, перекрывая путь в Познань.

На 2,5–3 км вытянулись 24 тыс. союзников против 17 тыс. войск Карла XII и Станислава I (Мардефельт полагал протяженность фронта в шведскую полумилю — 3 км.) Вид союзных войск не мог не произвести впечатления: *«В полдень начали появляться части неприятеля и тут мы убедились в его силе, которая превышала 30 000 конных саксонцев, московитов, поляков, казаков и калмыков с семнадцатью пушками, тогда как нашей кавалерии и пехоты было всего 4 358 человек шведов и 16 000 поляков»* — так писал после поражения граф Нильс Юлленшерна, подполковник Северо-Сконского кавалерийского полка, записав иррегулярные части Меншикова в участников сражения[34]. Скорее всего, более верную численность станиславцев — 12 тыс. — указал Мардефельт.

Полагая стремительное нападение за лучший вид обороны, шведский генерал ничего не сделал для инженерной подготовки поля сражения. Мардефельт не думал об обороне за земляными редутами, «испанскими рогатками» или повозками. Он не укрыл пехоту за стенами Калиша (осеннее-зимняя непогода, скорее всего, заставила бы союзников отказаться от осады.) В головах шведских военачальников прочно сидел шаблон — разваливать линию врага ошеломляющей атакой. (Так было во всех полевых битвах вплоть до полтавского потрясения. В Финляндии с 1713 г. против русских шведы предпочитали держаться уже оборонительной тактики.)

Германский центр растянулся на 1,5 км. В первой линии стояли 15 эскадронов (выстроенных, вероятно, в три шеренги) вперемешку с четырьмя батальонами (поставленными, скорее всего, в четыре шеренги.) Во второй — 8 эскадронов с двумя батальонами пехоты. Батальоны имели полуметровые штыки и 6-метровые пики, которых не было у союзников. Расположение конницы среди пехоты расширяло и усиливало ударный фронт центра и давало преимущество в начале боя. Немецко-шведское ядро было одето в синие мундиры. Сам генерал занял центр второй линии.

Мардефельт впоследствии вспоминал надежду станиславцев на шведский пролом ради облегчения боя для них. Удар (как под Нарвой или при Головчине) германским «клином» в стык между русской и саксонской кавалерией и расширение прорыва польской конницей, смещенной уступом назад, могло бы (хотя это сомнительно) повысить шанс Мардефельта на успех. Размещение среди поляков части шведских эскадронов (или офицеров) было невозможно, да и не подняло бы их боеспособность. Мардефельт не стал смещать поляков назад, подобно Меншикову, а поставил вровень со шведскими полками. Справа встали в разноцветных кафтанах коронные хоронгви киевского воеводы Ю. Потоцкого. Этот фланг был прикрыт леском

и вязким руслом ручья протекавшим у д. Косцельна Весь. Слева стояли литовские хоронгви Сапег под командованием польного коронного писаря М. Потоцкого, великого литовского гетмана Казимира Яна Сапеги, а также бобруйского старосты Яна Сапеги. Для поднятия духа жены обоих Потоцких раздавали с коней пороховые заряды жолнерам. В середине коронных и литовских войск были рейтарские полки. Несколько хоронгвей находилось между первой и второй линиями. Было немного иррегулярной конницы из татар, осевших в Литве со времен Витовта. Нет ясности о месте десяти пушек (3–6-фунтовых, калибром 74–93 мм.) Возможно, ими усилили слабые польские крылья. Одна валашская рота следила за мелким бродом у д. Косцельна Весь, две наблюдали за противником у д. Добжец.

Боевой дух союзников не был равноценным. Над саксонцами и сандомирянами довлела слава шведской непобедимости. Саксонцы с 1701 г. были биты во всех 6 полевых сражениях (Западная Двина, Клишов, Пултуск, Пуниц, Варшава, Фрауштадт), поляки вчистую проиграли 5 боев (Клишов, Салаты, Якобштадт, Шкуды, Варшава.) У русских, наоборот, «нарвский страх» 1700 г. после локальных побед под Эрестфером, Гуммельсгофом, штурмов Нарвы и Дерпта в 1704 г. практически испарился. Драгуны царя восстановили свою силу после гродненской блокады. Не прошло даром и поражение при Гемауэртгофе в 1705 г.: кавалерия при атаках приучилась не рваться вперед, не ломать строй и не кричать. Подражая шведам, уже пытались «приводить в конфузию неприятеля едиными голыми шпагами»[35].

В этот раз у шведов не было главного фактора их военного счастья — короля Карла XII. Вместе с тем каролинцы знали, что саксонцы, русские и поляки многократно были биты их меньшими силами. На профессионализм командиров — Крассау, трех горнов, Мюллера, Маршалька, можно было положиться. Тыл и фланги были прикрыты Просной с заболоченными берегами и двумя ручьями. После вести от Карла XII о мире с Августом, были все основания думать, что выбитые из войны саксонцы вряд ли будут стойко держаться.

Из-за саботажа Августа сражение началось, когда уже начало смеркаться (на широте Калиша солнце 18 (29) октября заходит в 16.13.) Этим Август давал противнику дополнительный шанс снизить потери и, может быть, ускользнуть, пользуясь темнотой. Трехчасовая «полная баталия» завязалась между тремя и четырьмя часами (Г. Адлерфельд) с залпов пушек. Сведений об эффективности перестрелки нет — вполне вероятно, что при малой плотности огня потери от мелких ядер не были велики. Союзники начали движение первыми, но Мардефельт тут же послал вперед свое пестрое воинство.

На сухом плоском поле длинные линии сближались ровно, хотя из-за дыма орудий и поднявшейся пыли эскадроны едва видели друг друга. На

русских надвигались поляки и четыре пятых корпуса Мардефельта, на саксонцев — помимо поляков лишь 5 его эскадронов и 1 батальон. «Три эскадрона Маршалька, батальон Хорна и 2 эскадрона сконцев сошлись с саксонцами, которые размахивали обнаженными шпагами»[36].

Будь у Мардефельта только «природно-шведские» полки, его прорывная атака, возможно, дала бы результат. Но духа «польского рыцарства» хватило только на несколько минут. Едва линии сблизились на ружейный выстрел, как оба польских крыла почти одновременно рухнули — сначала весь правый фланг, а «не прошло и четверти часа, как бежали литовцы» (А.А. Мардефельт.) (Некоторая мешкотность в четверть часа перед бегством «литовского» левого крыла объясняется тем, что оно опиралось на основную часть шведского корпуса.) *«Поляки, которые стояли по нашим флангам, совершенно не сопротивлялись и при первом же пушечном залпе и первом натиске обратились в бегство. Некоторые бежали до вагенбурга, который находился на расстоянии в четверть мили, другие же покинули поле и вообще исчезли»* (Н. Юлленшерна.) *«Поляки почти сразу были опрокинуты и ударились в бегство... сломя голову»,* [37] часть вообще дезертировала за пойму Просны через казачьи заслоны. Бегство в первые же минуты позволяет сказать, что еще при сближении с русским и саксонским строем станиславцы решили уклониться от боя. Паника захватила и три соседних эскадрона Верденского драгунского полка первой линии (полковник К.Г. Маршальк), но батальон второй линии, выстрелами отбросил несколько саксонских эскадронов. Бесславное поведение поляков предопределило окружение и поражение Мардефельта.

Русско-саксонский фронт (2,5 км) оказался длиннее шведского, а перевес над шведами достиг соотношения 3:1. Тем не менее, шведский напор продолжался. Мардефельт, не отвечая на встречный огонь, рванулся вперед и отбросил несколько русских и саксонских полков от пушек. Лейб-драгуны Августа бросили свои литавры и несколько штандартов. В русской реляции начало боя описано так: *«И пополудни о дву часех зачалась пушечная стрельба* (она началась позже. — *В. А.*) *и потом вскоре оба фронта зближились и в бой вступили. И как неприятелская пехота на наш корпус наступила, то наши немного пожались, понеже пехоты при себе не имели»*[38].

Однако пролома сплошным «катком», как бывало прежде, не случилось — шведский нажим не произвел впечатления. Меншиков и Брандт отвели часть центра первой линии за вторую. Офицеры держали твердый порядок, и драгуны, «жестоко» отстреливаясь с коней, не спеша отъезжали, точно так же, как это было позже в схватке у редутов под Полтавой.

Тогда же кавалерия Мардефельта совершила непростительную в линейной тактике ошибку — оторвалась от пехоты и «гребенкой» проско-

чила вперед. Этот конный таран не только завяз перед второй линией, но был «размочален»: русские драгуны заезжали на шведские эскадроны с разных направлений и те, бросаясь в разные стороны, теряли людей. Отставшие германские батальоны тоже окружались. Об использовании шведами временно отбитых пушек не было и речи. Вторую линию шведская конница не пробила вопреки Н. Юлленшерне, хвастливо написавшему о якобы победном успехе в начале боя: *«После принятых залпов нам удалось без единого выстрела опрокинуть все три (!) неприятельские линии*[1] *а также отбить пушки, которые мы позже оставили нашей подоспевшей пехоте. Кавалерию неприятеля преследовали добрую четверть мили* (2,5 км — *В. А.*) *и все, что можно, перебили»*[39].

Два полка (Ч. Витворт) спешенных русских драгун остановили пехоту противника, а конные начали заходить во фланг шведским батальонам: «...генерал Меншиков вскоре приказал несколку шквадронам драгунским против швецкой пехоты спешится, а с правого крыла коннице на оную наступить...»[40]. Брандт по примеру Меншикова также спешил часть кавалеристов, но, повторяя охват шведов слева, не показывал особого рвения.

Поляки Сенявского и Ржевусского в ликвидации корпуса Мардефельта не приняли участия и не взяли ни одного шведского пленного. После фланговых охватов шведов русскими и саксонцами конница сандомирян пустилась вдогонку за сбежавшими станиславцами и окружила вагенбург. Потери сандомирян составили не более сотни человек.

Все европейские историки отмечали предательство Августа до битвы, но никто, начиная с начала XVIII в. не указывал, что вероломство продолжилось и в самом сражении. Баталию у Калиша никак нельзя зачислить в разряд «первой и последней саксонской победы в Северной войне», о чем позже писали историки Ю. Фельдман и К. Яроховский. Последний возвел в «героев битвы» Брандта и Шмигельского, напавшего «в сумерках» из-за леса на правый фланг и тыл Ю. Потоцкого»[41].

«Поведение русских полков превзошло все ожидания, саксонцы же относились к делу очень равнодушно» — так отметил в своем донесении Ч. Витворт 13 (24) ноября 1706 г. Вполне вероятно, что Август дал своему командному составу установку «не усердствовать», дабы не привести в ярость «северного Александра Македонского», хозяйничавшего в Саксонии. Ничтожные потери в 120 чел. и захват на поле боя всего 4 шведских капитанов и 3 ротмистров[42], подтверждают «воздержанность» саксонцев в сражении. Прусский посол в Москве Кайзелинг пересказал слова меншиковского курьера, гвардии поручика П.И. Яковлева о том, что саксонцы показали «мало рвения» и Меншиков был ими очень недоволен[43],

Почти час, отрезанные от пехоты шведские всадники метались, окруженные превосходящими силами. Командиры теряли свои части. Русские драгуны, имея полную свободу маневра на поле, рассекали, окружали,

выбивали кавалеристов мушкетными пулями, гранатами из ручных мортирок и захватывали пленных. *«Многие, кто бывал в других битвах, говорили, что никогда не видели подобного огня»*, — вспоминал Н. Юлленшерна.

Генерал-майор Е.Д. Крассау с пятью-шестью сотнями сконских кавалеристов проскочил (или был выпущен?) сквозь строй саксонцев на дорогу в Познань, улизнув от конницы А. Шмигельского. В письме к Карлу XII от 22 октября 1706 г. он писал, что снова сформировал строй, пошел на противника, чтобы спасти остатки войска, но был отброшен и потом в темноте не смог пробиться к Мардефельту. Около шести сотен человек сбежали в Калиш.

Поражение становилось очевидным, и можно было капитулировать. Агония осколков шведских полков проходила почти в темноте: перемешанные части пехоты и кавалерии отстреливались и пытались бросаться на неприятеля, заходящего с флангов и тыла. На короткое время остаткам пехоты и конницы удалось частично соединиться. На шведские штыки и пики кони не шли и союзникам пришлось даже вторично отойти, кружа вокруг и непрерывно стреляя из фузей. Большинство шведских конных полков и батальонов было рассеяно, а около трех сотен человек пленено в разных местах. В эскадронах из 108–112 всадников оставалось не больше 30 невредимых. В Северо-Сконском полку из 42 офицеров все, кроме шести, были перебиты или ранены.

Мардефельт в оправдание писал, что пытался снова собрать линию и рассылал посыльных, но «ужасная пыль и дым мешали увидеть людей». Военные историки ошибочно писали, что вся шведская пехота попала в котел и там выстроила каре. Согласно данным Я. Виммера, в окружении оказались 4 шведских батальона и 8 эскадронов[44]. На самом деле, по словам шведского командующего, в темноте вокруг него собралось совсем маленькое «батальонное» каре: справа — из людей померанского батальона полковника К. Хорна, слева — из баварского лейб-батальона полковника Г.В. Гертца. К ним присоединились 60 кавалеристов из разных полков. Позже прибились остатки французских гренадер и несколько потерявших свои части офицеров. Это был последний очаг сопротивления в тысячу человек, надеявшийся перемещением в разные стороны присоединить еще кого-либо. Отход к находившемуся в 1,5 км вагенбургу, куда сбежали станиславцы, или прорыв к дороге на Познань грозил большими потерями.

На первое требование сдаться шведы ответили залпом. Тогда Меншиков приказал подтащить пушки, стрелять по левому флангу каре и бросать гранаты. Баварцы Гертца тут же рассыпались и батальон *«сдался, атакуемый и опрокинутый врагом. Тогда полковник и все остальные, которые не были убиты, были взяты в плен русскими, с чем стрельба и прекратилась»*[45].

Блокированный правый остаток каре (батальон К. Хорна) не подвергся артиллерийскому огню и поэтому некоторое время «дергался» в разные стороны, надеясь присоединить к себе еще кого-нибудь. *«Как только мы отходили в одну сторону, они нападали с тыла, тогда нужно было оборачиваться»,* — писал Мардефельт. Затяжка с капитуляцией правой части каре свидетельствует о том, что саксонцы, щадя шведов, не использовали пушек.

После первой фазы деморализации — неуверенности, наступила вторая — моральный надлом. «Хотя враг не атаковал, его эскадроны все более и более прибавлялись» (А.А. Мардефельт.) Помня о мире с Саксонией и об авансах Августа II, шведский генерал надеялся спастись в саксонских «хороших руках». Угроза окончательного расстрела русскими пушками беспомощно сжавшихся в кучу остатков человеческой массы заставила в кромешной тьме бить барабанный сигнал сдачи.

Подъехал К.Э. Ренне и выкрикнул согласие принять капитуляцию: «Gut parole!» Часть выехавших шведских офицеров, заявила: «Наш генерал тоже здесь!» Ренне отобрал шпагу у Мардефельта и повел к Меншикову, хотя шведский генерал просил отвести его к Августу II. Впервые Русская армия пленила командующего полевого шведского корпуса. При встрече Мардефельт расслышал два немецких слова торжествующего русского победителя, которые и привел в «Реляции»: «ist gut». Всех остальных забирал в плен Р.Х. Боур. Шведы потеряли все пушки, знамена, литавры, барабаны. В русских руках оказалось 1769 шведов, немцев, швейцарцев и французов, среди них 94 офицера. Российские войска взяли на поле боя 3 полковые медные пушки, 26 знамен, 3 пары литавр, 22 барабана, 400 солдатских ружей и 13 военных оркестрантов[46].

Мардефельта отправили к Августу, который любезно приветствовал словами: «Добро пожаловать, он останется только со мной». Вместе с прочими офицерами генерал под саксонским конвоем был препровожден в штаб-квартиру Августа с приказом не подпускать к пленным ни русских, ни поляков — «будь это даже генерал» (т. е. Меншиков — *В. А.*.) В донесениях из Польши приводилось письмо Августа II, написанное сразу после битвы к Мардефельту, в котором он просил у побежденного противника прощения за свою непоправимую ошибку. (Самое тяжелое впечатление это письмо и мир со шведами произвели на саксонских офицеров, плененных у Фрауштадта.)

Перед полуночью к польскому вагенбургу, подтащили пушки и стали бить по телегам и цепям, пробивая брешь, однако ночь вынудила ограничиться блокадой табора шестью русскими и четырьмя саксонскими полками. (Ночью через реку оттуда сбежало несколько сотен поляков во главе с М. Потоцким, Е. Любомирским и двумя Сапегами. Часть беглецов была схвачена казаками.)

Утром 19 октября из вагенбурга, где осталось до 40 хоронгвей, выставили белые флаги, стали кричать о сдаче, и Меншиков великодушно предоставил Брандту принять капитуляцию станиславцев, а также шведов, укрывшихся в Калише. Так, саксонцам досталось 829 шведских пленных, сдавшихся на «аккорд», 54 польских, 5 драгунских знамен и 5 тыс. повозок. Поляки не считались почетными пленниками и не отмечались в реляциях. Саксонцы разоружили их, отняли коней, а потом сдирали кафтаны и заставляли раздеваться до исподнего[47]. В тот же день к Мардефельту присоединили еще нескольких офицеров и рядовых. К ним была проявлена высшая степень учтивости, прислано вино, хлеб, напитки, приставлены лекари и дано обещание не выдавать русским, несмотря на их требования. Тут же после победы Август послал Карлу XII свое «искреннее» соболезнование, обвинив русских и поляков, втянувших его против воли в сражение[48].

Всего из шведских полков было захвачено 2598 чел. — самое большое число в Северной войне вслед за полоном 1709 г. в Переволочне у Днепра (около 16 тыс.) и под Полтавой (2977 чел..) Такое количество сдавшихся свидетельствует о недостаточной стойкости шведских полков. Чем больше войск отказалось от сопротивления, предпочтя плен продолжению боя, тем ниже моральный потенциал армии[49]. Если из общего количества 4358 шведов вычесть пленных, взятых на поле боя и в Калише (2598) и учесть пять сотен всадников, бежавших с Крассау в Познань, получится, что в сражении было перебито около 1260 чел. Шведские историки преуменьшают число убитых и раненых до 780 чел. Меншиков же прихвастнул: по его словам, на поле осталось лежать 5 тыс. шведов и тысяча поляков и валахов.

Победа была одержана малой кровью. На 20 декабря 1706 г. насчитывалось 7 убитых и 20 раненых офицеров, 98 убитых, умерших от ран и пропавших без вести урядников и рядовых — всего 450 чел. т. е. 5%[50]. Выбыло из строя 678 лошадей. Самый большой урон потерпели Киевский (8 убитых и 55 раненых), Псковский (12 убитых и 51 раненых) и Троицкий полки (9 убитых, вместе с полковником и 42 раненых.) Как раз по ним пришелся удар шведского центра.

Потери саксонцев составляли 3%, сандомирян — 1%. Скорее всего, большинство русских и саксонских потерь пришлось на первые минуты боя, когда первая линия подавалась назад перед шведами. В целом приходится сделать вывод, что только русские дрались по-настоящему. «Германское ядро» Мардефельта всерьез билось лишь в начале боя, а саксонцы и поляки изначально действовали вполсилы. (Неслучайно в Польше нет памятника Калишской баталии.)

Сражение под Калишем дало русской коннице неплохой опыт перед операциями в Белоруссии и на Украине в 1708–1709 гг. При Калише, как

под д. Лесной в 1708 г. и во время преследования шведов от Полтавы до Переволочны, был использован «корволант» без обоза и пехоты. На калишских полях при пятикратно меньшем количестве пушек, чем под Полтавой, было произведено полное окружение шведского центра и захват его вместе с командующим. Количество пленных оказалось почти таким же, как и под Полтавой. Как при Лесной и под Полтавой, князь при отходе и наступлении энергично и твердо держал линейный порядок. Он умело провел фланговый удар и сделал ставку, прежде всего, на огнестрельное оружие. Таким образом, к победным факторам можно отнести умение Меншикова, боеспособность русской конницы, эффективное использование огнестрельного оружия и численное превосходство союзников. Меншиков «выиграл пред историею процесс свой с Огильви, показав, что русское войско не нуждается в наемном фельдмаршале»[51]. 19 января 1709 г. для изучения калишского военного опыта Петр просил князя прислать «чертеж Калишской баталии». К факторам, определившим разгром шведов, можно отнести безынициативность Мардефельта, бегство поляков и отрыв шведской кавалерии от пехоты.

2.3. «Виват! Виват! Виват, преславная виктория!»

Вся тяжесть «генеральной баталии» пришлась на русскую конницу и шведско-немецкие полки. В чистом поле под Калишем «стрелы Российского орла» уничтожили корпус Мардефельта и рассеяли станиславцев. За шесть лет Северной войны не было подобной впечатляющей русской победы в открытом поле над такими крупными силами.

19 октября «римский князь» славил победу: вслед за благодарственным молебном при троекратном салюте из пушек был пропет гимн «Тебя, Бога, хвалим». Ликование победителя было неописумым: *«Такая сия прежде небываемая баталия была, что радошно было смотреть, как со обоих сторон легулярно бились, и зело чюдесно видеть, как сие поле мертвыми телами услано... И сею преславною викториею Вашей милости поздравляю и глаголю: Виват! Виват! Виват! »* На высоту вознес русских и Август: «Без всякой лести и пристрастия большую часть радости надо приписать храбрым полкам Вашего Величества, которые воистину так себя оказали, что ни единого рядового солдата обвинить невозможно, чтоб он должность свою пренебрег». Упрека, по его мнению, заслуживал только русский командующий, который ради славы царя многократно подвергал себя риску[52].

22 октября Меншиков устроил победный пир с военной музыкой, на который пригласил Августа, Мардефельта и всех высших офицеров. Гром литавр и труб поднимал настроение. Август попросил вернуть свободу и шпагу Мардефельту, но Меншиков не пожелал расстаться с трофеем и экс-королю пришлось дать шведскому генералу свою собственную. После получасового сидения Мардефельту было позволено удалиться.

В отличие от ликующего русского командующего Август тревожился — предстояло оправдываться перед шведским королем, под сапогом которого лежала Саксония. Он, как и Меншиков, понимал ценность квалифицированных офицеров, которых он был обязан вернуть Карлу XII. Можно представить досаду бывшего короля, удерживавшего саксонцев от боя и оставшегося с пустыми руками. Расточая похвалы русским, Август обещал Карлу как можно скорее освободить всех пленных, несмотря на объявление Меншиковым их своей добычей. Взамен шведов саксонец, не имея никакой предварительной договоренности, сулил вызволить всех русских офицеров из Стокгольма. Лисья хитрость удалась и он получил всю верхушку шведского корпуса — Мардефельта, полковника Маршалька, Миллера, Горна, подполковников Гилленштерна, Радона, двух майоров, 5 капитанов, 1 ротмистра и пятерых поручиков и 1 прапорщика — всего 20 человек, хотя еще 21 октября Меншиков обещал царю весь полон отправить в Москву[53].

22 октября за шведские головы князь получил расписку: *«Мы, Август Вторый, король польский, великий князь литовский и прочее. Объявляем сим письмом. Ибо от его милости князя Александра Меншикова в последней баталии от войск Его Царского Величества в полон взятых, а на особливой росписи писанных, швецких офицеров и рядовых нам отдано, за которых офицеров и рядовых мы в десять недель или кончая в три месяца в Стекгольме обретающихся московских офицеров, кроме наших, всех наперед выменить хощем. А ежели от войск швецких (которые либо пойдут на нас из Саксонии) будет та розмена (картель) пресечена, то мы отданных швецких офицеров и рядовых всех по-прежнему до князя Меншикова или до Его Царского Величества войска отдать обязуемся. Дан в Унеове, ноября 2 дня по новому штилю 1706-го году. Август король»*[54]. У посла в Польше кн. Г.Ф. Долгорукова 8 ноября 1706 г. возникли иллюзии, что через Мардефельта может быть произведен «генеральный размен» пленными между Швецией и Россией[55]. 23 октября пленные шведские офицеры спешно отбыли в Померанию, часть — в Бреслау. Разбитый Меншиковым барон перед смертью в 1708 г. навестил Карла XII, который постарался снять с него подавленное психическое состояние и выразил удовлетворение его поведением.

Неизвестно, простился бы князь с полоном, знай о сепаратном выходе Саксонии из войны, об отрешении Августа от польской короны и о жестокости Мардефельта, приказавшего после битвы при Фрауштадте закалывать русских пленных как скот.

Но одно он не мог не знать — русское командование всегда без посредничества обменивало пленных. П.П. Шафиров справедливо оценил выдачу пленных саксонцам как неуважение к царю и считал, что полон надо было отослать в Киев, откуда и вести переговоры об обмене[56].

Ради личной выгоды «светлейший» шел даже на скандальное нарушение государственных интересов. В 1713 г. он за 5 тыс. дукатов своевольно передал в секвестр часть завоеванной шведской Померании и г. Штеттин Гольштейну и Пруссии, почти рассорив царя с датским королем и Габсбургами[57]. Прямых доказательств нет, но можно предположить, что Август выкупил шведских офицеров у Меншикова. 23 октября Меншиков заказал резиденту при Августе кн. В.Л. Долгорукову купить серебряную парчу у французских купцов[58]. В связи с этим послание экс-короля к царю от 26 октября (6 ноября) 1706 г. в оправдание «светлейшего», где «выхвалялось» упорство победителя, якобы упрямо отклонявшего передачу пленных в саксонские руки, оставляет впечатление «заказного». Меншиков-де не выдал пленных после указания, что они принадлежат Августу II, как формально верховному начальнику. Потом князь затребовал предварительного освобождения из Стокгольма кн. Я.Ф. Долгорукова, А.А. Вейде, кн. И.Ю. Трубецкого и генерал-фельдцейхмейстера грузинского царевича А.А. Багратиони. И лишь тогда, когда король через одного из руководителей Сандомирской конфедерации К.Ф. Шанявского и саксонского генерал-майора Ф.И. Гольца «пригрозил», что на князя ляжет вина разрыва Августа с царем, тот отдал пленных[59]. «Светлейший» великолепно знал, что Август цеплялся за помощь царя, как утопающий за соломинку.

30 октября Меншиков писал царю: *«Полон весь, которой наши взяли, сегодня я отдаю королевскому величеству; а какой о том полону договор с ним у нас учинен, и с того договору, также с писма королевского величества... при сем посылаю переводы»*. «Гюйсеновская» апологетика князя оправдывает передачу шведов согласием военного совета, на котором, среди прочих, были генералы Ренне и Боур. Как и следовало ожидать, обмена пленными не произошло и отпущенные под честное слово шведские офицеры не вернулись. Всего Август отпустил 2500 шведов. Взятых русскими швейцарцев и французов он собирался снова включить в саксонскую армию, но Карл XII заставил позже передать их себе.

Петр выразил пожелание, чтобы русским отдали хотя бы Потоцкого с его людьми, но и тут Веттин, «боясь озлобить» польскую сторону, не отдал их явно, а предложил Шмигельскому «как бы отбить» от саксонского конвоя пленное польское командование. Но эта афера развалилась.

Несмотря ни на что, триумф в России был громадный. Весть о виктории, «какой никогда еще небывало», дошла до Москвы 12 ноября. 14 ноября она была опубликована в газете «Ведомости», а в Петербург была доставлена гвардии поручиком П.И. Яковлевым 15 ноября. Все городские и корабельные пушки прогремели «заздравную стрельбу кругом всего города». Три дня, вплоть до 17 ноября, шли праздничные пиры — Москва и Петербург «из души и сердца благодарили Бога». По словам П.П. Шафирова, английский, датский и прусский посланники в Петербурге срав-

нивали «великую викторию по препорции войск» с победами герцога Д.Ч. Мальборо и Евгения Савойского над французами и баварцами при Бленхейме 13 августа 1704 г. и при Рамийи 12 (23) мая 1706 г. (там с каждой стороны сражалось по 50–60 тысяч.) Петр I, воздавая обильную жертву Бахусу, душой восхвалял Господа и собирался при триумфе надеть шпагу Мардефельта[60].

Маршальский жезл произошел от трости или посоха, с которыми ходили командиры полков и более крупных армейских соединений. Царь собственноручно вычертил эскиз головки трости для Меншикова — с двумя алмазными ободками, тремя изумрудами сверху, гербом и двумя символическими рисунками на тему победы. Цена трости была определена необычайной — в 3 тыс. рублей.

Для офицеров в честь «преславной Богом дарованной виктории» Петр приказал изготовить 50 дорогих с изображением государя портретов украшенных бриллиантами, и 300 золотых медалей стоимостью от 50 до 500 рублей[61]. На лицевой стороне медали было погрудное изображение Петра I в лаврах с надписью: «Царь Петр Алексеевич Всея России повелитель». На оборотной стороне был изображен конный римский воин (возможно, подразумевался Меншиков) на вздыбленном коне на фоне сражения, где драгуны с двух флангов добивают шведов. Исходящая из облака рука венчает всадника лавровым венком славы. По краям надпись: «За верность и мужество». Это была первая в мире массовая военная награда для ношения на груди. Полковники получили золотые медали в богатых ювелирных оправах из драгоценных камней и финифти, увенчанных коронами (два экземпляра сохранились в собрании Государственного Эрмитажа)[62]. Урядники награждались овальными серебряными медалями, рядовые — рублевыми монетами. На оборотной стороне медали за победу при д. Лесной изображался такой же всадник в римских доспехах. Все подобные награды чрезвычайно ценились в русской армии.

На празднествах в Варшаве Меншикова завалили лавровыми венками, панегириками, речами, сравнениями с Александром Македонским и Александром Невским. Были подтверждены права его гражданства в Польше и в Великом княжестве Литовском. Август одарил князя бывшими владениями князя Любомирского — Полонным на Волыни и Оршей в Белоруссии. (Королю Карлу XII в порядке символической компенсации он помимо вытребованных у Меншикова шведских пленников преподнес прежний дар Петра I — дорогую саблю и карту России)[63]. Из Вены Меншикову, теперь уже не мешкая, выслали диплом на звание «светлейшего князя Священной Римской империи», подписанный в январе 1706 г. и даже соглашались отдать на русскую службу генерала Гейстера и принца Евгения Савойского, если шведский король предпримет что-либо против Германии или «паки в Польшу вступит». В ответ вместе с благодарностью Менши-

ков послал императору «соколов и калмыков». Победителя поздравил английский полководец герцог Джон Черчилль Марльборо. Для торжественного приема послов и вельмож в Польше Петр I приказал князю завести двор как у германского императора — с обер-гофмейстерами, обер-маршалами, обер-камергерами, гофмаршалами и т. д. На фронтисписе панегирика, изданного в 1706 г. в Москве, портрет Петра I сопровождался надписью: «Даже отсутствуя, сокрушает врага», а портрет Меншикова: «Становится известнее победою над столь великим неприятелем». В день рождения Петра 30 мая 1707 г. «римский князь» стал и «русским»: царь пожаловал ему достоинство Ижорского князя с титулом светлости (грамота от 1 июня 1707 г.), а в вечное владение ему и наследникам — города Ямбург и Копорье. С этого времени «сиятельный Римского государства имперский князь, Его Царского Величества губернатор Ингрии и Эстляндии, генерал над кавалерией, кавалер святого Андрея и Белого Орла, подполковник Преображенского полка, капитан бомбардирской роты от первейшей гвардии Его Величества, полковник конного и пехотного Ингерманландского полка» затмил титулованную российскую знать. У городских ворот и церквей Москвы прибили указы, чтобы в письменных обращениях к Меншикову присутствовали его главные титулы. 1 июля 1707 г. «вернолюбезному светлейшему князю» вручили грамоту на герб, в котором среди прочего было изображение льва с двумя тростями-жезлами как эмблемой генеральства. В том же году гравер Питер Пикарт создал два парных военно-парадных портрета: Петр I на коне указывает скипетром на взрывающуюся Нарву, за ним свита несет щит с российским гербом. Конный Меншиков с фельдмаршальским жезлом (или с подзорной трубой) изображен на фоне Калишской баталии, свита за ним несет щит с его княжеским гербом, а трубачи трубят славу.

В честь Калишской победы, которая пришлась на день св. Луки, царь назвал сына Меншикова, родившегося 9 февраля 1709 г., Лукой-Петром. С 1710 г. одновременно с Полтавской, в России стали праздновать и Калишскую победу — 18 октября стало «викториальным днем»[64]. В 1714 г. гравер А.Ф. Зубов по заказу «светлейшего» на заглавном листе к книге «Леврея или венец бессмертные славы... Петру Первому... Александру Даниловичу Меншикову» изобразил апофеоз князя, где орел поражает стрелами молний поверженного льва, а стоящие на коленях шведские офицеры отдают ему свои шпаги. Калишская победа должна была быть изображена на «Триумфальном столпе», который предполагалось воздвигнуть на центральной площади Васильевского острова Петербурга.

Успешный июльско-октябрьский поход в Западную Польшу и калишский триумф 1706 г. имели неплохие последствия. Разгром Мардефельта вместе с воинством Потоцкого и Сапег заставил более 6 тыс. поляков

перейти от Станислава I на сторону сандомирян и России. На русскую службу Меншиков принял М. Брандта и в чине генерал-майора «благопотребного для скорых посылок» А. Шмигельского, прибавив к трем его полкам русский драгунский полк[65]. В Европе рухнул стереотип непобедимости шведов в полевых сражениях и выправился авторитет России. Окреп боевой дух русской конницы. Шведское влияние в Польско-Литовском государстве спало. Кроме небольшого гарнизона в Познани, у шведов ничего не осталось в Польше. Исчезли и крупные соединения Лещинского, так и не признанного Данией, Голландией и Папой римским. Хозяевами там вплоть до вторичного вторжения шведской армии осенью 1707 г., стали Меншиков и Петр I. После «великой виктории» князь распространял по Европе опровержения на шведские пасквили и распорядился «рукой палача» сжигать антирусскую клевету.

На военных советах победитель предлагал рисковые планы захвата Познани и Эльблонга, чтобы окончательно покончить со шведской оккупацией Польши или на крыльях победы ворваться в Саксонию, используя поддержку тамошнего земского войска и идею сближения с императором и морскими державами на антишведской и антифранцузской основе. По мнению князя, продвижение всеми соединенными русско-саксонско-польскими силами в Саксонию освободит польские земли от содержания русских войск, которые нельзя оставлять в бездействии. Шведов, возможно, удастся вытеснить в Баварию или к французам и принудить к миру. Но царь, в отличие от вдохновленного друга, после «превеликой и пречудной победы» считал разумнее бросить его конницу на север для «отсечения второго шведского крыла» — 10–12-тысячного корпуса Левенгаупта, который отдалился от Риги и, по слухам, собирался двигаться к Полоцку, Минску или Могилёву[66].

Август тоже получал советы разорвать Альтранштедский договор и продолжить военные действия, но на подобное «сумасбродство» король отважиться не мог. Пока шла переписка, саксонец, потрафляя Карлу XII, удалил русскую конницу из Великопольши далеко на юго-восток. Ссылаясь на предзимье, он настоял на роспуске войск по квартирам в пяти воеводствах Червонной Руси — от Ярослава и Жолквы до Стрыя. Свои силы Август перевел к Кракову. Обменявшись в Варшаве ратификационными грамотами, подтверждавшими договор с Карлом XII, Август продолжал пускать пыль в глаза полякам и русским. Мошенник выставил себя «триумфатором», открыл сейм и торжества в честь победы, представил пленного генерала Мардефельта и даже пригрозил, чтобы никто под страхом огня и меча не переходил к Карлу XII и Лещинскому. 8 (19) ноября 1706 г. он заявил даже о неправомочности Альтранштедского договора и, опровергая слухи о сепаратном мире, поставил вопрос на сейме о дальнейшем вооружении[67]. Этим Август II надеялся сохранить

поддержку большинства шляхты и многих магнатов, которые не собирались переходить на сторону Лещинского, учитывая, что тот стал назначать заново на государственные должности своих приверженцев.

Чтобы покончить с шельмовством, 5 (16) ноября Карл XII официально опубликовал шведско-саксонский договор, от которого европейские дипломаты «стали как в экстазе». Ведь договор «не только низвергал Августа с польского трона, ... но покрывал его позором в глазах Европы и начисто компрометировал в Речи Посполитой и в России»[68]. Франция, Испания, Британия, Габсбурги, Пруссия и Турция признали королем Станислава I. Не только поляки, но и саксонцы отказывались верить бесчестью диктата. Перспектива освобождения от шведской оккупации испарилась. Многие магнаты и шляхтичи снова откачнулись к Станиславу I и его силы выросли до 18 тысяч. На сторону Лещинского перешли великий литовский гетман М. Вишневецкий и М. Брандт. «Польский Гектор» Шмигельский, наслушавшись, по его словам, в штабе Меншикова в Жолкве слухов «о захвате» русскими всей верхушки Коронного войска и обращении рядовых «в холопов», о размещении гарнизонов царя по польским крепостям и возведении русского генерала-победителя на польский трон, замыслил захватить князя. Вместо Меншикова он пленил генерал-лейтенанта Г. Пфлюга (тот позже сумел освободиться) и вывез Ю. Потоцкого, графа Тарло и их семьи под шведскую защиту в Саксонию[69].

14 ноября резидент при Августе кн. В.Л. Долгоруков с непростительным запозданием проведав, что саксонцы имели со шведами две тайные конференции, и что заключению договора якобы помешала «счастливая баталия», получил разъяснение от Веттина, что никаких трактатов не существует. И всего через четыре дня Василия Лукича, как обухом по голове, поразило «секретное» откровение Августа о том, что имея всего 4 тысячи саксонцев, он вынужденно заключил договор «под видом, а не правдою», что он не оставит ни польской короны, ни союза с Россией, и как только Карл XII выберется из Саксонии, продолжит войну, если ему дадут русские войска и 150 тыс. ефимков[70]. Официально отрекшись от польского трона, «верный брат, друг и сосед» открылся Петру I, что хоть и отдал в жертву свои войска и саксонское курфюршест во, но намерен последние дни жизни провести в верной и сердечной дружбе с Россией. Август выражал уверенность, что царь протянет ему «мощную руку» помощи, защитит от разорения и обид и будет регулярно через векселя на Л.Н. Алларта переводить ему денежные субсидии. Верхом беспардонности была просьба о переводе под его команду русских войск в Польше, «которые ему также любы, как саксонские», чтобы «при случае можно было принять меры». В конце письма лицемер «сокрушался», что вместо вторжения в шведскую Померанию, от которого прежде он сам отгово-

рился, союзные войска, «как побежденные», отступили на 50–60 миль от театра военных действий[71].

19 (30) ноября, тайно и затемно, пустив слух об отъезде на север в Торунь, Август в почтовой карете бежал в Краков, оставив письмо польским сенаторам, где уверял, что отправляется в Саксонию для изгнания шведов и никогда не забудет интересов своих польских подданных. Боясь, что поляки отсекут ему путь, он послал к Карлу XII просьбу о выделении ему конвоя и 6 (17) декабря в Лейпциге лично уверил Карла XII в своей дружбе, объяснив Калишский бой страхом расправы над ним Меншикова. В качестве очередной компенсации он сдал шведам русского министра И.Р. Паткуля, обещал выдать всех оставшихся в Саксонии русских, а своих солдат переправить в наем голландцам. В Гааге это приняли за «пронырство двоеличного принца, который никогда слова не держит»[72]. В Польшу экс-король вернулся только благодаря Полтавской победе.

Казалось, что положение России стало хуже, чем после Нарвского поражения в 1700 г. Но Москву потеря саксонского союзника не напугала, единоборства с Карлом XII не боялись: Русская армия обрела уверенность в своих силах, она находилась в хорошем состоянии, рекрут было более, чем достаточно. «А хотя б сие тако и учинилось, то иногда может быть нам к лут-чему» — писал Г.И. Головкин Л.Н. Алларту из Жолквы в декабре 1706 г.[73] После «славной на весь свет баталии», вероятно, в канцелярии П.П. Шафирова была составлена язвительная антисаксонская издевка. От имени царского шута-француза полоумного «самоедского принца де Вименея» было составлено послание, где экс-королю пенялось, что вместо ставки на «вострые шпаги», тот опозорил себя «великой хулой и явным стыдом». Он, принц Вименей, как «маршалок от баталии», с «самоедами своими мог бы и саранчу разогнать, чтоб та... польского хлеба не ела», но только из-за своей «колченогости» не может помочь саксонцам[74]. Впрочем, учитывая тайные авансы Августа, русское правительство продолжало «ласкою и обнадеживанием» держать саксонца как запасной вариант против шведов. 17(28) февраля 1707 г. Август, который к тому времени рассматривал вариант стать королем в Венгрии или в Неаполитанском королевстве, сообщил из Дрездена, что вручил под протекцию и команду царя «свои оставшиеся в Польше войска».

Все усилия русской дипломатии были теперь направлены на укрепление польского отпора шведам, выборы нового польского короля и на то, чтобы сандомиряне подтвердили договор с Россией 1704 г. и обещали пребывать в союзе до конца войны. В январе 1707 г. когда Сандомирская конфедерация объявила межкоролевье, на Коронное и Литовское войско было выделено 50 и 30 тыс. рублей. 3 апреля 1707 г. Сенявскому и Ржевусскому было выдано 47 тыс. рублей[75]. 21 ноября на «консилию» под Жолкву прибыло командование пехотного корпуса: генерал-фельдмаршал

Б.П. Шереметев, генерал кн. А.И. Репнин, генерал-майор М.М. Голицын, а также канцлер Г.И. Головкин и посол в Польше кн. Г.Ф. Долгоруков. 23 ноября, на именинах Меншикова все вторично «веселились» при салюте и фейерверке. 28 декабря в Галицию спешно примчался Петр I, который считал необходимым оставаться там до 30 апреля 1707 г.

В Центральной и Восточной Европе после Калишской победы и отрешения Августа от польской короны пошли слухи о том, что царь «учинит королем польским царевича Алексея или принца Александра». Шмигельский писал после Калишской победы: *«Князю Меншикову королевство Полское присовокупити хотят, к чему наши поляки под образом трактатов о пользе Речи Посполитой во всем московское соизволение творят»*[76]. Австрийский резидент в Москве О. Плейер тоже считал, что царевич Алексей и Меншиков собирались выставить свои кандидатуры на предстоящей элекции 3 августа 1707 г. Г. Гюйссен докладывал П.П. Шафирову и Г.И. Головкину, что на польский трон можно посадить князя Меншикова, Сенявского или даже гетмана Мазепу — все равно их содержание ляжет на Россию[77]. Однако реальных шагов для продвижения «светлейшего» к польскому трону русское правительство не предприняло — выгоднее были кандидатуры принца Евгения Савойского, князя Якуба Людвига Собеского или его братьев Константина и Александра, которые могли бы способствовать заключению антишведского союза с Габсбургами. Сенявскому, который предпринимал кое-что, чтобы при посредничестве французов Россия получила мир, обещали давать 500 тыс. злотых на содержание двора и 4–5-тысячной гвардии, если он согласиться водрузить на свою голову польскую корону. Польский историк Фельдман, усматривая в России извечного врага, писал, что всеми этими действиями этим «русский полип вгрызался в Речь Посполитую».

Шведская оккупация Саксонии (с августа 1706 г. по август 1707 г.) превратила Карла XII в вершителя судеб Центральной и Восточной Европы, и никто из кандидатов не решался принять польскую корону из рук Петра I. Как писал немецкий историк О. Хайнтц, шведское великодержавие, опиравшееся на более чем 110-тысячную армию, достигло зенита высшего, чем при Густаве II Адольфе. В Саксонии силы шведов после вербовки немцев выросли с 23 до 35 тысяч, в Швеции стояло 17 тысяч, в Курляндии корпус А.Л. Левенгаупта насчитывал около 12–13 тыс. чел., в Польше у Э.Д. Крассау было 8 тыс. чел., в Финляндии находился 14-тысячный корпус Г. Любекера, Эстляндию и Лифляндию охраняли 11 тыс. солдат, в Германии находилось 11,8 тыс. шведских войск. Вслед за победой над Данией и Саксонией, Карлу XII приписывались планы расчленения России, «опровержения» Римской империи и «похищения у Папы скипетра и кадильницы». Собираясь в «русский поход» в 1707 г., Карл XII «выграбил» из Саксонии 23 млн рейхсталеров, навербовал 12 тыс. рекру-

тов и увеличил численность своей армии. В связи с этим, не оставляя «дела» избрания польского короля, в Москве не отказывались от мира или перемирия со Швецией. Расширять зону войны против генерала А.Л. Левенгаупта в Лифляндии не стали. В Эстляндии генерал-майор В.А. Шлиппенбах вел себя спокойно. С весны 1707 г. активизировались переговоры со шведским посланником в Вене генералом Страленгеймом, в Лейпциге с французским резидентом при дворе Карла XII Ж.В. де Безенвалем, в Гданьске устанавливались контакты со шведами через агентов Сенявского и через прусских дипломатов[78].

Пять лет Карл XII и Август II вели борьбу за Речь Посполитую. Но, как писал советский историк В.Д. Королюк, даже после оккупации Саксонии, когда в Речи Посполитой оставался лишь один центр королевской власти, шведам не удалось подчинить сандомирян — сторонников прежнего короля, которых Россия поддерживала финансовой и военной помощью. Даже в условиях полного военного превосходства шведы не обеспечили себе прочный польский тыл и не добились совместного польско-шведского выступления против России. В 1707–1708 гг. шведам пришлось искать разрешения польского вопроса уже не на польской и саксонской, а на белорусской и украинской земле.

* * *

Битва под Калишем 18 (29) октября 1706 г. заняла видное место среди баталий Великой Северной войны — Нарвской (1700), Фрауштадтской (1706), Головчинской, при д. Лесной (1708) и Полтавской (1709.) Победа не была случайной — она стала результатом комплексной военной реформы Петра I, коснувшейся всех родов войск, вооружения, тыла и военного производства. Силами кавалерии был полностью уничтожен «наблюдательный корпус» шведского короля и рассеяны хоронгви «антикороля» Станислава I. Успех укрепил уверенность русского командования в боеспособности армии, а Петра I в полководческом искусстве своего любимца. Битва у Калиша доказала, что русское войско поразительно быстро встало вровень с лучшими европейскими армиями. Она вселила в солдат веру в свои силы, русского «страха» перед «заколдованными» шведами (в отличие от саксонцев, датчан и поляков) уже не было: *«неприятель не точию нас страшит, но и сам весьма в великом страхе суть, и паче от Калишской прежде бывшей счастливой баталии»*[79].

Примечание к главе II

[1] En utförlig berättelse om slaget emellan öfwersten af Königl. May: te Lif-Regimente Herr baron Creutz, och muscowitiske generalen Nieplij wid staden Kletsk i Littouen den 20 aprilis 1706. Stockholm, s.a.; *From P.* Katastrofen vid Poltava. Karl XII: s ryska fälttåg 1707–1709. Lund, 2007. S. 300–301.

[2] *Долгова С.Р.* Молодой Александр Меншиков в составе Великого посольства // Петровское время в лицах. СПб., 1999. С. 15–18; *Беспятых Ю.Н.* Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность. 2-е изд., доп. СПб., 2008. С. 185–187, 196–202. Этот же автор указал на авторитетные выводы А.С. Пушкина в «Истории Петра I»: с Великим посольством (1697–1698) отправились «40 господских детей знатных родов (в том числе и Меншиков»; «Меншиков происходил от дворян Бело-Русских. Он отыскивал около Орши свое родовое имение. Никогда не был он лакеем и не продавал подовых пирогов. Эта шутка бояр, принятая историками за истину»; Там же. С. 97.

[3] *Храмов М.И.* Сподвижник Петра Великого. Документальное повествование о князе А.Д. Меншикове. Н. Новгород, 2003. С. 31; *Зелов Д.Д.* Празднества семьи А.Д. Меншикова в послепетровское время // Петровское время в лицах. СПб., 2001. С. 17–20.

[4] *Калязина Н.В., Калязин Е.А.* Александр Меншиков — строитель России. СПб., 2005. Ч. 1. С. 34–35, 175.

[5] Заслуги и подвиги... Кн. 3. С. 12.

[6] РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 9. Л. 12 об., 15; Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 5. Л. 65; ППВ. Т. 4. С. 263, 308–310. Fältkansli Josias Cederhielm bref till sin broder Germund 1707–1722.

[7] *Cederhielm J.* Sekretaren vid Carl XII... S. 217.

[8] *Дьяк А.Я.* Щукин — А.Д. Меншикову из Москвы 6 и13 марта 1706 г.; *Волынской Н.П.* Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ея в Великой Северной войне. СПб., 1912. Вып. 1. Кн. 3. С. 415–416.

[9] *Витворт Ч.* Россия в начале XVIII в. М.-Л., 1988. С. 85.

[10] Меншиков — Петру 120 июля 1706 г. РГАДА. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 5. Л. 417–418.

[11] *Волынской Н.П.* Постепенное развитие... Вып. 1. Кн. 2. С. 327–337.

[12] Меншиков — Петру I 30 июля 1706 г. из Полонного // РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 9. Л. об.; Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 5. Л. 354.

[13] Ответы мазовецкому воеводе С. Хоментовскому 18 (29) сентября 1706 г. -РГАДА. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 6. Л. 482 об.

[14] В.Л. Долгоруков — АД. Меншикову в августе 1706 г. // РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г.

[15] Г.И. Головкин — Петру 15 сентября 1706 г. из Киева. // РГАДА. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 6. Л. 471об.

[16] РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 7. Л. 102 об.; Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 6. Л. 419–422, 693. *Otwinowski E.* Dzieje Polski pod panowaniem Augusta II od roku 1696–1728. WKrakowie, 1849. S. 108–109

[17] *Lewenhaupt A.* Karl XII's officerare. Biografiska anteckningar. Stockholm, 1921. S. 439.

[18] ГСВ. Вып. 1. С. 263; Вып. 2. С. 404.

[19] *Mardefelt A.A.* Arvid Axel Mardefelts berättelse // KKD. Lund, 1913. T. 8. S. 121–122; *Bengtsson F.G.* Karl XII's levnad tili uttåget ur Sachsen. Stockholm, 2001. S. 371.

[20] *Kretzschmar H.* Der Friedensschluss von Altranstadt 1706/1707 // Um die polnische Krone. Sachsen und Polen wärend des Nordischen Krieges 1700–1721. Berlin, 1962. S. 165–170; РГАДА. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 5. Л. 438 об.

[21] *Bardili J.W.* Des Weyland durchl. Printzens Maximilian Emmanuel... Reisen undCampagnen... Stuttgart, 1730. S. 312.

[22] П.П. Шафиров — Петру I из Москвы 30 сентября 1706 г.// РГАДА. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 6. Л. 528.

[23] А.Д. Меншиков — Петру I 26 сентября 1706 г. // ППВ. Т. 4. С. 1131–1132; РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 9. Л. 24. Так же смотрел на Августа и Петр I: «Дай, дай, деньги, деньги», — писал Петр I А.Д. Меншикову 17 ноября 1706 г. из СПб. // ППВ. Т. 4. С. 438.

[24] ППВ. Т. 4. С. 1193–1195; ГСВ. Вып. 2. С. 411.

[25] ППВ. Т. 4. С. 1193–1195.

[26] *Sarauw Chr.* Die Feldzuge Karls XII. S. 218.

[27] *Mardefelt A.A.* S. 96.

[28] ППВ. Т. 4. С. 1194; *Волынской Н.П.* Постепенное развитие... Вып. 1. Кн. 2. С. 395. 10 тыс. поляков указано в работе: *Grimorest de*. Les campagnes de Charl XII. roi de Suede. Paris, 1708. T. 3. P. 235.

[29] *Adlerfeld G.* Leben Karls des Zwolften auf desselben Befehl beschrieben. Frankfurt und Leipzig, 1742. T. 2. S. 380.

[30] *Piltz G.* August der Starke. Träume und Taten eines deutschen Fürsten. Biografie. Berlin, 1989. S. 132

[31] *Nordberg G.* Leben Karls des Zwölften. König in Schweden. Hamburg, 1745. T. 1; Волынской Н.П. Постепенное развитие... Вып. 1. Кн. 3. С. 450–452; РГАДА. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 5. Л. 484 об. Неточно указана численность противников в: *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 31–32.

[32] *Wimmer J.* Bitwa pod Kaliszem 29 paździriernika 1706 roku // Osiemnaście wieków Kalisza. Kalisz, 1962. S. 128; См. также сообщение А.Д. Меншикова, в письме Ч. Витворта 13 (24) ноября 1706 г. из Москвы. Сб. РИО. Т. 39. С. 329

[33] Ч. Витворт — серу Льюису 13 (24) ноября 1706 г. Сб. РИО. Т. 39. С. 329.

[34] *Gyllenstierna N.* Nils Gyllenstiernas berättelse // KKD. Lund, 1913. S. 42–43.

[35] Указ Петра1 от 3 октября 1706 г. // ППВ. Т. 4. С. 390–391

[36] *Mardefelt A.A.* S. 115

[37] *Mardefelt A.A.* S. 115; *Adlerfeld G.* Bd. 2. S. 381; *Bengtsson F.G.* Karl XII: s levnad... S. 368–372.

[38] ГСВ. Вып 1. С. 272; Меншиков — Петру 21 октября 1706 г. ППВ. Т. 4. С. 1195; РГАДА. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 5. Л. 489–491.

[39] *Gyllenstierna N.* S. 43. Крассау писал, что врагов отбили на 3000 шагов; *Krassow E.D.* Generalmajoren Ernst Detlof Krassows bref till konung Carl XII. 1706–1707 // KKD. Lund, 1916. T. 11. S. 174–177.

[40] ГСВ. Вып. 1. С. 272.

[41] *Jarochowski K.* ... S. 428–429. Я. Виммер тоже необоснованно назвал Брандта «спасителем битвы в кризисный ее момент». *Wimmer J.* Bitwa pod Kaliszem... S. 132.

[42] ГСВ. Вып. 1. С. 272–273.

[43] *Bushkovitch P.* Peter the Great. The struggle for power 1671–1725. Cambridge, 2001. P. 253.

[44] *Wimmer J.* Bitwa pod Kaliszem... Схема 4.

[45] Mardefelt A.A. ... S. 116. В конце боя, возможно, принимали участие калмыки и казаки. *Otwinowski E.* Dzieje... S. 106–107.

[46] ГСВ. Вып. 1. С. 273; РГАДА. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 5. Л. 478 об. – 480. Некоторые публицисты пишут, что «кровожадные русские» порешили 5 тысяч — всех, кто попал им в руки. *Svankmajer M.* Petr I. Zrozeni Impéria. Praha, 1999.

[47] *Jarochowski K.* Bitwa Kaliska... S. 435–437.

[48] *Feldman J.* Polska w dobie Wielkej wojny Pólnocnej 1704–1709. Krakow, 1925. S. 197. См. также: *Staszewski J.* August II Mocny. Wrocław, 1998. S. 166

[49] *Артамонов В.А.* Боевой дух армий России и Швеции 1700–1714 гг. (на материалах полевых сражений) // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия XVII–XX вв. Материалы российско-финляндских симпозиумов историков. М., 2006. С. 151.

[50] Табель потерь см.: *Волынской Н.П.* Постепенное развитие... Вып. 1. Кн. 3. С. 450–451. Под Полтавой русская армия потеряла 10%.

[51] *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М., 1962. Т. 8. С. 147.

[52] РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 4. 1706 г. № 113. Л. 5–12; ППВ. Т. 4. С. 464–466.

[53] ППВ. Т. 4. С. 1195–1197; РГАДА. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 5. Л. 489 об.

[54] ГСВ. Вып. 1. С. 132.

[55] РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 7. Л. 85–86 об.

[56] Ч. Витворт — Гарлею из Москвы 26 ноября (7 декабря) 1706 г. Сб. РИО. Т. 39. С. 336.

[57] *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1994. С. 52–53.

[58] РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 7. Л. 23.

[59] РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 4. 1706 г. Д. 114; ГСВ Вып. 2. С. 412; *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1863. Т. 4/1. С. 529; Т. 4/2. С. 439–440.

[60] РГАДА. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 6. Л. 393 об.; Ч. Витворт — Гарлею 18 (29) декабря из Москвы // Сб. РИО. Т. 39. С. 344.

[61] О. Плейер — императору Иосифу I 24 декабря 1706 г. из Москвы; *Устрялов Н.Г.* История царствования... Т. 4/2. С. 659, 661; *Дуров В.А.* Наградные медали России первой четверти XVIII в. // Нумизматический сборник. М., 1977. 4. 5. Вып. 2. С. 107.

[62] *Щукина Е.С.* Медали Северной войны // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 393; *Дуров В.А.* Самые знаменитые награды России. М., 2000. С. 21.

[63] *Гилленкрок А.* Современное сказание о походе Карла XII в Россию // Военный журнал. 1844. № 6. С. 8.

[64] *Агеева О.Г.* «Величайший и славнейший более всех градов в свете...» — град святого Петра. Петербург в русском общественном сознании начала XVIII в. СПб., 1999. С. 253. В 1724 г. эта дата была выведена за пределы «викториальных дней» возможно, в связи с подсудностью Меншикова; *Погосян Е.А.* Петр I — архитектор Российской истории. СПб., 2001. С. 26. См. также: *Калязина Н.В.* Материалы к иконографии А.Д. Меншикова (прижизненные портреты) // Культура и искусство Петровского времени. Публикации и исследования. Л., 1977. С. 77.

[65] РГАДА. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 5. Л. 462об.; Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 9. Л. 31.

[66] Петр I — А.Д. Меншикову 17 ноября 1706 г. из Петербурга // ППВ. Т. 4. С. 431, 437; РГАДА. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 5. Л. 488; Кн. 6. Л. 393; Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 5. Л. 19–20.

[67] *Adlerfeld G.* S. 383; *Kretzschmar H.* S. 167; *Fryxell A.* Geschichte Karl des Zwölften. Leipzig, 1868. S. 135.

[68] *Hassinger E.* Brandenburg-Preussen, Schweden und Russland 1700–1713. München, 1953. S. 197; *Feldman J.* S. 193.

[69] Пфлюгу удалось бежать от Шмигельского. См. письмо Ч. Витворта от 31 января 1707 г. Сб. РИО. Т. 39. С. 359; ППВ. Т. 4. С. 1199; РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 8. Л. 99–100; Д. 9. Л. 29 об.

[70] Донесение кн. В.Л. Долгорукова из Варшавы от 14 ноября 1706 г. // РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 9. Л. 23об. В.Л. Долгоруков — Петру 120 ноября // РГАДА. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 5. Л. 121, 466–468; Соловьев С.М. История России. Кн. 8. С. 148. Тогда же Август просил выслать в Великополыну шведский конвой, чтобы прикрыть свое отступление. *Danielson J.R.* Zur Geschichte der sächsischen Politik 1706–1709. Helsingfors, 1878. S. 18.

[71] Август II — Петру 120 ноября 1706 г. // РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Он. 4. 1706 г. Д. 115. Л. 6.

[72] Андрей Матвеев — из Гааги 20 декабря 1706 г. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 8. Л. 43 об. При повторном обретении польской короны в 1709 г. Август II заявлял, что он, несмотря на благоприятные обстоятельства, не стал развивать полную победу, «одержанную Нами с Нашим войском при храброй поддержке оружия царя», но проявил великодушие, подарив свободу Мардефельту и всем оставшимся в живых шведам. См.: Manifest Ihrer Königl. Majestät König Augusti II... bey dero angetretenen Marche In das Königreich Polen Im Jahr 1709.

[73] РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 5. Л. 27 об.

[74] «Грамотка к его величеству Августу, королю польскому от его светлости принца и кардинала Вименея из Санкт-Питербурха 25 декабря 1706 г. » // РГАДА. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 5. Л. 394–395. О передаче кн. В.Л. Долгоруковым какого-то письма «господина Вымени» Августу есть упоминание в материалах госархива: РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 7. Л. 75.

[75] РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 3. 1707 г. Д. 71; Заслуги и подвиги. Кн. 4. С. 12–13, 21.

[76] Г. Гюйссен — А.Д. Меншикову 19 марта 1707 г. из Вены // ППВ. Т. 5. С. 563; РГАДА. Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 8. Л. 99–100.

[77] Донесение О. Плейера 26 января 1707 г. // РГАДА. Ф. 32. Сношения России с Австрией и германской империей. Оп. 5. 1690–1717. Д. 13. Л. 35; Оп. 1. 1707 г. Д. 4. Л. 263, 278.

[78] *Артамонов В.А.* Освободительная война в Венгрии и славяне 1703–1711 гг. М., 1977. С. 54. (Рукопись автора.)

[79] ППВ. Т. 4. С. 242.

Глава III. Провал шведского марша на Москву

3.1. Противоборство шведской и русской стратегии

Карл XII был мессией и «северным спасителем» для протестантских стран. У саксонских единоверцев шведы получили хороший отдых. Там они не только пополнили армию немецкими наемниками, саксонскими кузнецами, плотниками, слесарями, крупными лошадьми, но реорганизовали армию и собрали сведения о России.

В конце августа 1707 г. непобедимый король поднялся из Центральной Европы для расправы и мести над царем и Россией. Его «синяя рать» была одета в новые мундиры, новую обувь и частично перевооружена новым оружием. В военной кассе имелось несколько миллионов талеров на 2–3 года вперед. На отчеканенной горделивой медали с профилем Карла XII красовались слова «GLORIA SVECORUM» («Слава Швеции»), а под надписью «Неустрашимое сердце» лев хватал клейменными шведскими коронами земной шар. На пике «каролинского единовластия» Швеция стала гегемоном не только Северной и Восточной, но и Центральной Европы. 1706–1707 гг. стали апогеем шведской славы. Победы при Нарве, Двине, Клишове, Гемауэртгофе, Фрауштадте доказали Европе мастерство шведского военного искусства. Публицистика того времени с восхищением писала, что победоносный Карл XII продолжает славное дело Густава II Адольфа: *«Густав Адольф рвал у польского и московитского орлов перья и отсекал им клювы и когти, чтобы они ни в полет не взвились, ни тем более, не клюнули или вонзились когтями в шведского льва. Тот король казалось так обескровил Московское государство, что оно не должно было стать угрозой... Таким образом, безопасность своего королевства счастливый король Карл утверждал на прочной основе. Господь с великим королем Карлом задумал великое!*[1] *»*

Над Русским государством нависла серьезная угроза. Сокрушающий удар в «сердце Московии» должен был навсегда покончить с соперником на востоке. Убежденность в справедливости кары, месть и злопамятство подстегивали энергию короля. В Швеции, по меткому определению посла в Стокгольме А.Я. Хилкова, полагали, «что камень на Москве будет выворочен» и что русскую армию прогонят одними шомполами. Первый министр короля граф К. Пипер считал, что «главнейшее и наиважнейшее для Шведской Короны — сломить и разрушить московитскую мощь, ко-

торая разрослась благодаря иностранной военной дисциплине. Эта мощь сделается еще более опасной не только для Короны Швеции, но и для всех соседних христианских земель, если не будет уничтожена и задушена в самом зародыше»[2].

Русские письма с предложениями мира — уступка Дерпта и выплата денежной компенсации за Нарву и Петербург[3] — грубо возвращались нераспечатанными. Мир будет заключен только в поверженной Москве. Битому Шуленбургу воинство короля представлялось бесподобным: «Все части шведского войска, как пехотные, так и конные, были прекрасны. Каждый солдат хорошо одет и прекрасно вооружен. Пехота поражала порядком, дисциплиной и набожностью. Хотя состояла она из разных наций, но дезертиры были в ней неизвестны»[4].

Шведский король полагал, что поход на Москву заставит Петра уйти из Прибалтики и принять баталию, в которой победителями неизбежно окажутся шведы. На место Петра I король полагал поставить его сына, царевича Алексея или королевича Якуба Собеского[5]. На стратегическое решение короля оказал влияние бывший воспитатель царевича Алексея М. Нойгебауэр, ставший служить шведам с 1703 г. Ограниченный и желчный человек преувеличил вероятность сокрушения России. Он убеждал, что Дерпт, Нарву и Ингрию отвоевать труднее, чем захватить Москву при содействии «большого друга шведов» Б.А. Голицына (1654–1714), готового якобы поднять бунт 40–50 тыс. чел., озлобленных поборами, реформами, брадобритием, неуважением к церкви и т. д. После победы шведам надо аннексировать Новгородчину и Псковщину[6].

На Ингрию, Петербург и Псков был запланирован поход из Финляндии 14-тысячного корпуса генерал-майора барона Г. Любекера, а из Эстляндии отрядов эстляндского генерал-губернатора графа Н. Стромберга. Для захвата Архангельска из Карлскруны, по русским данным, собиралась эскадра из 26 кораблей. Русскому правительству приходилось считаться и с вероятностью появления хоронгвей Станислава I и 8-тысячного шведского корпуса генерал-майора от кавалерии Э.Д. Крассау под Киевом и Черниговом. В Москве учитывали, что Лещинский и башкиры просили Бахчисарай помочь им крымско-татарскими саблями и что Османская империя может поддержать шведов «немалым числом орды», что донские казаки, «став за веру», заявляли, что если великий государь не пожалует, как жили их отцы, то они «отложатца и станут служить турскому султану»[7]. (В феврале 1708 г. чеченцы, мичкисы, аксайцы, кумыки и казаки-староверы напали на Терский острог. В мае «злодейственное сонмище» казаков, беглых стрельцов и солдат перекрыли Волгу и подступали к Саратову.)

Как отражать шведское нашествие — такой вопрос встал перед штаб-квартирой Петра I. Был план дать бой на Висле или Западном Буге, с опо-

рой на гродненскую базу[8]. В Жолкве, где пребывало русское командование с декабря 1706 г. по апрель 1707 г. решили использовать другую тактику. В Прибалтике шведская армия успешно воевала за счет подвоза припасов с моря. Война в Польше велась путем выдавливания беспощадных контрибуций; только выжав все с одной округи, шведы могли перемещаться в другую. Погасить наступательную войну шведов Петр I решил планомерным отступлением и измором, опустошая пространство вокруг противника. Учитывалось, что неприятель «от дальнего похода утомится» и его войска придут в «немалое разорение». Конница должна была тревожить неприятеля неожиданными налетами, угрожать тылам и флангам, лишать покоя на стоянках. Только «поизнужив» врага, предполагалось дать решающий бой на своей территории. Такая традиционная для народов Востока тактика (особенно она была во вкусе фельдмаршала Б.П. Шереметева), ошибочно принималась шведами за «трусость» и русские, укрывавшиеся за водными преградами, презрительно именовались «болотными Иванами». Точно так же русские воспринимались в Европе. Например, маркиз Жак де Боняк писал, что царь не осмеливается давать сражение в Польше, так как не доверяет полякам и считает, что опасно биться далеко от собственных границ[9]. Французы считали, что 8 тыс. шведов легко расправятся с 80 тыс. «трусливой русской пехоты»[10]. В Крыму при хане Девлет-Гирее II считали, что в 40-тысячном шведском войске, считавшем русских «мухами», слабейший солдат мог биться с сотней, а сильнейший — с тысячью человек, что шведы не в пример опытнее и искуснее и «что будь войска Швеции 10 тыс., то они преследуют и побеждают 100 тыс. московского народа»[11].

В условиях смертельной опасности приходилось идти на крайние меры. За два месяца до начала похода Карла на Москву 4 июля 1707 г. Петр приказал бригадиру А.Г. Волконскому брать присягу от поляков не служить шведам, с «противных» брать контрибуцию — с крестьян по 10 ефимков «с дыму», с мещан по 15, «с жидов» по 23 ефимка «с дыму». Как только враг выйдет из Саксонии, то перед ним и по сторонам жечь мельницы, хлеб, фураж и «разорять все без остатку, не разбирая, противныя или нет»[12].

С середины августа 1707 г., как только стало известно о предстоящем шведском походе на восток, во все концы полетели депеши ставить все на военную ногу, выполняя приказы «как в день судный». 21 августа Петр планировал сдержать неприятеля вместе с А.М. Сенявским близ Варшавы у Вислы.

Северная война несла и религиозной подтекст. Контраст западно-христианской цивилизации с православной обострял русско-шведскую войну. «Варваров-схизматиков» (в отличие от датчан и саксонцев) скандинавские воители считали «самой презренной нацией в мире»[13] и пола-

гали легко расправиться с ними. Экс-король Август Сильный, подарив шведскому монарху карту России, которую тот использовал при разработке плана похода, пересказал царю суть своего разговора с Карлом XII за 10 дней до выхода из Саксонии. Король заявил, что *«тотчас по подъеме своем поход свой прямым путем к Москве продолжати будет. И сколь скоро он туда придет, то он тотчас всех бояр и протчих великих господ, которые в том государстве обретаются, вместе созовет и царство все в воеводствы бояром и великим князьям розделит. И обяжет их иноземное ружье и мундирунок отставить. И дабы свое войско, как прежде было, на старое основание учредить. И хощет король свейской государство Царское на польское основание учредить. И сие он королю лехкомысленно представлял, будто б весьма не тяжело было сие великое намерение к действу привести»*[14].

Этот же план знал польский резидент при Карле XII С. Понятовский: *«Когда король выходил из немецких земель, он поставил себе заблаговременно обдуманную цель — идти на Москву и там свергнуть с престола Петра I, который имел очень много недовольных необычно строгим правлением, а на его место поставить сына. А потом, заключив соглашение с Москвой, хотел повернуть в Германию и оказать помощь Франции»*[15]

Низложение царя открыто объявлялось в шведских пропагандистских листовках, отпечатанных в Амстердаме на русском языке: армия короля освободит народ от «несносного ига и ярости» московского правительства, от «иностранного тягостного утеснения и бесчеловечного мучительства» ради «свободного и вольного» избрания «законного и праведного государя» вместо Петра I. Как только утвердится новый государь, шведский король сложит оружие, но будет помогать всем, кто на его стороне[16].

Это вызвало крайнее раздражение Петра I, уподобившего «плоть неприятеля» дьявольской. Он приказал вылавливать «возмутительные письма», распространяемые через отпущенных русских пленных[17]. Тревожили попытки использовать якобы «отвращение» фельдмаршала Б.П. Шереметева к власти царя. Были слухи, что Станислав I собирался не только Мазепу, но и «этого генерала побудить предпринять что-либо по указаниям шведского короля на благо Родине»[18]. Авторитет Бориса Петровича пытался подорвать Меншиков, указывая, что тот мыслит не так, как государь, и что запущенная им пехота в таком плохом состоянии, что в случае баталии кавалерия получит мало помощи от нее[19].

7 сентября армия непобедимого короля перешла Одер. Передовые отряды отгоняли на восток партии казаков и калмыков, уничтожавшие фураж перед ними. Вслед за шведской армией тянулись крытые парусиной пронумерованные фургоны, с надписями по бортам: кухонный, пивной, кассовый, аптечный, почтовый, багажный, палаточный, артиллерийский,

мельничный, конюшенный, фуражный, оружейный, овсяной и т. д. «Ни один из них не имел права заходить вперед или отставать», — восторгался армией нашествия словацкий епископ Д. Крман.

«Хозяин полей сражений» Карл XII был мастером нетрадиционной тактики. Внезапность, дерзость, предрассветные атаки, отказ (в отличие от Карла X и Густава II Адольфа) ради стремительности от регулярного применения артиллерии приносили победы войскам «северного льва». Треть полков была укомплектована немцами, значительная часть квалифицированных офицеров состояла из германских подданных Шведской короны.

О блицкриге в тысячеверстном походе Карл XII не помышлял. Несмотря на годовой «отдых» в Саксонии, войска продвигались медленно. В октябре 1707 г. в Слупце, к северу от Калиша, король почти месяц дожидался подкреплений из Швеции, после чего его силы выросли до 43 тыс. человек[20]. На целых четыре месяца он застрял к западу от Вислы: польский тыл надо было сделать безопасным. Чтобы подкрепить слабое 18-тысячное войско Станислава, ему оставили 8 тыс. шведов. Король-полководец полагал, что Лещинский управится с Коронным войском сандомирских конфедератов, поддерживаемых Россией, а великий литовский гетман М. Вишневецкий (8 тыс.) вместе с Сапегами (4 тыс.) разобьет хоронгви польного литовского гетмана Г. Огинского. Вялая гражданская война под девизом «шляхетская кровь должна не проливаться, а умножаться», гасила польские силы. Ни сандомирские, ни варшавские конфедераты не горели желанием ввязываться в войну на востоке. Польская сумятица и ожидание шведских пополнений подарили русской армии дополнительную передышку.

Восемь лет походной жизни и боев подточили шведский дух и строгую протестантскую мораль. Проповедник королевских драбантов М. Энеман, уже после Полтавской катастрофы, упрекал шведов в своеволии и распутной жизни среди лютеран в Саксонии, в беспримерном чванстве, отказе идти на компромиссный мир с русскими, в жестокостях и убийствах при сборах контрибуций, в чудовищном презрении к противникам, в намерении распространить власть поляков на Украине. Офицеры не могли ничего поделать и смирялись с чинившимися на стоянках смертными грехами, не искореняемыми даже королевскими приказами — «с похотью, раздувшейся сильнее, чем у татар и турок», с ругательствами, проклятьями, магией, развратом, колдовством и даже содомией, в которой, будучи при смерти, признавались солдаты[21].

30 октября 1707 г. Карл XII глядел на зверскую казнь выданного Августом II русского министра, лифляндского уроженца И.Р. Паткуля, которому перед умерщвлением ломали дубьем в разных местах конечности.

Вислинский рубеж русская армия защищать не стала и ушла за Западный Буг. В Германии это сочли малодушием. «Невозможно описать, какие злоключимыя осуждения о не временном уступлении от Варшавы произносятца», — сокрушался посол Альбрехт фон дер Лит из Берлина 4 декабря.

Ударить по русским король собрался не от Варшавы, а со стороны северной Мазовии и следовать далее в направлении Минск — Смоленск — Москва. Только 29 декабря 1707 г. почти 37-тысячная армия короля с трудом по неокрепшему льду перешла Вислу ниже Торуни. Карл XII был уверен, что стальной волей и беспощадностью сметет все, что осмелится воспротивиться ему. Грозное чужеродное тело с мощным «силовым полем» двинулось к сердцу России.

Поход сквозь леса и болота вдоль прусской границы стал мучением. Из-за нападений на солдат и гибели большого количества саксонских лошадей-тяжеловозов пришлось бросить даже часть фургонов. Выдавливая провиант с местного населения — курпов, шведы нарвались на партизанщину, с которой расправлялись с отвратительной жестокостью. «В леса посылались отряды с приказом убивать каждого мужчину старше 15 лет, забивать весь скот, который можно увести с собой, а также сжигать все деревни... Деревни Мазовии одна за другой превращались в столбы пламени. Для выколачивания максимума продовольствия крестьян пытали. Например, засовывали пальцы человека в кремневый замок ружья и зажимали их в таких примитивных тисках, пока не выступит кровь, обвязывали веревкой несчастному голову и затягивали ее палкой, пока глаза не вылезут из орбит. «Ловили малолеток, били кнутом и делали вид, что вешают их, чтобы заставить родителей быть сговорчивее. Некоторые воинские части даже переходили от угрозы к ее исполнению и убивали детей на глазах у родителей»[22]. Драгунский полковник Н. Юлленшерна не сомневался в справедливости кар: *«Всем полкам был отдан приказ высылать по сторонам отряды, которые должны были убивать всех, кто бы ни встречался, как людей, так и скот, а также сжигать все деревни и фураж. После этого многие были перебиты, а все, что найдено, — сожжено и разорено, так что я думаю, что те, кто выжил, не скоро забудут шведов»*[23].

На Немане шведскую армию задержать не удалось. Помня о трагедии «гродненского сидения» в 1705–1706 гг., Петр увел основные силы из Гродно и выехал в Вильно 26 января. Через 2 часа после отъезда царя всего горсть — 50 каролинцев вместе с королем дерзко, почти без боя ворвалась в Гродно. Оставленный в арьергарде с партией драгун уроженец Силезии бригадир Максимилиан Генрих Мюлленфельз растерялся и «перепустил неприятеля», не «разрубив» моста через Неман[24].

После Рождества днем и ночью шли дожди, они сбили снег, развели в грязь землю, реки «прошли великим половодьем». 29 января король

пошел из Гродно на Сморгонь, но, одолев по бездорожью 10 переходов, так и не настиг Русскую армию, которая бросила сани и отступала «на телегах». Немецкие офицеры, перебежавшие к шведам, сообщали, что русские драгуны «никогда противитца не будут неприятелю и всегда будут бегать»[25]. Захваченные пленные говорили, что их государь оттягивает войска к своим границам, чтобы там дать баталию (Д. Джеффрис.) Возможно, такая молва должна была придать смысл отступлению как и в 1812 г.

23 февраля 1708 г. А. Лит переслал из Берлина в Россию «устрашающее» известие миргородского полковника Миклашевского о том, что все силы Восточной Европы двинулись на восток, что в район Сморгони пришел Карл и Станислав, на восток также идут пруссаки, войска коронного гетмана, краковского и киевского воеводы и Августа II, присягнувшего на верность шведскому королю. Сапеги собрали 50 тыс. войск и много собрано князем Вишневецким. Москву и казаков «гонят и бьют так крепко», что казацкими мертвецами устлана дорога до Молодечно, Друи и Долгинова[26].

Конница Меншикова опустошила землю от Гродно до Минска. Из-за нехватки провианта и фуража Карлу снова пришлось остановиться и ждать появления подножного корма. Шведская армия до начала июня 1708 г. застряла на «зимних квартирах» от Гродно до Вильно и Минска. Покоя не было — все время нужно было «стоять одной ногой в стремени» — постоянно тревожили русские партии, стоявшие в десятке километров. Напрасны были уговоры шведских генералов идти сначала на Лифляндию; жажда мести толкала шведского державника на Москву, чтобы там лишить Петра I венца Мономаха и развалить Русское государство на отдельные владения.

Контрибуции разоряли жителей, и те вместе со своим добром убегали от шведов в Восточную Пруссию. Как наказание Божье свалилась на самого короля и всю его армию дизентерия.

В то время колеблющийся союзник — сандомирские конфедераты, хотя и не складывал оружия в Малой Польше, Белоруссии и Галиции против марионеточного короля Станислава I, но затеял переговоры о переходе на его сторону и требовал от царя возврата Правобережной Украины, которая со времен восстания Семена Палия (1702–1704) находилась под русским и казацким военным контролем. Приходилось соглашаться на проект сандомирян о признании ими Лещинского польским королем при условии нейтралитета Речи Посполитой в Северной войне и соблюдении Вечного мира 1686 г. с Россией[27]. Полагая, что нововведения распалили всеобщую ненависть к царю, шведское командование надеялось на взрыв народного восстания в Великороссии. Иностранцы в Москве считали положение несчастного царя отчаянным; «большинство знати, да и все почти подданные царя недовольны им»[28].

Вместе с тем международное и военное положение России не было провальным. Основная полевая армия Петра I в 45–50 тыс. обрела ценный боевой опыт и имела возможность неограниченных пополнений[29]. Царь не только подобрал исполнительную команду из преданных «птенцов», но сколотил добротный офицерский корпус из профессионалов, в том числе и набранных в Европе. (Солдаты уже не отторгали иноземных офицеров, как это случилось под Нарвой в 1700 г.) Русский монарх не меньше шведского короля верил в победу и насмерть стоял за свой «парадиз-Петербург», за «окно в Европу» и за Балтийский флот. Обретение гавани в устье Невы было непременным условием в случае переговоров с Карлом XII, который не желал и слышать ни о каких своих уступках[30]. Датский король Фредерик IV и польский экс-король Август II, хоть и не осмеливались возобновлять войну против победоносных шведов, но втайне лелеяли мысль о реванше, поэтому в Скандинавии шведы держали против датчан 17 тыс. войска, а против низложенного в 1706 г. польского короля оставили в Великопольше, как указывалось, 8-тысячный заслон Э.Д. Крассау. В Москве надеялись, что русский посланник в Берлине А. Лит заключит новый договор с саксонцами и Август II войдет с запада в Польшу, где будет охотно принят поляками, которые говорили, что примут его, даже если он «и в одной рубахе придет». Русский полномочный министр при венском дворе Иоганн Христофор Урбих предпринимал усилия, чтобы Россию включили в систему «Великого союза». Запускалась в оборот идея — ради получения помощи Габсбургов надо послать в Венгрию 20 тысяч казаков Мазепы для усмирения восставших венгров[31].

Как все неукротимые державники в мировой истории, Карл XII безрассудно считал свою мощь вечнонесокрушимой. Расправа с Российским царством ему казалась делом нетрудным, поэтому он пренебрегал заблаговременными связями с турками, крымскими татарами, булавинцами и мазепинцами. Шведские послы, эмиссары и тайные агенты должны были давно развернуть бурную деятельность против Москвы в Стамбуле, Бахчисарае, на Дону и Украине. Оплошностью был запрет любых компромиссов с сандомирскими конфедератами ради сплочения Речи Посполитой вокруг Лещинского. Как раз после этого можно было бы привлечь легкую польскую конницу против русских казаков и калмыков.

На землях восточных славян — в Белоруссии и на гетманской Украине шведов ждала партизанская война сильнее, чем в Мазовии. Петр привлек на сторону России кабардинцев, которые разгромили в июне 1708 г. войска крымского хана Каплан-Гирея в Кабарде на горе Канжал[32]. С астраханским восстанием быстро расправился фельдмаршал Б.П. Шереметев, а гвардии майор В.В. Долгоруков затаптывал последние очаги мятежа донских казаков. Надежд на новое всеобщее восстание в России не было.

С 1708 г. началось единоборство военной стратегии и тактики царя Петра и Карла XII. Король не делился ни с кем планами, и направление его удара оставалось неизвестным. Приходилось гадать, куда пойдет враг, на Новгород и Псков, чтобы уничтожить Петербург и Балтийский флот вместе с А.Л. Левенгауптом и Г. Любекером? Или на Смоленск и Москву, отправив часть сил против будущей северной столицы? А может быть, шведский десант будет высажен у Копорья для захвата Новгорода? Или пойдет к Днепру и Киеву?[33]

Поражает предусмотрительность Петра I. За полтора года до вторжения весь запад России по «генеральному плану обороны» стал превращаться в военный стан. 3 января 1707 г. царь указал оповестить все население в 200-верстной полосе от Пскова до Гетманщины (*«от границ на двесте верст поперег, а в длину от Пскова чрез Смоленск до Черкасских городов»*), чтобы с весны как можно дальше от дорог намечались «крепкие укрытия» для людей, скота и места для сена, а также ямы для хранения зерна. Жителям разъяснялось, что противник, не имея пропитания и подвергаясь ударам с разных сторон, будет побежден[34]. Каждый комендант уезда должен был знать, куда будут укрываться люди, и должен был собрать команды из дворян по 30 чел., знающих леса и дороги, чтобы их отыскивать. От Чудского озера через леса Смоленщины и Брянщины прокладывалась огромная *«линия Петра I»* — рубились засеки, в полях отсыпались валы. На пересечении с малыми дорогами засеки тянулись на 300 шагов[35]. На перекрестьях больших дорог делали равелины, палисады, люнеты, шлагбаумы, рогатки. Позади «линии Петра» предполагалась рокадная дорога в 90 шагов шириной с мостами и гатями для переброски колонн вдоль фронта по четыре человека в ряд.[36] На земле Великого княжества Литовского у Орши по обеим сторонам Днепра с 1706 г. делались мосты, «транжаменты», которые «заметывались» звеньями и рогатками. Регулярная правительственная и военная почта связала все города на востоке Белоруссии. «Работали почтовые линии Великие Луки–Витебск–Могилёв–Гомель, Витебск–Лепель, Смоленск–Витебск–Полоцк–Рига, Смоленск–Орша–Минск, Могилёв–Бобруйск–Минск и др.»[37].

Крупные города — Москва, Смоленск, Новгород, Псков, Великие Луки, Брянск обращались в крепости, не подлежащие капитуляции. В отличие от войны 1812 г., когда судьба первопрестольной решалась за день до сдачи, Москву уже с 1707 г. готовили стоять на смерть. Для предупреждения паники указ об обороне столицы был издан «в запас» еще 25 апреля 1707 г.[38] Выезд из Москвы без разрешения запрещался. Москвичам предписывалось свозить хлеб для хранения в Кремль, чтобы не пришлось сжигать его во время осады. Жителям разъясняли, что и в прежние времена «от бездельных татар» воздвигали Земляной город и копали в Кремле колодцы. Сформировали «Московскую регулярную армию». 13-ты-

сячный пеший гарнизон столицы сбивался из московских ополченцев — семи тысяч рекрутов, трех-четырех тысяч «бесконных боярских людей» и тысячи «молодых посадских». Из приказов и ратуши выскребался весь канцелярский люд. 15–20 тысяч конных ополченцев обязаны были собраться с лучшим оружием, предпочтительно огненного боя. Лошадей, седла, ружья и годовое денежное довольствие предписывалось взять с приказных, монастырских и посадских людей. Для выпаса этот конный корпус собирались расставить на такой дистанции, чтобы он за неделю мог собраться к столице. Все распоряжения подлежали беспрекословному выполнению «как в день судный».

6 мая 1707 г. Петр приказал укреплять Кремль и Китай-город. С 10 июня инженером В.Д. Корчминым под формальным надзором 17-летнего царевича Алексея около 30 тысяч человек начали укреплять «улицы и урочища», отсыпать земляные валы и бастионы вокруг Кремля и Китай-города[39]. По плану Корчмина, чтобы освободить поле стрельбы вокруг Кремля, предполагалось снести гостиный ряд и пожертвовать храмом Василия Блаженного[40]. К 7 августа французский изобретатель и полковник Леметр де Со сделал в Москве 30 батарей с 804 пушками. К октябрю 1708 г. на земляных бастионах и валах Москвы уже стояло несколько десятков батарей с 964 пушками, 114 мортирами и 67 другими орудиями, гарнизон насчитывал почти 5 тыс. чел.[41] Серебряные вещи Казенного приказа, патриаршие и монастырские ценности готовили к переливке в монеты, кроме «старых диковинок». На крайний случай князь П.И. Прозоровский «с лутчею святынею с церковными и казенными богатствами и нужными посольскими письмами» должен был выехать по Ярославской дороге до Белоозера и дальше. Чтобы предупредить измену иностранцев, всех их предписывалось обязать круговой порукой. Тех, на кого не будет поруки, выслать в Архангельск за море, а иностранных мастеров эвакуировать в Казань.

На всем западе России, начиная от границы по Новгородской, Смоленской, Калужской и Серпуховской дорогам и вплоть до Москвы мосты исправлялись, а радиальные пути к столице засекались через каждые 5 верст по версте. С железоделательных заводов ядра, бомбы, гранаты, пушки переправлялись на восток. Население обязывали свозить свой «провиант и пожитки» в Смоленск, Великие Луки, Псков, Новгород и Нарву, «понеже под нужной час будут все палить». Провианта в городах должно быть на 5 месяцев, «дабы по всем дорогам нашему войску было пристанище». Можайск и Тверь крепили пушками, палисадами и дополнительными людьми из уездов. Тех, кто не имел ружей, в города не пускали. В Петербурге царь приказал укрепить палисадом и брустверами кронверк Петропавловской крепости[42].

Смоленск с гарнизоном в 6 631 чел. превратился в крупнейшую военную базу со складами муки, круп, сухарей и фуражного зерна. На 7 ян-

варя 1708 г. в Смоленске хранилось четвертей ржи 5 717, муки 64 364, сухарей 30 004, круп 2 739, ячменя 2 301, овса 71 693. Всего 176 818 четвертей. Сена собрали миллион и 15 000 пудов[43].

Из округи туда свозили пушки, порох и свинец. Полосу земли в десяток саженей от смоленских стен расчистили от построек. Для развертывания госпиталей в городе готовили лес, железо, стекла и печные изразцы. Смоленскому воеводе П.С. Салтыкову предписали держать весь гарнизон в кулаке, мобилизовать всю имеющую оружие уездную шляхту и наказать ей «под смертной казнью» свозить хлеб в Смоленск[44]. Еще весной 1707 г. в с. Поречье для Днепровской речной флотилии изготовили «судов к походу 28 стругов с кровлями по 10 саженей, 135 стругов по 8 саженей и 30 лодок гребных», починили 98 старых стругов[45] 12 июля 1708 г. царь приказал, чтобы каждый не служащий смолянин имел четырехмесячный запас хлеба на случай осады. В укрепленных местах на Днепре — Орше и «в земляной крепости» Копоси собрали склады продовольствия на всю армию.

В марте 1708 г. под стенами г. Юрьева (Дерпта) были сделаны подкопы для их подрыва. Там же в июле 1708 г. подрубили и сожгли палисады, а Боур взорвал и «заровнял все башни и больверки до подошвы», причем «все палатное строение развалилось от огня»[46]. Нарвские жители были высланы в Вологду. Новгородских дворян готовили к переброске к Петербургу, а псковских — к Пскову[47]. Из Воронежа в Азов для сдерживания турок переправили два полка и корабли «Божие Предвидение» и «Черепаха».

Новая, снабженная большим количеством артиллерийских стволов, пороха и ядер Печерская крепость должна была защищать Киев. На случай эвакуации «матери городов русских» навели мосты на левый берег Днепра[48]. Гетману Мазепе предписывалось крепить все малороссийское пограничье, а в случае «неприятельского приходу… уступить за Днепр, а старой Киев оставить пуст»[49].

В Архангельске по всей дельте Северной Двины ставились артиллерийские батареи, чистились орудия, готовились брандеры и прамы с пушками, рекруты двинских полков учились обращению с оружием, товары перевозились подальше от моря[50].

Задержку марша Карла XII к Днепру хотя бы на три недели до весеннего распутья царь приравнивал к ликвидации 10 тыс. противника[51].

Такой заблаговременной подготовки к отражению вражеского нашествия (в относительном измерении) наша страна не знала ни перед вторжением Наполеона, ни Гитлера. (Имей Карл XII разведывательную сеть внутри России, он, возможно, двинулся бы не к Москве, а к Дерпту, Нарве и Петербургу.)

Были и планы русского превентивного удара по шведским владениям, которые, несмотря на фантастичность, свидетельствовали о дерзости

неизвестных авторов. В одном из планов, составленном, видимо, осенью 1707 г., предлагалось к февралю 1708 г. переправить по льду Финского залива 4 тыс. драгун в сопровождении обоза из 4 тыс. саней с прессованным сеном и сухарями (по 30 фунтов сена на лошадь в сутки) и перекрыть снежными валами и брустверами, облитыми водой, дороги от Гельсингфорса до Або. Когда Выборг будет отрезан от Финляндии, то в конце марта пехотным 8-тысячным десантом при поддержке 30 бригантин взять Выборг и «для страху» осадить Кексгольм. От Гродно можно отправить отряд против корпуса Левенгаупта, бомбардировать Ригу, а от Риги до Ревеля и Дерпта все «росплленить» (угнать население.) Если шведы останутся на зимних квартирах в Силезии или Чехии, то казакам и калмыкам можно будет легко «учинить шкоду» в шведской, а заодно и в Прусской Померании, если прусский король окажет военную помощь Лещинскому. Под русскую власть следует «жесточайше приклонить» Восточную Пруссию, а Кенигсберг сделать вольным городом для Англии и Голландии[52].

Одновременно Петр заботился «о доведении до ума» военных новинок. Инженер-изобретатель Леметр де Со 25 июня 1708 г. послал из села Семеновского в армию 150 «пулеметов». На батареи по указанию Петра были поставлены 100 полуфунтовых пушечек в два ряда «с крепкою оковою». Трехфунтовые пушки соединялись в пары на одном станке[53].

К 1708 г. боеспособность русской армии почти сравнялась со шведской. Солдаты сносно овладели слаженной стрельбой с колена первыми двумя шеренгами, задними двумя — стоя. Лихорадочной спешки при заряжании уже не было. В атаках солдаты уже не заглушали команды офицеров своим криком-ревом. (Возможно, в соответствии с приказом царя от 3 октября 1706 г. было повешено несколько командиров, в ротах которых поднимался крик, и заколото несколько рядовых. После этой даты подобных приказов не повторялось.) Рядовых вооружили длинными пиками как у шведов. Солдаты перестали покидать строй для сопровождения в тыл раненых и выноса убитых начальников. Уменьшился, хотя и не исчез, грабеж погибших в бою. Конница начала овладевать шведской тактикой и атаковать противника холодным оружием. Стрельба с коня позволялась только после приведения неприятеля в «конфузию». Хотя драгунам приходилось спать в мундирах и с ружьем, но не могло быть и речи о том, что они «никогда не будут противитца неприятелю и всегда будут бегать», как разглашали в Польше покинувшие русскую службу немецкие офицеры[54]. До русских доходили ободряющие вести, что шведы с 1707 г. уже «не ставили более единого от своих против пяти московских»[55].

Обслуга начальствующих лиц была уменьшена — генерал-майору полагалось не более шести человек, полковнику трех, прочим не положено было никого, кроме денщиков.

Размещение войск в боевых линиях и на стоянках проводилось по намеченному плану. Офицерам без санкции свыше запрещалось посылать солдат и драгун даже «по надобностям» далее 300 сажен от лагеря. На стоянках солдаты перестали разбивать окна, печи, избы и сжигать что-либо без указа[56]. Вместе с тем была беда с рекрутами, до трети которых бывало, сбегало по пути в армию[57].

13 февраля 1708 г. Петр I поставил вопрос, где собирать пехоту для отпора врагу — у Минска или в земляном ретраншементе у Копыси (против Копыси днепровские отмели облегчали переправу противнику.) На военном совете в Чашниках фельдмаршал-лейтененат Г. Гольц, указывая на разгром османов в земляных лагерях под Мохачем и Зентой в 1697 г., рекомендовал отважиться на полевой бой и потом нападать на армию вторжения и с тыла и флангов. Если шведов отбросить и обратить их снова против Августа II в Польшу, то можно начать осаду Риги. Главное — надо заботиться о Пскове, ибо Киев далеко и хорошо укреплен.

Л.Н. Алларт тоже стоял за баталию вне границ России, в Восточной Белоруссии, входившей тогда в состав Великого княжества Литовского. По его мнению, бой можно было дать на линии Днепра в лагере у Копыси, где можно оставить пехоту и 6 тысяч кавалерии. Остальная кавалерия должна разделиться на два корпуса и нападать на шведов с двух флангов[58]. Шереметев предлагал отступать перед противником — пехотой и кавалерией вместе, а не кавалерией позади неприятеля, так как дорога будет уже опустошена русской пехотой. Копысь была объявлена сборным пунктом, и царь 14 февраля послал приказ смоленскому воеводе П.С. Салтыкову: «Смоленской шляхте немедленно вели собратца и выступить к Копоси всем»[59].

В апреле-мае 1708 г. военные советы решили сдерживать противника на всех переправах в Предднепровье, в том числе на реках Улле и Березине. Крепости Полоцк, Быхов и Полонное собирались «боронить до крайней меры», как бы далеко не прошел враг в глубь России.

С середины апреля и до конца мая 1708 г. опустошался Дерптский округ, потом и глубинка Эстляндии. В середине июня русский отряд разорил местность вокруг Пернова (Пярну), затем двухтысячный конный отряд жег постройки, не доходя 4 мили до Риги («все деревни обожгли вокруг Риги».) Часть земель из-за этого в Лифляндии осталась не засеяной[60].

В мае дороги подсохли, но войско шведов еще не поднялось. Штаб-квартира шведского короля знала в общих чертах русский стратегический план обороны, который был раскрыт нескольким польским сенаторам «русской партии» и при составлении которого присутствовал гетман Мазепа, наладивший связь со Станиславом Лещинским в 1707 г. Однако, дислокацию русских сил и намерения противника шведы представляли

смутно. В конце мая обрадовал слух о «вторжении в тыл царя 60 тысяч» донских казаков, которые якобы перевернули там все вверх дном, подобно русским в Лифляндии и что туда же налетят крымские татары, как только услышат о шведском марше на Москву[61].

Карл XII приказал как можно скорее выступить из Прибалтики в московском направлении генералу А.Л. Левенгаупту, с военными припасами и продовольствием. Группировку графа в Курляндии русское командование никогда не упускало из вида. Еще в 1704 и 1705 гг. Петр указывал Шереметеву устроить «легкий поход» на конях против этого генерала, «чтоб ни единого пешего не было», отрезать его от Риги, вытеснить в Польшу и преследовать вплоть до бранденбургских границ[62].

По официальной сводке от 2 марта 1708 г. штатная численность корпуса графа насчитывала 16 тыс., включая 3 500 чел. в гарнизонах вместе с судьями, писарями, интендантами, штабными чинами, нестроевыми, пасторами и подмастерьями. Полки Левенгаупта должны были добыть себе пропитание на три месяца вперед, учитывая предстоящее разорение местности противником.

Маршрут генерала держался в секрете, и это оказалось оправданным — русское командование долго не могло определить его путь. Боур, который стоял всего в 50 км от Риги, с февраля по июнь без проверки пересылал полученные через пленных сведения о том, что Левенгаупт забирает от населения подводы, грузит провиант и через Дерпт и Псков якобы пойдет к Нарве. Находившийся при Карле XII британский военный атташе Д. Джеффрис передавал слухи, что шведы пойдут тремя колоннами — одна с королем, другая с фельдмаршалом Реншельдом и третья с Левенгауптом, который осадит Дерпт или Нарву. Не исключалось, что Левенгаупт и Г. Любекер, наступающий из Карелии на Петербург, отсекут только что завоеванную Ижорскую землю. Ввиду предстоящей «злой распутицы» в Москве сомневались в походе Левенгаупта за р. Припять и к Киеву, но считались с его броском к литовскому гетману М. Вишневецкому в Литву или против великого коронного гетмана А.Н. Сенявского в Малую Польшу. На этот случай Меншикову предписывалось взбадривать Сенявского, чтобы удержать его на стороне России вплоть до появления в Польше экс-короля Августа II[63].

7 июля 1708 г. насильно мобилизованный в полк Шлиппенбаха драгун-эстонец, перебежавший в русский Дерпт, сообщил, что у Левенгаупта 6 полков пехоты и 6 конницы, в каждом по 600–700 чел. и что генерал в последних числах июня со всем корпусом двинулся к Карлу XII[64]. Вероятно, по показаниям этого эстонца и был сделан ошибочный вывод, что корпус графа насчитывает всего 8 тыс. чел.

Военно-походный журнал Б.П. Шереметева («Военный диариуш»)[65] — подробно описывает действия русской армии с 24 апреля по 10 июля 1708 г.

В это время происходило перевооружение дивизий — 9 тыс. старых и плохих ружей отослали в Киев, Смоленск и Москву для ремонта, заменив их новыми в количестве 10 936 штук. Составлялись огромные «росписи сколько в полках фузей и штыков в наличии, где оружие потеряно, потоплено, унесли беглые, на приступах потеряно и после побитых не сыскано»[66]. Приказ Петра I, чтобы в его отсутствие все делалось с «общего совету», а «генеральные дела» подписывались всеми генералами, неукоснительно выполнялся. Узнав, что Карл, наконец, продолжил движение на восток, военный совет в Чашниках 12 июня постановил кавалерии фельдмаршал-лейтенанта Г. Гольца идти к р. Березине и сдерживать неприятеля на переправах у Борисова и других мест. Недалеко от Гольца находился ландграф Фридрих Дармштадский и Г. Пфлюг со своей конной бригадой. Пехоту собирались поставить от Череи до Бобра для выяснения пути шведов — на Псков, Смоленск или Киев и своевременно перебросить ее в нужном направлении. Если шведы пойдут прямиком к Днепру, то намечалось собирать суда и плоты на этом водном рубеже обороны. Коннице и пехоте предписывалось идти перед неприятелем, «перенимая оному путь и чиня всякое препятие в походе». Пускать конницу вслед за неприятелем по опустошенным местам было признано нецелесообразным, это значило лишать ее пропитания. Днепровский рубеж решили прикрывать от Орши до Могилёва.

Отдельный корпус генерал-лейтенанта Боура продолжал следить за армией Левенгаупта. Малороссийских казаков собирались призвать к днепровским переправам, а Мазепу — «по первой траве» к Киеву для завершения Печерской крепости и охраны Малороссии. Вместе с тем в середине июня 1708 г. висела угроза, что Карл, отрезав войска от Днепра и Киева, возьмет их в кольцо, так как пехота только 22 июня могла поспеть к Орше — об этом писали Б.П. Шереметев, Г.И. Головкин и Г.Ф. Долгоруков А.Д. Меншикову 17 июня 1708 г.

Удача — признак правильного решения, неудача — знак неверного выбора. Шведский стратегический план захвата Москвы стал давать сбой. «Разметывая» мосты, засекая и портя лесные дороги, избегая «котлов», русская армия отступала практически без потерь. Авангард шведской армии — валашский полк под командованием уроженца Лифляндии генерал-адъютанта Габриэля Отто фон Канэфера (Канифера) был не в силах дезорганизовать русскую ретираду. Штаб-квартира короля отмахнулась от демографических и географических условий белорусской и русской земли. В местности, где плотность населения была намного ниже, чем в Польше, собрать провиант было трудно. Войскам вторжения только мяса и хлеба на день требовалось по 32,3 т. На жалобы из Стокгольма о пустой казне и обнищании населения Швеции Карл не обращал внимания.

Движение шведов к Москве в 1708 г. часто и надолго стопорилось, в отличие от наступления Наполеона в 1812 г. и блицкрига вермахта в 1941 г. В районе Сморгони (к востоку от Вильно) армия короля застряла с 11 февраля до 14 марта, в Радошковичах — с 16 марта до 5 июня 1708 г. Русское командование почти уверенное, что шведы до появления подножного корма не пойдут на восток, получило время «мостить мосты» для своих войск по разным направлениям — к Пскову, Великим Лукам и Смоленску. Захваченные в плен валахи говорили, что у шведов «великий голод» — нет сена, солому отыскивают с трудом, «вешают и жгут мужиков, как прежде никогда не бывало, дабы ямы хлебные показывали» — так писал 17 апреля 1708 г. Меншиков Головкину из Могилёва. План обороны давал результаты — армия вторжения была остановлена на несколько месяцев! Огромное дело генерального судьи В.Л. Кочубея и И.И. Искры об измене Мазепы («самую затейную ложь, взведенную по злобе») в связи с наступлением неприятеля и по совету из Батурина решили свернуть как можно скорее — опасались, что «плевосеятели-единомышленники» Кочубея затеют мятеж против гетмана.

В понимании тогдашних западных и восточных славян к востоку от Западного Буга и литовской этнической границы кончалась Польша, и начиналась «Русь». Шведские протестанты, не считая православных за христиан, полагали возможным относиться к ним враждебнее, чем к католикам. В Белоруссии на мздолюбца — «проклятого червя» Меншикова, который «выедал» все что можно, где бы ни появлялся, сыпались проклятья. Вместе с тем белорусы, входя в круг православной культуры и имея кроме этнического еще и общерусское сознание, не отчуждали себя от великороссов, которые тоже не считали белорусские земли «чужими», в отличие от прибалтийских и финских. Белорусское крестьянство в целом принимало мотивацию русского командования, предлагавшего прятать в ямы хлеб и угонять в леса скот перед иноплеменниками. Оно было на стороне русских в отличие от помогавших шведам «чухонцев» Ингерманландии и Финляндии. Фельдмаршал Шереметев писал, что русские полки ориентируются на местности «по ведомости обывателей», т. е. белорусов. Шведский полковник Н. Юлленшерна так писал о жителях Могилёвщины: *«В этих краях, где мы появились, все жители бежали в леса, так что в деревнях мы не находили ничего, кроме пустых домов и должны были искать пропитание в земле и в лесу. На наше счастье, народ здесь прятал свое зерно в больших ямах под землей, которые мы с большим трудом могли отыскивать. Этим мы не только кормились, но еще и скопили запас на несколько недель для продолжения похода»*.

Еретиков-шведов и самого Карла XII белорусский народ воспринимал не только как чужеродную, но сатанинскую силу: *«Где этот Люцифер со своим войском шел... везде был голод и долгие годы неурожай на полях,*

Поэтому крестьяне после них освящали свои пашни, кропили их святой водой и совершали молебны»[67].

Страдало местное население и от русских войск. Сохранились «протестации» шляхтичей, в которых указывалось, что «войска царя московского, которые размещались в Оршанском повете, учиняли разные грабежи, наезды, побои, убийства… драгуны, казаки и калмыки не только деньги, но золота и серебра позабирали, господаря били, спрашивая о деньгах, а потом под конвоем до своего обозу забрали»[68]. Сейчас иногда «толерантность» и «политкорректность» не исторично переносится в прошлое. Обвинение в том, что «безжалостное и варварское» русское командование не имело права разорять «чужую» землю — неправомочно. Компенсаций за убытки ни одной армией не предусматривалось. «Обжигание» 100–120-километровой полосы белорусской земли вокруг Карла XII было ответом на «тотальную войну», объявленную шведским королем, который опустошал польские, белорусские и украинские земли.

В то время в любой точке Европы население стонало от «человека с ружьем». Крестьяне-великороссы не меньше, чем поляки, литовцы и белорусы, страдали от собственной армии. Оборонительное опустошение предполагалось в полной мере продолжать и на великорусских землях. Такая бедственная тактика издавна была принята в России[69] и она оказалась на редкость действенной: начиная с марта королевская армия так и не переставала страдать кровавым поносом[70]. Войско Левенгаупта, не мучившееся дизентерией, Петр I вынудил обрасти громадным обозом, стадами скота и снизить скорость до 8 км в день. На 600 км пути от Курляндии до Приднепровья было потрачено 2, 5 месяца! Лошади, которым при проходе через лес иногда скармливали осиновую листву, надсаживались и ломались от непомерных перегрузок.

Как только шведы двинулись на восток, начались сильные дожди. Двигаться по узким раскисшим дорогам было мучением. На р. Березине русский арьергард палил в неприятеля из мушкетов и отошел только после того, как шведы выкатили большие пушки. Осторожный Шереметев, боясь окружения, рекомендовал учесть возможный маневр Карла к Двине, Витебску или в обход русской армии на Поречье, Смоленск или Дорогобуж, после чего она будет отрезана от тыла на востоке. 20 июня Меншиков резонно указал, что марш противника к Двине сдержит Боур, покуда не появится русская армия, что неприятель *«не крыласт и прямо через нас не перелетит, а буде б захотел и кругом обходить, то мы не дадим себя отрезать»*. Сражение при Головчине стало одним из первых, которое дала армия прикрытия в Белоруссии, в пределах Великого княжества Литовского, намереваясь замедлить нашествие перед Днепровским рубежом.

3.2. «Битва, от ожесточения которой каждый должен застыть в изумлении»

Такую оценку головчинскому сражению дал пастор А. Вестерман.

Русской армии со времен тяжкого нарвского урока 1700 г. не приходилось вступать в единоборство с королем-полководцем. На «консилиуме» в Могилёве 23 июня генерал-фельдмаршал Б.П. Шереметев, главный генерал от кавалерии А.Д. Меншиков, министры Г.И. Головкин и Г.Ф. Долгоруков, генерал А.И. Репнин, генерал-лейтенант от артиллерии Я.В. Брюс, генерал-майор от гвардии М.М. Голицын и генерал-майор Вилим фон Швейден[71] рассматривали как вариант ухода за Днепр, так и движение навстречу противнику. Замедлить марш армии вторжения в глубь России — вот в чем состояла основная задача.

Чтобы не допустить обхода шведами, консилиум решил шире расставить войска в белорусском Приднепровье. У Шклова, к северу от дивизии Шереметева, расположившейся при Могилёве, должна была стоять конная бригада главного генерала от кавалерии Меншикова. Еще севернее, при Копыси или Орше станет держать оборону дивизия генерала Алларта вместе с конной бригадой генерал-лейтенанта Пфлюга. Дивизию Репнина поддержат конные бригады Генриха Гольца и Иоганна Кристиана Генскина. Артиллерию собрались распределить равномерно по всем дивизиям, «большие обозные тягости» отправить за Днепр к русской границе. Войска должны удерживать днепровский рубеж как можно дольше и препятствовать наведению мостов противником. Если же неприятель будет форсировать Днепр в разных местах, то «перепустя» на левый берег от трех до 4-х тысяч противника, атаковать, а «по самой невозможности», отступя за Днепр на 2–3 мили, сдерживать его на трудных переправах и в лесах.

26 июня Б.П. Шереметев, Г.И. Головкин и Г.Ф. Долгорукий из Шклова написали царю, что вполне готовы к встрече противника. Пойма небольшой болотистой речки Вабич в 20–30 км к западу от Днепра показалась подходящей для того, чтобы не пропустить неприятеля. «Удерживать пасы по всякой возможности» решили при Головчине, в 30 км к северо-западу от Могилёва. Туда послали Меншикова и Репнина с 6 тыс. пехоты. На переправу при Староселье (в 12 км западнее Копыси) был послан Алларт с 6 тыс. пехоты и Пфлюг[72]. По оценке Д. Джеффриса, русские набрались опыта и стали больше, чем прежде, дорожить жизнью своих солдат.

Почему давать отпор решили не на Днепре, а к западу от него, вдоль небольшой речушки Вабич? Вероятнее всего, повлияло мнение Меншикова. Еще 19 апреля 1708 г. он писал Петру из Могилёва, что объездил кругом все и пришел к выводу, что удержать неприятеля на Днепре трудно, даже если на левом берегу выставить всю армию. Пользуясь преимуществами крутого правого берега, враг сможет легко форсировать реку.

Сдержать противника можно на Березине, а от этой реки до Орши нет широких полей, где шведы могли бы принудить к баталии[73].

В конце июня русские конные партии в «стравках» за Вабичем захватили три десятка валахов и шведов. Квартирмейстер Смоландского полка при допросе сообщил, что 30-тысячное шведское войско состоит из 30 полков кавалерии и пехоты, но пока к Головчину подошло 4 конных и 5 пехотных полков с тридцатью «тяжелыми и малыми пушками». Пленный снял беспокойство Шереметева о том, что шведы обойдут русских — никаких сил в обход не отправлено — все идут одним трактом за королем.

Прапорщик рейтарского полка Горна, дав подробную роспись всей шведской армии, сказал, что больных мало, в иных полках таковых вообще не имеется, у части полков провианта на 2 недели, у некоторых же только на 8 дней. Шведы полагают, что русские лишь у Смоленска отважатся принять баталию. Некоторые пленные сообщали, что у Головчина всего 12 тысяч шведов.

К 30 июня русское командование окончательно уверилось, что король пойдет на прорыв у Головчина. Страха перед коронованным победителем не показывали. Меншиков, исходя из показаний одного пленного лейбгвардейца, который жаловался, что в каждой шведской роте по 15–20 больных, пришел к выводу, что ежели все *«томны, как и сей, то мочно, надеясь на милость Божию, драться»* со шведами, которые якобы «правятся на Копось».

Л.Н. Алларт, удостоверившись, что *«неприятель намерен его посетить»*, в письмах от 29 и 30 июня предлагал удерживать того как можно дальше от Днепра и обещал отогнать противника *«с кровавою главою»*.

Г. Гольц 30 июня вообще похвалялся, что управится и с 30 тысячами, если ему дадут лопат, кирок, зарядов сверх тех пятидесяти, которые имелись у него на каждую пушку, а также девять 6–8-фунтовых орудий с ядрами и порохом и добавят 3 тыс. пехоты от Алларта.

Получив депешу от Гольца и Алларта, что 12 тысяч шведов придвинулись совсем близко и могут пройти между их корпусами, очередной «генеральный консилиум» в Шклове 30 июня постановил переместить на запад за Днепр дивизию Шереметева с «пристойною артиллериею» (но без 12-фунтовых пушек) и *«учинить над неприятелем чувствительный поиск, остерегаясь от главной баталии»*[74]. 29 и 30 июня пушки малого калибра с трех, потом с пяти батарей беспрерывно, целый день обстреливали шведов без особого вреда маленькими ядрами, и тогда же солдаты начали окапывание и огораживание позиций рогатками. Вечером 30 июня русская конница отделилась от пехоты и потом все три дня стояла, не расседлывая коней и не сходя с места[75].

1 июля Головкин, Долгоруков, Шереметев и Брюс поехали из Шклова для осмотра местности от Днепра на запад — в Климовичи, а Меншиков

еще дальше — к верховьям р. Вабич, в Якимовичи (на современных картах — Ахимковичи.) Князь заявил, что тамошнее место затоплено и его удержат 800 драгун полковника Кэмпбелла. Однако 2 июля военный совет, осмотрев позиции вдоль р. Вабич, решил подстраховаться. Боясь обхода и отсечения от Днепра, он предписал дивизии Алларта переместиться к Климовичам. Если же противник, не переходя речку у Якимович, пойдет через Староселье к Копыси, то Алларт должен был не описываясь, тоже идти на 19 км севернее и там «чинить неприятелю всякое сопротивление». Тогда же от двух перебежчиков-валахов получили ложные сведения, которые вроде бы подтверждали, что шведы в ночь на 3 июля будут переходить речку под Головчином *«вправе от нашей стороны»* по понтонам (по «щитам на колесах».) К шведам тоже бежало несколько перебежчиков, которые сообщили о составе командования русской армии. С 1 июля русские пушки стали стрелять 8-фунтовыми ядрами.

Глубокой войсковой разведки за Вабичем Б.П. Шереметев не провел и, доверившись словам «переметчиков», послал Семеновский полк генерал-майора князя М.М. Голицына, батальон своего сына — полковника М.Б. Шереметева и полк бригадира князя Мещерского (всего 3,4 тысячи) по речке к северу. Судя по шведским материалам, неизвестным в русских источниках, около восьми сотен казаков и калмыков в полдень 1 июля перебравшись на правый берег, сбили валашские форпосты, так что лейб-драгунам короля пришлось выручать их. Убитые и раненые были с обеих сторон.

Вечером 2 июля центральное место против шведского лагеря у Головчина заняли 13 пехотных полков дивизии фельдмаршала Б.П. Шереметева и 11 драгунских полков А.Д. Меншикова — 7,9 тыс. пехоты, 5,8 тыс. кавалерии, туда же была послана основная артиллерия. В шести километрах севернее в Климовичах стояли Алларт и Пфлюг, южнее Шереметева через трясину, которая была сочтена непроходимой, встала дивизия князя Репнина (5–6 тыс..) Слева от Репнина находились 10 драгунских полков (около 10 тыс. чел.) и 4 тыс. казаков и калмыков Гольца. (Казаки и калмыки на схеме с пояснениями на немецком языке, изображены стоящими в линию с драгунами Гольца[76].) Количество русских полков в труде Адлерфельда указано верно. Шведы полагали, что силы неприятеля состоят из 20 тыс. конницы, 8 тыс. пехоты и 6 тыс. казаков. Репнина и Гольца разделял километровой полосой лес, через который шла всего одна тропа. Так, желая перекрыть все подходы к Днепру, растянули позиции на 10 верст вдоль р. Вабич.

За день до нападения Карла XII твердый настрой командования стал ослабевать. Без жесткой руки государя и Меншикова одновременно с походом шведских полков неуверенность командования росла почти также, как под Нарвой в 1700 г.

2 июля военный совет постановил, во-первых, «дабы конечно всем брегадам и дивизиям, на кого будет нападение, вспомогать и ради того чрез переправы многие мосты поделаны были». Во-вторых, «если неприятель чрез речку будет переправляться, **держать оного по возможности»**. В отчете царю уклончиво писалось, что «[шведа] с некоторым уроном своим, держать будем, понеже и он принужден будет також своих людей терять. А к главной баталии нас принудить ему за узкими дороги и переправы трудно»[77]. Таким образом, **заранее предусматривалось отступление**.

Военный талант Шереметева, Репнина и Гольца явно уступал полководческому дарованию Карла XII, которому шведская армия была обязана в значительной мере своими победами. Доверие и любовь войск к своему юному монарху-полководцу были абсолютны. Худощавый, с длинными руками и ногами, со слабыми следами оспы на лице, ростом в 183 см, король-спартанец не только делил с солдатами все тяготы, но мог «взрывать» их своей энергией. Будучи великолепным наездником, он первым бросался в атаку со шпагой и пистолетом. Очевидцы писали: *«В лице Карла есть что-то… вызывающее уважение и страх… Все драбанты говорят, что не могут по лицу или поведению узнать его мысли и настроение, — настолько оно одинаково… Никто не сидит на коне лучше, чем он. Никогда он не выдает ни малейшей слабости. Военным знанием и опытом он превосходит всех генералов и офицеров. Когда все измучены, он всегда бодр. Вторую часть дня он проводит в своей канцелярии, где, забросив все прочее, заполняет лист за листом планами формирования частей и значками, указывающими расположение кавалерии, пехоты и т. п. По-своему он мстителен и безжалостен и ни один виновный никогда не ушел от заслуженной кары. Каждый его жест или приказ кажется ледяным и нечеловечным»*[78].

Всю ночь обе стороны держали конницу и пехоту под ружьем. После дождей болотистая пойма р. Вабич казалась настолько непроходимой, что с малой возвышенности левого берега русские надеялись без особых потерь перебить случае атаки завянувших в топи шведов.

Для князя Аникиты Ивановича Репнина (1668–1726), начавшего службу с 16 лет спальником, сражение при Головчине стало его первым самостоятельным «генеральским боем» (этот чин он имел с 1698 г..) Его дивизия приступила по-настоящему к воздвижению земляных укреплений не 30 июня, когда заняла позицию, а 3 июля, в слякотную ночь шведской атаки. Фашины для валов не готовили. «Построить транжемент» (возможно, по типу полтавского), Репнин не успел, его начали делать только ночью 3 июля. Закрыть тоже не успели его с флангов. Со стороны неприятеля рвы были выкопаны только «в колено», что Репнин оправдывал нехваткой рабочих рук и отсутствием инженеров. 17 батальонов и 3 драгунских полка А.И. Репнина растянулись на 700 сажен. На правом флан-

ге репнинской дивизии были небольшие леса, поля, болота, на левом — сухое поле[79]. Часть солдат Репнин услал ночью на дозорные посты, на рытье укреплений и укладки гатей для связи с соседями, оставив при себе около 5 тыс. пехоты.

Пикетов Аникита Иванович не выставил, только обычные караулы в два человека. Позиция повторяла ошибки Нарвской 1700 г. — была узкая и хорошо простреливаемая, тонкая и длинная, построить более двух-трех батальонов в глубину было невозможно, маневрировать частями и поставить резерв было трудно. Карл же напротив, собрал все силы в кулак у Головчина. Было забыто, что шведский король мог в одном месте клином пробить строй противника. Как и под Нарвой, за сухой полосой в тылу был водный барьер — болото, через которое предусмотрительно навели три гати-моста. Тут было уязвимое место позиции — при отступлении могла вспыхнуть паника.

В целом на растянутой русской позиции было около 40 тыс. войск (больше, чем при осаде Нарвы в 1700 г.) и 45 орудий[80]. Оба фланга и центр прикрывались шестью разбросанными по фронту батареями, а также реданами и прямыми отрезками неглубоких валов. В разрывах вала, через которые мог пройти эскадрон, устанавливались рогатки. Части Шереметева спереди заслонились небольшим редутом (зачаток полтавской системы редутов)[81]. Никакой наступательной инициативы не предусматривалось. Восторженный поклонник Карла словацкий епископ («суперинтендант») Д. Крман расписал русские укрепления, растянутые на полторы мили почти как неприступные — валы, рвы и на возвышенных местах — батареи.

1 июля Карл, Юлленкрук и полковник артиллерии Рудольф фон Бюнов («дедушка» — так называл его король — был пленен 30 июня 1709 г. в Переволочне и через три дня умер от раны) провели разведку бродов, через которые переходили донцы и калмыки, [82] и пришли к выводу, что р. Вабич можно перейти, но дальше идет топь, где нет никакого русского прикрытия и стоят только обычные караульные посты. После перехода речки нужно будет считаться с опасностью флангового удара.

2 июля шведы собирали кожаные понтоны, с помощью которых надеялись переправиться на русский берег. Как и под Нарвой в 1700 г., не дожидаясь отставших, Карл всего с 17 тысячами войск решил неожиданно разбить изолированный центр Репнина, обойдя через болото его правый фланг. Кавалерия Реншельда должна была блокировать конницу Г. Гольца и атаковать левый фланг русского центра, артиллерия — с высот у Головчина воспрепятствовать посылке помощи Шереметевым. Всех валахов вместе с обозом переместили к северу, чтобы войскам Шереметева казалось, что они находятся под угрозой удара. Между 11 и 12 часами ночи войска с фашинами из ветвей и елового лапника, получили приказ

бесшумно приблизиться к берегу р. Вабич. Бойцы тихо сотворили молитву и вполголоса спели стих «Господь — наша помощь и утешение». После этого кавалерии было приказано седлать лошадей и в полнейшей тишине продвигаться эскадрон за эскадроном.

Темнота скрыла ночной марш. Гвардейские полки, начав двигаться в 12 часов ночи, собирались взять 12 из 24 понтонов, но ночной дождь превратил землю в непролазную грязь и их бросили. Король приказал форсировать реку вброд. Между 2 и 3 часами ночи 3 июля под прикрытием ливня и густого тумана шведам удалось незаметно перевезти вниз по течению пять пехотных (около 6 тыс.) и 4 кавалерийских (4 366 чел.) полка, выстроив их против дивизии Репнина.

Любимая королем ночная атака в очередной раз удалась. Шведы незаметно подошли к русским позициям. Карл сказал: «Парни, шельмец тот, кто будет стрелять!» По двум небольшим гатям, уложенным по топкому берегу, король повел за собой пехоту в речку и первым вошел в воду. Гвардейские гренадеры, подняв ружья и патронташи над головой, с трудом брели в «самом болотном месте» по колено, потом по грудь до подмышек в жиже, увязая в илистом дне. Несколько в стороне форсировали реку Вестманландский и Эстгетский полки, собираясь отсечь русскую пехоту от конницы и зайти ей в тыл. Темень, дождь и туман скрыли движение. Переместить крупнокалиберные орудия к деревне Старое Село против позиций Репнина без шума не получилось.

Караулы, дав выстрелы тревоги, покинули посты. На позициях Репнина раздался пушечный залп и повсюду разнесся сильнейший крик, слышный далеко вокруг. Приведенное Адлерфельдом свидетельство о поднятой русскими тревоге не позволяет верить словам Репнина, что он увидел противника, когда тот уже перешел всю пойму реки[83].

И тут же в половине третьего часа утра полковник Бюнов «пошел с козыря» — 22 шведских орудия, прикрывая наступление своей пехоты, открыли с небольшой возвышенности правого берега р. Вабич «жестокую пальбу» по центру Репнина, Эта «полевая музыка» беспрерывно продолжалась три часа. Шведские орудия были собраны в одно место (именно этим позже так успешно пользовался Наполеон), русские — были разбросаны по фронту[84]. Нильс Юлленшерна писал, что противник слишком рано все обнаружил и тут же начал отвечать из своих пушек. *«Его Величество был среди первых, кто перешел реку вброд и каждый спешил, как только мог, но противник слишком рано [все] обнаружил и тут же начал стрелять из своих пушек по нашим. Это пришлось терпеть достаточно долго, пока несколько батальонов не перешли реку и не бросились в атаку на укрепления неприятеля… Наша артиллерия начала стрелять и так удачно, что неприятель не только оттянул пушки, но и был вынужден покинуть один фланг своих укреплений. Наша пехота*

тут же этим воспользовалась и под прикрытием огня своих пушек вошла в укрепления, заставив противника покинуть их и ретироваться в большой лес, который находился сзади за ними».

«Всю потребу везде управлял» один только Аникита Иванович, Чамберсу просто не хватало сил.

Репнин вывел пехоту из шанцев, чтобы мушкетным огнем сбить противника в реку. *«Словно стая голодных волков, русские бросились на нас, намереваясь помешать нашему переходу»* — так цветасто расписал это Нурсберг. Из-за тесноты только четыре батальона Нарвского и гренадерского полков выстроились «во фрунт»[85], но прицельно бившие трехфунтовые и шестифунтовые шведские пушки вынудили их податься за бруствер. Артиллеристы Репнина продолжали вести ответный огонь, несмотря на то, что ядра выбивали прислугу, лошадей и разносили в щепы лафеты пушек. Однако через некоторое время их огонь был подавлен.

Русские эскадроны пытались атаковать фланг Эстгетского полка, но тот развернул навстречу часть своих сил и отбил атаку.

Около четырех часов утра шведы почти без потерь выбрались на твердую почву и, едва выйдя из болота, пошли в «психическую атаку». Не отвечая на огонь, молча и без выстрелов, со штыками и пиками наперевес они быстро развернулись направо на фланг Репнина, который находился под убийственным огнем. Карл XII, сев на коня, вел преследование, находясь впереди пехоты, рядом с ним, не покидая ни на мгновение, находились «маленький принц» и Станислав Понятовский. Пытавшихся сдаваться приканчивали[86]. Прорыв был похож на позднейший суворовский удар в штыки. По оценке Репнина, его дивизию атаковали 10 тыс. чел.

Четырехтысячная кавалерия Реншельда, состоявшая из лейб-драбантов, лейб-регимента, 8 рот лейб-драгун и 8 рот Смоландского полка, с трудом выйдя из болота, завязала на правом фланге тяжелый бой с конницей Гольца. Одно время шведская конница заколебалась, лейб-драгун дважды или трижды окружали[87], но потом, надвинувшись на 10 полков Гольца и казаков, шведские всадники выполнили главное — помешали оказать помощь Репнину. Однако русские конные части многократно «с места сбивали» неприятеля и даже захватили часть мундиров, шпаг и оружие. Пока держался центр, было возможно оказать помощь и, как писал Репнин в своем объяснении, «неприятеля в конфузию привести». Несколько раз Аникита Иванович посылал адъютантов к соседним дивизиям, но безрезультатно.

Через две недели после сражения, 17 августа 1708 г., суд пристрастно обвинял Репнина, что его полки стреляли нестройно, спешно и не целясь, «по-казацки» и еще не имея «урона», стали покидать позицию, оставив 4 или 6 пушек с разбитыми лафетами из крайней батареи. Это было несправедливо. Наблюдавший бой военный атташе при Карле XII, британский капитан Д. Джеффрис отметил, что русская пехота хорошо отработала

отражение врага мушкетным огнем: *«Во время всей акции они никогда не допускали шведов близко, но обычно стреляли из ружей с дистанции 30–40 шагов, потом отходили, заряжали, снова собирались и вновь палили; эта «охота» продолжалась до 7 часов»*[88]. Репнин обоснованно доказывал, что 2 часа сдерживал неприятеля, который окружал его с обоих флангов. Дольше обойтись без помощи было нельзя. Видя себя отрезанным с двух сторон, он начал отход.

Среди шведов шли разговоры, что больше всего у них потерпели драбанты и пешая гвардия и что при отступлении «московиты» много раз останавливались и отстреливались, сражаясь с такой храбростью, которую они до того никогда еще не показывали.

Удар Шереметевым с севера в тыл шведам или резерв, оставленный в лесу, мог бы спасти положение. Однако фельдмаршал весь 4-х часовой бой так и простоял без движения, полагая, что в любой момент его атакуют от Головчина. Часть кавалерии шведов и валашские всадники продолжали делать вид атаки, придвинувшись к Вабичу. К тому же для отвлечения внимания Шереметева шведы вели обстрел из 6 пушек, поставленных у самой реки[89]. Пустить в обход Головчина конницу, подобно М.И. Кутузову, пославшего в обход левого фланга Наполеона казаков М.И. Платова и кавалерию Ф.П. Уварова на Бородинском поле в 1812 г., фельдмаршал не думал. Если бы на месте Шереметева был Меншиков, который за день до того уехал за подкреплением, помощь Репнину, несомненно, была бы оказана.

Отступление Репнина к своим мостам-гатям не выглядело бегством — отход прикрывался залпами других частей, подходивших к месту атаки и орудийным огнем с другой батареи[90]. Позже на суде Репнина обвиняли в том, что он не допустил пехоту до рукопашной, якобы специально уклоняясь от боя. Однако свидетельства шведских очевидцев не позволяют согласиться с таким обвинением. Генерал-квартирмейстер А. Юлленкрук характеризовал бой как «упорное дело»[91]. Г. Адлерфельд тоже писал, что противник, несмотря на дождь, стрелял очень интенсивно.

Около 6 часов 30 минут утра после почти четырехчасового сражения, приняв на себя не менее десятка атак, обороняющиеся, израсходовав все патроны, ушли с открытого места по трем гатям за болото. Паники, которая случилась под Нарвой в 1700 г. и под Фрауштадтом в 1706 г., не было. Густой лес позволил Репнину отбиваться «с полтретья часа из мелкого ружья». Взятый в плен капрал из полка Н. Йельма говорил, что «особливо от пехоты много из лесу по них стреляло»[92]. *«Рядовые говорили меж собою, что на том месте Российского войска люди так жестоко бились с ними, что невозможно ни по какой мере против них стоять было»*[93].

Репнин остановил шведов, и король был вынужден перемещаться с левого края на правый — *«ездить от батальона к батальону, ободряя*

солдат то рукой, то шпагой, то криком». Ни русские, ни шведы не двигались с места. В конце концов Карл XII приказал *«без выстрелов двинуться в заросли с пиками, штыками и шпагами, чтобы победить или умереть»* (Г. Адлерфельд.) Юлленшерна писал, что шведам не надо было следовать в лес за русскими, потому что там было потеряно много рядовых и офицеров. Заросли помогли русским, как позже в сражении при Лесной 28 сентября 1708 г. Будь на месте Репнина Петр или Меншиков, они, как в сражении при Лесной 28 сентября 1708 г., вообще не позволили бы шведам войти в лес и даже организовали бы контратаки.

Через некоторое время офицеры Репнина утратили контроль за войсками. Сигнала к отступлению барабанным боем не дали, распущенных знамен не было, некоторые знамена офицеры самовольно содрали с древков и спасая, спрятали их под кафтаны. 10 медных пушек, которые нужно было отвозить прежде всего, бросили. Солдаты уходили, оставляя все, что мешало проходить через лес — зарядные ящики, рогатки, пики.

Правое крыло фельдмаршала Шереметева снялось почти без выстрелов.

Ни в одном шведском источнике нет упоминаний о русских пленных. По приказу короля пленные и раненые уничтожались, как под Фрауштадтом в 1706 г. После сражения раздавались редкие выстрелы — это шведы пристреливали раненых русских солдат. Тайный советник прусского короля и военный атташе при шведской армии Давид Натаниэль фон Зильтман писал, что последние выстрелы стихли около полудня[94]. Пастор Вестерман в это время спешил на зов умирающих каролинцев, просивших «святого господнего причастия». «Упорное дело» (А. Юлленкрук), «повода хвастаться не было» (Д. Джеффрис) — такова была шведская оценка боя при Головчине. Погибших шведы хоронили во рвах русских укреплений.

Вечером 3 июля 1708 г. Репнин по предварительным данным сообщил, что, не считая раненых, было убито, от ран померло и не явилось 526 чел.[95] Юлленшерна преувеличивая, писал, что убитыми был наполнен лес и через четырнадцать дней после сражения оттуда неслось такое зловоние, что никто не мог его переносить. Шведы подобрали на поле боя несколько знамен, драгунских литавр, несколько фур с амуницией и 12 пушек.

4 июля пастор А. Вестерман *«вел проповедь перед Его Королевским Величеством и в тот же день к вечеру в присутствии Его Королевского Величества и других высших и низших по званию, было погребение… всех павших в сражении, как офицеров, так и рядовых. После проповеди 600 гвардейцев почтили их двумя залпами»*[96].

Оборонительный бой при Головчине был выдержан неплохо — об этом могут свидетельствовать потери обеих сторон: у русских — 350 убитых, 675 раненых, 630 пропавших без вести[97], итого — 1655 чел.

Потери шведов составили 255 убитыми и 1 219 ранеными[98]. Невосполнимой утратой была гибель капитан-лейтенанта лейб-драбантов — генерал-майора барона О.М. Врангеля, о котором больше всего сожалели в армии короля. Драбанты, особо отличившиеся в бою, понесли значительные потери как ранеными, так и убитыми, которых хоронили в ночь и на следующий день 4 июля. Карл справедливо гордился победой при Головчине. В сложнейших условиях оно было проведено, как и под Нарвой в 1700 г. — ударом по центру позиции противника и блокировкой флангов. Король сам провел рекогносцировку, сам выбрал диспозицию, исходное положение для атаки и нанес удар, расчленив русские силы и лишив их возможности взаимопомощи. Шведский король получил свободный путь через Днепр и укрепился в прежней низкой оценке русской армии.

Однако сломить дух противника ему не удалось. Паники среди отступавших не было и на месте боя шведская победа представлялась половинчатой. Прикрываясь конницей генерал-майора С. Ренцеля, русские войска отступали в разных направлениях. Из дивизии Репнина 800 человек присоединились к Шереметеву как полноценное соединение, остальные группами по 20–100 человек разрозненно в течение трех дней выходили к Могилёву и Шклову» где оставили больных и раненых. Пехотные дивизии и бригады конницы ночевали, не доходя двух миль до Шклова, конница Гольца пошла к Могилёву. Пехотная дивизия Алларта и кавалерия Пфлюга 4 июля пришли в Копысь. Сгоряча Шереметев, Головкин, Меншиков и Долгорукий сообщали из Шклова, что собрались дать новый бой: три атаки у Головчина были мужественно отражены, несмотря на «нехристианское» применение якобы отравленных пуль[100]. *«Переправясъ Днепр, разрядя все войски, будем неприятеля еще держать по возможности». «Кроме уступления места, неприятелю из сей баталии утехи мало и наша конница гнала неприятеля на пол мили и побрали много неприятельских лошадей. У нас из знатных убит генерал-майор фон Шведен»*[101]. Аларт послал в тыл шведам партию в 60 человек, которая отбила «поваренную телегу» генерал-майора графа А. Спарре и шестерых мушкетеров.

Карл не использовал случай и остановился на бывшей русской позиции в полумиле к востоку от Головчина, иначе «мало бы людей спаслось» — было записано в «допросных артикулах генералу Репнину». Военно-походный журнал Шереметева выправлял впечатление о поражении таким образом: король *«не дерзнул за тою дивизиею господина генерала князя Репнина ититъ, но остановился на том месте, куда перешел... ради опасения от нападения прочих войск наших»*. У короля якобы была мысль повернуть войска на север через болото против Шереметева, однако оттуда уже все ушли, бросив часть багажа[102]. 5 июля в двух милях от места

сражения русский арьергард оказал сопротивление наступающим шведам, но быстро отошел назад.

Полководческое мастерство Карла, проявленное в головчинском сражении, не привело к разгрому русской армии. Офицерский корпус и Репнин проявили и стойкость и храбрость, сражаясь против одного из лучших полководцев Европы. Знаменательной была оценка английского капитана Джеффриса: *«Московиты выучили шведские уроки много лучше и со времен Нарвы сделали большие успехи в военном деле и если бы их солдаты показали только половину того мужества, которым отличились их офицеры (которые большей частью иностранцы), они может быть, стали очень крепким орешком для нас в этой акции»*[103].

Неуверенность русского командования стала нарастать, как это всегда бывает, во время отступления. 6 июля там же в Шклове военный совет решил как можно быстрее оторваться от армии короля. Оборонительная линия на Днепре, на которую так надеялись с 1707 г., развалилась сама собой и была сдана без боя. Извиняющимся тоном царя известили, что *«за близостью неприятеля и за неспособным положением днепровских берегов* [именно так!] *всею пехотою на оной реке неприятеля удержать трудно»*. Совет сообщал, что шведы ведут перестрелку уже у Могилёва и защищать этот город из-за его большой площади невозможно. Пехоте с артиллерией и обозом надо-де уходить на 46 км восточнее к Горкам, раненых на подводах вывезти в Смоленск, собранный провиант эвакуировать или утопить, наплавные мосты в Дубровне, Орше, Копыси, Шклове, Могилёве подтопить, распустив бревна[104].

Днепровскую речную флотилию не задействовали.

Таким образом, частное, с малыми потерями головчинское поражение обернулось сдачей важного днепровского стратегического рубежа, на оборудование которого было потрачено много сил. Однако путь на Москву так и не был открыт — его преграждало войско царя Петра.

Утром 7 июля все войска из-под Шклова пошли к Горкам. Отход от Шклова прикрывали конные бригады Ренне и Пфлюга с пехотным полком А. Дедюта. Бригада Меншикова с полками Преображенским и Семеновским и с батальоном сына фельдмаршала молодого М.Б. Шереметева пошла к Александровичам. Известие о поражении сильно раздражило царя и охладило намерение Августа II вторгаться из Саксонии в Польшу. 9 июля в Горках командование встретилось с царем.

«Столицу православия в Речи Посполитой» — большой и богатый Могилёв, принадлежавший польской королевской казне, не было времени ни готовить к обороне, ни сжигать его и 7 июля он, к удивлению шведов, без боя был сдан на ограбление Карлу XII. Все же несколько десятков пушек из Могилёвского цейхгауза было эвакуировано.

8 июля, чтобы «умирить» шведов, *«бургомистр и совет города встретили Его Королевское Величество по своему обычаю с хлебом, солью и ключами от города на красной подушке, которые они ему и вручили»*, — писал пастор А. Вестерман[105]. На другой день магистрат устроил в честь шведского короля бал. Некоторые из рядовых, «навалясь на корм, померли» в Могилёве.

Итак, ни на Висле и Немане, ни на Березине и Днепре армию вторжения не сдержали. Сдача подготовленного Днепровского рубежа обороны была тревожным сигналом, и Петр решил встряхнуть командный состав, чтобы тот сражался до последней возможности. С этой целью в лагере под Горками был организован показательный процесс над Репниным и Гольцем. 16 июля 1708 г. царь приказал «накрепко разыскать про злое поведение» генералов. Среди обвинений фигурировало, что войска бились «казацким, а не солдатским строем», что Репнин не организовал правильный линейный бой и пострадала слава русского оружия. Решение суда было суровым и несправедливым: *«И по тому злому поступку и знатному прегрешению он, господин генерал Репнин, ...достоин быть жития лишен. Но понеже он... уступление не с робости принял, и его прегрешение не к злости но из недознания происходит, ...того ради он от смертного наказания освобождается... Да будет он от чину своего и от команды, которою таким худым поведением управлял, публично ему в штраф, другим же наприклад отставлен...»*. П.К. Гудима-Левкович считал, что Б.П. Шереметев тоже заслуживал суда за пассивность и увод своей дивизии к Шклову»[107]. Цель военного суда 5 августа 1708 г. была аналогична сталинскому приказу № 227 «Ни шагу назад» в 1942 г., когда было необходимо остановить отступление Красной армии. Суд над фельдмаршал-лейтенантом Г. Гольцем «из-за конфузии его полков» не был закончен, и он избежал наказания. Три драгунских полка Белозерский, Петербургский и Троицкий за позорящие действия в бою и потерю сабель были расформированы[108]. Широковещательный процесс над Репниным всем дал знать: русская армия должна драться насмерть!

Головчинский опыт был учтен. После неудач со сплошными линиями укреплений под Азовом, Нарвой, Гродно, Головчино, Петр отказался от них, и подготовка Полтавского поля сражения была уже другой. Особое внимание было обращено на быстроту отсыпки полевых укреплений. В считанные часы армия научилась окружать себя валами. Резюмирующая оценка Петра была такова: *«...Я зело благодарю Бога, что наши прежде генеральной баталии виделись с неприятелем хорошенько, и что от всей ево армеи одна наша треть так выдержала и отошла»*[109]. Понятовский несправедливо писал о Репнине, что тот был «выгнан со срамом» — ведь против него вел бой сам король! Через 3 месяца царь реабилитировал своего генерала.

Уход русских с Днепра шведы традиционно приписали боязни противника. Король, обоснованно гордясь победой, приказал выбить медали со своим профилем и надменными фразами. На одной из них два прикованных к столбу русских пленника в высоких меховых шапках боязливо глядели на военные трофеи. Надписи гласили: «Ведет по миру победоносное войско», «Преодолевает леса, болота и укрепления врага», «Победил московитов у Головчина 3/14 июля 1708 г.». На другой медали, где изображалась богиня победы со шведским гербом, были слова: «Силой оружия и меча», «Не сдержит ни огонь, ни вода», «Решительно перейдя Вабич, разбил московитов 4 июля 1708 г.». Сомнений в успехе «русского похода» не было. Несколько сотен литовской шляхты собрались как в 1612 г., пойти вслед за шведами на Москву, чтобы отомстить за ущерб, их имениям; у короля возникла мысль сформировать польско-славянский полк[110]. После победы при Головчине гамбургские газеты в августе 1708 г. писали, что Карл XII скоро будет в Москве[111]. С тем, что шведы ворвутся в столицу и ограбят ее, считался Ч. Витворт[112].

На самом деле, состояние шведов было далеко не блестящим. Их прежние запасы были испорчены дождями, на Могилёвщине продовольствия было в обрез, шведы искали зерно по ямам, косили траву, собирали и обмолачивали хлеб с полей. Никто точно не знал, где корпус Левенгаупта, соединится ли он с королем или двинется по другому направлению.

Вплоть до 5 августа Карл собирался с силами и ждал обоз Левенгаупта в районе Могилёва. Там большую торговлю с Москвой и другими городами, как писал Д. Джеффрис, у христиан перехватили евреи, которых каролинцы основательно обобрали. Провиант для армии собирали на 8 недель, собираясь, очевидно, за это время пройти до Москвы. Постой шведов, по подсчетам Могилёвского летописца и члена магистрата Т. Сурты, обошелся городу в 100 000 талеров. Чтобы выбить на нужды армии хлеб, Могилёвцев сажали в воду, жгли огнем, подвешивали к балкам.

3.3. Бои при Добром, Бели и Раевке

Дух русской армии после Головчина не сник. Подстегнутое царем командование поднимало боевую подготовку, собирало знающих дороги «добрых вожей», валило леса, уничтожало фураж и продовольствие вдоль путей на восток. В хорошую погоду проводились смотры и учения дивизий. Полковники проверяли свои полки раз в три дня, капитаны роты ежедневно — поутру или вечером. Солдатам запретили отходить от табора дальше четверти мили, иначе они считались за беглых. Молебен начинался с 7 часов утра. По первому удару пушки все офицеры, рядовые и кони собирались в строй. Ежедневно менялись пароли и отзывы, служившие воспитанию: «Добро делай» — «Похвален будешь», «Что приказано» — «Управляй», «Благодарим Тебе» — «Боже», «Со Святым Духом» — «Уповаем»,

«Люди» — «Веселитеся», « Дай Боже» — «Добрые ведомости», «Санкт-Питербург» — «Кроншлот», «Киев» — «Первой», «С Богом» — «Начинаем» и т. п. Из-за «худобы мостов и грязей безмерных» на работу с кирками топорами и лопатами собирались на заре в 4 часа — мостить гати и строить мосты под «ломовые пушки» из бревен пустых изб и овинов. Инженер В.Д. Корчмин по указу царя построил три брандера в Смоленске и подготовил к закладке на двух верстах 200 «фугатов» — мин из пудовых бомб, заложенных в ящики и закопанных в землю. Маркитантам позволялось торговать всеми «съестными харчами», кроме водки. Каждая рота сама запасалась емкостью водки в три ведра, которую возили на одноколке, но до указа ее запрещалось трогать. С «великим поспешением» в Москве и других городах закупили «доброго, а не пухлого чеснока» и «денно и нощно» рассылали на ямских подводах для больных солдат. 29 июля у Горок в дивизии Шереметева (11 092 чел.) было больных 488; у Репнина (7 904 чел.) больных — 244; у Алларта (6 341 чел.) больных — 499[113].

Время после выхода шведской армии из Могилёва стало самым напряженным в полководческой деятельности Петра. Определить точно направление движения Карла XII и Левенгапута никак не удавалось. «Легкие партии» Меншикова, Боура и Пфлюга захватывали языков, но те не могли сказать ничего определенного. Еще меньше знали крестьяне. 2 августа Петр был почти уверен, что Левенгаупт соединится с Карлом 5 августа и придется иметь дело одновременно с обеими шведскими армиями. Шереметев в это время волновался, где брать провиант, если русская армия от Днепра и Смоленска двинется по следам неприятеля на Украину.

Тогда же царь приказал фельдмаршал-лейтенанту Г. Гольцу, Р.Х. Боуру, генерал-майору Н.Ю. Инфлянту и бригадиру А.Г. Волконскому «быть всегда в виду» армии короля, чтобы тот «не мог смело за нами иттить и сикурс Левенгауиту дать». Если же король пойдет к Смоленску, то царь предписывал сдерживать шведов «на пасах» и в лесистых местах, избегая больших открытых пространств, а там, «где натура не обороняет, укрепить ретранжементами».

Мазепе царь указал из Киева смещаться к востоку, так как Карл, перейдя Днепр, идет к Пропойску. Четыре драгунских полка Инфлянта Петр направлял к Стародубу, чтобы те уничтожали провиант, разрушали мосты, зарубали леса, отправляли жителей со скотом в лес и сдерживали на больших переправах наступающего врага. Царевич Алексей надзирал за укреплением Вязьмы и округи.

Всю армию привели в полную боевую готовность. В каждой роте по 30 человек не раздевались на ночь, спали при оружии и держали лошадей оседланными. На рассвете кони седлались все вдруг. Выпас лошадей и перевозка сена производились только в направлении на восток. Во всех

дивизиях каждому второму пикинеру раздали по пистолету. Маркитантам запретили торговать водкой. Собранный скот и лошадей распределяли поровну на каждый батальон. Больных солдат пересмотрели и на подводах с провожатыми отправили в Смоленск. Туда же священниками из деревень Смоленщины вывозились иконы и церковная утварь.

Движение шведов на восток от Днепра застопорилось. После победы у Головчина армия шла очень медленно и часто останавливалась. Не хватало фуража, белорусы перед шведами разбегались и возвращались только после их ухода. Явственным было утомление войск. Можно верить генерал-адъютанту Канэферу, который говорил, что «миру-де в войске у них все ж генералы гораздо желают».

Вооруженным силам России несколько раз приходилось отступать с запада перед превосходящими силами противника — в 1707–1708, 1812, 1914–1918, 1941–1942 гг. Отступление русской армии при Петре I было искуснее, чем в 1812 г. — считал российский профессор военной истории генерал Г.А. Леер (1829–1904.) Он был прав — законы войны «от каменного топора и до атомной бомбы» одинаковы : разложение пропагандой противника, сосредоточение превосходящих сил на главном направлении, охват флангов, удар по основным узлам сопротивления и т. п. Признавая разницу эпох, можно добавить, что отход 1707–1708 гг. был организованнее, чем в 1941 г. — управление войсками ни на минуту не терялось, противник ни разу не смог обогнать и окружить русских, шведам постоянно наносились локальные контрудары, в тылу заблаговременно наводились переправы через водные потоки, армию вторжения неоднократно и надолго задерживали и остановили ее далеко от жизненно важных районов страны.

После выхода 5 августа из Могилёва Карл направился не прямо на Смоленск, а на юго-восток, чтобы обойти русских под Чериковым. Шведская армия вброд перешла р. Ресту, Проню и Каменку и подошла к Черикову у р. Сож. В городе была перестрелка с небольшим русским отрядом, за которым по другую сторону моста через Сож стояла пушка и виднелось много войск. Мост был разрушен. Кавалерийские отряды под командованием Петра I, Ренне и Инфлянда поставили такой заслон, что король после перестрелки и двухдневного стояния не решился форсировать Сож у Черикова и свернул на север, в сторону Мстиславля, чтобы испробовать другой путь к Смоленску.

Армия Петра, перейдя на правый берег Сожа, обошла шведов и встала поперек за речками Черная Натопа и Белая Натопа (правых притоков Сожа) «рвать с пути» врага. Так русские постоянно оказывались перед армией короля.

28 августа Петр из своей ставки в с. Добром на левом берегу р. Белой Натопы выслал разведку, состоящую из двух эскадронов к р. Черной

Натопе, за которой всего в полумиле от «гоуптквартир» царя и Меншикова на несколько километров растянулся шведский лагерь. При появлении шведов эскадроны отошли назад и остановились на виду противника в кустарнике. Разведке удалось выяснить, что правое крыло шведов — 4 пехотных (Скараборгский, Енчёпингский, Вестерботенский, Нерке-Вермландский) и один Естгетский кавалерийский полк генерал-майора К.Г. Рууса — отдалились от основной армии короля на «малую четверть мили» (около 2,5 км)[114] и стояли у большого болота.

«Воинская дума» рискнула на дерзкую операцию — пройти две заболоченные, как у Головчина, речки и разбить отделившиеся полки неприятеля. Операцию поручили генерал-майору гвардии князю М.М. Голицыну. Подготовка к нападению 8 батальонов пехоты Голицына и 30 драгунских эскадронов генерал-лейтенанта Пфлюга началась с вечера 29 сентября. Солдаты, быстро связав из хвороста и соломы фашины и маты, подготовили нечто вроде моста. Голицын должен был напасть на Рууса с левого берега Черной Натопы, драгуны Пфлюга — с правого, т. е. с тыла.

В тот день к шведам перебежали несколько дезертиров, сообщивших, что царь находится на «становище» всего в миле от их позиции, но о предстоящей операции они не сообщили, видимо, не знали о ней. Зильтман, который был вхож в штаб-квартиру короля, полагал, что царь в то время со всей армией находится на несколько километров севернее, у д. Колтово, а у Доброго стоит только корпус в 20 тыс. чел. Тогда же Зильтман отметил, что утром 29 августа (9 сентября н.ст.) московский отряд пытался напасть на корпус генерал-майора К.Г. Рууса, но так как своевременно была поднята тревога, отряд был отбит. Первое нападение было принято за поиск и мер предосторожности Руус по непростительной беспечности не принял.

30 августа между 7 и 8 часами утра, когда солнце только вставало и в «густом чудовищном тумане» ничего не было видно, 8 батальонов, привязав к головам патронные сумы, пошли по импровизированному переходу или в стороне по грудь в болотной воде, к палаткам шведского лагеря. Неожиданная диверсия едва не завершилась полным разгромом почти пятитысячного корпуса генерал-майора К.Г. Рууса.

Шведские караулы постыдно прозевали русских. Первые залпы застали врасплох Енчёпингский полк барона Георга фон Бухвальда, который пытался быстро строиться между палатками. Бухвальд был почти сразу же ранен. Пастору А. Вестерману показалось, что в стремительном нападении участвовали 14 тыс. русских. Грохот выстрелов продолжался четверть часа. На помощь енчепингцам поспешил Вестготский полк. О ярости нападавших Нурсберг писал: *«Противник дерзко и варварски убивал и рубил наших людей, и до основания крушил их палатки и обоз»*. У шведов создалось впечатление, что началось всеобщее русское наступление.

Лютая схватка продолжалась два часа. Пали полковник Естгётского кавалерийского полка Нильс Русеншерна и много других офицеров. Кроме Бухвальда ранены граф Каспар Сперлинг, полковник Арвидсон и подполковник Альфспарре. Сверх того, как писал Адлерфельд, русские перебили 261 чел. рядовых и 750 чел. ранили.

Драгуны Пфлюга завязли в топях и не смогли ударить с тыла, чтобы поддержать атаку пехоты. На раскаты залпов примчался сам Карл XII с генералами и тремя драгунскими полками. Король приказал открыть мушкетный огонь и нанести обходной удар с фланга. Русской пехоте пришлось отступать, увязая в болоте. Отставших и завязших раненых шведы добивали прикладами или пристреливали[115]. Голицын, захватив несколько пленных и 6 знамен, ретировался через трясину, или как радостно потом записали: «5 полков атаковал и по упрямом полуторачасовом бою победительно низвергнул и разорил и 6 знамен взял».

Раненые вынесли через речки и болота почти все свое оружие. Король же за храбрость наградил сотней талеров солдата, который метнулся в болото и вырвал шведское знамя у русского офицера.

Смелая атака у с. Доброго подтвердила новую оценку русской боеспособности — теперь шведы поставили ее на уровень саксонской. 1 сентября 1708 г. Д. Джеффрис отметил: *«Ныне шведы признают, что московиты намного лучше выучили их уроки, чем раньше после битв при Нарве и Фрауштадте. Они сравнялись, если не превзошли саксонцев как по дисциплине, так и по доблести. Хотя их конница не способна справиться с нашей, но их пехота держится стойко на своих позициях и ее трудно рассеять или привести в конфузию, если только не атаковать с мечом в руке. Тем не менее, более, чем вероятно, они не рискнут на битву с нами, но будут стремиться налетами и лишением нас продовольствия разложить нашу армию… По истине я думаю, что они хотят изгнать нас не оружием, но голодом»*[116].

Петр был рад, как в двухчасовом огне *«сей танец в очах горячего Карлуса изрядно станцовали»*. Он писал: *«Больше всех попотел наш* (Преображенский) *полк»*. Действительно, из 648 участвовавших в бою преображенцев было убито, ранено и пропало без вести две трети — 438 чел., невредимыми вернулись только 210 солдат. Раненым вернулся и будущий герой Полтавской битвы бригадир Савва Айгустов. Общие потери были точно подсчитаны: 375 убитых, 1 191 раненых[117]. Князь Голицын за «мужественную в лице всей неприятельской армии акцию» был награжден орденом Св. Андрея Первозванного. Каролинцы, Адлерфельд и шведская историография записали бой у Доброго (Молятичей) в список шведских побед. Но русское командование справедливо считало его своим успехом и вечером 30 числа шведы видели, как в лагере противника было запущено около 40 ракет. Для обмана ночью король приказал разжечь костры и по-

шел в обход длинным крюком к русской стоянке[118]. Однако военная хитрость не удалась — к ночи 30 августа русская армия ушла к Мстиславлю и Мигновичам. Молебен и салют совершался потом и в Смоленске[119].

После неожиданных и болезненных потерь в бою при Добром шведское командование стало осторожнее квартировать свои войска. Только 3 (4) сентября шведы перебрались через реки Черную Натопу и Белую Натопу и, пройдя совсем немного, остановились у д. Воловники. 17 километров от Молятичей до Быковичей шведы прошли за 6 дней (в среднем по 2,8 км в день!.) Казаки, оставленные за русским арьергардом, постоянно наскакивали на неприятеля.

Последний рывок короля на север к Смоленску давался с неимоверным трудом. Приходилось идти по сплошь дымящейся равнине — Меншиков палил уже не только белорусскую, но и русскую землю, упреждая врага. *«Неприятель за нами следовал, пред которым наша кавалерия по деревням провиант и на полях стоячий хлеб и строение всякое жгли для оголожения неприятеля и чтоб не было оному пристанища»*[120].

8 сентября царь писал А.Д. Меншикову: *«...сей пас недоброй ситуации: людей по деревням скота и хлеба зело много, и для отдаления лесов нейдут; и для того мы с нуждою оных высылаем, а достальное берем. А жечь оставляем вам. Зело прошу: извольте гораздо о том око иметь и крепко приказать, чтоб все при отступлении пожечь, понеже зело много»*[121]. Сплошные пожарища вокруг армии вторжения давали знать, что путь на Москву будет перекрыт огнем — царь избавлял свою столицу от осады и пожара, который постиг Первопрестольную при нашествии Наполеона 2–8 сентября 1812 г.

Всего месяц прошел после «Могилёвского отдыха», но шведы уже почти голодали. Ручные жернова пришлось бросить и вместо хлеба питаться вареной рожью, капустой и репой без соли[122]. От Могилёва и до Полтавы денежное жалованье не выдавалось[123]. Постоянные нападения казаков и калмыков держали всех в постоянном напряжении. У отступающей же армии все было в избытке.

1–3 (12–14 сентября н.ст.) Зильтман записал:

«12 сентября. По восстановленному... мосту перешла штаб-квартира, а вся армия расположилась у д. Воловники в три линии. Во время этого перехода калмыки нападали на некоторые полки и убили несколько рядовых солдат и лошадей.

13. Вся армия стояла на месте и весь день ее тревожили калмыки.

14. Армия шла опять до д. Быковичи, там от московских дезертиров и других людей получили точное известие, что царь со всей армией после своей атаки у Молятичей и мнимого наступления 10 сентября, отправился против генерала Левенгаупта. Русская армия отходила под прикрытием 4 тысяч казаков и калмыков».

Скромные веточки, воткнутые в головах и ногах могил, отмечали места погребений шведских солдат. Рядовых опускали в ямы, выстланные зеленью, драбантам сбивали гробы из случайных досок. Пасторы пели псалмы и читали над ними стих «Прах ты и во прах обратишься». Всем, даже королю, становилось ясно, что путь к Москве невозможен.

Утром 7 сентября генерал-майор И.Л. Микуш с 2 тыс. драгун, а также с казаками и калмыками (такой же, возможно, численности), неожиданно напал с левого фланга на шведский авангард, сбил и «помешал» полки генерал-майора Ю.А. Мейерфельта у д. Бель (в 26 км к северо-западу от Мстиславля.) Р.Х. Боур не подоспел тогда к месту сражения из-за сложных переправ и написал знаменательные слова: **«и стоим мы** топерь на поле от той деревни Бельи **в близости, в виду друг от друга»**[124]. Царь Петр преувеличил потери противника в «потребе», в которой королю был «учинен великий убыток» и два полка было «разрушено»: *«неприятельских людей положено с триста человек, да больше того ранено»*. Однако значение «счастливой партии» было указано верно: **«неприятель... не знает, что ему делать»**[125]. Адлерфельд, преувеличив силы русской конницы до 7 тыс., написал, что два полка Альбедюля и Ельма отбросили и загнали конницу противника в болото, где погибло якобы 250 русских драгун, пять сотен прочих (нерегулярных?) и отбита часть лошадей. Со шведской стороны погиб корнет, 22 рядовых и около 50 человек было ранено[126]. Три шведа были пленены.

Более детальные заметки об этом бое оставил Зильтман. Карл получил сведения от захваченных валахами пленных, что царь с армией якобы расположился при Мигновичах, а генерал Ренне стоит в полумиле у другой деревни с отрядом из 7 полков. Увидев движение шведской армии, он послал генерал-майора барона И.Л. фон Микуша с четырьмя тысячами всадников, вслед за которым, (судя по сведениям, полученным позже от русского пленного майора) должен был напасть на шведский арьергард Боур с 10 тыс. человек. Конница Микуша атаковала обоз полковника Ельма, но была отброшена. У шведов были убиты корнет и около 20 рядовых, а несколько капитанов, офицеров и рядовых ранены. Микуш потерял убитыми 150 чел., среди которых был один подполковник[127].

Новый удар — на сей раз от Боура — постиг короля и его армию 9 сентября, когда она двигалась к российской границе (к Татарску и Мигновичам) и вышла на открытое место к р. Вихра у д. Раевка (примерно в 7 км к югу от Мигновичей.) В то время Кадино, Кривели, Татарск, Старыши, Бель, Малейково, Раевка включались в Великое княжество Литовское. Северо-восточнее, за реками Городня и Вихра, селения Андрусово, Мигновичи и др. были уже российскими, и шведы знали, что подходят к русской границе.

Здесь, у Раевки, король бросил командование и, ввязавшись в бой рядовым офицером, едва не погиб. Схватка была опаснейшей в жизни

Карла XII за все 8 лет Северной войны и запечатлелась не только в голове короля, но и в большинстве дневников и мемуаров каролинцев.

9 сентября шведская армия поднялась из лагеря у д. Бель и пошла на северо-восток к русской границе несколькими колоннами по открытым полям.

Боур принял решение напасть на шведов на марше. Он лично провел разведку, приказал казакам и калмыкам тревожить и «держать в огне» неприятеля, а Микушу следовать и угрожать его левому флангу. Справа вдали шведскую колонну «сопровождал» Ренне. Когда к «малой и неудобной переправе» приблизились около тысячи шведов и валахов, Боур послал в атаку казаков и калмыков, потом тысячу конников полковника Мореля, а потом подполковника фон Крештора с 300 людьми. К шведам подходили свежие силы, и Боур послал в бой еще тысячу драгун генерал-майора кн. Г.С. Волконского. Когда к шведам подоспели еще пехотные части и конница, Боур послал с правого фланга Микуша и полковника Леонтьева, которые трижды сбивали и останавливали противника. *«И было во время бою огня часа з два. На том бою был король с конницею и пехотою, и подошла чють не вся армея. И я с достальными людьми выручал».* — сообщал Боур царю 10 сентября[128]. Под прикрытием дыма от мушкетного огня казаки и калмыки наскакивали на фланги и кололи пиками шведов.

Как писал Адлерфельд, король бросился в атаку во главе Естгетского конного полка против 70 русских эскадронов, отделился от своих и был окружен со всех сторон. Коня короля подстрелили, Карл очутился на земле в отчаянном положении. К счастью для него, дым от выстрелов был таким плотным, что он остался неузнанным. Устремившиеся к нему генерал-адъютанты Тюре Хорд и Карл Густав Русеншерна были уничтожены. Денщик, собиравшийся дать королю другую лошадь, был убит вместе с ней. Королю грозила либо смерть, либо плен. В это время внимание на себя отвлек принц Максимилиан Вюртембергский, который галопом помчался на русских. Король вскочил на ноги и что есть мочи долго бежал назад в своих огромных ботфортах, пока не схватил коня без всадника, и так выскочил из передряги.

Вот ценное описание Нурсберга: *«Деревня Раевка... стояла отдельно в полумиле от русской или смоленской границы на большом ровном поле в так называемой Белой России, между Смоленском и Литвой. Входил этот район вместе с жителями во владения короля польского. На этом-то поле Его Королевское Величество встретился с московитами, которые раскинули лагерь на 60 000 человек чуть выше деревни. Как только противник заметил шведов, он тут же выступил и прошел несколько в стороне от нас дальше на поле, показывая, что решился на генеральное сражение.*

Его Королевское Величество, как и все его соратники, высокого и низкого звания, от бесстрашия сердца, возрадовались, что московиты твердо собрались стоять и не отступать. Об этом также как все, думали и солдаты Его Королевского Величества, желая, с помощью и благословением господа, драться до тех пор, пока в их телах теплится жизнь и останется хоть капля крови в жилах. Его Королевское Величество полным карьером со всей кавалерией ринулся на левый фланг противника и остановился на высоком песчаном холме, чтобы пехота успела подойти ближе. Потом Его Величество приказал всей кавалерии стоять, а сам с 2 полками конницы промчался во весь опор примерно четверть пути и атаковал правый фланг врага в топком болоте, поросшем мелким кустарником. К несчастью, в первой же стычке лошадь под Его Королевским Величеством была подстрелена, но, слава Богу, он не был задет. Но двое генерал-адъютантов, именем Русеншерна и Тюре Хорд, были убиты прямо под боком у Его Величества. Вместо своей лошади Его Величество тут же схватил лошадь Русеншерны, на которой с большим риском для жизни, смог уйти к своим войскам. Так как противник со всех сторон окружил Его Величество и его людей, они никуда не могли уйти до тех пор, пока вся наша кавалерия не пришла им на помощь. Тогда враги отошли за овраг или ров, а затем отступили к Смоленску. Так и на сей раз мы не сошлись в настоящем сражении, потому что московиты не сдержали слова, что будут стоять. Сразу же, как ушел противник, Его Королевское Величество убедился, что тот оставил за собой путь совершенно разоренным, и теперь на марше за ним, мы терпели большой голод во время ежедневных переходов. Неприятель перед нами все разорял и забирал как из городов, так и из деревень, так что ничегошеньки не оставалось, что могло бы сгодиться в пищу, кроме того, что мы, с Божьей помощью, находили под землей в ямах, которые были наполнены зерном и другим съестным».

В описании Зильтмана бой у Раевки выглядел так: *«9(20) сентября после неполной мили марша Его Королевское Величество узнал, что неприятель расположился на открытом месте примерно с 8 тысячами кавалерии, а неподалеку стоит все московское войско. Король приказал армии идти вперед, атаковал противника несколькими полками и отбросил его. Так как короля поддержал фельдмаршал с кавалерией, то оба они с полмили преследовали неприятеля, пока не задержались у одной деревни, закрепившись там. В связи с тем, что пехота отстала, король, чтобы не быть снова отрезанным, отошел со своими войсками назад и расположился на ночь в поле. Фуража совсем не было. Я постоянно находился при фельдмаршале во время акций и атак. У шведов было убито 2 генерал-адъютанта-Хорд и Русеншерна, а также ротмистр. 10 (21) сентября армия короля из-за Боура не смогла проводить фуражировку к северо-западу от д. Кривели».*

После боя противники встали по разным берегам «на малой переправе» (у р. Мертва?) на расстоянии пистолетного выстрела, недалеко от пограничной «русско-литовской» речки Вихры. Вопреки своей обычной тактике Карл XII не нападал. *«И король стоял по той стороне переправы с полчаса, а я по сей стороне. И строил король своих, а я своих людей. И друг на друга войско смотрело и стояли столь близко, что можно по друге палить из пистолета, а стрельбы не было... А побито во время оного бою неприятельских людей против наших есть втрое»*[29]. Под конец Боур стрелял из своих пушек до самого позднего вечера, когда неприятель отступил назад в свой лагерь. Боур не преминул указать, что в сражении против короля поле боя, на котором он ночевал, осталось за ним. Трофеями русских оказались два штандарта, литавры, один ротмистр и несколько десятков рядовых[130].

Затем противники разошлись — шведы к Раевке, Боур — к Кадину (Старому Кадину.) Успешный бой конницы Боура против Карла иРеншельда у Раевки был знаковым — **«неприятель перво пехотою своею, потом и ковалериею ночью зело скоро марш свой восприял назад»**[131].

Если в Польше Карл «увяз», то на востоке он «утонул в океане земли» (А.А. Свечин.) Личное потрясение, пережитое под Раевкой, пожарища и столбы дыма уже над русскими деревнями, болезненные удары, нанесенные русской армией один за другим 30 августа, 7 и 9 сентября, свидетельствовали, что подобное будет продолжаться и дальше. Казаки не переставали нападать на шведские посты и фуражиров, днем и ночью солдаты стояли под ружьем. Изнурение, страх холодов, которые могут лишить даже «плодов из-под земли», приводили в отчаяние. Реншельд полагал, что путь через Смоленск невозможен. Воля Карла была бессильна против голода, бочонки с тысячами саксонских талеров были бесполезны. «Я боюсь, что вместо грозной армии, Его Величество приведет в Россию толпы заморенных доходяг», — безнадежно записал Джеффрис 11 сентября[132]. 10(11) сентября Карл не стал пересекать пограничные реки Вихра и Городня и завернул на северо-запад — вдоль русской границы к Старишам. Там, в самой северной точке своего маршрута он стоял вплоть до 13 сентября. Генерал-адъютантов Т. Хорда и К.Г. Русеншерну, спасших Карла от смерти, хоронило все командование. Погребение проходило в присутствии короля, который стоял у могилы отдельно от всех.

Таким образом, к сентябрю 1708 г. русская «стратегия отложенной победы» одержала верх над шведской. **Отпор при Раевке 9 сентября 1708 г. и тактика опустошения земли закончили «Русский поход» короля**. Шведская армия выдохлась. *«Король шведской, видя изнеможение сил своих и не имея надежды... победу получити, ...у Смоленского рубежа принужден был воротится, не вступя во оные»*[133].

Шведскому командованию пришлось рассматривать другие варианты войны. К. Пипер считал необходимым ждать корпус Левенгаупта или даже

пойти к нему навстречу, чтобы потом с его военными и продовольственными запасами продолжить марш на Москву хотя бы и по опустошенной земле. Был вариант повернуть к северу — к Западной Двине, по которой можно было получить провизию и рекрутов и дождаться Левенгаупта. Если сворачивать на Украину — вся русская армия обрушится на Левенгаупта. Другие полагали, что Мазепа предоставит 20 тыс. казаков с резвыми конями, готовых свергнуть «русское иго» и воспрепятствать опустошению; в случае успешной битвы они так «прижмут», что враг «костей не соберет». Нападать же на храброго Левенгаупта с его отличной курляндской армией русские вряд ли осмелятся[134].

Оба варианта были авантюрными. На пути в четыре сотни километров до Москвы шведов ждали засеки, валы и рвы, хорошо укрепленные города-крепости, и начинала гореть русская земля. На Гетманщине — большинство крестьянства и казачества было на стороне православного царя.

Карл XII не был плохим стратегом, но выиграла стратегия Петра I. Ночью 14 сентября король, находясь в безвыходном положении, вынужден был принять судьбоносное решение — откатываться на юг к Мазепе. **Так, Петр Великий, одержав победу в «белорусской кампании», не допустил лучшую армию Европы до государственных границ России и заставил Карла XII отказаться от наступления на Москву**.

Примечания к главе III

[1] Gedanken von einem merkwürdigen Träume des glorwürdigsten Königs Gustavi Adolfi aus Sweden... und numehr guten Theils bereits seine Erfüllung unter dem sieghaften König Carl dem XII ten erhalten. S. l. Anno 1708. Den 1. September. С. 11, 13–14.

[2] Цит. по: *Григорьев Б.Н.* Карл XII... С. 227.

[3] ППВ. Т. 5. № 1553.

[4] Цит. по: *Григорьев Б.Н.* Карл XII... С. 224, 226.

[5] *Горяинов С.М.* Записки сподвижника Карла XII (К истории Северной войны) // Журнал русского военно-исторического общества. СПб., 1910. Кн. 2. С. 43; *Томашивський С.* Причинки до Історії Мазепинщини. Львів, 1910. С. 6; *Григорьев Б.Н.* Карл XII. С. 227.

[6] *Бушкович П.* Петр Великий. Борьба за власть (1671–1725.) СПб., 2008. С. 263–265.

[7] Султану Ахмеду III донцы сообщали, чтоб он не верил великому государю в мирном состоянии, «потому что он... готовит корабли и каторги и иные воинские суды и всякой воинской снаряд» // РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 218 об. — 219 об.

[8] Таким было мнение фельдмаршала Г.Б. Огильви. *Марченко М.И.* Генерал-фельдмаршал барон Огильвий (1704–1706) // Военный сборник. 1900. № 9, 10. С. 40, 258.

[9] *Bonac J.L.* Mémoires du marquis de Bonac sur les affaire du Nord de 1700 a 1710 // Revue d'histoire diplomatique. Paris, 1889. № 1. P. 94.

[10] *Кротов П.А.* Битва при Полтаве. К 300-летней годовщине. СПб., 2009. С. 29.

[11] *Абдуллаева Г.* Малоизвестная рукопись Давида Лехно // Avdet. (Крым.) 2009. 10 сентября.

[12] ППВ. Т. 6. № 1849.

[13] *Jeffreyes J.* Captain James Jeffreyes's Letters to the Secretary of State, Whitehall, from the Swedish Army 1707–1709. Historiska handlingar. Stockholm, 1953. № 35/1. S. 83.

[14] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 558–563 об.

[15] *Горяинов С.М.* С. Записки сподвижника Карла XII. С. 43; *Томашивський С.* Причинки до Історії Мазепинщини. С. 6.

[16] Подметное воззвание Левенгаупта 1708 г. // Русская старина. 1876. Т. 16. С. 172–173. Одно из таких воззваний было подписано однофамильцем А.Л. Левенгаупта — графом Карлом Эмилем Левенгауптом (1691–1728), служившим тогда в Голландии волонтером в полку Спарре, и распространялось отпущенными из шведского плена лазутчиками.

[17] ППВ. Т. 7. № 2271 и прим.

[18] Инструкция С. Понятовскому 18 сентября 1708 г. ТИРВИО. Т. 1. С. 201–203.

[19] Судя по доношению прусского посла И.Г. Кайзерлинга, Петр отвечал, что «Шереметев оказал ему так много важных услуг, что было бы очень опасно дискредитировать такого человека, который пользуется большим доверием у всего народа». *Бушкович П.* Петр Великий. С. 270–271.

[20] *Wernstedt F.* Bidrag till kännedomen om den svenska huvudarmens styrka under fälttåget mot Ryssland // KFÅ. 1931. S. 77; *Waller S.M.* Den svenska huvudarmens styrka år 1707 // KFÅ. 1957. S. 111.

[21] Проповедь М. Энемана 5 (16) августа 1709 г. под Бендерами. *Krman D.* Itinerarium. Cestovny dennik. Bratislava, 1984. S. 133–134

[22] *Энглунд П.* Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 39–40.

[23] *Gyllenstierna N.* Nils Gyllenstiernas berättelse... S. 48–49.

[24] Взятый под суд, он подкупил часовых и 4 февраля 1708 г. бежал к противнику, пытался поступить на службу в шведскую армию, получил отказ, но остался при ней волонтером. Под Полтавой был ранен, пленен и после нового суда расстрелян 16 июля 1709 г. в Решетиловке // ППВ. Т. 8. С. 1069–1070; *Jeffreyes J.* Captain James Jeffreyes's Letters. S. 38.; *Weihe Fr. Chr.* Löjtnanten Fr. Chr. von Weihes dagbok 1708–1712 // Historiska handlingar. Stockholm 1902. Del 19. N1. S. 75.

[25] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 7. Л. 1010 и 1000 об.

[26] РГАДА. Ф. 9. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 337 и об. Тот же А. Лит пересылал обнадеживающие сообщения: «Ис Польши имеем подлинную ведомость, что швецкое войско утеклецами много претерпело, и то болшая часть учинилось, страшась злого трактаменту в случае пленения. И офицеры из войска весма сами х королю приходили и просили, дабы он с Москвою картель учинил, инако же не

возмогли б они служить. Сие смятение толь сильно было, что для престережения ис того опасаемого происхождения принужденны при пароле их обнадежить, что король будет о картеле у его Царского величества трудитися, дабы оной одержать». Там же. Л. 403.

[27] *Артамонов В.А.* Русско-польский союз в кампании 1708–1709 годов // Советское славяноведение. 1972. № 4. С. 50.

[28] Ч. Витворт — Д. Бойлю 17 сентября 1708 г. // Сб. РИО. Т. 50. С. 458.

[29] Например, в Жемайтии в январе 1708 г. стояли: Преображенский полк — 2602 чел., солдаты полковника М.Б. Шереметева — 284, драгуны Фастмана и Мусина полков — 1931, генерала Репнина и Гассениуса пехотные полки — 1560, бригадира Шидловского черкас, казаков, и калмык — 1800, донских казаков во всех дивизиях — 2690, яицких и терских — 516, польских офицеров, товарищества и почтовых под командой полковника Незабидовского — 300, волошских всадников подполковника Билиуша — 426, польских и волошских воинов, которых привел Лодыженский — 169. Всего в солдатских полках — 4446, в драгунских — 1931, нерегулярных 5901. Итого 11468 чел. — А.И. Репнин — Петру I из Кейдан 11 января 1708 г. — «Реестр, что царских войск по 1 января 1708 г. на Жмудах и тех польских хоронгвей, которые вышли от Вишневецкого и присягнули, что всегда будут при войсках царя под командой Огинского» // РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 7. Л. 1007 и об.

[30] *Adlerfeld G.* Leben Karls des Zwölften. T. 3. S. 88.

[31] И.Х. Урбих — Петру I в апреле 1708 г. — РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 437 и об.

[32] *СокуровВ. Н.* Канжальская битва 1708 г. и ее отражение в кабардинском фольклоре // Актуальные вопросы кабардино-балкарского литературоведения и фольклористики. Нальчик, 1986.

[33] ППВ. Т. 7. С. 829–831.

[34] ППВ Т. 5. № 1490.

[35] ППВ. 7. С. 55, 62.

[36] ППВ. Т. 7. С. 245; *Чичерин А.К.* История Лейб-гвардии Преображенского полка 1683–1883. СПб., 1883. Т. 1. С. 210–211; *Леер Г.А.* Петр Великий как полководец // Военный сборник. 1865. № 3. С. 17.

[37] *Заремский В.К.* Северная война и зарождение военно-полевой почты в России // Северная война 1700–1721 гг. и исторические судьбы Европы. К 300-летию со дня битвы при д. Лесная. Могилёв, 2008. С. 158.

[38] ППВ. Т. 5. № 1681.

[39] ПСЗРИ. Т. 4. С. 380–381; Записки русских людей. СПб., 1841. С. 107. Эти валы и бастионы были срыты лишь в начале XIX в.

[40] Донесение О. Плейера от 26 мая 1707 г. *Клокман Ю.Р.* Неизданный том «Истории царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова // Полтава. М., 1959. С. 319. Тот же Плейер сообщал, что в Москве образовалась партия сторонников царевича Алексея против любимцев царя, что купцы покидают Москву, что хо-

дят слухи о контактах шведов с Мазепой. *Aberg A.* Karolinerna och ósterlandet. Stockholm, 1967. S. 13–14.

[41] РГАДА. Ф. 17. Оп. l. Д. 91 доп. Л. 238, 277; *Ласковский Ф.Ф.* Материалы для истории инженерного искусства в России. Опыт исследования инженерного искусства в царствование императора Петра Великого. СПб., 1861. Ч. 2. С. 538.

[42] Петр I — обер-коменданту Петербурга генерал-майору Р.В. Брюсу 25 января 1708 // ППВ Т. 7. № 2189. См. также: *Славнитский. Н.Р.* Система обороны (крепости) северо-западных рубежей России в первой четверти XVIII века. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.

[43] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л.. 631.

[44] Петр I — смоленскому воеводе П.С. Салтыкову 12 июля 1708 г. — ППВ. Т. 8. № 2480.

[45] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 7. Л. 1197.

[46] ППВ. Т. 8. С. 457–458.

[47] Петр I. А.Д. Меншикову и Ф.М. Апраксину из Вильно 3 февраля 1708 г. — ППВ. Т. 7. № 2232.

[48] Киевский воевода Д.М. Голицын — Г.И. Головкину из Киева 23 июня 1708 г. — РГАДА. Ф. 160. Письма и прошения на рус. яз. 1708. Д. 23. Л. 204–205.

[49] «И понеже ваша милость можете знать, что войско малороссийское не регулярное и в поле против неприятеля стать не может, того для советую вам довольное число лопаток и заступов велеть взять с собою, також и добрую полковую артиллерию, дабы возможно у Днепра (ежели неприятель будет) в удобных местах шанцами или окопами укрепитца и тем возбранить неприятелю ход в свою землю. Також дабы и в украиных городех от польского рубежа добрую осторожность иметь и палисадами и протчим укрепить», — писал Петр I Мазепе 24 января 1707 // ППВ. Т. 5. № 1532. Однако Мазепа прислал всего 200 человек и в работниках «упинался», — сообщал Д.М. Голицын 23 июня 1708 г. // РГАДА. Ф. 160. Письма и прошения на рус. языке 1708. Д. 23. Л. 204–295. См. также: СВ. Т. I. С. 306.

[50] Грамота 12 июля 1708 г. из Посольской канцелярии. архангельскому воеводе стольнику П.А. Голицыну. — ППВ. Т. 8. С. 445–446.

[51] ППВ. Т. 7. С. 68. Главная шведская армия задержалась в Радошковичах до июня 1708 г.

[52] «Изображение о состоянии нынешней войны против шведа к предбудущему 1708 году» // Масловский Д.Ф. Материалы к истории военного искусства в России. М., 1889. Вып. 1. С. 1–4.

[53] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 1228–1230.

[54] Сообщение 16 января 1708 г. немца-капитана Преображенского полка, посылавшегося для разведки в Польшу // РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 7. Л. 1010 об.

[55] РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. 1707. Л. 146.

[56] ППВ. Т. **4. №** 1376.

[57] Б.П. Шереметев — Петру I 3 июня 1708 г. из Витебска // ППВ. Т. 7. С. 894.

[58] См. мнение двух последних на военном совете 13 февраля 1708 г. // РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91 доп. Л. 13–14. См. также: *Подъяпольская Е.П.* Военные советы 1708–1709 гг // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сб. статей. М., 1959. С. 115.

[59] ППВ. Т. 7. № 2260.

[60] *Arfwidsson F.* Försvaret av Ostersjöprovinserna 1708–1710. Gefle, 1936. S. 11–12.

[61] *Jeffreyes J.* Captain James Jeffreyes's Letters. S. 46.

[62] ППВ. Т. 3. С. 192, 362, 383.

[63] Сенявский уверял, что ожидает Августа в конце июля. Как только придет подмога от Мазепы, ее поставят над Бугом против великого коронного гетмана Ю. Потоцкого, если тот пойдет на Волынь. Гетманы же сандомирской конфедерации двинутся на гарнизоны шведов в Познани и Торне, чтобы вместе с саксонцами выбить всех оккупантов из Польши. Е.И. Украинцев — Петру I 2 мая 1708 г. из Ярослава // РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 591.

[64] ППВ. Т. 8. С. 500–502.

[65] Находится в РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 500 и др. См. также: Фонд. Сношения со Швецией. 1708. Д. 8. Л. 46–95. Опубликовано в кн.: *Мышлаевский А.З.* Северная война 1708 г. От р. Уллы и Березины за р. Днепр. СПб., 1901. Приложение 36.

[66] Б.П. Шереметев — Петру 123 мая 1708 г. // РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 82–84 об., 1139 и др.

[67] Хроника Сурты и Трубницкого. (Могилёвская хроника) // Полное собрание русских летописей. М., 1980. Т. 35. С. 274, 276.

[68] *Пашкевіч У.І.* Адлюстраванне падзей Пауночнай вайны у актавых книгах Аршанскага гродскага суда // Северная война 1700–1721 гг. и исторические судьбы Европы. К 300-летию со дня битвы при д. Лесная. Могилёв, 2008. С. 210–211.

[69] Г. Штаден писал, что «как только великий князь [Иван Грозный] убеждается, что войско польского короля сильнее его войска, он приказывает тотчас же выжечь все на несколько миль пути, дабы королевское войско не могло получить ни провианта, ни фуража». Штаден Г. Записки немца-опричника. М., 2002. С. 17.

[70] «А больных де у них в войске гораздо много и в гвардии человек с триста от того, что пьют все воду, а пива не имеют, от чего припал кровавый понос». Допрос генерал-адъютанта М. Канифера (ранее 1 августа) // РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 1120. Опубликовано: СВ. Т. 1. С. 381–383. «Дезентерией, этой тяжкой и опасной болезнью мучился не только я, но, почитай, бесчисленное множество страдальцев [в армии]. Недалеко от лагеря находились ямы, которые выкапывались на каждой стоянке. Они прикрывались 2–3 зелеными ветками, и оттуда несло невыносимым смрадом и треском из наших достойных жалости утроб», — писал восторженный почитатель шведской «всепобеждающей военной силы» и «Ахилла»-Карла XII, как отважного крестоносца евангелистов мира, епископ Д. Крман. *Krman D.* Itinerarium. Cestovny dennik z rokov 1708–1709. Bratislawa, 1984. S. 52–53.

[71] ППВ. Т. 7. С. 858–860.

[72] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 504–506 об.

[73] ППВ. Т. 7. С. 507–509.

[74] *Мышлаевский А.З.* Северная война 1708 г. Прилож. С. 53–54.

[75] *Adlerfeld G.* Т. 3. S. 97–98.

[76] РГВИА. Ф. ВУА № 1445. Л. 4. «Акция у берега р. Бабич».

[77] ППВ. Т. 8. С. 429–430.

[78] *Anusik Z.* Karol XII. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 2006. S. 161–162.

[79] ТИРВИО. Т. 1. С. 156.

[80] ТИРВИО. Т. 1. С. 173; РГВИА. Ф. ВУА. № 1445. Л. 4. «Акция у берега р. Бабич». Описание позиции шведами см.: *Cederhielm J.* Sekretaren vid Carl XII. S. 87; J.M. Nordbergs dagbok. KKD. T. 3. S. 195; *Adlerfeld G.* Leben. T. 3. S. 97.

[81] *Мышлаевский А.З.* Северная война. Летняя кампания 1708 г. // Военный сборник. СПб., 1901. № 12. С. 4–5.

[82] На шведской карте-схеме центр Репнина ошибочно показан на левом фланге, а драгуны Гольца помещены в центре // РГВИА. Ф. ВУА. Оп. 1. № 1445. Л. 4; J.M. Norsberghs dagbok. KKD. T. 3. S. 195; *Cederhielm J.* Sekretaren vid Carl XII. S. 84.

[83] ТИРВИО. Т. 1. С. 164.

[84] *Гудим-Левкович П.К.* Очерк исторического развития вооруженных сил России до 1708 г. с критическим разбором кампании 1708 г. // Военный сборник. СПб., 1876. № 4. С. 244.

[85] Материалы судебного слушания дела А.И. Репнина // ТИРВИО. Т. 1. С. 66.

[86] *Cederhielm J.* Sekretaren vid Carl XII… S. 77.

[87] *Bardili J.W.* Des Weyland… S. 394.

[88] *Jeffreyes J.* Captain James Jeffreyes's Letters. S. 51.

[89] *Cederhielm J.* Sekretaren vid Carl XII. T. 6. S. 86.

[90] *Bardili J.W.* Des Weyland. S. 394–395.

[91] *Гилленкрок А.* Современное сказание. С. 32; *Adlerfeld G.* Leben. T. 3. S. 100, 103.

[92] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 10. Л. 714–717 об.

[93] Показания шведского дезертира Неймана17 сентября 1708 г. // ТИРВИО. Т. 1. С. 150.

[94] *Siltmann D.N.* «Volontären» vid Svenska armen preussiske öfverstlöjtnanten baron D.N. v. Siltmanns dagbok 1708–1709 // Karolinska krigares dagböcker. Lund, 1907. T. 3. S. 257.

[95] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 734.

[96] *Westerman A.* Själfbiografiska anteckningar af Anders Westerman // KKD. T. 7. Lund, 1912. S. 284.

[97] Гудима-Левкович П.К. Очерк исторического развития // Военный сборник. 1876. № 4. С. 242; Сб. РИО. Т. 50. С. 27; Сб. ВИМ. Вып. 1. С. 327.

[98] G. Adlerfeld. Leben… T. 3. S. 104–105.

[99] ТИРВИО. Т. 1. С. 172–173; Ч. Витворт — Д. Бойлю И августа 1708 г. // Сб. РИО. Т. 50. С. 22.

[100] ППВ. Т. 8. С. 443. Поисковые экспедиции из США и Швеции на Поле Полтавской битвы в 2007 г. нашли осуждавшиеся современниками шведские пули со смещенным центром тяжести. Недавно в Швеции был проведен показательный эксперимент: такие пули, выстреленные из фузеи XVII–XVIII вв., разнесли вдребезги деревянную колоду и свинцовую болванку. Полтавський вкник. 2007. 29 червня. № 26. С. 22.

[101] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 509–510 об.

[102] *Cederhielm J.* Sekretaren vid Carl XII… S. 87–88.

[103] *Jeffreyes J.* Captain James Jeffreyes's Letters… S. 53.

[104] ТИРВИО. Т. 1. С. 242–245; ППВ Т. 8. С. 432–433.

[105] *Westerman A.* Självbiografiska anteckningar…. S. 284.

[106] Приговор суда над А.И. Репниным от 5 августа // ППВ. Т. 8. С. 533–535. Вслед за этим пошли слухи, что Репнин и Меншиков стали рядовыми солдатами и носят пики. ТИРВИО. Т. 1. С. 219, 225.

[107] Гудима-Левкович П.К. Очерк… С. 242, 244..

[108] ППВ. Т. 8 С. 16, 58; Павленко Н.И. Птенцы гнезда Петрова. 1984. С. 69; Мышлаевский А.З. Северная война. Летняя кампания 1708 г. // Военный сборник. 1901. № 12. С. 178. Судебное дело над г. Гольцем. см.: РГАДА. Ф. 96. Сношения со Швецией. 1708. Д. 9. Л. 1–78.

[109] ППВ. Т. 8. С. 16. Написанные Петром «Правила сражения» относятся к битве при Лесной, но не к головчинскому сражению. Об этом см. ППВ. Т. 8. С. 426.

[110] *Jeffreyes J.* Captain James Jeffreyes's Letters… S. 57.

[111] *Blome A.* Das deutsche Russlandbild… S. 112.

[112] Сб. РИО. Т. 50. С. 45.

[113] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. ЬСн. 8. Л. 749. В Шведской армии больных было гораздо больше.

[114] ППВ. Т. 8. С. 106.

[115] *Adlerfeld G.* T. 3. S. 117.

[116] *Jeffreyes J.* Captain James Jeffreyes's Letters., S. 59.

[117] ППВ. Т. 8. С. 106–107, 109. Как всегда скрупулезно было подсчитано, сколько пропало оружия с убитыми и что не вынесли раненые, его было не так много: 155 фузей, 152 штыка, 40 пистолетов, 22 сумы гренадерские, 116 лядунок, 122 перевязи, 11 чушек, 116 погонных ремней, 134 палаша 126 портупей 107 камзолов и штанов, 151 шляпа, 17 гренадерских шапок, 9 копей капральских, 56 солдатских, 8 алебард, 1 барабан, 1 винтовка // РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 811–814, 828, л. 832 об.

[118] *Krman D.* Itinerarium. S. 54.

[119] Описание этого боя см. в работах историков Д.Ф. Масловского, А.З. Мышлаевского, Н.Л. Юнакова.

[120] ГСВ. Вып. 1. С. 286.

[121] ППВ. Т. 8. С. 122.

[122] ППВ. Т. 8. С. 634.

[123] ППВ. Т. 9. С. 974.

[124] ППВ. Т. 8. С. 654

[125] Там же. С. 390.

[126] *Adlerfeld G.* Leben... T. 3. S. 119.

[127] Боур указал в ведомости, что было убито 140 человек, среди которых был полковник Ямбургского полка принц, 3 капитана, 1 поручик, 85 драгун ранено и был пленен майор Нарвского полка Палем// ППВ. Т. 8. С. 654–655. 15 февраля 1709 г. Палем был отбит после сражения при Рашевке на Гетманщине // Там же. С. 721.

[128] ППВ. Т. 8. С. 126–127, 664.

[129] Р.Х. Боур «из полков за две версты до Кадина» — Петру I 10 сентября 1708 // ППВ. Т. 8. С. 664–665. «Всего сих 3 брегад драгунских 12 полков побито и безвесно пропало на баталии 9 дня сентября». Побито унтер-офицеров, капралов и драгун — 39, безвесно пропало и не явилось капралов, унтер-офицеров и 1 офицер — всего 75. Ранены капитан, поручики, унтер-офицеры и драгуны — 67. Лошадей побито и убито — 167. «Отбито и обронено ружья и мундиру»: фузей 18, пар пистолей — 109 и 1 пистолет, портупей — 37, лядунок — 49, сум переметных — 134, седел — 153// РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л.. 836.

[130] ГСВ. Вып. 1. С. 286.

[131] ГСВ. Вып. 1. С. 286.

[132] *Jeffreyes J.* Captain James Jeffreyes's Letters. S. 61.

[133] ППВ. Т. 8. 276

[134] *Adlerfeld G.* Leben, T. 3. S. 143–144.

Глава IV. Заря Полтавской победы

4.1. «Вольготный поход» графа

В то время как главная армия короля собиралась сворачивать в Малороссию, вспомогательный корпус генерала А.Л. Левенгаупта еще медленно полз по Белоруссии.

С апреля и до июня 1708 г. курляндское войско основательно загрузило свои полковые повозки и 1300 фургонов для королевской армии порохом, военными и санитарными припасами, сухарями и прочим продовольствием, достаточным для ее 6-недельного содержания. Большие фургоны с цилиндрическими кузовами, крытыми парусиной или холстом, тянули парами две-четыре лошади, на одной из которых сидел возница. Все, что необходимо для ремонта — запасные колеса, подковы, упряжь, молотки и клещи, кадки с дегтем — было забрано у местного населения[1]. Предполагалось, что такая «подвижная база снабжения» поможет королю в конце концов добраться до Москвы. Офицеры могли иметь от 1 до 4 повозок. Вопреки рекомендации Левенгаупта шведский король разрешил каждому полку обеспечить самим себя на 12 недель похода[2]. В среднем на пехотный полк допускалось иметь по две сотни фур, но на марше почти весь командный состав оброс дополнительными повозками с награбленным в Литве и Белоруссии добром. Помимо этого, к корпусу постепенно прилеплялись сотни телег маркитантов и евреев, надеявшихся погреть руки на продаже солдатам вина, водки, пива и табака. Их количество никто не учитывал. В целом обоз вырос до чудовищного размера — 7 или 8 тыс. повозок. Он стал головной болью Левенгаупта и ограничил его действия как полководца. Рядовой состав и младшие офицеры, набранные в значительной мере из остзейских немцев, рассчитывали на крупную поживу. Лейтенант Ф.Х. Вайе, например, начинал свои записки с такого откровения: *«Во имя Иисуса! Шведская армия под командованием светлейшего и могущественнейшего короля Карла XII поднялась в этом году к такой славе и расцвету, что никто не сомневался, что после побед над датским, польским и саксонским войском, она одержит триумф в Москве, тем более, что Его Королевское Величество всемилостивейше соблаговолил призвать к себе победоносное войско генерала Левенгаупта из Лифляндии. Этот поход любому* [человеку] *со здравым смыслом казался таким прибыльным, что каждый, имевший хоть каплю самолюбия, не стал бы упускать подвернувшийся случай достичь богатства и чести. Отказавшимся от этого пришлось бы ржаветь в гарнизонах, проводя свои лучшие годы за крепостными стенами Лифляндии»*[3].

Часть старших офицеров-остзейцев[4] курляндской армии, напротив, не хотела уходить от своих прибалтийских очагов на «край света». *«Невозможно вообразить, как тяжело мне пришлось при подготовке похода даже в июне от назойливости офицеров, которые хотели под разными предлогами уйти в отпуск и остаться. Дело дошло до того, что мне стали предлагать взятки... Даже в походе, пройдя много миль, офицеры... доставляли не меньше забот многочисленными письмами. Я оставлял их без ответа, но душевно мне было тяжело, так как до этого я ни с чем подобным не сталкивался»,* — возможно, преувеличивая свои трудности, писал о своем корпусе шведский граф[5]. Сам Левенгаупт тоже не стремился в дальний вояж. Как профессиональный военный он не мог не понимать, что марш короля на Москву заставляет Петра I оттягивать силы из Прибалтики к центру страны и тем не менее, он сообщал Карлу XII, что русская угроза продолжает висеть над Эстляндией и Лифляндией и в случае его ухода «все это пространство будет отдано на волю противника». До последнего момента генерал надеялся на отмену приказа своего повелителя. К своему полку, стоявшему в сотне километров к северу от Вильно, он прибыл только 28 июля. Он же совершил крупный просчет — не набрал возниц, которых пришлось заменить почти полутора тысячами солдат. Колеса телег, конфискованных у крестьян, не были схвачены железными шинами и часто ломались. Трескались и оси повозок, не выдерживая больших нагрузок.

В конце июня почти весь прибалтийский корпус без генерала отправился на восток — 8 тыс. пехоты, 2 тыс. кавалерии, 2,9 тыс. драгун с 16 чугунными пушками. Польско-литовские войска, связанные по рукам и ногам гражданской войной, не могли быть взяты в Русский поход. Для разведки и как переводчиков прихватили всего 50 поляков[6].

Рига осталась без солидного шведского прикрытия, но планировать нападение на нее было невозможно. Все русские силы стягивались для обороны. 21 июля Петр I полагал, что шведский генерал, как и король, пойдет к Смоленску и советовал Меншикову между Копысью и Витебском «поперек той дороги, где иттить» Левенгаупту, послать «легкую партию»[7].

Зная, что путь на восток будет опустошаться противником, король в 1708 г. приказал воинству Левенгаупта вдосталь обеспечить себя фуражом, провиантом, телегами и стадами рогатого скота, конфискованными у жителей Литвы и Белоруссии. На белорусской земле главная армия короля пробыла 8 месяцев — с 26 января по 25 сентября, а корпус Левенгаупта 2 месяца — с 9 августа до 30 сентября. Уставная суточная норма питания шведского солдата была обильной. Она включала 850 г хлеба, 850 г мяса, 2,5 л пива, 200 г масла или сала, 1,5 кг гороха или другой крупы, соль, водку и табак[8]. Только мяса и хлеба 35-тысячная главная и 13-тысячная курляндская армии ежедневно должны были съедать по 32,3 тон-

ны. (Рацион петровской армии составлял 811 г хлеба, 409,5 г мяса, крупы, 100 или 200 г водки и 2,5 л пива.) Однако принудительное изъятие продовольствия в Белоруссии проходило с таким трудом, что шведам приходилось замедлять марш и неоднократно останавливаться. Широкая полоса на литовских и белорусских землях опустошалась «курляндцами». Они не имели права касаться своего «неприкосновенного запаса» и подчистую сгребали провиант и скот, подобно крымским татарам.

«Восточную эпопею» Левенгаупта можно разделить натрое: «вольготный поход» от Курляндии до Приднепровья (июль-сентябрь), катастрофа в Белоруссии (14–28 сентября) и бегство на Украину (29 сентября — 9 октября.) Летом 1708 г. вразброд и раздольно «курляндцы» шли за главной армией короля. Каждая часть рвалась вперед и на стороны, чтобы набрать как можно больше для себя. Литовское население разбегалось перед шведами. Левенгаупт мог ускорить движение корпуса, однако он не воспользовался властью и вину за свое промедление валил только на подчиненных. *«Все шастали из стороны в сторону, как цыгане... крестьяне бежали в леса со всем, что имели. Каждый начальник забирал все, что мог. Грабежами и разорениями особенно отличались вольнонаемные, нестроевые и прочая шальная публика, которая скрытно шныряла по сторонам, выдавая себя за сборщиков денег от разных полков. Многие хватали все, что только могли загрести и учиняли разные беспорядки... Могу прямо сказать, что беспорядок при нашем следовании был... более скверным, чем отвратная дорога»*[9].

Отношения между графом и его строптивым помощником, генерал-майором О.Б. Стакельбергом, были напряженными, и командный состав знал о распрях между генералами, доходившими до угроз жаловаться королю. Левенгаупт упрекал, что тот затягивает его в силки, подрывая доверие войск, жалел, что дал «пылкому» своевольнику много свободы и огорчался, что «завистники» (в их числе был и Стакельберг — так писала жена графа) донесли королю, что выколачиваются чрезмерные контрибуции[10].

Сама природа взбунтовалась против армий вторжения. Дороги стали почти непролазными из-за необычно сильных ливней, хлеставших почти ежедневно с конца мая до середины июля. Тяжело груженные фургоны с трудом перетаскивались через вздувшиеся водные потоки. Случалось, в каждом полку за день под крестьянскими телегами ломалось до сотни осей и колес, не схваченных железными шинами. Когда корпус Левенгаупта 9 августа вступил на белорусскую землю и разразилась страшная буря с молниями и градом, валившая на землю людей и животных, это было воспринято как предвестие беды в России.

Левенгаупт, не обнаружив 18 августа в Долгинове (почти в 90 км к северу от Минска) колонны Стакельберга, обеспокоился, что его разроз-

ненные полки разбиты. Однако выяснилось, что строптивец удалился на 60 км к северо-востоку, чтобы «не околеть с голода», и даже не знал, где находятся его три-четыре полка[11]. Две недели генерал дал полкам для ремонта фургонных колес.

В это время русское командование получало фантастичные сведения вперемешку с верными. В 20-х числах августа Головкин писал из лагеря от Дубровки, что посланные из Мстиславля в Могилёв для проведывания о Левенгаупте евреи Марко Савельев и Юда Самойлов сообщили, что там находятся только шведские маркитанты и евреи, покупающие харч, но куда двигается этот шведский военачальник, никто не знал. На Могилёвской почте им сказали, что Левенгаупт из Вильно вышел с 20 тыс. чел., а к «которым местам забирает», к Полоцку или в другое место, неизвестно. Стакельберг якобы из Гданьска пошел с 12 тыс. французского войска (!) в Польшу и уже вышел оттуда, но есть ли при нем шведы — не ясно[12].

Задержка в Долгинове и «экскурсия» Стакельберга к Двине заставили Петра I предположить, что Левенгаупт «поворочен» к этой реке. Боуру послали совет подойти к Орше и «иметь подвиги» против шведского генерала, когда тот станет «чинить диверсии», либо пойдет к Полоцку, или продолжит путь к королю. Даже партиями в 200 коней добыть достоверные данные не удавалось, и Петр указывал проводить глубокую разведку силами трех и более полков. Только 23 августа царь уверился, что граф направился к Карлу XII. Боур же еще 26–28 августа сомневался, куда двинется Левенгаупт то ли на северо-восток — на Полоцк и Великие Луки, то ли на юго-восток к Могилёву, где якобы его части наводят мост. Эту ложную информацию сообщил Боуру посланный им из Горок очередной шпион-еврей. На 19 июля 1708 г. под командой Боура было 14 тыс. пехоты и кавалерия. Будучи послан за главной армией короля, Боур не мог организовать нападений на колонну Левенгаупта, но, как писал Адлерфельд, наблюдая за ней, он замедлял ее движение.

Кроме коней, скота, хлеба и денег Левенгаупт подчищал с белорусской земли все, что можно — финансовые документы, расписки, привилегии польских королей на шляхетские имения, декреты трибуналов Великого княжества Литовского и постановления земских судов. Выдавливая денежные контрибуции, генерал приказывал сажать в тюрьмы местных администраторов, состоятельных евреев, мещан и шляхту[13].

Белорусы прятали в лесах хлеб и животных и отваживались на нешуточные бои. Об одном из таких в районе Череи лейтенант Петре писал: *«Я получил устный приказ... сделать вылазку в лес, чтобы найти скот, который как всегда прятался там. Около полудня с 32 солдатами я дошел до ужасного болота, где напал примерно на 300 крестьян, которые охраняли своих животных. Они так яростно атаковали меня с косами, топорами, кольями и ружьями, что не только я получил два здоровенных*

удара колом, но у меня было ранено 4 солдата, а один... был убит на месте. Не считаясь с моим ожесточенным сопротивлением, они заставили меня бежать и оставить их добро в покое, покуда я не получил помощи от фельдфебеля Бонга с 20 солдатами... При своем отступлении крестьяне старались увести с собой как можно больше скота и лошадей, но я так упорно преследовал их, что после 3 часов активного отпора они бросили 184 головы крупного рогатого скота, 254 овцы и 35 лошадей, помимо 15 убитых и 5 раненых»[14]. Таким образом, сбрасывать со счетов стихийную партизанскую войну в Блоруссии не приходится.

Хотя каждый день для Левенгаупта был на вес золота, но только 2 сентября, дождавшись, пока запоздавший полк В.А. Шлиппенбаха восстановит свои силы, разделенный натрое корпус двинулся на восток из Долгинова. «Эти задержки стали подлинной причиной последующей шведской беды», — заметил Г. Адлерфельд.

Если в июле — августе выделить русские силы для нападения на мародерствующие части Левенгаупта, не считалось возможным, то на военном совете в Мстиславле 1 сентября Петр I, Б.П. Шереметев, А.Д. Меншиков, М.М. Голицын и Г.И. Головкин впервые решили не пропустить и атаковать корпус Левенгаупта[15]. В главной квартире шведского короля узнали об этом уже через два дня: *«от московских дезертиров и других людей получили точное известие, что царь со всей армией после своей атаки у Молятичей... отправился против генерала Левенгаупта»*[16]. Однако корволант пока не сформировали и не напали на «курляндцев» к северу от Минска. (Как указывалось, вплоть до 26 сентября полагали, что их силы не превышают 8–10 тыс..)

Русское командование предполагало, что Левенгаупт, как и Карл XII, будет переправляться у Могилёва, расположенного недалеко от русской границы на территории Великого княжества Литовского. В конце августа отсюда продолжал отправляться провиант вслед за армией короля. 27 августа царь рекомендовал Боуру «отнять привоз от Могилёва». 1 сентября Петр послал депешу, чтобы Боур «отступил в бок от неприятеля и, пропустя оного за нами», соединился с Инфлянтом и уничтожал не только хлеб и фураж, но «под сей холодный час» и постройки «хотя польское (читай белорусское. — *В. А.*) или свое». 5 и 8 сентября царь вновь повторил, чтобы «коммуникация» шведов с Могилёвым была «отсечена»[17]. Боур тоже знал от купцов, что из Могилёва продолжается высылка «всякого харча» к Карлу XII. 3 сентября он предложил «выпалить» этот богатый город, принадлежавший польской королевской казне.

За 10 дней до подхода шведского генерала к Днепру 300 драгун и 500 казаков под командованием майора Видмана и капитан-поручика Ф.О. Бартенева дали предупреждающий сигнал барабанной тревогой, приказали Могилёвцам покинуть дома, дав час на сборы, и сожгли город, в центре

которого сгорела часть церквей[18]. В протестациях земских чиновников и шляхтичей позже писалось, что калмыки и казаки, «войска найяснейшего царя, имея гнев на магистрат и мещан Могилёвских, город Могилёв целиком выпалили», сгорели костелы, церкви, кляшторы, монастыри, колокольни, строения в замке, ратуша и предместье. Гибель Могилёва была самой большой жертвой Белоруссии в Северной войне. Этот акт обернулся большой бедой для славянского и еврейского населения, потерявшего более 1700 домов[19]. Вслед за тем «от Могилёва по дороге деревни и местечка Дрыбин и Горы все попалили», — писал Бартенев царю 10 сентября 1708 г. Сгорели также Дубровна, Орша, Горки — победоносного агрессора, грозившего смертью и расчленением Русскому государству, заставляли идти по выжженной полосе.

11 сентября Боур правильно определил, что Карл, «когда пропитание у него везде наперед» сожжено и потравлено, не сможет продолжать свой поход к Смоленску. Генерал-лейтенант предположил, что король пойдет за Днепр к Левенгаупту, собравшему огромное количество провианта, и остановится на отдых. Если ему, Боуру, будет придано несколько полков пехоты, то он берется самостоятельно «опровергнуть» Левенгаупта и отбить обоз с «живностью».

13 сентября Боур, находясь в 8 милях от Дубровны, переслал царю полученные от жителей сомнительные сведения, что Левенгаупт находится близ Орши (возможно, те видели шведских фуражиров)[20].

14 сентября на поиск шведского корпуса Боур отправил крупный отряд генерал-майора Инфлянта с 2000 кавалеристов, а также 500 конников капитан-лейтенанта А.К. Петрово-Соловово к Дубровне, Орше и даже к Витебску.

Левенгаупт же 8 сентября в Черее получил приказ короля ускорить марш, но снова застрял там до 15 сентября, без милосердия выколачивая контрибуции. Граф писал, что все это происходило *«из-за генерал-майора Стакельберга, поступавшего вопреки моей воле. Идущие со мной войска сильно натерпелись от нехватки продовольствия,* [так как] *мы должны были следовать тем же путем, что и он».* Польский шляхтич Шулборский 12 сентября писал генерал-майору Б.С. Корсаку о разорении населения и даже костелов 12–15-тысячным корпусом Левенгаупта в 100-километровой полосе вплоть до Витебска, где мещанам приходилось по несколько раз откупаться[21]. В Черее он провел крутой разговор со Стакельбергом и, по его словам, поставил на место своевольника.

На подходе к Днепру поход отладился, фургоны меньше ломались, питание было обильным, прекрасно вооруженный личный состав был сыт и бодр. Армия по заведенному порядку, поднималась с рассветом в 4 часа утра и приходила в движение после обязательной часовой молитвы, сигнал к которой давался по полкам барабанным боем. (По нему русские

пытались определять количество солдат.) К 15 сентября, опасаясь нападений белорусских крестьян, Левенгаупт собрал вместе все полки, фургоны и добился полного повиновения подчиненных.

Узнав от осведомителя, что Могилёв сожжен и между этим городом и Череей «нет пропитания», Левенгаупт, двигаясь к Шклову, продолжал фуражировку от Копыси до Могилёва с разбросом фуражиров до 50 и более километров. 18 сентября несколько сотен его кавалеристов все-таки наведались в Могилёв, надеясь сорвать с города «хоть шерсти клок», но два отправленных с подарками к генералу бургомистра отговорили налагать контрибуцию. Соединиться с главной армией корпус надеялся сразу же за Днепром.

Главным силам короля стоять среди дымящейся земли было немыслимо. Его армия вместо хлеба получала капусту и репу без соли. Оголодавшие дезертиры были «жирны, как стокфиш» (сушеная треска), шутил Петр I. Высылать навстречу курляндскому корпусу отряд, хотя бы ради отвлечения внимания русских, было рискованно. Удерживая своих от дезертирства, пропаганда короля поддерживала слух, что громадный обоз с продовольствием находится сзади всего в 3–4 милях[22]. Так, не дойдя 70 км до Смоленска, королю пришлось свернуть с московского направления.

«Выдачу с головой Петру I Левенгаупта» (В.О. Ключевский) можно считать и побочным следствием русского стратегического плана 1707 г. Армия Петра почти год (!) отходила на восток, уклоняясь от больших боев. У короля сложилось мнение о трусости неприятеля. В манифесте от 16 декабря 1708 г. после битвы при Лесной Карл XII и К. Пипер заявляли, что шведы не могли принудить «убегающую Москву к настоящему бою» на всех двухстах милях, начиная от немецких границ. Карл XII был уверен, что курляндскому обозу, если его армия отделяет русских от Левенгаупта, который вот-вот перейдет Днепр, ничего не грозит, к тому же экспедиция Г. Любекера против Петербурга отвлечет силы царя на север. Того же мнения были и «доброхоты» Левенгаупта в армии короля, которые *«хотели, чтобы меня наконец, основательно пробрало и клепали, что мне не грозит ни опасность, ни беда и клали голову на отсечение, что никакой противник не дерзнет коснуться меня»*[23].

Жертвуя Левенгауптом и сворачивая на Гетманщину, Карл XII собирался дать отдых своей армии. Горьким упреком шведскому самодержцу выглядят слова генерала: *«Я никак не мог подумать, что Его Величество уйдет за Сож со всей армией, пока я не переправлюсь через Днепр и мало-мальски не окажусь вне опасности. Мне представлялось, что я наверняка пропаду со всеми своими войсками»*. Сознавая предстоящую катастрофу, Левенгаупт не мог не выполнять приказ монарха. *«Если бы я не имел точного приказа следовать за Его Величеством и мне как пре-*

жде, была бы дана свобода выбора... то ***я никоим образом не перешел бы Днепр.*** *Перед глазами у меня ясно маячила неизбывная большая угроза и я, так часто имевший дело с неприятелем, мог лучше знать, что теперь нас «обстригут». Как только я уверился, что король ушел за Сож, я сказал тем, кому мог доверять: «теперь ничего не осталось, как только вверить себя одному Господу и как верным слугам, выполнить долг перед нашим королем по поговорке «пан или пропал»*[24]. Весть, что король их бросил, сбила дух курляндского корпуса. Там стали считать, что впереди находится все русское войско во главе с царем и фельдмаршалом Шереметевым и нет ни одного солдата Карла XII[25]. Ложное известие короля о его движении якобы на Пропойск, Гомель и Чернигов ради спасения Левенгаупта не сработало[26], однако шведский генерал счел нужным поддерживать настроение своей армии надеждой, что его повелитель выслал навстречу помощь (см. ниже.) Левенгаупт не знал, что король, обманув русских, «перешел трудный пас» (р. Сож) и с 19 по 25 сентября находился в жутком положении, продираясь от Сожа сквозь 80-километровые лесные дебри, чтобы опередить русских на пути в Гетманщину.

19 сентября «по несчастной дороге в Россию» (так писал каролинец капрал Э. Смепуст) корпус прошел много — около 23 км. В это время граф располагал неточными сведениями, что разведывательные партии русских появились вдоль Днепра: *«20 числа из Могилёва ко мне прибыл один комиссар от короля Станислава, по имени Иосинский и сообщил мне, что генерал-майор Боур со своими войсками направляется к Шклову, русских уже видели у Копыси, недалеко от Шклова, и те захватили уже нескольких нестроевых»*[27]. Стакельберг, командированный к Шклову за две недели до этого, уже два дня наводил там мост на кожаных понтонах. Взяв напоследок «великую контрибуцию» со Шклова, Левенгаупт приказал 21 сентября перейти неширокий в этом месте Днепр.

Тут граф не только выполнил долг солдата, но проявил себя умелым полководцем. Начиная с Приднепровья, генерал, во-первых, добился полного воинского послушания корпуса. Во-вторых, решив обойти русскую армию, он обманул главный штаб Петра I и сумел отклонить силы царя на северо-запад (см. ниже.) В-третьих, для подъема духа граф принял меры, среди которых был приказ играть военной музыке и бить в барабаны при прохождении моста. Это прочно врезалось в память военному судье вербованного драгунского полка В.А. Шлиппенбаха И.А. Бенеке[28]. Вначале через реку проходила кавалерия, потом пехота. Ночь с 21 на 22 сентября провели в тревоге — войска были разделены рекой надвое. Из-за слухов, что Боур прямым ходом целит на него, генерал всю ночь держал под ружьем войска на обоих берегах реки[29]. *«Чтобы... не дать моим клеветникам и противникам никаких поводов за глаза обвинить меня в трусости*

или другой подлости, как только был готов мост через Днепр, я приказал 21 сентября переходить его сначала кавалерии, потом аболенскому пехотному батальону, хельсингскому полку, эстерботтенскому батальону, полку Баннера. Так как приходили разные вести, что к нам приближается генерал-майор Боур, то все получили приказ всю ночь стоять под ружьем — как те, кто переправился и те, кто остался»[30].

Три русских брандера, построенные Корчминым в Смоленске по указу Петра I, по причине отсутствия войсковой разведки так и не были спущены по Днепру и не сожгли шведский наплавной мост.

После перехода понтоны снова погрузили на подводы и двинулись на юг, не ведая, что еще летом окруженные протоками и болотцами лесные дороги к Пропойску генерал-майор Н.Ю. Инфлянт по распоряжению Меншикова «накрепко засек» драгунскими топорами.

4.2. Корволант

13 сентября русские узнали о подходе Левенгаупта к Шклову, и тогда же, 13 или 14 сентября в д. Соболево (в 35 км к югу от Смоленска), состоялся второй военный совет с широким составом генералитета, на котором судьба Левенгаупта была решена. Опасность соединения Карла с курляндским корпусом уменьшилась, и было постановлено создать автономный летучий корпус (корволант, корволан) и напасть на Левенгаупта, хотя, где именно находится шведский генерал известно не было. С 18 по 21 (или до 23 сентября)[31] ставка Петра находилась в Романове, в 50 км от Шклова, и там, как и прежде, следили за движением короля. Сложность состояла в том, что при дефиците времени «левенгауптскую операцию» (на нее ушло две недели) нужно было проводить в противоположном направлении. Исходя из случайных данных, полагали, что для расправы с 8-тысячным отрядом будет достаточен конный «летучий корпус» в 13 тыс., составленный из всех родов войск.

«Летучие корпуса» были старой тюркско-русской традицией. Французскими словами **«corps volant»** Петр I назвал хорошо известное на Руси мобильное элитное воинское формирование **«ертоул»**, которое традиционно использовали татарские воины и русские рати XVI–XVII вв. В ертоул набирались всадники, отличавшиеся особой храбростью, военным умением и решительностью. Такой авангардный отряд наносил первый удар, а в преследовании окончательно добивал бегущих. Ертоулы не имели обозов. Небольшой мешок крупы или пшена, толокно, несколько кусков сала и соль, а также котелок, миски и ложки всадники укладывали в переметные сумы на дополнительных вьючных коней.

Живая сила «летучего корпуса» подбиралась тщательно. Поставив временно главной задачей разгром Левенгаупта, Петр I включил в корволант гвардейскую бригаду лучшие полки России — Преображенский,

Семеновский. Ингерманландский и батальон Астраханского полка (всего 10 посаженных на коней пехотных батальонов — 5 149 чел.), конный лейб-регимент А.Д. Меншикова и 9 драгунских полков (7 792 чел.), из которых восемь бились вместе со светлейшим князем в победном сражении при Калише 18 октября 1706 г. Не была забыта и шатровая походная церковь. (В полках были священники и церковные дьячки.) Находясь на стоянках 13 и 20 сентября, царь «отставил от ружья» или перевел на гарнизонную службу тех храбрых, верных и исполнительных преображенцев, которые имели какие-либо изъяны — два десятка «за ранами», четырех — по возрасту, семерых — «за пьянство», шестерых больных килой, двух — «за малоумием», трех — «за французской болезнью» (сифилисом), одного «за торопкостью и бесчеловечеством»[32].

Провиант для людей и лошадей, включая сухари, овес и личное имущество, уложили в переметные сумы и навесили на вьючных коней. На сколько дней брали продовольствие и фураж — неизвестно, но брали его по минимуму, чтобы не обременять коней. Об этом можно судить по высказываниям нескольких пленных из корволанта, попавших в руки к шведам в первых стычках (см. ниже.) Количество заводных лошадей в корволанте, по крайней мере, вдвое должно было превышать людской состав. Прислуга полковых пушек тоже была посажена на походных лошадей — так царь первым в мире дал образец для конной артиллерии. Установить, куда укладывались запас патронов с бумажными гильзами и боекомплекты выстрелов для пушек, пока не удается. Перевозка их во вьюках сомнительна. Вероятно, корволант сопровождали крытые одноконные и одноосные зарядные ящики (одноколки), а также ротные повозки (фурманки), так как среди не служащих корволанта указаны писари, извозчики, лекари, фельдшеры, профосы, кузнецы и плотники с инструментами, музыканты (гобоисты и трубачи, флейтщики и литаврщики) и др. Таким образом, какой-то небольшой колесный обоз был. К гвардейской бригаде для ухода за конями было приставлено три сотни татар и мордвы.

Неоценимую помощь оказала иррегулярная кконница (в ее рядах упоминаются яицкие казаки и курские новокрещеные калмыки.) Установить ее численность трудно. В 1706 г. при корволанте А.Д. Меншикова, одержавшем блестящую победу при Калише, насчитывалось 8756 драгун и необычно много — 6 тыс. донских казаков и 4 тыс. калмыков[33]. В 1708 г. при пятитысячном конном отряде Боура было 600–1000 казаков и калмыков, при шеститысячном отряде Ренне — 1000 нерегулярных. Под Полтавой донских казаков, калмыков и волохов было 5,5–6,5 тыс. чел.[34]. Можно предположить, что корволант сопровождало от нескольких сотен до 2 тыс. казаков и калмыков. В русских документах иррегулярные части упоминаются мельком, но записи каролинцев переполнены сведениями

о них. Ни казаки, ни калмыки не выставлялись в полевые бои, но они сильно нервировали противника короткими налетами на маршах и стоянках. Показываясь на флангах и в тылу врага, (хотя и не слишком отрываясь вперед от регулярных полков), они наводили на мысль о возможной атаке основных русских сил.

В середине сентября кризисная точка для России была пройдена.

Как только стало известно о повороте шведской армии на юг от д.Стариши к Кричеву, Петр I 15 сентября выехал из Соболева и в тот же день послал фельдмаршала Б.П. Шереметева с тремя пехотными дивизиями, полевой артиллерией и остальной конницей идти параллельно Карлу XII. Восемь полков (4976 драгун) Боура должны были следовать за армией короля и окружать армию ее «обжиганием и утомлением»[35]. В те дни Петр I не знал, куда направится король — к Днепру навстречу Левенгаупту, к р. Сож или Кричеву[36]. После поражения при Головчине царь остерегся отбирать полки от Б.П. Шереметева для усиления корволанта. Возможно, по этой причине половина шведов после поражения при Лесной добралась до короля.

Удобнее и надежнее перехватить и разбить Левенгаупта можно было на Днепре, но этого не случилось. Улыбнувшейся в Поднепровье удаче шведский генерал был обязан себе и промаху русской разведки. Когда король уходил за Сож у Кричева, а Левенгаупт после днепровской переправы шел на юг, «летучий корпус» с ночи 22 сентября летел на запад, на 33 км севернее от него — за Днепр к Орше и потом собирался спускаться по правобережью до Быхова[37]. В том же расходящемся направлении вслед за корволантом послали и пехотную дивизию генерал-майора русской службы Н.Г. фон Вердена[38]. Вместе с этой дивизией расправиться со шведской подвижной базой снабжения к западу или востоку от Днепра казалось нетрудным и корволант выступил в поход с победным настроением.

В то время войсковой разведки, постоянного наблюдения, сети разъездов и прямого соприкосновения с неприятелем не было. При сборе сведений о противнике ставка делалась на местных проводников, языков, купцов, священников, «шпигов», которых использовали и для дезинформации. Часто пользовались услугами евреев, которые, занимаясь торговлей, хорошо знали дорожную сеть Белоруссии. Евреи Вильно во время пребывания там царя с 28 января по 3 февраля 1708 г. «обещались... посылать от себя шпигов и в том... дали письмо» осведомлять русское командование о передвижениях шведов[39]. Шведы засылали «простых мужиков для осмотрения» русских полков, предварительно взяв белорусских заложников и угрожая их убить, если «разведчики» не вернутся. Белорусы открывались русским военачальникам и те отправляли их обратно к шведам с той же целью[40]. Левенгаупт упомянул «шпионский» эпизод

в Шклове: *«Пришел один еврей, которого выслал сам царь и князь Меншиков, с обещанием большого вознаграждения, чтобы разузнать, сколь сильно наше войско, как много при нас пушек и куда мы собираемся. О том, что он заслан, он заявил сам и рассказал, что царь стоит со всей армией в Чаусах, Горках и Романове — в семи, восьми и 10 милях от Шклова и послал только один отряд следовать за армией короля. Со всеми остальными силами он следит за нашей армией. Это сообщение, как и прежние другие, доставленные моими собственными шпионами, показало, что в верности всего этого никак нельзя сомневаться»*[41].

В свою очередь, Левенгаупт от места своей днепровской переправы подбросил своего провокатора. Он также подкупил одного из евреев и послал в главную квартиру царя с заданием сообщить, что его корпус находится все еще на правом берегу Днепра и провести русских в ложном направлении[42]. «Гистория Свейской войны» так описала военную хитрость противника: *«В 15 день государь пришел в село Григорково, и тут получили подлинную ведомость чрез взятых языков, что Левенгопт маршем своим зело стал поспешать, чего для и государь с полками своими маршем поспешал. В котором марше имели вожа жида подкупнова от шведов, которой нас фалшивым маршем к Днепру привел, сказывая, что Левенгопт еще не перешел чрез оной (которой уже три дни как перешел.) Куды стали было переправлятца, и подлинно б оной ушел, естли б не встретился шляхтичь Петрокович и сказал о том истинну и правдивым вожем был (а оной жид за то злодейство повешен)»*[43]. Петрокович был свидетелем переправы шведов через Днепр. Не приходится сомневаться в этой истории на том основании, что вож-провокатор, появившись в корволанте, обрекал себя на смерть. Его риск оправдывался большими деньгами, надеждой ускользнуть в последний момент, или выкрутиться за Днепром, ссылаясь на быстроту марша шведов.

Так отсутствие кавалерийских разъездов едва не сорвало всю операцию, и дело выправилось благодаря случайно встреченному белорусскому шляхтичу. 23 сентября конный отряд полковника Ф.Г. Чекина переправился через Днепр у Копыси и сообщил, что Левенгаупт уже уходит на юг от Шклова. Драгунский полковник, позже генерал-адъютант Шульц успел напасть в Шклове на отставших и отбил несколько фургонов с провиантом[44].

В это время весь курляндский корпус собрался с духом, чтобы как можно скорее проскочить Днепровско-Сожское междуречье. Кратчайшим к Сожу и Карлу XII был бы путь через Чаусы на Чериков, но, боясь встречи с русской армией, Левенгаупт повел обоз на Пропойск, «поджимаясь» к Днепру. На тогдашних несовершенных картах-схемах стокилометровый путь от Шклова до Пропойска выглядел не длиннее 60 км[45]. Четыре громоздкие военные и транспортные колонны беспрепятственно и быстро,

по 4 мили (24 км) в день гнали по широким полям Заднепровья в пределах видимости друг друга. Это был несомненный успех шведского генерала.

Петр I исправил свою ошибку и тоже повернул на юг. Последующая «облава» царя шла удачно, но при крайнем напряжении сил. Шведская фантазия, что погоня гналась за ними днем и ночью, «сбрасывая даже мундиры и сумки», в некотором смысле верна — до крови пересаднив часть лошадей, на шведов поначалу нападали только вырвавшиеся вперед партии корволанта, а по мере настижения удары наращивались. За время преследования все кони сильно «притупели», только у преображенцев пало 90 лошадей и 188 оказалось сильно саднёных, которые надолго вышли из строя[46].Неизвестно, следует ли верить показаниям захваченных позже шведами русских пленных, якобы говоривших, что от форсированных маршей им пришлось претерпеть такие страдания и усталость, каких не случалось ни в одной другой кампании — «особенно на четвертый день, когда была такая большая нехватка съестных припасов и фуража, что много людей и лошадей передохло»[47]. Русскими источниками такие сведения не подкрепляются.

Оторваться от погони Левенгаупту не посчастливилось. Впервые преследователи замаячили на горизонте 23 сентября, когда генерал целые сутки поджидал отставших. С 24 сентября от с. Медведовка большой конный разъезд уже «сел на хвост» шведскому арьергарду, состоявшему из 300 кавалеристов и 300 пехотинцев. Ради выправления престижа шведского оружия позднейшая реляция короля, приведенная Адлерфельдом, указывала, что 2 тыс. русских драгун, увидев, что арьергард готов к отпору, не стали наседать, но спешно ускакали обратно.

Утром 25 сентября большая конная партия Меншикова и Пфлюга врасплох напала на шведский караул и из 35 чел. и перебила 15 солдат — так отметил в своем дневнике Вайе. Левенгаупт ускорил движение и 26 сентября от узкого и опасного паса у р.Белицы услал вперед весь обоз. 26 сентября Меншиков от д.Войнилы послал к Новоселкам полковника Круза, чтобы «подлинно осмотреть» неприятеля, однако местные жители сказали, что тот 25 сентября уже ушел к Волковичам. Ценную помощь в ориентировке на местности оказывал находившийся при М.М. Голицыне не названный по имени белорусский священник — «подлинной сведомец о всех здешних трактах»[48].

26 числа на широких полях у д. Сучицы уже 4 тыс. (по оценке шведов) русских драгун под командованием генерал-лейтенанта Г. Пфлюга нарушили воскресную проповедь пастора. (По шведским записям встреча произошла у д. Белицы. Эта ныне нежилая деревня находилась несколько южнее д. Сучицы.) В двенадцатом часу дня «хорошим ровным строем» (похвала Левенгаупта) на расстоянии в четверть мили появились русские

всадники. Конной пехоты и артиллерии при них не было — те отстали далеко позади. Шведы полагали, что их настигла вся русская кавалерия.

Генерал Левенгаупт остановил двинувшийся было обоз и выставил превосходящие силы — линию кавалерии, а за ней в низине, чтобы завлечь незаметно ближе врага, две линии пехоты с пушками. Однако потом решение было сменено — пехотинцы с развернутыми знаменами вышли в свободные промежутки конницы[49]. В таком порядке войско шведов продвинулось на 300 или 400 шагов к противнику, находившемуся на высоте. Русский авангард продолжал надвигаться. Некоторые драгуны, гарцуя, смело выскакивали далеко вперед и стреляли с нескольких метров в шведов из пистолетов. Когда русские драгуны стали, по мнению шведов, слишком «наглы», Левенгаупт предложил нескольким добровольцам и Аболенскому полку прогнать их, но проучить смельчаков не получилось — догнать быстрых русских коней было невозможно. После этого генерал решил атаковать всеми силами.

Открытые поля давали шведам преимущество, позволяя развернуться полной боевой линией. Можно было дождаться подхода всего корволанта и, пользуясь равенством сил, разбить русских в привычном для каролинцев линейном бою. Не зная, каковы силы и планы неприятеля, граф сам провел разведку. Убедившись, что численность противника невелика, кавалерии был отдан приказ идти в атаку с холодным оружием. Левенгаупт на правом, а Стакельберг на левом фланге после клича «С Божьей помощью!» послали вперед конницу, за нею пехоту с пушками. Русские драгуны галопом, но в полном порядке удалились в сторону редкого кустарника. (Эффективный прием народов Евразии «вентерь» — наведение на засаду — здесь не был использован из-за неравенства сил.) Если верить шведам, что они гнались за неприятелем (особенно вырвавшиеся вперед кавалеристы подполковника Г.Ю. Цеге) «половину или три четверти мили», т. е. 3–4 км, то трофеи оказались явно скудными — 3 (или 8) пленных и 2 верблюда, на которых нагрузили сундуки с бумагами канцелярии Левенгаупта[50]. Несколько человек было порублено. Перед кустарником шведский генерал прекратил преследование, «не зная полной силы и намерений» русских. Он считал, что ни на йоту не может отступить от приказа короля, запрещавшего идти на крупные сражения.

Нападение части корволанта 26 сентября нельзя считать полноценным боем, окончившимся «шведской победой». Граф всего-навсего «отпугнул» передовой отряд погони. Значение этой стычки состояло в том, что авангард корволанта задержал шведов почти на сутки и отбил несколько фургонов с вином и водкой, предназначенных для короля из сбившегося в сторону обоза. Прислуга была перебита. Бо́льших трофеев захватить не удалось. Левенгаупт дождался обоза только в ночь с 26 на 27 сентября на полях у д. Белицы. Шведский историк Фрюксель отметил, что Левен-

гаупт беспрепятственно прошел бы и дальше, если бы не обманул местный проводник, который завел на болотистые места, «куда пришлось постоянно высылать рабочих, чтобы прокладывать путь корпусу»[51]. Уникальные показания инквизиционной комиссии дал, сбежав после сражения при Лесной в Ригу, генерал-квартирмейстер-лейтенант Лифляндской армии Юхан Браск. Он сказал, что в Шклове пришлось долго искать проводника, который мог бы довести корпус до армии короля. Найти удалось лишь больного, частично парализованного старика, который отказывался сопровождать шведов и предложил своего возчика. Последний-де полгода назад ездил в Стародуб и был бы полезнее, чем он. Зная, что белорусы могут в любой момент сбежать, для надзора за возчиком приставили унтер-офицера и кавалериста, а в качестве заложника прихватили и старика, пристроив его в небольшую телегу под присмотром двух всадников. Дорога от Шклова и Могилёва на Пропойск шла вдоль правого берега Ресты, ни разу не пересекая ни эту реку, ни р. Проню, ни р. Сож. Однако громадный шведский транспорт дважды переправлялся через Ресту. Так, безвестный белорус задержал движение Левенгаупта и помог корволанту догнать его[52]. Опасаясь повторного нападения, шведское войско держали ночью под ружьем. Расположившись под голым небом, генерал указал офицерам на «предвестие беды» — висевшую точно над его головой комету с хвостом длиной в локоть. (Такое предзнаменование он не преминул упомянуть в своих мемуарах.)

И шведы и русские встревожились допросом пленных, преувеличивших силы своих корпусов. В «реляции» о битве при Лесной Петр I написал 16 октября: *«И в 26 день... передовые партии со ариергардиею бились, **и взяли языков, от которых подлинно уведомились, что*** [шведов] ***16 тысяч»***. (Это была, как указывалось, штатная численность курляндской армии в Прибалтике.) Всего под Шкловом, Копосью и Белицами корволант захватил 32 пленных, среди которых кроме солдат были два литовских татарина и шесть поляков[53].

Согласно реляции Й.А. Бенеке, русские пленные говорили, что за разведывательным авангардом Пфлюга спешит основной корпус в 20 тыс. кавалерии и 12 тыс. пехоты с четырьмя пушками (*«что по прошествии времени оказалось абсолютной ложью — у врага было 82 тысячи человек»*[54].) Примерно от Сучиц начинались сплошные леса с засеками и болотами, узкий, на одну телегу путь[55] становился трудно проходимым и соревнование тяжелого гужевого транспорта с «летучим корпусом», настроенным только на победу, было заведомо проигрышным. Ради ускорения хода срочно следовало отсечь обузу маркитантских и еврейских повозок и сократить офицерский багаж. Но Левенгаупт не стал жертвовать этим и до последнего надеялся спасти весь обоз.

26 сентября близ д. Горбовичи «воинская дума» в составе Петра I, генерала А.Д. Меншикова, генерал-лейтенантов Я.В. Брюса, Г. Пфлюга, ландграфа гессендармштадского Фридриха и генерал-майоров М.М. Голицына, О.Р. Шаумбурга, Бема и Штольца[56] решала, нападать ли меньшинством на большее число шведов или ждать пятитысячный корпус Р.Х. Боура и шеститысячную пехотную дивизию Н.Г. фон Вердена, которая 21 сентября находилась на большой смоленской дороге еще в 4 милях от Смоленска.

Противник в это время был в 20 км от корволанта и в 23 км от Сожа. Эта река, по ошибочному мнению и Левенгаупта, и Петра I, была рубежом, за которым находилась зона военного контроля Карла XII. Царь и шведский генерал к тому времени еще не знали, что армия короля уже удалилась на 140 км и с 24 сентября до 10 октября стояла на земле гетманства Мазепы, у Костеничей и Мглина и ни одного шведского солдата за Сожем не было. Если бы вместо Левенгаупта был король, корволант не стал бы нападать и изнурял неприятеля мелкими нападениями. Но тут иного выхода не было — дума постановила ждать Боура не больше двух дней и в любом случае напасть 28 сентября. **Командование новой регулярной армии приняло решение идти на крупное сражение меньшинством.** Боуру Петр I «накрепко» приказал «как наискоряя... взять перед у неприятеля, дабы оной не мог за реки уйтить от нас»[57].

Судя по письмам от 26–27 сентября, Петр I еще не был уверен, куда «вихнет» Левенгаупт — к Черикову, Кричеву, Пропойску или Гомелю, но больше склонялся, что к Пропойску. От Пропойска через Сож ни пути, ни моста не было, но там сошлись дороги от Могилёва, Чаус, Черикова и две дороги от Быхова. Именно туда он направлял наперерез и Боура и пехотную дивизию фон Вердена, возможно, рассматривая вероятность раздавить противника в клещах с севера и юга. Спеша «напереймы» к городку на Соже, Петр I и Левенгаупт не подозревали, что кровавое побоище развернется у д. Лесной, где корволант потеряет треть убитыми и ранеными, а от курляндской группировки уцелеет только половина. Окруженное болотами и лесом село-деревня Лесное, в котором было не более двух десятков изб, не считалось глухоманью. Оно стояло на перекрестке путей в Пропойск (12 км), Кричев (около 55 км) и на прямом тракте в Могилёв (около 60 км) и всегда фигурировало при расчете расстояний в Белоруссии. От д. Новоселки до р. Сож восточная Белоруссия давала преимущества корволанту. Здесь среди лесов и болот, было три трудно проходимых места, где можно было сдержать шведов — на р. Реста, у с. Лесного и у Пропойска.

27 сентября царь обеспокоился — он полагал, что, пройдя 25 км, шведы в ночь с 27 на 28 сентября окажутся у Сожа. Кроме того, генерал-майор Инфлянт без проверки переслал ему ложные показания захваченных

четырех валахов и поляка, которые сказали, что войска шведского короля отстоят от обоза Левенгаупта всего в трех милях[58]. Отряду Боура было предписано «несмотря на урон лошадей и на труд людей» ночью 27/28 сентября соединиться у Пропойска с корволантом. Чтобы не выпустить неприятеля за Сож, Петр I приказал Боуру выслать за левый берег этой реки тысячу драгун, которым следовало окопаться против Пропойска. От себя он туда же выслал 786 драгун Невского полка под командованием полковника-шотландца Кэмпбелла, который, чтобы не попасть под удар Левенгаупта, должен был обогнать по левому берегу реки Ресты шведскую колонну, идущую к Лопатичам и Лесной по правому берегу этой реки. *«Неприятель бежит зело скоро к Соже и сей будущей ночи будет к Пропойску.Того ради, чтоб онаго не перепустить через реку, тотчас пошли тысячю человек за Сожу и* ***вели оным в будущую ночь*** *(то есть против 28 дня сего месяца)* ***против Пропойска закопаться. Для чего отсель послан полковник Кампель с таким же числом драгун.*** *А сам ты по сей стороне Сожи поди наспех к Пропойску, куды и мы уже сейчас идем, дабы сей ночи нам конечно случиться с вами»*[59]. Расчет на то, что почти двухтысячный отряд задержит шведов хотя бы на некоторое время, был вполне реален.

Оперативность действий Боура поражает — его пятитысячный кавалерийский корпус проходил, бывало, по 40 верст в день. Из-под Кричева он наскоро выслал в направлении Чаус под командой полковника Леонтьева 700 драгун с четырьмя сотнями казаков и быстро перебросил своих конников к р. Проне между деревнями Березовка и Улуки, намереваясь перехватить врага у Пропойска. От левобережья Прони, из района Березовка — Рудня (а не Кричева, как считал Юнаков) драгуны и казаки 27 сентября легко прошли 16 км до Пропойска, переплыли Сож и успели создать земляные редуты против города. 27 сентября Боуру было велено, увеличив прежнюю тысячу еще пятью сотнями драгун, «утре (т. е. 28 сентября) конечно с нами случитца близ Пропойска»[60]. Вся операция была проведена настолько быстро, что стала неожиданностью для неприятеля в день решающего сражения.

В тот же день 27 сентября судьба шведского корпуса повисла на волоске. С раннего утра у д. Долгие Мхи перед заболоченным руслом Ресты авангард погони стал отсекать хвост армии от обоза. Шведам в это время пришлось цепочкой очень долго идти через длинную мельничную плотину, по которой могли двигаться только два человека в ряд или одна телега. «Если бы в наши ряды врубился противник, все кончилось бы совсем плохо», — писал военный аудитор Бенеке.

Бою на Ресте Левенгаупт посвятил всего несколько строк, как не стоящему внимания. Он лишь отметил, что не допустил приближения русских, которые хотели то ли напасть на арьергард, то ли ворваться

в обоз. Чтобы дать возможность уйти арьергарду, Хельсингский полк, Абосский батальон и несколько пушек разного калибра под общим командованием Стакельберга стали непрерывно палить ружейным и артиллерийским огнем с высокого правого (условно южного) берега Ресты по передовому конному отряду погони, и русским драгунам пришлось рассеяться в разные стороны.

Обгон шведов по топи справа от дамбы не удался. Шведы успели перебить плотину и разрушить мост. Трудную переправу через Ресту следует признать успехом Левенгаупта — в русских руках он оставил всего лишь несколько маркитантских повозок.

Штурмовать гору через водную преграду под огнем было невозможно, восстанавливать мост днем тоже было нельзя. Корволанту пришлось ждать конную артиллерию. Обстрел снизу вверх из пяти полковых орудий с 12 часов дня до 16 часов был настолько интенсивен, что Стакельберг приказал солдатам залечь.

Подробнее описал этот бой за день до катастрофы лейтенант Вайе: *«Ранним утром неприятель в большом количестве опять показался в виду арьергарда. Обозу понадобилось много времени для перехода через мельничную дамбу. На левом фланге уже появилась неприятельская пехота в количестве нескольких тысяч, которая также пыталась пройти через болото. При таком положении генерал взял с собой к этому опасному месту большую часть войск и 14 пушек. Как только он появился, неприятель «заиграл» своими орудиями и несколько наших было убито, но мы отплатили ему той же ценой.*

С этой стороны дефиле остался генерал-майор Стакельберг с 2–3 полками и двумя пушками, чтобы поддержать арьергард. Но русские не пробовали дальше [наступать]. Они разделили свои войска на небольшие эскадроны и остались в поле позади нас. Нескольких драгун мы убили выстрелами и после полной переправы обоза, прикрываемые с обеих сторон пехотой от куч казаков и калмыков, пошли через перелесок к остальным полкам и продолжили наш марш до несчастного места Лесная, маленькой деревушки в лесу. Вокруг нее было мало открытого пространства»[61]. На р. Ресте, как и у д. Сучицы корволант еще не собрал всех сил и задержался на ее левом берегу, пока саперы ночью не навели два моста.

Как ящерица жертвует хвостом, чтобы выскользнуть из лап врага, так Левенгаупт, оставив на высокой позиции арьергард, мог бы оторваться от погони. Однако было уведено все — обоз, скот, потом кавалерия и, наконец, вечером вся пехота, которая следовала в арьергарде. В тумане, предвещавшем дождь, колонна втянулась в лес и крайне медленно (9–10 часов) шла 12 км «до рокового Лесного». Ее движение сдерживалось опережавшими корволант казаками и калмыками, которые тревожили колонну с двух сторон.

Около 16 часов 27 сентября передовые части, обоз и стада скота достигли небольших полей вокруг д. Лесной. «Армии пришлось встать на месте, окруженном топями и лесом»- писал капрал пикинеров Е.Л. Смепуст (Дальгрен.) Сильная усталость заставила отказаться от продолжения марша. Последние шведы добрались к абсолютно пустой деревне в первом-втором часу ночи 28 сентября. Тревога царя, что шведы исчезнут за Сожем, пропала.

...Русские войска издавна зарубали засеки на южных и западных границах. «Доброю зарубкою великой вред можем неприятелю учинить задержкою оного», — напоминал 13 февраля 1708 г. царь Меншикову. Части Инфлянта еще в июле-августе 1708 г.[62] завалили узкую дорогу к Пропойску как минимум на двух верстах вековыми соснами, подрубленными на высоте человеческого роста и не совсем отделенными от пней, чтобы затруднить расчистку. Все они были повалены вершинами к неприятелю.

Чтобы расчистить путь дальше на юго-восток, Левенгаупт выслал команду майора Хельсингского полка А.Ю. фон Герттена (позже погиб под Полтавой) и генерал-квартирмейстер-лейтенанта Лифляндской армии Юхана Браска (после взятия Риги в 1710 г. поступил на русскую службу.) Засека оказалась настолько непроходимой, что утомленные люди, недолго помахав топорами, доложили, что по дороге можно пройти. *«Но они справились с работой очень плохо, особенно возле болота у Лесной, где был узкий мост. ...Так как я прибыл туда поздно вечером в полной темноте, очень усталым и изнуренным, то не мог сам проверить»*, — нескладно оправдывался Левенгаупт, имевший возможность все проверить любым офицером. Можнодопустить, что полностью дорогу до Пропойска саперы не прошли. **Лесные баррикады фатально сказались на перемещениях шведов во время и после битвы**.

После перестрелки 27 сентября Петр I узнал, что Невский полк Кэмпбелла «за Сожу упредить неприятеля не мог» и оставил его при себе[63].

Попытка параллельного преследования русскими конными партиями была замечена, и тревога шведов усилилось — как пробиваться вперед, одновременно обороняясь с тыла? *«Поступили сведения, что некоторые части противника вышли вперед, а другие продвинулись дальше к дефиле». «Стало известно, что части войск неприятеля у вышеназванного места* [Пропойска] *уже заняли прочные позиции, а некоторые партии прошли стороной»*[64]. Для корволанта нападение на шведов с флангов через леса и болота было практически невозможно. Однако был вариант перекрыть выход на поля вокруг Пропойска всем 5-тысячным отрядом Боура, быстро набросав фашинные укрепления, наподобие будущих полтавских, и хотя бы на сутки задержать шведов ложными выпадами с тыла до подхода дивизии фон Вердена. (В полдень 28 сентября его пе-

хотная дивизия была в Чаусах. В ночь с 28 на 29 сентября он собирался быть д.Скоклеве, пройдя «по горелым местам» 16 км, несмотря на заторы у переправ и болот; до Лесной ему оставалось около 13 км и он мог прийти туда днем или вечером 29-го числа; так это и случилось[65].) Таким образом, к 30 сентября корволант мог бы атаковать позицию у Лесной вместе с фон Верденом и надеяться на полную ликвидацию корпуса Левенгаупта. Но царь, помня о прошлой военной славе шведов и не желая рисковать, стягивал к себе оба корпуса — и фон Вердена и Боура, отказавшись намертво «закупорить» шведскую колонну между Пропойском и Лесным[66]. 28 сентября Боур ответил, что «з Божиею помощию» ударит по обозу у Лесной, а не станет заходить спереди от Пропойска [67]. Обгон по проселкам всем корволантом, чтобы отсечь Левенгаупта от главной армии шведов, не рассматривался. Только к ночи 27 сентября корволант в полном составе достиг деревни Долгий Мох. Утром до боя 28 сентября Петр I приказал бригадиру Фердинанду Фастману стоять насмерть за земляными укреплениями в местах возможной переправы у Сожа и ***«держать неприятеля до последнего человека под потерянием живота».*** (Казаки, едва не попавшись в руки противника, доставили этот приказ только ночью 29 сентября, уже после битвы.) Из-за топкости места драгуны и казаки Фастмана не копали траншеи, а засели за фашинными валами.

Перед сражением, произошедшим накануне заморозков, в ночном мраке сильно дождило, и шведам, как и русским, пришлось вытерпеть промозглую сырость и острый холод. Обременяющих полотняных палаток, которые перевозились в закрытых кузовах одноосных повозок, у корволанта не было. Солдаты и драгуны дремали не больше четырех часов.

Хотя шведские полковые и ротные квартирмейстеры разметили для полков места по уставу, разместиться во тьме как следует на стесненной позиции было невозможно. Под холодными осенними струями последние подошедшие устраивались на поле скошенной ржи. («Всю ночь несмотря на то, что сильно дождило, каждый оставался при лошадях», — писал Бенеке.) Часть забралась под покрышки фур, другие в стожки соломы, офицеры, по всей видимости, переспали в избах. Кавалеристы коней не расседлывали. Скот под охраной солдат загнали под деревья. Все поле перед селом было сплошь забито войсками, фургонами и лошадьми. От каждого полка были отряжены коноводы для офицерских лошадей, а также охрана для овец, коз и коров, о которой позже забыли во время боя. Особенно нелепым было выделение «пастухов» от артиллерийской команды в 50 чел. майора Г. Юлленграната: несколько артиллеристов, так и не приняли участия в бою, дисциплинированно простояв при животных!

Самым уязвимым для шведов местом на большаке к Пропойску был узкий на сваях и без перил мосток, переброшенный через заболоченное

русло речки Леснянки за левым флангом шведского лагеря в нескольких сотнях метров от западной околицы д. Лесной. Это деревянное сооружение было рассчитано на «осторожное» движение одной телеги. При его захвате шведы оказывались в мешке. Мост подправили, но не расширили. Использовать кожаные понтоны на заросшем русле лесной речки было нельзя. За деревней было еще несколько мостков, но они, скорее всего, были пешеходные. Отказ от устройства дополнительных переходов через топь (даже учитывая нехватку времени и усталость) следует признать шведской оплошностью. Нападать ночью или на рассвете на русских, как это делал Карл XII, Левенгаупт не собирался. Напротив, он боялся, что противник разыщет неизвестные подходы через лес, нападет на авангард, обоз или отсечет его от Сожа. Строить боевой порядок за перелеском, или за деревней вдоль правого берега Леснянки было нельзя, так как мешала растительность, к тому же это было бы вопреки традиционной атакующей тактике шведов.

За собой Левенгаупт выставил часовых, но не дальние аванпосты **«из-за угрозы пленения» (?!.**) «У страха глаза велики», — все караульные в один голос говорили, что всю дождливую ночь они якобы слышали *«движение русских, неизвестно в каком направлении, но, скорее всего по сторонам» (Бенеке.)* Шведскому командованию приходилось учитывать вероятность окружения.

Из двух вариантов: 1) не задерживаясь у Лесной, пройти оставшиеся 12 км до Сожа ночью с 27 на 28 сентября и, быстро наведя понтоны, оторваться от погони (так предлагал подполковник Юхан фон Ментцер); 2) услать утром обоз, дав бой у Лесного, Левенгаупт выбрал последний. Усталость не позволила продолжить марш ночью. Как бы ни была плоха болотистая местность за Сожем, но теплилась надежда, что там, в «зоне контроля» главной шведской армии корволант откажется от настойчивого преследования. (Это произошло на самом деле 29 и 30 сентября.)

Без боя увести всю армию с обозомуже было невозможно. После отправления в 4 часа утра 28 сентября авангарда в 700 чел. *«все прочие войска я оставил при себе, ибо хорошо знал, что противник следует по пятам»*[68]. И все же шведский генерал таил надежду, что, может быть, его догоняет лишь часть русских[69], от которых удастся как и прежде, отбиться с малой затратой сил. Уже в плену, сидя в московском доме со свечкой, он подыскивал самые убедительные слова, чтобы потомство не судило его строго за поражения: *«В соответствии с приказом короля я не должен был ввязываться в бой с неприятелем, чтобы как можно скорее продолжать движение. Никто не хотел этого больше, чем я. Я искал любые возможности уклониться от основного боя и лишь отстреливался, чтобы оттянуть время. Но противник все время наседал сзади, а впереди у меня были труднопроходимые дефиле и речки без мостов. На*

таком длинном пути неприятель, не имея никаких отвлекающих угроз со стороны и, видя меня с моим транспортом совсем брошенным, мог вынудить остановиться и заставить сражаться против превосходящих и лучших сил там, где ему было сподручнее. Тем не менее я, как можно дольше, старался оторваться от него в надежде, что Его Величество получит наконец весть о противнике и даст мне хоть мало-мальскую отдушину. Под конец я рассылал разных курьеров, но все они попадали в руки противника.. Армия короля была постоянно на марше и ушла так далеко, что я не мог получить ни малейших сведений о ней»[70].

Отказавшись давать бой 26 сентября в хороших, а 27 сентября в сносных условиях, шведам пришлось давать сражение на стесненной местности у Лесной. Ради ускорения марша Левенгаупт, безнадежно запоздав, приказал офицерам уменьшить вдвое личный багаж и ломать и жечь свои пустые повозки, однако некоторые, нарушая приказ, перебрасывали свое имущество на обозные фуры.

Ночью перед сражением и в первой половине дня 28 сентября (9 октября по н.ст.) живая сила противников была одинаковой. Корволант насчитывал, как указывалось, 12 941 чел. В «Росписи, как сильно войско при генерале Левенгаупте обреталось», составленной по показаниям захваченных после боя пленных и отложившейся в фонде Кабинета Петра Великого РГАДА, указано, что в шведском корпусе было: рейтарской кавалерии — 2450, драгун — 2800, пехоты — 8250, всего 13 500 чел.[71]. Вайе подсчитал на 2 тысячи меньше — 11 450 чел. Правильнее можно принять промежуточную численность, указанную Петре — 12 950 чел. Против 16 шведских гвардейская бригада Петра Великого имела 19 3-фунтовых пушек, драгуны — 11 2–3-фунтовых пушек и седельные мортирцы[72]. Таким образом, русские имели превосходство в артиллерии.

От сражения к сражению численность русской конницы наращивалась: при Гемауэртгофе в 1705 г. ее было 5 тыс. при Калише в 1706 г. — 8756 чел., при Лесной — 7792 чел. (с полками Боура, прибывшими к концу сражения, — до 12 тыс.), под Полтавой — 16 тыс. Но пехоты у шведов при Лесной было больше. Боеприпасов и пропитания обе стороны имели в достатке. Полевая и строевая выучка русской армии, особенно в гвардии, стала не ниже, чем в любой европейской: К 1708 г. русские солдаты стали профессионалами военного дела. «Русская армия состоит из здоровых хорошо сложенных молодцов, обучение их хорошее; полки укомплектованы и желают боя, несмотря на плохие ружья, дурных коней и нехватку способных генералов», — писал английский посол в России в 1704–1710 гг. Ч. Витворт»[73].

Русские солдаты могли «тянуть» и стойко держать линию, без страха принимая в лицо выстрелы. Старослужащие не хуже опытных шведских солдат овладели «справной и неспешной стрельбой» шеренгами и «плу-

тонгом», мушкеты набивались крепко и стреляли не с шипением, как ракеты, залпы производились с задних шеренг, но не прежде, чем первые набьют стволы. Войска научились молча наступать, захватывать фланги противника и отступать. Капитаны без наставлений майоров самостоятельно могли командовать ротой.

Становым хребтом корволанта были гвардейские полки царя, Меншикова и Шереметева. О них Левенгаупт отозвался так: *«Пехотные части, с которыми вначале схватились наши, были лучшими и отборными войсками Его Царского Величества и его личной лейб-гвардией, — а именно Преображенский и Семеновский полки, оба вместе числом около 6000 человек. Они всюду верхом сопровождают царя, всегда имеют при себе пики и прочее пехотное вооружение и в нужных случаях всегда сражаются как пехота. Я, даже будучи их противником и против воли познакомившись с ними, тоже должен воздать им хвалу и сказать, что никакая другая нация не держится в бою лучше, чем эти полки»*[74].

Командовал корволантом цвет русской армии во главе с лучшим стратегом и полководцем — Петром Великим и его сподвижником — властным генералом от кавалерии, военным самородком, калишским победителем А.Д. Меншиковым. Меншиков, как и государь, обладал даром вдохновлять воинов, и это резко повышало шансы русских на победу.

Петр I и светлейший князь могли твердо полагаться на исполнительность и неустрашимую храбрость «прямого сына Отечества», генерал-майора князя М.М. Голицына, генерал-лейтенанта от артиллерии, математика и изобретателя Я.В. Брюса. Чрезвычайно ценил царь склонность к риску и боевой опыт Боура, обретенный на службе разных армий (в том числе и шведской.)

Как и у шведов, значительная часть командного состава русской армии состояла из немцев с хорошей боевой подготовкой. Офицеры были предупреждены: *«которые на бою уступят место неприятелю, почтутся за нечестных и в числе людей счисляемы не будут и таковых в компании не принимать и гнушаться их браку»*[75].

Пара Левенгаупт — Стакельберг в 1708 г. уступала в полководческом мастерстве и военном опыте не только Карлу XII и фельдмаршалу Реншельду, но и русскому верховному командованию — Петру I и Меншикову. Потомственный аристократ, 49-летний обстоятельный и осмотрительный Левенгаупт, учившийся в трех университетах — Лундском, Уппсальском и Ростокском, воевал волонтером в 1685 г. против турок в войсках курфюрста баварского, в 1688–1698 гг. служил в шведских полках на голландской службе.

В 1703 г. Левенгаупт одержал победу над заведомо слабым, хотя и вчетверо превосходящим войском стрельцов, ополчением смоленской шляхты и литовскими хоронгвями у д. Салаты (лит. Салочай на р. Муша в 65 км

к югу от Елгавы), в 1704 г. разбил при г. Якобштадте (латв. Екабпилс на р. Даугаве) вдвое большее количество стрельцов и литовцев, в 1705 г. победил при равных силах драгун и солдат Б.П. Шереметева у Гемауэртгофа (на р. Свете в 30 км к югу от Елгавы.)

После этих побед преимущественно над полурегулярными стрелецкими и литовскими войсками он получил чин полного генерала и командующего армией в Лифляндии, Курляндии и Литве. Тремя своими успехами амбициозный генерал гордился и, «за ничто почитая неприятелей», нередко совершал дальние рейды по земле этнической Литвы. Сандомирские конфедераты советовали русскому союзнику считаться с военным дарованием Левенгаупта и «лучше иметь его за льва, чем за барана». Вместе с тем, многие из шведского офицерского корпуса признавали генерала излишне нервным, осторожным и мнительным. Фельдмаршал Реншельд вообще считал его конченным шизофреником. Меланхолия и склонность к мрачным мыслям снижали достоинства генерала как полководца.

Строптивый помощник Левенгаупта — остзейский барон из Ревеля генерал-майор и военный профессионал Берндт Отто Стакельберг (1662–1734) служил в 1688–1690 гг. в Нидерландах, участвовал в нескольких походах и осадах во Франции, а также в сражениях под Нарвой, Двиной, Якобштадтом, Биржами и Гемауэртгофом. Скорее он, чем Левенгаупт, мог считаться «отцом-командиром», так как всегда заботился о солдатах и называл их «сынками». В 1709 г. Стакельберг был пленен под Полтавой и вернулся из плена в 1721 г.

Большинство офицеров Левенгаупта были знатоками военного дела, многие прошли школу в Западной Европе. «Казачьего эквивалента» типа валахов, служивших шведскому королю у Левенгаупта практически не было, и его разведка была не лучше русской. Не было и элитных гвардейских частей, составлявших ядро армии короля и корволанта царя.

Боеспособность и боевой дух противников в целом были одинаковы. (Зенит боевого духа воинов Романовской империи был еще впереди, в 1770–1814 гг.) Физическая усталость от погони была сильнее, но установка на разгром неприятеля была предпочтительней, чем стремление шведов уйти от преследователей и спасти обоз. Взвинченная тревога и осознание того, что «армия короля нас бросила» не повышали настрой воинства Левенгаупта. Неизвестно, знали ли шведы устрашающую молву, ходившую среди русских о волшебстве финнов и шведов, о том, что «шведские пули были с отравою», что «неприятельские мушкеты были заряжены пулями, разрезанными на четверо и вбиты конскими волосами, да сверх пули по 4 пули небольших», что «противно всех христианских народов обычаю, дабы раны от оных неисцелимы были»[76].

Ради национальной славы армии «всех времен и народов» преувеличивали численность и потери врага, сложность местности и преуменьша-

ли свои силы. Петре писал, что у Лесной сражались 4300 шведов против 18 тыс. русской гвардии. Вайе писал о 30 тыс. русских, Г. Адлерфельд и Т.Г. Бьельке утверждали, что 6 тыс. шведов у Лесной целый день удерживали натиск 30–40 тыс. московитов и слава осталась целиком за шведами. (Адлерфельд ошибочно полагал, что против Левенгаупта сражались и войска Ф.М. Апраксина, переброшенные из Ингерманландии после разгрома корпуса Г. Любекера.) Большинство корреспондентов в Европе давали численность шведов — 14 тыс., а русских — 24 тыс. С подачи шведской пропаганды в гамбургских и митавских газетах в ноябре 1708 г. «московитская сила» была взвинчена до 50 тыс.[77]

Меньше — всего на 3 тысячи, преувеличивала численность шведов русская сторона (но при этом уменьшив свои силы на 2 тыс. — см. ниже.) Как указывалось, Петр I и русское командование были в полной уверенности, что нападают на превосходящего противника, стоявшего «в зело крепких местах числом шестнадцать тысяч»[78]. Даже в поздних стихотворных панегириках, написанных «на день торжества славной виктории» писали, что Левенгаупт имел 16 000, а Его Царское Величество токмо 10 000»[79].

«Несказанная виктория». Битва развернулась на разделенном редким и узким перелеском поле размером примерно в 1,5 км по ширине (фронту) и 2 км в глубину. К северу от перелеска, ближе к д. Лопатичи, поле было меньшим. Определенное преимущество в местности было за русскими — лес вокруг тесного поля, как редуты, мог прикрывать их. Вместе с тем растительность лишала обоих противников свободы маневра (обхода флангов.) Тыл шведов с юга и юго-запада прикрывало топкое русло р. Леснянки, вдоль которой стояли пустые постройки деревни Лесной. (Точная топографическая съемка местности начала XIX в. приведена на планах Д.П. Бутурлина.)

В Северной войне, в том числе и в битве у д. Лесной, при общей линейной тактике противники сражались, имея разные военные традиции и приемы. Со времен Густава II Адольфа (1594–1632) шведы до совершенства отладили линейные порядки. В России сражаться и гоняться строем за кочевниками было немыслимо и был наработан опыт боев из-за укрытий, частоколов, таборов и лесов. Шведы вести малую войну «по-татарски» не умели, а биться за вагенбургом, редутами или рогатками, которые широко использовала русская армия, не собирались, хотя за ночь и утро 28 сентября можно было бы навалить фашины и забросать их землей — как было сделано Петром I под Полтавой. Победным приемом каролинцев был первый сокрушительный удар, который ошеломлял, ломал дух противника и сметал его с поля боя (Рига — 1701, Клишов — 1702, Пултуск — 1703, Фрауштадт — 1706.) В этот стереотип они твердо уверовали. *«Если бы* [Левенгаупт] *окопал свой фронт, что было легко сделать,*

нашим было бы трудно атаковать. Но против армии московитов шведы презирали окапываться и такая самонадеянность стала причиной их поражения»[80]. Перед своим лагерем в перелеске, разделявшем малое и большое поле на расстоянии в 1,5 км шведский командующий занял передовую позицию, на которой находилось неизвестное количество батальонов. Петр I широко использовал приемы малой войны — мелкие партии, ложные выпады, естественные и искусственные препятствия, а также «мертвую зону» вокруг врага. Из тягловой силы, кроме лошадей использовались неприхотливые верблюды. (В июле 1707 г. в Преображенский полк давалось на роту по 6 верблюдов и по 1 человеку «верблюдчику»[81].)

Вечером у д. Долгие Мхи Петр приказал изготовиться к раннему выступлению для нападения на неприятеля. В день битвы оба войска поднялись одновременно. Корволант встал на ноги в глухую темень, в 4 часа утра[82]. Примерно три часа ушло на сборы, утреннюю молитву[84] и прием пищи. В 7 часов[83] длинная вереница всадников в непросохших от ночного дождя кафтанах и епанчах двинулась по раскисшей дороге вместе с артиллерией и всеми военными припасами из Долгих Мхов. К лагерю шведов, находившемуся на расстоянии 12–13 км, приблизились, судя по разным источникам, около 9, 10 или 11 часов утра (таким образом, скорость движения корволанта в полном составе была 5–6 км в час.) От д. Лопатичи, чтобы ускорить движение, перемещались двумя пятитысячными конными колоннами. (На тренировочное выстраивание боевой линии у Лопатичей, которое было показано Д.П. Бутурлиным, не было времени)[85]. По большаку пошел Меншиков с Невским драгунским, Ингерманландским пехотным, Сибирским, Тверским, Вятским, Смоленским и Ростовским драгунскими полками. Замыкал колонну светлейшего лейб-регимент. Петр I принял на себя движение по сомнительному лесному проселку. Обе дороги сходились за западной околицей д. Лесной у моста через р. Леснянку.

И шведское и русское командование не знало местной топографии. Ночью противники не имели соприкосновения друг с другом, поэтому и шведам и русским пришлось заплатить кровью при завязке боя из-за отсутствия войсковой разведки. Казаков в то время не умели использовать, и они ночью не разузнали подход к шведам. Как только армия останавливалась, вставал и казачий авангард. Но когда корволант поднялся, степные конники просочились по бездорожью сквозь чащобу и топи за д. Лесную, обойдя позиции шведов. Два гвардейских полка, Астраханский батальон, а также троицкие, владимирские и нижегородские драгуны были проведены по проселку не казаками и калмыками, а неизвестным по имени белорусским крестьянином.

Была вероятность, что Меншиков по торному тракту опередит Петра I и колонны на бой выйдут разновременно. Гвардейцам с пехотным вооружением

жением — пятиметровыми пиками, мушкетами, алебардами, эспонтонами и протазанами продвигаться по лесу было труднее. Опаска не оправдалась — от Лопатичей последний отрезок в 2,5–3 км был успешно преодолен. «О полудни в удобное место», т. е на открытое малое поле перед д. Лесной, между 11 и 12 часами утра колонна царя была выведена в сторону левого фланга шведов чуть позже, чем полки Меншикова. Эту немалую помощь белорусского «лоцмана» Петр I специально отметил в «Гистории Свейской войны». В отличие от русских, шведы у Лесной оказались «слепыми». Все белорусы перед их приближением покинули свои жилища. Невозможность добыть сведения об окольных местах Бенеке назвал бедой, которая привела к расчленению сил Левенгаупта: *«Было несчастьем незнание окрестности. Не было не видно ни души, от которой можно было бы узнать, как двигаться вперед и каким путем можно идти к Сожу, до которого нам оставалось еще только 3 мили. Опасаясь, что противник пройдет через лес другим путем и нападет на авангард, или на обоз на марше, или перекроет путь у Сожа, генерал усилил передовой отряд и велел выделить от каждого полка подкрепление для обоза. Для охраны скота тоже было отряжено много людей. Получилось, что армия оказалась разделенной. При таком положении не могло произойти ничего иного, кроме сильного ослабления»*. (Бенеке не написал, что главной причиной разделения шведских сил были действия Петра I.)

Одновременно с 4 часов утра к Пропойску ушли 400 шведских кавалеристов и 300 пехотинцев под командованием подполковника Эстерботтенского полка К.Ф. Мейерфельта и майора Берга. Непоправимой оплошностью графа был отказ от утренней разведки навстречу приближавшемуся корволанту. «Около 6 часов утра запел хор» (Р. Петре) и после урезанного богомолья началась эвакуация полковых фургонов и стад с левой стороны шведского лагеря. Потом пустили полки и фуры с полковым багажом. Добровольно лишить себя всего сборища повозок и скопища животных Левенгаупт так и не решился. Если верить Левенгаупту, от каждого из 13 полков, 6 эскадронов и отдельных батальонов было выделено по сотне солдат — всего 1600 человек. Вместо возниц полковыми провиантскими подводами правили, как обычно, 1300 солдат и кавалеристов. Стакельберг предупредил, что конвой будет охранять обоз **«от казаков и калмыков, которые находились уже в лесу»** (показания подполковника Х. Хурна.)

Неизвестно, какая часть обоза и стад успела уйти до боя — возможно, половина или более, Бенеке писал, что к моменту русского нападения начали уже выводиться повозки с правого шведского фланга. Если бы генерал не успел этого сделать, то сумятица на забитом обозом, людьми и скотом поле была бы невообразимой. Остальные полки, пушки и оставшиеся фургоны Левенгаупт не отправлял, хотя до начала русской атаки

оставалось еще 3 часа. Это исключает предположение, что генерал надеялся увести всю армию без боя.

Битву при Лесной Петр I дополнил противостоянием у Пропойска, заставив разделить силы противника и считать, что тот взят в два огня. Через несколько часов после выхода авангарда, прошедшего часть пути к Пропойску, шведское командование получило скверную весть, что по обоим берегам Сожа «в полной боевой готовности» стоит неприятель, а некоторые его партии готовы напасть на отступающую колонну с двух сторон большака. Голова колонны в лесу около 11 часов была обстреляна русскими аванпостами[86]. Случилось то, чего больше всего боялись — дорога к Сожу отсечена, а фланги обоза под угрозой казачьих налетов! Об этом донесли «сапежинцы» из польской хоронгви. «Там, где сто, страх увидит тысячу», — гласит поговорка. С 15 сентября, начиная с Толочина, шведы ждали фронтальной встречи с врагом — и вот он не только сзади, но и впереди! Это были переплывшие на левый берег Сожа немногочисленные драгуны и казаки Ф.И. Фастмана. *«И мы в тех нужных местах, где было можно им переправлятца, сделали ретранжамент, а вверх и вниз реки Сожи послали розъезды, чтоб в ыных местах где не переправились», —* сообщал Фастман[87].

Мейерфельт и Берг, кое-как в спешке прочистив лесные завалы и пройдя полторы мили (9 км), не уточнили сил Фастмана и, не выходя из леса на пропойские поля, послали запрос, что делать. Находившийся в нервозном состоянии Левенгаупт всерьез принял опасность с юга и приказал остановиться, не ввязываться в бой, но при атаке врага биться до последнего. На помощь авангарду, вероятно, около 7 часов утра, он отправил крупный отряд — пехотный Бьернеборгский полк (845 чел.), 157 карельских драгун Цеге, 427 драгун полка Шрейтерфельта, 947 чел. Аболенского кавалерийского полка, 120 драгун эскадрона подполковника Шуга и 310 пехотинцев нюландского батальона — всего 2806 чел. Этой помощи хватило бы, чтобы сбить малые силы Фастмана и продолжить движение фур. Однако подмога, с трудом одолев часть пути за 5 часов, застыла в лесу, не дойдя до собственного авангарда 3 км. Даже когда загремела канонада битвы, она опасалась сняться с места, ожидая приказа вернуться, который дошел только в 13 часов[88]. В мемуарах вину за то, что «казаки и калмыки» были приняты за крупные силы, Левенгаупт с себя снимал: *«Обманутый этим ложным донесением, я не мог думать иначе, чем о будущей атаке противника спереди и сзади»*.

Д.П. Бутурлин показал, что русское командование не заметило утренний уход шведского авангарда[89].

Возможно, так и было. Однако казаки и калмыки, как вспоминали каролинцы, обойдя по лесу позицию шведов, стреляли по уходящему авангарду и конвою, приближаясь по одиночке. С начала Северной войны

скандинавы знали, что эти конники не особенно опасны для регулярных войск. Конвой, охраняя багаж от скрывавшихся за деревьями всадников, шел по сторонам повозок. Через некоторое время угроза нападения с флангов и прежние ночные слухи о продвижении русских «по сторонам» заставили колонну занять глухую оборону. **На лесном большаке из фургонов был составлен второй длинный вагенбург**. Ранее ни в шведских, ни русских исторических работах об этом не писали ни слова. Лейтенант Бьернеборгского полка Я.И. Берг давал такие показания инквизиционной комиссии: *«Вскоре разнеслась тревога — между нами и армией рыскают калмыки. Мы подняли наших людей и весь «огонь» был потушен. Но так как приходили все более дурные вести* (видимо, о казачьих налетах и русской угрозе со стороны Сожа. — *В. А.*), *меня послали составить вагенбург... Я приказал переставить частью запряженные, частью не запряженные повозки с середины [дороги] к краям леса вплотную друг к другу»* («liess die Wagens so theils bespannen, theils unbespannen waren aus der Mitten an den Rand des Waldes, ein in einander ziehen»)[90]. Внутри растянутого вагенбурга перемещались солдаты. **Так, выставив заслон у пропойской переправы и пустив в дело нерегулярную конницу, Петр I выключил из битвы около 4 тыс. каролинцев вплоть до 16–17 часов вечера.** Приняв во внимание, что шведы за несколько километров от Лесной при шуме большого дождя якобы слышали «движение русских», боялись выставить дальние пикеты, сверх меры усилили конвой уходящего обоза, раздули «казацко-калмыцкую угрозу» и, как будет показано ниже, впали в панику при бегстве, можно сделать вывод о необычайно сильной тревоге курляндского корпуса. Беспокойство, наслоившись на установку «уйти от погони», привело к нескольким непоправимым ошибкам Левенгаупта.

«Первый жар». Инициативой в битве с начала и до конца владели русские. План Петра I предусматривал фронтальный натиск всеми силами в направлении к деревне. О фланговом ударе справа к мосту через Леснянку (или обход по проселку в тыл врага) не думали, возможно, из-за непроходимости места. Внезапность нападения исключалась: к окруженному «болотами и жестокими переправами» противнику пробирались более двух часов (быстрее, чем шведы.) Часть сил оставили на караулах в обозе, для обслуги полковых хозяйств, охраны нескольких тысяч лошадей, в том числе и коноводами. Среди обоза была оставлена и походная церковь. Не приняли участия в сражении не служащие — денщики, извозчики, писари, плотники и кузнецы, а также татары и мордва, ухаживавшие за конями в гвардейской бригаде. Фурманки и часть одноколок были оставлены на опушке малого поля в полутора-двух километрах к югу от Лопатичей. В русских источниках это место именовалось обозом, но не лагерем, который в виду противника следовало окапывать.

Сражение началось между 11 и 12 часами дня[91] **с сигнальных выстрелов шведских постов**. Несмотря на то что противники к нему готовились, оно произошло неожиданно и для шведов, и русских, стремившихся быстрее «проскочить» лесной путь и напасть на лагерь противника. Первой из леса с большака на малое поле стала выходить и строиться левая колонна Меншикова, затем правая колонна царя. Левенгаупт не мог и не собирался нападать на русские маршевые колонны, но он упустил начало боевого построения противника. До боя у генерала было несколько часов, поэтому необъяснимо, почему военный профессионал, зная, что с минуты на минуту его атакует многотысячный враг, не построил утром нормальную боевую линию? Вряд ли он надеялся, что русские ограничатся, как 26 и 27 сентября, только короткими налетами.

Северную опушку перелеска у малого поля Левенгаупт считал своей передовой позицией. За перелеском на правом фланге находилась кавалерия и подполковник фон Ментцер с пехотным арьергардом. В беспорядке, без пехотного прикрытия стояли слева все пушки. Уставной вагенбург заблаговременно не был составлен — там и сям поодаль от деревни стояли кучи фургонов с поднятыми или опущенными дышлами (так показано на схеме, приложенной к отчету Левенгаупта.) Невдалеке от деревни стоял Хельсинкский полк подполковника Х. фон Брюкнера (1100 чел.), полк самого генерала (700 чел.) и Аболенский батальон (500 чел..)

Стакельберг и генерал-адъютант Кнорринг с безнадежным запозданием спешно сортировали у моста повозки и заставляли бросать телеги тех, у кого их было больше нормы. Оставшиеся гурты скота, как и прежде, сторожились пехотинцами, кавалеристами и артиллеристами. Непростительны слова Левенгаупта о том, что никто не знал о подходе русских. *«Царь уже ввел (чего мы тогда еще не могли знать) всю свою армию — пехоту, кавалерию и артиллерию, в разные места большого леса, который был проходим и совсем близко от нашего тыла. Там он выстроил свои войска в боевой порядок. Я в это время поставил всю имевшуюся при мне кавалерию и подполковника Ментцера с пехотным арьергардом на нашем правом, а всю остальную пехоту с пушками на левом крыле против леса, чтобы наблюдать за противником и воспрепятствовать ему, если он захочет наступать. Около полудня, чуть позже 11 часов, противник пошел на нас всеми своими силами. Об этом с караульных постов мне тут же сообщили…»*[92].

Как прикрыть рискованный выход корволанта из леса (дебуширование) русское командование заранее не предусмотрело. (Казаков в полевую битву, как указывалось, не выставляли, а егерей в то время еще не существовало.) Поэтому полностью развернуть боевую линию на малом поле Меншиков и Петр I не успели, и Левенгаупт нанес упреждающий удар: *«Когда я взглянул на небольшое поле на нашем левом фланге, по которо-*

му шел противник с пиками на плечах, я тут же вернулся назад, повел подполковника Брюкнера с батальоном хельсингцев в перелесок, указал ему неприятеля, которого он должен атаковать на маленьком поле, и велел присоединиться к нему ближайшим — моему полку и Аболенскому батальону... (По подсчетам Левенгаупта 1800 чел. — *В. А.*) *Точно так же все солдаты, еще бывшие при обозе, должны были оставить повозки и как можно быстрее прийти с оружием к своим полкам»*. Цепляться прочной обороной за перелесок было вопреки наступательной тактике шведов. Бросив в атаку против полков Меншикова несколько батальонов, генерал не знал, что по лесной дороге выдвигается русская гвардия. В первой немецкой истории царя Петра I «Жизнь и деятельность великого государя царя... Петра Алексеевича» сказано, что, как только царь увидел приближение шведов, он приказал авангардным драгунам полковника Кэмпбелла отбить неприятеля. Кэмпбелл, несмотря на сильный огонь, послал спешенные эскадроны навстречу шведам, чтобы обеспечить выход остальных войск[93]. Также, но более подробно, завязка боя описана (возможно, по словам самого Кэмпбелла) в «Theatrum Europeum»: как только Левенгаупт узнал о подходе русских, он выслал 2 батальона на тысячу шагов вперед от своего лагеря, чтобы воспрепятствовать русским пройти через маленькое болотце, которое нельзя было миновать. (Перелесок находился между тремя небольшими возвышенностями и, скорее всего, там было топкое место. — *В. А.*) Царь приказал Меншикову, чтобы тот послал вперед драгунский полк полковника Кэмпбелла, который двигался в авангарде, спешил его и напал на шведские батальоны, открывшие огонь по московитам. Когда Кэмпбелл увидел перемещение шведов, он тут же велел пяти эскадронам, которые сошли с коней, идти вперед, чтобы остальные войска могли легче выдвинуться[94]. Это было геройским самопожертвованием невских драгун, которые некоторое время стойко выдерживали огонь противника. Подполковник Аболенского пехотного полка генерал-адъютант К.А. Синклер писал, что русские частично уже **выстроились с пушками впереди в первой линии**, пытаясь сразу же пойти с пехотой вперед и удержать инициативу[95].

Если вперед Левенгаупт (в соответствии с уставом) посылал других, то назад, вместо того чтобы послать адъютанта, генерал ускакал сам: *«Затем я снова вскочил на лошадь, чтобы быстрее вывести кавалерию в должном порядке на врага, который начал продвигаться вперед как раз по полю, где стояла наша кавалерия. Между тем наша пехота успешно сошлась с неприятелем, захватила две или три пушки и его пехота начала уступать»*[96]. (В плену Левенгаупт якобы слышал от немецких офицеров русской службы, что если бы шведская пехота отсекла русских от коней, стоявших на привязях, то можно было бы надеяться на хороший для шведов исход, но «сам царь и добрыми и крепкими словами сдержал

бегущих»[97].) Из 604 драгун Невского полка за все время битвы погибло и было ранено 338, т. е. 56%. Две русских пушки пришлось бросить.

На помощь невским драгунам Петр I послал батальоны ингерманландцев (1610 чел..) Затем он повернул продвигавшихся вправо для атаки левого шведского крыла гвардейскую бригаду М.М. Голицына с плотно набитыми мушкетами — три батальона семеновцев, три преображенцев и Астраханский батальон (всего около 5 тыс. чел..) Залповый огонь был отработан русской гвардией еще с конца XVII в. Удар с лесной дороги потряс шведов. Петр писал: *«И прямо дав залп, на оных пошли. Правда, хотя неприятель зело жестоко из пушек и ружья стрелял, однако ж оного сквозь лес прогнали к их коннице»*[98], т. е. через перелесок почти к середине большого поля. Сила первого залпа, который смел левую часть шведских батальонов, была *«похожа на гром молнии и потрясла даже старейших шведских офицеров»* (Бенеке.) Шведы были сбиты прежде всего слаженностью выстрела. *«Второй батальон Хельсингского полка был совершенно разбит, так что мало кто из посланных вернулся. Подполковник был убит, а знамена потеряны. Увидев это, неприятель совершил поворот и дал такой залп им в спину, от которого солдаты повалились, как трава под косой, после чего он преследовал их, пока оставался хоть один человек»*[99].

Гвардейский натиск был столь стремительным, что ни Левенгаупт, ни Стакельберг, ни раненый генерал-адъютант К.А. Синклер не могли остановить беспорядочное бегство своей пехоты, бросившей не только две русские, но и две свои пушки. Часть рот даже не выстрелила ни разу. «*Некоторые, не дав ни залпа, особенно полк Банера, которым командовал подполковник*, *был так растерян, что не знал, что делать и бежал, сбившись в кучу как стадо овец*»[100]. Во весь опор ускакала обратно к Лесной и шведская кавалерия (Вайе.)

Шведов отбросили почти на километр к фургонам. Четыре роты побросали свои знамена. Как вспоминал Левенгаупт, русские драгуны в это время напускались на фланги и чуть ли не в тыл обоза. Лейтенант артиллерии Л. Адлеръельм давал такие показания: «*Через час после начала боя наше правое крыло было отброшено до болота* [у р. Леснянки. — *В. А.*]. *Так как при мне не было никакой пехотной команды, которая могла бы помочь, а артиллерийские расчеты, с лошадьми и зарядными ящиками ушли, то я не мог один защищать свои 4 пушки и оставил их на месте*»[101]. В плен сдались генерал-адъютанты Отто Иоганн Лоде (разменен в 1709 г.) и Франц Густав фон Кнорринг (в 1718 г. умер в Костроме), а также полковник М.Г. Сталь фон Гольштейн (умер в 1720 г. в Москве.)

«Львиная голова» (так переводится фамилия Левенгаупт) был не робкого десятка, но он никогда вопреки уставу не бросался вперед, подобно бесстрашному Карлу XII. Находясь в лихорадочном состоянии,

генерал *«с резкостью спрашивал, кому поручить и приказать вести батальоны к лесу, чтобы помочь тем, кто еще держался в упорном бою»*[102]. Может быть, выход русских можно было сорвать, если бы граф сам повел за собой солдат.

Считаясь с возможностью захвата обоза, Левенгаупт велел арьергарду подполковника Ментцера отойти к хвостовым фурам, Нюладскому батальону подполковника Лейона (400 чел.) — к головным и прикрыть бегство пехоты огнем артиллерии. Граф вводил читателей в заблуждение, когда писал, что перелесок мог быть таким же хорошим укрытием для шведов, как и для русских. Вышибить наступавших из негустого перелеска, который, как и лес (см. ниже) стал непреодолимым препятствием для шведов, они были не в состоянии.

Ошеломляющий первый удар был нанесен русскими, а не шведами. Боевой дух противника спал. *«После того, как наша пехота один раз отступила назад, она уже не хотела снова также смело атаковать. Вот почему так важно не терять первый пыл солдата, но сполна его использовать»*[103].

Выбив каролинцев с северной (меньшей) части поля и перелеска, **гвардия Петра I выиграла завязку боя и обеспечила выход всего корволанта на большое поле.**

Ближе к 13 часам русские войска уже беспрепятственно раздвигались вокруг южной опушки леса вместе с полковыми орудиями, которые выставлялись в промежутках между батальонами. Подчеркивая «невероятное» численное превосходство русских, каролинцы писали, что они якобы выстраивались в 3–4 или даже 6 линий, что неверно. В километре от них, не мешая противнику, выравнивалась и приводила себя в порядок шведская линия. Между батальонами были разрывы, а пушки теперь были поставлены перед центром строя, как и в сражении 15 июля 1705 г. при Гемауэртгофе в Курляндии, в котором Левенгаупт разбил Б.П. Шереметева. Оправдываясь за поражение, граф постоянно выставлял на вид, что «за вычетом отосланных войск, и тех, кто сопровождал обоз, у меня оставалось едва 6000 человек». Фургоны поставили вокруг деревни полукругом боками друг к другу или в виде широкой буквы «П» — как показано на русском чертеже сражения при Лесной, составленном 13–18 октября 1708 г. Они не прикрывали мост и дорогу на Пропойск, но сыграли существенную роль в шведской обороне.

«Главный бой» — так назвал его Петр I, продолжался с 13 до 19 часов вечера с перерывом между третьим и пятым часами дня. Русский боевой порядок, видимо еще до сражения был обдуман и санкционирован царем. 13–18 октября 1708 г. он был вычерчен, подправлен и объяснен Петром I[104]. Ядром боевого строя были стоявшие в центре первой линии гвардейские полки — Преображенский, Семеновский и Ингерманландский генерал-

майора от гвардии князя М.М. Голицына. Слева находились драгунские полки под командованием генерал-лейтенанта Пфлюга и генерал-майора Бема, справа — генерал-майоров Штольца и Шаумбурга.

Вторая линия была составлена из шести драгунских полков, подкрепленных Ингерманландским и Астраханским батальонами. «Жесткость» строя скрепляли гренадеры из полков гвардии и Ростовского полка. (Они были приняты шведами за дополнительную линию.) Батальоны пехоты, вероятнее всего, строились в шесть шеренг, драгунские эскадроны — в четыре шеренги. Левый фланг в целом держал генерал-лейтенант от артиллерии Я.В. Брюс, правый, как сказано выше, — генерал-лейтенант, дармштадский ландграф Фридрих (не знавший ни слова по-русски.) Главное командование принадлежало Петру I и Меншикову. Из-за стесненности поля войска растянулись не прямой линией, а полукругом, что специально отметил царь-полководец. Такого же подробного чертежа боевого построения шведских войск Левенгаупт не оставил, и о расстановке шведских полков можно судить только приблизительно.

Как указывалось, часть русских сил была оставлена на караулах, в обозе, для обслуги полковых хозяйств, для охраны нескольких тысяч лошадей, в том числе и коноводами. Не приняли участия в сражении не служащие — денщики, извозчики, плотники и кузнецы, а также татары и мордва, ухаживавшие за конями в гвардейской бригаде. Но в бою участвовали барабанщики и даже писари. Можно допустить, что среди музыкантов находился и двенадцатилетний «барабанщик Абрам Петров арап», числившийся при бомбардирской роте Преображенского полка. Как известно, крестным отцом прадеда А.С. Пушкина был царь Петр Алексеевич и в формулярном списке генерал-аншефа и военного инженера А.П. Ганнибала (1696–1781) отмечалось, что он пребывал «при всех тех походах и баталиях, при которых Его Величество своей особою присутствовать изволил» — при Добром, Лесной, Полтаве, при Гангуте и на р. Прут[105].

Резервов противники специально не выделили.

С начала битвы и до 16 часов против 9 тыс. шведов[106] сражалось примерно 10 тыс. русских воинов: *«Не крася, но истину пишу... что нас не было десяти тысяч в сборе»,* — писал с места сражения Петр I 29 сентября.

Сигнал к атаке был дан с опушки залпом всех русских орудий. Цель битвы при линейной тактике — пробить брешь в линии противника и сломить его порядок. Иных приемов, кроме встречного боя, шведы не знали и до 15 часов пытались контратаками сбить русских с поля. Только один раз Вайе написал, что шведам удалось отогнать русских «обратно глубоко в перелесок», однако и эти слова можно отнести к желанию выправить впечатление о поражении. *«Русские обрушились с большой фурией сна-*

чала на полки Де ла Гарди и подполковника Сталя. Те под жестоким огнем отступили назад из перелеска к полкам Хельсингскому и Левенхаупта, которые приветствовали врага двукратным залпом, но, тем не менее, должны были уступить силе и присоединиться к другим полкам. Тут неприятель озадачился и стал перестраиваться невдалеке от кустов. Мы стояли на поле и также перестраивались; но людей было слишком мало, там и тут между батальонами были разрывы, а неприятель сильно нас превосходил. Наша кавалерия, которая частью уже ушла вперед, прискакала во весь опор обратно к боевому порядку, и как только она прибыла, мы атаковали с большой силой и отогнали [противника] *обратно глубоко в перелесок. Но развить победу мы не смогли, так как неприятель выстроил одну за другой 3 линии и если одна была разбита, другая заступала на ее место*», — писал Вайе[107].

Русский и шведский боевые порядки не могли быть строго выдержаны. При смене позиций, атаках и отступлениях части, случалось, перемешивались. В непрерывном грохоте залпов синие — шведские и зеленые — русские линии (по цвету мундиров), проявляя огромное мужество, попеременно нападали, смещаясь то вперед, то назад, не доводя дело до рукопашной. Клубы дыма несло в лицо шведам, так что «солдаты не видели впереди стоящих товарищей». Р. Петре насчитал 8 или 10 атак и контратак. Смертельный расстрел друг друга, происходил иногда чуть ли не в упор. Изрешеченные картечью или пулями весом в 40 г и диаметром 2 см, многие падали замертво. Как всегда, пример беззаветной храбрости подавал генерал-майор М.М. Голицын. Возможно, тогда он, как и в других сражениях, «идя навстречу неприятелю, держал во рту трубку, не обращая внимания на летящие пули и направленное на него холодное оружие». «Позади фрунтов от павших пуль едва видима была земля», — говорил позже бесстрашный князь. Герой-гренадер Михайло Федоров принял четыре куска свинца в левую ногу выше и ниже колена, в левую руку и под сердце («ниже левой титьки».) О его четырех ранах, как и ранах других солдат, мы знаем только потому, что они остались живы. Гренадер Ружнев после трех ран оставался в строю до тех пор, пока ему не оторвало ногу. Капрал Алексей Кобылин, увидев, что подпоручик их роты, увлекшись преследованием, окружен врагами, бросился с четырьмя рядовыми на выручку и все погибли[108]. Выживший шведский капитан Эрик Лундман получил пулевое ранение в голову над виском и три тяжелых раны от картечи в правый бок. Главный бой не переходил в рукопашный — за все время сражения на 20 огнестрельных ранений гвардейцев-семеновцев пришлось всего 3 раны холодным оружием[109].

В залесенной местности русское командование стихийно воспользовалось преимуществами строя, похожего на рассыпной. К такому «служивые» на Руси были издавна привычны. Полукольцо корволанта сжало

фланги противника, оставив свободным только его тыл. Каролинцы писали, что пока действовали их орудия, русские несколько раз оттеснялись вместе с пушками в «лес». Мушкетные и артиллерийские залпы, безостановочно грохотавшие из-за кустов и деревьев редкого перелеска («ужасающий огонь» — так писал Д. Джефрис), как стена останавливали и конницу и пехоту шведов — в их уставах ничего не было прописано о наступлении расчлененными порядками. Левенгаупт вспоминал: *«Конница противника поначалу, как и пехота, напускалась слева и справа на наш обоз, заходила на фланги и почти в тыл, однако наша кавалерия всегда храбро и счастливо со шпагами в руках отбивала и прогоняла ее зачастую глубоко в лес до пехоты, от которой та получала поддержку»*[110]. Как только шведы выкатывались из зоны русского огня, батальоны Петра I снова вставали плечом к плечу и шли вперед, усиливая напор: *«В лесу противник получал преимущество и поддержку от своей стойко державшейся пехоты и многих пушек, с которыми он не выходил на поле, но всегда бил от леса»* (Левенгаупт.)

Вполне вероятно, что шведские артиллеристы не подтаскивали свои пушки ближе к противнику, чтобы прикрывать отход пехоты. «*Когда мы отступали от перелеска, все скопище нападало на нас со спины и мы несли довольно большие потери, прежде чем делали снова фронт на поле»*, — сообщал Вайе[111].

Если бы здесь был Карл XII, он заставил бы продолжить атаку и сквозь растительность. Под Головчиным 3 июля 1708 г. лес с густой листвой и энергичный отпор «с полтретья часа во многом огне из мелкого ружья» (А.И. Репнин) остановили короля, который был вынужден «ездить от батальона к батальону, ободряя солдат то рукой, то шпагой, то криком». В конце концов Карл XII приказал «без выстрелов двинуться в заросли с пиками, штыками и шпагами, чтобы победить или умереть» (Г. Адлерфельд.) Царь и Меншиков, в отличие от попавшего в трудное положение Репнина, контратаками несколько раз отбрасывали противника от перелеска.

Эффективное использование Петром I рассыпного строя (и конной артиллерии) было забыто, и в истории военного искусства считается, что впервые он был применен в войне за независимость США 1775–1783 гг. американскими партизанами, не умевшими держать линейный порядок.

На другой день после победы Петр I не имел возможности восстановить четкую картину битвы от «смешания» разных эпизодов. Однако позже, анализируя сражение, Петр I в «Регулах, которые при баталии предостережены быть имеют», указал на огрехи первой половины «главного боя»[112]. Драгуны прорывались к флангам вагенбурга и, рассыпаясь, заходили в тыл шведам. При «излишней горячести» их не удавалось остановить и повернуть, чтобы ударить в спину оставшимся без кавалерии каролинцам. Случалось, что эскадроны не линией, а «колонной» (видимо,

кучей), бросались на шведских кавалеристов «без указа… токмо увидя, что другие пошли на неприятеля». Потеряв строй, драгуны оттеснялись шведской конницей совсем в сторону от русской пехоты, после чего солдаты, беспорядочно паля, отступали к лесу. То же самое с преувеличением описывал и Левенгаупт: *«Отдельные батальоны неприятеля, добившиеся некоторых успехов против нашей пехоты, так отбрасывались шпагами наших эскадронов, что те с большими потерями, стремглав и в большой спешке снова должны были ретироваться в лес»*.

Хотя временные «уступления без главного указа» ни разу не переходили «в побег», Петр I остерег, чтобы инфантерия *«лучше высматривала и цельнее стреляла и не страшилась, когда нашу конницу сорвут, ибо может паки поправитца кавалерия»*.

Чрезвычайно важным царь считал, чтобы конница не гналась далеко за неприятелем, но, разбив его, снова собиралась в эскадроны и ожидала новых команд.

Сбивчивость первой половины боя сказалась и в том, что задние батальоны пехоты, как и эскадроны, случалось, без приказа начинали движение за передними. Кавалерийские фланги иногда действовали вразнобой и мешкали с оказанием помощи пехоте. Если рядовые какой-либо части отступали, то вместе с ними отходили и офицеры, тогда как надлежало «генералам и офицерам остаться при тех, кои устоят, хотя конные при пехоте или пехотные при коннице». Офицеры не были оповещены генералами о своем местонахождении. У Петра I сложилось даже впечатление, что в чистом поле шведы могли бы выиграть бой: *«ежели б не леса, то б оныя выграли»*[113]. Вот почему свои «регулы» царь заключил строжайшим наставлением: «Кто место свое оставит или друг друга выдаст и бесчестный бег учинит, то оной будет лишен живота и чести».

Не раз был упущен момент захватить пушки врага или заклепать их. Солдаты, отбрасывая шведов от бивших картечью орудий, несли потери, и, судя по записям, царь жалел, что не отделил специальных команд для истребления артиллерийской прислуги и лошадей. Возможно, главнокомандующий в дыму и грохоте смертельной картечи кричал то, что позже утвердил в «регулах» — «коль ближе к пушкам, толь меньше вреду и опасности от них». Эти слова не пропали даром — удары центра, левого и правого флангов были такой силы, что до перерыва в бою еще 6 пушек было отбито у шведов. (Свидетельств, каким образом русские захватили орудия, к сожалению, не сохранилось. Пункт о перемещении вместе с пехотой 3-фунтовых пушек для стрельбы картечью царь вычеркнул.)

Русские же не бросили ни одной. Нет оснований не считать, что не использовались ручные седельные 3-фунтовые мортирцы и гренадерские гранаты, как было в битве при Калише в 1706 г. Тогда же захватили и пленных, но их количество и обстоятельства пленения неизвестны.

В целом же царь был в восторге от бесстрашия и «линейной» выучки своих питомцев, *«которые ангельское, а не человеческое дело делали»*. При всей неопределенности, куда склонится победа, первая половина боя стала предвестием успеха корволанта. О своей роли в сражении царь не писал, но о громадном вкладе Петра I и Меншикова в победу говорили позже посланцы в Москву. Оба умело командовали, подчиняя войска своей воле. Царь на правом, а Меншиков на левом фланге разъезжали из конца в конец линий под градом свинца. Появляясь в самых опасных местах, они своим авторитетом и решительностью нагнетали русский напор. Как всегда царя в бою охранял его любимый лейб-гвардеец С.Л. Бухвостов. *«Его Царское величество своим высоким присутствием больше всего дал для победы. Он скакал от одного полка к другому и, давая пример уставшим частям, снова ободрял их. Везде появляясь, он наводил необходимый порядок. Точно также светлейший князь Меншиков, как генерал аншеф и все прочие генералы и офицеры каждый доказали свою личную храбрость и умение в бою»*[114].

Оба полководца возглавляли и кавалерийские атаки: *«В последней баталии мы с 6-ю шквадронами наступали на 4 и принуждены были мимо инфантерии идти, которая имела пушки у себя»*, — писал царь[115]. «Радейте братцы, Богу и государю!» — сохранила такие слова Петра I Могилёвская хроника. Без государя солдатское рвение было бы не таким отважным. В 1709 г. Феофан Прокопович написал, что ратное поле под Пропойском стало свидетелем, как стойко и мужественно монарх претерпевал «марсово пламя», покуда не погасил его кровью супостата[116]. С Александром Македонским и его любимым другом Гефестионом сопоставлялись царь Петр и Меншиков во время триумфального шествия в Москве после победы при Лесной и Полтаве.

Ближе к 15 часам натиск Петра I стал настойчивее, пушки по его распоряжению выдвинули ближе к середине поля. Шведы вместе с оставшимися 8 орудиями, не теряя строя, стали подаваться к фургонам[117]. **Так нарушилось равновесие и у корволанта стало складываться предчувствие победы.**

Получив весть о том, что на подходе, в получасе марша идут 4 тыс. драгун Боура (не менее 900 чел. тот прежде отослал с Фастманом) Петр I прервал сражение. Выбившись из сил, соперники прекратили взаимное истребление и сели в половине пушечного выстрела друг от друга (200–300 шагов) шведы у вагенбурга, русские на середине поля. *«Солдаты так устали, что более невозможно битца было, и тогда неприятель у своего обозу, а наши на боевом месте сели… будто бы приятели между собою были»* (Петр I.) Шведов не подняли даже несколько залпов из трех пушек, стрелявших с русского правого крыла по левому флангу противника. Во время часовой передышки обе стороны приводили себя в порядок и по-

могали своим раненым, которые самостоятельно ковыляли назад к обозам[118]. (Во время битвы солдатам в строю не позволялось выносить раненых.) Русские сортировали пленных, у шведов таковых почти не было. Левенгаупт, командный пункт которого находился на небольшой возвышенности, в пятистах метрах впереди от деревни и речки Леснянки, восстанавливал «полумесяцем» оборону вокруг деревни, чтобы обезопасить оба фланга и тыл[119]. Позади поля сражения для обогрева людей горели шведские и русские костры.

Как упоминалось, приказа напасть с тыла на шведов по пропойской дороге Боур не получил и его колонна из восьми полков «в пятом часу» (т. е. между 16 и 17 часами) начала приближаться к правому флангу шведов и выходить на поле. Шведы развернули оставшиеся 8 пушек и драгуны, пристраиваясь к русскому левому флангу, понесли ощутимые потери от продольных выстрелов. Неясно, почему колонна Боура прошла близко от шведского вагенбурга, а не через лес. Возможно, иного подступа к полю боя не было. Русская артиллерия, не смогла подавить шведский огонь. Однако было ясно, что свежее пополнение поможет растрепать оба крыла неприятеля. Только два полка Боура (возможно, из-за нехватки места) Петр I перевел на правое крыло. Противник был охвачен полукругом русских войск, теперь превосходящих шведов по численности на 4 тыс.

Хотя Петр I приказал, чтобы ни правый, ни левый фланги не начинали порознь боя, но левое крыло, где оказалось 6 новых драгунских полков, по своему почину напало на правый фланг противника, прорвалось к фургонам и солдаты неистово (furios) погнали оттуда шведов[120]. Возможно, тогда Боур был тяжело ранен. Пуля вошла в рот и вышла через шею со стороны затылка. («В рыло, и язык почти вывалился» — как глумливо отзывались позже шведы.) Генерал-лейтенанта, у которого отнялась рука и нога, замертво вытащили из боя и он оставался в беспамятстве до 30 сентября. Активнейший и смелый кавалерийский командир был потерян для русской армии на несколько месяцев. Еще 4 декабря 1708 г., оправляясь в Москве от ран, он не мог владеть правой рукой[121], однако под Полтавой он уже бился со свойственным ему геройством и распорядительностью.

Шведские участники сражения отмечали, что картечь пробивала в зеленых шеренгах «целые проходы, словно улицы», но сломать русские линии было невозможно. (Особенно сильно пострадал Ингерманландский полк: всего за время битвы в нем было ранено 22 офицера, среди них бригадир, полковник, подполковник, 4 капитана и 361 нижний чин, убито 8 офицеров и 354 рядовых)[122].

Контратаки каролинцев стали ослабевать: *«Когда мы с пехотой атаковали противника... нам ни разу не удавалось обратить его в бегство, потому что он после 3–4 залпов всегда отходил, не подпуская к себе нас*

со шпагами, штыками и пиками... Нам ни разу не получилось поразить в спину отходящих и прикончить отставших»[123].

Теперь царь направлял усилия в самое уязвимое место шведской позиции — в сторону моста. Чтобы взбодрить уставших воинов, Петр приказал играть военной музыке и развернуть полковые и ротные знамена[124]. Удар гвардейских полков правого фланга оказался сокрушающим. Противника загнали за вагенбург, отбросили от моста, прижали к западной околице деревни и отсекли путь на Пропойск. Часть обороняющихся бросилась за Леснянку, часть укрылась в избах, отстреливаясь оттуда. Раненые забивались в сараи по 20–30 человек. Некоторые покидали поле сражения, подобно тому молодому солдату, который явился в штаб-квартире короля в Костеничах в первых числах октября и рассказал о битве, не зная о ее результате[125]. Разъезжавший за своей линией Левенгаупт оказался почти в окружении. Возможно, к этому времени он уже был контужен в ноги и в левую руку. *«Поскольку теперь неприятель хотел добиться решающего перелома, то, используя свое подавляющее превосходство, перекрыл нам путь на Пропойск и почти окружил нас»,* — писал он позже. Казалось, победа уже рядом, но перелома не наступило.

Вскоре вслед за прибытием драгун Боура, к шведам подоспели отправленные утром Аболенский кавалерийский полк, драгуны Шуга и Нюландский батальон — всего 1377 чел. С 13–14 часов дня они почти 4 часа, добирались обратно: *«Поскольку они удалились уже на полторы мили, то смогли вернуться почти что перед вечером, незадолго до третьего и последнего общего наступления противника»,* — оправдывал их Левенгаупт[126]. (Часть авангарда вообще не двинулась к Лесному и не приняв участия в бою, рассыпалась в разных направлениях.)

Через три века трудно разобраться, почему русское командование не закрепило позицию у моста и допустило переход Леснянки шведскими резервами. Можно предположить, что в горячке боя все внимание было приковано к противнику, еще державшемуся у деревни. Если бы перед мостом или на правом берегу речки была оставлена часть солдат, то шведский корпус так и остался бы разделенными. *«Наши, которые оказались в беспорядке как на правом, так и на левом фланге, получили время снова привести себя в порядок и сдерживать неприятеля»,* — писал Левенгаупт[127].

Об отряде Фастмана в это время русские командующие лица тоже не вспоминали. Без приказа тот не мог бросить позицию за Сожем, чтобы навести переполох среди оставшихся без прикрытия фургонов. Шведы перестали обращать на него и «казачью угрозу» внимание. Оставив с повозками 150 кавалеристов и 100 пехотинцев, к Лесной ушел последний резерв численностью в 1429 чел. — Бьернеборгский полк, шрейтерфельтские и карельские драгуны. В шестом часу вечера они беспрепятственно

перешли на левый берег Леснянки. Шведский капитан из остзейзев О.И. Тизенгаузен давал такие показания: *«Мы были уже в двух милях от места сражения, когда впервые услышали об атаке противника. Около 2 часов после полудня того же дня к нам пришел приказ вернуться. Через четыре часа после этого мы пришли на место и были сразу поставлены на левый фланг»*[128].

Численность противников снова выровнялась. Офицеры правого русского фланга не заметили, как шведы подготовили удар в спину. Стакельберг выстроил пришедших, нанес удар слева и оттеснил русских от моста. Путь на Пропойск снова стал свободен.

Царь видел, что день заканчивается и нужен решающий удар, чтобы добить противника. Начинался дождь, кремневые ружья под дождем не действовали. Русские линии сместилась на юго-запад и начали атаку с холодным оружием в косом направлении на шведский центр и левый фланг, прикрывавший мост. И здесь снова особой храбростью, хладнокровием и распорядительностью отличился М.М. Голицын. О последнем получасовом дружном и сильном напоре русских шведы писали, что тот производился «с величайшей свирепостью» («mit der grösster furie».) Это была одна из тех страшных штыковых атак, которых не знали рати XVII в. и которыми прославилась русская пехота с середины XVIII в. Люди пришли в неистовство. От последних шведских резервов *«от 2 батальонов и 10 эскадронов осталось не более 70 человек»*[129]. Бьернеборгский полк погиб почти весь.

Подполковник Христер Хурн аф Оминне (1672–1746) писал: «*Когда я прибыл со своими двумя батальонами к дефиле* [у моста] *и перешел его, нас встретил сам господин генерал-майор Стакельберг, который уже велел батальону генерал-майора Функа дать нам как можно больше места, чтобы мы... встали в одну линию. После того, как он построил эти три батальона и сам встал пред нашим вторым батальоном, мы пошли на противника. Тот в это время стрелял в нас со всех сторон и с фланга пушками и пехотой. Приблизившись на 20 шагов, мы тоже дали залп половиной* [задних] *шеренг, но не могли заставить солдат прорвать штыками строй врага. Вместо этого нам пришлось отступить перед неприятелем, который и с боку и спереди надвинулся совсем близко и пытался нас окружить. Мы очутились в таком положении, что каждый думал только о своем спасении. У меня не было ни коня, ни прислуги и нам вместе с оказавшимися рядом офицерами и рядовыми пришлось ретироваться в стоявший поблизости дом, в надежде, что если противник снова отойдет, мы опять присоединимся к своим. Когда русские прикончили все, что было на поле и стемнело, они стали трубить и бить в литавры. Но вскоре среди них пошла тревога, причину которой я не мог уяснить. Позже я понял, что это случилось из-за господина подпол-*

ковника Фраймана [в его распоряжении было 427 драгун. — *В. А.*], *который зашел им в тыл. Из-за темени противник не мог разобраться, какова собственно могла быть наша сила и он вынужден был снова занять прежнюю позицию»*[130].

От тяжелых туч к вечеру резко стемнело. От центра и до конца левого фланга неприятель по словам Петра I, оказался полностью «разрушенным». Из-за тесноты в некоторых местах батальоны царя напирали чуть ли не колоннами в 5–6 линий — так показалось Левенгаупту. К этому времени свинцовое небо разразилось снегопадом, градом и ливнем, хлеставшим в лицо только шведам. «Наказание Господне» — резкий ветер слепил снежными хлопьями и пороховой гарью. *«Пики и штыки вонзались в нас прежде, чем мы могли видеть русских»,* — писал Вайе. Солдаты в зеленых мундирах рубились палашами уже среди фургонов, в плен не брали. Оружие шведского устрашения — шестиметровые пики были бесполезны. О беспощадности последнего удара царь написал: *«А протчим наши салдаты пардону не дали»; «Наши линии, которые паки неприятеля отаковали и с помощию Божиею совершенною победу получили»*[131]. Каждый из шведов думал о себе, спасаясь за фургонами. Огонь последних восьми шведских орудий был подавлен, и каролинцы оттащили их назад.

В сгустившейся полутьме заключительным аккордом битвы стала русская артиллерийская канонада. Как только заглохла шведская артиллерия, *«стало страшно — русские орудия начали громить все вдоль и поперек, приведя в беспорядок наши войска, хотевшие снова собраться»,* — сокрушался Бенеке. Капралу пикинеров полка Левенгаупта Е.Л. Смепусту показалось, что их истребляли из 40–50 орудий. (Можно допустить, что Петр I использовал и трофейные пушки.) Тизенгаузен так описывал бедствие шведов: *«Огромное несчастье, в которое попали люди, было неописуемым. Враг не только непрерывно громил нас из мушкетов, но его артиллерия, постоянно надвигаясь, наносила ужасные потери. У нас же на нашем месте не было ни одной пушки. Чем малочисленнее становился батальон и чем слабее надежда на помощь, тем сильнее росло смятение у оставшихся в живых»*[132].

Последний яростный штурм сломил каролинцев, люди стали бежать с поля боя. Однако массовое беспорядочное бегство рассыпавшихся частей Левенгаупту и Стакельбергу удалось предотвратить. Перед мостом из случайно подвернувшихся солдат «было собрано батальонное каре, под прикрытием которого бегущие собирались и затем могли через мост выбираться в лес» (Бенеке.)

Так в самый последний момент Левенгаупт отстоял единственный путь спасения. В половине седьмого в темноте загремели русские литавры и барабаны. Давая отбой сначала на левом, а потом и на правом фланге, русское командование не знало, насколько уничтожающим был последний

удар для шведов. (*«Виктории нельзя было во весь день видеть, куды будет»* — писал царь[133].) Но продлись световой день на полчаса дольше, для неприятеля наступила бы катастрофа, подобная Полтавской. Только ночь и жестокая буря помешали добить правый фланг противника и отбросить повторно от моста. (Разбить мост настильным огнем было трудно.) Нельзя не признать, что фургоны вагенбурга, поставленные впритык бортами друг к другу, сыграли роль спасительной преграды для шведов. Будучи выбитыми с поля, они оборонялись из-за повозок. Отход корволанта к середине поля сопровождался не стихавшим огнем артиллерии — бомбардиры Петра и в кромешной тьме еще долго страшили противника залпами.

Шведская и европейская пропаганда часть русского успеха облыжно приписала калмыцко-казацким «заградотрядам»: «Царь перед боем должен был поставить позади своей армии калмыков и казаков с приказом, что если та будет отступать, то всех и каждого уничтожать, чтобы этим армия должна быть приведена в стойкое состояние»[134]. Как известно, корволант несколько раз отступал в сторону перелеска, но никакие казаки и калмыки не рубили и не кололи солдат пиками. Никогда ничего подобного не случалось ни при Лесной, ни в других сражениях Северной войны.

У всех покидавших поле битвы шведов мнение было одним: *«оттуда никто больше не спасется»; «мы наголову разбиты» («so dasselbe totaliter ruiniret».)* Пронесся слух, что двумя выстрелами в корпус убит Левенгаупт и погиб Стакельберг. *«После нескольких стычек мы были отброшены и как только нас поглотила вечерняя тьма, мы тут же растеряли друг друга в густом лесу. Добрую милю нас преследовали калмыки, которые начали грабить обоз. Между 7–8 часами вечера я дошел до оставленного авангарда, но там все было в конфузии... Я спрашивал проходящих о генерале — они отвечали — «Бог знает, где он»... Генерал-квартирмейстер Браск сказал мне: «Я искал генерала весь вечер, но не мог его найти, все здесь плохо...». «Около 3 часов утра большинство из нас сели на лошадей, надеясь найти генерала, но никто не мог сказать, где он».* (Показания капитана фортификации и полкового квартирмейстера М.М. Каммекера.) **Только на поверхностный взгляд могло казаться, что сражение осталось нерешенным — шведы не отбросили русских, русские не прорвались за вагенбург. На деле 14-дневная облава** корволанта **за Левенгауптом окончилась разгромом наголову противника в «троечастном бою» и сгоном его с двухкилометрового поля битвы.**

Основная заслуга в поражении шведов принадлежала Петру I, Меншикову и русской гвардии — Преображенскому и Семеновскому полкам. В первой и в последней атаке именно они смяли левый фланг неприятеля. 34 шведские роты и 10 эскадронов в схватках и ретирадах потеряли свои

знамена и штандарты. Больше всего знамен вынесли с поля битвы семеновцы. Для Русской гвардии битва при Лесной стала пятым геройским подвигом после первой и второй Нарвы в 1700 и 1704 гг., штурма Нотебурга в 1702 г., и боя при селе Добром 30 августа 1708 г.

В отличие от содержательного анализа боя Петром Великим, мемуары Левенгаупта лишь оправдывали поражение: шведская пехота не атаковала непрерывно, как положено по уставу, Стакельберг в самом начале неразумно приказал ей отступить, русские, уходя в лес, получали там поддержку от свежих сил. Тем не менее противник якобы потерял 9 тысяч убитыми и ранеными и сражение было скорее выиграно шведами. *«Весь день победа висела между нами на волоске и была почти уже нашей»*. Баталию *«мы могли бы считать скорее выигранной..., если нам было бы возможно на другой день снова сразиться с превосходящими силами противника»* — так обелял себя шведский генерал[135].

4.3. «Левенгаупт со всем корпусом пропал»

И русские и шведские источники молчат о том, что обсуждали военачальники после битвы 28 сентября. Обе стороны, разложив много костров из-за сильного холода, держали в поле зрения друг друга и, несомненно, обговаривали дальнейшие действия и оценивали свои потери.

Корволант вместе с полками Боура недосчитался 1111 чел. убитыми и 2856 чел. ранеными. «Кровавые потери» русских составили 1111+ 2856 = = 3967 чел. Больше всего (почти половину состава) потерял Семеновский полк 141 убитыми и 664 ранеными, а также ингерманландцы — 354 чел. убитыми и 361 ранеными. В Преображенском полку из 52 офицеров убито и ранено было 21 (т. е. 40%), а из 1551 чел. нижних чинов, бывших в бою, убито и ранено 486 чел., т. е. 31%[136]. (Относительные потери офицеров Русской армии в XVIII–XIX вв. были больше солдатских.) Драгунские полки пострадали меньше (от 22 до 46 чел. убитыми и от 58 до 122 чел ранеными.) Из 8 полков дивизии генерал-лейтенанта Р.Х. Боура (4076 чел.) ранено было 321 чел. (число убитых не указано, но если раненых бывает, как правило втрое больше, то «кровавые потери» драгун Боура около 430 чел.)[137]. Из командного состава смертельно был ранен дармштадтский ландграф Фридрих и на глазах Петра был убит сын генерала Алларта. («Сын ево убит при нас», — писал царь Г.И. Головкину 29 сентября.)

Конечно, Левенгаупт присочинял, что «кроме рядовых и унтер-офицеров были убиты или ранены все [шведские] полковые и ротные офицеры», в то время как к русским весь день и всю ночь подходили «новые резервы». Но потери шведов были больше. М.М. Голицын говорил, что солдаты четырежды наполняли патронами сумки, пазухи и карманы. (В сумке помещалось 25–30 патронов, в карманах, возможно, столько же.)

Если от первоначальной численности шведского корпуса в 12 950 чел. вычесть 877 попавших в плен, 1500 вернувшихся в Прибалтику и 6700 добравшихся до Карла XII (среди всех этих групп были раненые, в том числе и от холодного оружия), получится, что от Днепра до Стародуба погибло 3873 чел. — 30%, т. е. безвозвратных потерь оказалось в 3,5 раза больше, чем у русских. (Среди шведов много умерло от ран при отступлении; если бы отступали после боя русские, то количество умерших от ран среди них тоже было бы больше.) Предположительно общее количество шведских «кровавых потерь» вместе с ранеными могло составлять около 6500 чел. Урон в 6397 человек убитыми и пленными упоминал Р. Петре[138]. Таким образом, вечером 28 сентября поле сплошь было завалено телами погибших и тяжело раненных в зеленых и синих мундирах, а также трупами лошадей. Русские пушки и зарядные ящики при обратном ходе к середине поля во тьме переваливались через людские тела. (При описании побоища один из раненых каролинцев упомянул, как его переехало колесо).Часть раненых смогла выбраться к своим ночью и оценка на глаз потерь противника Петром в 8 тысяч вполне понятна[139]. **В целом можно считать, что кровь 10 тыс. человек пропитала поля у Лесной**.

Шведский военный историк полковник И.Б.Р. Веннерхольм предложил рассчитывать эффективность «Э» боя соперников формулой Э = F : N, где F — потери противника убитыми и ранеными, N — численность своей армии. Чем меньшими силами нанесен урон противнику убитыми и ранеными, тем выше эффективность на поле боя[140].

При численности сражавшегося на поле корволанта (10 тыс.) вместе с людьми Боура и Фастмана (5 тыс.) $N_{\text{рус.}}$ = 15 000 чел. Кровавые потери шведов $F_{\text{шв.}}$ = 6500 чел.

Э рус.= (6500: 15 000) х 100%= 43%, т. е. каждая сотня русских солдат убила и ранила около 43 шведов.

За вычетом солдат-возниц, застрявших с частью фургонов на дороге к Пропойску, общее количество участвовавших в бою с утра и до вечера шведов $N_{\text{шв.}}$ = 12 000 чел. Если солдат хотя бы минуту простоял на поле битвы, даже не выпалив ни разу, он мог считаться участником сражения.

$Э_{\text{шв.}}$ = (3967: 12 000) × 100% = 33%, т. е. каждая сотня шведов убила и ранила около 33 русских воинов.

Таким образом, русская эффективность была на 10% выше шведской[141]. Скандинавская доблесть, как положено, выхвалялась и шведами, особенно теми, кто дезертировал в Ригу: *«Можно поражаться, как горсть шведов билась против ужасающего числа врагов. Неизвестно, чему больше удивляться — их храбрости или стойкости, когда всего один полк приступал и опрокидывал 6–8 полков врага. И только потому, что противник имел выгоду в количестве, месте, случае и погоде и все время использовал лес как резерв при ретираде, а шведы не имели поддержки,*

то на сей раз они должны были уступить ярости неистового противника. Но сражаясь так, они разом и насмерть били своих врагов, продавая свои жизни дорого, как неукротимые львы. Нужно ли удивляться, что поле стало сплошь красным от крови русских трупов, а шведских убитых почти не было?» — фантазировал дезертир Бенеке.

Шведское командование, оценив потери, не могло не прийти к выводу, что новый бой обернется полной гибелью. Левенгаупт к тому же боялся, что ночью к русским придут дополнительные силы (дивизия фон Вердена.) Чтобы сбить преследование, армии того времени отступали незадолго или при наступлении темноты. Решение ускользнуть от погони под покровом метели и тьмы созрело у Левенгаупта, видимо, еще в конце сражения. Около одного из костров генерал сказал подполковнику Х. Хурну, что «он хочет посмотреть, **возможно ли пробиться и продолжить путь к Его Величеству»**. Как только генерал убедился, что русские прекратили атаки, он стал принимать меры к отступлению. Уже с 9 часов вечера некоторые части начали перебираться через Леснянку[142]. Р. Петре писал, что приказ уходить из Лесной был получен в полночь. Некоторые дезертиры, добравшись до Могилёва в начале ноября, рассказывали, что Левенгаупт велел ночью стрелять из пушек, чтобы собрать рассеявшееся воинство. Не приходится сомневаться, что с поля сражения раненые стремились ковылять к своим — в сторону вагенбурга. Поэтому нельзя принимать за чистую монету оправдания дезертиров, что они-де «не заметили» отхода армии.

Как записал Р. Петре, «русская» середина поля освещалась «бесчисленными кострами». Все регулярные силы корволанта, не спускавшие глаз с противника, держались под ружьем. «Наша линея после бою» изображена на плане сражения равносторонним углом, одна сторона которого отходила от реки Леснянки западнее моста, а вторая проходила параллельно фронту шведского вагенбурга по половине поля[143]. Солдатам под страхом повешения и офицерам под угрозой увольнения было запрещено выходить грабить и раздевать убитых[144]. Колоссальное напряжение в последние дни и в сражении, возможно, обессилели царя. По словам Феофана Прокоповича, Петр «изнемог и, оледенев, принужден был почити на неизвестном месте» (скорее всего, у одного из костров.) *«При... окончании [сражения] превеликая началась вьюга с снегом и потом тотчас ночь наступила и тако оставшейся неприятель случай к уходу получил. А наши, где кого та вьюга застала, тут и ночевали»*[145].

При неясном исходе битвы соперники всегда учитывали, за кем осталось поле боя. Если корволант расположился на ночь на середине поля перед д. Лесной, то курляндская армия вообще покинула его. Ошибочно считать, что регулярные войска русских «прозевали» уход шведов. Метельной ночью корволант не собирался ни нападать, ни отсекать дорогу на Пропойск.

То, что победа Петра и Меншикова не стала полнее, в этом, несомненно, заслуга Левенгаупта, — почти половину армии он все-таки спас. Бегству побежденных помогла очередная уловка графа — в холодную ночь шведы огородили оставшиеся фургоны стеной огня, заставив думать, что костры обогревают солдат. *«На следующий день в начале утра было замечено, что шведы **вокруг своих повозок развели большой огонь**»*[146]. Подробнее описана ночь и начало дня 29 сентября в «Театрум Европеум». «Когда при достаточно сильном морозце спустилась ночь, московиты увидели, что шведы развели вокруг фургонов большой огонь. После этого царь приказал у передней линии правого фланга зажечь костры и к утру быть в готовности к подъему. Как только полностью рассвело, московиты двинулись на шведские повозки, полагая встретить снова отпор. Но они увидели, что Левенгаупт использовал военную хитрость только для того, чтобы успешнее провести ретираду, оставив в распоряжении московитов всех раненых и 700 (так!) фургонов, с которыми он собирался прийти на помощь к нуждавшейся армии своего короля»[147]. Некий торговец из г. Друи, подвозивший съестное для шведов на нескольких фурах и уверявший, что видел сражение от начала и до конца, рассказывал, что Левенгаупт якобы оставил ночью 500 лошадей за фургонами, чтобы казалось, что шведы еще остаются на месте. Это очень сомнительно, лошади были нужны для эвакуации людей. (Ни об одной из своих военных хитростей граф не упомянул в своих мемуарах.)

В то время как Петр I настраивался на новый бой утром, в шведском лагере после приказа отступать наступила растерянность. Если бы не шок после боя, генерал мог бы оставить за кострами арьергард с восемью уцелевшими пушками и большим количеством находящихся в фургонах боеприпасов и пробиваться за Сож с остальной живой силой. В таком случае корволанту потребовалось бы время для повторного штурма шведских позиций[148].

Однако, как и на Ресте, 27 сентября пошла полная эвакуация. В спешке, с трудом выдерживая тишину, вывезли пушки, затем двинулась конница, потом пехота и под конец, фургоны. Так удалось поначалу избежать затора перед мостом. (Потом в этом месте повозки сцеплялись и их приходилось спихивать на сторону [149].)

В кромешной тьме на узкой дороге началась толчея и давка, сотни повозок сцеплялись друг с другом, застревали и вязли. Заторы происходили на каждом шагу. Кавалерия и пехота перемешались, напряжение последних дней и тяжелейший бой обвалили дисциплину. Поражение было осознано и отступление перешло в бегство, офицеры потеряли управление войсками. Паника поначалу вспыхнула среди обозных. Пронеслась молва, что впереди в засаде поджидают 16 тыс. русских, а сзади полным ходом снова напирает враг (Бенеке.) Поддавшись, скорее всего

таким слухам, Левенгаупт приказал бросать повозки с казенным и личным багажом, выпрягать лошадей, сажать на них пехоту или нагружать на коней самое ценное и всем разбирать все что ни есть в фургонах. Чтобы избежать попреков, генерал велел начать со своего имущества. Если такой приказ действительно исходил от генерала, как пишет Бенеке, то он полностью разложил корпус. Началось мародерство. Шведская паника сравнима с переполохом русских при бегстве от Нарвы к Новгороду после катастрофы в 1700 г., с неодолимым ужасом пруссаков после разгрома их маршалом Л. Даву и Наполеоном при Йене и Ауэрштедте в 1806 г. и с беспорядочным бегством французов после поражения при Ватерлоо в 1815 г. За время боя и русские и шведы в равной мере устали и исстрадались по пище и воде. В то время как в лагере Петра I обмерзшие победители устраивались у костров, побежденные после распоряженья выпрягать коней и уходить верхом, бросились вспарывать мешки с продовольствием, вышибать дно у бочек, глушить вино, водку, пиво и грабить торговцев. В то время была вера в то, что алкоголь согревает. Возничие, маркитанты и прочие нестроевые перепились до потери сознания, писал граф. Опьяневшие кучками падали по дороге или бродили по лесу. Обозные и солдаты расхватывали и натягивали на себя самые лучшие мундиры. Ни угрозы, ни увещевания не помогали. Все это видели казаки и калмыки, которые тоже стремились поживиться трофейным добром. *«В темноте повозки ехали так близко друг к другу, и в такой кутерьме, что разламывались оси, и весь проход был так забит, что невозможно дальше идти. Поэтому 10 чугунных пушек... мы оставили вместе с их зарядными ящиками. На нашем пути было так много засек и завалов, что большая часть отправленных перед акцией фургонов должна была застрять здесь в лесу. Лошадей мы выпрягли и взяли с собой, а то, что было в повозках, мы перепортили, как могли. Хуже всего было то, что рядовые солдаты и кавалеристы ночью по пути набросились на повозки с вином и водкой и перепились. Ни команды, ни удары больше не помогали. Около 1000 человек разбрелись и повалились в разных местах леса и на следующий день попали в руки врага»*[150]. Тьма, грозившая смертью от казачьей пики и сабли, усилила слепой страх. Фургоны с провиантом и амуницией, а также раненые, покидались. Разбивать возы, искать подходящее болото для затопления орудий (или заклепывать их) никто не был в состоянии. Вязнувшие в разбитой колее пушки и зарядные ящики отделяли от конных упряжек и бросали. Лошадей на всех не хватило и многие, в том числе раненые, брели толпами, множество разбегалось по сторонам. Большинство разбитых солдат текло на юг, но разрозненные группы, (в том числе офицеры, солдаты без ран и даже те, кому достались лошади) дезертировали в сторону Могилёва, Шклова и далее к Риге. Вайе писал: *«Наши пушки так и остались завязшими в грязи, их было невозможно*

протащить, потому что дорога после прохода сотен фургонов была так разбита, что по ней нельзя было ехать верхом. Обоз частью был брошен на произвол судьбы, а частью разграблен [нашими] *солдатами, потому что два дня они все время находились в боевой тревоге и были так изнурены голодом и жаждой, что пройти в лесу мимо крупной добычи было невозможно, а в фургонах маркитантов и евреев было много вина, пива, водки и табака. Ночь покрыла преступление. Кто хотел следовать за своим знаменем и ротой, тот пошел, кто не хотел, тот засел в лесу и остался. Поэтому утром многие были перебиты калмыками, когда спали или были пьяны»*[151].

Часы после поражения были кошмарными: *«Враждебный рок и тьма с холодом и дальше преследовали шведскую армию. Наступил такой мрак, что руку свою перед глазами нельзя было разглядеть. К тому же никто не знал местности и, бродя по дикому и отвратительному лесу в грязи и слякоти, люди или тонули в трясине, или бились головой о каждое дерево, или падали через срубленные стволы самым жалким образом. Однако ночью удалось от места сражения отойти на несколько миль. Там оставшиеся засели в страхе и ожидании будущего, не зная, то ли плакать о случившемся, то ли больше страшиться предстоящего. К этому добавились зовы раненых, стоны умирающих, вопли отчаявшихся, призывы и крики заблудившихся — все это могло вогнать в ужас храбрейшего и разжалобить самого твердокаменного»*[152]. В непроглядной ночи многие потеряли ориентировку. Сам командующий отбился от армии, стал кружить по лесу с частью свиты и настиг своих беглецов только утром 29 сентября.

Паника, мародерство и дезертирство превратили его корпус в толпу. Шведы были потрясены поражением и боялись возобновления битвы. Как боеспособное соединение курляндский корпус больше не существовал. **Сражение у Лесной было выиграно русской армией вчистую**. Левенгаупт потерял не только все награбленное в Литве и Белоруссии, но и «шведскую непобедимую самоуверенность» (В.О. Ключевский.) И тем не менее решение бросить все и бежать пехоте на обозных лошадях было верным — половину живой силы все же удалось спасти. 27 июня 1709 г. после разгрома под Полтавой король, отклонив такое же предложение графа, потерял полностью все остатки шведской армии у Днепра.

Первые беглецы появились у сожженного Пропойска уже в ночь с 28 на 29 сентября. Город был сожжен и в нем оставалось целыми только несколько домов. Никаких переправ через Сож не было, а на другой стороне, как вспоминал Левенгаупт, можно было видеть несколько тысяч (!) одетых в красное войск противника, которые препятствовали наведению моста и стреляли из мушкетов, как только кто-нибудь приближался к реке. Ниже по течению был «остров» (часть низменного берега между Сожем

и Проней была затоплена и казалась островом), куда можно было бы переправиться на лошадях. Но там был слишком крутой спуск с узкой пешеходной тропой от города и к тому же наготове стоял неприятель. Часть людей до появления генерала без приказа стала уходить вниз по Сожу. «*И сентября против 29-го числа в ночи пришли к реке Соже войско неприятельских людей, и стали было переправлятца*» — доносил Фастман, пославший разъезды вверх и вниз по реке ловить разбегавшихся. Тогда же перед рассветом у Пропойска появилась и нерегулярная конница, от которой шведы врассыпную бросались в лес. («*По всем углам и закоулкам было полно татар и калмыков, которые продолжали стрелять*», — писал О.И. Тизенгаузен.)

К раннему утру 29 сентября на полях у Пропойска скопилось уже до двух или трех тысяч человек[153]. Потом Левенгаупт послал верховых офицеров собирать отбившихся по ближней лесной округе и провел смотр уцелевших. В наличии оказалось 3451 чел. из пехоты и 3052 всадников (Р. Петре.) Даже этими превосходящими силами шведы уже были не в состоянии прогнать ни драгун, ни казаков Фастмана. Богослужение, едва начавшись, было прервано генералом из-за нападения на обоз большой партии казаков и калмыков. Снова вспыхнул страх. Болотая низменность, растянувшаяся на целую милю вдоль левого берега Сожа против Пропойска (так о нем писал 11 августа Инфлянт), затрудняла спасение. Для переправы на плотах было мало изб, которые можно было бы разобрать на бревна. И все же некоторые ухитрялись перебираться на маленьких плотиках, некоторые нашли лодки, часть забилась на несколько дней в заросли на левом берегу Сожа.

В безвыходном положении Стакельберг предложил засесть за заборами или окопаться у Пропойска и ждать скорой помощи короля, но Левенгаупт отклонил нелепый план: без пушек, амуниции и пищи защищаться было невозможно. Примерно в первом часу дня, генерал дал команду, не дожидаясь раненых и «отставших из-за опьянения, страха и нерадивости» уходить как можно быстрее вдоль правого берега Сожа, пока не появились регулярные части русских. Казаки не стали преследовать шведов, но занялись теми, кто остался в Пропойске, брали их в плен и грабили брошенные фургоны.

Попытка прорыва через реку против Пропойска была сорвана Фастманом. В 2 часа дня Левенгаупт со свитой в 20 человек «*было переправился на остров меж рек Прони и Сожи и там, также увидя, что неможность ему чрез реку Сожу перебратица, пошел назад чрез Проню к Пропойску*». Когда свита генерала проезжала мимо ретраншемента Фастмана, то драгуны выстрелили залпом и Левенгаупт «*с людьми своими побежал великим скоком от стрелбы нашей, а иным мы и трату учинили. А под его знаменем всего было человек с двадцать, а иные роты за ним шли также*

малые и знамена везли тайно. И пошел он вниз реки Сожи с великим поспешением; а пушек с ним ни единой не было. А в войске его... конницы и пехоты тысячи с две»[154].

Фастман достойно выполнил приказ царя. Противник не прошел через Сож, по правому берегу которого следовали казаки. Задержать с другого берега уходящую колонну, построенную в небольшие роты бригадир не мог. Приказа о параллельном преследовании не поступило, а новые партии шведов, казалось, вот-вот выйдут к Пропойску. Выслав конный разъезд вниз на пять миль по течению, бригадир предположил, что переправ через Сож нет вплоть до Гомеля и шведы, может быть, побегут на запад, к Днепру. Весь отряд в соответствии с прежним повелением царя оставался в ретраншементе. Задержкой неприятеля 29 сентября «на постирунге» у Сожа Петр был доволен и подтвердил бригадирский чин служившего с 1698 г. Фастмана.

Так, у Пропойска остатки курляндской армии развалились натрое — большая часть устремилась на юг к королю, не менее 2 тысяч (среди которых были и офицеры в чинах от ротмистров и лейтенантов до подполковников) дезертировали в Прибалтику[155], примерно тысяча безлошадных, раненых и тех, кто еще подбирался сзади, застряли у пропойской переправы. Как и раньше, арьергарда прикрытия Левенгаупт не оставил.

...Через девять месяцев, 30 июня 1709 г. на берегу Днепра у Переволочны 16 тысяч беглецов из-под Полтавы капитулировали перед девятитысячной погоней М.М. Голицына и А.Д. Меншикова. Почему же из-под Лесной и Пропойска 6503 человека, продержавшись на конине и сырых корнеплодах 170 км пути, все же добрались до короля, несмотря на хаос и страх, преследовавший их вплоть до 4–5 октября?

Можно предположить, что раннее утро 29 сентября русское командование, потратило на построение корволанта в боевые порядки, полагая встретить отпор. *«Как только московитская армия снова придвинулась, то обнаружилось, что генерал Левенгаупт с остатком своей армии пустился ночью в бегство»*[156]. Р. Петре упомянул, что об уходе шведов «Его Царскому величеству сообщила партия калмыков и татар», которые стали грабить остатки обоза, прикалывать тяжело раненых и забирать пленных.

Вид хаоса на шведской позиции убедил в полной победе и вызвал радость. Как и 27 июня под Полтавой, о погоне всеми регулярными полками за «обсечками» не думали. Наращивание победы преследованием в тот же день стало правилом только с начала XIX в. Шведы тоже не преследовали противников после побед при Клишове 1702 г., Пултуске 1703, г. Гемауэртгофе 1705 г. и Фрауштадте 1706 гг. **«Цель боя не уничтожение физических сил врага, а его духа»** (К. Клаузевиц.) Оценив на глаз потери курляндской армии в 8 тысяч, Петр I счел ее полностью разбитой.

«Мочно видеть, что оной корпус вконец разорился». «Только сие истинно, что Левенгопт со всем корпусом пропал», — писал Петр I 29 сентября[157]. Ранним утром вслед за бегущими он послал не корволант, а только его часть — отряд Г. Пфлюга из тысячи гренадер на конях и двух тысяч драгун. (Возможно, это были те же полки, которыми тот командовал в сражении, т. е. — Сибирский, Тверской, Вятский, Смоленский, Ростовский.) Гренадеры, выделенные по сотне от каждого из 10 батальонов, были самой сильной составляющей погони. Когда был отдан и каков был устный приказ Пфлюгу — неизвестно.

Шведские обозные лошади несли седоков нескоро и уже в полумиле (3 км) от Лесной драгуны стали настигать хвост растрепанной толпы. Вылавливая беглецов из леса, их собирали в партии по сотне и отсылали, скорее всего, под конвоем иррегулярной конницы в русский лагерь (*«шведов стами нагоняют и приводят в наш обоз», —* писал Петр I.) В руки победителей попала огромная добыча — 20 тыс. ружей, 500 тонн мушкетных пуль, 6 тыс. боченков пороха, все пушки, 600 тыс. рейхсталеров в «полковых сундуках»[158], «провизия для короля», аптека и стада скота. Нагруженные на верблюдов сундуки с имуществом Левенгаупта, документами и картами по всей вероятности, были «раздуванены» казаками. (Самые ценные документы и письма жены генерал сохранил при себе.)

Дорогу, забитую фургонами, остатками бегущих и заваленными деревьями, пройти было не просто. Поэтому Пфлюг достиг Пропойска лишь около 16 часов. Таким образом, не меньше 8–9 часов его отряд управлялся с бегущим неприятелем среди брошенных трофеев на пути длиной в 12 км.

Появление погони у Пропойска вызвало у оставшихся шведов переполох — измученные пехотинцы и раненые бросались в Проню и Сож, но на другой стороне этих рек им грозила смерть от казаков. Около пяти сотен было зарублено, остальные укрылись на пропойском кладбище, где стояла церковь. Когда туда прибыл Пфлюг, беглецы дали сигнал о сдаче. Пфлюг выслал парламентера-лейтенанта с шестью гренадерами, чтобы принять капитуляцию. Однако часть хмельных солдат не подчинилась офицерам и, дав залп, убила двух гренадеров[159]. Драгуны прикончили тех, кто был с оружием, а остальных пленили: *«Генерал Флук неприятеля бегущего достиг в Пропойску, из которых больше пятисот на месте положил. Да в полон взяли 45 офицеров, 602 человека рядовых, также и достальной обоз с три тысячи телег взял»*[160]. Так после захвата последних трех тысяч фургонов у Пропойска (или в четырех километрах южнее — у д. Рудня) было окончательно покончено с обозом Левенгаупта. Наскоро допрошенные офицеры пересказали вымысел шведского генерала, что тот «ожидал к себе в сикурс самого короля вскоре»[161]. Узнав от казаков, что «Левенгопт стоит в полуторе мили», Пфлюг послал остав-

шихся 808 драгун Смоленского полка с полковником Ф.Г. Чекиным, который, проехав полторы мили и никого не догнав, вернулся. 400 драгун было послано вылавливать тех, кто бежал вверх по Сожу.

Видимо, поздним вечером 29 сентября у Лесной наконец появилась дивизия фон Вердена. Недовольный им, царь, расположившийся с 30 сентября в одной из изб Лесной, передал его дивизию восстановленному в звании генерала А.И. Репнину. Князю приказали снова атаковать беглецов шестью свежими пехотными полками, послав в авангарде Пфлюга.

Тут выдумка Левенгаупта о «скорой помощи короля» обернулась его последней удачей. Царь остерег, что преследовать надо только в том случае, если не появится подмога Карла XII. Если же Левенгаупт удалится далее двух миль, Репнину надлежало, прикрыв свой тыл драгунским полком, взятым от Пфлюга и сотней казаков, повернуть с пехотными полками к Смоленску тем же путем, каким шел фон Верден[162]. Такое решение было принято из-за усталости войск и убеждения, что за Сожем есть крупные боеспособные шведские силы. Петр прочно держал в памяти сообщение Инфлянта от 25 и 26 сентября, о том, что Карл XII находится всего в трех милях от Левенгаупта (см. выше.)

За два часа до рассвета 30 сентября 1000 драгун полковника Бромза выехали вниз по Сожу, но никого не обнаружили. Вечером того же числа Репнин, сообщив, что Левенгаупт ушел «от Пропойска болши трех миль» (18 км). повернул полки к Смоленску, хотя главная шведская армия в то время находилась в 120 км от Пропойска. **Так отсутствие войсковой разведки помогло спастись уцелевшим толпам беглецов в болотах за Сожем.** Не сделав глубокий поиск за Сожем, Петр I перестраховался. Через месяц, 2 ноября 1708 г., Меншиков разорил базу изменника Мазепы под носом Карла XII, находившегося всего в 60 км от Батурина.

Тяжкие испытания беглецов продолжались. Только вечером у деревни Глинки, в 6 милях от Пропойска, части шведов во главе со Стакельбергом удалось уйти на левый берег Сожа. В Москве граф так припоминал детали бегства: *«Мы без помех двигались весь день до вечера четыре добрых мили по залесенным местам, стараясь держаться вдоль течения. Несколько раз мы подходили к берегу, но не могли переправиться из-за трясин или крутого спуска. Наконец почти совсем в темноте привел нас Господь к заброшенному месту, где можно было различить следы колес — здесь некогда была переправа. Недалеко отсюда была деревня Глинка (Glefsna), где я с моей колонной хотел переночевать. Я был так измучен разными контузиями, которые получил в ноги и левую руку во время боя, усталостью и прочими неприятностями, что меня едва сняли с лошади и почти внесли в избу. Из-за нервных потрясений я желал себе смерти... Вечером, когда уже совсем стемнело, прошел ложный слух, что на нас через лес идет противник. Из-за этого около 500 драгун и посаженных*

на коней солдат из тех, что стояли ближе всего к реке, тут же бросились воду, но, не потеряв ни человека, счастливо переплыли. Вот так, охваченные великим страхом, они указали нам путь, который открыл Господь, чтобы уйти от неприятеля... Между тем я получил возможность промывкой водкой привести в порядок мои натруженные ноги и места контузий. Мои боли утихли, так как стало легче на сердце и я мог на другое утро после того, как спокойно выспался, хорошо ходить и хорошо ехать. Не теряя времени, я приказал 2 октября (1 октября ст. ст.) *всем оставшимся войскам переправиться через реку. Все они переправились еще до полудня и утонуло не больше 7–8 человек по своей неосторожности, так как они держали своих коней и не отпустили поводья, они намотались, и сбросили своих седоков в воду. На другом берегу мы увидели вдали несколько казаков и калмыков, но не обращали на них внимания. Больше навредили нам другие казаки, которые скрытно следовали за нашим арьергардом вплоть до этого перехода. Они убили или захватили в плен 20–30 человек из последних переправлявшихся»*[163].

Когда вместе с Левенгауптом переплывала на конях пехота, на эту драму «нельзя было смотреть без слез» (Р. Петре.)

Быстрая река разлилась от осенних дождей, и в ней захлебнулось не менее 50–60 нетрезвых рядовых. Раненые и часть оставшихся с 9 до 14 часов перебирались на трех утлых плотиках, вмещавших не более четырех человек. «*Эта переправа была также не без потерь; ротмистр Роос вместе с 30 верховыми солдатами были унесены сильным течением и утопли. Некоторые заметили вражеских казаков на другой стороне реки. В лесу на этой стороне можно было видеть калмыков, однако они не пытались ничего предпринять*» (Вайе.) Может быть, тогда Левенгаупт впервые вздохнул свободнее — ведь он больше всего боялся, что остатки его разбитой армии будут прикончены на пути от Лесной до Глинок.

При большей настойчивости даже там можно было перехватить недобитков, но Фастман с запозданием прибыл к Глинкам. В третьем часу дня четыре эскадрона полковника Леонтьева и капитан-лейтенанта А.К. Петрово-Солового с казаками и калмыками перебили и пленили нескольких оставшихся, *«потому что никого из шведов нельзя было заставить отправить плоты, чтобы их забрать»*[164]. Тех, кто спрятался в избах Глинок, подожгли и в полночь 30 сентября прекратили преследование[165]. **Всего от Лесной до Глинок погоня прошла около 30 верст**.

По первую декаду октября от Пропойска до Могилёва и Шклова по всей округе белорусами, драгунами, казаками и калмыками вылавливались шведы, вразброд уходившие в Прибалтику. Хорошо знакомые с местными лесами белорусы знали, по каким местам можно искать беглецов. В помощь им от Семеновского полка были отряжены 51 чел. унтер-офицеров, которые возглавили эти небольшие «партизанские команды»[166].

Дезертиры, сбиваясь по 10–50 человек, старались поскорее исчезнуть с места боя. Некоторые оказались в Могилёве уже 30 сентября, другие, скрываясь в лесах, неделями питались дикими яблоками и конопляным семенем — из-за вражды населения дорогу в Прибалтику многие считали опаснее, чем к королю. Белорусские крестьяне не принимали от шведов денег и не соглашались провожать их до армии короля, которая находилась так далеко[167].

Из-за голода и враждебности белорусов, которые отнимали мундиры, оружие и «убивали по той причине, что шведы, по пути на Украину местный люд мучили из-за провианта», некоторые из беглецов, прикрытые рогожками, сами сдавались в плен. *«По лесам есть [много] конных шведов, которые и вчерась салдата отсталого изрубили и на обоз напали, токмо обозу шкоды не учинили. И поехали оные шведы 50 коней и ночевали ныне вкруг Рясного в лесу. А пеших шведов в лесах множество и до самой нашей границы токмо ж везде их здешние мужики грабят и ружье, и платье отбирают»*[168]. 3 октября Петр писал, что к имеющимся 700 пленным «непрестанно многих в наш обоз приводят», а многие шведы добровольно выходят из лесов сдаваться.

К облавам подключили конных жителей Смоленска и Поречья. 13 октября 40 быховских стрельцов и 50 украинских казаков вступили в бой с полусотней дезертиров, прорывавшихся на запад, и взяли в плен 27 чел. с 4 фузеями, 5 шпагами и двумя парами пистолетов[169]. *«И единым словом, чаю, едва тысяча человек от сих двадцати тысяч х королю и в Ригу пойдут, понеже и по лесам мужики зело бьют их»*[170].

10 дней и ночей без карт, почти без патронов (на человека оставалось по 12 штук и то подмокших), без котлов, топоров и прочего полкового хозяйства, беглецы спешили через безлюдные северские леса и болота[171]. Подъев остатки из разграбленного обоза, они питались кониной («ежедневно съедались сотни лошадей», — писал Петре), сырой репой и капустными кочерыжками, используя порох вместо соли. Обессиливало почти ежедневное наведение переправ, мостков и гатей. Сбежавшие в леса крестьяне пытались то там, то сям нападать на шведов. 4(15) октября перешли р. Беседь. На границе Северщины было большое болото в четверть мили с узким и дырявым мостовым переходом. Левенгаупт велел топорами и шпагами рубить ветви, чтобы подправить переход, и приказал полкам и багажным повозкам не обгонять друг друга. Погони не было, но паника вспыхнула вновь, все рванулись вперед, и снова возник затор. Снова вспыхнула ссора между графом и Стакельбергом. С большим трудом Стакельберг навел порядок на переправе.

Не приходится сомневаться в том, что граф несколько раз с дороги отправлял к королю призыв о помощи, и в эти дни весть о катастрофе в Белоруссии дошла до главной квартиры короля. Один из посланцев —

шведский майор, по ошибке «заехал в Стародуб, чая, что король швецкой всею Украиною овладел. Которого маеора, казаки того города взяв, привели к… фельтмаршалу нашему и оной пред фельтмаршалом сказал, что он послан от Левенгопта х королю своему с ведомостью, что войска их побиты»[172]. Д.Н. Зильтман записал 2–3 октября (13–14 н.ст.): *«в штаб прибыл камердинер подполковника Врангеля с известием, что генерал Левенгаупт у р. Сож имел дело с московитами и вскорости отступил. Пришло подтверждение этому и* ***повсюду чувствовалось сильное потрясение»***. *«Здесь пытались полное поражение представить победой и чтобы люди в это поверили»* (запись от 11 (22) октября 1708 г.*)*[173].

5(16) октября беглецы перешли р. Ипуть и направлялись на восток, южнее главной армии короля прямо в лапы Шереметева. Через несколько дней они неожиданно напоролись на передовой кавалерийский отряд армии русского фельдмаршала. Для обеих сторон встреча была неожиданной. В 1,5–2 милях севернее Стародуба 8–10 эскадронов Н.Ю. Инфлянта с двух сторон погнались арьергардом, состоящим из сотни хельсингцев и пяти сотен конного Карельского полка. После боя 9 октября адъютант Петра I Ф.О. Бартенев насчитал 3 убитых офицеров и 130 рядовых шведов[174]. От изнурения умирали не только раненые, но и здоровые. Находясь при последнем издыхании, беглецы совсем утратили боеспособность. Большая их часть потеряла оружие. *«И офицеры и солдаты думали, что при таком скверном состоянии, в каком мы постоянно находились в пути, напоследок все бы закончилось нашим полным крахом, продлись это еще несколько дней»*[175].

Добить беглецов окончательно войска Шереметева не могли — их внимание было приковано к главной армии Карла, набиравшейся тогда сил у Мглина. Вскоре после боя с Инфлянтом бежавшие встревожились многими костерками впереди — не русские ли? Однако после разведки страх сменился неописуемым ликованием — навстречу нежданно попался «заблудившийся» 3-тысячный авангард королевской армии генерал-майора А. Лагеркруны. Так, несколько севернее Стародуба, в нынешней Брянской области, после десятидневного беспорядочного бегства, завершилась восточная эпопея Левенгаупта. «Невыразимую радость почувствовала наша армия, несмотря на то, что каждый из нас потерял все, что имел при теле и душе, и вытерпел за эти дни голод и жажду, мороз и холод и тысячу других бедствий» — так заключил Вайе, отправившийся в поход с надеждой на крупную наживу[176]. Измученные, истощенные, больные и оборванные люди плакали: *«В воскресенье для нас и отряда* [Лагеркруны — *В.А.*] *провели богослужение, во время которого люди не сдерживали слез от радости и оттого, что Господь милостивым провидением и защитой сохранил от опасности, в которой мы были. Ведь мы не знали куда идти — во всей армии не было ни одной карты, по которой*

можно было справиться и не встречалось никого, кто мог бы указать направление. И воистину я могу сравнить наш путь с кораблем, попавшим в кораблекрушение, который потерял управление и вихрь швырял его то туда, то сюда, подвергая все время многим, многим испытаниям. И не было известно, куда под конец выбросят его штормовые волны — то ли в гавань, то ли на берег»[177].

12 октября Левенгаупт поцеловал руку своего монарха и несколько дней составлял рапорт о своем походе. Потеряв обоз, артиллерию, порох, одежду, все военные, продовольственные и санитарные запасы, генерал не усилил, а обременил главную армию заботой о пропитании и вооружении спасшихся. Оголодавшие, раненые и больные люди взбодрить армию, конечно, не могли. *«Мы надеялись, что с ним появится провиант, спиртное и одежда, но он прибыл с пустыми руками, несчастный и глубоко уязвленный нежданным оборотом дел. Говорили, что в том сражении он лишился 60 тысяч рейнских флоринов, а сколько же потеряли прочие офицеры, купцы, маркитанты?»* — писал в мемуарах представитель венгерских лютеран при короле, словак Д. Крман[178]. Исполнилось «первое пророчество» К. Пипера о гибели армии Левенгаупта, и были основания предвидеть, что осуществится и его второе о том, что пропадет главная шведская армия[179].

Внешне шведский самодержец остался спокоен и «даже посмеивался» (Г. Адлерфельд) над перехваченными 11 ноября русскими депешами о победе. Карл не представлял, как Левенгаупт «дал себя победить таким, которых без оружия, одними плетьми смирить было можно»[180]. Однако осмотр остатков корпуса произвел на него гнетущее впечатление — Карл XII впал в бессонницу, не раздевался на ночь и приближенным приходилось отвлекать его разговорами о пустяках. Даже в мае 1709 г. он по 2, 5 часа (!) выпытывал у Петре подробности сражения. В лагере короля потерпевший разгром полководец подвергся сокрушительной критике и чуть ли не остракизму. Фельдмаршал Реншельд и генералы (скорее всего, на основании своих распросов) говорили, что если бы он не застревал в пути ради контрибуций, то избежал бы бессмысленного сражения, что численность русских при Лесной была равна его силам и составляла не больше 10 тыс., и что в бою он слишком заботился о своей персоне и утратил контроль над своим корпусом; ради спасения бегством граф использовал обозных и артиллерийских лошадей. Король отстранил Левенгаупта от командования, никто не раскрывал ему никаких планов и не спрашивал его мнения. Во время визитов к ужину короля он мог только слушать, не раскрывая рта. «Мне ничего не поручали или не доверяли», — с горечью вспоминал граф. Генерал следовал за армией как наблюдатель, в связи с чем получил в насмешку от молодых офицеров ироничное прозвище «Волонтер». Только 15(16) июня 1709 г., за 12 дней

до Полтавской битвы король привлек его к делам. Пехотные части бывшего курляндского корпуса были расформированы. Все дезертиры, «изменившие присяге и знамени» и бежавшие в Прибалтику, по приказу короля предстали там перед судом инквизиционной комиссии. В главной шведской армии конные полки Левенгаупта остались, кроме карельских драгун, нюландских кавалеристов и драгун Скуга, которых влили в полк Шлиппенбаха[181]. Оставшиеся вне штата офицеры чувствовали себя обиженными. 18 декабря в Ромнах о добровольном переходе на русскую службу заявили капитан, поручик и прапорщик из раскасованных полков[182]. Стакельберг, в отличие от Левенгаупта, не потерял расположения короля, и ему было доверено командовать первым же крупным боем на Гетманщине — штурмом Веприка 7 января 1709 г. Хотя граф окрестил своих критиков врагами и завистниками, наука в Белоруссии глубоко поразила его и через 9 месяцев, оставленный на берегу Днепра командовать после Полтавской катастрофы 16 тыс. человек, он счел бессмыслицей сопротивляться русским победителям. Два несчастья с трагическим исходом подточили его здоровье, и в 60 лет он умер в Москве в 1719 г.

Неверно считать, что «кунктатор» Левенгаупт сорвал поход Карла XII на Москву — его сорвала русская армия. Дополнительные 13 тыс. шведов с 16 пушками не развалили бы масштабную оборонительную стратегию Петра I, охватившую сотни километров Восточной Европы. Карл XII не только проигнорировал спасительное предупреждение «не начинать рокового похода против России»[183], но упрямо считал неполноценной Русскую армию.

Шведы называли битву при Лесной бедствием[184]. Однако дезертиры и пропаганда короля представляла все дело победой. В Могилёве 9 (20) ноября 1708 г. несколько человек, бежавших с королевской службы в Прибалтику, пересказывали некоему французу свои фантазии, перемешанные с реалиями битвы: «*...граф Левенгаупт вел сражение с 10 утра до 5 часов вечера при невыгодном соотношении сил, места и при сильном ветре, смешанным со снегом и слепившим глаза. Видя, потерю 3000 чел., он больше стал думать о том, чтобы спасти остальных, чем отбивать армию царя при таком неравенстве сил. Поэтому в разгар сражения он перестроил свои войска в новую линию и вплоть до конца дня так успешно сдерживал московитов стрельбой своих пушек, что те не только не пытались больше наступать, но к ночи даже ушли со своих позиций (поля битвы) на расстояние около 1 лье*[185]*, бросив там своих убитых. Так как граф Левенгаупт перед битвой услал несколько отрядов, чтобы расчистить путь от поваленных деревьев, то он много раз стрелял ночью из пушек, чтобы собрать их. Четыре тысячи человек пехоты, которые у него остались, он посадил на часть обозных лошадей, наложив на остальных все самое лучшее и нужное. Фургоны потом сожгли, также*

были заклепаны и некоторые железные пушки[186]*. Утром, когда на поле боя было все сделано в соответствии с обычаями Шведской армии, 7000 человек начали марш к Сожу и перешли его без каких либо помех со стороны московитов. После того, как прошли некоторую часть пути, встретили завалы деревьев и все они*[187] *пошли в направлении Литвы и Курляндии. О московитских потерях, которые были очень высоки в этой акции, говорят по разному. Большинство полагает, что на поле осталось 30 тысяч убитых, но вряд ли их было больше 20 тысяч... Армия московитов состояла из 80 тысяч, а Левенгаупта — из 10–11 тысяч. Три дня он преследовался большим корпусом царя, князя Меншикова и генерала Ведера* [так!], *но когда его встретило подкрепление маршала Реншильда с 8000 драгун, московиты были так разбиты шведской кавалерией и драгунами, что сбежали с очень малым числом оставшихся в живых*»[188].

«*Его Королевское Величество встретил* [Левегаупта] *очень милостиво и воздал ему большую хвалу за то, что он с небольшим количеством войск так хорошо сражался против мощной и далеко превосходящей силы московитов, что те не только неоднократно отбрасывались, но были не в силах и не осмеливались продолжать* [нападения]. *Поэтому поражение противника было немалым*»[189]. Долгом придворного историографа Г. Адлерфельда было писать в том же духе. «Стремительный натиск» в начале битвы якобы дал надежду сбить русских с поля боя. Только из-за численного превосходства неприятеля и ошибки одного из офицеров, не пославшего подкрепление, противник вывел из леса все свои силы. Шведы опрокинули первую линию врага, привели в беспорядок вторую, затем третью и вышибли в лес четвертую линию. Все они бежали сломя голову. Но деревья, кусты и новые подкрепления противника воспрепятствовали преследованию. Кавалерия много раз загоняла русские эскадроны глубоко в лес. Короткая, всего шеститысячная шведская линия выдерживала адский огонь пятикратно превосходящих русских, построенных в четыре пехотных и пять-шесть конных линий. Поспевшие к концу боя шведские резервы атаковали так храбро, что заставили бежать противника с потерей 17 штандартов и двух пар литавр. Картечь устлала все поле русскими телами в зеленых мундирах. «*После такой победы генерал выстроил всю армию на месте боя и до поздней ночи ждал, не появится ли у противника охота снова подступиться. Однако, убедившись, что все усилия, стоившие ему такой большой крови, пошли прахом, тот должен был оставить нам поле боя... и отвел сначала левое крыло, а потом и всю пехоту глубоко в лес, разложив там и сям костры. После отхода врага генерал Левенгаупт не счел целесообразным начинать новое дело на том же месте, но решил продолжить свой марш надеясь, что по пути он, может быть, выберет более подходящую и выгодную позицию*

для боя, если противник возымеет желание снова иметь дело с нами. Простояв еще несколько часов в боевом порядке и беспрепятственно проведя вечернюю молитву, он приказал полкам одному за другим продолжить движение. Все происходило в очень хорошем порядке... Наши войска до ночи сражались как львы, и без сомнения, добились бы полной победы, если бы мы имели больше места, чтобы растянуть линию»[190]. Хвала Левенгаупту завершалась тем, что тот сдержал пятикратно сильнейшего противника и побил московитов больше, чем сам имел войск под своими знаменами. С королем соединились 8 тысяч боеспособных и бравых солдат. Пехоту на лошадей Левенгаупт посадил только из-за лесных завалов, чтобы как можно быстрее соединиться с королем. Он не бросил, но утопил все пушки и захватил с собой все, что не должно было пропасть. Единственно, чем могли утешиться московиты, был грабеж обоза, но это «мог сделать любой, кто только имел руки при теле». Генерал беспрепятственно перешел Сож и Ипуть, а когда навстречу попался московитский генерал Инфлянд с 6 тыс. драгун, тот был отделан так, что ретировался с потерей нескольких сотен солдат. Однако в дальней перспективе, считал Адлерфельд, эта битва повлекла гибель главной армии Карла XII, а также «ввергла Шведское королевство в жесточайшее бедствие, которое случилось вскоре после этого»[191].

Только 10 декабря 1708 г. король отослал в Швецию из Ромен на Гетманщине подтверждение о сражении при Лесной, которое получили там 14 марта 1709 г. Позже пришло письмо с приказом послать новых рекрутов в Польшу, а тех офицеров, которые вернулись в Прибалтику, отрешить от должностей и отдать под суд. Той зимой в Швеции ходили слухи, что шведская армия страдает от нехватки продовольствия, понесла большие потери, что кавалерия совсем пропала, а противник уверен в скорой гибели шведов. Королевский совет постановил, что если кто-нибудь станет публично говорить о разгроме при Лесной, тот будет рассматриваться как государственный изменник[192].

В сражении при Лесной не обошлось без оплошностей. Шведский генерал не расчистил заранее от завалов дорогу на Пропойск, послал слишком большой конвой для обоза, подменял собою в бою адъютантов и не прикрыл своего ночного отступления заслоном. От своих стереотипов шведы не могли отказаться: в неудобной для линейного боя местности они традиционно пытались сбить противника наступательными выпадами, но не решались продолжать атаки сквозь лес. Вместе с тем надо признать, что «шаблонные контратаки» Левенгаупта позволили все же отстоять вагенбург.

Русская войсковая разведка, не имея прямого контакта с противником, не могла узнать направление его движения, в связи с чем командование не могло заранее рассчитать все свои действия; корволант не сосредото-

чил сил против самого уязвимого места неприятеля — у моста. В первой половине сражения координация между родами войск была недостаточной, преследование оказалось излишне сдержанным.

В целом же, царь мастерски провел операцию — заставил Левенгаупта разделить силы, умело парировал шведский удар при дебушировании, с максимальным напором провел линейный бой и в финале сломил дух противника. Завязка боя показала, что русское командование к 1708 г. овладело «шведской манерой» нанесения ошеломляющего удара. Такой, «полученной через Божью помощь победы, никогда не бывало», — говорил ее творец.

Битва при Лесной было самой упорной за все годы Северной войны. В 1709 г. Левенгаупт записал разговор Петра I и его сестры Натальи с ним и Реншельдом: «Она (сестра Наталья. — *В. А.*) благодарит, что вы с ее братом имели такую отважную акцию при Лесной». И затем, обращаясь к Реншельду: «Это была настоящая баталия, отважная акция, но мы покрыли все делом при Полтаве»[193].

Обе схожие по тактике битвы Петр I свел в единую связку. Стесненность местности, которая так помогла корволанту, была природной; на полтавских полях царь земляными укреплениями создал искусственную стесненность. И при Лесной, и под Полтавой врага сжали полукольцом и после двухчасового перерыва усилили натиск, однако кольцо не замкнули, пути отхода не отсекли и не добили противника на месте.

Отличие двух битв состояло в том, что 28 сентября русские сражались с боеспособным неприятелем, тогда как 27 июня шведский дух был надломлен жестокой зимовкой и непрерывными нападениями армии Петра I в 1709 г. Из-за этого линейный бой во второй период Полтавской битвы, ставшей переломной для истории России, Швеции и нескольких стран Европы, продолжался всего полчаса. Плененный К. Пипер, записал слова царя: битва при Лесной «была жарче, чем сражение под Полтавой, где все проходило в спешке и без особого противостояния»[194]. Два разгрома — при Лесной и под Полтавой, заставили шведские сухопутные силы принять тактику уклонения от генеральных сражений с русской армией во второй половине Северной войны 1710–1721 гг., а также в трех последних шведских войнах с Россией — в 1741–1742, 1788–1790 и 1808–1809 гг. (Этого не случилось с военно-морским флотом шведов.)

…«Виктория час от часу множится» — с торжеством писал Петр I 29 сентября. У села после утреннего богослужения в царской походной церкви гремел троекратный салют из пушек и ружей. Некоторые рядовые были пожалованы в офицеры. Поощряя геройство воинов, Петр взял себе за обычай награждать царскими поцелуями их раны. Когда к нему принесли пришедшего в сознание Боура, он спросил «Как дела?». Едва ворочая языком, храбрец произнес: «Виктория, да, виктория!»[195] Петр покрыл

поцелуями его израненное лицо, чтобы поднять его дух и ускорить выздоровление. Пересказанной неизвестным лицом истории можно верить. Сохранилось продиктованное 30 сентября Боуром поздравление царю со «счастливой доброй викторией над неприятелем», в котором он обещал и впредь верно служить «до скончины жизни своея», сообщал о посланном допросе одного из плененных генерал-адъютантов и просил эвакуировать его в Смоленск[196].

Самыми большими чинами, попавшими в русский плен, были полковник Карельского кавалерийского полка Герман Иоганн фон Бургхаузен и полковник Лифляндского полка Дворянского знамени Отто Иоганн фон Розен. Ценя доблесть противника и предваряя свое благородство к фельдмаршалу Реншельду после Полтавской победы, царь в знак уважения к мужеству фон Розена приказал вернуть ему шпагу, а также отобранные у него лошадь, кошелек с золотом и мундир[197]. (Оба полковника вскоре умерли от ран.)

Три дня победители стояли на поле сражения, хоронили погибших и сортировали трофеи. С 30 сентября начали эвакуировать в Смоленск раненых. По древней русской традиции в память победы на поле у д. Лесной была наскоро за три дня срублена небольшая двуглавая деревянная церковь Рождества Богородицы, существовавшая еще в начале 20 в.[198].

Тела побежденных, по-видимому, оставили без погребения в распоряжение местной шляхты и крестьянства, подбиравших мундиры, повозки, ружья, шпаги, пули, коней и прочую добычу. «Несколько недель там нельзя было ездить из-за большого количества трупов, над которыми бесились собаки и звери»[199].

7 драгунских полков — Троицкий, Вятский, Нижегородский, Тверской, Смоленский, Ростовский и Сибирский, потери которых составляли от 9 до 19%, были отправлены с Меншиковым через Гомель на Украину (за исключением раненых.) Под команду Меншикова перешла и дивизия, ранее бывшая под началом Боура. 1 октября светлейший князь расстался с Петром и поехал по узким «зело худым» лесным дорогам и через «жестокие переправы» вслед за своей кавалерией к гетману Мазепе, который в то время лихорадочно изыскивал безопасный способ бегства к шведскому королю. С пути Меншиков напоминал царю, чтобы к нему из Смоленска с генерал-кригсцальмейстером немедленно была отпущена казна в 60 000 рублей, необходимая для жалованья драгунам и покупки свежих лошадей вместо изнуренных.

Пехота, забрав раненых от всех полков, в том числе и драгунских, вместе с трофеями, по осенней распутице 2 октября поднялась в Смоленск, а с ней, возможно, Невский и Владимирский драгунские полки. Военный историк П.К. Гудим-Левкович поставил вопрос, но не ответил на него, почему после сражения пехота, ушла в противоположную от Карла XII

сторону, за полтораста километров на север, а не к Шереметеву или не осталась для отдыха на месте[200]. Дело в том, что смертельной опасности для Москвы с середины сентября уже не было и после сильнейшей встряски было решено пополнить полки в смоленской базе лошадьми, фузеями, пистолетами, палашами, багинетами, кафтанами, епанчами и создать оптимальные условия для лечения и отдыха гвардейской бригаде. Все, в том числе и царь, переживший нервное истощение, были утомлены: *«...которые и не ранены, так устали (меж которыми и я), что Бог свидетелем есть»*, — писал Петр I 6 октября 1708 г.[201] Смоленск с гарнизоном в 6631 чел. был крупнейшей базой снабжения на западе России. В то время там находилось 162 113 четвертей ржи, муки, круп, сухарей, овса и ячменя. Там же работал центральный постоянный госпиталь, куда вызвали из Москвы лекарей и «господина дохтура», лечившего самого царя — Ивана Дунеля[202]. Для приема раненых специально чистилось жилье смолян. Ведь кровавые потери преображенцев составили 31%, семеновцев — 48%, ингерманландцев — 44%, Астраханского батальона — 20%. Навстречу раненым по требованию Петра I из Смоленска на подводах срочно послали более 2 тыс. хлеба, две бочки вина (видимо, «вина хлебного» — водки) и пиво. Конечно, перевозка по разбитой дороге под дождями и в холоде, несмотря на то что каждых трех пострадавших сопровождал один солдат, обернулась большими страданиями для раненых, многие из которых скончались в пути, в том числе и от «антонова огня». Из семеновцев только 422 человека пришли невредимыми в Смоленск, некоторые роты были без офицеров, только при прапорщиках.

Как ни тяжелы были потери, но радость всей армии была огромной. 8 октября царь-победитель торжественно вступал в город-крепость. К этому времени триумфальные въезды после побед стали устойчивой традицией и отмечались уже шесть раз. В 1696 г. состоялся парадный въезд русской армии после взятия Азова. В 1701 и 1702 гг. отмечали победы у Ряпиной мызы, Эрестфера и взятие штурмом Орешка-Нотебурга. В 1703 г. шествие устраивалось по поводу возвращения Ижорской земли и овладения Ниеншанцем, Ямом и Копорьем. В 1704 и 1705 гг. состоялись триумфы в честь взятия древнего русского (со времен киевского князя Ярослава) города Юрьева-Дерпта, а также Нарвы и Митавы.

Победителей встречал гром салюта смоленской артиллерии. Шествие через главные Молоховские ворота по улицам вел сам государь Петр Алексеевич. Герои русской армии «яко во знак победы» вели 877 пленных, везли трофейные «полоненные» пушки и пронесли знамена побежденных. В город доставили и тысячи шведских фургонов[203]. На центральной Сенной площади был выстроен парад. Горожане славили царя и победоносных воинов. Снова гремел троекратный салют из городских пушек и солдатских мушкетов, несколько дней продолжалось пиршества. Трофейные пушки

и шведское оружие под присмотром гвардейцев были выставлены на площадке у главного Успенского собора города.

По указу царя за вынос с поля боя знамен противника солдатам-преображенцам было выдано 200, семеновцам — 600, ингерманландцам — 100 рублей[204].

В первой половине октября воинов осматривали, подлечивали, «оттирали» (ампутировали) конечности и освобождали от службы тех, у кого были «зело трудные раны». В присутствии царя состоялось погребение в Смоленске ландграфа Фридриха Дармштадского, над могилой которого была поставлена небольшая часовня.

К 12 октября из 420 раненых преображенцев от ран умерли 1 капитан, 1 капрал и 32 солдата. 16 октября доктор Иван Дунель освободил от службы ставших инвалидами каптенармуса и 23-х солдат[205]. В ноябре из Смоленска в армию отправили 689 чел., осталось на лечении 48 офицеров и 553 раненых и больных драгун, за которыми присматривали «надзиратели» — 9 офицеров и 76 драгун. В отставку А.И. Репнин отправил 166, определил в гарнизоны 103 человека[206].

Три недели, вплоть до отъезда в главную армию, Петр I жил в деревянном дворце в ближнем предместье города и занимался «исправлением полков по баталии», в том числе заботился об уходе за больными и ранеными, следил за пополнением полков рекрутами, лошадьми, фузеями, палашами, багинетами, за шитьем новых палаток, новых кафтанов, камзолов, епанчей и т. д. Он же назначал новые оклады офицерам и рядовым, рассматривал и окончательно утверждал приговоры военного суда от 8 сентября 1708 г. по делам бежавших из полков солдат. 20 октября полки пошли на Украину.

18 ноября Петр приказал отправить пленных под конвоем смоленских солдат через Вязьму к Москве «со всякою осторожностию». (Некоторое количество пленных было определено денщиками у русских офицеров.) Царь высоко ценил трофеи, отбитые у «природных шведов». И хотя среди них было много остзейских немцев, Петр наметил, по всей вероятности, на конец 1708 или начало 1709 г. показать столице тех самых «непобедимых» неприятелей, против которых многие отговаривали в 1700 г. начинать «страшную Шведскую войну». 18 ноября царевичу Алексею было указано весь шведский полон с пушками и знаменами «проводить в Москву публично строем»[207]. 14 декабря он приказал московскому коменданту М.П. Гагарину полон с пушками и знаменами задержать до указа в Можайске и «смотреть, чтоб не разбежались». В «превеликую стужу» трофеи и шведы были доставлены к Дорогомиловской слободе Москвы[208]. 29 декабря 1708 г. последовало более строгое распоряжение — разместить всех офицеров, часть рядовых, пушки и знамена за стенами в Воскресенском мужском монастыре (Новом Иерусалиме), а остальных рядовых послать в Свято-Троицкий и Саввино-Сторожевский монастыри. Позже, в связи

с осложнением хода Северной войны на Гетманщине Петр I перенес торжество на послеполтавский период — на декабрь 1709 г.

После «несказанной виктории» победные салюты гремели от Балтики и Белого моря до моря Азовского — в Петербурге, Нарве, Архангельске и Азове. В Полоцке от «неслыханной виктории» офицеры и солдаты, собравшись после молебна, «сотворились сильны и шумны от вина», — писал полоцкий комендант капитан Н.Т. Ржевской. 5 октября два глашатых с двумя трубачами оповещали Москву о победе, после чего со стен Кремля и земляных валов столицы грохотало более четырех сотен пушек (сообщение Ч. Витворта.) 6 октября в Почепе на Северщине, недалеко от армии Карла XII, Г.И. Головкин, Г.Ф. Долгорукий, Никита Зотов и Петр Шафиров «за преславную победу Всевышнему воздавали... благодарение при молебном пении в соборной церкви и, огласяя народу, чинили троекратную стрельбу ис пушек и мелкого ружья».

Значение победы на белорусской земле было немалым.

Разглашение гонцами о триумфальном успехе в европейских столицах подняло авторитет русского оружия. Правительственная реляция, отпечатанная на голландском языке, подчеркивала, что из 16-тысячного войска Левенгаупта к Карлу XII пришло всего 3 тыс. человек.

В 1708 г. беглецы из-под Пропойска внесли в армию короля первый синдром поражения. Шведские солдаты потеряли уверенность в себе, которая была основой их прошлых побед (А. Фрюксель.) Возможность марша на Москву в 1708–1709 гг. стала для Карла XII очень проблематичной. С 1709 г. над шведами стал витать страх русской сухопутной силы. (Датчан, саксонцев и пруссаков они как и прежде не боялись.) В Речи Посполитой весть о поражении Левенгаупта взбодрила союзную России Сандомирскую конфедерацию и ослабила сторонников Лещинского, которые стали предлагать польскому королю «оставить шведскую партию». Слабое войско Станислава I стало таять. Русский резидент при коронных и литовских гетманах А.И. Дашков рассылал депеши по-польски и по-французски «до волох, до турок и за море» Он сообщал, что в Польше «ис той виктории зело были удовольствованы, а иные не доверивают совершенно, что так побежден неприятель, которого разумели весьма непобедима бытии»[209]. В середине октября Лещинский, выполняя требование Карла XII идти на Украину, собрался было на Волынь с 10 тыс. чел., но великий литовский гетман Я.К. Сапега, узнав о русской победе, отказался помогать ему и ушел на зимние квартиры в Гродно. Бессилие «короля Стася» подтвердилось 10 (21) ноября 1708 г., — когда 2 тыс. его жолнеров бесславно погибли в сражении против «сандомирян» под Конецполем (у Ченстохова)[210].

«Поражение шведов на московской границе» подняло престиж России в Османской империи[211]. Стамбул укрепился во мнении не посылать крымских татар в помощь шведам на Украине.

Новые источники, введенные в оборот в данной работе, подробнее раскрывают подготовку и ход битвы, которую Петр I назвал «матерью Полтавской баталии», однако много вопросов остаются непроясненными. Неизвестно, каков был обоз Левенгаупта и «техническое сопровождение» корволанта, каковы были на самом деле трофеи, захваченные русскими. Очень смутны сведения о бое 27 сентября на р. Реста. В дополнительных объяснениях нуждаются причины, по которым Левенгаупт не расчистил должным образом путь от д. Лесной до Пропойска и не подготовил корпус заранее к битве утром 28 сентября. Выяснение топографии местности от Лопатичей до Лесной, а также уточнение перемещения и положения войск требует дополнительных затрат времени. Нет четкой картины построения пехоты и кавалерии противников на малом и большом поле перед д. Лесной и хода «главного боя». Не ясно, почему колонна Боура при выходе к полю сражения напоролась на артиллерийский огонь противника? Почему русское командование пропустило удар шведских резервов по своему тылу на правом фланге? Нет полной ясности, как атаковал корволант шведский вагенбург в финале битвы, каким было расположение русского лагеря на поле в ночь с 28 на 29 сентября, каковы были реальные потери шведов. Нужны дополнительные доводы для объяснения причин, по которым не был уничтожен весь курляндский корпус между Лесной и Пропойском. В связи с вышеизложенным желательны дополнительные разыскания в отечественных и шведских архивах. Таким образом, поле для будущих исследований остается немалым.

Золотой и серебряный дождь наград излил царь на участников сражения в 1708–1710 гг. Битва при Лесной отковала героев. «Достойному — достойное» — под таким девизом отчеканили на Кадашевском монетном дворе Москвы огромное количество — 4618 серебряных медалей диаметром 28 мм нижним чинам, участникам «несказанной виктории». Их носили на голубой ленте ордена Св. Андрея Первозванного в петле кафтана. На лицевой стороне было погрудное императорское изображение Петра I в лавровом венке, доспехе и мантии с орденской лентой через плечо. По окружности шла надпись: «Петръ Первы[й] Імп[ераторъ] і самод[ержецъ] Всеросс[ийский]». На оборотной стороне Петр I был изображен в пылу сражения на вздыбленном коне в одеянии античного героя, ангелы с небес венчают его короной, а над ними лента с упомянутым лаконичным поощрением. Вдоль круга было выбито: «За Левенг:[ауптскую] баталию», под обрезом — «1708». Штемпели резали саксонец Готфрид Гаупт и француз Соломон Гуэн.

Для офицеров отчеканили шесть типов золотых медалей круглой и овальной формы с такими же изображениями достоинством в 13, 6, 5, 3, 2, 1 червонец в зависимости от чина и заслуг. Золотые медали получили армейские обер-офицеры и гвардейский младший командный состав

до капралов включительно. Всего было роздано 1140 таких наградных знаков [212].

В начале 1710 г. выпустили памятную золотую медаль с изображением увенчанного лавровым венком царя, летящего в доспехах на коне через шведские пики, ружья, знамена, пушку и отсеченную голову льва. В обрезе отчеканили латинское пояснение: «Победитель возвращается с битвы», а по кругу надпись: «Петр Алексеевич, Божьей милостью император Российский, Царь Сибирский, Астраханский, Казанский, Великий князь Московский». На оборотной стороне был выбит такой же, как в «Книге Марсовой», план баталии и крылатая, с венком славы и трубой, богиня победы Ника, попирающая трофейное оружие. На щите богини была латинская цитата из Овидия с намеком на «львиную голову» Левенгаупта: «Голова далеко от туловища», над изображением слова: «Славная победа при Лесной 28 сентября ст. стиля»; внизу в обрезе «Левенгаупт разбит. Убито или пленено 16 тысяч шведов».

Для высшего командного состава изготовили медали высшего достоинства — «Нарядные Персоны» (эмалевые портреты-миниатюры Петра I размером 38 х 33 х 28 мм с золотым обрамлением, бриллиантами, финифтью и драгоценными камнями), а также 7 оредов Св. Андрея Первозванного. Ни одна награда не вручалась незаслуженно, отличали только тех, кто проявил высокое мужество и распорядительность. В конторе Соляного правления на 5 сентября 1720 г. после выдачи почетных знаков за полтавскую и левенгауптскую баталии в запасе еще осталось 500 золотых, 73 серебряные медали и 59 портретов царя с числом алмазов от 8 до 59 и ценой от 62 до 212 рублей[213]. Заказаны были и 7 орденов Св. Андрея Первозванного, которые были доставлены царю 14 апреля 1709 г.[214]

«Сражавшегося как лев» М.М. Голицына Петр I расцеловал после битвы, возвел в чин генерал-лейтенанта и наградил своим портретом, осыпанным бриллиантами и дал 800 крестьянских дворов. Многие солдаты были возведены в чин офицеров и получили денежное вознаграждение.

Вторично после Смоленска Gloriosa Victoria отмечалась в Москве 21 декабря 1709 г. вместе с Полтавским триумфом.

День Лесной стал одним из первых регулярных светских праздников и был внесен в календарь «викториальных дат» Российской империи. Московский историк О.Г. Агеева составила подробные таблицы по празднованиям годовщин петровских побед. С 1709 г., ежегодно, где бы ни находился Петр Великий — в Торуни, Кроншлоте, Карлсбаде на лечении, на флоте у Копенгагена, в Астрахани во время Персидского похода в 1722 г., и тем более в обеих столицах, император всегда поднимал заздравные кубки за Лесную. Спуск на воду «любимых детей» царя — кораблей русского Военно-морского флота — часто приурочивался к памятным победным датам, в том числе и к годовщине Лесной.

28 сентября 1719 г. день «Левенгауптской баталии» отмечался в Петербурге молебном, салютом «со всего города из пушек», торжественным обедом в «галерее в еловой аллее», против которой был поставлен шведский фрегат, украшенный флагами, с которого палили, «когда про здоровье пили». Вечером под девизом «Милость Божия с нами» сверкал огнями фейерверк, в центре которого стоял рыцарь в латах, с державой в руке, опершись на якорь[215]. В 1721 г. в память о битве в Белоруссии к любимому Петром Великим храму Пресвятой Троицы на Троицкой площади Петербурга был пристроен придел преподобного Харитона Исповедника (ум. около 350 г.), память которого отмечалась 28 сентября. В этом приделе была поставлена походная церковь Петра I[216]. В храме, который по рангу занимал второе место сразу после Исаакиевского собора, отмечались годовщины побед при Полтаве и Лесной.

В 1723 г. император и отец Отечества установил список основных торжеств и место их празднования. Салют в честь Полтавской битвы должен был производиться «генерально», в честь победы при Лесной — только там, где в данный момент находился царский двор, морские победы при Гангуте и Гренгаме — в Кронштадте, «а прочие в тех только городах, когда которой взят». В общем списке «викториальных дней» царствований Петра I, Екатерины I, Петра II победа при Лесной заняла прочное место. Однако при царице Елизавете Петровне в росписи «статских торжественных дней, в которые от публичных работ дается свобода», остались 27 июня — «Воспоминание победы под Полтавою» и 30 августа — «Воспоминание замирения со Шведскою короною»[217].

Примечания

[1] *Adlerfeld G.* T. 3. S. 128. Полк Левенгаупта обзавелся 135 провиантскими фурами с 594 лошадьми, 1250 головами рогатого скота и стадом телят. Лейтенант его полка Р. Петре свой багаж вез на трех повозках, имея 6 ломовых и 6 верховых коней. Подобным образом обеспечили себя все офицеры, надеявшиеся пограбить и получить повышение в чинах.

[2] *Fryxell A.* Lebensgeschichte Karls des Zwölften Braunschweig. 1861. Th. 2. S. 115.

[3] *Weihe Fr. Chr.* Löjtnanten Fr. Chr. von Weihes dagbok 1708–1712 // Historiska handlingar. Stockholm 1902. Del 19. № 1. S. 1.

[4] *Wittram R.* Baltische Geschichte. Die Ostseelande Livland, Estland, Kurland 1180–1918. München, 1954. S. 104.

[5] Со взяткой в размере 100 дукатов к жене Левенгаупта подступался даже полковник Хельсингского полка Й.И. фон Кнорринг. Lewenhaupt A.L. Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse. Stockholm, 1952. S. 155.

[6] В Курляндии осталось три пехотных полка и один эскадрон — всего 2957 чел. *Lewenhaupt A.L.* S. 194–195; *Petre R.* Fänrik Robert Petres dagbok 1702–1709 // KKD. Lund, 1901. T. 1. S. 162–163.

[7] ППВ. Т. 8. С. 34. Примерной военной рекогносцировки не было, и с 25 июля по 2 августа Петр I рассылал ошибочную информацию, что Левенгаупт, обманув Боура, который должен был следовать за ним по пятам, соединился с королем // ППВ. Т. 8. № 2495, 2501, 2506, 2509, 2511.

[8] *Bengtsson F.G.* Karl XII: s levnad från Altranstädt till Fredrikshall. Stockholm. 2001. S. 71. Современный паек российского солдата включает 750 г хлеба, 900 г картофеля и овощей, 200 г мяса, 120 г рыбы, 160 г круп и макаронных изделий, 70 г жиров.

[9] *Lewenhaupt A.L.* S. 159.

[10] Можно предположить, что граф специально преувеличил интриги против него. Русское командование получало сведения о том, что войско Левенгаупта движется порознь по 1–2–3 тыс. чел., берет «великие контрибуции… и костелам не спускают»., но не знало точной численности и величины обоза. ТИРВИО. Т. 1. С. 252

[11] Тогда же, будучи более, чем в двух сотнях километров от Днепра, Стакельберг послал к Могилёву 50 валахов и шведов подряжать белорусов для наводки моста // ТИРВИО, 1, С. 122.

[12] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 515 об., 610–611.

[13] *Пашкевіч У.І.* Адлюстраванне падзей Пауночнай вайны у актавых кнігах Аршанскага гродскага суда // Северная война 1700–1721 гг. и исторические судьбы Европы. К 300-летию со дня битвы при д. Лесная. Могилёв, 2008. С. 211–212.

[14] *Petre R.* S. 153–154. Белорусское население оповещало русскую армию о передвижении противника. Забранные проводниками белорусы сбегали, прихватывая даже шведских лошадей // ППВ Т. 8. С. 670. О борьбе белорусского народа см. в работе: *Капыскі З.Ю., Клок Л., Мігулін І.* Бітва пад Лясной у 1708 годзе. Мінск, 1958.

[15] *Подъяпольская Е.П.* Военные советы 1708–1709 гг. // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сб. статей. М., 1959. С. 123.

[16] *Siltmann D.N.* “Volontären” vid Svenska armen preussiske öfverstlöjtnanten baron D.N. v. Siltmanns dagbok 1708–1709 // Karolinska krigares dagböcker. Lund, 1907. Т. 3. Запись Зильтмана от 3(14) сентября 1708 г.

[17] ППВ. Т. 8. С. 112, 118.

[18] ППВ. Т. 8. С. 102, 648, 650, 669. Поджог сопровождался грабежами и мародерством самих жителей. Орест, игумен. Шведы в Могилёве в 1708 г. // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1867. Т. 2. С. LXI–LXII.

[19] *Копысский З.Ю, Мележко В.И.* Помощь белорусского народа Русской армии в годы Северной войны // Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. М., 1959. С. 226.

[20] ППВ. Т. 8. С. 665–667.

[21] ППВ. Т. 8. С. 693–694.

[22] Так говорили перебежавшие к русским в начале сентября шведский поручик и два драгуна // ППВ. Т. 8. С. 651. См. также показания пленных валахов и поляка // РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 7. Л. 943 об.

[23] *Lewenhaupt A.L.* S. 180. Сомнительно, что Карл рискнул войсками Левенгаупта ради Мазепы, который дал знать, что раскрыл старшине план выступления против царя и просил ускорить марш к нему из опасения, что кто-нибудь выдаст его. Король якобы считал, что нельзя упускать такой выгодный шанс ослабить Россию с помощью союза с казаками. *Adlerfeld G.* T. 3. S. 246–247. Мазепа в двадцатых числах сентября 1708 г. с досадой отозвался о повороте короля на Гетманщину, который затянет туда всю Русскую армию и нарушит все его расчеты. Лист Пилипа Орлика до Стефана Яворського // Доба гетьмана Івана Мазепи в документах.. Київ, 2007. С. 360.

[24] *Lewenhaupt A.L.* S. 178–179. С пушками и огромными военными и продовольственными запасами Левенгаупт на западном берегу Днепра мог бы долго держаться.

[25] Этим можно объяснить, что численность корволанта Петра I в сражении при д. Лесной шведы преувеличивали до 50 и даже до 82 тысяч. Последняя цифра фигурировала во многих описаниях каролинцев. О 80-тысячной Русской армии говорили посредники, хлопотавшие в 1707 г. в Париже о примирении Петра I и Карла XII. *Клокман Ю.Р.* Неизданный том «Истории царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 313.

[26] Эти ложные сведения были подброшены через некоего протопопа, бывшего «в неволе полтретьи недели» у шведов. Н.Ю. Инфлянт — Петру I 18 сентября. РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 7. Л. 940.

[27] *Lewenhaupt A.L.* S. 179.

[28] «Обстоятельная реляция… о том, что случилось, начиная от перехода через Днепр до несчастной акции при Лесной», подана аудитором драгунского полка Шлиппенбаха И.А. Бенеке в Ревеле 13 января 1709 г. *Benecke J.A.* Ausführliche Relation… was von der Zeit sie über den Nieprstrohm ging bis zu der unglückliche Action zu Lisnaja passiret // Riksarkivet, Stockholm. Militaria II. Kriget i Ostersjöprovinserna och Ryssland. Vol. M. 1378. (RMII.) Здесь и далее документы данного раздела не имеют пагинации. Возможно, барабанный бой при переходе моста надо считать обычным сопровождением походного марша.

[29] Внимание Боура, находившегося в то время на р. Проне, в 60 км от Шклова, было приковано к армии короля и 21 сентября он собирался следовать за ней от д. Путьки к Кричеву // ППВ. Т. 8. С. 699; ТИРВИО. Т. 1. С. 83 и 113; *Adlerfeld G.* T. 3. С. 128.

[30] *Lewenhaupt A.L.* S. 180.

[31] *Подъяпольская Е.П.* С. 124–125.

[32] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 844–849. На смену отбракованнымв Преображенский полк было передано 74 солдата из дивизии Л.Н. Алларта. Там же. Л. 853. 16 октября, после победы, царь отставил еще 122 человека // ППВ. Т. 8. С. 199–207.

[33] *Артамонов В.А.* Победа генерала А.Д. Меншикова под Калишем в 1706 г.// Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.

Материалы международной научной конференции. С.-Петербург, декабрь, 2006. СПб., 2007. С. 264–265.

[34] *Молтусов В.А.* Полтавская битва. Новые факты и интерпретация. Дис. ... канд. истор. наук. Харьков, 2002. С. 122–124.

[35] ППВ. Т. 8. С. 88, 100, 118.

[36] Петр I — Р.Х. Боуру 16 сентября // ППВ. Т. 8. С. 134.

[37] ППВ. Т. 8. С. 156–157. 18 сентября 70 гвардейцев отъехали от Орши к западу на 5 миль, взяли 4 шведских нестроевых, от которых узнали, что там находятся три рейтарских полка, и вернулись обратно // ТИРВИО. Т. 1. С. 188–189. 22 сентября Петр I находился в пяти десятках километров от Шклова.

[38] В 14 батальонах фон Вердена было 6191 служащих, кроме 472 больных и раненых и 658 чел. в отлучках. В целом у него формально числилось 8118 чел. — РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 833.

[39] «...и после солгали», в связи с чем на «виленских жидов» был наложен штраф в 20 тысяч ефимков. — Петр I — В.В. Долгорукому 31 августа 1709 г.// ППВ. Т. 9. С. 357.

[40] Фельдмаршал-лейтенант Г. Гольц — А.Д. Меншикову 10–13 августа 1708 г. РГАДА. Каб. ПВ. Оп. 5. № 1. Ч. 2. Л. 406 об. _ 407, 417 об.

[41] *Lewenhaupt A.L.* S. 179. Можно допустить, что через этого шпиона русское командование вводило в заблуждение шведов ложной информацией. В июле Петр I указал собрать со Смоленщины, Могилёвщины и Северщины несколько десятков «добрых вожей» из шляхты и других чинов, знающих большие и проселочные дороги, в том числе до Москвы и Калуги // ППВ. Т. 8. С. 22, 453–454. К русским и шведам попадало много языков и переметчиков, даже офицеров. Петр I — Ф.М. Апраксину 14 августа 1708 г. из Мстиславля // ТИРВИО. Т. 1. С. 3.

[42] *Fryxell A.T.* 2. S. 117–118.

[43] ГСВ. Вып. 1. С. 286. В июле шведы повесили двух евреев, подосланных князем А.И. Репниным. *Adlerfeld G.* T. 3. S. 96. В России и Швеции в те времена было крайне мало иудеев, и об антисемитизме речи быть не могло, расправе за шпионаж подвергались лица любой национальности.

[44] Theatrum Europeum. Frankfurt am Main, 1720. T. 18. S. 269.

[45] *Гольденберг Л.А.* Картографические источники 18 в. о военных действиях в 1708–1709 гг. // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сб. статей. М., 1959. С. 368.

[46] По «Ведомости лошадям, что в походе идучи из деревни Соболевой пало и в баталию пропало и что худых и негодных» у преображенцев в битве и из обоза пропало 58 коней. Негодных, на которых «за болезнями служить невозможно», осталось тоже 90 // РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 843 об.

[47] Сообщено одному французскому корреспонденту в Могилёве 9(20) ноября 1708 г. шведами, уходившими после битвы при д. Лесной обратно в Курляндию. — RMII. Vol. M. 1378. О том же см.: Theatrum Europeum. T. 18. S. 271.

[48] ППВ. Т. 8. С. 721–722.

[49] *Weihe Fr. Chr.* Löjtnanten... S. 7; Nordberg G. Leben Carl des Zwölften. Hamburg, 1746, Bd. 2. S. 90.

[50] Шведы писали, что у них было ранено 3–4 чел., а русских коней нельзя было догнать. *Petre R.* S. 159.

[51] *Fryxell A.* Lebensgeschichte... T. 2. S. 118.

[52] Протоколы допроса И. Браска выявлены Е. Лютом. Неизвестно, правду ли говорил Браск, что после поражения при Лесной он просил старика вывести его к Левенгаупту или королю, но тот, будучи обессиленным, потерял ориентировку, вывел его близко к русским кострам, потом свалился с коня. Браск бросил его и направился к Могилёву.

[53] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 542.

[54] RMII. Vol. M. 1378. Среди всех рассказов каролинцев фантастическая численность корволанта в 82 тысячи — максимальна.

[55] Белорусский историк В.К. Заремский сообщает, что на таких участках при встрече двух телег одну из них клали набок.

[56] *Подъяпольская Е.П.* Военные советы. С. 125; ППВ. Т. 8. С. 210.

[57] ППВ. Т. 8. С. 162.

[58] Сообщение Н.Ю. Инфлянта от 25 и 26 сентября «из вески Старого Почепа // РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 7. Л. 942, 943 об.; ППВ. Т. 8. С. 724.

[59] ППВ. Т. 8. № 2676, 2677, 2678 и прим.

[60] ППВ. Т. 8. С. 165, 166, 167, 722–723, 731, 733.

[61] *Weihe Fr. Chr.* Löjtnanten... S. 7–8.

[62] ТИРВИО. Т. 1. С. 74–75.

[63] В ГСВ Т. 1. С. 287 ради «уменьшения» численности корволанта, написали, что полк Кэмпбела был якобы задержан на Ресте. Отсюда Н.Л. Юнаков вывел неверное заключение, что его оставили для обеспечения переправы (против кого?) и связи с фон Верденом (с ним постоянно держал связь сам царь). — ТИРВИО. Т. 2. С. 97.

[64] *Nordberg G.* Bd. 2. S. 90; Adlerfeld G. Bd. 3. S. 132.

[65] ППВ. Т. 8. С. 730; ТИРВИО. Т. 1. С. 98.

[66] Задним числом царь, может быть, сожалел, что не послал к Пропойску крупных сил. Об этом можно судить из объяснения по поводу небольшого числа драгун, посланных за Сож: «понеже чаяли Левенгопта в малом числе» — ГСВ. Вып. 1. С. 287. Вопреки данному толкованию, уже 26 сентября были получены сведения, что шведов 16 тысяч.

[67] ППВ. Т. 8. С. 732–733.

[68] *Lewenhaupt A.L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse... S. 183.

[69] *Jefferyes J.* Captain James Jefferyes's letters to the secretary of state, Whitehall, from the Swedish Army, 1707–1709 // Historiska Handlingar. T. 35:1. P. 65.

[70] *Lewenhaupt A.L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse... S. 182.

[71] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 10. Л. 454–455. Политически ангажированные историки не стесняются фальсифицировать соотношение сил противников

и 11 тысячам шведов противопоставляют ложную численность корволанта в 40 тыс. чел.// Катлярчук А. Швэды у гісторыі й культуры беларусау. Вільня, 2007. С. 123.

[72] *Колосов Е.Е.* Артиллерия в Полтавском сражении// Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М. 1959. С. 94–95.

[73] РИО. Т. 50. С. 11, 60, 63. Иноземцы признавали, что русская пехота на сухарях, муке и воде проходят по 5–6 миль в день, что русские, освоив «немецкие порядки», не уступают в храбрости шведам, хотя драгуны рубят и сидят в седле хуже шведов и дурно обращаются с лошадьми. *Беспятых Ю.Н.* Иностранные источники. С. 305, 310.

[74] *Lewenhaupt A.L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse... S. 184.

[75] ТИРВИО. Т. 3. С. 275.

[76] Пули с конскими волосами были обнаружены в 1705 г. и после боя при Головчине 3 июля 1708 г. ППВ. Т. 8. С. 445; РГАДА. Ф. Сношения со Швецией. 1708. Д. 8. Л. 90; Сб. летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. Киев, 1888. С. 46.

[77] *Petre R.* Fänrik Robert Petres dagbok... S. 166; *Weihe Fr. Chr.* Löjtnanten... S. 8; Bielke T.G. Ture Gabriel Bielkes hågkomster af Karl XII. Upsala, 1901. S. 61; *Blome A.S.* 112.

[78] ППВ Т. 8. № 2681. Для оповещения вне России — экс-короля Августа II, польских союзников и османов добавлялись слова: «иные сказывают, бутто было дватцать тысяч». Там же. № 2688, 2691, 2692. В реляции о баталии 16 октября 1708 г. царь, ссылаясь на показания пленных, писал, что шведов в бою было «13 000, кроме авангардии трех тысяч» // ППВ. Т. 8. С. 211.

[79] *Люстров М.* Шведские и русские победословия эпохи Северной войны // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействия культур. Под ред. Т. Тоштендаль-Салычевой и Л. Юнсон. Сб. статей. М., 2009. С. 328.

[80] *Defoe D.* An impartial History of the Life and Actions of Peter Alexowitz, the present Czar of Muscovy. London, 1723. P. 205.

[81] ППВ. Т. 6. С. 22, 233, 247

[82] *Lyth J.H. von.* Des Grossen Herrens /Czaars und Gross Fürstens von Moscau Petri Alexiewiz, des gantzen Grossen, Kleinen und Weissen Reusslandes Selbsthalters / etc., etc., etc. Leben und Thaten, aus besonderen Nachrichten beschrieben. Frankfurt und Leipzig, 1710. T. 2. S. 467, 469. Часть данных из этого труда франкфуртского профессора И.Х. Лита под названием «Немецкая листовка, основанная на русских и некоторых шведских показаниях» была использована в книге *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 2002. С. 257 и др. Об авторстве Лита см.: *Беспятых Ю.Н.* Петербург Анны Ивановны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 277; Беспятых Ю.Н. Иностранные источники по истории России первой четверти 18 в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмальм.) СПб., 1998. С. 389–390.

[83] Известно, что гвардейцы Семеновского полка молились перед иконами Спаса Нерукотворного и Знамения Божьей Матери.

[84] Theatrum Europeum. T. 18. S. 270.

[85] См. «План сражения при деревне Лесной». *Артамонов В.А.* «Несказанная виктория»: сражение при Лесном. 1708. М., 2009. С. 42.

[86] *Коновальчук П.В.* Неизвестные документы о Лесной. Находка в Королевском архиве Швеции // Северная война 1700–1721 гг. и исторические судьбы Европы. К 300-летию со дня битвы при д. Лесная. Могилёв, 2008. С. 197.

[87] Ф.И. Фастман — Петру I 30 сентября // ППВ. Т. 8. С. 733.

[88] Показания капитана фортификации и полкового квартирмейстера М.М. Каммекера 6 мая 1709 г. R M II. Vol. M. 1378.

[89] *Бутурлин Д.П.* Военная история походов россиян в XVIII столетии. СПб., 1820. Ч. 1. Т. 2. С. 21.

[90] Показания Я.И. Берга. Из протоколов, выявленных Е. Лютом. R M II. Vol. M. 1378.

[91] *Гилленкрок А.* Современное сказание о походе Карла XII в Россию // Военный журнал. 1844. № 6. С. 53; ПЖ. 1708. С. 25; Петре писал, что «веселая игра или танцы» начались в 10 ч утра. *Petre R.* Fänrik Robert Petres dagbok... S. 165. О том же писал и Бенеке.

[92] *Lewenhaupt A.L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse... S. 184.

[93] *Lyth von J.H.* T. 2. S. 468.

[94] Theatrum Europeum. T. 18. S. 270.

[95] *Sinclair K.A.* Överstelöjtnant Sinclairs egenhändiga relation // Historiska handlingar. Stockholm, 1952. Del 34:2. S. 270.

[96] *Lewenhaupt A.L.* S. 184.

[97] Там же. Все это писал генерал для обеления себя в горькие дни плена.

[98] Петр I — Ф.Ю. Ромодановскому с поля битвы 29 сентября // ППВ. Т. 8. С. 168. «Акция между Лесной и Пропойском». РГВИА. Ф. ВУА. № 1445. Л. 12.

[99] *Petre R.* Fänrik Robert Petres dagbok... S. 166–167.

[100] *Lewenhaupt A.L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse... S. 185.

[101] Объяснительная записка Л. Адлеръельма 18 мая 1709 г. Из протоколов, выявленных Е. Лютом. R M II. Vol. M. 1378.

[102] *Sinclair K.A.* S. 271.

[103] *Lewenhaupt A.L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse... S. 186.

[104] ППВ. Т. 8. С. 195–198.

[105] *Леец Г.А.* Абрам Петрович Ганнибал. Биографическое исследование. Таллин, 1980. С. 27–28, 79.

[106] *From P.* Katastrofen... S. 104. Левенгаупт вызвал от оставшихся при Лесной фургонов около тысячи человек.

[107] *Weihe Fr. Chr.* Löjtnanten... S. 8.

[108] *Дирин П.Н.* История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб., 1883. Т. 1. С. 89–90.

[109] Там же. С. 89.

[110] *Lewenhaupt A.L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse... S. 186. Здесь генерал не упомянул, что как только шведские эскадроны доезжали до леса, русская пехота и артиллерия наносила им большие потери и те откатывались назад.

[111] *Weihe Fr. Chr.* Löjtnanten... S. 8.

[112] ППВ. Т. 8. С. 6–13. Здесь «Регулы» датированы «1708 не ранее июля 3» и ошибочно отнесены к головчинскому сражению.

[113] Петр I — Апраксину 6 октября 1708 г. ППВ. Т. 8. С. 183.

[114] Приложение к донесению австрийского посла О. Плеера из Москвы от 16 ноября 1708 г. Мацьків Т. Гетьман Іван Мазепа в західньоевропейських джерелах 1687–1709. Київ; Полтава, 1995. С. 238.

[115] ППВ. Т. 8. С. 11.

[116] *Прокопович Ф.* Сочинения. М.-Л., 1961. С. 25.

[117] “und sie bis an ihre Wägen und Bagage zurücke trieben” — *Lyth J.H. von.* T. 2. S. 469; Theatrum Europaeum. T. 18. S. 270.

[118] Русские учитывали вынесенное ранеными с поля боя оружие и амуницию. В ППВ. Т. 8. С. 191–192 («Роспись, что на бывшей потребе сентября 28 дня с убитыми пропало и раненые не вынесли и из обозу пропало») не указано пропавшее и учитывавшееся отдельно оружие — фузеи, палаши, штыки, копья и пистолеты. Об этом см.: РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 842 и об.

[119] *From P.* Katastrofen… S. 111.

[120] *Lyth J.H. von.* T. 2. S. 470. Шведы вышли бы победителями «из кровавой бани» если бы не помощь драгун Боура, необоснованно писал Fryxell A.T. 2. S. 119.

[121] ППВ. Т. 8. С. 770; РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 7. Л. 303–305 об.; Письмо из Риги от 2 ноября 60, 2479 унции. R M II. Vol. M. 1378; Theatrum Europaeum. Franckfurt am Mayn, 1720. T. 18. S. 272.

[122] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 6. Л. 1014 об.

[123] *Petre R.* Fänrik Robert Petres dagbok... S. 167. Видимо, в этот период боя лейтенант Петре, отрядив четырех мушкетеров, смертельно ранил сквозными выстрелами сидевшего на коне ландграфа дармштадского Фридриха, который находился между двумя линиями на правом фланге.

[124] *From P.* Katastrofen… S. 111.

[125] *Anusik Z.* Karol XII. Wrocław, 2006. S. 210.

[126] *Lewenhaupt A.L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse... S. 186.

[127] *Lewenhaupt A.L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse... S. 188.

[128] Показания капитана О.И. Тизенгаузена 26 марта 1709 г. Из протоколов, выявленных Е. Лютом. R M II. Vol. M. 1378.

[129] *Lyth J.H. von.* T. 2. S. 470. Упоминание о 10 эскадронах и уцелевших 70 шведах остается на совести франкфуртского профессора И.Х. Лита.

[130] Показания подполковника Х. Хурна 23 мая 1709 г. Из протоколов выявленных Е. Лютом. R M II. Vol. M. 1378.

[131] ППВ. Т. 8. С. 169, 198. «Рядовые поступали так, как шведы в прежних акциях» написано у О. Плеера *Мацьків Т.* С. 237.

[132] Из протоколов, выявленных Е. Лютом. R M II. Vol. M. 1378.

[133] ППВ. Т. 8. С. 169.

[134] *Blome A.* S. 113. Казаки, якобы убив 50 солдат, остановили их бегство. Theatrum Europaeum. 1708. S. 271. Небылица, пущенная в оборот шведами, в русской патриотической публицистике подавалась позже как похвальная предусмотрительность: «*Его Величество пред страшным сим сражением в предосторожность поставил позади своего фрунта козаков с пиками, дав им грозное повеление всех тех, кои из наших побегут или назад подадутся, колоть без пощады, не исключая его самого. Сей указ над несколькими побегшими в точности и был исполнен, что видя солдаты, решились непременно победить или на месте умереть*». Краткое описание славных и достопамятных дел императора Петра Великого… М., 1794. С. 107–108. В украинской публицистике XIX в. чуть ли не сама победа приписывалась малороссиянам: якобы после бегства великороссийских войск, Петр, собрав и построив их как раньше, поставил в тылу и с флангов малороссиян с приказом рубить и колоть всех, кто подастся назад не щадя даже самого государя. *Конисский Г.* История русов или Малой России М., 1846.

[135] *Lewenhaupt A. L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse... S. 188, 203.

[136] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 837–838 об.

[137] В фальсифицированных «табелях» № 166 и 167 численность каждого из 13 полков корволанта и 8 полков Боура урезана на сто и более человек, так что вместо 17917 чел. указанных в «табели» № 194, оказалось на 2300 чел. меньше // ТИРВИО. Т. 1. С. 142–143, 198–199. В «Объявлении баталии… при Лесной» 16–18 октября 1708 г. количество корволанта вместе с полками Боура уменьшена до 15601 чел // ППВ. Т. 8. № 2732.

[138] *Petre R.* Fänrik Robert Petres dagbok... S. 171–172.

[139] Левенгаупт написал, что его потери — 3 тысячи, русских втрое больше. Петре вопреки генералу полагал, что корпус потерял убитыми и пленными 6397 чел. (49%): из 2900 драгун оказалось в наличии после боя у Пропойска — 1749 чел, (потери 60%), из 2 тыс. кавалеристов уцелело 1303 (потери 65%.) Потери 8-тысячной пехоты составили 4549 чел. т. е. 57%. *Petre R.* Fänrik Robert Petres dagbok... S. 171–172. Часть этих цифр следует отнести к дезертирам, которые растеклись по лесам, были перебиты казаками и белорусами или ушли в Ригу. По Вайе убитых шведов было около 2 тыс., пленных 1800 чел., русских же убито и ранено 10 тысяч. *Weihe Fr. Chr.* Löjtnanten Fr. Chr. von Weihes dagbok… S. 11–12. Адлерфельд, ссылаясь на плененного в декабре 1708 г. генерал-адъютанта Шульца, который не захотел по обмену вернуться в Русскую армию, написал, что из 40-тысячной армии русских было убито 6 тыс., не считая раненых. *Adlerfeld G.* T. 3. S. 138–139.

[140] *Wennerholm J. B. R.* Karl XII och Lanchester — ett bidrag till frågan om den karolinska armens effektivitet under Stora nordiska kriget // Kungl. Krigsvetenskapsakademiens tidskrift. 1998. № 5. S. 91–104.

[141] Неточен прежний подсчет в ст.: *Артамонов В.А.* Боевой дух армий России и Швеции 1700–1714 гг. (на материалах полевых сражений // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. М., 2006. С. 157.

[142] Выписки из анонимного немецкого дневника, который велся с 30 октября 1708 г. до 25 февраля 1709 г. По словам автора, в «блистательной для шведов акции» русские при своем четырехкратном превосходстве якобы потеряли 8 тыс. чел. R M II. Vol. M. 1378.

[143] См. гравюру сражения при Лесной, созданную в октябре 1708 г. *Артамонов В.А.* «Несказанная виктория»… С. 32.

[144] *Lyth J. H. von.* T. 2. S. 470. В обычае всех тогдашних армий было раздевание убитых.

[145] ГСВ. Вып. 1. С. 288.

[146] *Lyth J.H. von.* T. 2. S. 471. В ночное время костры жгли, возможно, и из разломанных фур.

[147] Theatrum Europaeum. T. 18. S. 271

[148] Некоторые очевидцы говорили, что Левенгаупт велел задержаться при оставленных фургонах команде в 500 человек до следующего дня, но так как было потеряно 6000 человек, этот арьергард был снят. — Письмо из Риги 2 ноября 1708 г. R M II. Vol. M. 1378.

[149] Лундблад писал, что обоз был выпущен после войск, чтобы не потревожить шумом русских и не задерживать войска. *Lundblad K.S.* 33–34.

[150] *Lewenhaupt A. L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse… S. 204.

[151] *Weihe Fr. Chr.* Löjtnanten… S. 9.

[152] 83 Реляция И.А. Бенеке. Vol. M. 1378. RM II.

[153] *Lyth J.H. von.* T. 2. S. 472.

[154] Как видно, шведы подходили к Сожу партиями. Ф.И. Фастман — Петру I 30 сентября ППВ. Т. 8. С. 733.

[155] Левенгаупт писал, что туда вернулось 1, 5 тыс. чел. Lewenhaupt A.L. S. 197,

[156] *Lyth J.H. von.* T. 2. S. 471.

[157] ППВ. Т. 8. С. 174. «И единым словом, чаю, едва тысяча человек от сих двадцати тысяч к королю и в Ригу войдут», — написано им в письме от 6 октября, Там же. 182–183. Дезертировавший в Ригу Бенеке полагал, что Левенгаупт мог добраться к королю не более, чем с 3 тысячами верховых.

[158] *Defoe D.P.* 204; 29 сентября Петр I писал о захвате 2 тысяч телег и всех 16 пушек // ППВ. Т. 8. С. 169.

[159] *Lyth J.H. von.* T. 2. S. 472.

[160] Петр I — Ф.Ю. Ромодановскому 29 сентября // ППВ. Т. 8 С. 172–173. «Несколько сот евреев, соединившихся для организации к шведам подвоза, были ограблены калмыками, которые отобрали у них телеги и им всем обрезали носы и уши». Письмо французского резидента в Польше Ж.В. Безенваля 6 октября 1708 г. // ТИРВИО. Т. 1. С. 223.

[161] А. И. Репнин — Петру I 30 сентября // ППВ. Т. 8. С. 771. В то время ходила фантастическая молва, что Карл XII послал на выручку фельдмаршала Реншельда с 3000 драгун. Theatrum Europaeum. T. 18. S. 272.

[162] ППВ Т. 8. № 2693 и прим.; А.И. Репнин — А.Д. Меншикову из Пропойска 30 сентября. ТИРВИО, 1. С. 127. Среди шведов ходили слухи, что царь Петр, «сломя голову бросился к Смоленску», якобы узнав, что после битвы при Лесной сам король разбил его войска в новом бое у Сожа. R M II. Vol. M. 1378.

[163] *Lewenhaupt A. L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse... S. 206–207.

[164] *Petre R.* Fänrik Robert Petres dagbok... S. 178.

[165] Фастман — Петру I в полночь 30 сентября // ППВ. Т. 8. С. 735–736.

[166] *Карцов А.П.* История лейб-гвардии Семеновского полка 1683–1854. СПб., 1852. С. 88.

[167] Отчет лейтенанта К.Х. Лаутербаха в Риге 17 мая 1709 г. Из протоколов, выявленных Э. Лютом. R M II. Vol. M. 1378.

[168] А.И. Репнин — Петру I 4 октября // ППВ. Т. 8. С. 772. За этой партией, которую вел к Шклову шляхтич Радецкий, гнались 5 миль, но не могли догнать. Там же. С. 180, 778.

[169] Комендант Быхова Д. Воронцов — А.Д. Меншикову 13 октября 1708 г. ТИРВИО. Т. 1. С. 111.

[170] Петр I — Ф.М. Апраксину 6 октября 1708 г. ППВ. 8. С. 182–183. Некоторые из белорусов указывали беглецам путь к Могилёву, и даже выхаживали раненых шведов.

[171] «Я думаю, что господин генерал с 3000 лучших из верховых при помощи одного еврея, который провел его через леса, пришел к Его Королевскому Величеству» — Реляция И.А. Бенеке. R M II. Vol. M. 1378.

[172] ГСВ. Вып. 1. С. 291.

[173] *Siltmann D.N.* Запись от 2–3 (13–14) и 11 (22) октября.

[174] ТИРВИО. Т. 1. № 125. Р. Петре писал, что было убито и ранено не более 6 десятков шведов.

[175] *Petre R.* Fänrik Robert Petres dagbok... S. 182.

[176] *Weihe Fr. Chr.* Löjtnanten... S. 14.

[177] *Petre R.* Fänrik Robert Petres dagbok... S. 183–184. Если бы не Лагеркруна, то Левенгаупт «со своей расстроенной армией напоролся бы как раз на русские позиции у Почепа, где его ждала окончательная катастрофа». *Стилле А.* С. 38.

[178] *Krman D.* Itinerarium. Cestovny dennik z rokov 1708–1709. Bratislawa, 1984. S. 59.

[179] Fryxell A. T. 2. S. 123.

[180] Записка о войне шведской, в царствование Петра Великаго веденной, и о сражении с Левенгауптом, найденная в делах того времени // Военный журнал. 1833. № 3. С. 53.

[181] *Lewenhaupt A. L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse... S. 202. *Гилленкрок А.* Современное сказание…С. 54; *Petre R.* S. 266; *Стилле А.* С. 39; *Weihe Fr. Chr.* S. 15.

[182] ППВ. Т. 8. С. 1031.

[183] Письма Елены Рерих в 2-х томах с кратким индексом-путеводителем. М., 1995. С. 306.

[184] В путевом дневнике И.М. Нурсберга было записано: «25 сентября. Деревня Костеничи у р. Ипуть. Здесь лес кончился, и Его Королевское Величество остановился тут на 2 недели и два дня. В это время мы получили несчастную весть, что его превосходительство граф Левенгаупт был разбит русскими со всей своей армией. И в то же время к Его Величеству присоединился князь той земли по имени Мазепа с 7000 человек и тут же получил аудиенцию». KKD. Lund, 1907. T. 3. S. 201.

[185] Французская мера длины от 4444 до 6173 м.

[186] Написано вместо зачеркнутого: «оставлены на поле».

[187] То есть несколько беглецов-дезертиров.

[188] Письмо из Могилёва на французском языке, датированное 20 ноября 1708 г. н. ст. R M II. Vol. M. 1378.

[189] Nachricht von dem wahren Zustand der Konigl. schwedischen Armee… den 30 December 1708. Hamburg, 1709. S. 3. Во многих сообщениях шведская пропаганда преувеличивала силы корволанта до 80 тысяч. Theatrum Europaeum. 1708. S. 271.

[190] *Adlerfeld G.* T. 3. S. 136. 139.

[191] *Adlerfeld G.* T. 3. S. 242.

[192] *Fryxell A.* T. 3. S. 51–52.

[193] *Lewenhaupt A.L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse... S. 351.

[194] *Петрякова М.М.* Триумфальное шествие 1709 г. в честь побед русских войск над шведами // Шведы в Москве. М. 2002. С. 90. Бьельке исказил Петра I, якобы сказавшего, что Полтавская битва не что иное, как игра по сравнению с Лесной, где его войска были бы совершенно разбиты, если бы шведы использовали пушки, которые они захватили у русских в начале дела. *Bielke T.* Hågkomster af Karl XII. Uppsala, 1901. S. 61.

[195] Сведения очевидца — жителя белорусского города Друи, переданные в Ригу 2 ноября 1708 г. R M II. Vol. M. 1378. В этом двухстраничном письме приведены также неверные слухи о смерти шведского генерал-адъютанта Синклера, Кнорринга и генерал-лейтенанта русской службы Пфлюга, о пуле, якобы полученной Меншиковым в голову, о том, что потерявшее 6000 человек воинство Левенгаупта за Сожем встретил и спас фельдмаршал Реншельд. Эти слухи были перепечатаны в Theatrum Europeum за 1708 г.

[196] ППВ. Т. 8. С. 770.

[197] Рассказ торговца из г. Друи, записанный неизвестным лицом 2 ноября 1708 г. в Риге на нем. яз. R M II. Vol. M. 1378.

[198] После смерти Петра Великого польские власти обратили храм в униатский и в 1748 г. перевезли в с. Головенчицы, на 25 км к северу от Лесной. Однако после включения восточной Белоруссии в состав Российской империи, эта церковь в 1780 г. была вновь обращена в православную. Прочную, но тесную церковь собирались продать на снос, но благодаря вмешательству Могилёвского губернатора Н.А. Зиновьева и председательницы московского археологического общества графини

П.С. Уваровой этого не случилось. К 200-летнему юбилею сражения по инициативе белорусского археолога Е.Р. Романова ее снова перенесли в д. Лесную. Нива. 1899. № 15. С. 290; Огонек. 1912. № 47. В 1938 г. церковь была снесена.

[199] Хроника Сурты. С. 276.

[200] *Гудим-Левкович П.* Очерк исторического развития вооруженных сил России до 1708 г. с критическим разбором кампании 1708 г. // Военный сборник. 1876. № 4. С. 268.

[201] Через две недели после сражения Петр I писал, что *«ей, голова худа… стала и не могу долго ни о чем мыслить»* // ППВ Т. 8. С. 183–184, 189.

[202] ППВ. Т. 8. С. 176, 177. 191, 773.

[203] И.Х. Лит, перечисляя трофеи, показал правильное количество пушек — 16, почти верное число знамен — 47 и 10 штандартов, но преувеличил количество пленных офицеров до 703 и рядовых — до 2673 чел. Он же написал о 8800 взятых обозных телег с провиантом и амуницией. *Lyth J.H. von.* Т. 2. S. 472. В царском манифесте от 6 ноября писалось, что от 16 тысяч войска Левенгаупта не ушло и 3 тысяч, что «все пушки и знамена и прочие воинские клейноты и обоз свой, во осми тысящах возах состоящей, со многими имении в Полше и Литве и в Курляндии награбленными, в добычу нашим оной и с полторы тысячи знатных полоняников оставил» // ППВ. Т. 8. С. 278.

[204] Донесение М.М. Голицына // РГАДА. Каб. ПВ. Отд. II. Кн. 8. Л. 464, 899.

[205] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 837–838 об., 878.

[206] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 897–898.

[207] ППВ. Т. 8. С. 314.

[208] ППВ. Т. 8. С. 315, 349, 379, 1021.

[209] ППВ. Т. 8. С. 861.

[210] *Геровский Ю. А.* Польша и победа под Полтавой. С. 50, 52–53.

[211] Турция накануне и после Полтавской битвы (глазами австрийского дипломата.) Перевод, введение и примечания В.Е. Шутого. М. 1977. С. 39.

[212] *Дуров В.А.* Наградные медали России первой четверти XVIII в. // Нумизматический сборник. М., 1977. Ч. 5. В. 2. С. 108. *Кузнецов А.А., Чепурнов Н.И.* Наградная медаль. В 2-х т. Т. 1. М., 1992. С. 29–30; Чепурнов Н.И. Наградные медали государства Российского. М., 2000. С. 39–40; Польза. Честь. Слава. Награды России. М., 2004. С. 14, 44.

[213] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 53. Л. 1012–1013.

[214] *Кротов П.А.* Битва при Полтаве. К 300-летней годовщине. СПб., 2009. С. 75.

[215] *Погосян Е.А.* Петр I — архитектор российской истории. (Серия «Территория культуры».) СПб., 2001. С. 133.

[216] *Антонов В. В., Кобак А.В.* Святыни Санкт-Петербурга. Христианская историко-церковная энциклопедия. СПб., 2003. С. 66.

[217] *Погосян Е. А.* С. 163, 389–390.

Глава V. Русско-шведское единоборство на Гетманщине

5.1. Измена

С октября 1708 г. русско-шведское единоборство переместилось на Гетманщину. Гетманщиной в XVII–XVIII вв. называлась часть входившего в состав Русского государства Левобережья Днепра, которое состояло под автономным управлением украинских гетманов, признававших протекторат Москвы. Она занимала примерно пятую часть современной Украины.

В 20-х числах сентября Пиперу было доставлено письмо от Мазепы, и первый министр уговорил короля свернуть в «Казакию», которая якобы предоставит изморенным солдатам продовольствие и, по слухам, добавит королю 200 тыс. казаков. Это было чистой фантазией — сильные русские гарнизоны в Киеве, Чернигове, Нежине и Переяславе не дали бы шведам свободы действий. Король отправил в резиденцию Мазепы — Батурин, письмо с призывом встать на сторону короля и предоставить ему зимние квартиры. На Северской Украине или вокруг резиденции гетмана Мазепы шведы рассчитывали «избрать себе место на гнездо». *«Я думаю, мы расположимся на зимние квартиры у Батурина»,* — писал один из шведских участников сражения при Лесной. Шведы не были твердо уверены, что Мазепа перекинется к ним — так писал Д. Джеффрис. Чтобы безусловно получить в руки гетмана и не идти по опустошенной земле, король решил опередить русскую армию. О страшно изнурительном броске на Северщину 19–25 сентября 1708 г. полковник Н. Юлленшерна писал: *«Наступил самый злосчастный и тяжкий поход на свете, — мы должны были пробираться сквозь дебри, которые протянулись на 18 миль и через которые раньше не проходил ни один отряд, не то что армия. Там не было ни нормальных дорог, ни деревень. Лишь то там, то тут* [стояло] *несколько домов, которые большей частью были сожжены. К тому же лес кишел казаками, так что если кто-то сбивался с пути, он тут же бывал убит или взят в плен. Мы не осмеливались отправлять по сторонам небольшие отряды для сбора провизии. Люди и лошади издыхали в таких количествах, что тем, кто шел позади, не требовалось показывать путь, ибо дороги были завалены трупами. Однако более всех пострадала наша артиллерия. К тому же в соответствии с приказом мы должны были жечь все лишнее, мундиры и оружие, а также много*

другой клади, так как лошади передохли, и было столько заболевших, что мы едва могли везти их дальше. Кроме того, враг стоял повсюду, где были хоть какие-нибудь реки или большие болота. Это не причиняло вреда, но, тем не менее, мы всегда должны были быть настороже, что сильно утомляло и изматывало людей. Я с моим полком по 26 часов сидел в седле, ни разу не спешиваясь»[1].

Встряску шведов при прорыве сквозь дебри в «Казакию» еще ярче описал Д. Крман: *«Загоняя коней мы все дни и ночи спешили. Кто бы мог видеть, сколько чистопородных лошадей, выдохнувшихся до изнеможения, валилось наземь, превращая конницу в пехоту! Кто бы знал, сколько повозок было разбито, кто бы слышал все выражения солдат об этом нежданном повороте! ...Во многих местах голодные солдаты должны были рубить деревья и расчищать путь на большое расстояние. Временами дорога была так узка, что повозки не могли протиснуться между сваленными деревьями, которые нужно было оттаскивать или обрубать. У многих донельзя уставшие лошади едва переставляли ноги, не говоря уже о том, чтобы тянуть нагруженные фуры. Когда один воз заваливался, все остальные останавливались. Если пытались обойти его, то еще больше все запутывались и застревали. Возницы же гнали коней, хлеща их до крови. Непрестанно раздавались крики, ругань, проклятья, никто не хотел уступать другому. Обозное начальство честило всякого, кто задерживал остальных. Солдаты немилосердно колотили лошадей палками. За эти 14 дней подохло несколько сотен коней, многие из них вставали без сил и даже есть не могли. Часто мы были в ужасе от жестокости шведов и литвинов над лошадьми»*[2]. Московиты напирали сзади и с флангов, впереди были малороссийские казаки. Не победители, а «изнищалые и изголодалые» люди вступили на украинскую землю. 28 сентября, как раз в день катастрофы Левенгаупта при Лесной, между Пипером и Реншельдом состоялся крутой разговор. Фельдмаршал упрекал Пипера, что марш на юг нанес большой ущерб армии и привел даже к людским потерям.

С последней трети XVII в. определяющей линией русско-украинских отношений на два века стало сближение — конвергенция. Большое количество украинцев включилось в строительство царства, империи и русской церкви. Обрела силу идея политического объединения украинцев и великороссов[3]. Под военной защитой Русского государства в правление Федора Алексеевича, царевны Софьи и Петра I вплоть до начала Северной войны при гетманах И. Самойловиче (1672–1687) и И.С. Мазепе (1687–1708) Гетманщина вступила, как пишут украинские историки, в период экономической стабильности и расцвета, «мазепинского ренессанса»[4]. Российская власть почти не вмешивалась в дела гетманства, в выборы местных органов, администрации и судов. Находившаяся под покровительством

России Гетманщина в конце XVII и первые годы XVIII в. представляла разительный контраст с пребывавшей в разрухе Правобережной Украиной, не имевшей никакой автономии в составе Короны Польской. После «Руины» и окончания Турецкой войны 1683–1699 гг. сейм Речи Посполитой в 1699 г. одобрил ликвидацию казачества и перевод казаков в крепостное состояние. Напротив, Русское самодержавное государство, имея в виду напряженные отношения с османами и крымскими татарами, считало целесообразным сохранять автономию казаков на Левобережье. Отдельное малороссийское войско подчинялось гетману даже при совместных военных действиях против Турции и Швеции. Оно, как Донское и Калмыцкое, никогда не ставилось в линейных сражениях, где русские солдаты терпели жесточайший урон. Рекрутских наборов вплоть до 1783 г. с Украины не проводилось: это сберегало украинскую кровь и увеличивало рождаемость в сравнении с великороссами[5].

Ни копейки не поступало с Гетманщины в казну России. Под русским протекторатом Гетманщина представляла отдельную таможенную территорию и таможенные сборы обогащали гетманскую казну. Правительство Петра I даже не знало величины и источников доходов гетмана и старшины (украинской шляхты)[6]. Все налоги и таможенные сборы с Малой России расходовались по усмотрению гетмана. Налогообложения в пользу единого государства с гетманства не было. Не существовало и общего законодательства. Для русских войск в Малороссии из гетманской казны средства не поступали. Обременительные постои солдат на дворах казаков и старшины не допускались[7]. Все русское дворянство Петр впряг в регулярную военную и гражданскую службу, но Гетманщине не навязал ни таких же порядков, ни российского государственного строя. Старшину и казаков не заставляли насильно менять одежду и сбривать растительность на голове, как в России. Благодаря русскому протекторату и договорам с Речью Посполитой 1686, 1704 гг. и с Турцией 1700 г. украинцам Левобережья можно было не опасаться возобновления польской экспансии и в некоторой мере — набегов татар. Мазепа в «процветавшем Левобережье дал старшине сытую, зажиточную жизнь»[8], углубив расхождение между ней и украинскими низами. На Правобережье Днепра Москва защищала украинские интересы, занимая антипольскую позицию против союзной Речи Посполитой. Не было заселения русскими гетманских земель, наоборот, шла интенсивная колонизация русских территорий украинцами, искавших защиты от поляков и крымцев под защитой России. О «неволе» и колониальной зависимости Гетманщины от России не могло быть и речи.

Казачья старшина на Левобережье, хотя не называла себя ни шляхтой, ни дворянством, но, присвоив права шляхты, владела имениями, судилась по шляхетским правам, выбирала из своей среды управителей на все ад-

министративные должности, не платила налогов и не несла общих повинностей. Дети старшины пользовались преимуществами по службе. Общество Гетманщины расслоилось на привилегированных и зависимых. Она управлялась классом, наделенным теми же привилегиями, против которых боролся народ с 1648 г.[9] Как писал классик украинской историографии М. Грушевский, старшина «превращалась в помещичий класс, захватывала земли свободные перед тем или считавшиеся войсковыми; закрепощала крестьян и казаков и верно служила московскому правительству за содействие в этих делах... В руках старшины собралась огромная масса земель... Новая панщина сильно раздражала крестьянство»[10]. Часть старшинской верхушки, в отличие от рядового казачества и крестьянства, стремилась к такой же независимости от центра, как польская шляхта и поддерживала идею Мазепы перевести Гетманщину в вассальную зависимость от Швеции и Польской Короны, где можно было обрести такую же «золотую вольность». Среди другой части старшины не было желания присоединяться к Польше, ибо с приходом поляков возникала угроза лишиться имений, но она могла иметь единство взглядов против России и петровских реформ на Украине[11]. О судьбе украинского крестьянства под деспотической властью польской шляхты старшина не задумывалась, хотя у нее были планы присоединения Правобережья к Гетманщине.

В 1687–1708 гг. гетманская автономия в самодержавной России стояла как никогда высоко, причем Мазепа имел безоговорочную поддержку Москвы. Как «гаранту стабильности» на юге, 14 июня 1708 г. ему вынесли благодарность за участие малороссийских полков в подавлении бунтовщиков-булавинцев[12]. «Пресветлейшего и державнейшего Великого государя Его Царского Священнейшего Величества Войск Запорожских гетман славного чину святого апостола Андрея и Белого Орла кавалер Иоанн Мазепа» пользовался уважением всего русского правительства. Высшие чины царства именовали его «сиятельнейшим и превосходительнейшим господином гетманом и кавалером, милостивым благодетелем»[13].

Программой всех правителей России (со времен Ивана Калиты, и особенно с Ивана III), считавших себя преемниками древнерусских князей, было восстановление исторической справедливости и собирание утраченного древнерусского наследства от Невы и Карпат до Волги. С конца XV в. к этому прибавилась программа выхода к Балтике, с середины XVI в. — к Каспию и Черному морю, а с XVIII в., вслед за мировыми европейскими державами, и поиск путей в Индию через Кавказ, Среднюю Азию, Дальний Восток или Мадагаскар. Начиная с Великого посольства Петра I, русская дипломатия стремилась охватить все страны Европы.

Региональная гетманская программа в антипольском и антиосманском аспекте хорошо вписывалась в русскую. Идея «соборной Украины» состояла в том, чтобы собрать воедино как можно больше украинских земель,

прежде всего Правобережье Днепра, Запорожье и при возможности, русскую территорию, заселенную украинцами (земли Белгородского разряда — «Слобожанщину») при максимальном расширении автономии в составе России. Войны России с Турцией и Крымским ханством приветствовались, как средство предотвращения угона рабов. Совместные походы малороссийского и великороссийского войска в Причерноморье, на Азов и турецкие форты на Нижнем Днепре не считались бичом для Украины, как ныне пишет украинская историография. Самостоятельное завоевание причерноморских степей и выхода к Черному морю, распространение гетманской власти на западноукраинские земли (Волынь, Галичину и др.) в конце XVII в. превышало возможности гетманов, и таких целей они не ставили. Балтийская политика Петра I, начатая в 1700 г. в союзе с католической Речью Посполитой, а также протестантскими Саксонией и Данией, не нашла на Украине отклика. Никакого смысла для себя в пробивании «окна в Европу» старшина не видела.

Известно, что основная тягота войны против шведов легла на великорусские земли, из которых беспощадно выдавливались деньги, кровь и пот. Тяжким бременем были рекрутские наборы в армию и флот, где служба была крайне тяжелой, в отличие от службы казаков в милиционных территориальных полках. На галерные корабли, где условия были схожи с каторжными, украинцев не посылали. И несмотря на это, подключение украинского казачества для обычной казацкой службы — набегов, конвоя и сообщений на северном театре военных действий старшиной воспринималось болезненно («московским ярмом»)[14].

Ныне Мазепа считается одним из величайших национальных героев, титаническое величие которого сочеталось с феноменально-телескопическим предвидением судьбы Украины. «Имя великого гетмана навечно вписано золотыми буквами в украинском пантеоне самоотверженных борцов за свободу родной Отчизны». Мазепа возведен в ранг героя Украины потому, что был уникален — вопреки общему стремлению украинцев XVIII–XIX в. к сближению с Россией, он один под конец жизни призвал казаков к походу на Москву вместе со шведами и возглавил «антимосковскую революцию». «Свободолюбивый» гетман-просветитель, оратор, поэт и музыкант, стоял выше сумасшедшего-«блазня» Петра I, который своим тиранством с неистовством одержимого вытаскивал боярскую Московию на европейский путь[15].

Несомненно, Мазепа обладал умом, дипломатическими способностями и широким политическим кругозором. С 1687 г. гетман был первостатейным экспертом и информатором для русского правительства по украинским, польским, молдавским и крымским делам, активно укрепляя Россию на юго-восточных рубежах. В Москве ценили его опыт и смотрели его глазами на Балканы, Крым, Турцию, Украину и Речь Посполитую. Под русским

протекторатом за 21 год любимец Петра I, «благодаря щедрым дарам царя собрал около 20 тыс. имений и стал одним из самых богатых феодалов Европы». «Мазепа долго владел этим богатым краем, где он имел власть чуть меньшую, чем суверенный принц, и где собрал огромное состояние». Значительная часть богатств была сосредоточена в гетманской резиденции — Батурине[16]. На Гетманщине в его руках было 5 волостей с 19654 дворами и несколькими десятками тысяч душ мужского пола. В Севском уезде России ему принадлежало две волости тоже с несколькими тысячами крестьян. Доходы гетмана превышали 200 тыс. рублей в год.[17] Вряд ли под поляками на Правобережной Украине он мог бы собрать такие богатства. Украинский «народ от сего Июды проклятого зело утесненный всегда плакал (чего мы не ведали доселе)», — сокрушался Петр уже после измены гетмана. Ища поддержки у духовенства, часть выжатых из народа денег Мазепа тратил на строительство церквей и монастырей, наделял церковников вкладами и селами и собрал огромную личную казну.

По твердости воли, мужеству, энергии и полководческому дару Мазепу нельзя поставить в ряд с европейскими героями, открыто бросавшими вызов угнетателям и, не жалея себя, боровшимися с ними — русским князем Дмитрием Донским (в 1378–1380), чехом Яном Жижкой (1419–1424), албанцем Георгом Скандербегом (1444–1468), молдаванином Стефаном III Великим (1457–1504), венграми Яношем Хуньяди (1439–1456), Матьяшем Хуньяди-Корвиным (1456–1490), Ференцем II Ракоци (1703–1711) и украинцем Богданом Хмельницким (1648–1657) гг. Его роль в истории можно сопоставить лишь с господарем Валахии К. Брынковяну (1654–1714), тоже скопившим значительные богатства и развернувшим культурное строительство.

Верность Мазепа не считал верхом добродетели. Внимательно следя за политической конъюнктурой и страстно желая пробиться наверх, он семь раз менял хозяев и неоднократно изменял «украинской идее». В 1654 г. его отец Степан вместе с киевлянами давал присягу на верность царю Алексею Михайловичу, который объявил войну Польше. Около 1655 г. православный 16-летний Мазепа в первый раз изменил Украине и России, когда те вели борьбу с поляками. После Киево-Могилянской академии он прошел курс наук в Иезуитской коллегии в Кракове[18]. В качестве «королевского покоевого» (камергера) он посвятил себя служению королю-католику Яну II Казимиру (1609–1672.) Заметив его рвение, король за свой счет послал его в Европу на три года «шлифовать образование».

В тяжелый 1660 г. русских поражений Мазепа приложил руку к переходу гетмана Юрия Хмельницкого на сторону ляхов. В 1661 г., как писал в своих мемуарах шляхтич Ян Хризостом Пасек (ок. 1636–1701.) Мазепа предал его, обвинив в том, что он якобы пытался поднять литовское войско против короля[19]. В то время польская культура считалась

образцом для России и Украины. Насквозь пропитанный ею Мазепа перенял идеи польской мегаломании и мессионизма («Польша форпост католицизма против азиатской дичи»), которые широко распространялись с конца XVI в.[20] Самосознание он обрел скорее польское, а не малороссийское («руськое».) «Мазепа не красив, но очень образован... очень предан Польше»[21]. Как и поляки, он считал в глубине души русских «варварами-схизматиками» и выработал стойкое отторжение к ним[22]. Вполне лояльный к своей второй родине и метивший на высокие места в католическом государстве, Мазепа, возможно, и дальше всей душой служил бы ему, но как второсортный «схизматик», недавно принятый в состав шляхты, выдавливался польской спесью. Однажды в приемной короля после издевательского приветствия Паском: «Челом, пан есаул!» и ответа «Челом, пан капрал», Мазепа получил удар кулаком по лицу. Оба схватились за сабли, их разняли. «Ни один придворный за него не вступился; его не жаловали, так как он был слегка мошенник, а к тому же казак, недавно получивший нобилитацию... Из приемной Мазепа уходил едва не плача»[23]. Публичное унижение должно было сильно резануть амбициозного человека.

В 1663 г. Мазепа принял участие в дипломатической подготовке польского похода на Левобережную Украину[24]. Тогда же Ян Казимир отправил Мазепу вручать знаки власти правобережному гетману Павлу Тетере. Мазепа бросил королевскую службу и остался у Тетери. По-видимому, это случилось из-за его скандального адюльтера с женой магната пана Фальбовского и последовавшего после этого позора. В 1666 г. Мазепа перекинулся на службу восставшего против поляков гетмана Петра Дорошенко. При нем он возглавлял его личную охрану и получил чин войскового писаря. Вместе с Дорошенко Мазепа с 1669 г. состоял под турецким протекторатом и радел на сей раз великой исламской державе, включившей в свои владения украинские земли от Днестра и Каменца-Подольского до Чигирина.

В 1674 г. сноровистого оборотня, как подданного Османской империи, захватили и едва не растерзали запорожцы, но выдали врагу Дорошенко — левобережному гетману И. Самойловичу, который отправил его в Москву. Мазепа, сменив обличье, стал служить православному государю и Самойловичу, поднявшему его до чина генерального есаула. Вместе с Самойловичем Мазепа побуждал Москву воевать не против османов, а против поляков. Но тогда это шло вразрез с политикой России, стремившейся закрепить за собой Левобережную Украину путем мирного соглашения с Речью Посполитой. Самойлович же пытался объединить оба украинских берега Днепра и порицал русско-польский Вечный мир 1686 г. Такая позиция гетмана не устраивала царевну Софью и «канцлера» князя В.В. Голицына. Мазепа, вопреки «украинской идее» Самойловича,

поддержал их «пропольскую» политику. Неудачу Крымского похода 1687 г. свалили на Самойловича и в извете старшины подпись генерального есаула стояла четвертой. Так, благодаря В.В. Голицыну и смене очередного покровителя, 25 июля 1687 г. Мазепа (и старшина) торжественно в шатровой церкви на р. Коломаке дал присягу и обещание **«пред святым Евагелием Господу Богу Всемогущему в Троице Святой Единому на том, что быти... у их царского величества у их государских наследников в вечном подданстве верно и постоянно»**. После присяги ему были вручены гетманская булава, бунчук и царская хоругвь.

8 августа 1689 г. в Москве начался переворот, который привел к власти клан Нарышкиных и Петра I. 10 и 11 августа царевна Софья и Голицын устроили торжественный прием Мазепе и нескольким сотням казаков, надеясь использовать украинскую поддержку против Нарышкиных[25]. Однако Мазепа отрекся от благодетелей и совершил пятый кульбит — на сей раз к ногам 17-летнего Петра I. Когда Карл XII двинулся на Москву, Мазепа собрался остаться на стороне победителя — либо короля, либо царя. В октябре 1708 г. гетман совершил шестое предательство — теперь в отношении Петра и Украины, предложив шведской марионетке Лещинскому принять Малороссию как «наследие свое». Вместе с тем русский царь не был для Мазепы «заклятым врагом». О «независимости» Украины вплоть до Карпат он не думал. Главным для него было сохранение богатства, стремление властвовать вместе со старшинской верхушкой над крестьянством, как шляхта в Польше, с предпочтением остаться вне военных действий и под крылом победителя. Увидев плачевное состояние шведской армии, гетман попытался в седьмой раз совершить измену и в обмен за прощение при условии гарантии европейских держав обещал Петру I захватить Карла XII и снова вернуться под протекторат России (см. ниже.)

Нельзя не признать, что Мазепа, как мастер скрытных действий и тонкий психолог, обладал виртуозным, почти гипнотическим даром внушать свои идеи и чувства. Можно поражаться мастерству его лицедейства: при внутренней неприязни к великорусской культуре и русским, он стал почитаемым политиком в глазах Москвы и почти другом Петра I. Собственный политический опыт и ум он ставил выше, чем у всей старшины (и московской верхушки) вместе взятой. («Я по милости Божьей имею разум больший, чем вы все».) «В целом Мазепа был невзрачной внешности. Он был мал, худ, с волосами, завитыми на польский манер. Хотя ему в то время было более 60 лет, он сохранил много огня и честолюбия, подталкивающего к большим начинаниям. В знак его гетманского достоинства перед ним носили серебряную булаву, а за ним бунчук из конского хвоста, как у турок»[26]. Вкрадчивый с тонкими и белыми, как у женщины, руками, гетман был способен привести в восхищение нужных лиц (в том числе

и женщин) искренней «обаятельностью», остроумием и бодрой веселостью. Он понравился королю Яну Казимиру, Дорошенко, Самойловичу, Голицыну, стал почти другом Петра I и произвел очень хорошее впечатление на Карла XII.

Подражая «европейским стандартам», гетман освоил немецкий и итальянский язык, порядочно говорил на латыни, выписывал французские и голландские газеты, собирал коллекцию оружия, картины и библиотеку. В отношении Москвы тактика Мазепы, состояла в том, чтобы не «дрочити москаля», но, как пишут сейчас украинские историки, делать все по-своему. С последним трудно согласиться — русское правительство как раз за его реальные промосковские действия щедро награждало гетмана и «за веру и верность» отметило в январе 1700 г. звездой и знаком ордена Св. Андрея Первозванного. Союзник царя польский король Август II вручил в 1703 г. орден Белого Орла. Контакты с поляками прикрывались пересылкой в Москву почти всей гетманской корреспонденции и даже выдачей подсылаемых к нему агентов. На самом видном месте в батуринском замке, где устраивались щедрые застолья для старшин, которых он исподволь подстрекал к недовольству, гетман вывесил портрет Петра I[27].

В отличие от Петра I знакомство с Европой не вдохновило его на военные и административные преобразования. Реформировать малороссийское войско в регулярное он не мог, зная казачество, которое стремилось, подобно русским стрельцам, сохранить свою консервативную корпоративность. Мазепа был заинтересован в распространении слухов, что царь якобы собирается перевести казаков в солдаты и учить их строевой подготовке, чтобы «скорей народ привести до шатости и измены»[28].

Взросший на польской закваске, «шляхтич и сын коронный» (так он называл себя) был глух к народному чувству православной солидарности и не мог черпать силу из украинской земли. Крестьянство и рядовое казачество не признавало «ляха» — гетмана, своим. «Вся беда для Мазепы состояла в том, что он хотел ввести в Малороссии польские порядки и при управлении Украиной старался брать за образец государственное устройство в Польше»[29]. Когда Польша расползалась по швам, его ум не мог отрешиться от прежнего стереотипа польского доминирования на востоке. В Малой России народ «не мыслил быть под иноверной властью лядской, которую их предки не сносили и не терпели»: «Бій, винищуй лядську кров, нехай в Руських краях дощенту зникне І пам'ять про неї, щоб її духу русинський ніс І не чув». («Бей, уничтожай польскую кровь, пусть в Русских краях навсегда исчезнет и память о ней, чтоб ее духу русинский нос не чуял»)[30]. Не зафиксировано ни одного его высказывания о бессилии тогдашней Речи Посполитой. «Ляхолюбец» (так писал о нем Ф. Прокопович) в приватных и застольных разговорах открыто заявлял, что Гетманщине быть «под ляхами» или по доброй воле, или после завоевания.

Его вирши о «вольности» пристегивались не к национально-украинской, а к сословной (шляхетской) свободе.

Мазепа не был ни ярким народным пассионарием, ни «батьком» для казачества, как Семен Палий. Поднять восстание, как Палий и Кондратий Булавин, он не мог, не хотел и не был способен. Оценивая всех по своей мерке, он не доверял никому и говорил, что «никогда не имел уверенности в своей безопасности и всегда ждал удара, как вол обуха». Вся его жизнь прошла в страхе за должность, власть и богатство. Поэтому он такое внимание уделял своим десяти наемным полкам, а в личной охране вместо «природных казаков» держал московских стрельцов, драгун и калмыков[31]. Поэтому основным его оружием была тактика низости — обмана и измены.

Хотя гетман и говорил в 1699 г., что за 12 лет участвовал в 11 походах, но ни в одном не отличился. Героизма в нем не было ни капли. Понимая, что не обладает даром полководца, Мазепа никогда не рвался в бой и за ним не числилось ни одного подвига. Малодушие гетман скрывал за напускной суровостью.

Моральных ограничений гетман не знал. Сильная похотливость перекрывала в нем христианскую нравственность. Как указывалось, за блуд с замужней пани Фальбовской он был опозорен ее мужем в 1663 г.[32] Будучи на седьмом десятке, он не постыдился плотского вожделения к Мотре Кочубей, которая была его крестной дочерью и младше на полвека! (Издатели, публикующие через 300 лет любовные записки опытного ловеласа, считают их образцом якобы возвышенно-искреннего чувства.)

Вслед за шведским историком Енсеном можно повторить, что при своем вероломстве, хитрости и «ненасытном эгоизме эпохи Руины» он не был ни украинским державником, ни исторической личностью[33]. В русскую историю и в народную память украинцев он вошел как «клятый Мазепа», «крестоотступник» и символ предательства.

Шведская сила выбила немало крупных фигур из Северного союза, и нарушение верности малороссийским гетманом стояло в череде таких же перемен в Речи Посполитой, произошедших в 1706–1707 гг. Польский король Август II Сильный, узнав, что Карл XII собирается оккупировать Саксонию, 5 (16) августа 1706 г. в тайне от русского союзника дал полномочия своим дипломатам добиться сепаратного мира с Карлом XII. Под угрозой штыков к марионеточному королю Станиславу I Лещинскому откачнулись магнаты Любомирские, великий канцлер литовский Кароль Станислав Радзивилл, воевода русский Ян Станислав Яблоновский, литовский подканцлер Станислав Щука. После отречения Августа II на шведскую сторону перешел командовавший саксонцами генерал-лейтенант М. Брандт. Генерал-майор Адам Шмигельский («польский Гектор»), уходя к шведам, пытался в качестве трофея захватить А.Д. Меншикова,

но вместо него пленил генерал-лейтенанта русской службы Г. Пфлюга (тот позже сумел освободиться.)

Великий литовский гетман князь М. Вишневецкий, который знал о намерениях Мазепы, с января 1707 г. вел переговоры о переходе к Лещинскому. Об этом в феврале 1707 г. предупреждал русское правительство польный литовский гетман Григорий Огинский[34].

Как и Мазепа, Вишневецкий медлил с открытым выступлением, звал на помощь генерала АЛ. Левенгаупта из Риги и одновременно уверял царя в своей верности. Русский резидент А.И. Дашков, несмотря на то что слышал антироссийские высказывания в окружении великого литовского гетмана и, зная, что в Вильно появлялись шведские офицеры, слепо верил Вишневецкому и убеждал русское правительство, что тот никогда не отойдет от союзных отношений с Россией. Приняв русские деньги на литовское войско, Вишневецкий переметнулся к шведам, однако в мае 1708 г. отправил Петру прошение иметь клан Вишневецких «в прежней протекции своей монаршеской» и обещал «при вере святой католицкой и союзу с вашим величеством пребывати даже до скончания войны сея»[35]. Другие польские гетманы, магнаты и шляхтичи, под угрозой шведских расправ заводя переговоры с Лещинским, пытались сохранить свои должности и имения и лишь непримиримость Карла XII вынуждала их оставаться верными русско-польскому союзу 1704 г.[36]

Нещадно эксплуатируя великороссов, Петр стремился подключить к несению тягот Северной войны и окраины. Следствием были бунты и выступления против царской власти в Астрахани, Башкирии, на Дону и Гетманщине. В июне 1708 г. восставшие булавинцы, в поле зрения которых не попали шведы, собравшись отложиться от России, посылали к ногайцам и кубанцам «держать особной мир» и сообщали, что если «великий государь не пожалует, как жили отцы их, они де от него отложатца и станут служить турскому султану». Так же, как позже и Мазепа, они провоцировали против царя Османскую империю, сообщая, чтобы султан не верил великому государю, потому что он многие земли за мирным состоянием разорил и готовит корабли и каторги и иные воинские суды и всякой воинской снаряд[37].

Молва о предстоящей измене Мазепы с 1707 г. широко распространилась не только по Гетманщине и Польше, но и во Франции и Швеции, и это сильно тревожило гетмана. 22 ноября 1707 г. Лещинский призвал Мазепу «скинуть чуждое ярмо и вернуться под опеку найяснейших польских королей», обещал «сыновьям одной нераздельной Отчизны» навечно сохранить все права и вольности и осведомлял, что Карл XII через Литву пойдет на Москву, а он, Лещинский, с татарской ордой на Киев, что казакам можно не опасаться шведов, которые не готовятся идти против них[38]. С конца 1707 г. подобные слухи кружили уже в Москве (!).

«Втайне везде поговаривают, что шведы через польского короля предлагали украинским казакам, что если те отделятся от Москвы, снова перейдут в подданство Польши и захотят вести войну против Москвы, то получат все свои прежние старые свободы, которые они раньше имели под поляками. Из-за этого здесь везде большое беспокойство, так как хорошо известно, что [казаки] *тут с некоторого времени очень потерпели в своих правах и таким образом легко примут такие предложения»?*[39]

Вопреки безоговорочной поддержке Москвы, которая сделала его пожизненным гетманом, «Махиавель и хитрый лис» (так называли его запорожцы) не пользовался симпатией на Украине. Об этом свидетельствуют два десятка доносов на него. «Откровенная и последовательная поддержка [Мазепой] старшины вызывала всеобщее недовольство среди народных масс и настроенных против старшины запорожцев»[40]. Но благодаря мастерской политике он искусно гасил слухи об измене. Все изветы на гетмана русское правительство переправляло в его руки. В начале 1702 г. русский священник И. Лукьянов отметил, что Мазепа «есть стрельцами то и крепок, а то бы его хохлы давно уходили, да стрельцов боятся»[41]. Из-за своей слабости на Украине гетман не мог занять независимую позицию ни в отношении России, ни Речи Посполитой.

Военный потенциал Гетманщины в 1708 г. был несравнимо ниже, чем в Освободительной войне 1648–1654 гг. Территория, подвластная Мазепе, была почти вдвое меньше той, на которую распространялась власть Богдана Хмельницкого к его смерти в 1657 г., и меньше площади нынешних Эстонии и Латвии, вместе взятых. Территориальные казачьи полки были национальными формированиями в составе вооруженных сил России. Их боеспособность была намного слабее, чем при Богдане Хмельницком, они стали «нестройными», и использовались в мелких стычках, для пикетов и почтовой службы, связи и охранения регулярных войск русской армии[42]. Не были профессиональными набиравшиеся добровольно и 10 наемных (охотницких) полков — конные («компанейские» по 500 чел.) и пехотные («сердюцкие» — по 600–800 чел.), даже если они и имели однотипное вооружение[43].

Петр I в 1707 г. писал: «Войско малороссийское нерегулярное и в поле против неприятеля стать не может». От него «ничего добра, разве худа есть, понеже, не имеючи определенного жалованья, только на грабеж и тот час домой уйдут», — сообщал Петр I Мазепе в 1707 г. Еще ниже оценивали боеспособность мазепинских казаков шведы.

Когда шведы готовились выйти из Саксонии на восток, царь указывал, чтобы Мазепа готовил к обороне Успенскую (Печерскую) крепость и всю Украину и собрал в Полоном и Белой Церкви провианта на 1–2 года[44].

Возможно, в мае 1708 г., когда главная квартира Карла XII находилась в Радошковичах, а Мазепа с казаками у границ Волыни, было заключено

«тайное согласие о намерениях или союзе» («das geheime Verständniss, …eine Art von einem geheimen Bundniss».) (Пересказ о нем придворный летописец Карла XII Г. Адлерфельд приписал к майским событиям.) Мазепа обещал при содействии полка И.И. Скоропадского предоставить шведам Северщину с городами Стародубом, Новгород-Северским, Мглином, Брянском (!) и др., собрать 20-тысячное войско, присоединить к нему казаков, обитающих у Белгорода и Дона, и привлечь калмыцкого хана Аюку. Провиант шведам Мазепа обещал доставлять с Украины и Белгородчины. Пересказывая соглашение, Адлерфельд писал, что шведское оружие везде возьмет верх, так как русские не способны стоять против шведов, не будучи втрое сильнее. Выбрав время, Карл XII двинется на Москву вместе с Мазепой, казаками и с калмыками. Царь уйдет к северу от Москвы, к Волге, где земля не так плодоносна и не может кормить многочисленную армию. Петр или подчинится победителю, или распустит охваченное недовольством воинство, или сгинет от голода.

Короне Польской Мазепа, во-первых, обещал выполнить все, чем обязался шведскому королю; во-вторых, по первому желанию польского короля идти со всем казацким войском в поход туда, куда тому будет нужно; в-третьих, привлечь белгородских и донских казаков, а также Аюку-хана с его калмыками, и, в-четвертых, вся Украина, включая «герцогства» Северское, Киевское, Черниговское и Смоленское, снова перейдет в польское подданство и будет включена в состав Короны. Взамен Мазепа получит Витебское и Полоцкое воеводства на тех же условиях, как у герцога курляндского, и титул князя. Армия короля была заинтересована в скорейшем восстании на Гетманщине, но Мазепа открыто поднимать бунт страшился и настоял на сохранении соглашения в тайне. И все же шведская сторона оговорила пункт, по которому Мазепа должен будет определить день, когда он соберет старшину и раскроет ей содержание договора[45]. Нет оснований не доверять отрывку из работы известного романиста, купца и публициста Д. Дефо, неприязненно относившегося к России «Достоверная история жизни и деяний Петра Алексеевича, нынешнего царя Московии, написанная британским офицером царской службы»[46]. Он писал, что главная квартира короля обязала Мазепу дезорганизовать снабжение русской армии набегами казаков. Была надежда поднять новую Смуту в центре России («возмущение народное») казаками[47]. Видимо пересказ Адлерфельда верно отражал ситуацию первой половины 1708 г. Мазепа не собирался выводить Гетманщину на уровень независимого и равноправного со Швецией и Речью Посполитой государства, но переходил под власть шведского сателлита Лещинского, предавая интересы украинского народа. Наступление поляков на казачество, подобное тому, что случилось на Правобережье, игнорировалось им. Фактически Мазепа допускал появление панов и польской шляхты

на украинских землях. В широко известном историкам письме Мазепы от 5 декабря 1708 г. Станиславу I «верный подданный и слуга нижайший Иван Мазепа гетман» обьявлял «наяснейшему милостивому королю... о подданной своей подлеглости» и нижайше просил «излиянным сердцем и общим всей Украины желанием... дабы на избавление достояния своего победителную благоволил подвигнуть руку. Чего ради мы, яко отца, во аде суще, ожидаем приходу вашей королевской милости, яко спасителя нашего. ... дабы мы могли соединенными оружиями и силами... московского... усыпить змия». В конце послания Мазепа, целовал «тысячным целованием храбрую руку» своего государя[48]. Личные тайные соглашения Мазепы с Карлом XII и его сателлитом Лещинским неправильно именовать украинско-шведским (тем более украинско-польским) союзом. О нем поначалу не знала даже старшина, и тем более украинцы на Гетманщине, Запорожье, Правобережье, Слобожанщине и Западной Украине. Если Богдан Хмельницкий сознавал свою силу, будучи вождем великой Освободительной войны, то Мазепа понимал свое бессилие, видя стремление украинского народа к сближению с единоверной Россией. Верно учитывая слабость своего военного потенциала, Мазепа искал не независимости Гетманщины, стиснутой между Польшей, Крымским ханством и Россией, а шведского и польского протектората как гарантии против возможного реванша Москвы. Идея политической независимости гетманства («независимой и соборной казацкой Украины») ошибочно опрокидывается украинскими историками из XX–XX1 в. в век восемнадцатый.

Украинский академик П.П. Толочко справедливо пишет, что за время существования гетманской государственности ни у одного из гетманов не было самостоятельной государственной программы с идеей полной независимости, все они ориентировались на «комплекс подданства»[49]. Предоставление Мазепой шведской армии периферийных, барьерных с Россией земель Северщины было логичным. Имели некоторые основания расчеты на восставший Дон и хана Аюку, при котором калмыки обладали наивысшей боеспособностью в своей истории. Однако уверенности в шведской победе и длительной оккупации ими Москвы и Восточной Европы у гетмана не было. Мазепа учитывал, что новая армия Петра сможет отстоять рубежи России по Днепру. Как раз на случай бегства с Гетманщины он и выговорил для себя Витебское и Полоцкое воеводство в Речи Посполитой, общая площадь которых была чуть меньше Гетманщины. Еще раньше, просчитывая вероятность своей эмиграции, значительную часть своей казны он перебросил в Белую Церковь — город Короны Польской.

Вслед за Мазепой ныне повторяются такие «рации» его измены: 1) план А.Д. Меншикова по «ликвидации Гетманщины» («уничтожить казацкую

старшину, а, следовательно, и всю административную структуру Гетманщины»); 2) намерение светлейшего князя стать гетманом после смерти Мазепы; 3) реформирование казацких полков; 4) план 1707 г. перегнать украинцев за Волгу и заселить русскими Украину; 5) намерение царя оборонять от шведов только Киево-Печерскую крепость, но не «мать городов русских» («что для Мазепы было настоящей трагедией»); 6) применение к Украине и Киеву тактики «выжженной земли»; 7) отказ Петра передать Правобережную Украину под гетманскую власть[50].

Конечно, Россия, как любое абсолютистское государство Европы, подбиралась к ликвидации украинской автономии, но процесс этот растянулся до 1783 г. Да, из Малороссийского в Разрядный приказ под власть киевского воеводы Д.М. Голицына переводились «все замки в черкасских городех, в которых русские люди»[51]. Но слухи об «устроении казацких полков регулярным обычаем» остались слухами. Петр не стал выделять особо боеспособные казацкие полки, которые могли бы служить в гетманском войске на постоянной основе. Территориальные казацкие полки были оставлены в покое. Точно так же не собирались переводить иррегулярные формирования — донцов, калмыков, башкир в регулярные. Верно, «светлейший князь» был бы не прочь завладеть гетманской булавой, учитывая его желание стать курляндским герцогом в 1711, 1726 гг. и тестем императора Петра II в 1727 г. Но это были только его мечты — всех гетманов русское правительство намеренно выдвигало из украинцев. Казацкую старшину хотели не уничтожить, но слить с русским дворянством. Печерская крепость, хорошо вооруженная артиллерией, стала неприступным форпостом рядом с Киевом. Мазепа же с 1707 г. примерялся к роли польско-шведского вассала и оставление без русской защиты Киева было бы для него не «трагедией», а подарком. Недаром летом 1708 г. он, после отправки на работы в Печерск всего двух сотен человек, «упинался» посылать больше[52]. «Стирать огнем Гетманщину с лица земли» никто не собирался. *«Противник на Украине прекратил опустошение, чтобы не восстановить против себя казаков»* — писал Г. Адлерфельд.[53]

Нельзя отрицать, что тяготы Северной войны придавили всю Россию вместе с Гетманщиной. Поляки сообщали Е.И. Украинцеву, что часть украинского казачества хотела высвободиться от бремени постоянных походов и бежала на Правобережье Днепра: *«Будто казаки нам нежелательны и держава наша учала им быть ненавидима и тягостна в волоките, и в службе повсягодно, и без жалованья, и в подводах, и в зборе провиантов. И будто для того из-за Днепра от нас идут и бегут многие к ним на сю сторону к Лодыжину, и Умани, и на Днестр к волоской границе, и в Волоскую землю»*[54]. Мазепа прекрасно понимал, что далеко не все население Малороссии хочет перебраться за польскую границу.

В целом на Гетманщине в то время не было ни языкового, ни этнического, ни государственного противостояния с Россией.

Мазепа не только не искал, как все гетманы до него, «независимости», и не только готовился к бегству с левого берега Днепра на правый, перебрасывая свою казну в Белую Церковь. В главном он рассчитывал остаться «под победителем». Не в его интересах было отговаривать шведов от похода на Москву, указывать на огромные расстояния, плохие пути сообщения, на оборонительную «линию Петра», на низкую плотность населения и невозможность регулярного снабжения армии провиантом[55].

Сообщение от 19 сентября Г.И. Головкина «о повороте неприятельского походу к Украине» застало гетмана врасплох: ни украинские города, ни его резиденция не были должным образом укреплены. Казаки в полках и гарнизонах не готовились к отложению от православного царя. Круг доверенных лиц состоял всего из горстки в 5–6 человек — это были миргородский, прилуцкий и лубенский полковники Д.П. Апостол, Д.Л. Горленко, Д. Зеленский, генеральный обозный И.В. Ломиковский и генеральный писарь Ф.С. Орлик. Сторонником Мазепы был и стародубский полковник И.И. Скоропадский. (Д.П. Апостола Петр ошибочно считал «великим неприятелем» Мазепы.)

Неизвестно, был ли Мазепа уверен, что скандинавский протектор после разгрома России сможет контролировать огромные пространства Речи Посполитой и «все осколки Московии». Почти век украинский народ и московские цари бились за освобождение древнерусских земель, и не считаться с будущей борьбой украинцев против католиков и реваншем России после включения Гетманщины в состав Короны Польской было нельзя. Втягивание народа в будущую тяжелую войну с Русским государством было авантюрой. Чистой демагогией были слова Мазепы, что он «не желал и не хотел христианского кровопролития, но собрался, придя в Батурин с королем шведским, писать до Царского Величества благодарственное за его протекцию письмо и в нем выписать все наши обиды прежние... крайнее разорение и приготовленную всему народу пагубу, а наконец приложить, что мы... свободнее теперь отходим и под протекциею короля шведского совершенного нашего освобождения будем ожидать»[56]. Не «ожидать», а идти казакам на Москву к Рождеству 1708 г. призывал Мазепа.

Потратив немало собранных с украинского народа средств на церковное строительство, он ни копейки не израсходовал на развитие промыслов, фортификацию городов Гетманщины и батуринской резиденции. Конечно, царский протекторат исключал появление поляков и татар у гетманской столицы, специально поджатой на 35 км к русской границе у Путивля. Но с 1706–1707 г. за счет русской казны строилась Печерская крепость и усиливались укрепления Пскова, Новгорода, Смоленска,

Москвы, Быхова, Полоцка и Полонного на Правобережной Украине. Усиление исподволь гетманских «фортец» не вызвало бы никаких подозрений в Москве. Города Гетманщины были оставлены в небрежении («а особливо Батурин двадцать лет стоит без починки и того ради валы около него всюду осунулись и обвалились, так что и одного дня неприятельской осады выдержать невозможно», — писал В.Л. Кочубей)[57].

Будь Мазепа пассионарием, подобно Дмитрию Вишневецкому, Петру Сагайдачному, Богдану Хмельницкому, Ивану Серко, Петру Дорошенко, Семену Палию или Косте Гордиенко, он поднял бы восстание если не в июне 1708 г., то в сентябре 1708 г., когда шведская армия подошла к границам «Казакии». Шведский король, продвигаясь к Смоленску и давая Мазепе свободу рук, рассчитывал, что гетман, к примеру, расстроит коммуникации русской армии. Однако путь на Смоленск и Москву был невозможен. 11 (22) сентября в армию короля «пришло сообщение от нескольких евреев, которые пришли от московской границы, что царь с пехотой находится в полутора милях отсюда, все палит и жжет в своей земле...»[58].

Еще до выхода на Северщину Карл XII рассчитывал, что Мазепа предпримет что-нибудь в его пользу. Король приказал 6-тысячному отряду генерал-майора Лагеркруны опередить русских и захватить укрепленные города Стародуб, Мглин, Новгород-Северский и другие, которые должны быть заняты стародубским полковником И.И. Скоропадским, как только скандинавские завоеватели покажутся в виду их[59]. Однако победа у Лесной усилила колебания Мазепы и его единомышленника Скоропадского. *«Скоропадский в глубине души... был настроен в пользу шведов и таковым оставался до смерти. Но когда до него дошли известия о сражении с графом Левенгауптом при Лесной, из которых Скоропадский сделал соответствующие выводы, услышал, как плохо окончилось дело с генералом Любекером, и узнал особенно о бедственном состоянии армии шведского короля... от голода и мучительных и спешных ежедневных маршей... то счел, что шведское дело может принять дурной оборот... и принял во все эти места русские войска»*[60]. К тому же Лагеркруна спутал маршрут и планы короля, но хотя бы уцелел — кунктатор Шереметев не выделил сил для его разгрома.

Осенью-зимой 1708 г. шведская армия пережила четыре беды: изнурительный прорыв на Гетманщину, гибель арсенала Мазепы в Батурине, несчастный переход в лютую стужу из Ромен в Гадяч и злополучный штурм крепостцы Веприк.

Мазепа даже при отсутствии крупных сил русской армии так и не решился занять своими полками северские города. Перед вторжением шведов он сообщал русскому командованию, что собирается уйти с Гетманщины. В пунктах, составленных до 20 сентября, он спрашивал, куда

ему отступать и куда эвакуировать батуринскую артиллерию, военные запасы и полки с Правобережной Украины: *«Артиллерию войсковую и аммуницыю, ради неудобства крепости Батуринской (понеже оная веема обетшала и валы обалились), куда он гетман имеет вывести?» «А ежели Его Величество оную крепость укажет обновить и укрепить, то откуду дубового дерева к тому взять?»*[61]. Помимо этого, он интересовался, откуда взять деньги на его сердюков и компанейцев, если украинцы перед шведами разбегутся и не с кого будет брать налоги.

Гонка через леса на Северщину окончилась в пользу русских — они прежде шведов заняли Стародуб, Новгород-Северский, Почеп, Погарь, и Мглин. «Добывать» эти города у Карла XII сил не было. Комендант Стародуба Феленгейм, получивший приказ Шереметева «чинить отпор неприятелю до последнея меры», на 12 октября имел в распоряжении сборный батальон полковника Астафьева, 400 драгун и Стародубский и Черниговский казацкие полки. В отличие от Скоропадского казаки не мыслили изменять присяге своему государю. Настрой русско-украинского гарнизона Стародуба красочно описал Й.М. Нурсберг под датой 18(19) октября. Казаки и драгуны не отсиживались за стенами, но с нецензурной бранью вылетели на шведов: «...*проходили мимо города Стародуба, откуда казаки и несколько эскадронов русских вылетели из города на поле, словно* [бог] *Один с миллионом тысяч зловещих ангелов, вопя и крича: «haa, haa, sokurßvi ssine Schwede, japtke tuoije mattre!», стреляя в шведов сильнейшим огнем. Однако наши не потерпели большего урона, за исключением, того, что в обозе драбантов было разграблено несколько телег и убито четверо обозных»*.

Стихийная партизанщина разгоралась уже при начале вторжения «еретиков». Ф.О. Бартенев 12 октября сообщал, что *«от черкас худова ничего нет, служат Берн, и шведам продавать ничево не возят, а по лесам собра[в]ся конпаниями ходят и шведов зело много бьют и в лесах дороги зарубают»*[62].

После Северщины и русские, и шведы стремились первыми прийти к Десне, ставшей рубежом прифронтовой полосы. Здесь русское командование надеялось сдержать противника войсками фельдмаршала Б.П. Шереметева, генерала А.Д. Меншикова и Н.Ю. Инфлянта, чтобы замедлить продвижение к Батурину.

1 октября 1708 г., через два дня после победы при д. Лесной, выехал из Белоруссии на Гетманщину по «зело худым лесным дорогам через жестокие переправы» вслед за своей кавалерией А.Д. Меншиков. 6 октября в Почепе Г.И. Головкин, кн. Г.Ф. Долгоруков, Н.М. Зотов и П.П. Шафиров в соборной церкви «воздавали Всевышнему благодарение» «за преславную победу под Лесной... и, оглася народу, чинили троекратную стрельбу из пушек и мелкого ружья». Победный гром русских пушек, как

писал британский капитан Д. Джеффрис, с тревогой слушали и в армии короля. 7 октября Карл XII спешно послал курьера в Батурин, чтобы побудить Мазепу присоединиться к нему и предоставить шведам зимние квартиры. «Но я не уверен, выполнит ли это Мазепа», — сомневался британец[63]. В отличие от земель Великого княжества Литовского опустошать «свою» Гетманщину русское командование не собиралось. *«Малороссийской, государь, народ, как мочно, оберегаем и до озлобления не допускаем. И для того господин фелътмаршал у конницы и у пехоты учредил по маеору, дав им инструкцыи с полною мочью, дабы смотрели, чтоб ни от кого из войск обид и разорения чинено не было, и кто в том злочинец сыщетца, тех велено для пострсосу иным казнить смертью»*[64].

Тогда же Мазепу обязали по всем церквям малороссийских городов прославить викторию, отслужить молебны и произвести салюты из орудий и мушкетов. Узнав, что «дьявол несет» Карла на Гетманщину, а русские разгромили «16-тысячный» корпус Левенгаупта, колебания Мазепы усилились. 11 октября гетман «неизреченно возрадовался вожделенной всему Православию победе» и сообщил из лагеря у Салтыковой Девицы, что получил «с неописанной, неизглаголенной радостью» две грамоты о виктории, в которой помазанник Божий, не щадя «дражайшего жития и здравия», от полудня и до ночи наступал «неустрашимым сердцем на жестокий огонь и одолел, разорил, попрал и до конца победил» крепкого неприятеля. В ознаменование «всемирной радости» Мазепа со всем войском торжествовал целый день, салютуя артиллерийскими и ружейными залпами, а потом разослал по всем городам Гетманщины универсалы о победе. Под конец панегирика Мазепа слал пожелание сокрушить к концу кампании 1708 г. и самого «шведского принципала», чтобы прославить имя царя во всех концах вселенной «бессмертными победотворными триумфами»[65].

16 октября, за неделю до измены, Мазепа призывал прятать хлеб, чтобы ничего «не попалось шведскому грабительству», и велел всенародно проклинать шведов в церквах, как ненавистников православия[66]. Нельзя сомневаться, что эти воззвания оказали влияние. Победа при Лесной, ошибка в пути Лагеркруны, нерешительность Мазепы и Скоропадского провалили расчет короля на успешное овладение зимними квартирами.

Приближение Карла XII припирало к стенке Мазепу. Открыто выступая на стороне шведов, он рисковал получить удар от русских; оставаясь при Петре, он подвергался опасности быть раздавленным шведами. Гетман принял решение «тайком» дезертировать «под крыло» шведов, спасая свою жизнь и основную часть своей казны.

Получив настоятельный призыв идти к Десне, гетман потерял равновесие духа. Стремясь уклониться от присоединения к русской армии, он опрометчиво раздул угрозу восстания на Гетманщине, которому ему

придется якобы противодействовать. «Повод к бунту» дали-де казаки, разбежавшиеся по Малороссии после поражения под Кадиным и рассеявшие слух, что разбитые великороссийские и малороссийские войска жгут и грабят села. 6 октября Головкину и 8 октября Меншикову он подробно расписал, как по всем городам и селам Малороссии поднялись с дубьем и ружьями толпы гультяев и пьяниц, которые разбивают по корчмам бочки с водкой, убивают евреев и нападают на имения старшин. К ним присоединяются казаки и мужики с Дона. В случае его ухода к Стародубу мятежники нападут на украинские города и при поддержке местных жителей, а то и запорожцев, захватят их. «Резистенцию» же с 5 тысячами находящихся при нем войск он не сможет дать, так как «ободравшиеся в походах» сердюки голы и босы, как и те 2 тысячи находящихся при нем великороссиян. Помимо прочего, кроме него некому дать отпор идущему к Киеву королю Станиславу, на пересохших бродах Днепра[67]. Указ царя о срочном выходе с войсками к Стародубу на соединение с Инфлянтом, находившийся в возбужденном состоянии гетман ошибочно счел ловушкой[68]. Беспокоясь о личной безопасности, он не рассчитал реакции русского командования, безоговорочно верившего «малороссийскому эксперту». На свою беду Мазепа выкликал русские силы к Батурину, в том числе 14 драгунских полков Меншикова, который по замыслу царя от 5 октября должен был идти в «Черкасские городы для надежды гетману и отпору неприятелю», [69] а по письму от 21 октября «поспешать» к главной армии, [70] находившейся более чем в 100 км к северу от Батурина.

После совета 9 октября русское командование решило немедленно отправить в «середину» Гетманщины или к Нежину для «надежды малороссийскому народу и усмирения шатостей пристойным образом» Д.М. Голицына с артиллерией и частью полков Киевского гарнизона, а также ратников из Белгородского и Севского разрядов. Гетману предлагалось оставить часть сил с наказным атаманом, а ему самому выйти к Десне и к Новгород-Северскому. Мазепе указывали с неприятелем «не вступать наступательно в баталии, но где случай позовет, на оного партиями бить и на переправах и в лесах держать». Русская армия должна была «перед брать», а конница Мазепы чтобы «всегда сзади на неприятеля била… и обозы разоряла»[71]. Понявшему свой промах гетману пришлось писать, что все «шатости де от гултяйства, и то малые», а вся старшина верна ему[72]. Меншиков и Петр I согласились, что большая польза от Мазепы будет «во удержании своих, нежели в войне». В очередной раз Мазепе удалось уклониться от поездки в штаб-квартиру русского командования.

После того как русская армия заставила Карла XII отказаться от наступления на Москву, Мазепе стало ясно, что шведская армия лишилась всесокрушающей силы. На Гетманщине занялся очаг Северной войны,

и надежда на бескровный выход из-под русского военного контроля испарилась. Мазепа понимал слабость своих позиций, понимал, что «независимое гетманство» существовать не может. В случае победы Петра он, при всем своем отторжении русских, собирался остаться под русским протекторатом. Случись Полтавский разгром у Головчина, или на Десне, или направь Карл XII свою армию на Лифляндию, «московский дух» до смерти так и остался бы московским. «Диавол его сюда несет! Все мои интересса превратит и войска великороссийские за собою внутрь Украины впровадит на последнюю оной руину и на нашу погибель», — досадовал гетман[73]. **Переход Мазепы к шведскому королю оказался вынужденным и необратимо повел к ухудшению его положения вплоть до окончательной шведской катастрофы 27–30 июня 1709 г.**

Вопреки надеждам Мазепы о том, что поход Карла на Москву избавит Гетманщину от войны на ее территории, главные вооруженные силы России стягивались на Левобережную Украину для защиты от армии вторжения. Жалобы гетмана перед Орликом на то, что царь не даст ему в помощь не только 10 000, но и 10 человек (в пересказе В.Л. Кочубея — «довлеет с вас войск козацких з войсками московскими, в Киеве и при вас будучими»)[74], произносились лишь для оправдания измены. Многократно вторя этим жалобам, украинские историки несправедливо обвиняют Петра I, что тот нарушал обещание защищать «верного вассала», принятое Россией при избрании Мазепы в 1687 г.[75]. Гетман как раз не желал появления русских полков в Малороссии.

Русские планы были открытой книгой для гетмана вплоть до последних дней перед изменой. 16 октября 1708 г. в письме к нему Г.И. Головкин уповал, что Всевышний «за верные службы» подаст «превосходительнейшему господину и истинному благодетелю» облегчение, предлагал поставить легкое войско между Стародубом и Черниговым для набегов на шведов и оповещал, что для царя поставлены подводы от Смоленска до Северщины, а Меншиков со всей кавалерией спешит к Стародубу[76]. 20 октября на равном расстоянии в 150–160 км от резиденции Мазепы находились главная армия Карла XII (у Стародуба) и драгунские полки Меншикова (у Горска.) Из-за изнуренности солдат Карл XII не имел сил для рывка к Батурину. Меншиков не был уверен, куда двинется Карл XII — на Чернигов, Гомель или Батурин, и собирался согласовать действия с гетманом[77].

Положение резиденции гетмана было лучше, чем шведской Нарвы в 1700 г., на выручку которой спешили тогда всего 10 тыс. каролинцев. К Батурину же приближалась **вся армия короля, которая без боя могла выручить гетманскую столицу**. Из-за растерянности Мазепа забыл, что русское командование еще со времен военного совета в Жолкве в 1707 г., приняло решение уклоняться от крупной битвы с армией, возглавляемой

королем. Шереметев 1 ноября получил приказ царя отходить от шведской армии на восток к Глухову, и в тот же день такое же распоряжение получил Меншиков[78]. Всего под рукой у Мазепы было две трети наемного корпуса — 3 компанейских (конных) и 4 сердюцких полка (3–3, 5 тыс.)[79] С 70 орудиями (в том числе и крупного калибра) продержаться в Батурине против конницы Меншикова, имевшей только 2–3 фунтовые пушки, (и даже против всей Русской армии) было реально. Без санкции царя начинать действия против резиденции Мазепы «светлейший князь» не мог.

Итак, вопреки «нестерпимости отношений между войсками оккупационного российского режима и украинскими казаками и населением», как пишут ныне украинские историки и публицисты, второй «булавинщины» в Малороссии не вспыхнуло. Все левобережные украинцы присягали «великому государю» и считали себя российскими подданными. Мазепа не доверял ни батуринцам, ни гарнизону, ни тем нескольким сотням беженцев, сбившихся в Батурин с ближней округи под защиту гарнизона и полка Анненкова от шведов. (С других мест жители укрывались от шведов в Новгороде-Северском, Нежине, Конотопе, Глухове, Ромнах.) Упредить русских, открыто объявить войну царю, возглавить оборону резиденции, мобилизовать всех на укрепление стен, стянуть к Батурину городовых казаков, готовить к бою (или наоборот, эвакуировать) военные запасы у гетмана не хватало духа. Как упоминалось, искусный политик легко поддавался страху, был лишен отваги и вдохновляющей силы полководца. Удар с тыла на отдельные части русской армии или прорыв с боем к шведам вообще казался ему безумием. Зная, что не имеет поддержки народа и простого казачества, гетман не мог загодя раскрыть свои планы даже собственным наемникам, но все же решился тайно отправить двух гонцов к Карлу XII, которые появились в шведском лагере 19(20) октября[80].

В «момент истины» гетман, «знаменитый на весь мир своими героическими делами» (так отзывались о нем после смерти мазепинцы), совсем потерял голову и оказался способен только на симуляцию предсмертной агонии. Как писал Ф.М. Уманец, «чтобы выиграть хотя несколько дней, Мазепа решился сыграть кощунственную комедию умирающего человека»[81]. Под предлогом соборования киевским архиереем он, бросив все, бежал в Борзну и через племянника А. Войнаровского 19 октября сообщил Меншикову, что испустит дух с минуты на минуту. У светлейшего князя не возникло ни капли сомнения в смертельности мазепиной «подагры, хирагры и эпилепсии»: *«Жаль такова доброго человека, ежели от болезни ево Бог не облехчит. А о болезни своей пишет, что от подагричной и хирагричной приключилась ему апелепсия»,* — доносил 20 октября Меншиков царю[82].

Старшинская верхушка тоже не собиралась стоять на Десне насмерть ни против русских, ни против шведов. 21 октября Меншиков писал, что все гетманское войско *«в великом страхе от неприятеля и из домов своих убравшись, кой-куда врознь разъезжаются. Здешняго Черниговского полку толко с полтораста человек мы здесь изобрели, и те ис последних, а ис старшин почитай, никого не видим»*[83].

Узнав, что князь спешит в Борзну прощаться с ним, Мазепа 23 октября метнулся обратно в Батурин. Можно понять побег из Борзны — при Мазепе не было вооруженной силы. Но 24 октября он бежал, пробыв только ночь, и из Батурина с тремя компанейскими полками Ю. Кожуховского (500 чел.), Игната Галагана (от 500 до 1 000 чел.) и А. Маламы (150 чел.), а также несколькими сотнями сердюков из полка Самойловича и Покотила[84]. Вычищать город от «неустойчивых элементов» (среди прочих и от наказного прилуцкого полковника И.Я. Носа), которые не подозревали о предстоящей измене, не осталось времени. Учитывая отрицательную реакцию жителей, гетман, бросая свою столицу, не укрепил дух гарнизона и не обратился к нему с речью. Считаясь с гибелью города, он вывез большую часть сокровищ своей казны и, кроме того, совершил очередное предательство — на сей раз жителей собственной резиденции.

Сбегая к противнику и предавая батуринцев, Мазепа оставлял «обветшавшую» (по его характеристике) «фортецу», расположенную на мысу левого берега Сейма на произвол судьбы и недалекого полковника Д.В. Чечеля, командовавшего полком пеших сердюков численностью около 500 чел., а также «есаула артиллерии» — честного саксонского служаку Фридриха фон Кенигсека. Скорее всего, при прощании им было обещано солидное вознаграждение. В Батурине осталось 4 сердюцких полка в 2–2, 4 тыс. чел.[85] и несколько городовых казацких. Шведскую помощь гетман посулил прислать к 31 октября и, еще не добравшись до главной квартиры Карла, послал королю просьбу о выручке.

Возможно, Батурин устоял бы до подхода короля, а гарнизон и жители уцелели, если бы Мазепа принял командование на себя вместе с главными соратниками. В таком случае те из гарнизона и жителей, кто держался стороны русских, были бы надежнее подавлены и предстоящие раздоры перед штурмом сведены к минимуму. Но ни генеральный есаул Д.М. Максимович, ни генеральный хорунжий И.Ф. Сулима, ни горячий приверженец Мазепы прилуцкий полковник Д.Л. Горленко тоже не возглавили оборону. Всю верхушку старшины Мазепа забрал с собой, подстраховывая себя на случай бунта казацкого эскорта. С собой гетман прихватил и четыре десятка калмыков, которые исполняли для него (потом и для шведов) конвойную службу[86].

Даже во время ночевки в Коропе перед самой Десной, как перед Рубиконом, Мазепа колебался, раздумывая, идти ли к королю или остаться

при царе — ведь все нажитое могло пойти прахом[87]. Гетман твердо знал, что Москва ни минуты не сомневалась в нем, казаки считали, что идут на соединение с русскими. Таким образом, шведы обоснованно, вплоть до появления среди них гетмана, не надеялись на его переход. Только за Десной, у Оболони, **испросив для себя шведскую охрану, Мазепа решился раскрыть старшинам (а не казакам) свою измену**. Объявлять казакам о нарушении присяги государю должен был не гетман, опасавшийся возможной расправы, а старшины, и они же должны были удержать казаков от бегства. Записи Юлленшерны так освещают этот эпизод: *«Здесь я должен сказать, как гетман сдал нам в руки всех бывших при нем людей, так как сами они об этом ничего не знали. Суть была в том, что большая часть старшин, так и рядовых [казаков] была московитского духа и гетман не осмеливался раскрыть им свои планы прежде, чем его персона очутилась в безопасности, а они [казаки] столь далеко, что должны были выполнять то, что тот хотел. Дело было так. Гетман притворился, что получил сведения о шведском отряде, на который он сам [вроде] хотел напасть и попытаться его взять в плен. Старшины тут же вызвались следовать за ним, что было в соответствии с его планами. Тем временем он принял меры, чтобы все его ценные вещи и деньги пошли другим путем. Когда он оказался в паре миль от нас и выслал своих гонцов, о чем я уже сказал, он велел людям выстроиться, быть готовыми идти против неприятеля и пошел прямо на нашу деревню, пока не наткнулся на высланный нами отряд. Когда он получил от [нашего] офицера все сведения, и попросил охраны для себя, он созвал старшин и сказал, что решил перейти к королю Швеции, чтобы с его помощью отвоевать утраченную свободу. И те, кто считает так же и хочет свободы, должны следовать за ним, а также оповестить и убедить рядовых, что все делается для их блага и сохранения свободы и держать всех вместе.*

Если же кто-то из них отделится от основного состава и будет обнаружен валахами или шведами, то тут же будет истреблен. Эта новость всех их очень поразила, потому что там было много разного люда: и казаки, и калмыки, и татары. И хоть они и вынуждены были держаться вместе из-за этой угрозы, но позже от большей части как старшин, так и рядовых и след простыл»[88].

Так гетман растерял почти все воинство. В свете этих источников бессмысленно называть 2008 г. годом «300-летия восстания Украины за независимость».

Несмотря на нервозность, 25 октября (5 ноября) Мазепа решил торжественно подойти к передовому драгунскому полку Нильса Ельма. Прусский тайный советник при шведской армии Д.Н. Зильтман, записал в дневнике 5 и 7 ноября н.ст.: «*Прибыл Мазепа примерно с одной тысячью*

человек в расположение полка Ельма... Мазепа подъезжал к полку Ельма под звуки труб и литавр. В свою очередь, полковник Ельм встречал того на подходе к своим квартирам бравурной музыкой»[89].

Осенняя распутица, снег, выпавший в середине октября, трудное движение шведского обоза, угроза нападений партий Инфлянта, усталость, стали причиной того, что армия короля медленно, по 2–3 мили в день продвигалась по Северщине, а с 25 октября и до конца месяца вообще засела в Горках, в 70 км от Батурина, и только 31 октября дошла до Игнатовки и Мезина. Ускорить движение короля Мазепа был не в силах.

Незначительная горсть — полторы тысячи мазепинцев[90] ничего не дала в военном отношении Карлу XII. Никаких намеков на восстание против русских не было. «Малороссийский народ так твердо с помощию Божиею стоит, чево больше ненадобно от них требовать» — писал царь Петр 24 октября. Повсюду мазепинцам приходилось действовать обманом. Когда в с. Шептаки входили шведы, бывший староста И. Быстрицкий «кричал всем жителям, дабы они ис того села из домов своих не бегали, потому что де с ним пришли... люди Меншикова»[91].

30 октября из Дегтяревки Мазепе пришлось предлагать стародубскому полковнику И.И. Скоропадскому вместе с переяславским и нежинским полковниками истребить московское войско в Стародубе или спешить в Батурин, так как «издавна враждебная потенция Московская» начала «всезлобное намерение» выгонять из малороссийских городов людей и осаживать их своими[92].

После бегства от Мазепы обратно за Десну значительной части казаков, целовать 28 октября руку короля, одетого в изношенный походный мундир и складывать бунчук к его ногам в знак покорности («als ein Merkmal seiner Unterthänigkeit zu des Königes Fussen»), гетману пришлось не с легким сердцем. Раньше, при безоговорочной поддержке Москвы, он был заметной фигурой в Восточной Европе, сейчас с кучкой старшины оказался пятым колесом в шведской военной машине. По истощенному, оборванному виду пришельцев и изнуренным лошадям он уже мог предвидеть уход скандинавов обратно в Польшу (этот план всплыл в главной квартире короля в конце весны 1709 г..) Несмотря ни на что, «духовно и физически сломленный старец»[93] постарался, как обычно, подать себя в самом выгодном свете — принял бодрый вид, смеялся и шутил[94]. Вместе с ним на приеме у короля были его ближайшие соратники — Ф. Орлик и Д. Апостол. 8 ноября н.ст. Зильтман записал: *«В 9 утра этого дня Мазепа прибыл к штабу короля вместе с большой свитой и прочими казаками. Перед ним один за другим ехало несколько старшин. Непосредственно перед Мазепой один из них держал серебряную с позолотой и камнями булаву. Тут же за ним везли белый бунчук наподобие турецкого, а затем следовало все сопровождение. В ставке короля его встречал гофмаршал фон*

Дюбен. Обедал он с Его Величеством не более, чем с семью именитыми казаками. Сидел Мазепа справа от короля. После стола он отправился к себе назад тем же манером, что и прибыл». Сбежавший из Батурина гетман при шведах стал выполнять исключительно представительские функции и не участвовал ни в одной военной операции в 1708–1709 гг. Рядовые шведы толковали, что Мазепа привез 500 возов денег и провианта, но **при нем только 400 казаков**; когда же он приведет армию короля к какому-то большому населенному месту, его войско увеличится до нескольких тысяч[95]. В более авторитетных источниках упоминается о 30 повозках с добром[96]. В тот же день Мазепа получил известие, что за ним послана погоня, которая отбила несколько его повозок.

Вечером 28 октября 600 конников полковника Дальдорфа и 300 казаков были посланы к Оболони к Десне, за 5 миль от ставки Карла, чтобы обезопасить левое крыло шведской армии. Ночью русская артиллерия сыпала калеными ядрами по хатам, где стояла гвардия, туда, где, по их предположению, должны были наводиться мосты через Десну.

Меншиков вместе с киевским воеводой князем Д.М. Голицыным появился у батуринской фортеции днем 25 октября и узнал, что гетман, обманув всех жителей Батурина и беспечный полк Ивана Анненкова, стоявший в Батурине, на его глазах уехал к Десне. Только несколько телег из мазепинского обоза успела отбить погоня перед Десной. **Однако и за Десной авангард Меншикова преследовал Мазепу, уходящего под охраной двух шведских полков.** Казаки, уведенные обманом, и не думали отражать русскую погоню, но не преминули напасть на полковые фуры шведов. Юлленшерна писал: *«Так как мы стояли в нескольких милях от других полков, то решили, для большей безопасности гетмана выступить на следующее утро и сопровождать его двумя полками, пока тот не будет в полной безопасности в самой армии. К этому нас еще сильнее побудила новость о том, что противник преследовал гетмана всей своей кавалерией. В этом мы убедились на следующий день, ибо наш арьергард был атакован. Однако неприятель, потеряв несколько человек, был отбит, потому что тех, кто догнал, было мало. Мы были сильно сбиты с толку, не зная, насколько можно доверять казакам Мазепы, потому что, когда наш арьергард поднял тревогу, те никак не показали, что хотят идти против недруга, но спокойно продолжали свой путь, в то время как наши два полка остановились, чтобы отбросить противника. Но наш обоз продолжал уходить, и когда он оказался далеко от нас, трое* больных *и один обозный во время движения были заколоты людьми гетмана, а несколько фур было разграблено. Так что нам пришлось сделать вывод, что враг и впереди и с тыла»*[97].

Меншиков максимально широко решил использовать переговоры, чтобы крупная военная база не досталась шведам. 26 октября князь по-

сылал к городу полковника Анненкова, который не был туда впущен. (К нему тоже не выпустили никого из города.) К князю стали съезжаться сотники и полковые казаки, «нарекая Мазепу» и прося защиты, если на них будет от гетмана «какой злой промысел». Светлейший князь ободрял всех прибытием царя на Украину и послал в город сотника Марковича[98]. Не зная об измене гетмана, жители «непокоренной столицы непокоренного народа» оставались на стороне православного царя. Нарушить присягу и крестоцелование считалось тяжким грехом даже в глазах сердюков, но поднять бунт против Чечеля они не могли. Однако из верхушки казаков наказной прилуцкий полковник Иван Яремович Нос открыто воспротивился мазепинцам, за что был прикован верхом на пушку. Этот особый вид пытки трудно было вытерпеть более 3 часов[99].

«Сердюки... и тутошние жители, убравшись в замок засели и, разметав мост, стояли по городу в строю з знаменны и с ружьем и пушками», — писал Меншиков 26 октября[100]. Трое напольных ворот: Новомлынские, Киевские и Конотопские были завалены землей.

То, что случилось, поначалу представилось русскому командованию бедой. Между корпусом Меншикова и армией Шереметева вклинился шведский король, на Десне предстояло отражать шведов с севера, на юге у Сейма появилась неприятельская крепость. Измена основного «столпа веры» в Малороссии показалась Петру I чудовищной. На мгновение померещилось, что гетман возглавит «восстание черни», о котором он недавно оповещал, что с Мазепой, «который хотел всю Украину к зломыслию привести», к врагу перекинется вся верхушка старшины. Об этом можно судить по зачеркнутым словам (ниже они выделены жирным шрифтом) в черновике указа от 28 октября 1708 г.: государь, как **«защититель отчизны» малороссийской**, **«увещевал»** старшину генеральную и полковую **вернуться в царский обоз** к Десне. Однако русское командование быстро убедилось, что в единомыслии с Мазепой нет и пяти человек, «а сей край как был, так и есть». *«В здешней старшине, кроме самых вышних, також и в подлом народе с нынешняго гетманского злого учинку никакова худа ни в ком не видеть. Но токмо ко мне изо всех здешних ближних мест съезжаются сотники и прочия полчаня и приносят на него ж в том нарекание и многие просят меня со слезами, чтоб за них предстательствовать и не допустить бы их до погибели, ежели какой от него, гетмана, будет над ними промысл которых я всяким обнадеживанием увещеваю, а особливо вашим в Украйну пришествием, ис чего они повидимому, в великую приходят радость»*[101].

Вот почему в беловике указа от 28 октября слово «увещевал» было заменено на «повеление»: **«государь и оборонитель Малоросийского краю повелевал»** прибыть для советов и избрания нового гетмана[102]. Тогда же Петр I отставил все аренды, поборы и тягости, наложенные на малорос-

сиян «вторым Иудой, изменником и предателем своего народа... будто на плату войску, а на самом деле ради обогащения своего»[103].

В отличие от немцев Курляндии и Саксонии славяне в Польше (особенно курпы, несмотря на то что там их не поддерживала ни Русская армия, ни русская пропаганда), в Белоруссии и на Украине поднялись против оккупационных войск. Оторванные от баз в Польше и Прибалтике, шведы попали во враждебную страну, где развернулась партизанщина. Украинцы помимо своего этнического, сохраняли и общерусское самосознание и не отчуждали себя от великороссов, ориентируясь на «единого во всей Подсолнечной» православного монарха. Самоотверженная борьба украинского народа против оккупационной шведской армии нарастала вплоть до лета 1709 г. Крестьянство в целом признавало мотивацию русского командования, предлагавшего прятать в ямы хлеб и угонять в леса скот перед иноплеменниками, и было на стороне русских, в отличие от помогавших шведам чюхонцев Ингерманландии и Финляндии. Украинцы воспринимали еретиков-шведов почти также, как и белорусы, считавшие их сатанинской силой: *«Где этот Люцифер со своим войском шел... везде был голод и долгие годы неурожай на полях, поэтому крестьяне после них освящали свои пашни, кропили их святой водой и совершали молебны»*[104].. «Проклятой Мазепа кроме себя, худа никому не принес (ибо народом ево слышать не хотят)»[105]. На Украине русские манифесты «за веру православную, за святые церкви и за Отчизну свою» оказались намного действеннее, чем мазепинская и шведская пропаганда. Хотя царь запоздал с письмами в Прилуки, Белую Церковь, Гадяч, Запорожскую Сечь и Полтаву от 9, 12, и 28 ноября, где писалось о том, чтобы никто не присоединялся к Мазепе, зимой 1708/1709 г. там все оставались на русской стороне. Даже мазепинские «компанейские» полки Тайского, Степановича и сердюцкий полк Бурляя, не собирались защищать «шведско-мазепинский союз»[106].

И Мазепа, и Петр I, и Карл XII понимали, что нерегулярные казаки не могут сражаться с линейными войсками. Только быстрый конный рейд шведов наперерез Меншикову мог выручить Чечеля и Кенигсека. Напасть с тыла на меншиковских драгун в период с 26 октября до 2–3 ноября и спасти батуринский «ореол национальной славы» «великий гетман Украины» был бессилен. Уже тогда для него вырисовалась перспектива катастрофы.

29 октября гетман «обедал у графа Пипера, а после обеда нанес визит фельдмаршалу». 30 октября Пипер обедал у Мазепы. Можно не сомневаться, что Мазепа сидел «как на иголках», и как только король поднялся из Горок, он послал в Батурин гонца с призывом держаться ввиду скорой помощи шведов (см. ниже.) Но король передвинулся всего-навсего на 10 км — в Гнатовку. Основная часть армии физически не могла пе-

ремещаться быстрее и оставалась позади. Снова русским помогла стихия — начался ранний ледоход, помешавший шведам навести мост. 31 октября и 1 ноября шведская армия *«стояла на месте, ибо мосты не были готовы из-за ледохода на Десне и из-за обстрела московитами»*. 2 ноября, в день штурма Меншиковым Батурина «в штаб прибыл Мазепа и сразу отправился к королю». В тот же день *«2 ноября (3 шв. ст.) прибыл к Мезину Мазепа примерно с 3 тысячами казаков, и работали по наводке моста со всем усердием. К вечеру он был готов и был занят сильным караулом»*[107]. В последние дни октября и первые ноября 1708 г. русская армия успела на Десне сдержать, хотя и ненадолго, Карла XII, который основательно готовился к форсированию у Мезина. В ночное время, чтобы избежать артиллерийского огня шведов, отряд генерала Алларта нарезал в приречных зарослях фашины и утром 31 октября (1 ноября шв.ст.) шведы увидели перед собой русскую батарею, которая начала обстрел правого берега Десны. Однако крупные дальнобойные орудия противника заставили держаться русский отряд на почтительном расстоянии. 1(2 ноября шв. ст.) король, чтобы не подвергать своих солдат огню русских пушек, выбрал крутую высоту в другом месте. В тот день, когда решалась судьба Батурина, Карл XII с трудом отбивал деснянский плацдарм, а царь Петр из д. Чаплеевки на левом берегу Десны (в 15 км от Мезина и в 48 км от Батурина) рассылал указы о стягивании войск к Глухову и о пересылке червонных послу в Стамбуле П.А. Толстому. Окончательно шведская армия перебралась через реку только 6–9 ноября.

5.2. Штурм «гетманской столицы»

С 27 октября главная квартира царя находилась в большом селе Погребки (в 5–6 км от Новгород-Северского), когда там узнали о «никогда нечаянном злом случае измены гетманской». Шведы находились по другую сторону Десны в 20 км от Новгород-Северского и основное внимание русского командования оставалось прикованным к армии Карла XII.

29 октября «президент Посольского приказа» России граф Г.И. Головкин, показывая вид, что он ни минуты не сомневается в верности полковника сердюков в Батурине, отправил тому по именному указу великого государя письмо. В нем сообщалось, что в связи с намерением шведов идти через Десну, великий государь велел добавить в батуринский гарнизон полк великороссийской пехоты, также, как это было сделано в Стародубе и Новгород-Северском, которые шведы отказались штурмовать. Сам же великий государь придет на выручку со всем войском[108]. 30 октября военный совет с участием царя, Меншикова и Д.М. Голицына принял решение не отдавать резиденцию Мазепы в руки противнику и «добывать» ее либо переговорами, либо оружием[109].

31 октября Меншикова отправили к Батурину, видимо, добавив около 3 тысяч пехоты (три полка инфантерии)[110]. Спешка определяла все. Петр I с 31 октября бомбардировал Меншикова депешами, предупреждая об опасности шведского удара. 1–2 ноября царь еще беспокойнее торопил взять резиденцию Мазепы, так как русская армия стала отходить на восток к Глухову. «Сей день и будущая ночь вам еще возможно трудитца там, а далее завтрашнего утра (ежели чего не зделано), бавитца вам там опасно», — писал царь[111].

31 октября до полудня сам киевский воевода князь Д.М. Голицын («командующий Киевским и Белгородским военным округом» — разрядом), ездил уговаривать полковника-мазепинца, но ему ответили, что без нового гетмана никого в город не пустят, а пока «неприятель-швед» на Гетманщине, то выборов проводить невозможно. Это выглядело нескладной импровизацией — Мазепа в спешке не проинструктировал, каковы должны быть ответы Чечеля на тот или иной случай. Вслед киевскому воеводе, переплывавшему Сейм, раздалось несколько выстрелов. Князь от себя послал уговаривать сотника Андрея Марковича, но мазепинцы отговаривались запретом гетмана и неведением о его измене.

После полудня 31 октября Меншиков подвел полки к Сейму, где были мосты с разобранными настилами, и собрался переправляться в предместье. Из выходящих на реку и незасыпанных землей ворот Кенигсек «на испуг» выкатил 6 пушек и навел их на драгун. В ответ князь послал полки вниз по Сейму и выстроил всех по берегу. Это произвело впечатление, и Чечель выслал 5 человек, которые стали кричать, чтобы через реку не переправлялись, иначе начнется стрельба. На предложение Меншикова прислать на переговоры 2–3 человек, было отвечено бранью. Переправив всего 50 гренадер в двух малых лодках, князь обозначил угрозу обхода, и стоявшие с пушками при мостах, не начав стрельбы, « тотчас с великою тревогою в город побежали и нам мосты очистили». Меншиков в дневное время приказал восстанавливать настилы, и драгуны уже днем беспрепятственно стали переходить Сейм. Заранее сжечь посад Чечель не распорядился, и уцелевшие постройки помогли осаждающим при последующем штурме.

Уже из предместья Батурина Меншиков сообщил, что дух мазепинцев дал слабину — «около полуночи» 31 октября к нему прислали письмо, в котором было написано, что они остаются верны царю и «нас в гварнизон пустить хотят, толко б их свободно совсем выпустить, и на то б дать им на три дни сроку». Русский командующий расценил это как несвязную хитрость — просили уйти в неизвестном направлении (к шведам?) при одновременной затяжке выхода на 3 дня, т. е. до 3 ноября[112]. Подкупом «привлечь без оружия и успокоить» сердюков так же, как это сделал в ноябре 1708 г. Д.М. Голицын с мазепинским восьмисотенным полком

Бурляя в Белой Церкви, что обошлось в 2 тыс. рублей[113], Меншиков не пытался.

Неизвестное ранее описание захвата Батурина было обнаружено нами в государственном архиве Стокгольма в 2005 г.[114] Набело переписанный четырехстраничный отрывок находится среди текстов, относящихся к «Гистории Свейской войны», однако он не был включен ни в одну из ее редакций, составлявшихся при участии Петра Великого начиная с 1715 г.[115] Скорее всего, он был написан по воспоминаниям А.Д. Меншикова, который ошибочно отнес события к октябрю вместо ноября. В нем не содержится подробных данных о количестве войск, числе пушек и их калибре, о потерях среди осаждающих и осажденных, об эвакуации арсенала Мазепы, его архива и имущества.

Вместе с тем, эта выделенная часть из «Гистории Свейской войны» существенно проясняет картину штурма «гетманской столицы». Она позволяет понять, почему через несколько часов настроение мазепинской верхушки качнулось в другую сторону. Дело в том, что в ночь с 31 октября на 1 ноября в Батурин проник лазутчик, посланный от шведского короля и Мазепы с вестью, что вся шведская армия уже чуть ли не на подходе. Скорее всего, по распоряжению Чечеля письмо с предложением держаться до последней возможности было прочитано всему гарнизону. Сердюцкий полковник решил продемонстрировать твердость, прервать переговоры и отпугнуть осаждающих артиллерийским огнем. («Взятые старшина сказали, что за день до штурму прислан к ним указ от швецкаго короля и от Мазепы, чтоб по крайней возможности держались, **и были б все надежны, что они со всею швецкою потугою их секундовать** (помогать. — *В. А.*) **идут**. И тот указ читан у них по извычаю всему войску и по тому де указу они учинили».)

Утром 1 ноября, не ожидая ответа князя, Чечель и Кенигсек открыли интенсивный огонь из пушек по посаду, по солдатам, «близ места стоящим» и даже через Сейм по штабу Меншикова. Предместье «кругом города» почти повсеместно загорелось. **Таким образом, Чечель, а не Меншиков взял на себя ответственность за начало военных действий и начал жечь постройки вне фортеции**. Светлейший счел это за результат бездействия его войск («стали из города по нашей гоупт квартире чрез реку, також и по войскам… близ места стоящим, ис пушек бить, не видя никакого от нас действа, ни к тому начинания».) Обстрел посада артиллерией Кенигсека 1 ноября украинская беллетристика и публицистика, начиная с «Истории русов», изображают как бой на стенах, в предместье и отражение неудавшегося первого приступа. После этого войска Меншикова начали-де отступать и ушли за Сейм, а сердюки перепились по случаю победы и заснули глубоким сном вплоть до утра 2 ноября. Историк С.О. Павленко отсутствие сведений о бое 1 ноября в русских источ-

никах объясняет специальным замалчиванием «героического отпора мазепинцев» имперской цензурой[116].

Тем не менее Меншиков попытался все же завершить дело без кровопролития и отправил 1 ноября очередное предложение с полковником бывшего конного стрелецкого полка в Астрахани Михаилом Зажарским «с тем, чтоб свободно выходили, не боясь никаких опасностей»[117]. Однако после обнадеживающей ночной вести Зажарского чуть не растерзали. Поверив сообщению Мазепы, сердюки кричали, что умрут, но не впустят войска. Большее, чем у осаждающих, количество пушек и военных припасов вселяло надежду дождаться скорого, с минуту на минуту, подхода Карла XII. Возможно, именно тогда Чечель, выйдя из себя, грозил содрать кожу с живого Меншикова, [118] что разъярило князя. Если бы Чечель впустил часть отряда А.Д. Меншикова, то город и жители уцелели бы, как Новгород-Северский, Полтава и прочие города Гетманщины. Сердюк-мазепинец, по сути, превратил жителей в заложников и не выпускал никого. («К нам из города никого не выпустили, а отвечали з города, что чинят они то по указу»)[119]. Вариант уйти всему гарнизону вместе с жителями и отрядом Меншикова, подорвав Батурин, тяжелые пушки и уничтожив склады (на это соглашался царь), Чечель, видимо, не рассматривал.

Князь приказал подойти к горящим хатам, солдаты погасили огонь в некоторых из них и засели в уцелевших постройках. Подтаскивать пушки и устанавливать батарею стали, скорее всего, в районе Конотопских ворот. «Однако ж мы своих людей в предместье, хотя с трудом, ввели и некоторые пожары затишили и близ города в домах засесть приказали».

К 16 часам дня «в удобном месте» батарея была поставлена (согласно Д. Дефо — три батареи) и тогда же стали бомбардировать фортецию и пробивать брешь в стене. Сколько пушек обстреливали стены и каков был их калибр, остается пока неясным. Вечером и ночью с 1 на 2 ноября осаждающие готовили фашины и сколачивали штурмовые лестницы. Вряд ли артиллерийский обстрел продолжался и в ночное время, как написал Д. Дефо.

«Гетманская столица» была небольшим населенным пунктом — меньше Глухова, Нежина, Чернигова, Полтавы и тем более Киева. Как писал украинский историк А. Лазаревский, поляки после Деулинского перемирия 1618 г. на своем восточном пограничье построили против России цепочку городков-крепостей Нежин, Батурин, Борзну, Конотоп, Кролевец, Глухов. В эту же цепочку входили Стародуб, Новгород-Северский, Ромны, Гадяч. По описи 1654 г. с трех сторон Батурин окружал земляной вал с «дубовым бревеньем» и ров, которые выходили к обрыву перед Сеймом. Вал прорезали трое ворот, на двух из них были башни, покрытые тесом. Глухих наугольных башен было шесть. По обрыву город был огорожен «стоячим острогом» без башен, но там были «береговые» ворота.

Резиденцией «русских» гетманов Батурин стал с 1669 г. В том году гетман Демьян Многогрешный выбрал себе населенный пункт как можно ближе к русской границе. Площадь окруженного деревянными стенами городка была в размер стадиона: от северо-западных (Новомлынских) до юго-восточных (Конотопских) ворот 233 сажени (496 м), от юго-западных Киевских ворот до обрыва в сторону Сейма 184 сажени (392 м.) Современные археологи определяют ее размер 600 × 440 м, и там могло находиться 200–250 дворов с 1 000–1 500 жителей[120].

«А Батурин... заперся от всех сторон и трех ворот; только одни четвертые ворота береговые, что от Сейма, не заперты были. И в то же время, перед взятием Батурина, пришел с войском светлейший князь Меншиков, но в город не впустили, только до его светлости начальствующий в городе над войском, Чечель, полковник сердюцкий, Фридрих, есаул артиллерийский, сотник батуринский, Филипп Рент, вышедши на вал, говорили, и князь отступил»[121].

Места для штурма Меншиков наметил в двух пунктах — генерал-майор Г.С. Волконский должен был приступать с правой стороны «подле ворот» (Конотопских), а полковник Иван Анненков со стороны Сейма через береговые ворота «сзади реки взвоз». От реки было два врезавшихся в фортецию «взвоза» (неширокие ведущие вверх лощинки, или «рытвины») — один длинный проезжий взвоз шел от береговых ворот до центра города в направлении к воротам Киевским, второй короткий — рядом с резиденцией Мазепы («Литовским замком».) Скорее всего, Анненков должен был приступать по длинному «взвозу», выводящему в центр фортеции. Против северного угла стен Меншиков поставил небольшой отряд из 200 чел. «татар» (видимо, калмыков), чтобы те перед штурмом при еще полной темноте подняли ложную тревогу и оттянули на себя силы гарнизона («дабы оные пред штюрмом тревогу и крик и стрельбу учинили».)

Письмо от 1 ноября светлейшего заканчивалось словами: «И сея ночи, с помощию Божиею, будем мы над ними надлежащий чинить промысл». Проводя рекогносцировку, князь видимо, в то время находился в предместье Батурина. Видимо, тогда Меншиков принял окончательное решение о быстром и беспощадном штурме. Об этом косвенно можно судить по утвержденному им до 20 июля 1706 г. «Артикулу краткому», составленному для подъема дисциплины и боеспособности драгунской конницы при походе в Западную Польшу, закончившимся блестящей победой при Калише 18 октября 1706 г. над шведами и поляками. Напомним, что в нем было многозначительное указание **щадить при штурмах женщин и детей, «разве что от генеральства для причины какой, иное что приказано будет»**.

Уверенный в своих силах, но разозленный Меншиков, меньше всего думал об «устрашении» населения Гетманщины, как об этом писали

историки Украины. Локальную карательную акцию он рассматривал, очевидно, как меру наказания за неподчинение и измену своему государю.

О подробностях приступа пока не все известно. Неосторожно писать, что 2 ноября 1708 г. были все условия выдержать осаду Батурина и довести дело до второй победы через 50 лет после Конотопской битвы 1659 г.[122] Устоять несколько дней в осаде сердюкам и казакам было можно, но отбить штурм профессиональных воинов, одержавших несколько побед (при Калише, с. Добром, Раевке, Лесной) над лучшими солдатами Европы, было безнадежно.

Деревянный Батурин даже с его артиллерией и значительными военными припасами не шел ни в какое сравнение с Нотебургом, Нарвой и Дерптом, в атаках против которых участвовал Меншиков. Военный опыт Кенигсека и Чечеля не мог сравниться с боевой практикой русского генерала.

Затемно, в 6 часов утра, «сзади чрез татар» началась обманная стрельба и крики. Большая часть гарнизона бросилась к той стороне стен. В это же время к стенам фортеции поднялись Троицкий, Вятский, Нижегородский Тверской, Смоленский, Ростовский, Сибирский драгунские полки Меншикова, которые участвовали в сражении при Лесной, а также полки, сражавшиеся там же под командой Боура. Общая численность штурмующих точно не известна. После боя при Лесной драгунские полки были ослаблены. В полках Меншикова насчитывалось не более 5 470 чел. здоровыми. Из дивизии Боура (4 076 чел.) выбыло около 430 чел. убитыми и ранеными[123]. Возможно, всего у Меншикова было около 9 тыс. драгун и до 3 тыс. пехоты и небольшое количество калмыков («татар».)

Темнота и слабая подготовка орудийных расчетов мазепинской артиллерии, видимо, не позволили эффективно противодействовать атакующим. Стрелять по невидимым целям было нельзя. Можно предположить, что Кенигсек к этому раннему часу не успел распределить по стенам прислугу к пушкам. Пытаясь, как верный наемник, организовать огонь артиллерии, он был смертельно ранен в грудь одним из первых, скорее всего, из огнестрельного оружия.

Пушечного огня с колокольни церкви Живоначальной Троицы, как рассказывалось потом в народе, не велось — пушки малого калибра бесполезны, а тяжелые орудия поднимать по деревянным перекрытиям почти невозможно, да и откат орудия не позволил бы использовать малую площадку на верхнем ярусе.

Несколько сотен безоружных селян из округи и большинство батуринцев, укрывшихся в фортеции от шведов, вряд ли вышли на стены. Казаков никто не готовил сражаться с русскими и они, скорее всего, предпочитали уклониться от боя, подобно тем, которых Мазепа обманом увлек за Десну. С оружием на стены вышли в основном сердюки и городовые казаки (вряд ли все.)

Солдаты и драгуны врывались за стены с двух сторон. В книге Д. Дефо указано, что в стене Батурина обстрелом с батарей был сделан узкий пролом, через который штурмующие ворвались в крепость. Здесь и были понесены основные потери, когда драгуны перебирались через ров с напольной стороны. Штурмовые лестницы оказались коротки и их бросили, однако сильный огонь осаждавших разогнал защитников и стены быстро были преодолены. Решающую же роль во взятии, кажется, сыграл приступ Анненкова через береговые ворота. По «взвозу» штурмующие быстро прорвались в центр города. Глядя со стороны, можно было подумать, что из рытвины-лощины они поднимались как из-под земли. Позже народная молва разнесла, что драгуны якобы незаметно и тихо проникли через тайную калитку или подземный ход. Подземные ходы («льохи») были и один из них, который начинался из подвала надземной постройки, был обнаружен 2 мая 2008 г. Поверив сказаниям, Н.И. Костомаров написал нелепицу, что «царские люди во время ночи гуськом проникли в замок»[124]. (Легкость захвата нуждалась в объяснении военной хитростью. Даже сейчас казанские татары тоже рассказывают сказку о захвате Казани в 1552 г. не штурмом, а через подземный ход.)

Два месяца сопротивлялся шведам гарнизон и казаки Полтавы, имея всего 28 пушек, украинцы и русские солдаты в маленьком, с тремя пушченками Веприке победно отбили пятичасовой ожесточенный штурм самого Карла XII и фельдмаршала Реншельда. Есть доводы, что резиденция Мазепы была взята при помощи патриотов-батуринцев, для которых немыслима была измена присяге. Соломаха, сотник наказного прилуцкого полковника И.Я. Носа сообщил Меншикову, что на том участке стены, где находились казаки Прилуцкого полка, не будет сопротивления. Нельзя исключить, что прилуцкие казаки помогали атакующим расправляться с сердюками. Батуринцы же, вполне вероятно, открыли и береговые ворота. Разногласия и свары среди казаков и сердюков при нежелании биться с русскими, скорее всего, привели к тому, что более тысячи сердюков и казаков, увидев драгун и солдат в центре фортеции, бросились бежать в разные стороны вместе с Чечелем, который, в отличие от Кенигсека, отказался сражаться насмерть и, не получив ни одной раны, ускакал на коне из Батурина[125].

Благодаря хорошо продуманному князем плану фортеция была взята, как писал Д. Дефо, в молниеносной **«шведской манере»** всего за два часа. Того героизма, который показали украинцы в Веприке и Полтаве вместе с русскими солдатами при отражении шведов, не было. «Батуринские атаманы», сотники и «знатные из старшин» предпочитали сразу сдаваться «живьем». *«По двучасном огню оную фартецию взяли, в которой воров многих побили, а достальных живьем побрали, между которыми и старшин — войсковой подобозный Фридрик Кенексек и сотник тако*

ж, и атаман[ы] батуринские, и иные знатные и[з] старшин», — вспоминал Меншиков.

Актовых документов 1708 г. с указанием количества потерь среди драгун пока не найдено. В декабрьской пропагандистской листовке, исходящей из шведской штаб-квартиры, число убитых штурмующих сильно преувеличено: «На следующий день по приказу Его Королевского Величества были наведены два моста и подтянулись остальные полки, что побудило московитов ускорить овладение Батуриным. Ко второму дню они насели с такой яростью (so grausam zugesetzet), что под конец взяли его, хотя и с потерей 2000 человек. Из гарнизона через Сейм ушли оттуда только 1000 человек. Но комендант со всеми остальными жителями, женщинами и детьми были перебиты бедственным образом, после чего они подожгли город»[126]. Никто из каролинцев, написавших воспоминания об этих событиях, не упомянул о телах русских драгун в батуринских рвах. Возможно, погибшие были наскоро закопаны. Раненых Меншиков, несомненно, забрал на подводах, так как было захвачено 2000 лошадей из конюшен Мазепы.

Некоторые подробности приступа, несмотря на многие неточности, касающиеся, в частности, количества войск, содержит упоминавшаяся работа Д. Дефо. В его книге численность войск Меншикова (30 тыс.) и сторонников Мазепы (10 тыс.) преувеличены. Заслуживает внимания высказывание Дефо о «справедливости воздаяния» за измену, но при этом абсолютно неверно его утверждение о всеобщности намерений казаков поднять бунт в пользу шведского короля.

Как следует из донесений Меншикова, драгуны прорвались через стены через 2 часа, следовательно, погром в Батурине начался после 8 утра. (Универсал Скоропадского от 8 декабря отрицал уничтожение детей и женщин — см. ниже.) Со скорбью приходится констатировать, что пролитая кровь почти всегда провоцирует ярость и свирепость. Охваченные страхом и разбегавшиеся сердюки не в состоянии были «бить шамад» (барабанный сигнал сдачи.) Драгуны еще долго не могли уняться. Впрочем, поголовной резни не было. Через некоторое время Меншиков через трубачей дал команду прекратить расправу, и часть жителей нашла защиту у князя. Однако люди, забившиеся в хаты, погреба и подвалы, не смели показаться на улицах, и большинство погибло уже после штурма, в ночь со 2 на 3 ноября от огня и дыма. Через 34 года после штурма генеральный бунчужный Я.Е. Лизогуб записал несколько кратких строк об этом: **«...за вытрублением не мертвить, много еще явилося у князя Меншикова, который дать велел им писание, чтоб никто их не занимал»** (т. е. не брал в плен)[127]. Достаточное количество людей все же было забрано и живыми отправлены в Россию[128].

Лизогуб записал: «Много ж в Сейме потонуло людей, утекаючи чрез лед еще не крепкий, много и погорело, крившихся по хоромах, в льохах,

в погребах, в ямах, где паче подушилися, а на хоромах погорели, ибо, хотя и вытрубление було престать от кровопролития, однак выходящих от сокрытия войско заюшеное, а паче рядовые солдаты, понапившиеся (понеже везде изобилие было всякого напою) кололи людей и рубали...». Промокнув, скорее всего при переправе через Сейм, Чечель забрался для обогрева в хату к родственнику, заснул на печке, был выдан казаками с. Поповки и колесован в Глухове[129]. Много сердюков, казаков и жителей бежали в противоположную от штурмуемой стены с обрыва к Сейму через неокрепший лед, где часть людей потонула, часть перебралась на другую сторону.

Легкость взятия объясняется колебаниями гарнизона, часть которого, вопреки измене Мазепы, была на стороне Петра I. Некоторые, как например кролевецкий житель Ф.Д. Стожок, который открыто «унимал» старшину от кровопролития христианской крови, за что подвергся угрозам и был посажен прикованным на пушку. «О втором часу пополуночи» в ночь со 2 на 3 ноября из предместья Батурина князь набросал спешную записку на половину страницы. В ней сообщалось, что в 6 часов утра был начат с двух сторон штурм фортеции. Сопротивления почти не было, урон был небольшой и «по двучасном огню» крепость пала. За день и часть ночи 2-го числа были взяты 40 пушек, инсигнии Мазепы и «зело много изменничего богатства»[130], в том числе свинец, порох, хлеб, спиртное и 2 тыс. лошадей из конюшен вне фортеции. Была захвачена и канцелярия гетмана, часть архива которой ныне хранится в Ленинградском отделении Института истории в военно-походной канцелярии Меншикова[131]. В 2 часа ночи 3 ноября Меншиков сам поехал внутрь фортеции. Таким образом, спешно поджигать военные и продовольственные склады («великой магазеин») стали после этого времени. Очередное письмо Меншикова датировано 3 ноября уже из Конотопа, за 27 км от Батурина. В нем он наспех написал, что оставляет войска, чтобы скорее устно донести подробности штурма Петру I. 6 ноября он уже был в Глухове у царя, но, как писал Д.Н. Бантыш-Каменский, никаких наград не получил. Однако киевский воевода Д.М. Голицын был награжден двадцатью тысячами ефимков «из мазепиных денег».

В декабре 1709 г. во время триумфа, посвященного победам при д. Лесной и под Полтавой, Меншиков отметил свою победу «торжественными воротами», где изображалось уничтожение города и его вождя Меттия Фуфетия (VI в. до н. э.), который изменил Риму[132]. Однако при составлении «Гистории Свейской войны» описание батуринского штурма было изъято. Следовательно, царь Петр не одобрял расправу князя, считал ее постыдной для русского оружия и как редактор счел нужным опустить этот эпизод.[133]

Английский посол в Москве Ч. Витворт 17(28) ноября 1708 г. составил донесение на основе русских информаторов: «Князь Меншиков, получив

приказ, взял три или четыре тысячи войска. Прибыв под крепость, которая не была довольно приспособлена к обороне, приказал тут же атаковать и быстро взял ее штурмом». *«Мы здесь имели известия из русского лагеря на Украине, что князь Мазепа казацкий генерал перешел к шведскому королю, но взял с собой только трех полковников и небольшое число своих войск. Остальные объявили, что хотят служить царю. Несколько дней спустя после дезертирства генерала была послана артиллерия к Батурину, месту резиденции генерала Мазепы, куда генерал послал 6 тысяч своих людей для охраны своего имущества. Но светлейший князь, ставший знатоком в деле взятия городов, сделал ставку на меч. Московиты одержали победу над казаками и приступили к избранию нового генерала. И говорят, что это будет Скоропадский»*[134].

Большинство авторов начала XVIII в., писавших о батуринской трагедии называет цифру в 5–6 тыс. погибших в Батурине[135].

Несколько обстоятельных работ по данной теме с использованием большого количества письменных памятников опубликовал С.О. Павленко. К сожалению, у автора отсутствует критическое отношение к источникам. Одинаковым доверием у него пользуются и историческая публицистика («История русов»), и литературно-художественные вымыслы предпринимателя, писателя, алхимика и астролога XVIII в. П.Н. Крекшина, и народные сказы XIX в. об обороне Батурина. Ссылки на шведские источники даются не по оригиналу, а из вторых рук. Указываются архивные документы, хотя приводимые сведения из них давно опубликованы. Некоторые положения не подкреплены документально.

С.О. Павленко оценивает численность погубленных в Батурине в 11–14 тысяч человек: 5–6,5 тыс. чел. гарнизона, казаков и сердюков, 6–6,5 тысяч мирных жителей, а также около 1000 жителей окрестных сел[136]. Если там было 825 (или 1000) дворов, как принимает Павленко, то число его жителей скорее всего, составляло не более 4–5 тыс. Как правило, в демографических расчетах принимается, что во дворе могло проживать 5–6 чел. Павленко, принимая заселенность двора в 7–8 чел., увеличивает население Батурина в начале XVIII в. до 7–8 тыс. (в XXI в. в Батурине живет 3–4 тыс. чел.). «Поголовного истребления» батуринцев не произошло. Известна опись Батурина 1726 г., по которой там насчитывалось уже 647 дворов (3–4 тыс. чел.), т. е. многие казаки и жители успели избежать резни[137]. 22 декабря 1708 г. новый гетман И.И. Скоропадский выдал универсал, батуринскому атаману Даниле Харевскому, разрешающий батуринцам селиться на старых местах «на посадах и футорах батуринских»[138]. Один из родственников казненного Марко Чечель благополучно служил хорунжим в Черниговском полку[139].

Исходя из показаний перебежчика, сердюка Корнея Семененко, сообщившего, что к 11 декабря 1708 г. из четырех сердюцких полков под

рукой у Мазепы в его второй резиденции — Гадяче, осталось всего 300 чел., С.О. Павленко делает вывод, что из общего количества по его мнению, 2 600 сердюков погибло и было казнено 2 300 чел. Однако вполне можно допустить, что многие разбежались или перешли на русскую сторону, как те три десятка, которые «уговорились бежать к войску царского величества» 8 декабря[140]. **Цифра в 11–14 тысяч погибших преувеличена**. Получается, что помимо того, что снималась со стен артиллерия, подрывались тяжелые орудия, составлялся обоз и грузились на подводы казна и архив Мазепы, сжигалось продовольствие, стены, постройки, хутора, три десятка мельниц и монастырь, в каждый час с утра 2 ноября в течение светового дня и часть ночи 3 ноября погибало по 500–600 чел. Все расчеты по численности и приросту населения в данной местности при отсутствии точных данных можно считать сугубо приблизительными и требующими обстоятельной проверки. Украинские историки правильно указывают, что Меншиков торопился как можно быстрее уйти от Батурина. Однако вопреки этому пишут, что драгуны занялись пытками пленных и привязыванием к доскам трупов сердюков, перетаскиванием их на несколько сотен метров к Сейму и спуском на воду для устрашения (ссылки на работу шведского историка А. Фрюкселя.) Не учитывается, что тело, привязанное к доске, скорее всего, перевернется и на поверхности реки трупов не будет видно. Изготовлением плотов для казненных тоже никто не занимался. Не было времени и на вытесывание колов, поднимание тел на колеса, на сколачивание, вкапывание в землю крестов и распятие по одиночке казаков, как показано на растиражированной картине 2004 г. художника О. Лопухова.

История ныне превращается в поле ожесточенной политической борьбы. Батуринская трагедия подводится под акт «геноцида украинского народа», с чем категорически нельзя согласиться. Международно-правовая конвенция о предупреждении преступлений геноцида и наказании за него была принята в 1948 г. **Геноцид** (от греч. genos род. + лат. caedere убивать, букв. уничтожение рода, племени) — это тягчайшее преступление против человечества. **«Действие, которое совершается с целью полного или частичного уничтожения какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группы»** (Международное право. «Юридическая литература». М., 1999. С. 332.)

Гарнизон и жители Батурина гибли не из-за религии (обе стороны были православными) или национальности. Замышлять истребление «полностью или частично» украинский народ по национальным и этническим признакам ни Меншиков, и никто другой из русского командования не думал. Перейди к шведам любой русский город, например восставшая Астрахань или Черкасск, его ждала бы та же беспощадная расправа. Царь приказывал «ласково» обходиться с теми, кто не пристал к «ворам»[141],

но с бунтовщиками расправляться с крайней жестокостью. «Сия сарынь, кроме жесточи, не может унята быть», — писал Петр I 12 апреля 1708 г. в отношении булавинцев[142]. «Людей рубить, а заводчиков на колеса и колья дабы удобнее оторвать охоту к приставанью воровства у людей», — писал Петр I В.В. Долгорукову 7 мая 1708 г.[143] На Дону при подавлении восстания Булавина было истреблено 23,5 тыс. человек, но никто из историков не подводил эту акцию под «геноцид русских». Уничтожение резиденции изменника не было антиукраинской акцией. Однако локальная измена Мазепы на Украине, как и восстание булавинцев, согласно военной психологии XVIII в., подлежали беспощадной расправе. «Батурин в знак изменникам (понеже боронились) другим на приклад зжечь весь», — писал Петр I А.Д. Меншикову 5 ноября[144]. В трагедии Батурина вина лежит и на Мазепе. Об этом хорошо написал три века назад украинец Феофан Прокопович: « [никто] не радуется крови братней, елико неповинне пролияся, но да вопиет она на виновника своего Каина, да обратится болезнь твоя на главу твою, безсовестный предателю! ...Ты, ты, Иудо злочестивый, в первоначальном малороссийском граде не [иностранным, но домашним нашим устроил... место погребения»[145].

В свете безоговорочной поддержки украинцами русской армии полное разрушение крепости и истребление гарнизона с населением не было лучшим решением. Выгоднее было бы сохранить Батурин как опорную и сковывавшую шведов базу. Можно было не сжигать склады, постройки и стены фортеции, не отдавать приказ уничтожать всех и не подрывать тяжелые пушки. Батуринцы также стойко оборонялись бы против шведов, как украинцы в Полтаве, Веприке, Стародубе, Новгороде-Северском. Меншиков не учел, что Карл XII из-за усталости армии отказался от захвата Стародуба, Почепа, Новгород-Северского (и позже осаждал, но не штурмовал Полтаву.) Похоже, король вряд ли стал бы тратить силы и на Батурин.

Петр I разрешил подправить стены, укрепить крепость и добавить к стрельцам в гарнизон драгун, пока не подойдет пехота, но если Батурин «не крепок», то царь советовал артиллерию вывезти в Глухов, а строение сжечь, ибо если оставить в слабом городе артиллерию, то шведы тоже легко возьмут город. О ликвидации или выводе пленного гарнизона и местных жителей ничего не говорилось[146]. Возможно, Петр I тоже преувеличил опасность, исходящую от Карла XII, который, находясь на расстоянии около 60 км, сбил русский заслон у Мезина на Десне и с 3 ноября двигался к Батурину.

Мазепинцы, возглавляемые Чечелем, знали, на что идут, запирая крепость, и их гибель является естественным следствием военных действий. Из 5–6,5 тыс. чел. гарнизона (по завышенной оценке С.О. Павленко) разбежалось и спаслось явно больше чем 1 300–1 800 чел. Смерть же мир-

ных жителей не может не вызывать горечи и сострадания, тем более что погибли и те, кто укрылся в Батурине от шведов и не знал об измене Мазепы. Их уничтожение не определялось военной необходимостью. Многие из казаков тоже не имели представления, что Мазепа бросил их и бежал к Карлу XII. С моральной точки зрения расправа над горожанами заслуживает осуждения, ответственность за кровь невинных лежит на Меншикове[147]. Однако методически неверно опрокидывать в прошлое мораль XXI в. с ее декларациями о правах личности, о толерантности, о человеческой жизни как высшей ценности и зачислять «варфоломеевскую резню» в Батурине в рубрику «поворотной вехи в истории украинского народа»[148]. В то время жизнь ценилась намного дешевле, и в помине не было ни толерантности, ни политкорректности. Ныне использование в политических целях понятия геноцида разжигает межнациональную рознь.

Лаконизм описаний тех, кто видел через 8 дней батуринское пожарище, свидетельствует о том, что гибель людей и опустошение городов воспринимались тогда как жестокие реалии войны. «Разорение и усмирение населения являлись методами ведения войны общими для всех армий»[149].

Как ни прискорбно, истребление гражданских лиц врага сопровождало все войны человечества, начиная, библейских времен, и не исключалось из правил войны. Вспомним поголовное истребление царем Моавитским в городе Номве священников, «мужчин, и женщин, и юношей и младенцев, и волов, и ослов, и овец» (Первая книга царств, глава 22.) Сципион Африканский во время войны в Испании 211–205 гг. до н. э. стер с земли город Илитурги. Александр Македонский уничтожил Фивы в 335 г. и крупнейший морской порт Тир с 35-тысячным населением в 333–332 гг. Крестоносцы в 1099 г. после штурма устроили резню 70-тысячного арабского и еврейского населения Иерусалима. 30 тыс. жителей Магдебурга в 1631 г. погибли от разъяренных солдат имперско-католического войска графа И.Т. Тилли. Во время террора О. Кромвеля в Ирландии в 1649–1650 гг. безжалостно были вырезаны опорные города католиков-роялистов Дроэда, Уэксфорд и Клонмел. Можно привести и скорбные строки из еврейской хроники «Пучина бездонная» о геноциде в эпоху освободительно-религиозных войн украинского народа в середине XVII против католиков, униатов и иудеев, после которых евреи с Украины рассеялись вплоть до Германии, Италии и Балкан: «Св. община Переяслав, св. община Борисовка, св. община Пирятин, св. община Борисполь, св. община Лубны, св. община Лохвица с прилегающими, погибли смертью мучеников от различнейших жесточайших и тяжких способов убиения: у некоторых сдирали кожу заживо, а тело бросали собакам. А некоторых — после того, как у них отрубали руки и ноги, бросали на дорогу и проезжали по ним

на телегах и топтали лошадьми, а некоторых, подвергнув многим пыткам, недостаточным для того, чтобы убить сразу, бросали, чтобы они долго мучились в смертных муках, до того, как испустят дух; многих закапывали живьем, младенцев резали в лоне их матерей, многих детей рубили на куски, как рыбу; у беременных женщин вспарывали живот и плод швыряли им в лицо, а иным в распоротый живот зашивали живую кошку и отрубали им руки, чтобы они не могли извлечь кошку; некоторых детей вешали на грудь матерей; а других, насадив на вертел, жарили на огне, и принуждали матерей есть это мясо; а иногда из еврейских детей сооружали мост и проезжали по нему. Не существует на свете способа мучительного убийства, которого они бы не применили; использовали все четыре вида казни: побивание камнями; сжигание; убиение и удушение... Так они поступали во всех местах, куда приходили; и то же самое делали с поляками, в особенности с ксендзами. И было убито в Заднепровье много тысяч евреев, а несколько сот их было принуждено изменить вере»[150].

В 1704 г. польская шляхта вырезала до 4 тыс. человек в восточной Белоруссии. «И в Дубровне де и в Дубровенском уезде видел он, Василий, посеченных и позженых лежащих тела по дворам и улицам и по полям и в деревнях мужска и женска и девичья полу и малых робят с 4000 и болши. И збили тех людей поветово войско списковая шляхта»[151].

Шведские карательные акции 1708 г. против украинских казаков и крестьян начались сразу после вторжения на Гетманщину. Как заурядное событие описал полковник барон Карл Магнус Поссе (умер в 1715 г. в Москве) резню и сожжение заживо шведскими драгунами и мазепинцами 1600 (или 3000) украинцев, в том числе женщин и детей, подполковником Томасом Функом (1672–1713) в Тернах: *«10 декабря подполковник Функ был командирован с 300 кавалеристами и 100 казаками к одному городу в России, чтобы напасть на находившихся там казаков. 11 декабря подполковник Функ вернулся и рассказал: когда он вошел в город, все казаки и селяне ушли на церковное подворье, так что все оно и церковь оказалось забито людьми. Это подворье окружалось валом, а в некоторых местах, где тот не был в порядке, стоял палисад. Затем он приказал драгунам в стороне спешиться и атаковать это подворье, но дважды был отбит, причем женщины с косами и топорами стояли по валу и били ими наших людей. Наконец на третий раз он прорвался и драгуны стали рубить всех, кто попадался под руку — 1600 человек, в числе которых были как селяне, так и казаки, не считая женщин и детей. Вслед за тем они укрылись в церкви, которая набилась битком, и не хотели открывать дверей. Тогда он приказал поджечь церковь, а также и город и спалил все, что там было. 12 декабря ничего не случилось, кроме того, что вдруг впал в пьянство драбант Пер Хорд, обиженный своим товарищем Энгельбрехтом»*[152].

Зильтман записал, что Функ *«с партией в 500 конных отправился к московитскому городку Терны в 5 милях отсюда, где находилось до 3 тысяч казаков. Он выбил их в сторону кладбища и все, кто не смог сразу уйти, в том числе женщины и дети, были истреблены и город сожжен»*.

Короче описал эту расправу Адлерфельд: *«10 декабря подполковник Функ должен был выступить с пятьюстами кавалеристами, чтобы наказать и рассеять крестьян, которые сбивались в шайки в разных местах. Больше тысячи казаков были перебиты в городке Терны, который затем был со-оюоювы. То же повторилось и с Недрыгайловым. Многие деревни казаков противника были превращены в костры, и все, что там ни встречалось, рубилось, чтобы вогнать в страх других»*[153].

В Олешне было перебито и сожжено более 400 чел. Шведские оккупанты испепелили городки Смелое, Терны, Веприк, Колонтаев, Краснокутск, Коломак, Рублевку, Городню, Мурафу, Хухры, Каплуновку, Лутище, Котельву[154]. Если провести подсчет численности (хотя бы примерный) жителей и убитых шведами в этих истребленных городах, то их сумма превысит количество жертв в Батурине. **Левобережная Украина, вслед за Польшей и Волынью, в полной мере узнала шведскую тактику устрашения террором.**

Можно также припомнить погром Умани М. Зализняком и И. Гонтой во время Колиивщины в 1768 г., когда было вырезано до 20 тыс. поляков и евреев[155].

Блок «Наша Украина» поставил «крест скорби» в цитадели Батурина. Россия может открыто признать, что гибель мирных жителей была таким же злодеянием, как «мясорубки» Кромвеля, Тилли, Функа, Гонты и др. Было бы справедливо поставить там памятник невинным жертвам Северной войны и от русского народа. Точно так же надо увековечить на Украине и память жертв, погибших от рук шведов и в Тернах и в других городах.

Значение взятия гетманской резиденции состояло прежде всего в том, что после разгрома курляндской армии и огромного военного обоза А.Л. Левенгаупта при Лесной и под Пропойском, ликвидация находящегося во фронтовой полосе крупного арсенала Мазепы было сильным ударом по армии вторжения. В районе Батурина, как и на Северщине, шведская армия уже не могла расположиться.

Сомнительна гипотеза о том, что уничтожением гетманской столицы русское командование предупреждало присоединение к шведам новых сил, если бы таковые объявились. Гибель мазепинской столицы не придавила и не напугала украинское население Гетманщины, Правобережья и тем более Слобожанщины. Напугала она Мазепу, который сказал, что «Украина, Батуриным устрашенная, боятися будет едно с нами держать». Вопреки этой мазепинской фразе, рефреном повторяющейся в современ-

ных украинских работах, украинцы не затихли, «устрашась террора», но как раз после гибели резиденции гетмана поднялись на борьбу со шведами вместе с Русской армией — об этом обстоятельно написал украинский историк В.Е. Шутой. Не оробели и не затаились и запорожцы — напротив, большинство этой вольницы (как позже и русские казаки-некрасовцы) выступили против ущемления своих свобод, не надеясь на помощь шведского короля.

Феофан Прокопович справедливо писал, что невозможно радоваться кровопролитию единоверных и единородных людей. Этого не хотел и Меншиков, который неоднократно посылал «мирные увещевания». Слезы и кровь батуринцев лежат на их соблазнителе. Успех у Батурина был зародышем будущей совершенной победы, он сломил дух изменников, утвердил верных и устрашил коварных. Отступники стали бояться, шведский противник, увидев полный разгром «гнездилища сил противных», заколебался в предвидении своего конца[156].

Стремительность операции Меншикова, который буквально из-под рук Карла выхватил Батурин, высоко оценивалась историками: Д.П. Бутурлиным, М.И. Богдановичем, А.П. Карцовым, П.К. Гудима-Левковичем, Д.Ф. Масловским, С.М. Соловьёвым, Есиповым, С.Ф. Платоновым, Е.В. Тарле, Б.С. Тельпуховским, Е.И. Порфирьевым. Украинские историкиXIX в. А.П. Маркевич, Д.Н. Бантыш-Каменский, Н.И. Костомаров, М.С. Грушевский, констатируя трагическую гибель батуринцев, не раздували ее. Только с первой половины XX в., и особенно после обретения Украиной независимости в 1991 г., батуринская трагедия стала выставляться на первый план. Трудно согласиться с С.О. Павленко, что уничтожение Батурина надолго похоронило надежды на освобождение и создание самостоятельной державы, хотя это событие и отсрочило ликвидацию автономии Украины с 1708–1709 гг. на конец XVIII в.[157] Уцелевшая резиденция (согласись Меншиков уйти от Батурина в соответствии с разрешением царя) все равно не спасла бы ни Карла, ни Мазепу от Полтавской катастрофы.

Только 4 ноября шведы перешли Десну, но не смогли быстро продвигаться из-за противодействия русской армии. С 5 ноября население и казаки стали подавать челобитные о верности России, об отсутствии замыслов против монаршего престола и заявлять о помощи против шведов.

11 ноября мимо Батурина прошла армия короля. Как писал Адлерфельд, *«нельзя было без ужаса смотреть на страшное опустошение, воздух был заражен вонью от мертвых и полуобгорелых трупов. Король прошел 1,3 мили до Городищ, где он снова остановился на несколько дней»*[158]. (Массовых мужских захоронений украинские археологи до сих пор не обнаружили.)

Для историков первостепенное значение имеют свидетельства очевидцев, меньше доверия заслуживают известия от тех, кто находился

далеко — послов, находившихся в Вене, Москве, Варшаве, и еще менее можно доверять газетным вестям из Европы, в свете которых в настоящее время пишется о «национальном мученичестве» и о том, что от штурма Батурина «содрогнулась Украина и весь мир». Современники же воспринимали батуринскую резню как обыденную бесчеловечность войны.

Вот записки барона Давида Натаниэля фон Зильтмана, прусского подполковника, генерал-адъютанта, тайного государственного советника и представителя прусского короля Фридриха I при армии Карла XII во время Русского похода 1708–1709 гг., опубликованные в Karolinska Krigares Dagböcker. Lund, 1903. T. 3. S. 277:

«17 ноября н.ст. (6 ноября старого стиля). Снова поднялись и шли 2 мили до д. Лухнов. Перед выступлением Мазепа от высланной им партии получил подтверждение о том, что произошло с Батурином и, восприняв все с большим огорчением, сам сообщил об этом королю.

18. Шли три мили до большой, в 188 дворов, д. Атюша, где все крестьяне остались у себя в домах, также, как и в некоторых других деревнях на этом переходе, из которых они при появлении короля выносили ему хлеб, соль и яблоки.

20. Оставались стоять, так как мосты через р. Сейм у Батурина еще не были готовы.

21. Снова выступили и шли 2 мили до д. Городище. Маршрут проходил совсем близко от Батурина, я был в городе и видел руины. Не имея возможности сидеть в осаде и не желая оставлять противнику батуринское «гнездо измены», Меншиков не только сжег крепость, но и перебил большую часть гарнизона и жителей. Однако после двухчасового штурма из разоренного в страшной спешке Батурина, все-таки успела бежать не только часть населения, но и около одной тысячи мазепинского гарнизона».

(Зильтман здесь не отметил массовую гибель людей в этом городе, в отличие от «ужасного зрелища» замерзших насмерть шведов при переходе из Ромен в Гадяч на Рождество 1708 г.)

Другой очевидец, лейтенант фон Вайе, писал: *«8 ноября мы прошли до д. Атюша — 3 мили. Здесь получили весть, что неприятель уже захватил Батурин штурмом и сжег его. Коменданта увезли в Конотоп и там колесовали, хотя он храбро держался и был немецким графом фон Кенигсеком. 11 ноября мы прошли через опустошенный Батурин до д. Городище — 2 мили»*[59].

Запись шведского лейтенанта Р. Петре: 5 ноября (6 шв. ст.) *«от д. Лукнов мы пошли к д. Атюша где получши известие, что неприятель штурмом овладел городом Батурин, выграбил его, спалил и увел в качестве пленных народ вместе с комендантом, превратив главный город Украины в пустыню и пепелище. Так в тот день мы прошли 3 мили. NB. Здесь снова присоединился к нам Мазепа с примерно с тысячью казаков. Утром*

мы поднялись от Атюши и вечером прошли мимо лежащего в пепле города Батурина и двигались всю ночь к д. Городище, до которой дошли утром (12 числа) — 3 мили».

В путевом дневнике Й.М. Нурсберга было записано: *«11 ноября. Деревня Городище у г. Батурина, который был резиденцией Мазепы в Казацкой стране, который к тому времени русские весь испепелили, как людей, так и город».*

В автобиографических заметках Андерса Вестермана указано: *«Когда мы вошли на Украину, 11 ноября мы миновали столицу гетмана Мазепы Батурин, который незадолго до этого был взят штурмом русскими, разорен и сожжен. В это время, в октябре, гетман присоединился к нам со своей свитой и прочими сопровождающими»*[160].

Каролинец Свен Агрелль ничего не написал о трупах на улицах Батурина. Как указывалось выше, многие жители, спрятавшиеся в погребах и боявшиеся выйти «после вытрубления не мертвить», задохнулись и сгорели уже после поджога надземных строений. Но Агрелль ошибочно счел, что нападавшие загнали жителей в погреба и потом подожгли. Тут же вслед за этим он бесстрастно отметил, как шведы сжигали дотла селения, отказывавшиеся встать на их сторону: *«Мы шли ночью и днем, чтобы выручить резиденцию Мазепы — Батурин, которая к тому времени была плотно окружена врагом. Но пришли мы поздно, когда за несколько дней до этого неприятель штурмом взял город, укрепленный не лучше, чем все другие города этой земли. Здесь противник действовал самым жестоким образом и тиранил бедных людей, погреба были полны мертвыми телами тех, кого он загнал туда и потом поджег. Весь этот месяц мы шли медленно, останавливаясь в деревнях то на день, то на два или больше. В это время мы обратили в пепел несколько сел и городов, которые не хотели объявить себя на нашей стороне»*[161].

Оставивший подробные записи о войне на Гетманщине лейтенант И.М. Лют, колонна которого прошла через Тростянку в 12 км от Батурина, ни словом не обмолвился о его судьбе.

В дневнике Д. Крмана можно видеть рождение легенды о щели, подземном ходе или тайной калитке, через которую драгуны проникли в крепость. Через 6 дней после взятия фортеции словацкий пастор со слов какого-то мазепинца записал экспромт-легенду о предателе — слуге гетмана, решившем украсть сокровища Мазепы. Слуга, имея на руках карт-бланш с подписью Мазепы, написал на нем письмо от имени гетмана и (видимо, с каким-то вооруженным отрядом — этих слов нет у Крмана, но они подразумеваются) обманом проник за стены замка. Позже эта неуклюжесть отлилась в нечто более «правдиво-подземное», что кочует из одной исторической работы в другую (сюжет с сокровищами Мазепы исчез.)

«На следующий день [8 ноября ст. ст. (19 н. ст.] *перед полуднем по дождливому и грязному пути добрались до очень большого села под названием Атюша. Квартиру там получили с большим трудом, так как ее занял секретарь графа Реншельда. Но когда я встретил самого графа и попросил его о жилье, секретарь получил приказ освободить ее для нас.*

Уже здесь мы заметbk, что жители вытягивали деньги за все, что спрашивалось, даже за мелкие услуги. Их рты не произносил ничего, кроме слов «копейки»... Провели здесь два дня и потом двинулись на Батурин, куда пришли под вечер на закате солнца. В этом городе на небольшом холме замок, окруженный валами и насыпями... **Там была резиденция гетмана Мазепы, который закопал в замке сокровища. Ими обманом решил завладеть какой-то его слуга. У него были чистые листы с подписью и печатью его господина. Он составил письмо, по которому ему позволялось войти в город ради выполнения приказов хозяина. Когда же его впустили, он ударил по замку, захватил его, разграбил сокровища и предал весь город огню и мечу.** *Только 300 человек смогло спастись через щель в стене замка, а большинство было перебито. Мы видели дымящиеся мельницы, разбитые дома и наполовину обгоревшие окровавленные людские тела. Покидая Батурин, мы должны были следовать до д. Городище, где у местного священника получши подходящую квартиру. В день Св. Екатерины, т. е. в 25 воскресенье Троицы, пили вино, которое никогда не пробовали. Это не была ни вода, ни медовуха, ни вино, ни вино с водой. Видимо, к соку из фруктов было добавлено немного самого обычного вина, ибо напиток этот освежал и имел очень слабый запах вина. Здесь была возможность дважды беседовать с высокородным господином Олофом Гермелином»*[162].

Таким образом, никто из уцелевших батуринцев в 1708 г. не рассказывал ни шведам, ни русским, о калитке или подземном ходе под Батурином, через который драгуны нескольких полков гуськом могли бы просочиться внутрь замка[163]. В «щель», «хвірточку», или подземный ход народная память могла переиначить либо «взвоз» от береговых ворот, либо узкую брешь, о которой писал Д. Дефо, через которые за стены прорвались драгуны.

Об антимазепинских настроениях на Гетманщине свидетельствует информация, которую первым делом поставляли шведам жители Украины — о прелюбодействе Мазепы, о «купании» его в жидкой смоле, валяния в перьях и позорном изгнании из Польши[164].

Самое резкое описание дал непримиримый враг России Адлерфельд: *«Меншиков, который находился недалеко, поспешил с несколькими тысячами человек и штурмом напал 2 ноября [на резиденцию Мазепы]. Он взял ее без особых потерь рукопашным боем своих войск и после того, как старые и молодые, без различия возраста и пола, жесточайшим*

образом были порублены, были уведены оставшиеся женщины. То же произошло с большими орудиями, которых было сорок, не считая мортир. Пятьдесят мельниц на Сейме вокруг города было сожжено и все жесточайшим и бесчеловечным образом было расхищено. **Часть гарнизона счастливо ушла через Сейм**, *но комендант был снова пойман и потом плохо кончил. Его звали Кенигсек и он был родом из Пруссии».* [165] В «манифесте» малороссийскому народу от 16 декабря 1708 г., подписанном Карлом XII и Пипером, не написано ничего о зверствах в Батурине[166].

Оказавшись под защитой шведских штыков, Мазепа развернул запоздалую активность. Будучи в селе Бахмаче, он заставил старшинскую верхушку принести присягу в верности ему и Карлу XII, разослал призывы о помощи к Лещинскому, Сенявскому, к османскому Юсуф-паше в Бендеры, а также в города Левобережной и Правобережной Украины и в Запорожье[167]. Его ближайший соратник Д. Апостол (1654–1734) 16 ноября рассылал письма съезжаться полковым старшинам «для отдания поклону» Мазепе и вылавливать всех, кто распространяет письма царя и Скоропадского[168]. В ответ Петр приказал как можно скорее вернуть на Гетманщину Семена Палия, сосланного «по доношению Мазепы» в Сибирь[169]. 5 ноября в Глухове над чучелом Мазепы было проведено символическое отрешение от ордена, Андрея Первозванного, а церковь предала Мазепу вечной анафеме. (Г. Адлерфельд сделал примечание, что гетман сам сложил орден перед прибытием к королю.)

7 ноября по предложению Петра I гетманом был избран И.И. Скоропадский и в тот же день для разложения лагеря мазепинцев не терпевший ни малейших противодействий царь-самодержец объявил **широкую амнистию** не только тем, кто был «обманом заведен в неприятельские руки», но и всем мазепинцам, бывшим в согласии с Мазепой и не донесшим об измене. Вернувшимся до 7 декабря «под высокодержавную руку» к гетману Скоропадскому обещалось сохранение чинов и владений «без всякого умаления». В противном случае их имения будут отданы «верным», а жены и дети отправлены в ссылку[170].

Эффект превзошел все ожидания. Амнистия, а не беспощадность Петра I нейтрализовала верхушечный заговор Мазепы. Возвращаться стали не только казаки, но и старшины, несмотря на разгром Батурина. Среди первых, начавших зондаж о возвращении под «московское ярмо» после гибели Батурина, оказался и «властитель дум украинской нации», осознавший якобы уже с 1680-х гг. «угрозу Московщины для Украины и всего европейского мира»[171]. Увидев плачевное состояние шведской армии, Мазепа уже тогда мог прогнозировать победу Петра I и решил выяснить возможность вернуться под протекторат России. В сообщении от 22 декабря 1708 г. О. Плеер писал, что *«Мазепе и его сообщникам была предложена общая амнистия. Когда он со всеми остальными хотел сно-*

ва уйти из шведских рук, и удалился уже на 7 миль, преследовавший его неприятель снова его задержал, вернул пленником и потом взял под строгий арест»[172]. Взамен за прощение измены, возвращение гетманской булавы и почетного состояния как прежде, под опекой России, он предложил самую высокую цену — голову короля Карла XII. Понимая, что Петр может также обмануть, как он обманывал русское правительство, гетман обещал вернуться только при гарантиях европейских государств. Ради большей веры он выслал к царю не кого-нибудь, а ближайшего соратника и единомышленника — Д.П. Апостола. (Без санкции гетмана этот видный мазепинец не мог переметнуться обратно к Петру I.) «Следом за Апостолом от Мазепы с его личными письмами приехал Шишкевич, цирюльник его любимого племянника Войнаровского»[173]. Под разными предлогами вместе с Апостолом ушли к русским лубенский полковник и несколько казаков[174].

Таким образом, чистой демагогией была речь Мазепы перед Ф. Орликом 17 сентября 1707 г. о том, что он хочет вывести Гетманщину из-под русского протектората «не для приватной пользы, не для высоких почестей, не для большего обогащения... но для общего добра матки... отчизны бедной Украины, всего Войска Запорожского и народа малороссийского»[175].

20 ноября Апостол с устным посланием Мазепы появился в Сорочинцах, где стояли русские войска, и 21 ноября, поздравив со вступлением в должность новоизбранного гетмана Скоропадского, просил его заступничества перед царем, чтобы тот не имел на него гнева и не карал *«за то, что при изменнике Царского Величества бывшем гетмане Мазепе задержался до сего времени, ибо будучи насильно затянут им, не мог никоим образом от него освободиться и воспротивиться его измене, о которой никто и не знал, ведь известно, что и сама ваша вельможность хорошо знает, в какой строгости и суровости все пребывали... Я со своих детских лет во всем верно служил Его Царскому Величеству, так и до конца жизни обещаю ему же, пресветлейшему монарху нашему обязуюсь с служить с непременной верностью»*.

Предложение Мазепы захватить шведского короля, конечно, выглядело авантюрой. Но командование сделало вид, что поверило и решило начать игру с экс-гетманом «с единственной целью поймать в ловушку Мазепу»[176]. В РГАДА, ф. 124 1708, оп. 1, д. 120 имеется дело, на обложке которого написано: «1708, 22 декабря. Отпуски писем к Мазепе, писанные после измены от графа Головкина и миргородского полковника Апостола, склоняющих его, Мазепу, к принятию Российского подданства». Внизу обложки: «Со второго письма (Даниила Апостола) сделана копия для напечатания в изданиях Киевской комиссии в 1852 г.» На обороте л. 1 почерком начала XVIII в.: «*Писма, что писаны к Мазепе ко изменеево*

фалшивые от канцлера»[177]. Д.М. Бантыш-Каменский писал о них уже в 1834 г., но этот эпизод замалчивался украинскими историками мазепинского толка. Некоторые дополнительные подробности можно выявить из зачеркнутых фраз и слов, которые никогда раньше не публиковались.

Головкин писал: *«Ясневелможный господин. Доношение ваше чрез господина полковника миргородского Его Царскому Величеству донесено, которой, видя ваше доброе намерение и обращение паки к его принял то милостиво. И повелел мне к вам писать с крепчайшим обнадеживанием, что ежели в том пребывати и начатое намерение свое ко исполнению привестъ потрудитесь, то не то что вашу милость в прежней уряд и свою милость принять, но оную к вам и умножить изволит. И на те кондиции чрез помянутого господина полковника предложенные соизволил и гарантеров желанных от вас для содержания той амнистии примает, толко надлежит вашей милости постаратся, дабы о известной главнейшей особе по предложению своему безопаснейшим образом постаратца. Буде же о самой той особе и невозможно, то хотя б о протчих знатнейших то учинить по предложению. А удобно то учиниться может* (В этом месте письма имеются наиболее важные зачеркнутые слова: «Рейншельда или Пипера» и «к тому способу быть признаваем, что наговорить ту особу к переходу в Гадяч, бутто для осмотрения места налехке, и в пути то потрудитца исполнить по сему») *понеже наши войска в близости оттуду в местечке Веприке обретаются в готовости. Куда и убежище безопасное может от них восприято быть с теми особами. Ответу же вашей милости на то предложение з господином полковником миргородцким посланное, по се число не было того ради, понеже сумневалисъ, и истинна ль то. Но понеже Царское Величество ис присылки сюда от вас полковника компанейского Калагана с полком и изустного его доношения от вашей милости ему приказанного истинну того дела признал, того ради повелел мне крепким обнадеживанием милости своей к вам писать.*

В протчем ссылаюся на писмо господина полковника миргородцкого, не смея более и перу поверить и не ведая, имеешь ли еще ваша милость при себе с нами учиненную цифирь.

Из Лебедина декабря в 22 день 1708».

Объявлять все дело состряпанным Головкиным для дискредитации Мазепы на основании фразы «Писма, что писаны к Мазепе по измене ево фалшивые от канцлера» нельзя[178]. Именно письмо Апостола не было пущено в ход для подрыва позиций Мазепы в глазах шведов и украинцев. С этой целью русская канцелярия с успехом распространяла послание Мазепы к Лещинскому от 5 декабря, манифесты царя и нового гетмана Скоропадского. «Фальшивость» состояла в том, что обманным посланием и «мазепиным языком» хотели с помощью Апостола поймать бывшего

гетмана в западню. Предатель получает по заслугам. Так, предавая шведского короля и «украино-шведский союз», Мазепа получил измену своего ближайшего соратника, а также сердюцкого полковника, коменданта Белой Церкви, сразу сдавшего Д.М. Голицыну белоцерковскую крепость и казну «клятвопреступника». Следом за Апостолом (скорее всего, тоже с санкции Мазепы для уверения в серьезности его намерений) к русским между 6 и 15 декабря перешел И. Галаган с тысячью казаков, который вместо фельдмаршала Реншельда и Пипера «живьем привез» 68 шведских офицеров и рядовых. В начале декабря «хотели уйти до великого государя» лубенский полковник и генеральный есаул Максимович[179]. (Через полгода, 1 июля 1709 г. К. Пипер просил Карла XII выдать Мазепу в руки царя в обмен за его освобождение из плена[180]. Во время бегства по Дикому полю шведам приходилось «плотно окружать» Мазепу, так как казаки хотели поднять против него «ребеллию». Под Очаковом казаки в числе 4–5 тыс. вообще собрались выдать экс-гетмана русской погоне)[181].

Дезертирству от шведов помогли и универсалы Скоропадского. В них он писал, что «злочестивый выродок» принял еретика протектором Украины и православной церкви и собрался запродать отчизну в польское ярмо. Нарушение присяги и война против православного монарха обернется руиной для Малороссии. Вина в батуринском кровопролитии лежит на Мазепе, ибо «малорассудные люди», несмотря на уговоры, не впустили войска в крепость и хотели все запасы отдать шведам. Нанеся урон воинам, они вынудили их к штурму, при котором «жолнеры», мстя за погибших, не могли быть скоро унятыми от убийства. Неправдой являются слухи об уничтожении жен, детей и насилии женщин, ведь пощадили не только тех, кто не имел оружия, но и большую часть сердюков и городовых казаков, которые потом свободно были отпущены Меншиковым по домам[182].

Шведское командование, чтобы пресечь обратный переход Мазепы, со второй половины декабря 1708 г. установило над ним контроль на грани домашнего ареста. Шведские часовые ни на шаг не отходили от Мазепы и боялись, что тот может покончить с собой[183]. К началу 1709 г. при Мазепе осталось 300–600 чел.[184] Крепкие караулы были поставлены и вокруг большинства мазепинской старшины — к каждому по 2 часовых. С этого времени шведы считали мазепинцев обузой. (Раздражение против мазепинцев, почти ничем не помогших шведской армии, открыто прорвалось в главной квартире короля в начале июня 1709 г. Тогда стали говорить, что *«король прежде никогда не соглашался и не хотел и слышать, чтобы в армии порядочные женщины сопровождали в качестве жен своих мужей. Ныне же все должны терпеть казачьих баб и всякий сброд, который тащится повсюду, сильно отягощая армию. Его к тому же пришлось взять под королевскую защиту. Прежде не хотели заключать союза с христианскими державами, а теперь пытаются под рукой сделать это*

с турками и татарами, как это произошло с этими запорожцами. Прежде [шведы] при заключении союзов могли претендовать на субсидии, а теперь сами должны платить деньги»)[185].

Мазепа понял, что путь назад отрезан, и волей-неволей должен был остаться при шведах. Ни один пункт его приватного соглашения с Карлом о намерениях не был выполнен. Призывы казаков присоединяться к скандинавскому воинству для похода на Москву после Рождества 1708 г. выглядели такими же авантюрными. (Весной 1709 г., чтобы удержать собравшихся дезертировать из-под Полтавы запорожцев, он приманивал их возможностью «московской поживы».) Шведское командование очень критично оценивало Мазепу: «Советы шведского генералитета расходились с предложениями казацкого гетмана Мазепы; король, к несчастию, обращал больше внимания на советы этого варвара, нежели своих верных советников»[186].

После того как шведы сняли караулы вокруг мазепинцев, к русским перешли до Полтавской битвы генеральный судья В. Чуйкевич, есаул Максимович, лубенский полковник Д. Зеленский, компанейский полковник Ю. Кожуховский, сердюцкий полковник Я. Покотило, войсковой товарищ С. Лизогуб, мазепинцы А. Гамалея, Я. Гречаный, канцелярист Г. Григорьев, Ф. Лихопой[187]. В 1713–1714 гг. вернулись на родину («под московское ярмо») многие мазепинцы и запорожцы. Одним из последних написал Стефану Яворскому покаянное оправдательное письмо 1 июня 1721 г. с просьбой о прощении «гетман в изгнании» Ф. Орлик.

Личное соглашение Мазепы со шведами не помогло ни скандинавам, ни старшинской верхушке, потому что основной идеей украинского народа с последней трети XVII в. более чем на двести лет стало сближение с Россией. Партизанская война на Гетманщине против шведов и мазепинцев вспыхнула почти сразу после иноземного вторжения, несмотря на разгром Батурина.

5.3. Малая война на Гетманщине

На левобережье Днепра шведы увязли глубже, чем в Польше. (Там под Конецполем 21 ноября 1708 г. 8 тыс. конников Я.З. Рыбиньского и Л.К. Поцея разбили 12-тысячное войско киевского воеводы Ю. Потоцкого и генерал-майора А. Шмигельского.) Зима 1709 г. обернулась изнурительной борьбой за выживание и стала преддверием общей катастрофы шведской армии. Неприятель оккупировал центральную часть Гетманщины между Днепром и русской границей — «треугольник» Прилуки–Ромны–Гадяч. В каждом большом селе стояло по два-три полка. Русская армия держалась почти рядом, в трех десятках километров восточнее — на российской земле от Лебедина до Сум (на Слободской Украине.) Посты Русской армии стояли вдоль восточной границы Гетманщины.

В конце декабря 1708 г. для поддержки на Западной Украине сандомирян и против возможного наступления Станислава и Крассау был сформирован Заднепровский корпус (заслон) из 13 полков фельдмаршал-лейтенанта Генриха фон дер Гольца, с приказом «никакими мерами неприятеля через Днепр… не пропустить»[188]. Информационная «война на перьях» за украинский народ сложилась не в пользу шведов. Манифесты царя и Скоропадского под носом противника прибивались к постройкам в украинских городах. Адлерфельд признавал, что пропаганда Петра и нового гетмана была более действенной и население враждовало со шведами, которые «великое чинили разорение **и ружье казацкое ломали»**. Это сильно угнетало Мазепу, особенно после того, как его сердюцкий полковник Бурляй без боя сдал Д.М. Голицыну Белую Церковь с его казной и рассыпались надежды на помощь с правого берега Днепра[189]. Славянская прислуга, нанятая шведами в Польше и Белоруссии, грабила своих хозяев и сбегала к русским.

Зимой 1708/1709 г. инициатива была на стороне Петра, и малая война с непрерывными нападениями на шведов развернулась вокруг городов Ромны, Гадяч, Зеньков, Веприк. В таких условиях Карл физически не мог предпринять какую-нибудь крупную операцию, например, поход на Киев, воронежские верфи, Брянский арсенал или Белгород.

17 ноября шведы заняли Ромны. 18 ноября в Гадяч вошел Мазепа, и для его поддержки за ним отправили полковника Дальдорфа с конным Смоландским полком, драгунский полк Шрайтерфельда и пехотный Вестерботтенский полк Лагеркруны. Попытка Мазепы с ходу захватить близлежащий Веприк провалилась[190]. Рвы и валы Гадяча были подправлены и Мазепа тут же вернулся к королю в Ромны. Самые восточные городки гетманщины: Смелое, Веприк, Зеньков, Котельва, Коломак отказывались впускать на постой шведских солдат. В немалой степени это определялось тем, что за границей Гетманщины, на территории российских полков Слобожанщины — Сумского и Ахтырского (вдоль линии Терны-Недрыгайлов–Каменное–Хухра–Красный Кут) было оперативное пространство Русской армии.

19 ноября полковники Дюкер и Таубе застряли в предместье городка Смелое — жители не впускали их дальше, отговариваясь отсутствием указаний Мазепы. И в тот же момент они приняли драгун генерал-лейтенанта Ренне с другой стороны, который быстро привел городок в состояние обороны. Когда у Смелого появились две колонны Спарре и Рууса с двумя батальонами гвардии, Ренне совершил смелую вылазку, разбил два шведских эскадрона и укрылся в Смелом, потеряв, по мнению Адлерфельда, около 400 человек. Казаки отбили несколько фур от шведского обоза и прикончили лежавших там больных[191]. Когда шведы стали готовиться к штурму, Ренне ушел из городка, и тот был сожжен противником.

21 ноября, как указывалось выше, совершился знаменательный переход к царю Д. Апостола с несколькими казаками Миргородского полка. Адлерфельд ошибочно счел, что это произошло из-за недовольства распоряжением Мазепы о переводе его семьи в Ромны, куда должны были последовать и жены-заложницы остальных казаков[192].

30 ноября 600 всадников Дюкера совершили набег на российские земли Сумского полка, опустошив и превратив в пепел тамошние украинские села.

В тот же день Петр из Лебедина ездил за 30 км к своему гарнизону в Веприке, вокруг которого стояли драгунские полки Ренне. Оттуда царь рекогносцировал расположенный в 12 км Гадяч. Около 4 декабря Петр предложил военному совету, «учинить что-нибудь генерально», прежде чем из Польши придут Крассау и Станислав с поляками. В качестве «генеральной меры» военный совет в Лебедине предложил подготовить двойной удар: большая часть Русской армии станет добывать Гадяч, а генерал Алларт ударит по Ромнам, где стояла штаб-квартира шведского короля. Если король не пойдет на помощь Гадячу, то Алларту не следовало приближаться к Ромнам, но если уйдет, то занять этот город. Эта операция подкосила силы шведов так, что от ее последствий они не избавились и через полгода.

7 декабря большая часть русской армии двинулась через Веприк к Гадячу. План штурма предполагал окружение города кавалерией, пробивание бреши двенадцатью 12-фунтовыми пушками, обстрел гадячского замка от р. Псел полевыми пушками и атаку 8 тыс. пехоты, которая должна была связками соломы поджечь палисад.[193]

Казалось, в судьбу войны вмешалось Провидение — король, услышав о движении 20 тыс. русской пехоты к Гадячу, поднял армию в день, когда ударили неслыханные морозы под сорок (или даже ниже) градусов по Цельсию.

Русские войска, узнав, что шведы выбили наблюдательный отряд из трех сотен драгун, стоявший в с. Липовая Долина, сожгли предместье Гадяча с имевшимися там запасами фуража, бросили штурмовые лестницы, часть амуниции и, переночевав у Веприка, вернулись к Лебедину. В это время Алларт с 4 тыс. пехоты и шестью полками конницы 7 декабря занял опустевшие Ромны, где оставалось две сотни шведов, небольшое количество обозных телег и лошадей. Шведы, увидев русских, бежали в сторону Гадяча. Жители были рады освобождению от шведов, однако солдаты, казаки и офицеры, сочтя Ромны вражеским населенным пунктом, бросились грабить дома, перепились и подожгли в нескольких местах город. Бригадир Ф.И. Фастман и полковник Ветерани не пресекли бесчинства. За массовое мародерство («роменскую рухледь») Петр приказал повесить несколько офицеров[194].

Жестокая стужа продолжалась, пока шведы одолевали ледяной путь в 56 км, но как только они пришли к Гадячу, погода несколько смягчилась. Юлленшерна писал: *«За день до сочельника, когда вся армия была на марше, ударил такой чудовищный и невыносимый мороз, что весь путь был завален насмерть замерзшими людьми и лошадьми. Повозки с багажом и с больными бросались по дороге. Состояние до того было жуткое, что страшно было смотреть. Не было полка, в котором бы несколько офицеров и много солдат не обессилели бы и не погибли. То же произошло и с большей частью возниц, которые правили фурами и видели, что это была за стужа, когда* [даже] *птицы не могли выжить. Его Величество своей рукой взял дятла, который не мог летать. На Рождество мы не устроили никакой проповеди из-за сильного мороза и из-за того, что не было домов, где можно было укрыться. Переход принес больше вреда, чем самое жестокое сражение. Его я считаю началом и основной причиной постигшей нас потом беды»*.

На беду, в Гадяче были всего одни ворота, через которые медленно, по одному протискивались обозные фургоны. В городе не было места для большого количества людей, лошадей и повозок. Две трети войск при невыносимой стуже провела несколько дней и ночей перед воротами. Окоченевшие насмерть, сваливались на снег. Лютые морозы погубили и вывели из строя до 3–4 тыс. солдат, кроме нестроевых, и лошадей. Замертво падали даже волы под ярмом. В каждой роте появилось по 25–26 обмороженных, потерявших пальцы уши или «тайные члены» во время ночевок под открытым небом или под соломенными щитами у костров. Многие стали инвалидами, лишившись конечностей. *«Их жалкое и злосчастное состояние заставляло сжиматься сердце и течь слезы из глаз», —* писал Нурсберг. В Гадяче из-за нехватки фуража, питания и холода страдали люди и кони. Даже воду из колодцев шведы покупали, не пытаясь растапливать лед или снег: *«Вода из-за того, что к ней не могли подобраться из-за отмороженных членов, и оттого, что она большей частью заледенела, стала так недоступна, что стала продаваться за деньги», — заносил в свой дневник* писал Зильтман. Трупы перевозились как дрова, на санях и навалом спускались в крестьянские погреба. Почти все хаты превратились в скорбные помещения для обмороженных и умирающих. *«Хирурги начали отрезать своими бритвами отмороженное и гниющее мясо от пальцев рук и ног у некоторых солдат... Можно было увидеть одних без рук, других — лишенных рук и ног, третьих — лишенных пальцев, лица, ушей, носов, некоторых — ползающих, подобно четвероногим, других — тяжко удрученных из-за поврежденного морозом имущества. Все дома были заражены. Более 300 местных жителей умерли, пораженные разными болезнями. Но и король не был застрахован от опасности холода. Однако он был приучен к перенесению всяких трудностей. Его*

лицо побелело от мороза, но, растертое снегом господином графом Реншельдом, восстановило прежнюю живость...»[195]. В хаты, битком набитые сотнями несчастных с ампутированными конечностями, невозможно было войти из-за зловония[196].

Непонятно, почему Карл XII не распорядился разбросать войско по окрестным населенным пунктам. Веприк, как заноза, сидел рядом с Гадячем, но часть солдат можно было отослать в Красную Луку, Русановку, Липовую Долину и т. д. Последствия смертельного 60-километрового перехода сказывались даже весной 1709 г. В марте из 15 полков (11 072 чел.) 2 923 человек было «больных и увечных от морозу». В каждом полку страдало от последствий обморожения от 26 до 33%[197]. После пленения под Полтавой и в Переволочне шведские генералы сетовали на большие декабрьские потери их армии. Только железной натуре короля все было нипочем — даже то, что он отморозил длинный нос, оказалось только слухом.

После такого бедствия каролинцам, как и немцам под Сталинградом зимой 1943 г., пришлось подшивать к обветшавшим мундирам овчину, обувать овчинные бахилы, онучи и лапти[198]. Рождество и Новый год отмечались скорбно.

Потери Русской армии от холодов были меньше. В «Гистории Свейской войны» было указано, что 150 человек обморозили руки и ноги и умерло несколько десятков солдат. Даже в Москве померзло немало людей.

Вслед за ударом «воеводы Мороза» шведы потерпели поражение от геройской казацкой крепостцы Веприк. Восточнее Гадяча находились городки Каменное, Веприк и Зеньков, стеснявшие шведов. 26 декабря 1708 г. граф Каспар Отто Сперлинг с Вестготским полком выбил передовой пост русских из Каменного. В Зенькове был крепкий палисад, но с осевшим валом и неглубоким рвом. Там укрылось много окрестных крестьян, но не было регулярных войск. 4 декабря зеньковский сотник собирался предоставить тысячу чел. инженеру русской службы Штафу для укрепления оборонительных сооружений[199]. Адлерфельд писал, что зеньковцы не были ни за шведов, ни за русских. Карл послал на Зеньков Кальмарский пехотный полк полковника Густава Ранка и полковника Таубе из Каменного с пятью сотнями кавалеристов, которые сожгли посад. Под вечер 29 декабря к Зенькову прибыл король, увидел двое запертых ворот, а за палисадом подогретых горилкой жителей и множество крестьян, криком отпугивающих солдат. Генерал-адъютант Юлленклу поджег еще несколько хат в предместье. 30 декабря король подвел к воротам и рогаткам батальон Кальмарского полка и дал защитникам час на размышление. Зеньковцы отворили ворота и туда вошли шведы. *«Когда Его Величество король приблизился к Зенькову, чтобы войти туда, казаки, находившиеся там, оказали сопротивление. Король приказал*

выставить часть войск, после чего те не отважились препятствовать впуску [войск] *Его Величества»,* — написал Зильтман 10 января н.ст.

Веприк оказался заблокированным с четырех сторон. Стратегического значения эта крепостца не имела, но король, невзирая на холод, приказал осадить так, чтобы ни единая душа не могла ни войти, ни выйти.

Веприк, предместье которого Ренне спалил еще до 22 декабря, имел вид большого четырехугольного редута «без всякой дефензии» (защиты.) Там находилось два батальона (около 1 100 солдат) Переславского пехотного полка, одного батальона Ивангородского полка под командой подполковника С.Я. Юрлова, около двух сотен драгун и пять-восемь сотен украинских казаков и крестьян, не считая женщин и детей. Переяславский полк был сформирован в 1704 г. в Нижнем Новгороде из рекрутов и казаков низовых городов, нес гарнизонную службу в Дерпте, Смоленске, Полоцке, а боевую закалку прошел в сражении при Лесной[200]. По характеристике А.И. Репнина, Переяславский полк был «крепок и управен... офицерами и солдаты и ружьем и прочим» и его желательно использовать в полевых сражениях[201].

Все хатки Веприка были покрыты соломой, и крепостца казалась легкой добычей. Бастионов и реданов не было, мелкий ров занесен снегом, а на низком валу торчали маленькие туры и всего три пушки. Гарнизон не мог «обнять» (защищать) весь вал по периметру. Однако провиантом, по указу Петра, гарнизон был снабжен на 2 месяца вперед, и ворота крепости завалили мешками с рожью. Сидение в осаде не было пассивным, как писал Левенгаупт, казаки из Веприка чуть было не выкрали его из окрестной маленькой хатки, где он обогревался.

Сразу после Рождества король послал несколько полков и графа Якоба Сперлинга потребовать от коменданта сдаться, в противном случае тот будет повешен на воротах крепости. Полковник шотландец Вильям Юрьевич Фермор ответил, что, несмотря на угрозы, он не капитулирует, ибо знает, что король всегда был милостив к храброму противнику.

Разведать подступы Карл направил генерал-майора Стакельберга и полковника Дальского полка Густава Хенрика фон Сигрота, служившего в Лейб-Гвардии с 1695 г. План штурма составлялся самим Карлом XII в Зеньковской ставке. 2 января он приказал сбивать штурмовые лестницы. Генерал-квартирмейстер А. Юлленкрук предложил прикрывать несущих штурмовые лестницы фашинными щитами, но король отказал в «такой затее», так как он будет обстреливать валы из пушек. 5 января 1709 г. король из Зенькова с артиллерией и войсками прибыл к Веприку.

Были устроены 4 батареи по пять пушек на каждой и коменданту снова было предложено сдаться. Когда в ответ прогремели выстрелы, король приказал готовить приступ. В спешке и при морозе лесниц из мерзлых бревен сделали мало, и к тому же короткими и тяжелыми. Не-

которое время ушло на формирование трех штурмовых колонн, для приступа с трех направлений. В это время осажденные непрерывно на валы лили воду. Застывая, она делала их «гладкими, как зеркало» — так запечатлелось в памяти каролинцев.

6 января в половине двенадцатого часа майор артиллерии Юлленгранат от имени Реншельда снова потребовал капитуляции. Фермор попросил полтора часа на размышление, после чего пожелал говорить с фельдмаршалом. Возможно, Фермор рассчитывал протянуть время, учитывая письмо царя к нему от 3 (14) января 1709 г. с обещанием помочь небольшим отрядом и скрытно вывести гарнизон с ружьями и пушками из окружения. Однако пробиться к осажденным не удалось — в районе Опошни генерал Дюкер 6–7 января нанес ему поражение[202].

Никаких переговоров король не разрешил. После этого от Фермора сообщили, что он ни при каких обстоятельствах не сдастся без сопротивления. Это взбесило короля.

В полдень, на праздник Богоявления, тремя ракетами был дан сигнал к одновременному штурму с трех сторон. Все подходящие были видны как на ладони. Злополучным беспорядочным приступом командовали король, Реншельд и генерал-майор Стакельберг, который в самом начале был ранен в ногу. Неприцельный настильный огонь артиллерии не согнал защитников с валганга (уступчатой площадки валов.) Пушек было мало, и ядра рикошетили от ледяного покрытия, несколько бомб подожгли всего одну постройку. Навесного огня из мортир не было. «Все предвещало плохой исход», — косвенно критиковал короля наблюдавший со стороны Левенгаупт. И хуже всего было то, что шведские атаки начались разновременно из-за того, что ракеты не были сразу всеми замечены. Каждую тяжелую лестницу с дальней дистанции волокло по 8–10 чел.

Эстгетские, вестманландские и енчепингские пехотинцы Якоба Сперлинга не добрались даже до рва — меткие выстрелы перебили тех, кто нес лестницы. И хотя на смену павшим лестницы подхватили другие, но сильный огонь с валов заставил отступить и их.

Полковник Г.О. фон Альбедюль повел два драгунских полка слишком рано и уже первые сотни шагов по чистому полю привели к серьезным потерям. У обледеневшего вала было обнаружено, что две лестницы, которые все-таки подтащили, оказались коротки, солдаты нигде не доставали до верха вала и, не имея возможности карабкаться по льду, превращались в «сидячие мишени».

Полковник Георг Фридрих де Фрицки, выступивший с третьей колонной, пал в самом начале штурма. Король послал другого графа — полковника Каспара Отто Сперлинга, но и тот, не успев подойти, был смертельно ранен. Распорядительность и мужество Фермора были образцовыми. Под его командованием солдаты, казаки и жители стреляли, сбивали

бревнами, камнями и пиками штурмующих. Ружейная стрельба шведов была слабой — из-за «великой стужи» у мушкетов отламывались «петухи» (курки.) Уцелевшим приходилось жаться к ледяной корке, чтобы сохранить жизнь в мертвом пространстве. Пять часов раздраженный Карл гнал солдат на убой, отказываясь прервать их избиение. Гранатой в правый бок был поражен Реншельд — его подхватили со снега и повезли в Гадяч. («Фельдмаршал получил контузию в грудь в то время, когда ехал через поле к драгунам, которые должны были подвинуться к самому валу и стрелять в неприятеля из пистолетов» [203].) Ранили и генерал-майора Стакельберга. Только тогда король приказал отходить от вала. Отступать пришлось, получая пули в спину.

Шесть лучших полков пехоты были полностью разбиты, особенно болезненным был урон среди офицеров. Если гарнизон Веприка потерял убитыми 175 переяславцев (из них 8 офицеров) и 150 ранеными, то потери шведов, по оценке Юлленкрука, составили свыше 1000 убитыми и по крайней мере втрое больше ранеными. Позже шведские пленные передали русским, что погибли 3 полковника, 43 обер-офицера и 1200 рядовых[204]. Общие потери в 4 тыс. чел. сравнимы с разгромом в крупном полевом сражении. (Как указывалось, у Головчина 5–6-тысячная дивизия Репнина вывела из строя убитыми и ранеными полторы тысячи каролинцев.)

Тяжелой утратой был выход из строя Реншельда — он не оправился даже ко времени Полтавской битвы. Русское командование уважало и ценило фельдмаршала. Когда через 3 месяца донесся слух о его смерти, Петр написал Меншикову 9 апреля: «А о смерти Рейншильтове тужить нечево: хотя и доброй человек был, только лутче, что умер, хотя б еще и другие [скончались]».

После кровавого дня король вечером еще раз приказал выстроиться в боевой порядок, якобы готовя новый штурм. Вначале через капитана, а потом через Сигрота он снова потребовал сдать крепость, пригрозив, что будет штурмовать, непременно возьмет город и тогда никому не будет пощады. «Если же [комендант] сдастся военнопленным, то все могут надеяться на хорошее обращение и на сохранение своего имущества», — вспоминал Юлленкрук. У гарнизона, который израсходовал почти весь порох и свинец, оставалось не более 1000 патронов. (Непонятны свидетельства о нехватке воды в обледенелых колодцах — для питья можно было использовать снег.) Фермор сделал попытку подорвать пушки, велел бить «шамад» (барабанный сигнал сдачи), поднял белый флаг, выслал двух заложников, сдал ночью один пост и выговорил достойные, по европейским меркам, условия капитуляции.

Бесстрашный Карл ценил мужество и силу духа не только у своих. Несмотря на то что «король был очень опечален несчастливым сражением при Веприке» (так говорил К. Пипер А. Юлленкруку), он не стал мстить

и впервые за время «русского похода» признал доблесть противника. На следущий день, 7 января, ворота Веприка открылись, и 1 100 человек, среди которых было 150 драгун, сложили к ногам короля оружие. В соответствии с договоренностью, офицерам сохранили имущество, гарнизон приняли как военнопленных и отправили в Зеньков, потом в Опошню. Фермору, который поехал сдавать королю личное оружие, Карл вернул пистолеты и шпагу. *«А полковника король шведской для показанной ево храбрости паки пожаловал шпагою в знак и в пробуждение другим добрым афицерам»*[205]. (Вспомним, как по приказу Реншельда после битвы при Фрауштадте в 1706 г. несколько сотен русских пленных было переколото холодным оружием, словно скот.) Две уцелевшие трофейные пушки были включены в состав шведского артиллерийского парка и были отбиты 30 июня 1709 г. в Переволочне[206]. Украинских казаков и крестьян, которые сражались вместе с русскими, отдали Мазепе. Тот тоже перегнал их в Зеньков и бросил в погреба. Многие погибли от мороза[207]. Как рассказывал Гермелин, несколько женщин, ливших на шведов кипяток и бросавших камни, были зарублены мазепинцами[208]. Опасаясь, что в Веприке снова может появитъся противник, король отыгрался на его постройках. 10 января команда из 150 человек майора В. Видемейера дотла сожгла крепость и ближайшую к нему деревню. Погибших шведских офицеров увезли и похоронили у Гадяча.

Самоотверженный отпор русских и украинцев первоклассным полководцам Европы — Карлу и Реншельду, глубоко поразил короля и его военачальников. Армию после кровавого штурма пришлось ставить на отдых. Зимой 1709 г. стало ясно, что сил у шведской армии для вторжения в центральную Россию нет. С января среди шведов появилось настроение уходить на запад, — об этом сообщали многочисленные дезертиры. Слухи о планах короля после морозов идти на Москву были единичны[209].

12(13) января 1709 г. Пипер убеждал короля, что пришло время отходить к Днепру, восстановить связь с Польшей, пополнить полки и набрать легкую польскую конницу для отпора и преследования казаков противника, с которыми не справляются шведы на своих тяжелых конях[210]. Карл отверг такой план: марш за Днепр примут за бегство, усилится дерзость врага и лучше будет изгнать его с Гетманщины, заняв Полтаву. Там можно остаться до лета и потом идти куда хочешь[211]. Несмотря на такой ответ, в дальнейшем он отказался от любых «генеральных штурмов», в том числе и Полтавы.

Петр счел капитуляцию Веприка преждевременной; при помощи извне фортеция могла бы держаться еще некоторое время. Он справедливо полагал, что в оборонительной стратегии важную роль играют крепости, сковывающие противника. 12 января царь приказал срочно крепить Полтаву, Ромны, Ахтырку и Сорочинцы, создавать там запасы продо-

вольствия на 4 месяца вперед и строжайше запретил всем комендантам крепостей вступать в какие-либо переговоры с противником. Гарнизонам было предписано защищаться до последнего человека[212].

Никаких наград и поощрений гарнизон Веприка, будучи в плену, получить не мог. Письмо Г.И. Головкина в Копенгаген от 12 января 1709 г. о том, что комендант *«воспримет на себя гнев и воинской суд, ибо велено ему борониться до последняго и ожидать сукурсу, которой уже послан был и в малых милях от Веприка обретался»*[213] — было написано ради выправления престижа в датской столице. (В плену, может быть для облегчения своего положения, Фермор говорил, что если бы он знал, что король позволит сохранить гарнизону жизнь и имущество, он сразу бы капитулировал[214].)

17 января 1709 г. комендант Полтавы полковник А.С. Келин вместе с офицерами гарнизона подписал присягу биться насмерть в соответствии с приказом от 12 января.

Переяславский полк еще раз доказал свой героизм за 13 дней до победной Полтавской битвы. Тогда тысяча пленных содержалась под караулом в городке Старые Санжары (в 20 км к югу от Полтавы.) 14 июня 1709 г. подполковник С.В. Юрлов (по сведениям Л.Н. Алларта, сам Фермор) ухитрился «через шпиона» известить русское командование, что городок можно захватить. Когда партия драгун генерал-лейтенанта И.К. Генскина напала на Старые Санжары, пленные сбили колодки, вооружились кольями и дубьем, бросились на караульных и освободились. Тем не менее, вместо наград Переяславский полк, видимо, за капитуляцию в Веприке, был расформирован[215].

С января 1709 г. защита центра России отошла на второй план. Добрые вести царь получил от русского посла в Стамбуле П.А. Толстого: османский двор держит «несумнительный покой» с Россией, «не слушая ни от кого каких-либо соблазнов» и «в приходящую весну может ваше величество быти бессумнителен так от самих турок, как и от татар»[216]. В начале февраля Петр отбыл в Воронеж для инспекции кораблей и усиления обороны верфей на случай нападения «свирепых и силных барбаров-османов». Умелой дипломатией Петр нейтрализовал Османскую империю, которая не вмешалась в Северную войну в самый трудный для Москвы период.

На Гетманщине в это время шведская и русская стороны оспаривали друг у друга инициативу. В конце января русские попытались повторить опыт атаки под Добрым против стоявших на зимних квартирах в районе д. Сорочинцы и Ковалевка двух шведских полков. Однако в ночь на 27 января 1709 г. Карл XII с пятью шведскими конными полками быстрым маршем пошел наперерез из Зенькова на юг к Опошне, где стоял русский форпост генерал-майора графа О.Р. Шаумбурга с драгунами и казаками.

Едва Шаумбург успел выставить силы для отпора, как сзади с полтавской дороги шведская конница и пехота с двух сторон стали обходить Опошню. К этому времени из Котельвы подоспели 6 драгунских полков Меншикова, который построил их вместе с казаками на неровной («в буераках») местности. Атаки шведской конницы несколько раз отбивались огнем, и та откатывалась к пехоте. (*«И пока неприятельская пехота на нас не наступала, по то время мы с неприятелем бились. Только неприятель с одною конницею не вдруг отваживался наступать, но назад к пехоте отдавался и, случась со оною, паки наступал»,* — писал князь 27 января царю.)

Когда шведы пошли вперед вместе с пехотой, а с правого фланга появились новые силы противника, «казаки, затревожась от оного», беспорядочно («своим маниром») побежали и смяли своих драгун («несколько шквадронов наших поломали и в конфузию привели».) Всем пришлось отступать от Опошни чуть ли не до Котельвы и Краснокутска. Адлерфельд писал, что русские потеряли около 400 чел. убитыми, две пары литавр и пять штандартов, в Опошне был разграблен валахами обоз и захвачена военная переписка Ренне, переданная королю. Однако позже русские отбили трофеи и своих пленных. У шведов якобы было всего двое убитых и 17 раненых[217]. Левенгаупт упомянул, что шведы якобы едва не захватили самого Меншикова и Ренне. Оправдываясь, светлейший князь написал, что *«отшед от неприятеля с полмили, нажидали еще его на себя, но тот больше не пошел... Неприятель великого вреда нам не учинил, но на обе стороны ровной ущерб»*[218].

Захват шведами Опошни открывал путь через Ворсклу для вторжения на русскую Украину. (Русская территория, заселенная украинцами, ушедшими с запада под защиту Русского государства, называлась «Слобожанщиной».)

Бой 27 января показал, что сбрасывать со счетов силу шведской армии и готовить против нее «генеральную баталию» рано. 7(18) февраля был опубликован универсал о причинах задержки полевого сражения. *«Что же принадлежит о самохвальных его, короля шведского, ложных объявлениях, будто над войском нашим, причитая уступление войск наших, доброго воинского разсуждения учиненное, для утомления его войск и побегу, и то надлежит во смотрении иметь, что в нынешния веки и сильнейшие и обученнейшие войски и славнейшие генералы, кроме отчаянных вертоглавов, без крайней нужды и усмотренного фортелю никогда до главной баталии не приступают, но воинские свои действа отправляют вымыслами, утомляя неприятеля маршами и партиями, ибо трудно на одной баталии главное щастие и благосостояние своего государства отважитъ, но с помощию Вышняго, мы, усмотря удобное время, и место, от оной баталии не отречемся»*[219].

Перед отъездом в Воронеж Петр наметил очередные удары по противнику. 6 февраля Шереметеву было указано атаковать у Лохвиц корпус генерал-майора кавалерии, барона Карла Густава Крейца. Фельдмаршал должен был пройти близь Гадяча и, отрезав Лохвицу от главной неприятельской армии, атаковать барона. Если Крейц не примет боя, то следовало взять Гадяч, не имевший укреплений у р. Псел. Гадячский замок надо было попытаться бомбардировать или зажечь, но не штурмовать. Если замок без потерь взять не удастся, то следовало сжечь хотя бы предместье. Если Крейц примет бой и вблизи окажется король, то советовалось отступать, чтобы отвлечь шведов от Полтавы и ближних к Запорожью мест, а потом соединиться с корпусом Меншикова, который постоянно будет следовать за врагом. Если Крейц пойдет к Днепру, то надо было «искать над ним поиску» вместе с Гольцем. В случае вторжения шведов в Великороссию, следовать за ними сзади или сбоку, «разлучая от казачьих городов»[220].

Меншикову до весеннего паводка предписывалось связывать силы главной армии Карла постоянными нападениями. Если «неприятель пойдет вдаль, то у оного передом итить, а ежели назад пойдет, то последовать оному как близко возможно», особенно в том случае, если тот соберется помешать рейду Шереметева[221]. 7 февраля царь, учитывая большую помощь главной армии калмыцких всадников, указал привлечь к маю из-за Волги дополнительно 3 тысячи воинственных представителей западномонгольского племени.

Одновременно Петр 8 февраля через плененного под Лесной обер-аудитора (военного судью) Э.Ю. Эренрооса (фон Клинтена) под предлогом обмена пленными, предложил К. Пиперу условия мира между Россией и Швецией. Русское правительство предлагало признать за Россией часть Карелии и за денежную компенсацию часть Ингрии с Петербургом, при невмешательстве обоих государств в дела Речи Посполитой[222]. Чарлз Витворт, наблюдая настроение в Москве, заметил, что мир был бы заключен завтра же, если бы французский король Людовик XIV побудил шведов принять денежную компенсацию за Ингрию[223].

На мирный жест царя Карл 8(9) февраля ответил кавалерийским рейдом от Котельвы вглубь русских границ, на Слобожанщину. *«В застоявшуюся зиму король собрался совершить опустошительное вторжение на несколько миль вглубь России, чтобы показать московским подданным войну, которую противная сторона несколько лет вела в Лифляндии»*[224].

С королем разорять украинские села и городки Слободской Украины отправился и Мазепа с мазепинцами. Полки Шереметева и Меншикова находились к востоку от Ворсклы в районе Богодухова и Ахтырки.

Чтобы обмануть русский заслон из 1 200 драгун у д. Хухры, король удачно использовал военную хитрость — пустил вперед валашскую кон-

ницу, под «завесой» которой скрытно приближалась регулярная кавалерия. Как только русские напустились на валахов, те разлетелись в стороны и шведы прирубили до 90 чел.[225] Шведская пехота и артиллерийская колонна, которая выбралась из Зенькова, сожгла Куземин, но добралась только до д. Хухры, которая дотла была испепелена. Вслед за этим «9(10) февраля мы сожгли предместье Ахтырки», — писал Вайе. Подполковник Функ, появившись у сожженных предместий Ахтырки, не осмелился захватить ее из-за превосходства русских сил.

Чтобы шире забрать полосу опустошения, король повел за собой к Краснокутску артиллерию, пехотную гвардию и Дальский полк. Пехоту сопровождали конные драбанты, Лифляндский полк Дворянского знамени, Смоландские рейтары, полк Крусе и драгуны Дюкера и Таубе. Левую сторону взял генерал-майор Гамильтон с полками Естгетским, Южно-Сконским, Карельскими рейтарами и драгунами Шрайтерфельта[226].

10 февраля король сбил передовые посты и, преодолевая глубокий снег, ворвался в Краснокутск. За ним, недалеко от монастыря, он встретил русский строй, опрокинул его без единого выстрела и преследовал почти до Городни.

Генерал-лейтенант Ренне из Богодухова в день боя писал, что кавалерия короля во главе с драбантами напала рано утром на 6 драгунских полков Шаумбурга, выбила их из Краснокутска и гнала 5 верст до Городни[227]. Несмотря на удачное начало, «опустошительный рейд» короля продолжался всего 3 дня — его сорвала русская армия.

Большое кавалерийское сражение 11 февраля под Городней окончилось русской победой и отбросило шведов назад на Гетманщину. Бессмысленно сводить шведский провал к невыносимым природным условиям. Глубокий снег с обледеневшим настом и разлившийся позже потоп из-за внезапной оттепели изматывали как шведских, так и русских солдат и лошадей.

Дерзкому налету короля русская сторона, как и прежде, противопоставила огненный бой. Гренадеры и драгуны спешились «в прикрытии за засекою во рву», встретили конницу неприятеля залпами из мушкетов и ручных мортирец и привели «в великую конфузию». Ренне с подъемом доносил: *«учинил неприятелю добрый отпор и погнали... до самого Красного Кута назад. А где был сам король швецкой з драбанты и з другими своими полками, и в том месте* [шведы были] *раза в пять и болъши они нас, а мы их гоняли»*[228].

Король в очередной раз чуть не расстался с жизнью. Десяток драбантов было перебито, много ранено, в том числе и их лейтенант, Юхан Ерта. (Вайе писал о 8 застреленных драбантах и одном плененном.) Часть русских полков пошла вдоль кустарников к Краснокутску и рассеяла Смоландских рейтар. Шведов, несмотря на присутствие короля, охватил хаос.

Левенгаупт вспоминал, как он, выхватив шпагу, пытался остановить бегущую конницу, но всадники, крича «стой, стой!» снесли его самого и увлекли назад[229]. После счастливого боя были захвачены шведские знамена, литавры и несколько пленных[230]. Как писал Вайе, в плен чуть было не попал и Мазепа. Наблюдая панику среди своих покровителей, он безнадежно произнес: «Non putavi suecos fugám dare» («Не думал, что шведы способны на бегство»)[231].

Так русская армия выбила противника со Слобожанщины и защитила украинцев, живших восточнее г. Коломак. Мурафа и Коломак были самыми восточными пунктами, куда ступила нога шведского монарха. О прорыве за Харьков к Москве нечего было и думать.

С 12 февраля началась внезапная оттепель, все речки и ручьи превратились в бурные потоки. Назад через р. Коломак шведы вместе с артиллерией переправлялись целый день. При отступлении шведы проводили тактику выжженной земли — «так как все вокруг были враждебны» — писал Левенгаупт. С русской Украины (так шведы называли Слобожанщину) угонялись женщины, дети и скот. Были испепелены городки Смелое, Терны, Веприк, Колонтаев, Краснокутск, Коломак, Рублевка, Городня, Мурафа, Хухра, Каплуновка, Лутище, Котельва[232]. *«Неприятель… жителей мужеска и женска полу в неволю побрал, невинных младенцев живых в снег и в воду побросал»*[233].

Мазепа не только не возражал, но как раз 12 февраля, под ливнем с громом и молниями, пожелал дальнейших успехов шведскому оружию и польстил, что король был в восьми милях от Азии[234]. Король приказал Юлленкруку разузнать о дорогах в Азию, чтобы «можно было сказать: мы были в Азии». По словам Юлленкрука, после этого Мазепа «очень испугался, потому что просто шутил… и обещал немедленно явиться с извинением… Король много смеялся и сказал: «Вы так напугали старика, что он заболеет». Я отвечал: «Не моя будет вина, если он захворает или умрет. Я его не просил шутить с Вашим Величеством»[235].

От Краснокутска каролинцы, отступали «по шею в воде». Это отступление было похоже на бегство. У Рублевки при переходе через р. Мерла много лошадей и повозок ушло под лед. 16(17) февраля король приказал сжигать лишние фуры и бросать захваченный скот. Лошади околевали в ледяной воде, утопло четыре десятка больных гвардейцев, которых перевозили верхом. Только одну пушку переправили через поток, остальные были опрокинуты напором воды. 18(19) февраля через рукава Ворсклы чуть ли не вплавь добрались до Опошни. Преследовать и разбивать на переправах уходящего противника Ренне не имел возможности.

Отряд генерал-майора Гамильтона, не встретив русские войска, с исключительной жестокостью выжег на своем пути все города и деревни. Городок Олешна, вздумавший сопротивляться, был взят штурмом и все

его жители были перебиты («Die Einwohner der Stadt Holesna... hatte er... bestürmen und massacriren lassen»)[236]. «Рыдания и стенания толп могли бы камень сдвинуть с места», — писал Р. Петре. *«Король приказал генерал-майору Гамильтону выжечь все в той местности. Этот приказ получили и казаки, размещенные в Зенькове. В соответствии с этим отряды короля и он лично своей высокой персоной опустошали и сжигали все, вплоть до пограничного с «Татарией» городка Коломак»*[237].

Февральский рейд Шереметева в отсутствие Карла XII по шведским тылам в целом был удачен. Фельдмаршал после ночного марша с гвардейцами-преображенцами, четырьмя пехотными и десятью конными полками двинулся к Рашевке. «И, не дошед местечка Рашевки, которое между Гадича и Глинска лежит, февраля в 14 день отправил к оному местечку генерала-маеора Бема з двумя баталионами Преображенскими, да с Астраханским полком и з двемя гранодирскими ротами. И за ними послал для сикурсу 5 полков ковалерии»[238]. Полк немецких драгун и два шведских пехотных полка были атакованы в 8 часов утра 15 февраля. Шведы, увидев превосходящие силы наступающих, укрылись за рогатками, «в три ряда обметанными» вокруг местечка. Два спешенных батальона преображенцев отбили их от рогаток, «драгунский полк и пехоту совсем побили», взяли крепостцу и пленили полковника вербованного драгунского полка барона Хенрика Отто фон Альбедюля с 162 пленными офицерами и рядовыми. В леса к Лютеньке, где стоял генерал-майор А. Спарре, пробилось только несколько десятков человек. Были захвачены 3 тыс. лошадей из разных полков и обоз. Из-за немыслимого паводка Шереметев ушел за правый берег Сулы, но собирался «чинить поиск над Лохвицким гарнизоном[239]».

Разгром в Рашевке вызвал большую тревогу. Шведы боялись, что Шереметев возьмет Гадяч и эвакуировали оттуда главный шведский лагерь вместе с больными и ранеными к Лютеньке. Фельдмаршал загонял армию короля в мешок между Ворсклой и Псёлом, в район между Лютенькой и Опошней. 16(27) февраля Зильтман записал: *«Имели известие, что после этой акции часть нестроевых и драгун отступила в Лютеньку. Здесь возникла тревога, что неприятели, собравшиеся в двух милях отсюда, намереваются напасть на этот город, после чего началась подготовка к обороне — ремонт валов, палисадов и прочего. Было установлено несколько пушек»*.

18 февраля из Лохвиц, пришлось бежать нескольким полкам генерал-майора К.Г. Крейца. Погоня за ними не удалась из-за «разлития вод» и «бездельных и торопких» (так критиковал царь) действий фельдмаршала. 11 шведских полков, выбрав самое ценные вещи из своих фургонов, спалили их вместе с полевыми палатками и умудрились перебраться на плотах через широко разлившийся Псёл в миле от Лютеньки. При этом

«гетман Мазепа тоже потерял денежную сумму около 100 000 талеров»[240]. При отходе Крейца *«многие здешние казаки и мужики чинили поиск, отчего оной принужден несколькие возы и скот потопить и токмо убрался, и Мазепины пожитки взяли на вьюках, а достальной обоз пожег весь»*[241]. Фельдмаршал задержался в Лохвицах и с удовлетворением констатировал: *«Малороссийский народ, пребывающий около сих мест, стал быть зело благонадежен и не токмо казаки, но и мужики к поиску над неприятелем збиратца начали»*. С помощью Скоропадского и казачьих полковников Шереметев поднял казаков к «поиску над неприятелем»[242].

При содействии украинских казаков и крестьян русская армия продавливала шведов с севера на юг. Гадяч был освобожден, и 27-тысячная шведская армия оказалась стиснутой на пятачке между реками Псел и Ворскла. Однако «заграждать от неприятеля запорожцев» и подойти к Переволочне Ингерманландскому полку русским войскам не удалось — «неприятельские люди» с конца февраля стали приближаться к Полтаве[243]. С конца февраля — начала марта штаб-квартире короля пришлось осесть южнее Опошни — в Будищах, всего в 30 км от Полтавы. (Там она оставалась вплоть до 28(29) апреля 1709 г.) 11(12) марта в Будищи согнали жен-заложниц казацкой старшины. Стесненность взвинтила для шведов цены на продовольствие.

Гвардия короля разместилась в д. Петровка, совсем рядом с Полтавой. Участие шведских полков в боях с 19 февраля по 1 июля 1709 г. подробно расписано[244]. Как и в Белоруссии, местное население не только уходило со своих мест, но начало вести против шведов непрестанные вылазки. *«Все тамошние крестьяне сбежали оттуда и основали разбойный притон в зарослях по ту сторону Ворсклы. Оттуда они почти каждую ночь перебирались по льду и угнали у нас и, особенно у гетмана Мазепы в Будищах, несколько сотен лошадей. Чтобы разогнать этих воров, туда поехал майор Юлленшерна с тремястами гвардейцами, но он мало что мог сделать. Крестьяне, застрелив наших трех человек, рассеялись по зарослям и исчезли за болотом. Однако потом мошенники должны были расплатиться девятью висельниками, когда мы их захватили в районе Будищ»*[245].

Только как спекуляции можно оценить фантазии противников России, которые в унисон звучат вот уже третий век: если бы не рождественская стужа 1708 г., не потери при Веприке, если бы не половодье в феврале 1709 г., не ошибки Левенгаупта, Лагеркроны, Мазепы, Любекера, если бы хоть раз дела шли по плану Карла, результат Северной войны был бы иным и России никогда бы не быть великой державой![246]

14 марта Шереметев писал царю: *«Здешней народ при войске обретающемся стал быть благонадежен и к поиску над неприятелем чинят охотно»*. Крестьяне захватывали шведов в деревнях, и Карл выдал распоряжение казнить каждого, кто покусится на жизнь его солдата.

Крупная сила затягивает в свою орбиту колеблющихся. «Съезжавшая» вниз к Днепру и Запорожью шведская армия наконец сдвинула с места запорожскую вольницу, которая не поднялась, как булавинцы, в кризисные месяцы 1708 г. Еще в январе 1709 г. до 3–4 тысяч запорожцев собирались присоединиться к русской армии, несмотря на агитацию Мазепы[247]. Петр, предвидя «сползание» шведской силы к Сечи, 6–7 февраля советовал Шереметеву «отвесть неприятеля от Полтавы и прочих к Запорожью ближних мест к Днепру, разлучая от казачьих городов»[248]. Запорожцы писали Мазепе, что они, как часть царского войска, хотели бы знать, чем они провинились перед королем и почему он из такой дали пришел беспокоить их.

Установки запорожских казаков были такими же, как у донских, волжских, яицких, терских. На низ Днепра, Дона и других рек в «войсковые братства» сбивалась вольница, добывавшая средства к существованию главным образом набегами. Охота и артельное рыболовство считались вспомогательным занятием. Хлебопашеством не занимались вплоть до последней четверти XVIII в. Поголовное вооружение, большое значение военной добычи, выборность вождей-атаманов, равенство в правах и обязанностях, народные собрания — «круги», личная свобода и народоправство сближали вольное казачество с «политическими институтами доклассового общества периода военной демократии»[249]. В открытом Диком поле «военные демократии» запорожцев и донцов служили щитом против крымских татар для оседлого украинского и русского населения. Известно, что в экстремальных условиях нередко возрождается социально более ранняя структура общества. После османского завоевания среди сербов, выдавленных в Черногорию из феодального царства Стефана Душана (1309–1355), возродилась племенная структура и кровнородственные отношения. Казачество Дона, Волги, Яика и Терека начала XVII в. было много архаичнее общественного устройства Русского государства того времени. Среди флибустьеров в Карибском бассейне в XVII в. — выходцев из передовых европейских стран — Англии, Франции, Голландии, — отношения строились на принципах военной демократии — общность имущества, за исключением личного оружия, «дуванные» способы дележа добычи, отношение к вожаку как «первому среди равных»[250]. Идеалом запорожцев было народное казацкое правление. Связь с коренными украинскими землями (на расстоянии в 150–300 км) была теснее, чем у донских казаков. Сечевая республика (10–20 тыс. казаков) владела степной территорией, сравнимой с самой Гетманщиной. Дикое поле защищало ее от Речи Посполитой, России и гетманских владений, а днепровские плавни — от крымских татар. Де-факто она всегда считала себя независимой и отторгала любые посягательства на свободу набегов и внешних сношений. Большинство Низового войска Запорожского ориентиро-

валось на православную Российскую державу, откуда получались боеприпасы и денежное жалованье[251]. В зависимости от конъюнктуры запорожцы заключали и разрывали договоры с соседними государствами. Никогда не были указом для Сечи ни Варшава, ни Москва, ни Стамбул и Бахчисарай, ни гетман Мазепа. Всегда с сочувствием в Низовом войске и Полтавском полку воспринимались призывы бить «арендарей» и панов. Антимосковский настрой сечевиков определялся социальными, но не национальными причинами, так как свое влияние на юге русское правительство проводило через гетмана и старшину, поэтому неприязнь к ним переносилась и на «Москву»[252]. К тому же с конца XVII в. низовая вольница не чувствовала опасности ни от поляков, ни от крымцев, но свободе набегов наглядно угрожали русские крепости, построенные против Крымского ханства. Русское правительство в 1688 г. против Кодака на р. Самара в трех верстах от ее впадения в Днепр построило земляную крепость Новобогородицкую. В 1707 г. там находилось 226 ссыльных московских стрельцов, 75 солдат с подполковником Шеншиным, 51 медная пищаль, большое количество мушкетов, ядер, и пороха[253]. В 1689 г. выросла крепость Новосергиевская, а в 1704 г. против Чертомлыцкой Сечи Каменный Затон, имевший гарнизон в 2 251 чел., 110 пушек и 14 мортир[254].

Мазепа, используя недовольство сечевиков, призывал их под знамя победоносного покровителя, который пришел «освободить от ига, которое уготовил им царь»[255]. Определенное влияние оказала мазепинская фальшивка о том, что царь «хочет весь народ малороссийский за Волгу загнать». Скоропадскому и Петру I, который надеялся «учинить запорожцев добром по самой крайней возможности», не удалось сменить кошевого атамана, используя деньги и авторитет Д.П. Апостола и отсечь запорожскую вольницу от шведской армии. В январе 1709 г. запорожцы заняли Кодак, находившийся в пяти верстах от Новобогородицкой крепости. Петр 21 февраля предложил «для развращения запорожцев» послать Днепром в Каменный Затон не менее трех гарнизонных полков из Киева, Ромен, Ахтырки или Сум[256].

10 (21) марта в Будыщах *«появилось несколько посланцев от запорожских казаков, которые предлагали королю от 20 до 30 тысяч человек на службу за плату. В связи с этим было решено из касс каждого полка выделить определенную сумму денег»*[251].19 марта делегация из 80 казаков после прощальной аудиенции у Карла XII отбыла уехала и с ней король отправил письмо к хану Девлет-Гирею II с приглашением прибыть к Полтаве.

Карл XII вопреки Пиперу, рекомендовавшему возвращаться в Польшу, тешил себя миражом, что после присоединения к нему хоронгвей Станислава, крымских татар и запорожцев он с их помощью одолеет путь до Москвы. Запорожцы звали и правобережных казаков, **«чтоб старшину побили, а сами к ним шли»**.

Кошевой атаман Костя Гордиенко обманом, как и Мазепа, поднял «до войска великого государя» вместо «20–30 тысяч» около 4–5 тысяч конных и пеших запорожцев[258]. Заколебался и полтавский полковник И.П. Левенец, с которым вел переговоры подполковник Йоран Сильферъельм, чтобы врасплох напасть на Полтаву[259]. Запорожцы на сей раз обратились с просьбой принять их в подданство не к Станиславу I, а к крымскому хану Девлет-Гирею II (второе правление — декабрь 1708 г. — март 1713 г.) Пипер и Мазепа также запросили хана прислать татарских всадников[260]. Однако русская дипломатия на Босфоре и в Бахчисарае удачно воспрепятствовала этой запоздалой активности. Порта отказалась от турецко-шведского союза, хан же не мог ничего обещать без санкции турок, которые в любой момент могли низложить ослушника. Стамбул категорически запретил Девлет-Гирею II вмешиваться в Северную войну[261].

По пути от «дьявола кошевого», как прежде и от Мазепы, сбегали казаки[262]. Воспрепятствовать соединению Гордиенко со шведами было трудно. 3-тысячный конный отряд полковника Кэмпбелла, пущенный на юг к Днепру, не смог перехватить его. Часть драгун засела в местечке Царичанке в 25 км от Переволочны, остальные драгунские партии в разных направлениях рассеялись по степи.

14 марта гарнизон полковника Гидеона Фока разорил Гадяч, сжег ворота и покинул город. Сразу же его заняли «русские» казаки и преследовали шведов на протяжении всего первого перехода.

16 марта запорожцы напали на маленький русский пост в Маячке, на следующий день перебили отряд в Царичанке и пленили 115 драгун. Кэмпбеллу с остатками своей конницы удалось прорваться на север.

24 марта Мазепа в полумиле от ставки короля встречал восемь сотен запорожцев Гордиенко, которого ранее планировал отравить, [263] но на сей раз, «оказывая знаки уважения, поднес ему бунчук и булаву и во всем показывал большую кротость» (Д.Н. Зильтман.) В Будыщах кошевой вручил королю русских пленных и присягнул сначала воителю из Скандинавии, а потом Мазепе. Тут экс-гетман в очередной раз выказал свою натуру — предал собственного старшего слугу, заведывавшего его домашним хозяйством. Тот запрещал подвыпившим после угощения запорожцам уносить мазепинское серебро со стола и пожаловался хозяину. Пригрозив отъездом, Гордиенко потребовал выдать служителя. Мазепа без колебаний отдал его на расправу запорожцам, которые ногами и ножом забили того насмерть. Как писал О. Хермелин, с присоединением запорожцев почтовые отправления стали более безопасными, а из Крыма стало поступать вино, пряности и сухофрукты[264].

Переход к шведам следует признать просчетом запорожцев. Прозрение наступило через месяц и 20 дней, в начале июня 1709 г., когда возмущенные землекопными работами, они собрались покинуть шведского

короля. Именовать запорожцев «союзниками шведов» можно только с большой натяжкой. В июле «запорожцы и черкасы запродали в неволю туркам» 4 сотни шведов[265]. Крестьяне, в отличие от запорожцев, продолжали нападения на шведов. Зильтман записал, что ночью 28 марта (8 апреля) «один из крестьян осмелился застрелить насмерть одного капитана — седерманландца в его палатке». Ни одного нападения украинских крестьян на русских солдат не было. На следущий день тот же Зильтман отметил: *«Получили сообщение, что царь подослал нескольких убийц-поджигателей, которых поймал генерал-майор Гамильтон, и велел им отрезать носы и уши»*[266].

Тогда не только в России, но и в Речи Посполитой понимали, что шведская сила тает. Станислав I и командующий шведскими войсками в Польше Крассау не проявляли наступательной инициативы. В первых числах февраля Петр I счел ситуацию в Малороссии улаженной и отбыл в Воронеж. В марте великий гетман литовский Михал и краковский воевода Януш Вишневецкий запросили амнистии у царя, которая была им предоставлена 7 апреля 1709 г.[267] 13 мая у д. Ледухово на юге Волыни корпус Гольца из 6 пехотных и 5 конных полков и хоронгви польного литовского гетмана Г.А. Огинского разбили 5-тысячную кавалерию бобруйского старосты (великого литовского гетмана) Я.К. Сапеги и в Бродах праздновал викторию, где перед каждым полковником были поставлены «Триумфальные арки» из зеленых ветвей, перед которыми складывалось оружие противника[268]. Остатки литовских сил ушли на Подляшье и перешли к пассивной обороне.

С большим запозданием из Москвы привезли на Украину казацкого батька С. Палия, как противовес Мазепе и Гордиенко, «для учинения диверсии», ибо он в таких своевольных не малую имеет любовь и кредит». Палий был отправлен к Скоропадскому для подъема его престижа. Гетман должен был держать казацкого батька «в любви, приязни» и с согласия князя Г.Ф. Долгорукого выставлять того в зависимости от обстановки. Оперативный план Петра в то время состоял в том, чтобы максимально стеснить неприятеля, расположив корпуса Меншикова и Шереметева за водными преградами недалеко от него, но *«не давать главной баталии, а диспутовать на всех переправах... и знатными партиями (пехотой и конницей)... наступать и всяко, по возможности, вредить, а наипаче тщитца каналию запорожскую и сообщников их искоренять»*[269].

2 (3) апреля Карл, Реншельд и Мазепа в сопровождении конницы осматривали Полтаву, куда от шведов с округи сбежались селяне со своими пожитками. Несчастную осаду король предпринял по совету Мазепы. Старый экс-гетман убеждал короля, что после захвата города король «может всю к себе приклонить Украйну... и будут городы доброволно везде здаватся и так не супротивлятися, как великому государю не супро-

тивлялися, устрашася по взятии Батурина»[270]. Он же упоминал, что перед вторжением в Россию полтавская база даст прочный тыл и тут можно дожидаться подкреплений из Польши. Земли Полтавского полка в определенной мере были в сфере влияния Низового войска, и кошевой Гордиенко собирался увеличить свое войско полтавчанами. Выдавив русских с Полтавщины, он надеялся расчистить коридор к Переволочне и к «святой неделе» получить помощь орды из Крыма. Полковник Сандул Колца под Бендерами планировал навербовать в помощь королю 1600 молдаван. (Однако под Полтаву он вернулся ни с чем.)

Король, чтобы блокировать город, поставил посты в трех местах. 8 (9) апреля Карл послал под Полтаву мазепинцев и запорожцев. 9 (10) апреля туда пошла часть пешей гвардии, Далекарлийский полк и некоторое количество инфантерии. На дороге в Полтаву у самой Ворсклы 200 пехотинцев разместились в небольшом дворе, окруженном забором. По имени засевшего там капитана король в шутку назвал этот пост Элленбургом.

Хотя деревянно-земляные стены Полтавы были обветшавшими, Адлерфельд написал, что их не только подправили, но и обновили, так что она была достаточно солидной крепостью с пятитысячным гарнизоном[271]. Король же говорил, что «когда русские увидят, что мы хотим атаковать, то после первого выстрела сдадутся все и что до штурма дело не дойдет»[272].

Доводы Мазепы о захвате военного снаряжения (которого в Полтаве было не много) и «приклонение Украины» можно считать спекулятивными, и гордиенковская войсковая рада подстраховала себя просьбой о протекции Крымского ханства: 11 апреля П.А. Толстой сообщал Петру I из Стамбула: «4 апреля узнал я, что запорожцы просили протекции татарской».

К «шатости» запорожцев в Москве были привычны и присоединение сечевиков к Карлу не произвело такого шокирующего впечатления, как измена Мазепы. Не прекращались многократные усилия перетянуть запорожцев на свою сторону. Доводы, что у предателя Мазепы, переметнувшегося к еретикам, нет сил для их защиты, не произвели впечатления и пришлось выжечь хуторки по левому берегу Ворсклы.

Однако далеко не все запорожцы «приклонились» к шведам и ушли к Полтаве. 14 апреля **Меншиков писал Петру, что** кошевой *«Сорочинский, к тем, которые при Костьке, указы посылает, чтоб шли к нему в Сечю, о чем имянно взятые в полон 20 человек сказывают, что те ево указы сами они видели. И многие де из них по тем ево указом хотят возвратитца к нашей стороне, а Костьке и другим, которые той стороны держатся, говорят: для чего их туда запровадили? И непрестанные между ими бои»*[273].

Вероятно, под влиянием запорожцев и Мазепы Пипер послал предложение сераскеру в Бендерах Юсуф-паше помочь шведской армии на

Украине[274]. Русское командование получало и такие мутные сведения, что после взятия Полтавы Карл не останется на Украине, а через Переяслав уйдет в Польшу[275].

К тому времени левобережье Ворсклы было под русским контролем. В начале апреля 1709 г. семитысячная конница К.Э. Ренне ушла «для осмотрения неприятельских оборотов» и, как писал Юлленкрук, «для переманивания запорожцев» далеко вниз по левому берегу этой реки к Соколкам. (Ныне Левобережная Соколка находится в 68 км к югу от Полтавы.) Против него Карл послал около 3–4 тыс. кавалерии генерал-майора К.Г. Крусе, 4 пушки, а также четыре (по Вайе — две) тысячи пеших и несколько сотен конных запорожцев под командой Гордиенко.

Подробное описание боя у Соколок оставил полковник Н. Юлленшерна. Первый и последний совместный шведско-запорожский поиск 11–12 апреля окончился «великой конфузней». Вся операция видимо проводилась по инициативе кошевого, который хотел разжать, кольцо, окружения и отбросить русских от Днепра и левого берега Ворсклы. Гордиенко заверил, что можно напасть врасплох на русскую конницу, за двухтысячным авангардом которой в нескольких милях позади стоят 5 000 драгун и конных гренадеров Ренне. 11 апреля вечером Крусе перешел Ворсклу у Новых Санжар, выстроил всех в боевой порядок и так двигался всю ночь через заросли и болота в обход передовой позиции Ренне.

Запорожская пехота произвела неприятное впечатление на регулярное шведское войско: *«необученные и негожие люди, у трети не было ружей, а только короткие пики и косы на жердях»*. Забросив ружья и зипуны на телеги, запорожцы *«шли как стадо овец»* сбоку от 2,5-тысячной передовой шведской колонны. Несмотря на то, что Крусе старался не спешить, в ночном марше они настолько выдохлись, что шведы до боя оставили их позади под прикрытием своей кавалерии[276]. Сечевой коннице было сказано, чтобы она ударила в спину противника, как только увидит шведскую атаку, «что они не сделали, но подошли к нам, лишь когда все закончилось», — отметил Юлленшерна. К месту стоянки Ренне, где драгуны еще спали, шведы подошли на рассвете 12 апреля. Преимуществом нападающих был густой туман, в котором ничего не было видно в 20 шагах. Вместо решительного нападения Крусе созвал военный совет. Большинство офицеров предлагало атаковать противника как можно более широким фронтом, выстроив две шеренги. Перестроения затянули начало боя, к тому же русские фуражиры успели поднять тревогу, и отряд Ренне успел сесть в седла.

Из-за недостатка места русские драгуны выстроились глубоким строем (по словам Юлленшерны — в 10 шеренг) и решили атаковать как шведы — с палашами в руках. Юлленшерна в расчете, что вслед за ним двинется Крусе, бросил в бой свои три полка, выдержал встречный залп, пробился якобы сквозь две линии и был остановлен перед третьей. Русская

контратака удалась блестяще — боевая колонна порубила на месте более 300 человек и рассеяла неприятеля.

Как и при поражении у Калиша в 1706 г., боевой командир Юлленшерна старался выгородить себя и принизить противника. *«Так как помощь не пришла, я был полностью окружен и не знал, как выбраться оттуда... На счастье, противник больше думал о том, как ему уберечься, а не о бое и отпустил нас, не помышляя причинить нам большего вреда. Благодаря этому... мы наконец освободились, но были очень малочисленны и раздроблены. Однако мы снова сошлись и вернулись к нашим, которые стояли без движения и позволили противнику пройти мимо себя в нескольких сотнях шагов, вывести обоз и пушки»*[277].

Основную причину «конфузии» Юлленшерна усматривал в том, что пехота запорожцев, изрядно уставшая от долгого перехода, представляла слабую силу и Крусе пришлось оставить большую часть шведской кавалерии для ее прикрытия.

Адлерфельд и Вайе указали на решительность прорыва русских. *«Они напали на единственную линию шведов с такой яростью, что легко пропороли ее и стали уходить, так что их нельзя было нагнать. Шведские эскадроны, которым пришлось биться со всей колонной противника, были наголову разбиты»*.[278] Согласно Вайе, русские драгуны всеми силами бросились на шведский левый фланг, разнесли 6 рот Юлленшерны, взяли в плен несколько офицеров и рядовых и пробили себе свободный путь отступления[279]. Часовой жаркий бой со стороны шведов был беспорядочным, ни одно из распоряжений Крусе не выполнялось должным образом, офицеры запаздывали в своих действиях.

«.Мой полк остался один и был почти уничтожен. Я сам получил две раны, лишился попавшего в плен своего подполковника (Ю.Х. фон Иссендорфа — *В. А.*) *и майора, пятерых капитанов, трех лейтенантов, четырех корнетов, семнадцати унтер-офицеров и 291 рядовых, не считая большого количества тяжело раненых офицеров и рядовых. В полку у меня не осталось и 250 невредимых людей для несения служб»*, — печалился Юлленшерна[280].

Ренне загнал неприятеля за Ворсклу, 4 пушки шведы «подарили» Ворскле. «Сего лета доброе начинание» — так назвал А.Д. Меншиков бой под Соколками: *«Наших при той потребе больши 60 человек не пропало..., а неприятельских с 800... Запорожцы, на которых наши люди напали, все свое ружье покиня, в воду топились, которых наши, кто хотел, тот рубил и по та мест, как устали»*[281].

Крусе бежал, опасаясь, что генерал-майор Генскин отрежет его с тыла от Шведской армии.

Король был очень недоволен акцией у Соколок и возложил ответственность на Крусе за неоказание помощи и боязнь напасть на противни-

ка, когда тот проходил мимо с пушками и обозом. Всем уцелевшим людям Юлленшерны король щедро выплатил жалованье. **Бой при Соколках стал последней наступательной акцией Карла XII[282]. Ни одной попытки разбить силы Меншикова за Ворсклой или Шереметева у р. Псел уже не было. Вплоть до Полтавской битвы шведы только оборонялись, отражая русские атаки.**

В середине апреля выпало небывало много снега, который скоро растаял и превратил землю в непролазное месиво. 15 апреля полтавчане сделали вылазку на пост шведской гвардии, ранив 9 человек, из которых 1 умер. Тут же под покровом ночи они подожгли постройки монастыря, где стояла кавалерия шведов, ветер быстро разнес огонь и за несколько часов все строения там сгорели[283].

16 апреля Шереметев сделал вид, что собирается от р. Псёл и Белоцерковки напасть на генерал-майора Крейца, который стоял в Решетиловке, где находились склады продовольствия. Неугомонный король вылетел на разведку из Будищ лишь с двумя драбантами и одним казаком. Как только подоспела шведская конница, Шереметев укрылся за Псёлом в хорошо оборудованном ретраншементе, заставив шведов два дня простоять в поле.

Русские регулярные и иррегулярные войска (казаки, калмыки) соперничали друг с другом в истреблении провианта, нападениях на обозы, фуражиров, курьеров и в угоне коней. На правом берегу Ворсклы войска Шереметева контролировали все пространство от Гадяча до Голтвы. Русские пресекли подвоз припасов и всякую связь со Швецией, Лифляндией и Польшей, «так как они легко могли перекрыть границы и все лучшие пути множеством своих войск и жителями страны, в большинстве своем преданных им»[284]. Особенно остро нуждались шведы в мундирах и тогдашних лечебных средствах — пряностях, вине и водке. Цена бутылки плохой хлебной водки у крестьян достигала 400 каролинов[285].

Русское командование с удовлетворением отмечало разложение противника. Ночью 20 (21) апреля *«переехали к нашим от неприятеля два ротмистра с тремя хорунгвами волоскими и з знаменами и остались оные в службе российской»*[286]. Валашской нерегулярной коннице Карл XII предоставил почти полную свободу: идя в авангарде, они всегда расхватывали лучшие квартиры и помимо жалованья первыми обогащались военной добычей. Адлерфельд считал, что Меншиков подкупил одного из ротмистров и поручил ему убить короля — об этом якобы достоверно знал Станислав Лещинский, который предупредил Карла, чтобы тот не выезжал один на рекогносцировки в сопровождении валахов. В ту же ночь несколько тысяч [малороссийских] «мужиков» собрались вокруг шведской штаб-квартиры, и когда к ним присоединились 3 тысячи «московитов», все вместе попытались напасть на нее, однако этот план был

разгадан и не удался. Через несколько дней нападение пытались повторить, но на сей раз выручили валахи — они схватили 9 «мужиков», и те были повешены на большой дороге[287]. Тогда же от Мазепы к русским сбежали 80 казаков вместе с полковником. «Мазепа был очень поражен этим и сам признался, что он больше не знает, кому можно доверять»[288].

Очередной удар был нанесен у Днепра, в устье Ворсклы. Чтобы отсечь Запорожье от шведов, из Киева к Переволочне и Кереберде из Киева вниз по Днепру пошел полковник П.И. Яковлев с тремя пехотными полками. «Остерегали» его от «неприятельских подвигов» драгуны генерал-майора князя Г.С. Волконского. Шведы никакой помощи запорожцам не оказали. Яковлев и Волконский соединились в районе Чигирина. 18 апреля Яковлев подступил к Переволочне, где засел запорожский полковник Зилнец с 3 тыс. казаков. Стрельба 3 пушек из «замка», видимо, была бесполезной, после двухчасового штурма «переволочинский замок» был взят, на месте порублено больше тыс. человек, «кроме тех, что по куреням побито и позжено». Трофеями были 3 пушки, знамя, 4 казачьих значка и 12 «воров первых, понеже живых их брали мало, но всех рубили»[289]. Под Керебердой донские казаки «запорожцев немалое ж число покололи и табор их взяли», — сообщал Шереметев царю 21 апреля. 24 апреля он писал снова: *«Генерал-маеор князь Григорей Волконской с полковником Яковлевым и с командированными драгуны над Переволочною чинили промысл, в которой обреталось казаков с 1000, да жителей з 2000 и оную при помощи Божии достал и воровских запорожцев и жителей вырубили, а иные, убоясь, розбежались и потонули в Ворсклу. А Переволочну, также и Кереберду выжгли»*[290]. Как в наше время, так и в прошлом уничтожение гражданского населения, находящегося под властью противника, не выключалось из правил войны. Часть сдавшихся не казнили, а лишили носов и ушей. Вайе записал, что *«нескольким казакам, захваченным там, были отрезаны носы и уши, и в таком мерзком виде отпустили к нам, чтобы показать их сообщникам, что всех тех, кто будет воевать, ждет то же самое»*[291]. Русский гарнизон в Переволочне не был оставлен, тамошний «замок и слободы» сожгли. Дорога от Полтавы на юг, через степи Запорожья в сторону Крымского ханства осталась открытой, и оттуда к шведам иногда провозили крымское вино, изюм, миндаль, инжир и пр.

Цель похода была достигнута; Адлерфельд отметил, что поражение под Соколками и уничтожение Переволочны резко сбило дух сечевиков. Ренне через открытые письма снова призвал запорожцев переизбрать кошевого и соединиться с русской армией, после чего они получат вознаграждение. В противном случае, как только шведы замирятся и уйдут с Украины, последует еще большая кара. Меншиков распространял манифесты, в которых запорожцы упрекались, что они к ущербу правосла-

вия связались с изменником Мазепой и безбожным еретиком-королем и что вот-вот будет заключен русско-шведский мир.

Шведское войско застыло в глухой обороне, и слухи, что оно якобы готовит мосты под Петровкой для перехода через Ворсклу, остались слухами. В Великую пятницу 22 апреля Шереметев с двумя батальонами преображенцев, Ингерманландским полком и драгунами «для поиску над неприятелем за реку Псёл марш свой восприял» и выдавил противника за р. Голтва. В авангарде шли донские казаки и 6 эскадронов регулярной конницы. Силы были почти равные. Увидев передовой отряд, Крейц с пятью полками собрался расправиться с ним, но когда перебежавший казак сообщил, что за леском стоят еще 8 тыс. войск, Крейц, который гордился тем, что его Лейб-регимент никогда не показывал спину врагу, боя не принял, поджег Решетиловку и спешно бежал за р. Голтва (Вайе.) «Там все было в ужасе, так как фельдмаршал Шереметев начал движение своих войск», — писал Адлерфельд. Арьергард Крейца пострадал от взрывов гранат и был потрепан донцами. *«А регулярное войско за скорым его побегом далее следовать не могло, понеже учинившия ево переправы оной неприятель по своем походе все разрушил. А скот, которой был у них, весь взяли наши нерегулярные, и та Решетиловка с приуготовленным их многим правиантом без остатку позжено»,* — сообщал Шереметев царю 24 апреля 1709 г.[292]

В то время когда плацдарм Карла XII между реками Псел и Ворскла съеживался с каждой неделей, активизировались мирные переговоры.

26 апреля К. Пипер переслал русской стороне сообщение, что «от прибыточного миру они (шведы) не отрицаются», но что нынешние московские условия только «раскаляют» войну. Устно через посланца Эренрооса было добавлено, что если русские пришлют делегатов, то будут назначены соответствующие лица и от шведов. Предложения о невмешательстве в дела Польши шведский король счел «несносно-издевательскими»[293]. Канцлер Г.И. Головкин оценивал перспективы мира как слабые, но в начале мая все же послал новые предложения с существенными уступками: Россия возвращает Швеции всю Ингрию и Лифляндию, кроме Петербурга и полосы Невы до Шлиссельбурга. Вопрос о невмешательстве обоих государств в польские дела был снят. Ответ Карла был непримиримо-воинственным: мир он заключит только в Москве после выплаты 30 миллионов ефимков контрибуции[294].

Русская пропаганда тревожила шведов, и, чтобы удержать запорожцев при себе, король в очередной раз разослал весть, что он благосклонно принял обещание послать 1 000 сечевиков для осады Полтавы и что небылицы Меншикова о мире выдуманы, ведь многократные запросы царя всегда отвергались. Но если мирный договор все же и состоится, то туда будут включены запорожцы. Ни католик, ни грек не скажут, что король нанес ущерб их вере, царь же, наоборот, не только позволил католикам

вести службы и строить костелы у себя, но даже отправил посла в Рим. Меншиков же полагает, что своими агитационными происками выдавит шведов из Украины в Польшу или склонит их к миру[295].

25(26) апреля часть войск, артиллерия и обоз всей шведской армии вместо возобновления марша на север, против России, в боевом порядке двинулись на юг. Петр как бы «затолкал» противника под Полтаву, и тот оказался прикованным к ней. Все это происходило на виду 12-тысячного корпуса Шереметева, который не решился помешать маршу противника. 28(29) апреля Шведская армия вместе со штаб-квартирой разбила лагерь в некотором удалении от Полтавы. На следующий день там появился король и Реншельд. Сбежавший в 20-х числах из Полтавы лейтенант-переметчик (Шереметев называл его инженером)[296] сообщил длину валов, но без профиля. Полковник Сигрот и Юлленкрук составили план крепости и определили место будущих атак — на Мазуровское предместье, где стояла высокая деревянная башня над Мазуровскими воротами, так как перебежчик сказал, что в самом городе только один колодец, а в предместье — много, откуда и берется в основном вода[297]. При осаде для сбережения шведской крови Карл XII не собирался «употреблять» много своей пехоты, но использовать запорожцев. (О мазепинцах речь не шла в связи с их малочисленностью.) 30 апреля после внимательного осмотра крепости Реншельд сказал: «Укрепления плохи, и я уверяю, что по первому выстрелу короля они сдадутся»[298].

В ночь на 1 мая Юлленкрук в сотне шагов от первого палисада повел траншеи к южной части крепости. С 1 мая началась осада Полтавы, последний этап похода шведского короля и отсчет двухмесячного Полтавского сражения Русской армии, развернувшей операции на пространстве в 5–6 тыс. кв. км между реками Псел и Ворскла. 27 июня 1709 г. наступил день «русского воскресения», перевернувший международные отношения в Восточной, Северной и части Центральной Европы.

Примечания к главе V

1 *Gyllenstierna N.* Nils Gyllenstiernas berattelse // KKD. Lund, 1913. S. 63.

2 *Krman D.* Itinerarium. Cestovny dennik z rokov 1708–1709. Bratislava, 1969. S.. 57–58.

3 *Артамонов В.А.* Украино-русская конвергенция в последней трети XVII–XVIII веках // Україна в Центрально-Східній Европі (з найдавніших часів до кінця 18 ст.). Київ, 2005. Вип. 5. С. 607–622. Некоторые авторы на Украине (В. Шевчук) подверстывают этот процесс под коллаборационизм и ренегатство украинцев.

4 Подробный обзор гетманства Мазепы см. в работе: *Оглоблин О.* Гетьман Іван Мазепа та його доба. Нью-Йорк; Київ; Львів; Париж; Торонто, 2001. С. 150.

5 Ныне используется трехсотлетней давности довод Мазепы о специальном уничтожении тысяч казаков в дальних походах с целью подчинения себе Казац-

кой державы («чтобы пустой сей край легче угнетать».) *Шевчук В.* Просвічений володар. Київ, 2006. С. 236.

[6] Уже после Полтавской битвы Петр I писал 27 июля 1709 г. А.П. Измайлову: «Наведатся ему подлинно тайным обычаем, по сколку прежнему гетману изменнику Мазепе всяких доходов со всего малороссийского краю збиралося и нынешнему збиратися будет, также и генералной старшине, и полковникам, и прочим урядником, по сколку доходов с чего есть» // ППВ. Т. 9. С. 313–314.

[7] Універсали Івана Мазепи. Київ; Львів, 2002. С. 11, 14.

[8] *Яковлева Т.Г.* Мазепа-гетман: в поисках исторической объективности // Новая и новейшая история. 2003. № 4. С. 59.

[9] Іван Мазепа та його доба. (Матеріали доповідей, рефератів міжнародноі науковоі конференціі.) Ужгород 2001. С. 26–27.

[10] *Грушевский М.* Иллюстрированная история Украины. Киев, 1997. С. 368, 370, 372.

[11] *Шутой В.Е.* Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII в 1700–1709 гг. М., 1958. С. 254–255.

[12] ППВ. Т. 7. С. 207.

[13] Об «унизительном, рабском статусе» (*Дробязко Н.В.* Дивосвіт Батурина. Ніжин, 2006. С. 48, 51) самого богатого человека на Украине, поднявшем Гетманщину, как пишут украинские историки, «на уровень европейской державы» и превратившем Батурин в столицу европейского типа, речи быть не может.

[14] «Империалистические» Турецкая и Северная войны, «накрыли черным крылом украинские земли» и украинскую кровь специально заставляли проливать с целью «обескровить» Украину. См.: *Шевчук В.* С. 94.

[15] *Маланюк Е.* // Іван Мазепа і Москва. Історичні розвідки і статті. Київ, 1994. С. 9; *Радишевский Р., Свербигуз В.* Іван Мазепа в сарматсько-роксоланскому вимірі високого бароко. Київ, 2006. С. 403, 515; *Иваниченко Р.П.* Історія без міфів Бесіди з Історії української державності. Київ, 2006. С. 157. (Последний труд рекомендован Министерством просвещения Украины в качестве учебника для вузов.)

[16] *Субтельний О.* Україна. Історія. Київ, 1993. С. 205; *Мацьків Т.* Гетьман Іван Мазепа в західноевропейських джерелах 1687–1709. Київ; Полтава, 1995. С. 128.

[17] *Шутой В.Е.* С. 70.

[18] *Санин Г.А.* Богдан Хмельницкий и Иван Мазепа // Труды Института российской истории М., 2006. Вып. 6. С. 75.

[19] *Pasek J. Chr.* Pamitniki. Jerozolima, 1944. С. 152; *Костомаров Н.И.* Руина. Мазепа. Мазепинцы. М., 1995. С. 410.

[20] Католический доктор теологии Войцех Демболенцкий (1587–1645) в огромном томе «История единодержавного государства мира» писал, что Польское королевство — самое древнее на земле и что «Белый Орел» скоро снова раскинет крылья на весь мир // *Ogonowski Z.* Z dziejów megalomanii narodowej // Kultura. 19 czerwca 1977. S. 5–6.

[21] Невилль де ла. Записки о Московии. М., 1996. С. 142.

[22] Это ясно прослеживается в его высказываниях. См.: *Бантыш-Каменский Д.Н.* Источники Малороссийской истории, собранные Д. Бантыш-Каменским. М., 1859. Ч. 2. С. 97–116.

[23] *Pasek J. Chr.* Pamitniki. S. 226

[24] *Оглоблин О.* Гетьман Іван Мазепа та його доба. С. 61.

[25] *Таирова-Яковлева Т.Г.* Мазепа. М., 2007. С. 80.

[26] Maximilien-Emanuel. Mémoires de Maximilien-Emanuel, duc de Wirtemberg, colonel d'un regiment de dragons au service de Suede 1703–1709. Amsterdam a Leipzig. 1740. P. 295–296. Среднего роста, Мазепа, согласно строкам одной неизданной рукописи Вольтера, выглядел «довольно неприглядным, более или менее таким, как изображают в римской истории Великого Манлия». *Борщак І., Мартель Р.* Іван Мазепа. Життя й пориви великого гетьмана. Київ, 1991. С. 103.

[27] *Мацьків Т.* Гетьман Іван Мазепа в західноевропейських джерелах 1687–1709. С. 104–105.

[28] *Бантыш-Каменский Д.Н.* 4. 2. С. 87. Неверно утверждение, что Мазепа не сумел реформировать свое войско из-за запрета Москвы. *Иваниченко Р.П.* С. 159, 166.

[29] *Эварницкий Д.И.* История запорожских казаков 1686–1734. Київ, 1994. Т. 3. С. 287.

[30] Так писал один из подольсмких шляхтичей о лозунге повстанцев 1648 г. *Степанков В.С.* Українська державна Ідея // Українське суспільство на зламі середньовіччя І нового часу: нариси з Історії ментальності та національної свідомості. Київ, 2001. С. 77.

[31] *Шутой В.Е.* С. 72.

[32] *Костомаров Н.И.* Руина. Мазепа. Мазепинцы. М. 1995. С. 411–412. Высказывались мнения, что Мазепа был в связи и с женой казненного им Кочубея — Любовью Кочубей. *Таирова-Яковлева Т.Г.* Мазепа… С. 164 (Сноска на О. Оглоблина.)

[33] *Енсен А.* Мазепа. Історичні картини. Київ, 1992. С. 65, 66, 70.

[34] Петр I тогда же просил Р.Х. Боура следить за литовскими гетманами, генералом от артиллерии К.К. Сеницким и за всем Литовским войском, и если кто будет «с явным свидетельством неприятельской партии», тех ссылать в русские города // ППВ. Т. 5. № 1554.

[35] ППВ. Т. 9. С. 805.

[36] *Kaminsky A.* Konfederacja Sandomierska wobiec Rosji w okresie poaltransztadzkim 1706–1709. Wrocław, 1969. S. 102–103.

[37] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 218 об. – 219 об.

[38] *Мацків Т.* Гетьман Іван Мазепа… С. 127. Соловьёв С.М. История России с древнейших времен М. 1962. Кн. 8. С. 229, 240.

[39] *Бушкович П.* Петр Великий… С. 272.

[40] *Субтельний О.* Україна. С. 206.

[41] *Шутой В.Е.* С. 72.

[42] Історія українського козацтва. Київ, 2006. С. 177, 515–517.

[43] *Сокирко О.* Участь найманого війска в «мазепинському» виступі на тлі подій Північної війни (осінь 1708 — літо 1709 рр..) Україна в Центрально-східній Європі. Київ, 2002. Вип. 2. С. 282. Считать эти наемные полки моделью развития регулярных украинских вооруженных сил, как считает автор. сомнительно.

[44] Петр I — Мазепе 21 августа 1707 г. // ППВ. Т. 6. С. 61.

[45] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften, König von Schweden. Frankfurt und Leipzig, 1742. Bd. 3. S. 144, 231–234.

[46] *Defoe D.* An Impartial history of the Life and Actions of Peter Alexowitz, the present Czar of Muscovy. Written by a British Officer In the Service of the Czar. London, 1723.

[47] «Секрет шведского министра в Гааге» в сентябре 1708 г. // ППВ. Т. 8. С. 838–839.

[48] Копия его хранится в РГАДА в фонде Кабинета Петра Великого, Отд. 2. Кн. 8. Л. 29 и об.

[49] *Толочко П.П.* Від Русі до України // Від Русі до України. Вибрані науково-популярні, критичні та публіцистичні праці. Київ, 1997. С. 27–28.

[50] Особенно четко это выделено в работах петербургского историка Т.Г. Яковлевой см.: *Яковлева Т.Г.* Мазепа-гетман: в поисках исторической объективности // Новая и новейшая история. 2003. № 4. С. 56–59; *Таирова-Яковлева Т.Г.* А.Д. Меншиков и гетман И.С. Мазепа (из истории взаимоотношений) // Меншиковские чтения 2006. Санкт-Петербург, 2006. С. 95, 97–99; Она же: Мазепа. М., 2007. С. 218–219.

[51] *Сокирко О.* Лицарі другого сорту. Наймане військо Лівобережної гетьманщини 1669–1726 рр. Київ, 2006. С. 104

[52] Д.М. Голицын — Г.И. Головкину 23 июня 1708 г. из Киева // РГАДА. Письма и прошения на рус. яз. 1708. Д. 23. Л. 204–205.

[53] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften... S. 143.

[54] Е.И. Украинцев — Г.И. Головкину 23 ноября 1707 г. из Бреста // РГАДА. Ф. 79. **0П**. 1. 1707. Д. 30. Л. 106.

[55] В прежней работе способность Мазепы рассчитать все варианты событий была недооценина. См.: *Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В.* Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. СПб., 2008. С. 32–33.

[56] Лист Пилипа Орлика до Стефана Яворського 1 июня 1721 р. // Доба гетьмана Івана Мазепи в документах. Київ 2007. С. 361–362.

[57] *Бантыш-Каменский Д.Н.* Ч. 2. С. 106. Французский король Людовик XIV тоже отметил промах Мазепы, не укрепившего Батурина перед уходом к шведам. *Мацьків Т.* Гетман Иван Мазепа... С. 108.

[58] *Siltmann D.N.* «Volontären» vid Svenska armen preussiske öfverstlöjtnanten baron D.N. v. Siltmanns dagbok 1708–1709 // KD. Lund, 1907. T. 3. S.

[59] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften... T. 3. S. 248, 250. Д. Крман оставил в своем дневнике под датой 11(22) сентября такую запись: «Достоверно узнали, что к графу Пиперу доставили письмо казацкого гетмана Мазепы, который призывал короля Карла в Казакию. Говорят, граф Пипер, уговаривая короля свернуть туда, выставлял на вид, что вся Казакия хочет поддаться королю и даст изморенным воинам изобилие продовольствия и много войск, или же казаков

легко будет нанять за деньги, до которых они всегда охочи. Но граф Реншельд, по слухам, отговаривал вескими доводами и предлагал идти на Смоленск и к реке Двине, вероятно потому, что после освобождения течения Двины от московских отрядов, армия короля получит достаточно продовольствия из шведской Риги. Говорили также, что Смоленск объят таким паническим страхом, что его сдадут прежде, чем увидят неприятеля. Однако перевесило желание переманить на свою сторону казаков и очень плодородную и воинственную Казакию. Полагали, что к королю Карлу присоединятся 200 тысяч казаков» // Krman D. Itinerarium… S. 57.

[60] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften... T. 3. S. 248, 250, 252.

[61] ППВ. Т. 8. С. 710–713.

[62] Северная война 1700–1721 гг. Сборник документов 1700–1709. М., 2009. Т. 1. С. 403.

[63] *Jefferyes J.* Captain James Jefferyes's Letters to the secretary of State, Whitehall, from the Swedish Army, 1707–1709 // Historiska handlingar. T. 35:1. S. 63.

[64] Г.И. Головкин — Петру I 6 октября 1708 г. из Почепа // ППВ. Т. 8. С. 749; Труды Императорского Русского Военно-исторического общества (ТИРВИО.) СПб., 1909. Т. 1. С. 57.

[65] РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 1. 4. 2. л. 489–490.

[66] *Шутой В.Е.* Борьба народных масс. С. 269–270.

[67] *Бантыш-Каменский Д.Н.* Ч. 2. С. 163–167; *Соловьев С.М.* История России. С. 240–241.

[68] Лист Пилипа Орлика… // Доба гетьмана... С. 360.

[69] ППВ. Т. 8. С. 182.

[70] ППВ. Т. 8. С. 228,

[71] *Соловьев С.М.* История России. С. 238.

[72] ППВ. Т. 8. С. 799. «Антимосковского восстания», как следствия «брутального наступления московского абсолютизма на украинскую автономию» (С.О. Павленко) при появлении шведов на Гетманщине не произошло.

[73] Лист Пилипа Орлика… // Доба гетьмана... С. 360. Шведский историк А. Стилле еще в начале 20 в. выдвинул тезис, что Мазепа выжидал, кто кого одолеет, но когда король появился на Северщине, Мазепе пришлось выбирать между той или другой стороной.

[74] Доба гетьмана… С. 355; *Бантыш-Каменский Д.П.* Ч. 2. С. 100.

[75] Из последних работ см. Таирова-Яковлева Т.Г. Мазепа… С. 190.

[76] Бантыш-Каменский Д.Н. Источники малороссийской истории. М. 1859. Ч. 2. 1691–1722 гг. С. 168.

[77] ППВ. Т. 8 С. 846.

[78] ППВ. Т. 8. С. 262–263, 268.

[79] *Сокирко О.* Лицарі… С. 109; См. также: *Сокирко О.* Наймани полки батуринської залоги: відоме та невідоме // Батуринська старовина. Київ, 2008. С. 88.

[80] *From P.* S. 233.

[81] *Уманец Ф.М.* Гетман Мазепа. Историческая монография. СПб., 1897. С. 385.

[82] ППВ. 8. С. 846.

[83] ППВ. Т. 8. С. 857.

[84] *Сокирко О.* Лицарі… С. 109. Ригельман пишет, что к шведам Мазепа привел немногим более полутора тысяч казаков. *Ригельман А.И.* Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще. Київ, 1994. С. 537.

[85] *Сокирко О.* Наймани полки батуринської залоги... С. 89.

[86] В декабре эти калмыки намеревались покинуть Мазепу, но только предварительно посоветовавшись с калмыками царской службы // РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. 1708. Д. 7. Л. 13.

[87] *Павленко С.О.* Оточення гетьмана Мазепи: соратники та прибічники. Київ, 2004. С. 296. Единоборство русской и шведской армии на Гетманщине нельзя зачислять в рубрику «московско-украинской войны» или антимосковского восстания, как пишет С.О. Павленко. Украинцы на запад от Днепра и до Сана остались вообще в стороне от событий 1708–1709 гг.

[88] *Gyllenstierna N.* S. 66.

[89] *Siltmann D.N.* “Volontären” vid Svenska armen preussiske öfverstlöjtnanten baron D.N. von Siltmanndagbok 1708–1709 // KKD. Lund, 1907. T. 3. S. 274.

[90] Так написал Петр I // Гистория Свейской войны Вып. 1. С. 293.

[91] ППВ. Т. 8. С. 867.

[92] *Соловьев С.М.* История России. С. 247; *Бантыш-Каменский Д.Н.* Ч. 2. С. 173–175.

[93] *Енсен А.* Мазепа. Історичні картини. Київ, 1992. С. 115.

[94] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften... T. 3. S. 149.

[95] Адъютант царя Е. Маврин — Петру 130 октября // РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 1. 4. 26. Л. 525–526 об.

[96] *Lyth J.H. von.* Des Grossen Herrens / Czaars und Gross Fürstens von Moscau Petri Alexiewiz, des gantzen Grossen, Kleinen und Weissen Reusslandes Selbsthalters / etc., etc., etc. Leben und Thaten, aus besonderen Nachrichten beschrieben. Frankfurt und Leipzig, 1710. T. 2. S. 467, 469. Часть данных из этого труда франкфуртского профессора И.Х. Лита под названием «Немецкая листовка, основанная на русских и некоторых шведских показаниях» была использована в книге *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М. 2002. С. 257 и др. Об авторстве Лита см. Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Ивановны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 277; *Беспятых Ю.Н.* Иностранные источники по истории России первой четверти 18 в.: (Ч. Уитворт, Г Грунд, Л.Ю. Эренмальм.) СПб., 1998. С. 389–390.

[97] GyllenstiernaN. S. 65–66

[98] *Голиков И.И.* Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России. М., 1838. Т. 4. С. 33.

[99] Черниговские губернские ведомости. Чернигов, 1850. № 51. С. 468

[100] ППВ. Т. 8. С. 864.

[101] А.Д. Меншиков — Петру 126 октября // ППВ. **Т**. 8. С. 865.

[102] РГАДА. Ф. 124. оп. 1. 1708. Д. 56. Л. 1–2; ППВ. Т. 8. С. 242.

[103] ППВ. Т. 8. С. 245.

[104] Хроника Сурты и Трубницкого (Могилёвская хроника) // Полное собрание русских летописей. М., 1980. Т. 35. С. 274, 276.

[105] ППВ. 8. С. 285.

[106] И не только потому, что получили денежные выплаты. *Сокирко О.* Наймани полки батуринської залоги... С. 111.

[107] Karolinska krigares dagböcker. Lund, 1901. S. 191.

[108] Г.И. Головкин — Д. Чечелю Из села Погребков октября в 29 день // ППВ. 8. С. 918. Здесь в комментариях неверно указано, что Головкин в тот день не знал «об измене батуринского гарнизона».

[109] ГСВ. Вып. 1. С. 293.

[110] Сб. РИО. Т. 50 С. 108.

[111] ППВ. Т. 8. С 268–269.

[112] ППВ. Т. 8. С. 907; РГАДА. Ф. 9. Оп. 5. № 1. Ч. 2. Л. 458–459.

[113] ППВ. Т. 8. С. 947. Учитывая близость шведской подмоги и число сердюков в 1,5–2 тыс. чел., на подкуп Меншикову, по аналогии, надо было бы выделить не менее 10 тыс. руб. Вариант подкупа князем, скорее всего, не рассматривался.

[114] Riksarkivet, Stockholm. Diplomática. Extranea. Vol. 158. 3.

[115] *Майкова Т.С.* История создания «Гистории Свейской войны» // гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого). М., 2004. Вып. 1. С. 15–45.

[116] *Павленко С.О.* Загибель Батурина 2 листопада 1708 р. Київ, 2007. С. 85–86.

[117] ППВ. Т. 8. С. 907; *Рабинович М.Д.* Полки Петровской армии 1698–1725. Краткий справочник. М., 1977. С. 17.

[118] Об этом вспоминал князь впоследствии. См. Павленко С.О. Загибель Батурина... С. 158.

[119] А.Д. Меншиков -Петру I 26 октября 1708 г., от Макошина // ППВ. 8. С. 864–865. Гарнизоны и население Нотебурга, Ниеншанца, Дерпта, Риги, Кексгольма, Выборга после заключения капитуляции выпускались. Но Чечель отказался заключить капитуляцию с Меншиковым и обрек заложников на смерть.

[120] Черниговские губернские ведомости. 1852. № 2. Отд. 2. Часть неофициальная; *Коваленко В., Мезенцев В., Моця О., Ситий Ю.* Батурин археологічний // Матеріали міжнародної науково-практиної конференції з нагоди 295-ї річниці з дня смерті гетьмана України Івана Мазепи та 10-річчя заповідника «Гетьманска столиця». 25–26 травня 2004 р. Ніжин, 2006. С. 87.

[121] Записка о Кочубее и Искре священника села Диканьки 1708 г. // Бантыш-Каменский Д.П. 4. 2. С. 152–153.

[122] *Акічев Ш.М.* Значення Конотопскої битви 1659 р. для Історії Батурина // Матеріали міжнародної конференції з нагоди 295-ї річниці з дня смерті гетьмана України Івана Мазепи. Ніжин, 2006. С. 4–5.

[123] Документы Северной войны. Полтавский период (июль — октябрь 1708 г.) // Труды Императорского Русского Военно-исторического общества (ТИРВИО.) СПб., 1909. Т. 1. С. 198–199.

[124] *Костомаров Н.И.* Руина. С. 657. О захвате Батурина через подземный ход не писал Ригельман. См.: Ригельман А.И. Летописное повествование о Малой России и ее народе и козаках вообще. Київ, 1994. С. 536.

[125] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften... T. 3. S. 155

[126] Nachricht von dem wahren Zustand der Konigl. schwedischen Armee... den 30 December 1708. Hamburg, 1709. S. 3a.

[127] Летопись, или описание краткое знатнейших действ и случаев, что в котором году деялось на Украине малороссийской обеих сторон Днепра и кто именно когда гетманом был козацким // Сб. летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. Киев, 1888. С. 47.

[128] *Павленко С.О.* Загибель Батурина... С. 119.

[129] Мертвое тело Кенигсека было разнесено по пяти колесам в Конотопе, об этом написал А. Вестерман в ноябре 1709 г.: «Комендант Батурина лежит на пяти колесах посреди площади». *Westerman A.* Självbiografiska anteckningar af Anders Westerman // KKD. T. 7. Lund, 1912. S. 293

[130] ППВ. Т. 8. С. 919. Гистория Свейской войны. Вып. 1. С. 294. В «Истории русов» написано, что Меншиков забрал 315 пушек!

[131] ППВ. 8. С. 918–919. Из мазепинской казны платили полякам очередной взнос 10 тыс. руб. // ТИРВИО. Т. 3. С. 142. Из-за спешки часть сокровищ Мазепы не обнаружили. Самые ценные гетман хорошо укрыл в батуринской земле, так писал Жак Марон, французский секретарь польского гетмана А.Н. Сенявского и снова взял их после ухода русских из сожженного Батурина. *Мацків Т.* Гетьман Іван Мазепа... С. 107. Сокровища Мазепы пытаются копать и до сего времени.

[132] *Зелов Д.Д.* Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII — первой половины XVIII в. История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М., 2002. С. 144–145.

[133] В связи с важностью этого отрывка помещаем его полностью: «В прошлом октябре месяце вор изменник бывшей гетман Мазепа по уходе своем к королю швецкому, своим сердюкам и кампанейцам и нескольким городовым [казакам] в Батуринской фартеции засесть и укрепитца велел с таким определением, ежели наступят войска Царскаго Величества, дабы по всякой возможности против оных противились и держались до тех мест, пока он с самим швец-ким королем на сикурс к ним будет.

И во втором числе того ж октября месяца по указу Его Царскаго Величества мы с 3000 ковалерии и с тремя полками инфантерии оную крепость осадили. И того ж дня к седящим во оной ворам писали указом Царскаго Величества, дабы нас в крепость пустили. На что они, воры, отвещали, что будут держатца до последняго человека, а в город не пустят. И когда мы с войском к реке приближились, тогда они выслали ис крепости 6 пушек и поставили над рекою для защищения мосту, которой прежде нашего приходу был у них розметан. Чего ради мы, ниже тех мостов, в дву лотках своих людей перевозить стали, что видя они, воры, тотчас и с пушками в город побежали, и нам мост очистили, которой

мы направя, и об ночь все войско за реку в место переправили. И того ж числа около полуночи выслали они ис крепости писмо, в котором писано, дабы их из города выпустить со всеми припасами и в том бы дать им сроку натри дни. И на то свое писмо не дождавшись отповеди, по утру, то есть в 1 день сего месяца октября стали из города по нашей гоупт квартире чрез реку також и по войскам при нас будучим, а на тот час близ места стоящим, ис пушек бить, не видя никакого от нас действа, ни к тому начинания.

Также предместье кругом города все зажгли, однако ж мы своих людей в предместье, хотя с трудом, ввели и некоторые пожары затишили, и близ города в домах засесть приказали. И того ж числа по полудни, в 4 часах в некотором удобном месте построя батарею, оную фартецию бомбандировать начали.

А по наступлении ночи, изготовя фашины и лесницы, к штурму изготовились. А имянно господину генералу-маэору Волконскому подле ворот правую сторону, полковнику Анненкову сзади от реки взвоз идти приказали, а с левой стороны для тревоги 200 человек татар засели, дабы оные пред штюрмом тревогу и крик и стрельбу учинили, чтоб те из той мест, кой мы штормовать намерились, людей отманить. И таким образом, во 2 день по полуночи, о 6 часах, когда сзади чрез татар учинилась тревога, тогда болшая часть их воров, на тое тревогу пошли. А тем времянем наши з дву сторон штурмовать начали. И понеже лесницы были коротки, то и без лесницы, с помощию Божиею, на город чрез немалую стрельбу вступили. По двучасном огню оную фартецию взяли, в которой воров многих побили, а достальных живьем побрали, между которыми и старшин — войсковой подобозной Фридрик Кенексек и сотник також, и атаман[ы] батуринские, и иные знатные и[з] старшин.

И таким образом, чрез помощь Божию, щастием же преславного оружия Царскаго Величества, сия воровская кампания в конец разорена. В той же фартецыи взяли пушек медных *(Далее пробел и на полях в фигурных скобках под знаком вставки написано:* «Сколько числом имянно, не написано») да мазепин багаж, и людей, и конюшню его, и з 2000 лошадей. Взятые старшина сказали, что за день до штурму прислан к ним указ от швецкаго короля и от Мазепы, чтоб по крайней возможности держались и были б все надежны, что они со всею швецкою потугою их секундовать идут. И тот указ читан у них по извы-чаю всему войску и потому де указу они учинили» // Riksarkivet, Stockholm. Diplomática. Extranea. Vol. 158. 3. Без полистовой нумерации *(Беловой текст, написанный почерком началаXVIIIвека. Перед текстом в фигурных скобках на полях слева:* «Х кому и от которого писано, неведомо. Справитца с юрналом».)

[134] Сообщение английского посла в Вене П. Медоуза от 26 декабря 1708 г. *Мацьків Т.* Гетьман Іван Мазепа... С. 247.

[135] *Грунд Г.* Доклад о России в 1705–1710 гг. Пер., ст. и коммент. д. и. н. Ю.Н. Беспятых. М.; СПб., 1992., С. 134, 170; «Амстердамский курьер» от 16 ноября 1708 г., «Лондон газете». *Мацків Т.* Гетьман Іван Мазепа... С. 119.

[136] *Павленко С.О.* Загибель Батурина... С. 112–120. Публицист Б.И. Сушинський голословно поднял это число до 21 тыс. погибших. *Сушинський Б.І.* Гетьман Мазепа: повернення до Батурина. Роман-есе. Одесса, 2001. С. 38.

[137] *Лазаревский А.* Исторический очерк Батурина. 1891. 18 с. Оттиск из Исторических чтений в об-ве Нестора летописца. Киев. Кн. 6. С. 8–10.

[138] ППВ. 8 С. 921. *Костомаров Н.И.* 1995. С. 684.

[139] *Кирилов И.К.* Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977. С. 170.

[140] ППВ. Т. 8. С. 1050.

[141] Петр I-В. В. Долгорукому 10 мая 1708 г. // ППВ. 7. С. 154, 161.

[142] ППВ. Т. 7. С. 133.

[143] ППВ. Т. 7. № 2366.

[144] ППВ. Т. 8. С. 274.

[145] *Прокопович Ф.* Сочинения М.; Л., 1961. С. 55–56.

[146] ППВ. Т. 8. С. 270–271.

[147] Патологической кровожадности у Меншикова отнюдь не было. Сохранились свидетельства о его достойном отношении к противнику: «Один шведский офицер, получив ранение в битве под Полтавой, будучи не в силах защищаться по причине усталости и слабости, был в конце концов вынужден сдаться в плен. Князь Меншиков, бывший свидетелем его мужества, приказал перевязать его раны. Когда этот офицер вылечился, Меншиков сделал его своим главным адъютантом... Именно так Меншиков относился ко всем офицерам, совершившим какое-либо замечательное дело». *Копанев Н.А.* К формированию образа А.Д. Меншикова в европейской публицистике. (Письмо, содержащее «Жизнеописание и портрет князя Меншикова от 7 декабря 1711 г. // Меншиковские чтения 2004. СПб., 2004. С. 58.

[148] *Павленко С.О.* Загибель Батурина... С. 121. Появляющаяся в ответ в России поверхностная публицистика, которая опирается только на письма Петра Великого, не заслуживает одобрения. См.: *Каревин А.* Выдумка старого гетмана // Имперское возрождение. М., 2007. С. 194–199.

[149] *Беспятых Ю.Н.* Крутые повороты историков // Нева 1989. № 2. С. 184. Батурин был сожжен и разорен до основания. Гистория Свейской войны Вып. 1. С. 294.

[150] Пучина бездонная. Хроника Натана Ганновера // Еврейские хроники 17 столетия (Эпоха «хмельничины».) Исслед., пер., и коммент. С.Я. Борового. М.; Иерусалим, 1997. С. 94–95.

[151] Sliesorunas Wywiad Moskiewski o wydarzeniach w WXL na przelomie wieku 17 I 18 // Etniczne, kulturowe I religijne pogranicza Rpltej w 16–18 ww. Torun, 2006. S. 113.

[152] C.M. Posses dagbok 1707–1709 // KKD. Lund, 1901. T. l. S. 335–336.

[153] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften... T. 3. S. 167–168.

[154] *Шутой В.Е.* Борьба народных масс... С. 348–350.

[155] Можно указать также на 127 тысяч погибших мирных жителей Черниговщины во время немецкой оккупации 1941–1943 гг. В огненном смерче 13–14 февраля 1945 г. сгорело 135 000 жителей и беженцев в Дрездене. (У, Черчилль настаивал на беспощадных бомбардировках еще нескольких центров сосредоточения населения в Восточной Германии.) Воздушной армией США в ночь с 9 на 10 марта 1945 г. в Токио было умерщвлено 83 793 чел., а американскими атомными бомбами — 78150 чел. 6 августа в Хиросиме и 40 тысяч чел. 9 августа в Нагасаки. Геноцид и этнические чистки проводили против поляков, цыган и остатков евреев в 1943–1944 г. бандеровцы: *«Акции мордования поляков украинцы (оуновцы) проводили с крайней жестокостью. Женщин, даже беременных, прибивали штыками к земле, детей разрывали за ноги, некоторых накалывали на вилы и перебрасывали через заборы, интеллигентов вязали колючей проволокой и бросали в колодцы, отрубали топорами руки, ноги, головы, отрезали языки, носы и уши, выкалывали глаза, вырезали половые органы, разрезали животы и извлекали внутренности, молотами разбивали головы, живых детей швыряли в пылающие дома. Живых людей перерезали пилами, женщинам отрезали груди, некоторых насаживали на колья либо умерщвляли палками. Многих людей обрекали на смерть приговорами — отрубая им руки, ноги, а затем головы. В подземелья зданий, и в подвалы, в которых пытались спастись большое количество людей, бросали гранаты, или связки подожженной соломы»* Рапорт комендатуры Армии Крайовой (АК) района Львова 1 сентября 1943 г. *Поддубный Л.* С. 117.

[156] Слово похвальное в честь славных дел светлейшаго Римскаго и Российскаго государства князя Ижорскаго… Александра Даниловича Меншикова, проповеданное в Киеве, в церкви монастыря братского киевского Богоявленского… лета господня 1709 месяца декемврия 5 дня // Феофана Прокоповича архиепископа Великого Новаграда и Великих Лук… слова и речи поучительныя, похвальныя и поздравительныя. СПб., 1760. Ч. 1. С. 65–66.

[157] *Павленко С.О.* Оточення гетьмана…С. 292.)

[158] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften... T. 3. S. 156.

[159] *Löjtnanten Fr. Chr. von.* Weies dagbok 1708–1712 // Historiska handlingar. Stockholm, 1902. Del. 19. № 1. S. 18.

[160] *Petre R.* Fänrik Robert Petres dagbok 1702–1709 // KKD. Lund, 1901. T. 1. S. 192; J.M. Norsberghs dagbok // KKD. Lund, 1907. T. 3. S. 202; Självbiografiska anteckningar af Anders Westerman // KKD. Lund, 1912. T. 7. S. 287–288.

[161] *Agrell S.* Sven Agrells dagbok 1707–1713. Stockholm, 1988. S. 18.

[162] *Krman D.* Itinerarium. Cestovny dennik. Bratislava. 1984. S. 70–71.

[163] Если драгуны проникали через подземелье или тайную калитку, то почему там не было стражи, которая била бы каждого появлявшегося? Можно предположить, что в старых стенах Батурина было много щелей, проходов и дыр, через которые бежали мазепинцы и жители. Павленко считает, что под фортецией была «разветвленная сеть подземных ходов… шириной и высотой по 2 м, где могли укрыться тысячи людей». *Павленко С.О.* Загибель… Батурина. С. 117.

[164] *Krman D.* Itinerarium. S. 65. Там же Д. Крман дал портрет Мазепы: «Это человек лет за семьдесят, с диким выражением [лица], соответствующим нраву казаков, знающий латынь, польский и русский языки, очень богатый...». В фальсифицированном украинском переводе: «Этот, более 70 лет муж имеет мужественный вид, свойственный казацкому гению. Говорит латинским, польским и русским языком, владеет большими богатствами...». *Крман Д.* Подорожній щоденник. (Itinerarium 1708–1709.) Київ, 1999. С. 35.

[165] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften... T. 3. S. 155. Здесь автор спутал Чечеля с Кенигсеком.

[166] См. Доба гетьмана... С. 679–683.

[167] *Шутой В.Е.* Измена Мазепы // Исторические записки. М., 1950. С. 180–185.

[168] Там же. С. 181.

[169] 23 декабря Петр указал задержать Палия в Москве // ППВ. Т. 8. С. 374.

[170] ППВ. Т. 8. С. 287, 289.

[171] *Оглоблин О.* С. 66–67.

[172] *Мацьюв Т.* С. 96. Адлерфельд тоже писал, что Мазепа стал колебаться и собирался вернуть милость царя.

[173] *Яковлева Т.Г.* Мазепа-гетман... С. 61.

[174] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften... T. 3. S. 166.

[175] Доба гетьмана... С. 354.

[176] *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию М. 2002. С. 356.

[177] Копия этого дела имеется и в киевском Институте рукописей Научной библиотеки им. В.И. Вернадского. Афера Мазепы вкратце была изложена С.М. Соловьевым и Д.Н. Бантышом-Каменским, однако все историки обошли вниманием зачеркнутые места этого письма, дающие дополнительные подробности дела. Публикацию этого письма см.: *Бантыш-Каменский Д.Н.* С. 212–213.

[178] Так, вслед за Ф.М. Уманцем, пишет Павленко С.О. (Загибель Батурина...) С. 153 и Сокирко О. (Лицарі... С. 111.) Эмигрантская и современная украинская историография замалчивает эту тему. С.О. Павленко исключил его из солидного издания «Доба Івана Мазепы в документах. Київ, 2007.

[179] См. ППВ. Т. 8. С. 359, 1051.

[180] Полтавская битва 27 июня 1709 г.: сборник документов и материалов. М., 2009. (В печати.)

[181] *Agrell S.* Sven Agrells dagbok 1707–1713. Stockholm, 1988. S. 34; *Горяинов С.М.* Записки сподвижника Карла XII (К истории Северной войны) // Журнал русского военно-исторического общества. СПб., 1910. Кн. 2. С. 40.

[182] *Бантыш-Каменский Д.Н.* Ч. 2. С. 202–205.

[183] *Таирова-Яковлева Т.Г.* Мазепа. М., 2007. С. 227.

[184] *Смолш В.А., Степанков В.С.* Державна ідея за козацкої доби // Історія украшського козацтва. Нариси у двох томах. Київ, 2006. Т. 1. С. 271.

[185] *Siltmann D.N.* «Volontären» vid Svenska armen... S. 319.

[186] Из приложений Иоганна Гюбнера к «Историческим, генеалогическим и географическим вопросам» 1712 г. // Полтавская битва — 27 июня –1909. Издание общества ревнителей военных знаний по случаю 200-летия «Преславной баталии». СПб., 1909. С. 198.

[187] С.О. Павленко ошибочно пишет, что они сдались на милость царя под Переволочной. Тогда у Днепра сдалось 2700 казаков.

[188] ППВ. Т. 9. С. 361, 372.

[189] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften... Т. 3. S. 168.

[190] «Мазепа, по приходе с своими казаками к Гадячу 18(19) ноября, имел дело с неприятелем, занимавшим небольшой город Веприк, в одной миле от Гадяча. Принужденный отступить к Гадячу, Мазепа сам приехал в Ромны». — Гилленкрок А. Сказание о выступлении его величества короля Карла XII из Саксонии и о том, что во время похода к Полтаве, при осаде ее и после случилось // Военный журнал. 1844. № 6. С. 60.

[191] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften... S. 166.

[192] Там же.

[193] ППВ. Т. 8. С. 1005.

[194] ППВ. Т. 8. С. 1032; Т. 9. С. 538. «А как учинился пожар по повелению вышних командиров, около города, понеже многие тому грабежу причастны, и ныне сыскиваю. А что сыщется и у кого имянно, о том буду писать впредь». А.И. Ушаков — Петру 125 декабря 1708 г. // РГАДА. Кааб. ПВ. Отд. 2. Кн. 8. Л. 25 об.

[195] *Шутой В.Е.* Малоизвестный источник по истории Северной войны // Вопросы истории. 1976. № 12. С. 98; *Гилленкрок А.* Военный журнал. 1844. № 6. С. 72.)

[196] «Но Его Величество не имел ни малейшего сострадания ни к высшим, ни к низшим офицерам и многим солдатам, которые были ранены или умерли», — писал пастор А. Вестерман.

[197] «Табель всей шведской пехоте в каком состоянии обреталася марта в 3 день 1709 году» // РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 10. Л. 576.

[198] Рассказ солдата, бежавшего из шведского плена. РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. 1709. Д. 2. Л. 3.

[199] ППВ. Т. 8. С. 1006–1007.

[200] *Рабинович М.Д.* Полки Петровской армии 1698–1725. Краткий справочник М. 1977. С. 58.

[201] ППВ. Т. 8. С. 968

[202] ППВ. Т. 9. С. 511–512; *Григорьев Б.Н.* Карл XII, или пять пуль для короля. М., 2006. С. 287.

[203] *Гилленкрок А.* // Военный журнал. 1844. № 6. С. 70.

[204] ГСВ. Т. 1. С. 295.

[205] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 13. Л. 59.

[206] *Weihe Fr. Chr.* Löjtnanten... S. 72.

[207] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften... Т. 3. S. 180.

[208] *Krman D.* Itinerarium. S. 126.

[209] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 9. Л. 260 535. Такую гипотезу разработал А. Стилле и ее поддержал С.Ф. Платонов. (К истории Полтавской битвы // Русская старина 1909. № 1. С. 28–34.) Ее опровержение см. Carlsson E. Det svenska hogkvarteret plannlaggning av slaget vid Poltava // KFA. 1947. S. 130–148.

[210] Отсюда видно, что мазепинцы ничем не помогли шведам.

[211] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften... T. 3. S. 183.

[212] Например, коменданту Переяслава полковнику М. Сухареву и всем урядникам было приказано служить «до последней крови живота своего и для награды государевой милости и вечной хвалы своей». Не склоняться на подговоры сдать город, смотреть друг за другом и, если комендант, офицер или солдат будут говорить о сдаче, тех, «помня свое крестное целование государю», сажать за крепкий караул. Если комендант или солдаты сдадут город, то будут казнены без милосердия. РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 2. Кн. 53. Л. 934.

[213] ППВ. Т. 9. С. 20–21, 649.

[214] *From P.* Katastrofen... S. 255.

[215] *Кротов П.А.* Битва при Полтаве. К 300-летней годовщине. М., 2009. С. 148.

[216] ППВ. Т. 9. С. 692.

[217] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften... T. 3. S. 185–186.

[218] ППВ. Т. 9. С. 641. 50 человек, захваченных шведами под Опошней, а также другие пленные, были отбиты 4 февраля русскими (Запись Зильтмана 4(15) февраля)

[219] ТИРВИО Т. 4. Прим. к главе 10. С. 23.; 29 марта Петр предупреждал А.Д. Меншикова не давать баталии в его отсутствие // ППВ. Т. 9 № 3140. 19 мая Меншиков отвечал, «что баталии давать елико можно, оберегаемся» // ППВ. Т. 9 С. 905–907.

[220] ППВ. Т. 9. № 3047.

[221] ППВ. Т. 9. № 3048.

[222] ППВ. Т. 9. № 3179, 3187, 3190, 3199. и прим.

[223] См. его письмо от 31 марта (11 апреля) 1709 г.// РИО. Т. 50. С. 161–162.

[224] *Weihe Fr. Chr.* Löjtnanten... S. 30.

[225] Там же.

[226] Там же. S. 31.

[227] Каролинцы, преувеличивая, писали, что они «устилали мертвыми телами дорогу», причем мазепинец Герцик якобы зарубил собственноручно 30 врагов. Если верить Вайе, то было убито до 500 человек, захвачены литавры и 2 штандарта // *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften... T. 3. S. 189.

[228] ППВ. Т. 9. С. 693–694.

[229] *Levenhaupt A. L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse... S. 218.

[230] ППВ. Т. 9. С. 693–694. См. также: *From P.* Katastrofen... S. 259.

[231] *Weihe Fr. Chr.* Löjtnanten... S. 32.

[232] ГСВ. 1. С. 296 Шугой В.Е. «Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII в 1700–1709 гг.». М. 1958. С. 348–350.

[233] А.Д. Меншиков И.И. Скоропадскому 16 (27) февраля // ППВ. Т. 9. С. 691.

[234] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften... T. 3. S. 190.

[235] *Гилленкрок А.* Сказание… С. 77–78.

[236] *Weihe Fr. Chr.* Löjtnanten... S. 33–34.

[237] *Siltmann D. N.* S. 292. Коломак был на расстоянии около 60 км к северо-востоку от Полтавы и на таком же расстоянии от степного пограничья запорожских казаков. Эту местность нельзя относить к «Татарии» (причерноморским степям Крымского ханства.)

[238] ГСВ. Вып. 1. С. 297.

[239] ППВ. Т. 9. С. 719–721; ГСВ. Т. 1. С. 297.

[240] *Weihe Fr. Chr.* Löjtnanten... S. 35.

[241] Шереметев — Петру 26 февраля 1709 г. из Миргорода // ППВ. Т. 9. С. 756–758.

[242] ППВ. Т. 9. С. 767–768.

[243] ППВ. Т. 9. С. 32; см. также: А.Г. Волконский — А.Д. Меншикову 23 февраля 1709 г // ППВ. Т. 9. С. 734.

[244] Krigsarkivet, Stockholm. Stora Nordiska kriget. Avd. 17. Vol. 18.

[245] *Weihe Fr. Chr.* Löjtnanten... S. 34.

[246] Из последних стенаний см.: *Anusik Z.* S. 226–227.

[247] Расспрос казака Мирона Петрова в Сумах 13 января 1709 г. // РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 18 Ч. 1. Л. 67 об.

[248] ППВ. Т. 9. С. 80. См. также РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 51 Л. 56–59

[249] *Никитин Н. И.* О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков XVI — середины XVII века // История СССР. 1986. № 4. С. 175; *Он же*: О формационной природе ранних казачьих сообществ // Феодализм в России. Сборник статей и воспоминаний, посвященный памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1987. С. 236–245; *Он же*: Вольное казачество в истории России XVII в. // Преподавание истории в школе. 1999. № 7. С. 11.

[250] *Никитин Н.И.* Казачьи сообщества как пример самоорганизации внесословных и внеклассовых социальных слоев XVI–XVII вв. // Сословия и государственная власть в России. XV — середина XIX вв. Международная конференция-чтения памяти академика Л.В. Черепнина. М., 1994. С. 5, 8–9.

[251] «… масса запорожского войска хотела оставаться за Россией и никак не за Польшей, а тем более за Турцией… Запорожцам всегда легче чувствовалось в мужицкой России, чем в аристократической Польше» // *Яворницкий Д.И.* История запорожских казаков в 3-х томах. Киев, 1991. Т. 3. С. 289.

[252] Вражда к гетману с особой силой прорвалась после Полтавской битвы, когда в степи за Днепром запорожцы собрались схватить Мазепу и выдать его царю. См.: Доба гетьмана Івана Мазепи в документах. Упорядник С. Павленко. Київ, 2007. С. 639.

[253] РГАДА. Ф. 229. Оп. 3. № 155. Л. 19, 92–103 об. Документ предоставлен А.В. Маловым.

[254] *Станіславський В.В.* Запорозька Січ у другій половини XVII — на початку XVIII ст. // Історія українського козацтва. Нариси у двох томах. Київ, 2006. Т. 1. С. 558–586.

[255] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften... T. 3. S. 196.

[256] ППВ. Т. 9. С. 97.

[257] *Siltmann D.N.* «Volontären» vid Svenska armen... T. 3. S. 296. Относительно числа казаков кошевой атаман Гордиенко явно прихвастнул, желая набить себе цену.

[258] Северная война... С. 453. *Levenhaupt A.L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse... S. 220. В русскую и украинскую историографию вошла цифра в 8 тысяч, пущенная в обиход Г. Адлерфельдом.

[259] *Гилленкрок А.* Сказание... С. 80. Переговоры не имели успеха, но Левенец попал под подозрение и в марте 1709 г. был удален в Харьков, откуда рассылал универсалы, чтобы все казаки Полтавского полка собирались немедленно под его команду и «чинили поиск» над шведами // ППВ. Т. 9. С. 830. Полтавчане же («поспольство») не собирались переходить к Мазепе и «убили одного заводчика к бунту — ратушного писаря» // Северная война. С. 421.

[260] Полевая канцелярия короля вплоть до конца июня 1709 г. внушала каролинцам надежду на 40-тысячную помощь из Крыма // *Возгрин В.Е.* Россия и европейские страны в годы Северной войны. История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986. С. 224.

[261] См.: *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 54–55.; 17 июня везирь хана говорил посланцу в Крым В. Блеклому: «ныне де мы приняли писмо из ваших полков от Бориса Петровича Шереметева и от князя Александра Даниловича Меншикова, пишут де к нам, что друзья и мы де так[же] желаем миру и дружелюбия» // *Санин О.Г.* Статейный список В. Блеклого о дипломатической миссии в Крымское ханство (май-июнь 1709 г.) // Вестник архивиста. Информационный бюллетень. М., 2005. № 5–6. С. 269–283. Крымская орда в 1709 г. под Полтавой не спасла бы шведов, как не спасла она турок в Азове в 1695–1696 гг. Нерегулярное крымская конница была бы нейтрализована казаками и калмыками. Время же побед крымцев над поляками в 1648–1649 гг. и над русскими (Конотоп 1659 г., Чудново 1660 гг.) ушло в далекое прошлое.

[262] «А которые ныне в Сече казаки, и те самые лутчие... и тогда единомысленно хотели служить Его Царскому Величеству. А того, чтоб им соеди-нитися с Мазепою, отнюдь никто не советовал... Гордеенко... и тех, которые ныне при нем, привел к Мазепе, обманув». Расспросные речи запорожцев Н. Иванова и И. Романова 30 марта 1709 г. // ППВ. Т. 9. С. 746–747.

[263] *Таирова-Яковлева Т.Г.* Батуринский архив Ивана Мазепы // Батуринська старовина. і Київ, 2008. С. 179.

[264] *Hermelin O.* Bref från Olof Hermelin till Samuel Bark 1702–1709. Stockholm, 1913. S. 164–165.

[265] ППВ. Т. 9. С. 1078.

[266] *Siltmann D.N.* «Volontären»... S. 300.

[267] ППВ. Т. 9. № 3151 и прим.

[268] Описание битвы по польским архивным данным см.: *Віцько Д.В.* Кампанія 1709 г. на захадзе Украіньї // Северная война 1700–1721 гг. и исторические суцьбы Европы. К 300-летию со дня битвы при д. Лесная. Могилёв, 2008. С. 78–80

[269] ППВ. Т. 9. С. 135.

[270] «Реляция предавшегося Григорья Новгородца, бывшего покоевого Мазепина» // ППВ. Т. 9. С. 931.

[271] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften... T. 3. S. 203.

[272] *Гилленкрок А.* Сказание... С. 83, 85.

[273] ППВ. Т. 9. С. 810–811.

[274] Копии писем К. Пипера и Мазепы к Юсуф-паше // РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1709. Д. 1. Л. 169 об. –171.

[275] РГАДА Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 18. Л. 156об., 162.)

[276] *Gyllenstierna N.* Nils Gyllenstiernas berattelse. S. 81–82.

[277] Там же. S. 82–83.

[278] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften... T. 3. S. 262–263.

[279] *Weihe Fr. Chr.* Löjtnanten... S. 37–38.

[280] *Gyllenstierna N.* Nils Gyllenstiernas berattelse. S. 84.

[281] ППВ. Т. 9. С. 828–829.

[282] Петр «зело порадовался» удачному началу новой кампании 1709 г. и особенно тому, что авторитет шведского оружия оказался подмочен: запорожцы, увидев, что шведов бьют, будут разбегаться. Петр — Меншикову 21 апреля 1709 г. ППВ. Т. 9. С. 153.

[283] *Weihe Fr. Chr.* Löjtnanten... S. 38.

[284] *Weihe Fr. Chr.* Löjtnanten... S. 36.

[285] Там же.

[286] ГСВ. Вып. 1. С. 298.

[287] *Jeffreyes J.* Captain James Jeffreyes's Letters... S. 71.

[288] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften... T. 3. S. 206.

[289] ППВ. Т. 9. С. 855.

[290] Шереметев — Петру I 24 апреля из Лубен // ППВ. Т. 9. С. 876–877.

[291] *Weihe Fr. Chr.* Löjtnanten... S. 35.

[292] ППВ. Т. 9. С. 876.

[293] Г.И. Головкин — Петру 14 мая 1709 г. // РГАДА. Каб. ПВ. **Отд**. 2. Кн. 10. Л. 412 об. – 414; там же. Кн. 9. Л. 334; ППВ. Т. 9. С. 878–879.

[294] ТИРВИО. Т. 3. С. 256, 258.

[295] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften... T. 3. S. 205.

[296] ППВ. Т. 9. С. 865.

[297] *Гиленкрок А.* Сказание... С. 86.

[298] Там же. С. 89.

Глава VI. Генеральная баталия

6.1. Полтавская операция

Победа в сражении на Полтавщине (май–июнь 1709 г.), была одержана русской армией при содействии полтавского гарнизона, казаков и партизан Украины.

Полтава была крепостью, расположенной в сотне километров от владений запорожцев и всего в двух сотнях километров от пограничья Крымского ханства. Шведы, привыкшие к солидным каменным фортециям, зачисляли ее в разряд «хилых крепостей», готовых якобы пасть, как только появится шведская пехота[1]. Полтавскую крепость, конечно, нельзя сопоставлять с европейскими твердынями — ее валы, палисады и бревенчатые башни были рассчитаны прежде всего для защиты местного населения от крымских татар. Но город оказался крепок не земляными валами и частоколами, а духом защитников. Поход шведскою короля к Полтаве не имел ничего общего с «возобновлением наступления на Москву через Харьков и Белгород», о чем по устаревшей концепции шведского историка А. Стилле традиционно пишется в отечественной историографии[2].

«Полтава слова доброго не стоила и если бы ее с ходу атаковали, то мы обошлись бы меньшими потерями, чем потом при рытье траншей Противник получал возможность все больше укрепляться и вводить пополнения по ночам. При нашей же работе все шло очень медленно, так как не хватало материалов и разных принадлежностей. Было убито или ранено неприятелем много землекопов. Наши орудия не могли пробить брешь, не хватало ни пушек, ни амуниции и приходилось собирать ядра, которыми враг обстреливал нас, да к тому же те были большей частью не пригодны, так как были коваными. Если бы мы, наконец, и взяли то место, к которому подводили траншеи, то ничего бы не приобрели, так как от настоящей крепости оно было отделено глубокой лощиной и валом…» — так после пленения критиковал короля генерал А.Л. Левенгаупт, принижая полтавские укрепления[3]. Некоторые офицеры отговаривали осаждать Полтаву из-за нехватки осадных орудий, пороха и свинца.

Шведский лейтенант Ф.Х. Вайе утверждал, что король обложил Полтаву с целью вызвать на бой русскую армию и добавлял, что захватить этот город будет трудно: *«Полтава один из небольших городов Украины, бойко торгующий с Киевом и поэтому хорошо обеспеченный разными товарами — вином, плодами, сукном и др. Но у него нет других укреплений, кроме тех, что имеют обычно прочие казачьи города, то есть рубленую из бревен стену и на ней там и сям деревянные башни. С востока*

и юга он стоит на высоком возвышении, но с запада и севера — плоская равнина. Ворскла протекает с востока на расстоянии нескольких пушечных выстрелов. Но так как русские за несколько недель уже ожидали осады, они против монастыря и открытого поля соорудили много новых казематов для ружейной стрельбы и один редут, куда затащили несколько пушек. На вал поставили испанские рогатки и палисад, а внутри его сделали глубокий, обложенный досками ров. Таким образом, с гарнизоном в 4 тысячи человек, они могли сопротивляться довольно долго, так как у нас особо обстоятельной осады не было»[4].

Так или иначе, Карл XII свою высокомобильную армию и свой полководческий талант «закопал» в полтавскую землю. В ночь на 1 мая он сам, как рядовой солдат, на животе подползал разведать валы Полтавы. Два часа работали шведы под покровом ночи, прежде чем были обнаружены. Часовые на стенах по старому обычаю окликали друг друга паролями и не сразу услышали шум работ, но потом «зажгли вокруг всего вала огни... и начали бросать на поле светящиеся ядра». Реншельд искренно удивлялся: «неужели русские до такой степени безрассудны, что станут защищаться?»[5].

Время под Полтавой Левенгаупт назвал «проклятущим чистилищем» из-за предчувствия будущей катастрофы, диареи, резких спазм и потери аппетита. К такой характеристике могли бы присоединиться и другие шведы. С мая началась жара. О голоде речи не шло, но трудностей с продовольствием хватало. Скота Мазепа поставлял вдосталь, но в хлебе была «великая скудость... только по четыре фунта на четырех человек на четыре дни»[6]. Трудно было достать и водку, которая считалась тогда лечебным средством. Гарнец (1,4 л) водки стоил 16 рейхсталеров.

В длинной шведской параллели недалеко от мазуровского вала на случай штурма могло поместиться, как писал Юлленкрук, 2 тыс. человек. Для охраны рабочих команд, копавших траншеи, шведы выделяли ежедневно по 500–600 солдат, и в первую же ночь погибло около 50 человек — защитники били без промаха даже по ночам.

В качестве превентивной контрмеры против осадных траншей полтавчане поставили вдоль вала и в предместье на нескольких линиях бочки, туры с землей и заборы из досок. «Досчатый ретраншемент, построенный неприятелем в пригороде, можно бы столкнуть ногою, но чтобы сбить его, для этого мы не имеем ни ядер, ни пороха», — отмечал Юлленкрук.

Если в Белоруссии шведы наступали, то на Гетманщине они оказались в окружении. Войска Меншикова скопились севернее Полтавы вдоль Ворсклы «линеею от Опошни... в 2 пушечных выстрелах» до Котельвы. Шереметев подходил с юга к Голтве и р. Псел. На Украине «все казаки против нас» — говорил Юлленкрук. Шведов брали в клещи, чтобы заставить отойти от Полтавы.

Начало земляных работ против южного предместья вызвало удивление русского штаба. «И начал атаковать на самом крепком месте. И потому разсуждали, что он удобных инженеров при своей армии не имел», — писал в своем «Историческом описании Северной войны» Л.Н. Алларт, критикуя Юлленкрука[7].

9 мая Петр указал «диверсией» у Опошни или русской армией из-за Ворсклы оттянуть противника от крепости, «понеже сие место зело нужно»[8]. Меншиков предвосхитил план царя.

Русские генералы, как и в деле при с. Доброе, решили нанести двойной удар. Генерал-майору Ф.И. фон Беллингу было поручено идти «вниз Ворсклы реки к Опошне вкруг», а Меншиков двинулся атаковать неприятеля «с лица в транжаменте» по трем мостам, наведенным ночью. Резерв князя Репнина должен был действовать по обстановке.

Вдоль правого берега Ворсклы противник, согнав несколько сотен украинцев, отсыпал земляные укрепления и, зная о подходе русских, с 6(7) мая палил из пушек. В маленьком городке Опошня находилось по 2 полка пехоты и драгун, а также полторы тысячи захваченных в Веприке пленных.

Русская тактика оставалась прежней — удар и быстрый отход. На рассвете 7 мая, 5–6 тысяч (по оценке шведов) кавалерии вплавь, а пехота по трем мостам, несмотря на сильный пушечный огонь, перешли через рукава реки и топь и бросились с холодным оружием на шведские шанцы, за которыми находились 4 эскадрона конницы и 300 чел. пехоты генерал-майора Рууса. На выручку им никто не пошел. В шанцах были захвачены 2 пушки, 2 знамени, майор Лоде, офицеры и до 70 рядовых. Когда наступающие двинулись к палисадам Опошни, оттуда вышли и выстроились к бою 3 конных и 12 пехотных шведских полков. Однако после обстрела шведы «пришли в конфузию и ретировались в Опошню», предварительно подпалив предместье. Войска Меншикова с разных сторон начали обстрел городка и запустили туда из мортир до 180 больших бомб. Было перебито до 600 чел. шведов и более 300 пленено, освобождено несколько сотен украинцев, согнанных на земляные работы. Беллинг, как и Пфлюг под Добрым, «за трудными переправами и за дальним обходом» не поспел к бою.

На гром канонады Карл и Реншельд вместе с другими генералами спешно бросились через Будыщи к Опошне, за ними поднялась вся шведская кавалерия и большая часть пехоты, однако вступить в сражение им не удалось. Меншиков поджег предместье, снес мосты и под прикрытием дыма успел отступить к Котельве. Драгуны полковников Дюкера и Таубе помчались из Опошни и загнали 100–200 человек русского арьергарда в Ворсклу. Убитых, утопших и раненых русских оказалось около 600 чел.[9] Ожидая нового нападения, король ночью 8 мая держал все полки под

ружьем. Утром он дотла выжег Опошню, покинул Будыщи и 10 мая переместился к с. Жуки, совсем рядом с Полтавой[10]. Русских пленных перевели в Старые Санжары под надзор генерал-майора Крусе.

В результате боя у Опошни Полтаве был дал «отдух» на некоторое время. Площадь квартирования шведов уменьшилась до опасной черты. «Швед ныне и сам от войска нашего окружен и под Опошнею побит, и потеряв пушки и знамена и немалое число людей, ушел от войск наших», — писалось в царской грамоте 17 мая[11]. Фуража для них было в достатке, трава выросла, и каждый драгун ежедневно приносил коню по 3–4 охапки зеленого корма. Продовольствия было в обрез, за деньги нельзя ничего было купить, и каждый шведский солдат желал битвы, которая дала бы «хлеб или смерть» («Brodt oder Todt»)[12]. На штурм король не решался и попытался «уничтожить пушками слабые из досок ретраншементы неприятеля», но артиллерия, как писал Юлленкрук, *«не имела большого запаса ни в ядрах, ни в порохе. Даже пехота, расположенная у апрошей, перестала стрелять от недостатка пороха. Ободренный тем неприятель наносил нам большой вред своею стрельбою, лишь только швед выказывался из-за траншей у песочных мешков. Вследствие этого, король решился зажечь палисады для распространения пожара в неприятельских ретраншементах на валу. Но неприятель, увидев приближение огня, отодвинулся со своими бочками и досками и принялся тушить пожар. Я заметил королю, что все наши подобные предприятия не выгонят неприятеля из Полтавы, если мы не решимся на штурм; но что прежде надобно или сбить, или сжечь деревянную башню. Король отвечал, что не согласен на штурм, а сжечь башню сейчас прикажет… Артиллерия направила огонь на башню; однако зажечь ее не удалось, потому что неприятель тушил пожар, а артиллерия по недостатку снарядов и орудий не могла постоянно поддерживать огня»*[13].

Вместе с тем противник добился некоторого успеха. 8 мая гвардейцы и 50 гренадер лейтенанта К. Поссе с 30 гренадерами его брата лейтенанта А. Поссе по траншеям, подведенным почти к валу Полтавы, внезапно начали атаку у Мазуровских ворот. Три часа гарнизон упорно отбивался, контратакуя, но гренадеры, забросав защищавшихся гранатами, заставили их отступить и овладели частью вала и тремя пушками. Шведские потери составили 6 чел. убитыми и 10 ранеными[14]. Алларт отметил, что противник *«некоторую часть города взял, однакож от того места к самому городу был зделан пруд, и так что никоим образом с того места за водою глубокою атаковать прямого города было невозможно»*[15].

Тогда же Меншиков развернул поражающую активность. После военного совета он быстро перебросил на юг войска и всю артиллерию, стал лагерем против Полтавы и приказал мостить переходы к городу через Ворсклу. Несколько драгунских и пехотных полков расположились вверх

и вниз по реке «в потребных местах для осмотрения». К русскому лагерю с востока через многочисленные ручьи и реки была проложена дорога для подвоза боеприпасов и продовольствия. Из Полтавы производились вылазки, на отражение которых посылались кроме шведов и запорожцы.

14 мая «воинская дума» под руководством Меншикова постановила ввести в Полтаву дополнительные силы. Была задумана военная хитрость: 15 мая за шесть километров вверх и вниз от Полтавы русские конные отряды с 12 часов ночи до 5 часов утра гремели «великой стрельбой» из пушек и ружей, чтобы «шведы чаяли, что на их людей тамо атака чинится и тако не знали, куда обратится»[16]. У деревни Петровка русский батальон вел огонь по мельнице, где находился шведский пост с унтер-офицером и 12 рядовыми и заставил их бежать. (Через 10 дней по приговору военного суда унтер-офицер был расстрелян.) Карл XII, полагая, что предстоит крупная схватка, приказал привести в боевую готовность большое количество войск, подхватил лейб-регимент и помчался на гром ложной тревоги.

В ночь на 15 мая Меншиков приказал сделать через болотистую шириной в 2 км пойму Ворсклы переходы. Ближе к рассвету украинские крестьяне, знавшие все протоки Ворсклы, повели десант зятя Меншикова, бригадира А.А. Головина, к Полтаве[17]. «Счастливый прорыв в очах шведского войска» русского отряда в осажденный город удался без потерь. 900 солдат, положив на головы и плечи мешки с порохом и свинцом, где вброд, а где по фашинным переходам одолели водную преграду. Береговые караулы шведов были сбиты несколькими залпами, и полторы версты вверх к Полтаве десант прошел без потерь на глазах беспомощного поста у монастыря из 20 шведских кавалеристов. «*И тако в тот город оная наша пехота вся купно с амунициею, в очах шведского войска счастливо, без всякого урону чрез сии неудобосказуемые трудные пасы вошла, не потеряв ни единого человека к великому всех удивлению*»[18]. В тот же день легкая партия, отправленная за Ворсклу, перебив шведских караульных, угнала больше тысячи коней[19].

Лейб-регимент короля, впустую потратив силы, к вечеру стал у Крестовоздвиженского монастыря. Два батальона гвардии полковника Поссе были спешно отозваны из деревни Петровки к монастырю, причем из-за спешки там были брошены большие запасы зерна, с таким трудом разысканные шведами в ямах селян.

Защита Полтавы осуществлялась не только комендантом А.С. Келиным на стенах и валах, но и непрерывным давлением земляной крепости из-за Ворсклы. 16 мая русская армия усиленно вела огромные работы, чтобы соединиться с городом и принудить «тем неприятеля осаду оставить». Против Полтавы за Ворсклой Меншиков выстроил большой редут и поставил батарею из 9 пушек крупного калибра, которая держала под

обстрелом пространство вплоть до монастыря. Как только батарея была приведена в боевую готовность, князь повел через топкую пойму укрепленную линию с реданами и редутами[20] и прикрытую с обеих сторон рогатками.

Такой ретраншемент[21] за Ворсклой предусмотрительно был рассчитан на отпор неприятеля с разных сторон, в том числе и с тыла. Но ни одного нападения за Ворсклой шведская армия произвести уже не могла. Навстречу сверху вниз от Полтавы повел свою укрепленную линию храбрый бригадир А.С. Келин, командовавший гарнизоном уверенно и оперативно. Все укрепления росли на глазах — связки фашин набрасывались друг на друга, пробивались сверху кольями для скрепления и забрасывались с внешней стороны землей, выбранной изо рва.

Осада Полтавы ослабляла шведов, но на штурмы Карл XII не шел. Изнурение, боевые потери и безнадежность обложения Полтавы подрубили дух рядового состава и офицерского корпуса. Полковник Сигрот сказал королю, что «его честь и обязанность требуют высказать Его Величеству, что тот больше не может ни полагаться, ни доверять ни своим офицерам, ни солдатам».

Громадные русские работы Р. Петре описал 16(17) мая так: *«Утром было замечено, что неприятель напротив города со стороны поймы и большой пустоши продолжает работать как раз в направлении всех наших осадных сооружений. Днем и ночью постоянно доносятся звуки, свидетельствующие о том, что он все ближе подступает к Ворскле своей коммуникационной линией. Твердо можно заключить, что противник хочет проложить свободный проход к городу. Для противодействия Его Королевское Величество приказал полковнику Юлленкруку выдвинуть навстречу [контр]укрепление с сильным отрядом. Тут же сделали штерншанец*[22]*, куда вечером ввели подполковника Сильверспарре с командой в 200 человек.*

В тот же день подошло еще 2 000 запорожцев, которые будут продолжать [земляные] работы. Так что теперь этого народа с теми, что уже есть у нас, всего будет 6 000»[23].

Русское командование знало, что у шведов не хватает лопат и боеприпасов. Офицеры сдавали свою оловянную посуду на переплавку для пуль. Солдаты подбирали русские ядра, неразорвавшиеся бомбы и пули Гвардейцам на посты в осадные траншеи приходилось делать крюк в 8–10 км с северо-запада вокруг Полтавы, чтобы не попадать под огонь пушек. Кавалерия тоже устала от непрерывной заготовки и перевозки фуража и фашин.

В ответ на инженерные сооружения Меншикова Карл приказал вывести у реки три шанца с неглубоким рвом и палисадом и два редута на 30 чел., по две пушки в каждом[24]. Профиль шведских и русских укре-

плений был примерно одинаков — редуты, реданы и валы между ними. Отличие было в том, что русские были закрыты со всех сторон, а шведские открыты с тыла. Первый шанец на 200 чел. к югу от монастыря строила гвардия короля почти рядом с бывшим сожженным мостом. В густых зарослях у Ворсклы 3 полка отсыпали второй шанец на 100 чел. Третий «большой» шанец на 150 чел. на ровном месте возводили тоже три полка. Все они должны были соединяться валом. На 7, 5 км по обе стороны от Полтавы растянулись шведские позиции. Весь фронт от Нижних Млынов до Петровки составлял 18 км. Король отсекал путь к городу.

Меншиков принял решение пробиться сквозь шведские редуты, пока они еще не закончены. На сей раз рискованную дневную атаку усиливать отвлекающими ударами он не стал. Двойная атака из двух крепостей — из Полтавской и из-за Ворсклы была начата 17 мая.

В тот день А.Л. Левенгаупт наблюдал, как с утра землекопы прокладывали путь через четыре небольших рукава реки. После полудня русские батальоны строем подошли к трясине и, увязая в ней по грудь, с трудом выбрались на берег. Светлейший князь бросил на прорыв самые боеспособные части — несколько сотен (два батальона) гренадер. После залпов по гвардейцам короля, которые стояли за не выведенными на должную высоту валами, гренадеры «зело бодро» атаковали «гвардейский» шанец с пушками и прогнали оттуда шведов.

Горячий А.А. Головин, вдохновленный прошлым успехом, бросился на коне из Полтавы сверху на шведов с четырьмя сотнями солдат, перебил несколько десятков и загнал многих в реку. Были убиты подполковник Сильферспарр, капитан, прапорщик, несколько унтер-офицеров, свыше 30 рядовых; 60 человек было ранено. По другим данным, кроме Сильверспарра было убито 12 человек и 51 человек ранен[25].

Об этой вылазке шведы были заранее оповещены бежавшим пленным унтер-офицером, прислуживавшим у К.Э. Ренне. Сверху от монастыря сошла гвардия, возглавляемая Руусом и вюртембергским принцем Максимилианом. При непрерывном огне пушек сверху, она била пулями в тыл Головину. Коня под ним подстрелили и смелого бригадира пленили, однако большей части его солдат удалось вернуться в Полтаву. Как только они поднялись наверх, русский десант, атаковавший гвардейский шанец, отошел назад. Вся схватка длилась полчаса.

По русским данным убитыми и ранеными было потеряно до двухсот человек, по шведским — было 200 убитых, много раненых и 50 человек взято в плен[26]. Вайе писал о 300 убитых, из которых 20 было застрелено в топях Ворсклы, а около трех десятков, засевших в хате и отказавшихся сдаться, валахи сожгли живьем[27]. (Головин через четыре дня предпринял неудачную попытку бегства посредством подкупа часового 150 золотыми

монетами, взят под строгий арест и освободился только после капитуляции шведов у Переволочны 30 июня 1709 г.)

Согласованные выпады из города и из-за Ворсклы продолжались все время осады. Если русские потери были легко восполнимы, то для шведов убыль каждого человека была безвозвратной. Несмотря на неудачу, атака 17 мая показала активность русского командования и высокий дух полтавского гарнизона. Непрерывный обстрел из-за реки русскими ядрами, бомбами и гранатами снял на два дня шведское давление на Полтаву. В тот же день 17 мая Г.И. Головкин призвал Скоропадского (при котором было оставлено 3 драгунских полка генерал-майора Г.С. Волконского) придвинуться к Полтаве, чтобы «чинить развращение».

Лихость и дерзость не уставали проявлять степняки. Утром 18 мая удальцы калмыки и казаки переплыли реку совсем рядом со шведским лагерем, окружили 300 коней гвардейского батальона майора Юлленшерны и с громким гиканьем угнали всех за Ворсклу вместе с частью едва проснувшихся караульных. Шведские засады, которые ставились позже у самой реки в зарослях, не давали результата.

Традиционным приемом русской тактики было изматывание врага ложными тревогами. Ближе к вечеру того же дня Меншиков снова поднял все силы и, велев громко играть военной музыке, сделал вид, что собирается прорываться к Полтаве. Король приказал всей пехоте идти к монастырю и выстроить к бою две линии. Туда же поспешил и Реншельд с кавалерией. Фальшивая «диверсия» удалась — она заставила шведов целый день держать под ружьем всю армию. Около часу ночи с разных батарей из-за поймы была открыта сильная бомбардировка шведских позиций у монастыря. Непрерывный обстрел продолжался до 5 часов утра.

20 мая по шведам было выпущено более 60 артиллерийских снарядов. К 21 мая русские апроши у Ворсклы приблизились к шведским на расстояние мушкетного выстрела, и противникам пришлось работать только по ночам.

У Полтавы противники, разделенные частоколом, оказались на расстоянии броска камня. Солдаты и казаки стреляли из города как снайперы, а полтавчане воевали подручными средствами. Демонстрируя пренебрежение к врагу, они забрасывали шведов не только глиняными и бутылочными гранатами, камнями и поленьями, но всякой «гнилой тухлятиной», под которую попадал и король. Дважды красочно описал это Р. Петре: *«Я занял свой пост с 24 людьми в том месте палисада, где наши начали подводить мину под другой вал, возведенный противником внутри города. Это был опасный и так близкий к городу участок, что жители забрасывали нас дохлыми кошками, камнями, поленьями, гнильем и тухлятиной, и дважды или трижды попали в Его Королевское Величество, когда он был со мной… 21(22) мая. Утром противник начал стрелять пушками с того блокгауза,*

против которого я стоял. Кроме того, в мою сторону были брошены три гранаты, а также камни и поленья. Так как я находился недалеко от неприятеля, я швырял камни в них, они в меня. От их пушек и гранат центр команды не пострадал, но было потеряно пять солдат, которые стояли на своих постах и были поражены в лоб из штуцеров, а также семь запорожцев, слонявшихся у постов по траншеям и убитых таким же образом. Так что потери на моем участке в этот день составили 12 человек.

Все пространство, где стояло караульное прикрытие, я заслонил фашинами, а чтобы не было попаданий в парней, на бруствер поставил мельничный жернов, через отверстие которого можно было видеть то, что происходило впереди. За исключением отверстия все тело было полностью прикрыто от пуль. И несмотря на это, когда я время от времени посылал солдат смотреть вперед, эти пятеро бравых шведских солдат были поражены и пали на месте. Все выстрелы пришлись точно в лоб или в висок.

Его Величество, который пришел на мой пост около 10 часов, заметив на земле кровь и мозги, оставшиеся после выноса убитых, приказал мне покинуть это место на оставшуюся часть дня, так как, в конце концов, можно было и не только отсюда услышать, готовит ли противник вылазку. Этому я всеподданнейше подчинился и больше никого не выставлял там днем.

В 2 часа пополудни Его Величество снова появился. В это время полковник Юлленкрук велел вытесать из колоды голову, надеть на нее парик, коническую гвардейскую шапку а на палку мундир с рукавами, так, чтобы нельзя было отличить от человека. Я должен был там и сям поднимать чучело как можно быстрее вверх-вниз, чтобы заставить неприятеля, постоянно готового к стрельбе при виде всего, что движется, произвести как можно больше выстрелов.

Как только я немного выставлял цель над валом или бруствером, те одновременно стреляли по 2–3 раза. Я забавлялся этим уже полтора часа, когда Его Величество спросил, не устал ли я? Я хорошо знал свою выносливость и сразу ответил «нет», но он тем не менее тут же отобрал у меня чучело и сам поднял его несколько раз. Тут я увидел, как свыше 20 ядер и 300 пуль было выпущено по этой деревянной кукле, причем тулья шапки была продырявлена многими отверстиями.

Потом Его Величество, генерал Левенгаупт, генерал-майор Стакельберг еще долго развлекались здесь, «приветствуемые» из города 3–4 дохлыми кошками, собаками и гнилой тухлятиной, причем дохлая кошка попала и в плечо Его Величеству. Швырнули в нас и 9–10 бутылочных и глиняных гранат.

Потом Его Величество велел мне попробовать метнуть к ним 2–3 гранаты. Нам, находившимся ниже и в узкой траншее, нельзя было раз-

махнуться и намного сложнее кинуть в них, чем им в нас с высоты и со свободного места. Я покорнейше взялся попробовать. Первая граната взлетела высоко и упала вне их расположения до их частокола. Но двумя другими я угодил как раз за угол их палисада, где они собрались и заставил этих наглецов убраться оттуда и прекратить свои швыряния днем»[28].

С 22 по 25 мая Меншиков расширял переход к Полтаве на обе стороны и соорудил против постов шведской гвардии два больверка с пушками, простреливавших все вокруг вплоть до Полтавы. Шведам пришлось менять караулы только ночью. Карл XII, как всегда, презирал опасность и с небольшой свитой часто спускался от монастыря к своим линиям. Однажды, когда ядро чуть-чуть не угодило в монарха, каролинцы попросили его поберечь себя, ибо если случится несчастье, то у них не будет дальше охоты сражаться. Король ответил: «Тогда вы должны сражаться за славу».

23 мая в шведском лагере получили скверное известие, что Запорожская Сечь взята штурмом. Под этой датой Левенгаупт сделал знаменательную запись: «Гетман Мазепа перестал доверять своим казакам»[29]. Царь Петр полагал, что захватить Сечь будет трудно. Ни татарам, ни полякам взять ее было не под силу. Поэтому он предлагал присоединить к отряду П.И. Яковлева корпус князя В.В. Долгорукого, уходящего с Дона. Однако Яковлев справился без дополнительной помощи.

И русские и шведы изнывали от зноя и напряженных боев, жара затрудняла выздоровление как русских, так и шведских раненых. Каролинцы мрачно шутили, что у них «три доктора — чеснок, водка и доктор смерть».

Фашинные брустверы траншей и туры противника полтавчане поджигали горящими горшками со смолой[30]. Много вреда шведам наносила стрельба с высокой бревенчатой башни Мазуровского предместья («цитадели», как ее называли каролинцы.) До 13 мая неприятели «дважды к штурму себя покушали», но они были отбиты «полтавской президией».

Земляные и контрминные работы инженерная служба полтавского гарнизона во главе с подполковником инженером-французом Тарсоном вела образцово. 9 мая[31] она умело сорвала попытку взорвать валы Полтавы четырьмя центнерами пороха. Как известно, шведскую армию прошивала железная дисциплина, повышавшая ее боеспособность. Без позволения короля-полководца никто не осмеливаться принимать решения ни в войске, ни в государстве. (При таком же абсолютизме воинское послушание в русской армии было слабее, но царь Петр, напротив, инициативу вменял в обязанность.) Скандальная оплошность шведского командования граничила с глупостью: *«После полудня около 4 часов, капитан-минер Кронстедт дал знать, что противник ведет работы против него и находится не далее 6 локтей от его подкопа. Он попросил разрешения*

у полковника Кронмана, который держал дозор в траншее, взорвать мину, подведенную под основное городское укрепление противника. Но в отсутствие Его Королевского Величества тот не мог позволить это. Тогда он попытался обратиться к его превосходительству фельдмаршалу и Левенгаупту. Но и они не хотели отдать такой приказ без Его Величества. Получилось так, что неприятель около 6 часов добрался до мины и вынес наш порох. Вся работа пошла насмарку»?[32]

Карл Кронстедт (1672–1750) сделал блестящую военную карьеру. Он окончил Уппсальский университет, в 1699 г. стал старшим минером при артиллерии, чин капитан-минера получил в 1706, попал в плен в Переволочне, но вскоре бежал в Швецию. В 1712 г., возможно под впечатлением мощи русской артиллерии, начал реформы шведских артиллерийских соединений. К 1739 г. дослужился до чина генерала и шефа всеми вооруженными силами в Финляндии, в 1740 г. стал президентом Военной коллегии[33].

25 мая полтавчане произвели очередную вылазку. Схватки в траншеях происходили с большим ожесточением, своих раненых и убитых, как правило, уносили с собой. Петре писал: *«Я был свободен от вахты целый день и не знал, что противник сделал вылазку из города в траншеи и убил сержанта Хельсингского полка Якоба Лейона, который держал караул с 12 рядовыми в сапе, из которой неприятель унес наш порох. Этот сержант защищался до последнего, пока не был проколот русским штыком. Он все же уцепился за мушкет, выдернул его у русского, но тут же и умер, удерживая обеими руками ружье с воткнутым в него штыком. Неприятель ретировался в город тут же, когда другие наши, стоявшие неподалеку, бросились все разом к нему на помощь. Противник оставил двух убитых, которых не смог утащить за собой в город. У нас вместе с сержантом оказалось трое убитых и двое раненых.*

Его Королевское Величество, спустившись в траншею, где лежали погибшие и раненые, и, увидев сержанта, лежавшего в прежнем положении, выразил сожаление и сказал, что тот был настоящим смельчаком; останься он в живых, то, несомненно, пожал бы плоды своей храбрости быстрым продвижением по службе. В целом не проходит ни дня осады, когда бы мы не теряли кого-нибудь из полка»[34].

26 мая полтавчане перебили в траншеях нескольких офицеров — майора, инженер-капитана, лейтенанта и нескольких рядовых (Г. Адлерфельд.) Обстрел русскими мортирами «по площадям» из-за Ворсклы не наносил ощутимых потерь. Бомбы повреждали палатки, но многие не разрывались и зачастую шведы запускали их обратно. Русские пушкари особенно донимали шведов навесным огнем во время их общих молитв и проповедей. «От ужасающего количества бомб не знали, куда уворачиваться», — писал один из каролинцев. Ответный огонь с батареи от монастыря был

слабее из-за нехватки боеприпасов, значительная часть которых была потеряна или испорчена при переправе у Рублевки.

27 мая в соответствии с приказом царя к Полтаве прибыл корпус Шереметева. «Заднепровское дело было успокоено», драгунские полки Г.С. Волконского и бригадира А.Г. Чернцова соединились с главной армией. К городу стянулись все силы русской и шведской армии. Нажим на шведов станет сильнее, уверял Меншиков: *«Господин фелтъмаршалк к нам сюда с корпусом своим щастливо прибыл вчерашняго дня и здесь, за помощию Божиею, во всем благополучно и по указу вашему надлежащее дело свое предуправляем. Как и прошлой ночи заложили последней шанец к самым неприятельским, по самую реку опрошам, по которому неприятель стрельбою зело жестоко наших утеснял и хотел нашему делу помешку учинить. Однако ж наши, при помощи Божии, утвердя себя крепко, устояли и нимало не уступили, токмо надлежащее свое дело изрядно основали, а к свету и гараздо себя поукрепили. И потому, какмочно, будем далее поступать и неприятеля, в опрошах будучаго, утеснять»?*[35]

До решающей баталии, переломившей ход Северной войны, остался ровно месяц.

В тот день шведы, возможно следуя примеру полтавчан, соломой, факелами и горшками со смолой пытались поджечь Мазуровскую башню, из которой велась убийственная стрельба. Под мушкетные пули и гранаты вызвался идти приговоренный в 1707 г. за дуэль «штрафник», прапорщик Естгетского полка Андерс Стокман. Полтавчане успешно справились с поджогом башни и палисада и позади спаленного тут же поставил другой частокол[36]. Шведский смельчак выбрался из передряги тяжело раненым в спину, но живым. За мужество он был помилован королем и позже последовал за ним в Бендеры.

Полтава «зело в доброй содержит себя дефензии и никакого ущербу от действа неприятелского еще не обретаетца», — уверенно сообщал Меншиков в том же письме от 28 мая.

Ежедневно сотни украинских крестьян с подводами, железными и деревянными лопатами помогали вести земляные работы за рекой. В ночь на 28 мая на «заречной крепости» выставили набитые песком высокие туры, прикрывавшие землекопов и солдат от пуль. С той же целью в приречном леске соорудили дополнительный шанец на 200–300 человек. Степные тылы русского лагеря за Ворсклой предусмотрительно защищались не менее сильно, как и сторона, обращенная к Полтаве. Шведское командование не имело сил переправлять армию на левый берег Ворсклы и нападать на русский лагерь.

Через реку противники сошлись буквально «нос к носу» на 20 шагов (!) так что шведам приходилось тратить больше энергии на отпор русским

из-за Ворсклы, чем на осаду города-крепости. Полтавчане благодаря этому выпасали даже скот и коней в садах, спускавшиеся в лощину против монастыря.

30 мая, в честь дня рождения царя, одновременно тремя залпами прогремели 72 орудия, что шведы сочли салютом в честь взятия Сечи. Правду они узнали после того, как подгулявший в «царский день» гвардеец забрел в расположение передовых шведских постов. Все стволы долбили крутой траекторией по шведскому лагерю, так что «ядра сыпались сверху, как грозовой ливень». Из Полтавы тоже стреляли, и рядом с королем погиб казак, работавший в траншеях. «Царский день» полтавский гарнизон отметил вылазкой, перебив многих шведов в траншеях[37]. 31 мая казак-перебежчик сообщил о намерении русских перейти одновременно в 2–3 местах и атаковать шведов, как только приедет царь.

Против большого «гвардейского» шанца 2 и 3 июня навстречу к нему от Полтавы было начато сооружение нового укрепления и апрошей. Боковые стороны своей линии полтавчане усилили рогатками. Чтобы помешать работам осажденных, король послал в сады 70 человек Дальского полка. Однако две сотни из полтавского гарнизона вышли вечером разом из двух ворот и мушкетным огнем согнали их вниз к большому шанцу. Только при поддержке команды из 50 пехотинцев и 20 всадников из большого шанца, а также огня с монастырской батареи полтавчан вытеснили обратно к городу. Шведская пехота потеряла 8 чел. убитыми и 30 ранеными, кавалерия — 12 чел. убитыми и 24 ранеными[38]. 4 и 5 июня осажденные продолжили линию навстречу «заречной крепости» под прикрытием выстрелов полтавских пушек, а также сделали очередную вылазку.

От Днепра и Кременчуга вверх по р. Псел до Сорочинец и с. Савинцы стояло 22 форпоста казаков и драгун общей численностью до 10 тыс. чел. Левый берег Ворсклы был полностью перекрыт корпусами Шереметева и Меншикова. Хлеб шведам поступал только по одной дороге с юга — от Кобеляк и Беликов, все остальные пути были перекрыты. На фуражировку людей отправляли только дважды в неделю под сильным боевым прикрытием. *«И так что шведы со всех сторон обойдены были, и повидимому что кроме помощи Божией, оной армее никакова спасения — ни убежать, ниже противу Российской* [армии] *стоять было невозможно»,* — писал Алларт[39].

Пропаганда короля и Мазепы, чтобы поднять настроение, распространяла слух, что Полтава будет взята обстрелом гранатами или подрывом мин, после чего войска пойдут к Переяславу для соединения с польским королем Лещинским, что к 12 июня придет 40 тыс. крымской орды[40]. Русская пропаганда в ответ распространяла известие, что к царской армии вот-вот прибудут якобы 40 тысяч калмыков хана Аюки. Беспокойство от калмыков в шведской армии было раздуто и там шли разговоры, что «если

де [Аюка] подлинно пришел, то нас всех и по одному из обозу, как на удах, повынимают калмыки»[41].

6.2. Подготовка сражения

С 4 июня русское командование стало склоняться к генеральной баталии. В тот день из Троицкого (Таганрога) через Изюм и Харьков, делая по 60 верст в сутки, прибыл Петр I. После конфузного бегства из-под Нарвы в 1700 г. он появлялся в армии в самые острые моменты: в Жолкве — после детронизации Августа II, в Гродно перед движением Карла на Москву, в битве при Лесной, — при измене Мазепы, у Азова, — чтобы не напали турки, и, наконец, под Полтавой.

В тот же день А.С. Келину и всем «осадным» полтавчанам в полой бомбе была переброшена благодарность за стойкость и мужество, а также обещание великого государя «немедленно приложить старание освобождения города Полтавы». В ответ комендант сообщал о высокой смертности среди полтавчан и беженцев и просил 50 пудов пороха. (Этого количества хватило бы на 1000 человек по 20 патронов каждому.) Порох, серу и лекарства в Полтаву метали в полых бомбах. Разведка боем в разных местах Ворсклы усилилась. Через перебежчиков до шведов доходили вести, что готовится нападение через реку сразу в трех местах.

Объем русских земляных работ поражал шведов. Через все протоки Ворсклы вплоть до ее последнего рукава на фашинно-земляной дамбе была создана громадная крепость, рассчитанная на круговую оборону: *«Линия была сильно укреплена и так широка, что по ней, как по дороге, могли бы идти 16 человек. Для безопасности по обе ее стороны были воздвигнуты валы из фашин и чернозема толщиной в 4–5 локтей, так что наши стоявшие у высокого берега 6 пушек не могли причинить вреда пехоте, которая могла свободно и безопасно там перемещаться, тем более, что валы были в рост человека. Этой и другими мерами противник хотел установить свободное сообщение с городом и довольно сильно обстреливал нас не только пушками, но и мушкетами, а также метал и гранаты. Этим он пытался заставить нас дать ему свободу действий. Но здесь он обманулся. Наши мушкеты и стоявшие на высоте 6 пушек, которыми командовал один из подполковников артиллерии, а теперь подполковник Пост, создали такой сильный заградительный огонь из ружей и пушек, что нам не пришлось вмешиваться»*[42].

Поражение нависло над шведами, и это чувствовали обе стороны. Скандинавы потеряли почти всех инженеров фортификации и тех, кто в ней хоть как-то разбирался — все были либо убиты, либо ранены[43]. 8 июня в сторону Карла XII, следившего с береговых траншей за русскими работами, велась сильная стрельба. Король не пострадал, но рядом с ним был ранен в ногу советник канцелярии Густав Генрих фон Мюллерн. Молдав-

ские конники группами переходили к русским. Крестьяне Полтавщины даже в одиночку нападали на врагов — так было 16 июня, когда украинец бросился на нескольких шведов, ехавших в телеге. В Жуках 18 июня казак вбежал в хату, где жил Мазепа, собираясь его пленить и увести, но был схвачен шведской охраной.

Незадолго до битвы одна украинская вещунья, сознательно идя на смерть, предрекла Мазепе, что ни ему, ни шведам не видать Полтавы, а будет только большое кровопролитие. «За правду» она была похвалена, потом обезглавлена[44].

Каролинцы, мазепинцы и запорожцы находились в плотной блокаде. Лошадей приходилось кормить листвой. Состояние запорожцев под Полтавой было угнетенным. Сечевая вольница жила военными набегами, охотой и рыбной ловлей, но не земледелием. Принуждение к лопате и кирке считалось унизительным. Шведы не допускали крупных совместных акций с Низовым войском, убедившись под Соколками в его «нерегулярстве». Не было и самостоятельных вылазок рыцарей степи против казаков Скоропадского и тылов русской армии, как это делали калмыки и донцы против шведов. От полтавской артиллерии, еженощно запускавшей в осадные траншеи большие гранаты, сечевиков, которых было в 4–5 раз меньше, чем шведов, гибло намного больше. Лекарей, лекарств и санитарного обеспечения они не получали[45]. Запорожцы грабили, а иногда и убивали «союзников»- шведов и называли «шельмой» Мазепу за обман о татарской помощи.

При бомбардировках они разбегались с земляных работ, *«ибо так боялись гранат и пушек, что готовы от них бежать на край света. Их лагерь был при генерал-майоре Кройце в миле от Полтавы, и оттуда они все время посылались на работу, которая хотя и оплачивалась, но со временем стала досаждать, так как там многие из них расплачивались жизнью. Сюда прибавлялось и жестокое обращение противника, который со всеми пойманными запорожцами дурно обращался и угрожал сажать на кол»*[46]. После разгрома полковником П.И. Яковлевым Запорожской Сечи 14 мая 1709 г. двое пленных были оставлены живыми, но с отсеченными левыми руками были посланы в шведский лагерь[47]. Казаки, которые не хотели быть в «измене», уходили в Чигирин. 20 мая в русском лагере запускали салют по случаю разорения Сечи — тылового заплечья Карла XII, ведущего к крымским татарам.

В первых числах июня в окружении короля и шведской полевой канцелярии из-за тяжелого положения под Полтавой началась открытая критика короля. Шведы измучились от жары, безводья, непрерывных дежурств на постах и тревожных ночей, когда спать приходилось при оружии. Коней не расседлывали по четверо суток. Со всех сторон ожидали противника. «Великая скудость» в хлебе была и у сердюков и ком-

панейцев Мазепы, которого держали под надзором два конных шведских полка. Русские солдаты мучились от невзгод не меньше шведов, но они имели за собой сильный тыл.

Вот как описывал Петре первые июньские дни: *«7(8) июня. В полдень я должен был перейти на другую линию позади землекопов. В это время капитан Экман и лейтенант Перман из службы фортификации были ранены. До сдачи вахты вечером в 6 часов разразился неслыханный ливень, которого, сколько живу, я никогда не видел и не слышал. Он залил траншеи так, что все мы по бедра стояли в воде. С поля вниз сносило сдохших лошадей несущимися водными массами. Ручьи, в которых прежде едва сочилась вода, превратились в мощные потоки глубже, чем длина пики. Когда я спустился к роте, которая располагалась в лощине, окруженной с трех сторон высотами, я увидел свою палатку, полную водой, в которой плавал мой пустой баул. Для выпуска воды пришлось откопать канавку и только после этого можно было забраться в нее. Ночь дала нам скверный отдых из-за ужасных звуков большого количества болотных черепах, водящихся здесь и беспокоивших нас всю ночь*[48]*, а также из-за скопища мух, роившихся в палатках после дождя. Вообще во время осады ночи мало радовали, не давая полноценного отдыха и сна. Когда нас сменяли с караула, большую часть ночного времени нужно было проводить в боеготовности и быть при оружии, а днем, когда наконец можно было почувствовать себя в безопасности, нам мешала чудовищная жара и зной, изнурявшие и лишавшие сна. После страшно морозной зимы, причинившей нам много вреда, последовало столь же беспощадное лето, доставившее не меньше бед. Нам нужно было совершать переходы по плоской степи без городов и поселков по огромным равнинам, где нельзя было найти воды. Не было даже тени, ибо у сел и городков не было леса или деревьев»*[49].

Стоянки шведов загрязнились нечистотами и падалью, над которыми кружились рои насекомых. Многие генералы предлагали отступить в Польшу. Неудачу осады шведы списывали на недостачу шанцевого инструмента, непригодность запорожских «землекопов», упадок сил караулов, нехватку осадной артиллерии и боеприпасов[50]. О стойкости полтавского гарнизона и умелой организации обороны А.С. Келиным, естественно, никто не говорил.

Очень недовольны были в штабе короля мазепинцами.

«Теперь как тут, при дворе, так и в канцелярии начинают критиковать и обсуждать происходящие события.

[Первое]. *Его Величество король прежде никогда не соглашался и слышать не хотел, чтобы в армии порядочные женщины сопровождали в качестве жен своих мужей. Ныне же все должны терпеть казачьих баб и всякий сброд* («das Cosakische Frauenzimmer und Gesindel»), *который*

тащится повсюду, сильно отягощая армию. Его к тому же должны были взять под королевскую защиту.

Второе. Прежде они [шведы] *не хотели заключать союза с христианскими державами, а теперь пытаются под рукой сделать это с турками и татарами, как это произошло с этими запорожцами.*

Третье. Прежде они сами при заключении союзов могли претендовать на субсидии, а теперь сами должны платить деньги. ...После того, как к фельдмаршалу пошли жалобы от всех полков на плохое питание, он велел оповестить крестьян по всем деревням, чтобы те указывали свои тайные припрятанные ямы-хранилища, или сами их раскапывали и привозили зерно сюда — за все им будет заплачено. Нехватка [продовольствия] *день ото дня становится все больше, всего в обрез и даже за деньги ничего нельзя достать»*[51].

Впрочем, терять сечевиков шведы не хотели. Для лучшего контроля запорожцы, как вспомогательные добровольцы («hilfswillige») в вермахте во Второй мировой войне, распределялись по шведским частям. Тревожный момент наступил 8–9 июня, когда все запорожцы, не считая себя обязанными во всем подчиняться шведам, собрались покинуть их. Задержать «казачьих землекопов» было поручено Мазепе. Вначале недовольным намекнули о шведской силе — 3 эскадрона лейб-регимента, забрав всех полковых трубачей, громко трубили при подходе к их стоянке. Затем в карете с казачьей свитой и бунчуком прибыл Мазепа, решивший обходительностью взять «скаженных псов» (так он называл их в давней переписке с русским правительством.) Запорожцы выстроились в два ряда. Гетман благодарил за прошлую верность и просил доказать ее в будущем, несмотря на то что противник угрозами пытается отсечь их от шведов. Все сполна получат за работу. Гетман указал, что у шведов еще сильная армия и конец будет благополучным, если они и дальше останутся верны. Весомым аргументом стало обещание двух бочонков с золотом, татарской помощи, поживы в Полтаве и Москве (!) и немереное угощение водкой. В ответ запорожцы обещали остаться при короле и Косте Гордиенко[52]. Несомненно, стоявшие недалеко во всеоружии конные полки Кройца тоже оказали «дистанционное воздействие». (Через полтора месяца, 21 июля, у Южного Буга под Очаковом казаки, подняв бунт, пытались выдать Мазепу русским, и С. Понятовскому со шведами с трудом удалось отстоять гетмана.)

После бунта запорожцев, чувствуя, что упрямство короля тянет всех к катастрофе, 11 июня К. Пипер, советник канцелярии О. Гермелин и Мазепа решились уговорить Карла XII снять осаду и предпринять другие действия. Однако «железный дух последнего викинга» так и остался несломленным. Король о состоянии своей армии опрометчиво судил только по себе и если принимал решение, то его невозможно было отговорить.

13 июня на слова генерал-майора А.А. Спарре о том, что лучше умереть, чем оставаться в нынешнем состоянии и что в армии и Швеции все молят о мире, монарх невозмутимо отвечал: «Не все ли равно... не разобьем сегодня, так завтра, не завтра, так послезавтра, если это не случится на этой неделе, так через год, если не через год, то через 5 лет, если не через 5 лет, так через десять... всякий мир должен быть по совести, а раз так, то войну, пожалуй, можно вести всю жизнь»[53]. Положение в осажденной Полтаве становилось таким же критическим. Провианта и пороха катастрофически не хватало. Организовавший умелую оборону герой-комендант Келин перерезал сапы, прокопанные сквозь вал, но писал, что «наши... долго держаться не могут». Он кормил солдат зерном, обнаруженным в ямах у горожан. По его расчетам, зерна должно было хватить только до конца июня, на июль же не станет хлеба и на 3 дня. Казаков содержали полтавчане. Многие мещане и сбежавшиеся в город окрестные люди умирали. Среди части жителей пошли, видимо, разговоры о сдаче города. 8 июня Келин сообщил Меншикову: *«Ознаймую вашей светлости о жителех: происходит в словах что иное нам непотребно. А не писать — от вашего светлейшества опасен гневу»*[54].

Такое сообщение сильно встревожило, и в тот же день 8 июня Петр не ради главной баталии, но для спасения Полтавы решил нанести удар по неприятелю с нескольких сторон русской армией, казаками Скоропадского и полтавским гарнизоном. Корпус Меншикова должен был переправиться через Ворсклу в двух верстах выше Полтавы. Дивизия Репнина — перейти реку против Полтавы и выбить шведов из прибрежных шанцев. Генерал-лейтенанту И.Х. Генскину со своим отрядом и Астраханским полком предписывалось совершить нападение из-за Ворсклы с юга на Старые Санжары, чтобы освободить пленных, захваченных в Веприке.

Сложная задача поручалась А.С. Келину. Ему следовало дать из пушек звуковой, а кострами световой сигнал к одновременной атаке шведских прибрежных окопов с двух сторон — от Полтавы и из-за Ворсклы. Выбив противника из окопов, он должен был быстро соорудить две линии «как галереи» вниз к реке, чтобы потом между ними был свободный проход в Полтаву[55]. Кавалерии Ренне ставилась задача напасть на противника севернее Полтавы.

Коннице Г.Ф. Долгорукого и И.И. Скоропадского предписывалась вспомогательная операция. От р. Псел Долгоруков с двумя пехотными и четырьмя драгунскими полками, с отрядом Г.С. Волконского, вернувшимся после взятия Запорожской Сечи, а также с несколькими тысячами казаков Скоропадского в ночь с 13 на 14 июня должны были без обоза, только с вьюками, идти к Жукам и «учинить добрую диверсию и ущерб», чтобы «разволочь» силы неприятеля. Для безопасности им следовало

подготовить несколько мостов с предмостными укреплениями, защищаемые пехотой[56].

В ту же ночь против шведской линии был построен кавальер (оборонительное сооружение с высокими, наполненными песком корзинами), откуда четыре пушки обстреливали снизу вверх монастырь. Ответная шведская стрельба разрушила туры.

Предчувствие большого кровопролития сгустилось над Полтавщиной. До шведов все чаще докатывались вести, что русская армия вот-вот перейдет Ворсклу. 11–13 июня природа в ответ на состояние людей отозвалась страшными грозами. Мощный потоп залил пойму реки, русские оборонительные сооружения и шведские траншеи.

Наводнение сорвало масштабный замысел царя. Вечером 13 июня войска Меншикова подошли к Ворскле, но переправиться не смогли. Пришлось отменить и переход дивизии Репнина против Полтавы. Как писал Петр I, «главное наше намерение тогда не исполнилось за превеликими дождями от чего болоты веема… невозможны к переходу стали»[57]. Тем не менее, вся шведская армия в эти дни была поднята на ноги, так как русское войско «чинило аларм (тревогу) сколько возможно» и ввело неприятеля в «конфузию», так писал Петр I.

Напротив, «зело счастливо окончилась акция» генерал-лейтенанта Генскина, которую в общих чертах описал Петр I и детально Г.И. Головкин[58]. Старые Санжары шведы превратили в место концентрации русских пленных. Туда собрали не только тех, кто был взят в Веприке, но и захваченные в других местах, а именно: 1 полковник, 1 подполковник, 2 майора, 16 старших офицеров, а также 1570 рядовых и унтер-офицеров[59]. До середины апреля пленные содержались в относительной свободе, но так как часть из них бежала, то их загнали в одно место. Полковник Фермор ухитрился «тайным образом» прислать казака к Петру с вестью, что пленных заставляют печь хлеб для шведов и выполнять другие работы. Фермор сообщал, «что ежели б шведы только услышали какую туда подсылку, то он от них со всеми людьми свободиться может»[60].

По русским данным, в окрестностях Старых Санжар находилось 4 кавалерийских полка генерал-майора Крусе (3500 человек) и несколько сотен запорожцев.

12 июня Генскин с шестью полками кавалерии и Астраханским пехотным полком, посаженным на коней, вышел из русского лагеря и спустился по левому берегу Ворсклы к Старым Санжарам, где пленные содержались под надзором 150 рейтар Лифляндского полка Дворянского знамени и запорожцев. Ворскла вздулась после дождей и «вчетверо» разлилась. Генскин ночью 14 июня с большим трудом, почти вплавь, перебрался через 4 рукава реки и использовал традиционный прием отвлекающих атак. Свой отряд он разделил: часть с полковником Рожновым пошла

к ближнему монастырю, «дабы неприятеля тамо потревожить», другая часть вместе с нерегулярной кавалерией заслонила полтавскую дорогу, чтобы помешать «ретираде» врага и «сукурсу» (помощи) от Полтавы.

В 3 часа утра 14 июня оставшиеся 2500 человек конного десанта рысью двинулись к Старым Санжарам. Перед городком астраханцы и часть драгун спешились, перебрались через сухие рвы и внезапно атаковали городок с трех сторон.

Палисады пришлось штурмовать. Как только начался штурм, лифляндцы и, вероятно, запорожцы принялись убивать пленных. Те, подхватив дубье, колья и поленья стали отбиваться. «Огненный бой» у палисадов и битва не на жизнь, а на смерть внутри городка продолжались два часа. Зажатые с двух сторон лифляндцы и запорожцы не выдержали, и штурмующие «вооруженною рукою город взяли».

Вторично после Соколок генерал-майор Крусе проявил непростительную, на грани с трусостью осторожность — не выручил своих. (Вайе извинял Крусе тем, что тот якобы не успел собрать вместе свои три полка. На самом деле тот не осмелился пробить заслон русских драгун, предусмотрительно выставленный на полтавской дороге — см. ниже.) Вся акция закончилась в 6 часов утра. После боя драгуны, казаки и калмыки неприятеля «так гонили, что малое число от 4-х полков спаслось и большая часть от оных побита и оные весьма разорены», — с удовлетворением отметил Г.И. Головкин. 1270 «невольников» (такую цифру дал Петр I) было освобождено, обоз «раздуванен», Крусе получил легкую рану. На поле и в городе «было сочтено более 1000 неприятельского трупу», взято 8 знамен, один запорожский значок, 2 пушки и две полковые кассы с 200000 талеров королевской казны. Среди 30 пленных рейтар был майор Кристофер Ребендер. Пленных было мало, «понеже живьем не брали». Генскин потерял ранеными 181, убитыми 60 человек[61]. Потом Старые и Новые Санжары были подожжены.

О болезненности разгрома в Санжарах свидетельствовал Петре: *«Противник не только освободил пленников и увел их с собой, не только перебил некоторое количество наших солдат, но и отбил у нас пленных. Среди убитых были 1 майор, а именно: Ребендер из полка Рижского дворянского знамени, 1 ротмистр, 2 лейтенанта, 1 корнет с 25 унтерофицерами и рядовыми. Сколько с нашей стороны* [всего] *было убитых, узнать не удалось. Противник, по их собственным рассказам и перехваченным письменным реляциям, тоже оставил немало своих на месте. Только убитых во время этой атаки было 1 прапорщик, 1 унтер-офицер, 58рядовых и 39 лошадей. Раненых, по их собственным реляциям, было: 1 майор эскадрона, 5 капитанов и 5 секунд-капитанов, 7 фендриков, 7 унтер-офицеров 159 капралов и рядовых, 40 лошадей. Это было уже второе несчастье, постигшее генерал-майора Крусе при его командовании*

за короткое время. К этому можно добавить и его слабое обеспечение безопасности и неосторожность. В Старых Санжарах он имел только Рижский полк дворянского знамени в 160 человек, некоторое количество солдат и несколько запорожских казаков, которые должны были не только воспрепятствовать нападению из-за города противника, но и отбиваться от русских пленных, начавших кольями и дубьем бить наших, чтобы освободиться. Три других полка, стоявших неподалеку, не смогли быстро прийти на помощь, так как были далеко и им преградили путь несколько полков противника, стоявших между городом и Крусе. Вот почему не могло и быть другого результата»[62].

Отвлекающая акция на другой стороне Полтавы тоже удалась. Несколько тысяч казаков Скоропадского вместе с четырьмя драгунскими полками Г.Ф. Долгорукого после полудня 14 июня сбили мазепинцев и запорожцев с поля, проскочили через Петровку, гнали их почти до шведской штаб-квартиры в Жуках и напали на обоз и кавалеристов Кройца. Они могли бы захватить там Мазепу, если бы действовали тихо, но, подняв громкий крик, преждевременно вспугнули всех. Реншельд привел армию в боевую готовность и вывел большую часть кавалерии к Жукам. Там «со страшным гамом» началась перестрелка между казаками двух сторон. Когда 6 эскадронов подполковника Х.А. Гротхаузена надвинулись на конницу русских и малороссиян, те ушли с горы у Петровки за реку[63].

Но «главное намерение» — прорваться к Полтаве через пойму Ворсклы было сорвано непогодой и цепкой обороной шведов, устроивших сильную 3-х километровую укрепленную линию вдоль берега реки с большим гвардейским шанцем, двумя редутами и десятком бастионов. Не одолев жесткий и умело организованный отпор, русское командование 15 июня приняло новый план — «перейти Рубикон» — Ворсклу и стать лицом к лицу с Карлом XII.

15 июня *«учинен воинской совет, каким бы образом город Полтаву выручить без генеральной баталии (яко зело опасного дела)»*[64]. Учитывая вероятность неожиданных ударов короля, войска перемещались, прикрывая себя, как щитами, с трех или четырех сторон громадными земляными ретраншементами. Передвижение подобных «фашинно-земляных щитов», как указывалось, началось с 16 мая (за Ворсклой) и продолжалось больше месяца — вплоть до 25 июня 1709 г.

Генерал-лейтенант К.Э. Ренне с пехотными, конными полками и несколькими тысячами волохов, казаков и калмыков в конном и пешем порядке перешел реку по двум мостам у д. Петровки. Пошел отсчет дней поворотной битвы Северной войны. Чтобы без помех укрепиться на плацдарме, для отвлечения внимания к стоянкам шведской кавалерии Кройца он пустил 500 драгун и всех нерегулярных конников, оставив в лесных зарослях засаду из двух спешенных драгунских полков. Ложная атака

выполнила свою задачу и отвлекла на некоторое время внимание противника от плацдарма. В «реляции» русскому послу в Дании В.Л. Долгорукому Г.И. Головкин, естественно, преувеличил напор атаки. Он писал, что шесть шведских кавалерийских полков якобы во главе с самим Карлом XII «с великою фуриею» доскакали до леса, но были отброшены дружными залпами. Вслед за отступающими некоторое время гнались всадники Ренне «и многих от неприятелей порубили»[65]. Ближе к истине осветил эти события Зильтман: «*Утром московиты снова навели здесь тревогу — напали на форпосты. Здешние казаки некоторое время там и сям схватывались с ними, и только когда туда выдвинулся корпус драбантов, те ушли*»[66].

Ренне вернулся на левый берег Ворсклы, «оставя несколько людей на оной стороне для содержания переходу чрез помянутую реку»[67]. Спешно обметав себя рогатками, драгуны по обеим сторонам лощины, по которой они вышли на плато, начали сооружать предмостные укрепления из двух групп редутов, соединяя их реданами и валами. «Крепкий пост», как писал Петр I, рос на глазах. На плане генерала Алларта одна группа редутов показана в виде кронверка с пятью бастионами. На схеме, приложенной к «Отчету» Левенгаупта, кронверк имеет вид цепочки из 6–7 редутов, а другая сторона выхода из лощины защищена девятью редутами и реданами между ними.

Как отмечал Вайе, сорвать эту работу было можно, но король предпочитал расправляться с врагом в открытом поле. Поэтому Реншельд получил распоряжение выступить ночью к Петровке с семью полками пехоты и десятью кавалерии, чтобы дать там русским сражение[68]. Польский историк З. Анусик полагал, что Карл XII, «заманивая» противника, якобы намеренно ослаблял свои силы к северу от Полтавы[69].

С такой гипотезой трудно согласиться. Царь сжимал шведов с востока, севера и запада. Король, сковавший себя осадой Полтавы, следил главным образом за русской армией, упорно продвигавшейся к городу через реку. Если бы он хотел «заманить» русских, то не отправлял бы фельдмаршала с 17 полками за 12 верст к Петровке. К тому же Карл умел давать битвы не только в поле, но и успешно нападать на укрепления (Нарва 1700 г., Головчин 1708 г.) Будучи прекрасным тактиком, король, взвесив все факторы, видимо, пришел к выводу, что нападение ослабевшей к весне 1709 г. Шведской армии на русский лагерь в поле за Ворсклой, штурм Полтавы или удар по новой «наступающей крепости» (П.А. Кротов) обойдется дорогой ценой[70].

В середине июня цель перехода на «шведский берег» и поиск «над неприятелем счастия» состояли не в уничтожении шведской армии, а в деблокаде Полтавы, освобождении Гетманщины от скандинавской оккупации и вытеснении пришельцев за Днепр. Связав шведов гарнизоном Пол-

тавы, царь беспрепятственно занял плацдарм на «шведском» берегу реки. Петр переиграл короля не только в стратегии, но и в тактике.

Утопающий хватается за соломинку. «Не замечавший» ранее Левенгаупта, не посвящавший его никак ни в планы и не дававший никаких поручений, Карл XII поздним вечером 15(16) июня сменил гнев на милость и решил посоветоваться с разбитым в пух и прах при Лесной генералом, который уже улегся на ночь в мундире. *«Ваше Величество должен собрать все свое войско против неприятеля и не возиться больше с Полтавой»* — сказал граф. Собственный ответ он прокомментировал так: *«Однако я сразу заметил, что это никак не во вкусе короля — он и врага хотел разбить и Полтаву взять… Примерно в 11 часов ночи король вышел и сел на коня. Я сделал то же самое, и мы всю ночь ездили вверх и вниз по разным местам. Я не мог понять, ради чего это было»*[71]. Таким образом, только 15 июня с графа была снята опала, и он был подключен к командованию войсками.

Карл XII в это время с лейб-батальоном Дальского полка устремился в противоположном направлении — к постам лейб-драгун капитана Гюнтерфельда южнее Полтавы. Там, по его мнению, было более опасное положение — за ночь укрепленная линия Петра через пойму Ворсклы значительно продвинулась, русская пехота выстроилась вдоль берега, а казаки стаями бросались через реку и стреляли в шведских драгун. Шведы спешно усиливали линию поперек русской. Пока рабочие команды не отсыпали вала хотя бы по колено, они сильно потерпели от русских мушкетеров.

Карл XII родился 16 июня (17 июня по шведскому стилю.) И как раз на 27 году, между 6 и 7, либо между 8 и 9 часами утра, он принял свинцовый подарок от русских («любезность» — как иронизировал сам король.)

Ранение всего за 11 дней до шведской катастрофы, беда, которую каролинцы считали судьбоносной, не было случайностью. Не шальная пуля выбила Карла XII из строя — ранение стало следствием напора войск Петра I в месте отвлекающего удара.

Из-за важности этого события приходится дать несколько обширных выдержек из источников. Король с разных мест хотел убедиться, насколько серьезен нажим из-за реки к Полтаве. Когда в районе д. Нижние Млыны с горы спускался полковник Сигрот с лейб-ротой, Карл XII по открытому месту вырвался далеко вперед. Казаки убрались на ближний островок, откуда непрерывно продолжали вести огонь. Запорожцы отвечали из своих длинных ружей, обстреливая другой берег, где была русская пехота[72].

Опальный генерал вспоминал: *«Как только мы приехали на луг и увидели готовые к бою мушкеты противника, стало ясно, что пуль жалеть не будут и они плотным роем засвистят мимо наших ушей. Я очень*

просил Его Величество не ехать дальше, но ничего нельзя было поделать. Я сказал, что ни один унтер-офицер не должен подставляться так, как это всегда делает Его Величество своей высокой персоной. Все было напрасно. Между тем лошадь, на которой я ехал, ранили в ляжку и тогда я сказал Его Величеству: «Всемилостивый государь, моя лошадь подстрелена. Ради Бога, прошу Ваше Величество, уедем отсюда. Здесь нечего делать — сыпется град пуль». Король отвечал мне: «Ничего не будет, вы получите новую лошадь» — и тут же поехал еще ближе под вражеские выстрелы. Потом замедлил ход лошади, и шагом стал заворачивать... Я сказал: «Речь идет не о лошади, но о высокой персоне Вашего Величества. Так не выставляется ни унтер-офицер, ни лейтенант; тут не основной пост; я еду своей дорогой» — и поехал назад, после чего Его Величество медленно последовал за мной. На обратном пути мы проехали место, где я жил. Там я оставил свою раненую лошадь, взял другую, в то время Его Величество отъехал прочь.

Нужно сказать, что противник недалеко от Полтавы, около одной деревни [Нижние Млыны. — *В. А.*] *в четверти шведской мили, где занимали пост лейб-драгуны, пытался перейти в двух или трех местах. Король быстро поехал в том направлении, приказав следовать за ним пехотному батальону и части кавалерии. Я поскакал туда же, как можно быстрее. Его Величество, захватив с собой я думаю, не больше 30 лейб-драгун, отогнал партию неприятеля. Он же свел вниз к постройкам у реки сотню наших пехотинцев, чтобы воспрепятствовать переходу противника и встретил меня и часть прибывающих войск перед той деревней. В это время часть неприятеля спешилась и засела со своими длинными ружьями за продолговатым приречным пригорком. Оттуда каждого из нас, кто спускался к воде, они могли через реку подбить как птицу. Король недолго задержался после того, как он встретил нас за деревней, но повернул тут же лошадь и поскакал быстро, как мог, этим же путем вниз к реке. Несколько наших во время спуска были убиты и ранены, но король ездил в разных направлениях, как будто не было ни малейшей опасности. Этого я еще не мог знать и все видеть, покуда медленно ехал с высоты. Я спускался вниз по этому пути, чтобы вытянуть оттуда, если это возможно, Его Величество. И в это время меня встретил офицер и сказал: «Король ранен». Я воскликнул: «Помилуй Боже, опасно?» На что тот ответил: «В ногу».*

Я поехал дальше вниз и встретил Его Величество, одного и совсем бледного. Я спросил: «Помилуй Господи, всемилостивый государь, как состояние? Вы видите, Ваше Величество, я ведь не раз прежде говорил и всегда опасался этого!» Король отвечал: «Только в ногу. Пуля сидит внутри, я хочу, чтобы ее вырезали, и все должно быть в порядке». И тут же отъехал назад. Я же остался тут, так как Его Величество дал мне

какое-то поручение. Несмотря на ранение, король поехал не сразу к себе, но сначала по разным апрошам, после чего удалился в свою квартиру, чтобы перевязаться.

Все это было проделано противником, чтобы лучше скрыть свой действительный план и переправиться дальше, в другом месте. По его перемещениям и маршам я скоро понял, что здесь он не имел серьезного намерения перебираться, особенно после того, как снова начал отходить. Поэтому я поехал в штаб-квартиру, чтобы сдать всеподданнейший рапорт и узнать, что с Его Величеством. Король лежал на ложе, и его как раз перевязывали. Тут я увидел, как опасен был выстрел — как раз сквозь левую ступню. Пуля прошла насквозь и осталась в чулке поверх ступни. Выстрел произошел, когда Его Величество снова поднимался на высоту. Какую растерянность и смятение произвело это во всей армии, каждый может легко себе представить»[73].

С. Понятовский, посол от Станислава I Лещинского при Карле XII, считал, что в короля попал кто-то из русских солдат из нарезного карабина. Сцену ранения он описал так: *«Шесть тысяч московитов подошли потом как будто с целью перейти через Ворсклу на расстоянии полутора миль от Полтавы. Несколько казачьих сотен, невзирая на пикет из 48 коней, поставленный для наблюдения за ними, переправились вплавь и напали на шведскую стражу у Полтавы. Король, по своему обыкновению объезжавший все посты на самой заре, имел удовольствие с 18 конями прогнать их и преследовать до места их переправы, где он и остановился на некоторое время на берегу, следя за тем, как они бросались в реку. Московские войска, находившиеся на той стороне, вели частый огонь: направленная оттуда из нарезного карабина пуля пронзила ногу короля от пятки до конца пальцев, перебив все кости ступни... Вместо того чтобы подумать о своей болезненной ране, король в течение более двух часов объезжал все посты всего лагеря... хотя кровь из нее текла в изобилии»*[74].

Г. Адлерфельд приписал роковой выстрел казаку: *«В то время как король неустанно разъезжал по разным направлениям, чтобы увидеть, что происходит у неприятеля, стоявший на другой стороне не слишком тут широкой реки казак прострелил королю сапог и раздробил ему ступню. Эти ничего не стоящие люди использовали длинные ружья, которые они называли «турки», стрелявшие на пять сотен шагов, и которыми они наносили нам довольно много вреда, но никогда так много, как в этот раз, к великому нашему несчастью»*[75].

Петре писал: *«...противник сделал вид, что собирается перебраться на правую сторону реки в $^3/_4$ мили от города... и полагал вытеснить нас оттуда. Капитан Юнтерфельт... дал знать тремя курьерами об этом переходе противника Его Королевскому Величеству и господину Левенгаупту, которые все время находились около нас, и попросил помощи,*

так как неприятеля становилось все больше и больше. Его Королевское Величество, услышав звуки нескольких залпов, решил помочь капитану, взяв с собой, как мне говорили, лейб-батальоны Дольского и Хельсинкского полков и послав полковника Сигрота, подполковника Герттена и майора Свинхувуда. В 6 часов мы начали наш поспешный ход к тому месту, где противник начал переправу, и в 8 часов утра мы туда прибыли. К 12 часам Ворсклу перешло уже 1500 человек, державшихся на маленьком островке, имея перед собой еще один небольшой рукав Ворсклы, который они собирались перейти и напасть на нас.

Так как тут было очень тесно, то батальон остался на дороге и в лесу, обратив только фланг к противнику, который тем временем начал нас обстреливать. Его Королевское Величество приказал выступить одному офицеру с 16–20 солдатами и расположиться у изгороди сада, у того рукава реки, который противник собирался перейти, и открыть огонь по нему. Полковник Сигрот отправил лейтенанта лейб-роты Дольского полка Варгера на позицию, где он должен стоять... и где (к великому несчастью Господнему) должна была пролиться драгоценная кровь Его Королевского Величества. Пуля из неприятельского мушкета прошила насквозь его левую ступню. Случилось это в половине девятого утра, в день рождения Его Королевского Величества.

Его Величество, не позволяя себе обращать внимание на ранение, поехал оттуда к роте, где я был. Там я должен был взять 24 человека для сопровождения вновь прибывших сюда и подчиненных Войнаровскому запорожцев. Они должны были идти в лес, и стрелять по противнику из своих отличных нарезных ружей. Сопровождение было нужно, чтобы прибывающие шведские части не приняли наших союзников за противников. С назначенной командой и одним унтер-офицером я пошел выставлять шведский щит вокруг них, чтобы воспрепятствовать нанесению нашими войсками ущерба по незнанию, о чем просил племянник Мазепы Войнаровский. ...После этого Его Величество осторожно, шаг за шагом, поехал от нас, а я направился в соответствии с приказом к запорожцам. Я сразу заметил, что Его Величество имеет какое-то ранение, так как он был немного опечален. ...Через один час Его Величество приехал в свою ставку

...После того, как запорожцы стоявшие в лесу (я был среди них с охраной) нанесли противнику заметный ущерб своей стрельбой, которая так производилась, что тот вынужден был уйти с островка и от воды в свой ретраншемент за рекой, оставив на месте сотню или более убитых. С нашей же стороны было не более двух раненых»[76].

Выход из строя талантливого вождя если не парализовал, то сковал шведских военачальников. Монарх-полководец был залогом шведских побед; и рядовые, и офицеры были уверены, что Карл XII находится под

защитой Всевышнего. Теперь Господь дал тревожный знак — грядет худое. два доктора и четыре лучших фельдшера армии, несмотря на нехватку медикаментов, делали все возможное, чтобы облегчить положение короля.

В роковой для шведов день войско Петра I сделало крупный шаг к победе. Отвлекая противника частыми вылазками и пушечной канонадой из Полтавы и армейского лагеря, авангард Ренне за ночь над обрывом у Петровки соорудил предмостное укрепление. Шесть или семь окруженных рогатками редутов, соединенных валом с флешами, где засело 3 тысячи пехоты и были пушки[77]. Редуты прикрывали и переходы через реку.

Когда стычки под обрывом у Полтавы затихли, король около 10 часов утра послал Реншельду приказ сойтись с противником у Петровки. *«Выполняя высокое распоряжение, мы придвинулись к шанцам, которых за ночь уже было сооружено 5 или 6»*, — писал Вайе.

Шведский фельдмаршал с войсками, выстроенными в три боевые линии, подошел на расстояние пушечного выстрела к редутам Петровки. Силы шведов явно превосходили авангард Ренне. Часть драгун была спешена из-за нехватки пехоты и поставлена между конными эскадронами. Реншельд совершил молитву и ждал только приказа, чтобы сбросить русский авангард с обрыва в Ворсклу. К флангам шведов были пристроены запорожцы и мазепинцы. Наблюдать предстоящий бой собрался и Мазепа.

Г.И. Головкин, не зная ничего о ранении короля, события 16 июня осветил так: *«16-го числа повелел Его Царское Величество господину генералу Галарту влеве от Полтавы, по той стороне Ворсклы у лесу, против неприятельских, тамо учиненных редут, пост занять, дабы удобнее коммуникацию з городом учинить. Також повелел вправе от Полтавы генералу-лейтенанту Рену с тремя полками пехоты и корпусом кавалерии на той стороне реки Ворсклы пост занять и тренжемент учинить. И то обоє счастливо и без урону исполнено, ибо налеве пост занят и направе несколько редут с линеею учинены. И хотя неприятели непрестанно трудятся пушечною и мушкетерною стрельбою наших людей из тех мест выбить, однакож, по се число того изполнить немогл, но с уроном отогнаны.*

Мы имеем ведомость, что король швецкой 16 сего з 12000 человеки в походе был [и хотел] *генерала-лейтенанта Рена отаковать*[78]*, но как помянутый генерал-лейтенант на него ис пушек несколько раз выстрелил и король увидел, что наши уже изрядно ошанцовались, того ради ту атаку, хотя наши редуты тамо токмо тремя полками инфантерии осажены были, не отважился восприять, но возвратился, ничего не учиняя, паки в свой обоз назад. Також неприятели на левой стороне на наших нападение учинил и оных из их, ночью преж сего занятого поста, выгнать искали. Однакож с великим уроном оттуду отогнаны»*[79].

Р. Петре о том же писал таким образом: *«Тем же утром его превосходительство фельдмаршал Реншельд вывел большую часть Шведской армии на поле между деревнями Жуки и Петровка. С ним был запорожский гетман Мазепа с частью своего воинства. К этим деревням на $2^{1}/_{4}$ мили по правому берегу реки растянулся ретраншемент противника. Вывод армии его превосходительство объяснил тем, что противник тоже выступил в поле из своего лагеря и выстроился в боевой порядок. Однако ни с той, ни с другой стороны боя не начинали. Как только противник начал выходить из своего лагеря, его превосходительство фельдмаршал отправил к Его Королевскому Величеству с донесением о происходящем драбанта Дугласа (которой был при нем за адъютанта) и спрашивал, что делать. Около полудня он через Дугласа получил весть, о ранении Его Величества и сообщение, от него, что фельдмаршал может поступать так, как сочтет нужным — либо напасть, либо отступить. Был отдан приказ уйти обратно в лагерь оставаясь в полной боеготовности. Ничего другого в этот день не было»*[80].

Зильтман, который видел все собственными глазами, поразился, как основательно русские закрепились на плацдарме и как быстро Реншельд отказался от полевого боя после того, как противник стал бить в литавры и выдвигаться вперед. Генерал-майоры во время совещания указали на невозможность атаки и вообще высказались за снятие осады Полтавы. Свое отступление фельдмаршал прикрывал мазепинцами, которых прогнали казаки царя. *«Так как* [шведские] *войска пока еще стояли на расстоянии пушечного выстрела от противника, фельдмаршал с армией, выстроенной в три линии, переместился вперед и остановился. И только тут убедились, насколько противник усилил себя земляными укреплениями и испанскими рогатками. Поэтому фельдмаршал поднялся на бугор, чтобы уточнить положение неприятеля. Потом он сошел вниз на сторону и созвал генералитет на военный совет. Когда большинство голосов высказалось за атаку, то фельдмаршал раскрыл одному из генералов, что случилось с королем.*

Когда московиты начали бить в литавры, пришли в движение и продвинулись вперед на несколько шагов (однако не стреляя из ретранжемента и двух выставленных пушек), фельдмаршал приказал армии развернуться направо и отойти на прежнее место.

Здесь шведы задержались еще на некоторое время, а потом, оставив несколько команд для наблюдения за противником, отступили. Все это я видел собственными глазами и следовал повсюду за армией. Гетман Мазепа тоже был здесь и привел с собой казаков, которые вместе с запорожцами поставлены были по краям левого и правого флангов.

Московские казаки и калмыки во время подхода шведов стояли справа вне московитского лагеря у небольшой возвышенности. В ту же ночь

московиты сильно стреляли и из Полтавы и с той стороны реки, стараясь переправляться. Потом они атаковали форпосты лейб-драгун, убив и пленив 15 человек.

Там они держались до тех пор, пока не подошел полковник Сигрот с двумя батальонами и не вынудил их отступить. Была сделана и вылазка из города. Кроме того, [противник] *весь день продолжал сильно стрелять и производить работы.*

...В эту же ночь московиты пытались снова напасть на генерал-майора Крусе, но так как он об этом заранее был извещен, то приказал сжечь город Голтву вместе с палисадом и вышел в поле. При этом ему на помощь было выслано еще три полка драгун»[81].

О второй половине несчастного дня 16(17) июня Вайе написал так: *«После полудня кавалерийские посты у ближайшей деревни были оставлены, и мы с остатком войск ушли снова к Полтаве, куда из Жуков переместился и королевский двор, вместе с которым наш всемилостивейший король изволил расположить и свою квартиру недалеко от гвардии по эту сторону города»*[82].

Адлерфельд считал, что Реншельд совершил непростительную ошибку, не сбив противника с плацдарма и позволив ему на своих глазах укрепиться, хотя это было легко сделать. С этим надо согласиться. Если бы король не выбыл из строя, он не позволил бы русским беспрепятственно зацепиться за правый берег Ворсклы. Шведское командование на 11 дней ушло в глухую оборону, отдав всю инициативу русским. В штаб-квартире Петра только через 9 дней, 25 июня, услышали от перебежчиков и языков фантастические россказни о ранении короля[83]. О замешательстве противника ничего не знали и осмотрительность верховного руководства не ослабла и после 25 июня.

В ночь с 16 на 17 июня по указу Петра фельдмаршал Шереметев, генералы Репнин и Алларт самолично организовали шестью-семью сотнями гренадер и мушкетеров нападение на шанцевые позиции Кронобергского, Естгетского и Вестерботтенского полков у реки. По шведским записям, ожесточенный ночной бой продолжался полчаса, и шведы понесли существенные потери — более 70 человек было убито и много ранено[84].

17 июня русское командование продолжало отвлекать шведов от петровского плацдарма. Ночью «заречный ретраншемент» придвинулся к шведской поперечной линии до 15 шагов. В отсутствие короля Левенгаупт дал распоряжение, что если на следующую ночь противник продвинется еще ближе, то придется отбрасывать его вылазками. Вниз в шведскую линию спустилось около четырех полков. Ни одного выпада против «заречной крепости» шведы так и не произвели, но встретили русских сильным огнем.

Вечером 17 июня солдат Естгетского полка удачно забросил огонь в сухие фашины и шанцевые корзины русских. Быстро вспыхнуло пламя, погасить которое было трудно из-за сильного мушкетного обстрела шведов. Вайе ошибочно счел, что именно этот пожар заставил русских отказаться от дальнейшего продвижения к Полтаве через реку. Верно, что с 18 июня все работы за Ворсклой были прекращены, но не из-за возгорания фашинных валов. Вся армия начала готовиться к смене позиции и наступлению на неприятеля с севера.

Рано утром 18 июня, чтобы отвлечь внимание от русской армии, собравшейся уходить на север вдоль Ворсклы, несколько эскадронов вышли из-за редутов у Петровки и обозначили ложное наступление. Шведские полки, занимавшиеся фуражировкой, подняли тревогу и отступили. Обозу была дана команда переместиться назад. Кавалерия Кройца в полном составе стала выдвигаться навстречу русским эскадронам. Когда Реншельд провел разведку и убедился в незначительности наступления, нескольким полкам было велено вернуться назад и расседлать коней.

Позже в тот же день на петровский плацдарм ушла дивизия Алларта. Переправу усилили уже 29 пушками, из которых три были крупнокалиберные восьмифунтовые[85]. Тяжелую артиллерию перебрасывали по мосту у с. Гавронцы, в 14 км выше Полтавы и в трех километрах от д. Петровки[86].

Реншельд так и не решился сбросить полки Ренне и Алларта в Ворсклу. Увидев, что «московитов становится все больше», он сместил все полки и обоз от Жуков к Полтаве, чтобы сконцентрировать армию. Там было очень мало воды для людей и животных, а еще меньше продовольствия. Искать крестьянские ямы с зерном было негде и хлеб в эти последние дни получали только из Кобыляк. (Путь на юг русская армия так и не перекрыла.)

18 июня Петр приказал весь обоз и багаж «от всех 3-х дивизий» и «тягости» от артиллерии, «которыя в нынешней случай к неприятельскому отпору непотребны», из предосторожности отправить далеко к д. Великая Рублевка, расположенной на 28 км севернее Петровки.

19 июня царь повелел полкам Скоропадского идти от Белоцерковки в обход шведской армии широким крюком на Сорочинцы и Будыщи для соединения с главной армией.

В тот же день 19 июня **вся русская армия** готовилась к переходу в Петровку, хотя некоторые военачальники советовали оставить в лагере за Ворсклой часть армии. Петр-полководец для решающей схватки правильно решил вывести против шведов все силы. Отвлекать внимание противника мелкими нападениями из-за Ворсклы уже не имело смысла. Предстоящая операция сохранялась в глубокой тайне. Полтава держалась на пределе сил (не хватало пороха, а сапами противник «уже сквозь валик и палисад вкопался»), и, чтобы не привести ее защитников в отчаяние,

Петр вечером этого дня бросил Келину 6 копий своего указа в полых бомбах, в которых писал, что армия уходит к «петровскому мосту» искать баталии с неприятелем и пробиваться «всем войском» к городу с севера. Во время предстоящей битвы «близ города» полтавчанам предлагалось сделать вылазку «как сильно можете». Если шведы к северу от Полтавы выстроят такой же сильный «окоп» как вдоль Ворсклы, то предписывалось держаться две недели, а в первых числах июля или позже уйти за реку «без пожитков» под видом вылазки вместе с мужчинами-полтавчанами против береговых шведских шанцев. У старого лагеря, гарнизон будет встречен отрядами русской конницы. Знамена и дома подлежали сожжению, пушки должны быть брошены в колодцы или взорваны. Через неделю, за день до Полтавской битвы, у царя появилась «лучшая надежда» выручить Полтаву, и он предписал Келину держаться «до половины июля и далее»[87]. Пятью холостыми выстрелами подряд Келин подтвердил, что принял информацию.

В тот же день Петр написал Г.Ф. Долгорукому, что будет «искать над неприятелем счастия», и вызвал к себе подчиненные тому войска, а также И.И. Скоропадского с казаками.

В час ночи с 19 на 20 июня вся русская армия поднялась к «петровскому мосту» и плацдарму Ренне, защищенному редутами. Пехота и артиллерия перемещались двумя колоннами. Передислокация не могла быть спокойной — всех заботила мысль: не будет ли «помешательства» от противника? В голове шли лучшие полки России — Преображенский, Семеновский, Ингерманландский и Астраханский, потом дивизия Меншикова, следом главная артиллерия, замыкала колонну дивизия генерала Репнина[88]. С флангов, защищая пехоту и артиллерию, тоже двумя колоннами, следовала конница. Поразительно, что сложнейшая переправа армии прошла без сучка и задоринки[89]. Кавалерия по трем бродам, артиллерия и пехота по понтонному мосту у д. Гавронцы[90] перешли на правый берег Ворсклы, поднялись по пологому склону на плато и ночью 20 июня у д. Семеновки тут же занялись заготовкой фашин. Несколько дней вся армия рубила ветви и тонкие деревца, чтобы оградить себя фашинноземляными ограждениями.

Ни перебежчики, ни шведская разведка заблаговременно ничего не узнали об этой передислокации. Каролинцы так и не могли определить причину ночного гула за Ворсклой вплоть до утра 20 июня, когда они увидели опустевший русский лагерь и разрушенные переходы через Ворсклу у Полтавы.

Можно понять оплошность Реншельда, прозевавшего ночной уход неприятеля к Петровке, но и позже он ничего не предпринял против опасного приближения противника. Шведский фельдмаршал не соорудил

укрепленную линию против русских к северу от Полтавы наподобие той, что была устроена шведами вдоль Ворсклы, хотя этого ожидали русские.

Штаб-квартира царя опасалось не только этого, но и неожиданной диверсии неприятеля, однако все с облегчением вздохнули, узнав, что все войско «перешло чрез реку Ворсклу на полтавскую сторону без всякого от неприятеля, которой оттуду в миле стоял, помешательства». Как раз 19–20 июня Карл XII впал в горячку, и все его окружение опасалось за его жизнь. (После того как была пущена кровь из вены, жар и большая опухоль на ноге уменьшились.) Теперь между русской и шведской армией не было никаких водных преград. Все знали, что баталия неизбежна, но все-таки надеялись освободить Полтаву «подвижными валами» с севера и запада.

20 июня, вместо того чтобы обратить внимание на выросший на глазах новый лагерь у д. Семеновки, шведы начали обследовать оставленный старый и удивлялись, как можно покинуть такие «грандиозные» сооружения, на устройство которых было потрачено столько сил. «Противник покинул это место в пойме вместе со всеми произведенными огромными работами, батареями, шанцами и ретраншементом»[91]. В старом лагере шведы обнаружили большое количество (сломанных?) железных и деревянных лопат, ядра, порох, муку и даже емкости с водкой (!) и несколько спящих человек. Скорее всего, это были обозные, которые ничего толком не могли сказать о причинах ухода армии. *«Никаких сведений о русских планах и причинах спешного отхода добыть не удалось от них, несмотря на тщательные допросы»*[92]. Валахи разложили среди фашинных сооружений огни, устроили большой пожар, дым от которого два дня поднимался высоко к небу, и все обратили в пепел.

В этот день шведы оставались в бездействии — как и прежде инициатива была отдана русским. Шведские посты вдоль реки были сокращены, артиллерия снята с монастырской высоты, забота была лишь о том, чтобы полтавский гарнизон не ускользнул за Ворсклу[93].

С 20 по 26 июня русское войско тревожило армию Карла XII ложными выпадами. В 16 часов от Петровки в сторону полевого караула, стоявшего совсем близко от шведского лагеря, двинулось 6 000 драгун Ренне и «пропасть» казаков. Реншельд вывел конницу лейб-регимента, Абоандского, Смоландского и Естгетского полков к «долине», где выстраивались русские всадники. Русская и шведская кавалерия стояли, как писал Вайе, не нападая друг на друга в течение получаса по сторонам балки Побыванки (предположительно), но когда казаки подстрелили несколько шведских лошадей, Реншельд якобы пустил свою кавалерию во весь опор и преследовал неприятеля вплоть до Петровки. «Из-за спустившейся темноты Реншельд должен был повернуть назад»[94].

Темнота при летнем солнцестоянии на Полтавщине наступает не раньше 22 часов. У шведов за все время шестичасового боя были ранены

капитан и лейтенант. Таким образом, Реншельд повернул назад не из-за темноты — он по примеру короля, тоже не собирался атаковать русские укрепления. К тому же он учитывал, что без Карла XII шведы наполовину слабее. Мысль об уходе от Полтавы не покидала шведский генералитет. Юлленкрук писал: *«По моему мнению, ничего не остается королю, как снять осаду и найти для армии хорошие квартиры. Если же этого не будет, нам грозит большое несчастие. Или король будет убит, потому что он подвергает себя всем, опасностям, а это тревожит и рядовых, и офицеров, которые, как я сам слышал, говорят между собою: Король хочет быть убитым; или, если неприятель решится подать помощь Полтаве, сражение может иметь для нас несчастный исход. В таком случае, мы все погибли, ибо, без особенного счастья, никто отсюда не выйдет, так как мы отдалены от отечества на несколько сот миль»*[95].

Петр навязывал свою волю противнику. 21 июня, раним утром, уже **не только кавалерия но и русская пехота** стала быстро надвигаться на шведский лагерь от д. Жуки. Казалось, грянет битва. Состояние короля к этому времени неожиданно быстро улучшилось, и он приказал спешно собраться всей армии и с артиллерией выстроиться в боевом порядке.

В отличие от короля, Реншельд не снял «свою опалу» с побитого при д. Лесной Левенгаупта, которого он третировал и почти презирал. Взвинченный фельдмаршал при всех устроил разнос «графу-латинисту», которому было поручено построить пехоту в одну линию между конными флангами. Места не хватило и Левенгаупт на правом крыле построил солдат в две линии.

Фельдмаршал накинулся на него, обвиняя, что тот не знает, что делает, что от него нет толку и что он, фельдмаршал, сам лучше бы все выполнил. Адъютанты Реншельда и он сам строили батальоны, как будто Левенгаупта не существовало. После толкотни несколько батальонов было все же поставлено во вторую линию. К флангам пристроили запорожцев. *«Не было никого, кто бы не поджидал противника с радостью, веря, что этот день будет решающим и он наконец освободит шведов от голода и прочих бед, которые морят их медленной смертью»*[96]. Добрым для шведов предзнаменованием была туча птиц, кружившихся над русским лагерем, но вряд ли каролинцы надеялись на окончание войны после победы, скорее всего лишь на беспрепятственное отступление в Польшу.

Король велел пронести себя перед строем. С сапогом на правой ноге он сидел на лазоревом тюфяке со стеганым, покрытым шелком одеялом, в качалке, впряженной между двумя лошадьми. Его окружали драбанты и гвардейцы лейб-регимента. С согласия короля Реншельд до полудня держал под ружьем всю армию, и никто не знал, будет ли сражение или противник решил только тревожить всех казаками. Мазепа хоть и угасал

от непрерывного беспокойства (до него доходили слухи о неизбежной мести царя), но тут встрепенулся и помчался якобы на бой.

А.С. Келин в тот день писал о «великой тревоге» у противника, который «построился во фрунт против города на поле против Киевских ворот». Сильное смятение у шведов продолжалась с рассвета и «после полуден два часа»[97].

По приказу Карла полковник Дюкер с 300 всадниками и ватагой запорожцев поехали на разведку и, вернувшись, сообщили, что противник удаляется к своим укреплениям. Нервозная подготовка всего войска вновь пошла насмарку.

Указы русских военачальников о таком маневрировании неизвестны, однако по действиям русской армии можно видеть, что **тактической установкой Петра в преддверии Полтавской битвы было выманивание шведов на штурм укрепленного лагеря и изматывание их ложными выпадами**. Вайе тоже сделал такой же вывод: *«Исход дела показал, что переход противника через Ворсклу преследовал цель не атаковать нас, но как можно основательнее окопаться и ждать нашего нападения»*[98]. Левенгаупт отправился с пехотой обратно на стоянку к монастырю, кавалерия стала фронтом на север по тракту в с. Жуки. Отказ от атакующей тактики шведы оправдывали тем, что неприятель уклонялся от битвы или так «зарывался по уши в землю», что взять его без больших потерь было невозможно.

Как раз тогда, когда король сидел в качалке перед строем армии, к нему из Молдавии прибыли два вестника — полковник Валашского полка Сандул Колца, который встретился в Бендерах с секретарем Отто Вильгельмом Клинковштремом от Лещинского и вместе с посланцем от хана. Новости окончательно подсекли надежду короля — ни Станислав с Крассау, ни крымская орда не придут на помощь. Для армии же сообщили (и в это верил Зильтман), что 40 тыс. крымских воинов вот-вот присоединятся к королевской армии и вместе с ней продолжат вторжение в глубь России[99].

22 июня шведам пришлось выставить на расстоянии двух мушкетных выстрелов пешие и конные форпосты, чтобы казаки и калмыки меньше тревожили корпус армии, но те обстреливали их из своих длинных ружей, подъезжая на близкую дистанцию.

Генеральных штурмов Полтавы не было ни 21, ни 22 июня. В русскую историографию, в том числе и в работы крупных историков, [100] они вошли с легкой руки фантазера П.Н. Крекшина, описавшего их в «Дневнике военных действий Полтавской битвы»[101].

23 и 24 июня казаки и калмыки, «заезжая в рот неприятелю», продолжали тревожить шведский лагерь, вокруг которого не было никаких оборонительных сооружений. Линейного сражения шведские солдаты не

боялись, но опасались ударов с тыла: «В шведском войске говорят так: ежели б московские люди пошли на них сзади с двух сторон, давно бы их всех каждый человек двух или трех взял, а с лица на лицо сделать ничего не могут. И того не боятся. Также говорят во всех полках, что если бы не офицеры, то б немногие остались в войске»[102].

24 июня Петр приказал находящимся за Днепром казакам Галагана и прочих полковников расставить везде караулы, собрать все перевозочные средства и не выпускать шведов на Правобережную Украину[103]. В тот же день от р. Псел к лагерю у Семеновки были вызваны казаки Скоропадского вместе с двумя пехотными и четырьмя драгунскими полками Г.Ф. Долгорукого. Царь стягивал в одно место максимальное количество войск, отказываясь сбить шведские отряды, стоявшие вниз по Ворскле и перекрыть путь шведам на юг к Днепру.

В тот же день воронежскому воеводе С.А. Колычеву был послан загадочный приказ, который ранее не комментировался. В Воронеже должны были изготовить 8 тыс. лопаток и 3 тыс. кирок, а немедленно **«делать наперед с великим поспешением, как возможно скоро»** и прислать в армию 3 тыс. лопаток и 1 тыс. кирок[104]. Петр знал, что 4 тыс. лопат и кирок из Воронежа прибудут не ранее середины июля. (От Воронежа до Полтавы по прямой 405 км и не менее 15 дней пути.) Келину, как выше указывалось, тоже было приказано держаться «до половины июля и далее». Можно предположить, что с помощью дополнительного шанцевого инструмента царь, опираясь на систему земляных «крепостей», с конца июля продвигал бы ретраншементы один за другим ближе к Полтаве, чтобы не только «пробитца всем войском к городу», но и окружить лагерь шведов внешним полукольцом, которое «задушило» бы армию короля. Русское осадное искусство знало прием «идти подвижным валом», приближаясь к противнику под защитой перекидываемой земли. (Так поступили при осаде Азова в 1696 г..) Наступление Петра с использованием системы редутов и ретраншементов можно считать удачной модификацией старого приема. Конечно, задача была сложной, учитывая, что к западу от Полтавы были сплошь открытые места[105].

Русский и шведский план сражения.

Знаменательным был день 25 июня — вся русская армия из лагеря у д. Семеновки поднялась в светлое время суток и в боевом порядке между часом и двумя дня передвинулась почти на 5 км ближе к неприятелю, потеснив драгун полка Штейтерфельда. Перемещение закончилось к вечеру, чтобы «неприятель не мог принудить к главной баталии прежде, нежели транжамент будет учинен, и дабы оной на нас нечаянно не напал»[106]. Больше всего русское командование тревожила мысль, какой сюрприз поднесет Карл XII? Вся армия лихорадочно работала и за считаные ночные часы неподалеку от д. Яковцы пехотные полки, артиллерия и боевой

обоз оградили себя новым обширным ретраншементом и поперечными редутами (построенными поперек прогалины, пролегавшей между яковчанским и малобудыщенским лесками.) Тогда же Петр дал указ генерал-лейтенанту Я.В. Брюсу «о поставлении артиллерии во время баталии»[107] и вместе с генералами осматривал «положение места, откуда бы удобнее отаковать»[108].

Прикрывавшее пехоту полевое укрепление тылом примыкало к высокому обрыву над Ворсклой. Ждать нападения снизу не приходилось. При неудаче армия могла отступить вдоль Ворсклы на север и в крайнем случае спуститься к реке прямо от лагеря. Можно предположить, что ретраншемент имел форму неправильного многоугольника, как показано на первичных схемах Алларта 1709 г., а также картографа де Фера и инженер-архитектора Х.Я. Шварца[109], а не четкой трапеции или прямоугольника, как потом вычерчивалось на всех «парадных» схемах Полтавской баталии. Он состоял из нескольких, возможно, четырех бастионов[110] и шести реданов (полевых укреплений из двух фасов для ведения косоприцельного огня), соединенных валами. На схеме, приложенной к «Отчету» Левенгаупта, он изображен неправильной полуокружностью. Для выхода войск из ретраншемента валы прорезались.

Как указывалось выше, известие о ранении короля не сняло осторожность русского командования. Если пехоту отгородили от открытого поля земляной крепостью, то же самое сделали для драгунской конницы, которую поставили к западу и югу от ретраншемента на открытом пространстве, соорудив для нее линию обороны из 6 поперечных редутов. (На плане Алларта показано еще два «фигурных» редута, которые предполагалось построить, но их, скорее всего, не воздвигли, — об этом говорил Петр позже плененному Кройцу.) В лесу у Малых Будыщ подрубили деревья и устроили завалы — вся драгунская конница оказалась прикрытой с юга и запада.

Следует согласиться с историком В.А. Молтусовым, что поперечные редуты перекрывали шведам не только дорогу и открытый проход к ретраншементу (дефиле) между д. Малые Будищи и Малые Павленки, но и другой выход к русскому лагерю вместе с дорогой, исходящей от Крестовоздвиженского монастыря, где стояла шведская пехота. (Оттуда также можно было ждать нападения, учитывая, что у д. Яковцы стоял шведский пост.)

Земляные откосы этих шанцев выглядели ступенчатыми — фашины накладывались друг на друга ступенями. Размеры, расстояния между редутами и их вооружение точно не известны. Только будущие археологические изыскания помогут обнаружить остатки рвов, по которым будут восстановлены контуры укреплений. Молтусов полагает, что «поперечные редуты строились на расстоянии от 300 до 350 м друг от друга, причем

дальность выстрела фузей составляла 100–150 м при удовлетворительной меткости 70–80 м». Вытягивая линию поперечных редутов до двух километров, автор тремя из них необоснованно прикрывает низину с ручьем, протекавшим через деревни Малые Будыщи и Ивонченцы, а также лесную чащу, где были сделаны завалы[111].

Возможно, в каждом редуте находилось не менее двух трехфунтовых пушек. Кроме того, драгунские полки, стоявшие за линией поперечных редутов, имели 13 конных орудий и трехфунтовые мортиры на вьюках[112]. Как указывалось, цель масштабных земляных работ состояла в том, чтобы получить связь с Полтавой и выдавить противника в Польшу[113].

Русская армия почти заперла шведов между Ворсклой, Полтавой и своими полевыми укреплениями, заставив шведов сбиться еще плотнее, — Естгетский и Дальский полки оказались прижатыми к гвардии, остальные полки стояли позади в палатках или под открытым небом. Шведская наступательная тактика вообще не предусматривала прикрытий земляными валами. Но теперь для защиты королевского лагеря от казаков Реншельд приказал было заложить укрепление, однако этого не было сделано из-за неявки запорожцев[114]. По собственному выражению фельдмаршала, из-за нехватки провианта и фуража оставаться под Полтавой дольше двух дней невозможно[115].

Вызывая противника к нападению на укрепления, русские стали на расстоянии в четверть мили от шведов. Стороны слышали барабанную дробь и видели друг друга.

В ночь с 25 на 26 июня шведский лейтенант Лют с валахами разведал русские позиции и доложил, что противник основательно окопался валами, шанцами, рвами, прикрыл себя кавалерией и даже болота использовал для обороны. Более подробных сведений шведское командование изыскивать не собиралось; Реншельд самоуверенно заявлял, что эту местность он знает как свои пять пальцев. Пренебрежение к противнику у Карла XII было не меньше, чем у фельдмаршала: чтобы избежать потерь, он снял караулы с форпостов. *«Когда король, лежа на носилках, проинспектировал передовой край, он убрал посты, так как он, может быть, уже решил про себя покончить разом со всеми этими и прочими придирками сильной атакой»*[116].

Рано утром армия опять была поднята по тревоге. Молебен в день перед битвой 26 июня был скомкан выстрелами и криками казаков и калмыков, подлетавших на 300–400 шагов с пиками наперевес. Некоторые русские эскадроны прорвались почти в расположение шведской армии, убив на форпостах нескольких солдат. Воронье теперь кружилось над самой ставкой Карла XII, оглушая «невыносимым карканьем». Русские выходили трясти над головой штофами с водкой и корчажками с пивом, предлагая переходить на сторону царя[117].

Днем шведский генералитет осмотрел поперечные редуты. Около 16 часов весь обоз, всю артиллерию нестроевых и раненых и 2 тысячи больных переместили к д. Пушкаревке на пять километров к западу от Полтавы. (Сейчас она входит в город Полтаву.) С февральского набега на Слободскую Украину шведы почти 4 месяца вели только оборонительные бои, не пытались разбить Шереметева и Меншикова по одиночке, или совершить экспедицию против русской армии за Ворсклу. Только 26 июня армия короля узнала, что на следующий день предусмотрено нападение на русский лагерь. Позже укоряли короля в опрометчивой отваге, безрассудстве молодости, презрении к громадным силам противника, высказывались о его нетерпеливости после ранения. Д. Крман верно считал, что Карл XII поступил так по необходимости: противник имел на своей земле все, что нужно, а шведов день ото дня придавливала нужда, за долгую осаду Полтавы исчерпались запасы. Несмотря на то что *«земля не видела воинов, которые терпеливее переносили бы жару и холод, труды и голод, которые с большим рвением выполняли бы приказы и шли в бой, которые бесстрашнее встречали смерть, не склонялись на бунты, мирно и с большим благочестием жили в лагерях и быстрее других строились то в плужный порядок, то в круговой, то треугольный и каре... многие рядовые, изнуренные скифской стужей зимы, весенней распутицей и летним голодом, скорее желали бы с честью погибнуть, чем позорно и убого жить. Когда они припоминали все лишения, которые навалились на них, то проклинали жалкие успехи своего оружия и собирались перебежать к противнику, а если придет полная нехватка продовольствия и всего остального, то дело может дойти и до военного мятежа. Царское Величество наоборот хотел ослабить шведов оттяжкой праведной битвы, изнурить их частыми нападениями, казачьими и калмыцкими отрядами и пресечением снабжения вогнать их в голод и подтолкнуть к миру... Сложилось так, что без победы нельзя не двинуться ни назад, ни вперед»*[118].

Глубокой ночью все повозки короля, его двора и обоз увезли в сторону д. Пушкаревки к лесу. Фургоны вагенбурга устанавливались к холмам так, чтобы исключить нападение с тыла. Учтя прошлые атаки малороссийских казаков, драгун и калмыков, с фронта выставили почти всю артиллерию и некоторое количество кавалерии и пехоты. Вокруг расселялось несколько тысяч запорожцев и мазепинцев. Ночное время было проведено без огня, еды, питья, соломы и сена для коней. Опасаясь вылазок Келина из Полтавы, в траншеях пришлось оставить 1 300 солдат. Для охраны переправ через Ворсклу у Новых Санжар остался драгунский полк Мейерфельда (1 200 чел.), в Беликах и Кобыляках два кавалерийских отряда — 300 чел. (Эти отряды военными советами русских были оставлены без внимания.) Итого 5–6 тыс. шведов Карл XII счел возможным

выключить из предстоящей битвы[119]. Кавалерия с 10(21) июня стояла между деревнями Рыбцы и Пушкаревка, в 4–5 км западнее Полтавы[120].

Русская войсковая разведка непростительно упустила перемещение всей шведской артиллерии и обоза с несколькими тысячами охраны, больных и раненых к Пушкаревке. Однако есть сведения, что какой-то польский перебежчик из шведского лагеря известил командование о намерении КарлаXII атаковать русскую армию[121].

Тогда же утром Петр вместе с генералитетом снова осматривал поле предстоящего боя и неприятельский лагерь. Отвлекая внимание от генералов, казаки и калмыки, крича и поднимая тучи пыли с прожаренной земли, с задором подлетали и сбивали пулями людей и лошадей с близкого расстояния. Четыре конных караульных были подстрелены один за другим. Партия солдат, которую вывел Левенгаупт, пыталась отвечать выстрелами из засады, но пули, если верить графу, который в мемуарах упорно жаловался на «плохой порох», якобы падали в 30 шагах от мушкетов[122]. В таком случае трудно понять, как вообще шведские мушкеты поражали насмерть и ранили русских солдат.

В ночь перед битвой русским командованием было принято решение, в изрядной мере повлиявшее на победный исход битвы — в дополнение к 6 поперечным редутам всего в 3 километрах от шведских стоянок, построили еще четыре по середине километровой прогалины между лесками у Малых Будыщ и Яковцов. По неширокому проходу воздвигли редуты, зная, что при линейной тактике самым опасным было рассечение армии надвое[123].

На парадных схемах система редутов красиво выглядела Т-образной. Однако местоположение поперечных и продольных шанцев определялось оврагами, промоинами, зарослями, и четыре передних редута располагались под косым углом к шести поперечным, возможно, и не по одной осевой линии. На схемах генералов Алларта и Левенгаупта они расположены без четко выраженного порядка. Два ближних к шведам редута пришлось делать меньших размеров — подгоняло время. Но ночных часов так и не хватило — рвы и валы там возвели только частично, может быть, на треть или половину. Неизвестно, поставили ли у всех редутов рогатки. (У петровского перехода их выставляли до постройки редутов.) Все редуты, возможно, размером 60 × 60 м или 70 × 70 м углами направлялись в сторону противника, чтобы с четырех фасов вести косоприцельный огонь как вперед, так и назад. Пока трудно с уверенностью говорить о расстоянии между этими редутами. Во всяком случае, они ставились не ближе действенной дальности ружейного огня 100–150 м. Вглубь дефиле они вряд ли уходили на расстояние больше одного километра[124].

Все редуты занял внушительный гарнизон из шести полков — Белгородского (1067), солдатского Ямбургского (682), солдатский Ивана Вили-

мовича фон Делдена (Делдина) (893), Нелидова (749), Московского стрелецкого полка Ивана Константиновича Нечаева (634), солдатский полк Матвея Неклюдова (705) — итого 4730 чел. В среднем на каждую крепостцу приходилось по 400–500 солдат. На погонный метр фаса редутов приходилось не более одного защитника. В редутах помимо 3-фунтовых пушек и было по несколько ручных 6-фунтовых мортирок для стрельбы с коротких дистанций[125]. Всеми людьми и орудиями командовал храбрый и расторопный бригадир Савва Васильевич Айгустов (Августов.) С этого направления путь шведам был надежно перекрыт — так считал Петр.

Русская позиция оказалась крепче любой другой в битвах Северной войны. **Система редутов с укрепленным лагерем Петра I стала новым словом в инженерном обеспечении и тактике полевых сражений**. Она была настолько удачно вписана в местность, что осталась уникальной и никогда больше не повторялась.

Под Нарвой в 1700 г. была сильная, но сплошная линия укреплений. Прорвав ее в центре, шведы погнали русские войска в разных направлениях. У Головчина в 1708 г. окопы разделялись болотами и лесами, чем и воспользовался Карл XII. В боях с турками и татарами в окружении на р. Прут в 1711 г. ограждение армии создавалось экспромтом и наспех. Небольшие апроши и батареи в 1713 г. у р. Пелкине в Финляндии воздвигались в расчете на наступление. Лагерь фельдмаршала Б.Х. Миниха в Ставучанском сражении 1739 г. был закрыт со всех сторон, но его покинули, чтобы атаковать турецкий лагерь. Траншеи в сражении при Кунерсдорфе в 1759 г. были откопаны вдоль фронта в 4,5 км, но армия П.С. Салтыкова была открыта с тыла. На его левый фланг напал прусский король Фридрих II, открыв губительный продольный огонь по русским позициям. 8-километровая позиция в 1812 г. в битве при Бородино укреплялась только местами — Масловскими и Багратионовыми флешами и всего двумя редутами — Шевардинским и Центральным. (Эта позиция страдала крупными изъянами на левом фланге, откуда пришлось отступить с большими потерями.)

Размеры редутов под Полтавой были разными. Ближние к шведам редуты 10-й и 9-й ради ускорения, стали делать меньших размеров, но не успели закончить. Валы там отсыпали, может быть, только в пояс. Очередной за ними 8-й редут был, видимо, таким же, как и поперечные, но шведам по сравнению с двумя недостроенными он показался больше. Драгунские полки, стоявшие за ними, имели тринадцать 2-и 3-фунтовых пушек и конно-вьючные мортирцы[126].

Отвлекающих ударов, например Скоропадским, в сторону Пушкаревки или Рыбцов, где стоял лагерь шведской конницы, или драгунами, казаками и калмыками в направлении Яковцов и монастыря не планировалось.

После захода солнца собрали малый военный совет, на котором был расписан ордер баталии и назначено место артиллерии. С 20 июня русское командование в любой момент было готово к генеральному сражению, которое мыслилось как оборонительное. Шведов готовились принять и разбить на укрепленных рубежах, цели уничтожить всю шведскую армию на полтавских полях не ставилось. Предусматривалось сдержать противника на передовых укреплениях, отразить его артиллерией и нанести фланговые удары пехотой и конницей с обеих сторон лагеря.

Во главе готовых к схватке армий стояли два монарха-полководца, которые впервые сошлись лицом к лицу и больше никогда не встречались на полях битв. Воля обоих была законом как в Швеции, так и в России. Оба были государями Божьей милостью и знали, что выполняют волю Господа, определяя судьбу государств.

Оба истовых державника были центрами притяжения для подданных и не страшились брать на себя ответственность. Обоими война считалась правым делом: для одного — укрепить и расширить господство Швеции в Европе, для другого — вырвать Россию из обветшавшего прошлого и отвоевать выход к морям. Оба были выше своего окружения — король как талантливый полководец, Петр — как гениальный зодчий и реформатор огромной страны, для которого война была лишь средством достижения цели. В центре внимания Карла XII была любимая и любящая его армия, кругозор Петра I, кроме армии и России, охватывал Европу, Дальний Восток и Индию.

Природный военный талант Карла был подкреплен прекрасным образованием — его учили профессор-латинист из Уппсальского университета, лучший королевский советник и администратор, лучший фортификатор и знаток теории и практики военного дела. Карл был способен в математике и физике, знал латынь, немецкий и французский языки[127].

Ограниченный думный дьяк Никита Зотов не мог дать Петру не только серьезных знаний, но не обучил даже правилам орфографии. Познаниями в науке, истории, географии и военном деле Петр обязан только себе и своей неуемной познавательной активности.

Все оперативные и тактические планы Карл держал в своей голове, считал себя способнее всех генералов и был снисходителен к ним. «Офицерский корпус привык принимать приказы только короля и мало обращался к генералам» (А.Л. Левенгаупт.) Офицеры добросовестно выполняли приказы и не решались на свои почины. «Его Величество по своему обыкновению так молчалив относительно своих дел, что не узнать, куда ветер дует», — говорил советник канцелярии Улоф Хермелин[128]. С военными помехами Карл не считался и не признавал ретирад — все должно быть решено молниеносными, беспощадными ударами и напором победного духа. Личная стратегия Карла XII, не терпевшая никаких вмеша-

тельств, была поразительно однобокой — удар по центру государства противника при игнорировании всех остальных факторов[129].

Вплоть до Полтавской катастрофы Карл признавался в Европе гением Северной войны, сделавшим ставку исключительно на меч.

Неудачи — признак неверно избранного пути, но ни одно из поражений, даже Полтавская катастрофа, не смутили короля. Упрямство и ограниченность мышления резко снижали его полководческий дар.

Гений Петра тоже определял всю стратегию армии и флота, но с полным учетом всех сил на театрах военных действий от Балтики до Черноморья, Дона и Башкирии. Важной заботой царя были дипломатия и поиск союзников. Военные советы Петр собирал регулярно. При одинаковом соперничестве внутри офицерского корпуса в русской армии после военных советов разногласий не допускалось, а инициатива вменялась в обязанность.

Оба полководца обладали железной волей, оба не щадили себя, оба могли вызвать взрыв победной энергии в войсках. Оба подвижника не страдали манией величия, были просты в общении и быту, но характер их был резко контрастным.

Замкнутый и молчаливый Карл, героизмом и силой духа звал к славе, первым бросался в бой и был уверен — за ним пойдут в огонь и в воду. Для презиравшего опасность «северного льва» не было альтернативы «смерть или победа». Под защитой Бога -только победа! Король ценил мужество и прямоту, заботился о солдатах, посылал обеды в траншеи, молился за армию и, как правило, старался не допускать лишних потерь. Бесстрашие и самообладание позволяли ему не терять хладнокровия под градом пуль. Быстрота, натиск и удар воли были решающими факторами его побед. Как в рыцарские времена, Карл с несколькими драбантами любил врезаться в строй врага и гнать его.

Пожертвовав личной жизнью ради Швеции и войны, Карл XII принял обет аскетизма и не знал болезней. Его единственной усладой была стихия войны. Король наравне со всеми делил тяготы походной жизни. Вот почему он был любим солдатами. Даже в плену шведы молились за него и каждый год отмечали именины (28 января) и день рождения[130]. Месть была мощным стимулом в войне на уничтожение ненавистного Петра. Без жесточайшего наказания — никаких переговоров с врагом! (Не зря короля-полководца турки прозвали «железная голова».)

Экспансивный, с резкими перепадами настроения, царь не жалел ни себя, ни других. Непрерывные пиры, неуемные и разгульные порывы сильно подкашивали здоровье, хотя после обильных возлияний русский монарх был способен великолепно работать на другой день. Вместе с тем личным примером на верфях, кораблях, заводах и в боях венценосец великой страны поднимал людей на подвиги. На своих плечах Петр держал неимоверную

тяжесть — весь фронт и тыл страны. Благодаря бешеной энергии царя страна совершила уникальный в мировой истории рывок модернизации.

В тактике Петр считал, что риск должен быть оправданным. Как полководец он всегда учитывал максимум случайностей, был предусмотрителен и осторожен, не стыдился отступлений, снижавших престиж армии и страны. Каждое поражение он воспринимал как ценный опыт. Петр уважал искусного и храброго соперника и быстро обучил свою армию шведской ударной тактике.

К 27 июня 1709 г. русская армия ликвидировала основные преимущества каролинцев — лишила свободы маневра, подрубила боевой дух и исключила главный фактор шведских побед — даровитого монарха-полководца.

План нападения на русский лагерь был разработан королем и Реншельдом, но обсуждался еще Пипером и полковником Сигротом. Поле предстоящей битвы шведские генералы изъездили вдоль и поперек. Все понимали, что только отчаянным броском можно разорвать душащее кольцо. Напасть на русскую конницу и пехоту можно было через Яковцы, в обход через Малые Будыщи и через прогалину, перегороженную редутами. А. Стилле умозрительно полагал, что был еще план «неожиданного» нападения с северо-запада, отсечения русской армии от бродов у Петровки и окончательного разгрома у обрыва над Ворсклой.

Обходные маршруты, видимо, изначально исключались «советом четырех». Они замедляли стремительность — основной козырь короля. Но малобудыщенский лес и деревня были все-таки проходимы, и после поражения шведская кавалерия и пехота быстро проскочили сквозь них. У шведов был опыт развертывания боевых порядков после прохода через заросли и фланговых маршей в обход препятствий (Клишов 1702 г..)

Судя по ходу сражения, предусматривался ночной выход на исходные позиции к западу от д. Павленки, прорыв (а не штурм) сквозь поперечные редуты на рассвете, отбрасывание неприятельской конницы на север, построение войска против русского лагеря и его штурм холодным оружием, который снесет русскую пехоту с обрыва в Ворсклу. Король и Реншельд полагали, что кавалерия, как в битвах при Клишове и Фрауштадте, сразу прогонит русских драгун, и пехота врага окажется беззащитной. Вдохновляющим знаменем для всей армии, как всегда, должен был стать король, которого понесут в бой раненым. Грубой ошибкой Реншельда был отказ от ночной рекогносцировки русских позиций, из-за чего в расчет были взяты только поперечные редуты.

Выход на исходные позиции предусматривался не «растянутой кишкой», а сплоченной массой из нескольких параллельных колонн. Шведское командование знало о рвах и валах русских укреплений, но отказалось от фашин и штурмовых лестниц. Без них и без артиллерии, Карл готовил

армию к двум прыжкам — через редуты и через бастионы и реданы лагеря Петра. Неожиданность должна снизить потери при прорыве сквозь редуты и вызвать панику в ретраншементе. Возможно, кавалерию король предполагал пустить слева в обход ретраншемента, чтобы отсечь отступление врага к переправам и мостам у Петровки. И шведы и русские считали, что казаков можно использовать лишь для преследования разбитого противника. Мазепу и почти всех уцелевших и оставшихся ко дню битвы запорожцев (около 4 тыс.) и наемных казаков (около 1 тыс.)[131] король и Реншельд оставили в обозе, видимо, не надеясь особо на них и считая, что преследовать русских не придется.

Через три века этот план кажется авантюрным. Численное превосходство было на стороне царя. Вайе писал, что только регулярные силы русских составляли 80 тыс., а у шведов здоровых и дееспособных не более четверти от этого количества[132]. После штурма Веприка Карл избегал атаковывать крепости. Здесь же он решил прорываться сквозь огненную систему редутов, рискуя большими потерями. Было очевидно, что приступ к рвам, валам и реданам ретраншемента тоже не обойдется без кровавых потерь. Король знал об избытке пороха и ядер у противника. Бросать пехоту на жерла орудий казалось безумием. И тем не менее всю шведскую артиллерию, кроме четырех трехфунтовых пушек, он оставил при обозе, сделав ставку на молниеносный рывок к лагерю неприятеля, штурмовать который собрались напором духа.

Но в плане короля была логика — он исходил из опыта 1700–1708 гг., когда победы каролинцев в Восточной Европе всегда одерживались меньшинством. Несмотря на постоянные тревоги, бои, переходы и враждебность населения, король мог надеяться на дисциплину солдат. Численное превосходство врага не пугало — оно всегда сокрушалось шведской храбростью. Под Нарвой русские укрепления были мощнее, но они были легко прорваны, и 145 орудий русским не помогли. Реншельд под Фрауштадтом в 1706 г., не имея пушек, наголову разгромил саксонцев и русских. Под Головчиным шведы шли в атаку без выстрелов и заставили бежать врага из укреплений. Положение русской армии, скученной на ограниченном пространстве и прижатой к Ворскле, казалось ущербным. Опытная шведская кавалерия легко рассеет необученную конное сборище царя. Особая надежда была на стремительность атаки. Как и положено истовым и ослепленным своим могуществом державникам, Карл и Реншельд были уверены в победе. Русские побегут, в этом нет сомнения!

Однако начерно, без детальной проработки план не был доведен до офицерского корпуса. Решение утаить его даже от генерал-майоров стало провальным. Крупная ошибка короля состояла в том, что он проигнорировал переворот в русском военном деле в 1700–1708 гг. Под Полтавой были уже не «нарвские мужики», а ветераны, прошедшие шведскую шко-

лу. Петр настолько быстро поднял боеспособность вооруженных сил, что Карл и шведский генералитет не успели отрешиться от стереотипа «ничтожности» противника. Непростительным промахом был отказ от артиллерии — за несколько ночных часов 6 км до поперечных редутов вполне можно было пройти и с пушками.

Во второй половине дня А. Юлленкрук расписал пехоту по четырем колоннам. Вести их должны были: первую — генерал-майор Спарре (5 батальонов), вторую Стакельберг (5 батальонов), третью Руус (4 батальона) и четвертую Лагеркруна (4 батальона.) Кавалерия Кройца распределялась по шести колоннам. Командование всей пехотой было вручено Левенгаупту, хотя, как говорил сам граф, большая часть офицеров знала его только по имени, а он сам тоже был мало знаком с ними.

Судьбу сражения король отдал в руки Реншельда, оставив себе роль советника. Задач не поставили ни генерал-майорам, ни полковникам, ни даже Левенгаупту. О памятном дне перед битвой Левенгаупт вспоминал, как он перед ужином пришел в столовую палатку и увидел пехотных полковников, списывающих порядок баталии. Реншельд предложил ему сесть на лавке под окном короля и сказал, что король решил напасть на утро и хочет, чтобы пехота вышла четырьмя колоннами. И это было все, что было сообщено. Граф предупредил, что пехота стоит в разных местах и в темноте возникнет неразбериха. Если все сразу поднимутся, то как будут строиться колонны? Реншельд ответил, что строить войска заранее в светлое время нельзя, чтобы не узнал враг[133].

Разногласий между отечественными и шведскими историками по поводу шведской кавалерии нет — на поле боя было выведено 7 800 всадников (109 эскадронов.) Однако количество пехоты до сих пор вызывает споры. Шведские историки, стараясь преуменьшить ее численность, довели ее до 8 200 чел. (18 батальонов), т. е. всего на битву было выведено 16 тыс. чел. Английский посланник при дворе шведского короля Дж. Джеффрис сообщил 9 июля н. ст. из-под Полтавы в Англию о 21–22-тысячной Шведской армии, участвовавшей в сражении[134].

Ч. Витворт писал, что Реншельд после битвы якобы сказал Петру, что в деле участвовало 30 тыс. из них 19 тыс. регулярных, остальные — казаки[135]. Плененные в июне 1709 г. шведы и валахи оценивали общую численность казаков от 7 до 10 тысяч[136]. Очевидец фон Зильтман, который неотлучно в битве сопровождал короля вместе с Пипером, расценивал количество шведов, изготовившихся к нападению в 24 тыс.[137] Шведский Генеральный штаб рассчитал общую численность армии в 24 700 чел., из которых 22 450 было боеспособных, а с нестроевыми, канцелярскими служителями и т. д. — около 28 тыс.[138]

При капитуляции шведов в Переволочне было пленено 14 267 чел. (с нестроевыми 16 264), бежало с королем через Днепр около 1 300 чел.,

под Полтавой насчитали 9 234 убитых и 2 973 пленных. Итого получается около 28 тыс. чел. За вычетом раненых и больных (2 250), конного прикрытия, оставленного у пушкаревского обоза, застав на переправах Ворсклы (1 800) и солдат, оставленных в траншеях под Полтавой (1 100), на битву Реншельд выводил около 22 тыс. регулярных войск (14 тыс. пехоты и около 8 тысяч кавалерии, не считая примерно 1 тыс. валахов.)

Русское командование вполне разумно воспользовалось двукратным перевесом своих войск. Оно учитывало могучую ударную силу шведской армии, основанную, во-первых, на выучке и беспрекословном выполнении долга; во-вторых, на безжалостных атаках, устоять против которых было трудно; и в-третьих, на изобретательной тактике Карла XII. Компенсировать эти преимущества можно было огневой мощью, земляными укреплениями и численным превосходством.

В сумерках король послал к русскому лагерю до тысячи валахов по обрыву вдоль Ворсклы к Яковцам, чтобы они отвлекли внимание от направления главного удара. О результатах этого ложного выпада нет сведений в русских и шведских источниках.

Совершенно неожиданно выглядит высказывание Петра I, подробно записанное Кройцем. Оно в корне меняет представление о решениях царя, считавшего, что к мощной системе редутов шведы не посмеют подступиться. Монарх интересовался, какую цель преследовали шведы, прорываясь через редуты, а не по плато вдоль реки («hwad dessein wij måtte hafwa haft, I det wij begynte på deras redouter, hwarföre wij Icke gingo på den sidan wid strömmen»)? Ведь он, царь, ожидал наступления именно вдоль Ворсклы, ибо на том направлении он не прикрыл себя сильными укреплениями. Над Ворсклой у Яковцов днем и ночью он держал посты в 1 000 конных и столько же пеших солдат, чтобы следить за действиями противника. Когда государь услышал, что начато нападение на редуты, он не мог подумать ничего другого, что там начата ложная атака [«blindt allarm»], а все силы шведов пойдут по другой стороне. Вот почему он так долго оставался на месте, пока наконец не убедился, что все шведское войско навалилось на редуты. Кто же из генералов дал такой совет королю, — удивлялся Петр I. *«Я отвечал, что не знаю, так как был при кавалерии, стоявшей в некотором удалении. Так как он не получил* [ни от кого] *никаких других ответов, он дал мне лист бумаги и предложил, чтобы я расписал все конные полки, а также как мы двигались и какие генерал-майоры и полковники командовали шестью колоннами* [конницы]*»*[139].

Таким образом, появление в сумерках 26 июня всего тысячи иррегулярных валашских всадников ввело в заблуждение относительно главного удара шведов. Русское командование полагало, что через прочный барьер редутов противник откажется наступать[140]. Подсылать близко

к русскому лагерю мазепинцев и запорожцев Карл XII опасался, возможно, из-за опасения перехода их на русскую сторону.

Воздвигая ночью при свете костров 4 продольных редута, русское командование не надеялось, что спешная и шумная работа не будет замечена. Но Карл и Реншельд, утаивая направление главного удара, не сделали поверочной рекогносцировки. Шведское командование не только осталось в неведении о новых шанцах, выросших за 5 ночных часов, но не было уверено в общем количестве редутов и их расположении. Оно не представляло сложность подхода к русскому ретраншементу, перед южной стороной которого на расстоянии мушкетного выстрела была промоина глубиной до 10–12 м и шириной 5–6 м.

Русское командование тоже не держало под наблюдением свободное пространство перед продольными редутами (к западу от д. Павленки.) Как упоминалось, оно осталось в неведении о переводе шведского обоза, больных и раненых, а также мазепинцев и запорожцев к Пушкаревке. Ничего не узнали и о марше шведов от их стоянок к исходным позициям к нападению.

Перед битвой король решил поднять уверенность воинов. Ему перебинтовали ступню, снова на здоровую ногу надели сапог, и самодержец, взяв обнаженную шпагу, приказал пронести себя перед пехотой. *«Потом велел поставить носилки там, где располагались палатки гвардейцев и где он говорил то с одним, то с другим. Все высшие офицеры расположились вокруг носилок короля. Недалеко от короля на бугор присел Пипер. То же сделал и Реншельд и я с большей частью высших офицеров. Я завернулся в плащ. Начинало темнеть, и некоторые задремали, а другие готовились ко сну»*, — писал Левенгаупт. Тут граф затушевал собственную оплошность, которая внесла свой довесок в будущее поражение. Денщики и лошади графа находились в 500 шагах от короля, и при команде «подъем» ему пришлось отлучиться на целых 20–30 минут, чтобы сесть на коня и вернуться.

6.3. Бой на редутах

Готовые к расправе армии в равной мере стремились к победе. Предстояло выяснить, возьмет ли верх ставка Карла на стремительность, или замысел Петра сдержать противника на редутах и нанести ему поражение при обороне ретраншемента.

Заход солнца на широте Полтавы происходит в 20 часов 52 минуты. Вечером поведение противников было разным — шведы забылись коротким сном, русские всю ночь работали. Сотни костров освещали местность, возбужденно крепилась оборона: рубились, тесались и вколачивались в фашинные связки колья, сбивались рогатки, углублялись рвы, на валы набрасывалась земля. Вся армия готовилась отражать нападение. Осо-

бенно лихорадочно трудились на двух ближних к шведам редутах. О распоряжениях Петра, Меншикова и остального командования в ночь перед битвой приходится судить по действиям русских войск.

Чуть больше часа была тишина в шведском лагере. «Вставать! Вставать! Время идти!» — такая команда и два залпа из пушек подняли шведов около 23 часов 26 июня, когда совсем стемнело. И с самого начала все стало срываться. Луны не было. В глухой темени, без предварительной подготовки и без опознавательных вех батальоны, поднимаясь с разных стоянок от монастыря и д. Павленки, натыкались друг на друга и смешивались. Эскадроны Кройца сбивались в разные стороны, проваливались в ямы, путались между плетнями, и начальнику кавалерии приходилось поджидать их. Запорожцы вряд ли могли чем-либо помочь в ночное время. Суета и толкотня неприятно поражала всех. Лучше было бы сместить выход ближе к рассвету — все равно русские ежечасно ждали атаки. (Сомнительно сообщение Ч. Витворта из Москвы (!), что шум шведов якобы услышал Ренне, лично выезжавший с отрядом к передовым шведским постам и приказавший «своей кавалерии сесть на конь и занять один проход, разделявший армии». Почему тогда появление шведов оказалось неожиданным для русских?)[141].

Неразбериха сбила с толку офицеров и рядовой состав. В воздухе зависло напряжение, нервозность холерика фельдмаршала передавалась окружению. Вернувшийся верхом Левенгаупт отыскал его по бесноватому зову: «Где Лейонхювюд?» «Куда вы, черт возьми, запропастились? Вас никто не найдет! Не видите, что ли, что все в беспорядке!.. Что за полк сейчас идет?» Реншельд шел на открытый разрыв с аристократом и при всех с гневом честил его. Граф отвечал, что отлучился, чтобы сесть на коня и что в темноте, когда полки поднялись с разных мест, иного и быть не могло. «Смотри-ка, как вы! Ни о чем нет заботы у вас! Никакой помощи и никакого толку! Никогда не думал, что вы такой, я представлял совсем вас иначе, но тут вижу, что все впустую», — буйствовал фельдмаршал. Как вспоминал Левенгаупт, такой смертельной обиды он не испытывал никогда ни в одной армии: «Если кто и заслужил выговор, то это генерал-майоры и полковники, которые вели колонны».

С трудом навели порядок и, как всегда, пехота спела один из библейских псалмов. Около часу ночи[142] колонны пошли от Павленок на запад, потом свернули к северу на дорогу к русскому лагерю. На марше виднелось мерцание русских костров и слышался стук топоров. Пройдя часть пути, подали сигнал «стой», после чего четыре колонны пошли медленнее и тише, почти крадучись. Никаких сторожевых русских пикетов, ни казаков, ни калмыков тут не было. (Казаки Скоропадского находились далеко — за Тахтауловым.)

Когда чуть-чуть развиднелось, в шестистах метрах от «множества редутов противника» пехота остановилась, чтобы дождаться конницы.

На путь к исходным позициям длиной всего 3,5 км было затрачено почти два часа! Всем было позволено сесть[143]. Хотя уже забрезжило, с редутов шведов пока никто не замечал. Шведская кавалерия провалилась как сквозь землю. Генерал-майор К.Г. Кройц ушел на несколько километров севернее в направлении Малых Будыщ. Фельдмаршал в нетерпении разъезжал вперед и назад и слал через адъютантов Кройцу послания: «Торопитесь, черт возьми! Куда вы пропали?»[144] На взводе нервы были не только у фельдмаршала: срывался фактор неожиданности. Качалку короля опустили на землю, тут же уселся Пипер. Бесценное время утекало сквозь пальцы. Вокруг короля была большая свита — военачальники, адъютанты, гофмаршал Густав фон Дюбен, статс-секретарь Улоф Хермелин, придворный историограф Г. Адлерфельд и проповедник Еран Нурдберг[145].

При сильном желании в решающий час тут мог бы быть и Мазепа, но тот предпочел остаться в обозе. В отличие от «батька» Палия и Скоропадского бывший гетман затаился в 8 км от поля битвы. Некоторое количество запорожцев все же добровольно пристало к левой колонне шведской конницы.

На Полтавских полях в ночь на 27 июня (8 июля н. ст.) горизонт начинает еле светлеть в 2 ч. 20 мин., но кругом еще сплошная темь. Ближние предметы начинают различаться при рассвете в 3 ч. 10 мин. В 3 ч. 20 мин. на фоне предрассветного неба, если наклониться, уже можно различить силуэты деревьев на расстоянии в 100 м, но на поле трудно что-либо разглядеть. Восход солнца на широте Полтавы по данным из Астрономического ежегодника начинается в 3 ч. 50 мин. и в это время все вокруг хорошо видно.

Остановка шведов стала причиной ошибочной записи в «Обстоятельной реляции» о Полтавской битве, согласно которой неприятель всю ночь простоял в прогалине между лесами у д. Павленки и Малые Будищ «27-го числа по утру весма рано, почитай при бывшей еще темноте **из дефилеев, в которых он во всю ночь свое все войско в строй поставлено имел**, на нашу кавалерию, как с конницею, так и с пехотою своею… напал»[146]. И вот уже 300 лет в отечественных исторических работах, картах, атласах и беллетристике подъем шведской пехоты со своих стоянок путается с исходными позициямй перед атакой[147]. В «дефилеях» (лесной прогалине) шведы появились не ранее 2 часов 30 минут, а это значит, что ночью никто не сообщал русскому командованию о выдвижении шведов.

Кавалерия Кройца прибыла, когда видимость была уже хорошей[148]. Реншельд поехал осматривать ее и на это тоже ушло несколько минут. Прорыв сквозь поперечные редуты согласно плану, должны были совершать две боевые линии пехоты, которые в спешке начали выстраивать. В четвертом часу утра обе армии были готовы к смертельной битве.

Время обнаружения шведов и начало Полтавской битвы можно более или менее точно установить по свидетельству генерал-квартирмейстера А. Юлленкрука. Он и Шлиппенбах с 50 всадниками выехали на разведку. Разглядеть русских солдат, ходивших между двумя крайними продольными редутами, Юлленкрук смог только наклонившись к седлу на фоне неба, т. е. в 3 ч. 20 мин. — 3 ч. 30 мин. *«Тут я услышал стук топоров и глухие удары прямо впереди нас, после чего проехал немного вперед по полю с двумя офицерами фортификации, дабы осмотреть, что там делается, и тут заметил я, что противник работает на двух редутах.., Я же пригнулся в седле и увидел, что неприятельские солдаты расхаживают между редутов безо всякого прикрытия каким-либо валом, и тут один-то из неприятельских всадников появился перед редутами и выстрелил из пистолета. Неприятельские барабаны загремели повсюду»*[149]. Таким образом, шведов обнаружил какой-то одиночный всадник стоявший у последнего 10 редута. Одновременно грохнули три (!) большие шведские пушки, давая сигнал к атаке, — так записал фон Зильтман. Барабанная дробь тревоги и волна «чудовищного крика» (так писали каролинцы) разнеслась по всей четырехкилометровой русской позиции от редутов до ретраншемента.

Начался отсчет шестичасовой Полтавской битвы.

Отечественные историки, не читавшие Левенгаупта, не отмечали, что в промежутках между продольными редутами тоже стояли войска: «Противник не только поставил в своих редутах пехоту и пушки, но **в промежутках между ними и на флангах стояла как пехота, так и конница»**[150]. В данном случае генерал имел в виду именно продольные редуты. (И русские и шведы земляные работы производили всегда под охраной.)

Когда шведы увидели всю систему редутов с войсками прикрытия между ними, русскую кавалерию и вдали огромный лагерь, встряска была немалой. Надо было идти на укрепления, ни число, ни расположение, ни вооружение которых не были известны! Офицеры знали, что 1,5-километровая прогалина между малобудыщенским и яковецким лесами перекрыта поперечными редутами, но не были уверены, есть ли между ними валы. Рядовые же каролинцы вообще считали, что им придется иметь дело только с главным русским ретраншементом.

Лейтенант Вайе начало битвы описал так: *«28 июня* (27 по ст. ст.) *в понедельник, еще перед рассветом, мы вышли на исходные позиции и слышали, как противник напряженно работает в своих шанцах. На рекогносцировку выехал генерал-майор Шлиппенбах с 50 всадниками. Мы в это время с предельной спешкой выстраивали армию, ставя пехоту в две линии, причем на правом крыле во главе королевской Лейб-гвардии был генерал-майор Стакельберг, на левом — во главе Вестманландского полка был генерал-майор Спарре. Весь корпус пехоты состоял под нача-*

лом генерала Левенгаупта. Кавалерии при подходе к полю сражения было приказано держать нашу пехоту в середине и подчиняться фельдмаршалу Реншельду, который поручил правое крыло генерал-майору Кройцу во главе лейб-драгун, а левое генерал-майору Гамильтону во главе Сконских драгун. Его Королевское Величество избрал место при Лейб-гвардии на качалке, вместе с драбантами и 24 гвардейцами.

Едва такой порядок был установлен, зарождающая утренняя заря позволила видеть все вокруг — редуты противника и громадный занятый пехотой ретраншемент. Между ними обоими находилась готовая встретить нас вся русская кавалерия. Она узнала о нашем появлении после разведки генерал-майора Шлиппенбаха»[151].

Реншельд был опытнейшим полководцем тогдашней Европы. Обнаружение продольных редутов означало, что войска попадут под убийственный фланговый огонь. Фельдмаршал сказал королю, что «все пришло в конфузию». Встал вопрос об отмене нападения! В отличие от своих прошлых сражений теперь он решил быть предельно осмотрительным. Фельдмаршал начал советоваться с Карлом и Пипером продолжать ли наступление? Мнение короля было однозначным — никаких ретирад Карл XII не признавал. Реншельд принял разумное решение — головные батальоны двух средних колонн нападут на продольные редуты и обеспечат свободный проход остальным колоннам.

Напоследок фельдмаршал, который по признанию Левенгаупта, ценил его мнение не выше унтер-офицерского, обратился к нему: «Что скажете вы, граф Лейонхювюд?» *«Ответить что-либо положительное мне было трудно»*, — задним числом критиковал граф. — *«Я не знал, хорошо ли разведана позиция противника, где, как и точно ли фельдмаршал собрался атаковать неприятеля; как конница станет поддерживать пехоту и действовать, где и как будет расставлена наша артиллерия, как* [нам] *проходить — слева или справа от редутов, или мы должны сначала штурмовать их? И много чего другого, о чем надо было прежде детально осведомить всех генералов и полковников и посоветоваться с ними, прежде чем так глубоко ввязываться и решать вопрос о ретираде или нападении. Ведь все, что я получил, как генерал от инфантерии, так это что пехота должна быть в четырех колоннах впредь до получения дальнейших распоряжений... Поэтому я ответил кратко: «Надеюсь на помощь Божью, что все будет хорошо». Я знал, что если б только упомянул о малейших трудностях, то мне приписали или малодушие, или истолковали бы так, что я желаю поучать»*[152].

Идти колоннами мимо редутов значило рисковать большими потерями. Армия снова начала перестраиваться. И снова затяжка времени. После этого Реншёльд бросил шведскую традиционную команду атаки «Nå I Gudz namn, så willia wij gå på!: Ну, тогда во имя Господа, пойдем

вперед!». Контрприказ не дошел до всех. Часть полков пошла в боевом, часть в походном порядке. На самом конце слева были валахи и часть сечевиков, большая часть которых бежала в начале сражения.

Когда показался краешек солнца и стало совсем светло, шведы «с фурией» двинулись навстречу сверкавшими молниями пушкам[153]. Путь им преграждали не только редуты, но и строй пехотных и драгунских частей. Некоторые каролинцы писали, что орудия, расставленные среди пехоты, стали не прицельно палить, когда они еще были далеко и ядра на излете взрывали землю перед ними. Лейтенант Вайе, наоборот, вспоминал, что работа пушкарей с самого начала была удачной. Ядра рикошетили от земли и валили солдат. *«Первый выстрел из редутов снес головы двум гренадерам гвардии, второй свалил наземь капитана Хурна и четырех мушкетеров Естгетского полка»*[154]. Боевой дух атакующих стал спадать: *«Русские обретали мужество, которое у наших очень начало падать, когда они узнали, что не будут поддержаны никакими пушками»* (А.Л. Левенгаупт.) Стиснутые колонны конницы не могли развернуть боевую линию. Взаимодействия с пехотой не было.

В начале боя с тыла на шведов сделал конную вылазку Келин, об этом мы знаем только по записи Д. Крмана. «По промыслу Божьему мы сразу удалились, как только среди запорожцев снова вспыхнула паника и они пустились бежать, иначе мы бы встретились **с вражеской кавалерией, которая вышла из города помочь своим в битве** и наши уже усталые кони не могли бы унести нас от быстрых казацких коней к далекому обозу»[155].

Слева и справа на недостроенные редуты накатились 2 батальона Вестерботтенского полка (600 чел.) и два батальона Далекарлийского полка (1100 чел..) Рогатки там, может быть, стояли, но рвов почти не было. (От этих двух редутов нельзя было ждать «дефензии» — так оценил их Алларт.) Шведское превосходство было подавляющим. Бурный натиск смял защитников, часть их была перебита, часть отбежала назад в следующий восьмой редут.

По словам Вольтера, шведы якобы кричали: «Победа!»[156]. Прапорщик А. Пильстрем писал, что шведы «сокрушили каждую косточку у тех, кто был внутри»[157]. Битва велась на смерть, беспощадность была нормой устрашения и победы. Жестокость должна была гнать ужас от редута к редуту и вызвать повальное бегство. Однако следующее, девятое укрепление было взято с «большей затратой сил и с большими потерями, чем предыдущее», — отмечал командующий третьей колонной генерал-майор К.Г. Руус. Полковник Шернхек говорил, что «ему лихо пришлось, когда он редут взял, и что потерял он своих лучших людей»[158]. Тут, на недостроенных шанцах полегло большинство из двух сотен погибших редутных гарнизонов. Может быть, здесь пал, пытаясь организовать сопротивление, и стрелецкий полковник И.К. Нечаев.

Оставлять команды в захваченных редутах или тянуть за собой трофейные пушки никто из шведов не собирался[159] — вперед, и только вперед, не давать русским опомниться! Гром пушек и ружей был давно известен шведским ветеранам. Они знали, что много ядер и пуль летит мимо или поверх голов. Левенгаупт подчеркивал, как успешно отгонялось русское прикрытие между продольными редутами: *«Несмотря на то что противник сильно бил из пушек и непрерывно стрелял залпами, не принося, впрочем, ни малейшего вреда, мы быстро прошли вперед, захватили два редута, прогнали* **прикрытие, которое находилось между редутами и с их флангов***, и заняли справа так много места, что могли пройти мимо совсем свободно. По этой причине я повел правое крыло нашей пехоты еще правее, полагая, что вся линия должна направится туда же и взять направо, чтобы пройти остальные редуты без атаки»*[160]. (В задних углах всех редутов имелся вход, и пехота прикрытия, скорее всего, скрывалась в редутах, а не отступала к ретраншементу.)

Сопротивление защитников и частей прикрытия на крайних 9-м и 10-м редутах все же на несколько минут задержало движение двух шведских полков. Пока Далекарлийский полк продолжал «зачистку», первые батальоны Нерке-Вермландского и Йончепингского полков (900 чел.) начали готовиться к штурму очередного 8-го редута. Он был, видимо, не больше задних и, конечно, не «сильнейшим», хотя у некоторых каролинцев отложилось в памяти, что 8 редут был «самым большим» и якобы даже «треугольным» (!.) В черном дыму, грохоте и сумятице боя было не до подсчета фасов.

По словам Рууса, потерпевшего поражение у «большого редута», тем командовал «русский полковник из дивизии генерал-лейтенанта Ренцеля»[161].

Посредине каждой шведской роты, построенной в 4 шеренги, равняли строй пикинеры с ясеневыми диаметром 3 см, пиками длиной 5,5 м. По обе стороны от них изготовились к бою солдаты с кремневыми мушкетами и гренадеры с ручными гранатами. Фронт каждой роты был вдвое длиннее фасов редута.

Валы, прикрывавшие стрелка на банкете, вряд ли превышали полтора метра и сомнительно, чтобы рвы были глубже двух метров. Откосы из только что выбранной и накиданной на фашины земли не могли быть ровными. Наспех сколоченные из случайных стволов рогатки перед рвами, вряд ли были неподъемными. Укрепления с перепадом высот в 3–3,5 м, сложенные из связок хвороста и едва прикрывавшие грудь защитников, не были прочными оплотами, но без штурмовых лестниц и фашин захватить их было трудно.

Атака первых двух батальонов на передний угол 8-го редута не удалась и на помощь к ним пришли два батальона Далекарлийского полка, а по-

зже — два батальона Вестерботтенского полка. Шесть батальонов четырех полков (2600 чел.!) со всех сторон окружили 8-й редут, но многократное превосходство не напугало защитников. Рогатки на короткое время сдержали штурмующих, пока те растаскивали их. За пару сотен метров атакующих встретила картечь, потом пули и гранатные осколки. Зарядов с ядрами и «железной дробью», а также гранат в редутах было вдосталь. Прицельной стрельбы издали из мушкетов по верху валов шведам организовать было трудно, еще труднее — подобраться к валам на дистанцию броска ручной гранаты. Со штыками и пиками каролинцы шли против огненного смерча.

С четырех сторон люди плотными рядами сбегали в прокопы, карабкались вверх со шпагами и штыками, подсаживали, мешали друг другу и, пораженные, обливаясь кровью, сваливались вниз. Сухая земля с откосов ссыпалась, пикинеры нервозно пытались всадить пики в защитников, ломавших и рубивших концы древков. Картечь, пули и ядра хлестали батальоны отовсюду. Волны атак откатывались назад. Беспорядочные толпы офицеры снова выстраивали и вели на штурм. И вновь удар свинцом, чугунными осколками и «сеченым железом».

Восьмому укреплению помогала скорая стрельба пушек с задних редутов — давала знать школа артиллерийской выучки Я.В. Брюса. Нельзя не признать храбрости и самоотверженности атакующих, но все попытки холодным оружием захватить «огненную» крепостцу были обречены на провал.

Больше тысячи мертвых и раненых распростерлось вокруг. Далекарлийский полк потерял половину состава. Смертельно был ранен и умирал его полковник Г.Х. фон Сигрот, который был посвящен в замысел короля. Из капитанов осталось лишь четверо, которые не были убиты или ранены. Почти так же было и в остальных четырех батальонах. Боевые порядки вконец расстроились, раненые старались как можно дальше отползти или отковылять от непрерывно грохотавшей маленькой крепости. Отчаянный отпор русских полевых укреплений еще больше надломил пыл штурмующих.

В шестом часу утра защитники восьмого редута при огневой поддержке остальных совершили подвиг — не только отбились от шести батальонов, но отбросили их назад вместе с 12 эскадронами Шлиппенбаха. *«Мы были так измотаны, что невозможно себе представить, и сочли разумным уйти, оставив зря перебитых людей»*, — жаловался 54-летний Руус. Так в самом начале битвы «русский полковник из дивизии генерал-лейтенанта Ренцеля» отсек большую часть шведской пехоты от армии короля и внес существенный вклад в победу, а один из опытных шведских генерал-майоров, не выдержав «огненного пира», уклонился от продолжения боя. Конечно, пробиваться вперед за поперечные редуты ему было

труднее, чем всей королевской армии за час до этого. У этого генерал-майора к тому времени оставалось около 2 100 чел., среди которых было много раненых. Но Руус был обязан пробиваться вслед за королем в сторону русского ретраншемента, туда, где гремела канонада и к небу поднимался дым, туда, куда ушли два гвардейских батальона из его колонны. Однако отпор с редутов настолько выбил Рууса из колеи, что он отказался прорываться на север. Уходить к полкам, оставленным для осады Полтавы или в Пушкаревку, было бы дезертирством, и он, неизвестно на что надеясь, укрылся в Яковчанском лесу в полутора километрах от русского ретраншемента и почти час стоял на месте, пока его не заметили русские. В будущей «правдивой реляции» свое бездействие Руус неуклюже оправдывал «утратой ориентировки». Эту отговорку за чистую монету до сих пор принимают все шведские историки, в том числе П. Энглунд, и вслед за ними русский писатель-историк Б.Н. Григорьев[162].

Ни один из редутов, кроме двух недостроенных, не был захвачен, вопреки фантазиям некоторых каролинцев. Противник «протчим [редутам] никакой вреды учинить не мог»[163].

«Палаши вон!», пронеслась команда, и навстречу наступающей пехоте А.Д. Меншиков и К.Э. Ренне бросили 16 полков драгун[164]. Схватка началась, скорее всего, в районе девятого и восьмого редутов. Конная контратака давала время для подготовки к бою пехоте и артиллерии в ретраншементе. Не имевшие строя, пехотинцы Карла XII были беспомощны, гибли под палашами и сбивались назад. До Кройца донесся обращенный к нему крик: «Кавалерия вперед, кавалерия вперед, во имя Иисуса!»

В стесненном пространстве нападать можно было только отдельными соединениями. Русская контратака вызвала смятение — шведские эскадроны рысью по одному протискивались сквозь интервалы между батальонами, в беспорядке вырывались вперед, опрокидывались и заворачивали обратно, укрываясь за пехотой. Как только освобождалась зона обстрела, с редутов гремела картечь, которая затем дополнялась мушкетным огнем. Особую резвость при отступлении показали мазепинцы и валахи, которых, по свидетельству очевидца Крмана, согнала с левого фланга нерегулярная конница русских, атаковавшая, возможно, из района малобудыщенского леса[165].

Свинец хлестал батальоны с фронта, боков и тыла — с редутов, оказавшихся сзади. Как писали шведы, основные потери были от артиллерии[166]. **Бой на редутах затянулся дольше, чем на час. Вся русская армия была приведена в боевую готовность. Армия короля пришла в расстройство, так как в дыму и грохоте шведское командование потеряло управление войсками[167].**

Наконец Петр I принял решение, чтобы кавалерия «помалу» отходила и у ретраншемента раздвинулась в стороны, чтобы можно было стрелять

из пушек[168]. Князь извещал, что разворачивать эскадроны, когда шведская конница находится совсем рядом, рискованно. Царь же в соответствии с принятым планом, стремился перенести тяжесть сражения к ретраншементу, в котором были основные силы армии. В лагере полностью подготовили артиллерию и вывели на фланги пехоту, оставалось только поставить конницу по сторонам ретраншемента. Петр отозвал светлейшего и вручил командование генерал-лейтенанту Р.Х. Боуру Выполняя приказ царя, русские драгуны медленно отходили. *«А кавалерии такой дан был указ, что ежели неприятель за нею погонитца, то б уступала до самого ретранжамента. А ежели он еще и далее за нею пойдет, чтоб она роздвинулась направо и налево перед ретранжаментом, дабы ис пушек по них стрелять было возможно, как то случилося»*[169].

Со стороны шведов это выглядело так: *«Наша пехота продвинулась вперед за неприятельской кавалерией, которая медленно от нас отступала, но неприятель выслал эскадроны, которые стреляли по батальонам, отчего просил я офицеров выслать вперед нескольких со штуцерами, так что неприятель сразу отошел от нас прочь»*[10].

Когда всадники развернулись, случилось опасное. Чтобы выиграть время для перестроения, они стали отрываться полным галопом и проскочили мимо ретраншемента. Показалось, что драгуны бегут — русская конница унеслась на 2 км к северу от ретраншемента. Правое крыло кавалерии Кройца быстро пронеслось мимо стрелявших орудий и нанести ей потери было невозможно. Кройц остановился только перед балкой Побыванкой. Это был успех шведского командира и самый тревожный момент для русского командования — драгун отсекли от пехоты и лагеря. Ныне балка Побыванка почти незаметна и представляет плавное и сухое понижение местности. Через нее, как и три века назад, идет дорога на Опошню, но и 300 лет назад слабозаболоченная впадина с ручьем не была непроходимой[171].

Боур умело вывернулся из трудного положения. Его верховое соединение «развернулось кругом» и построилось двумя боевыми линиями за Побыванкой. Возможно, при отрыве от шведов драгуны потерпели сильнее всего[172], но никакого несчастья не случилось — шведы не сбросили русских конников с обрыва в Ворсклу. Вряд ли Кройц в своей реляции, написанной в плену, выдумал обращенный к нему вопрос царя, почему шведы не преследовали дальше пустившуюся в бегство русскую кавалерию (*«hwarföre wij Icke förfölgde deras cavallerie, som redan war slagit på flychten? »*[73]).

При редактировании «Гистории Свейской войны» Петр задним числом внес оправдание, почему русские драгуны оказались далеко от лагеря. Это случилось якобы из-за тяжелой раны в бок Ренне и из-за того, что не успели перебросить пехоту к редутам: *«Наша ковалерия... многократно*

конницу неприятельскую збивала. Но всегда от пехоты неприятелская конница сикурс получала (и притом генерал-порутчик Рен в том жестоком бою ранен), а нам так скоро ис транжамента пехотою своей ковалерии выручить тогда было невозможно»[174].

Выправляя впечатление от ретирады, Петр вписал в «Гисторию Свейской войны» такие слова: *«Дан указ генералу-порутчику Боуру, дабы оной с ковалериею уступал вправо от нашего ретранжамента, дабы тем время получить к вывождению нашей пехоты из ретранжамента. Однако ж приказано оному крепко того смотреть, чтоб гора* [обрыв над Ворсклой] *у оного во фланке, а не назади была, дабы неприятель не мог нашу ковалерию под гору утеснить»*[175].

Можно предположить, что шведская погоня прекратилась сама собой. Сомнительна приписываемая фельдмаршалу фраза, которую он якобы сказал в плену К. Пиперу по этому поводу: «Одна ошибка может перекрыть всю прежнюю славу»[176].

Недалеко от двух линий драгун Боура стояли казаки Скоропадского. Некоторые из пеших казаков стояли за плетнями д. Тахтаулово и обстреливали шведов (А. Юлленкрук.) Скорее всего, там же для подкрепления духа казаков находился и любимый на Украине «казацкий батько» Семен Палий.

Вслед за конницей на поле, где крупными соединениями, где частями и отдельными батальонами, стала вырываться шведская пехота, подгоняемая в спину пальбой из редутов. В грохоте, дыму и пыли шведское командование не заметило, что треть пехоты отстала. Из четырех пушек, возможно, три были брошены среди редутов[177].

Замысел оборонительного боя на редутах был выполнен полностью, хоть и с огрехом в конце — русская конница оказалась отрезанной от ретраншемента. План короля осуществился ценой больших потерь и, образно говоря, только «на две трети» — треть пехоты застряла за редутами. Самым беспокойным для русского командования был как раз первый период битвы. Вот вопросы, которые задавал Петр I 18 (19) июля 1709 г. в Решетиловке при анализе сражения пленным генералам — Левенгаупту, Кройцу, Шлиппенбаху и Крусе. (С Реншельдом царь, возможно, разговаривал отдельно, но тот не оставил никаких записей. Кроме того, после сражения фельдмаршал был так плох, что, когда пленных уводили из-под Полтавы, его оставили на некоторое время в городе.) Вопросы царя зафиксировал Кройц в своей «реляции». Как отмечал этот генерал-майор, государь в шатер канцлера Головкина вошел с большим чертежом баталии. Все обращения победителя к шведам относились только к первой фазе боя. Вначале он поинтересовался, каковы были планы нападения и построения шведской пехоты и конницы перед атакой. Левенгаупт о планах ничего вразумительного сказать не мог и говорил только о построении

пехоты четырьмя колоннами, Шлиппенбах сообщил о назначении его командующим правым флангом и о пленении его в начале битвы. Кройц тоже ответил, что не получил никакого плана баталии. Его кавалерии приказали маршировать шестью колоннами, и было сказано, что после соединения с пехотой будут даны дальнейшие указания. О начале боя Кройц царю рассказывал так: перед редутами конница скучилась в такой давке, что вплоть до первых выстрелов оттуда оставалась в колоннах. Когда пехота стала продвигаться через редуты, за ней в полковых порядках пошла кавалерия. В толчее выстроить боевую линию было нельзя, поэтому его всадники атаковали только тогда, когда на них накатывалась русская конница.

Царь удивлялся, почему шведы так долго стояли в дефиле. Но больше всего он поражался, как генералы пошли на битву без пушек. Верное заключение царя Кройц записал такой фразой: *«Вы, должно быть были слишком уверены в виктории» («Imåtte warit allt för mycket försäkrade om victorien».) «Ответить ему ничем другим было нельзя, так как мы сами не могли знать точных причин этого. Затем он вышел, сказав нам «Adieu». Мы потом пошли к графу Пиперу, который должен был вскоре отбыть в Киев»* — так закончил Кройц описание встречи с царем[178]. Судя по этим записям, разговор оказался мало информативен для Петра — пленные генералы, не знавшие планов битвы, показались ему пешками в руках короля.

Вместе с тем в начале битвы самым тревожным для царя было незнание замыслов противника. Петр был уверен, что он наглухо перекрыл редутами узкий подход с юго-запада к ретраншементу и шведы пойдут прямиком на ретраншемент вдоль обрыва над Ворсклой. Таким образом, отказ царя подкрепить конницу Меншикова, успешно отражавшую противника у редутов, было вызвано угрозой удара с юга, со стороны Яковцов. Но даже в случае, если бы русская разведка заранее выяснила, что вся армия шведов двинулась на редуты, царь вряд ли перенес бы на них основную тяжесть сражения. Отказ Карла использовать артиллерию в битве царь правильно отнес за счет его фатальной самоуверенности.

На правом фланге под рукой Левенгаупта осталась только правая колонна, стремившаяся как можно быстрее выскочить из огня. Между 5 и 6 часами утра залпы с редутов заставили эту колонну поджиматься к яковецкому лесу. К ней присоединились третий и четвертый батальоны гвардии, которым с потерями пришлось проходить между крайними восточными редутами. Боевой линии у пехоты не было.

Проезжавшему мимо Реншельду Левенгаупт прокричал, что надо дождаться левого крыла пехоты, но тот категорически ответил: «Нет, нет, нельзя давать врагу передышки!». То же самое подтвердил Стакельберг, который один, без своей колонны проскакал мимо. Видимо, оба надеялись,

что остальные войска вот-вот вырвутся из огня и хотя бы разновременно атакуют ретраншемент.

Пробившись на поле, Левенгаупт привел в порядок свою потрепанную пехоту (всего под его рукой оказалось 10 батальонов) и повел ее на южную сторону лагеря.

Карл был среди лейб-гвардии. Ядро, выпущенное из ретраншемента, разбило правую дрогу (штангу) качалки, которую пришлось заменять прямо на поле. Конные драбанты и гвардейцы окружили и заслонили своего повелителя. 8 драбантов и 10 гвардейцев из 24 были сражены насмерть, выполняя свой долг. Когда носилки привели в порядок, Карл XII с Эстгетским полком пошел вперед во второй колонне.

По шведским трудам до сих пор кочует построенная по мемуарам Левенгаупта гипотеза о второй возможности шведской победы. Выйдя на левый фланг лагеря, граф якобы счел его слабозанятым, заметил спешное запрягание повозок и даже переправу части сил за Ворсклу (русло реки за обрывом в районе лагеря находилось на расстоянии в 1–1,5 км)[180]. Уже в Москве генерал, чтобы подчеркнуть свою роль, скрыто критиковал фельдмаршала: если бы его поддержала конница и другие батальоны, а фельдмаршал не приказал прекратить его атаку, то русские сбежали бы за Ворсклу! «Нелепость» приказа Реншельда Левенгаупт обыгрывал так: *«Мы вышли прямо на левый фланг ретраншемента противника. Как я видел, он не был основательно занят. С правым крылом нашей пехоты я хотел прорваться как раз с этой стороны. Но когда я подошел к вишневому саду и приблизился к крайнему концу ретраншемента на расстояние ближнего выстрела фузеи, то наткнулся на глубокую, прорезанную ливневыми потоками промоину глубиной в две пики и не шире длины пики. В этом месте нельзя было пройти, поэтому пришлось вести пехоту влево назад вдоль промоины, где я мог бы перейти и напасть на фланг противника. Как только он это увидел, то начал уходить. Но как раз тогда я получил приказ отходить назад от неприятельского ретраншемента…*

Вполне вероятно, что если бы подошла пехота, которая была на нашем правом крыле, пехота с левого фланга напала бы на конец неприятельского ретраншемента, а с обоих флангов нас поддержала бы в хорошем порядке наша кавалерия, то противник ушел бы совсем от нас за реку. Он действительно уже стал переводить разные полки. Но мы ушли совсем налево, пока генерал-майор Спарре не подошел к нам с несколькими батальонами»[181].

Батальоны графа никак не могли вызвать растерянность в ретраншементе. Русский план битвы учитывал приступ всей Шведской армии к лагерю и его готовились отражать 87 пушками и ударами пехоты с флангов. Всего в лагере готовыми к бою стояли не менее 30 тысяч пехотинцев.

Расстояние от редутов до лагеря — около 1000–1200 м. Предупредительный огонь ядрами из полевых орудий с дальностью боя до 1 км по плохо видным из-за дыма и пыли целям вряд ли открывали. Вероятно, при подходе Левенгаупта в русском лагере перемещались солдаты, орудия и выводилась пехота фланги лагеря: *«В то ж время ис транжамента на обе стороны выведена на фланки пехота для того, ежели б неприятель атаковал транжамент, чтоб свободно из оного стрелбе быть мочно было, а выведенным на стороны со флангов оного атаковать»*[182].

Когда батальоны генерала подошли на дальность картечного огня, полковые и полевые орудия открыли ураганный огонь картечью, причем пушки с левых реданов вели фланкирующий огонь, а батареи центра — косоприцельный. (Возможно, полковая артиллерия била фронтально из рядов выстроенной слева от ретраншемента пехоты.)

От клубов дымного пороха и пыли стало почти сумеречно, и после первых залпов русские артиллеристы, видимо, садили вслепую — только под прикрытием завесы дыма атакующие могли $^3/_4$ часа продвигаться навстречу настильному огню. Синие, зеленые и красные мундиры соперников от гари превращались в черные. Прорваться к лагерю ближе чем на 30 саженей (60–70 шагов), не удалось. Уникальные подробности об отражении этой атаки оставил Алларт: *«И как он, неприятель, за 200 или 300 шагов к руским приближился, то весма жестоко ево ис пушек встретили, где великой ему урон учинился, и с целые $^3/_4$ часа той пушечной стрелбы он имел вытерпеть в добром порядке. Однако же от того стреляния помешался у них строй и в некоторую долину принуждены были они отступить к правому крылу росийских, чтоб как возможно укрытца от пушечной стрельбы. И тамо паки в ордер де баталии свои войска учредили»*[183].

Никогда за все время Северной войны шведы не встречали такого плотного огня. Пускать в дело русскую пехоту, стоявшую по бокам ретраншемента, не пришлось.

Полтавское поле имеет слабый уклон в сторону деревень Иванченцы и Малые Будыщи. Там была неглубокая заболоченная ложбина. Чтобы укрыть шведов от огня из редутов и лагеря, их пришлось уводить по низине как можно севернее, за 3 км от редутов и за 2 км от русского лагеря почти к Тахтаулову[184]. **Заслуга русской артиллерии в первый период битвы состояла не только в том, что она нанесла потери противнику, но и в том, что отбила шведскую армию далеко на север в неудобное болотистое место.**

Первый период битвы (3–6 ч. утра) закончился крупным русским успехом. 8 редут отбросил часть шведской пехоты на юго-восток в подлесок, пушкари отбили батальоны Левенгаупта от лагеря на запад; разрозненные части левого крыла шведской пехоты, вырвавшись из зоны

редутов, скрылись в «логовине»; туда же с трудом добралось левое крыло кавалерии Кройца, а ее правый фланг застыл на севере у балки Побыванки перед конницей Боура. **Гарнизоны редутов С.В. Айгустова, конница А.Д. Меншикова, К.Э. Ренне и Р.Х. Боура, артиллерия Я.В. Брюса раздробили армию короля на пять осколков и разбросали их в разные стороны. Наступательный план шведов провалился, и наметился перелом битвы.**

Тяжелые потери, пропажа колонны Рууса, неразбериха из-за дыма, пыли и смятения заставили Реншельда около 6 часов утра собирать разрозненные части, укрывая их в низине от ядер. О нападении на лагерь оставшимися двенадцатью батальонами и кавалерией вопрос не стоял. Прекращение атаки, немыслимое для шведской армии ранее, было разумным распоряжением Реншельда.

Командование и рядовые каролинцы были в замешательстве, но, очутившись вне выстрелов пушек, часть высших офицеров пришла поздравлять короля с удачным началом. По шведским данным, было захвачено 5 штандартов и 4 знамени[185].

Зону передовых укреплений Петр снова запер наглухо. Из ретраншемента туда была дополнительно послана часть пехоты. Реншельд за колонной Рууса послал адъютантов, потом несколько эскадронов кавалерии с Лагеркруной, но те вернулись, сообщив, что большая группа русских стоит у редутов[186]. Генерал-майор Спарре со своими двумя батальонами Вестманландского полка тоже не рискнул сунуться снова под огонь редутов. Он только издали поглядел на отставшую колонну и сообщил, что из-за превосходящих сил противника не смог вызволить Рууса, но тот у леса храбро защищается. Юлленкрук бросил реплику: «Лучше бы он был здесь!» Не выполнивший приказа, Спарре, не стесняясь короля, с досадой ругнулся: «Если он, имея 6 батальонов, не защитит себя, пусть идет к черту! Я не могу ему помочь!» Попытки вызвать помощь из Пушкаревки тоже не удались. Все боялись огненного шквала маленьких земляных крепостей!

Носилки короля поставили в низменном месте, которое прежде прошла кавалерия. Королю перевязали рану, из которой обильно сочилась кровь, набрали воду и напоили из серебряного кубка. Рядом с носилками присел тучный Пипер.

Пролом шведской армии через редуты и отступление русских драгун за Побыванку, возможно, произвели впечатление на часть казаков Скоропадского, стоявших на отшибе в 8–10 км от русского лагеря. Ближе к ним теперь оказались шведы. «Если победителем останется король, то надо позаботиться о себе» — таков, кажется, был ход мыслей некоторых старшин. Во время перерыва в сражении, когда основная масса казаков от Жуков и Тахтаулова обстреливала шведов «из-за изгородей садов»

(А. Юлленкрук), лейтенант Иоаким Лют из Сконского драгунского полка получил от старшины какого-то отряда записку, в которой сулился переход якобы 2 тыс. казаков к шведам, если король их помилует. Лют отправил послание командиру полка Максимилиану Эммануилу Вюртембергскому, но тот ответил, что без короля он не может ответить ничего определенного[187]. Откуда могла прийти такая цедула? Скорее всего, от казаков из-за балки Побыванки. Ведь из района Малых Будыщ и Иванченцов казачьи посты должны были оттянуться назад перед шведами, продвигавшимися на север.

Петр будто чувствовал это и, несмотря на возражения Шереметева и Репнина, советовавших не ослаблять правый фланг, распорядился подстраховать казаков Скоропадского. К деревням Тахтаулово и Жуки был переброшен генерал-майор Г.С. Волконский с шестью драгунскими полками (4 072 всадников)[188] с тем, чтобы они встали на полдороге между армией и казаками «для наблюдения за неприятелем». В случае если противник. «не дав боя», начал бы отход в сторону Малороссийского войска, то Волконский должен был идти ему на помощь, но «о вступлении в баталию ожидать указу»[189].

Русская армия почти окружила армию короля — на востоке стояла русской пехота с артиллерией, на юге вызывавшие содрогание редуты, на севере — готовая к бою кавалерия Боура Казаки Скоропадского и полки Волконского нависли над шведами с фланга и тыла.

Наносить удар во фланг или тыл шведам конницей Боура, которая до 6 часов утра занимала позицию вдоль Побыванки, Петр не собирался. Однако полковник Н. Юлленшерна считал, что русские драгуны собирались как раз это сделать: *«Неприятельская кавалерия стояла построенная по другую сторону небольшого болота и предполагала напасть нашей в тыл»*[190].

Петру приходилось учитывать, что кавалерия Боура находится в отрыве от пехоты, что состояние армии короля не ясно, что всплыла весть о «корпусе резервы» неизвестной численности у яковецкого леса. Основная установка вплоть до 6–7 часов утра была в том, чтобы принять противника на подготовленных к обороне укреплениях. С **6 до 8 часов утра наступил двухчасовой перерыв, в который инициатива перешла к русским. Оборонительный период битвы закончился.**

Бой на редутах сделал Реншельда еще осторожнее. (Карл позже, в собственноручном письме от 11 июля 1709 г., решающим фактором русской победы признал только редутную систему и рельеф местности[191]. Численный перевес и храбрость противника он, по своему обыкновению, отверг.)

Шведская воля оказалась надломленной. Продолжать ли битву в невыгодных условиях без артиллерии? «Мы начали сомневаться, что делать

дальше», — вспоминал Левенгаупт. Было принято немыслимое ранее в шведской тактике решение — прервать бой, чтобы собрать в кулак разрозненные части. Идея отказаться от продолжения битвы была и у Пипера[192]. Два часа шведы приходили в себя за взлобьем поля.

Фельдмаршал приказал, чтобы кавалерия отошла назад и чтобы из обоза прислали помощь и пушки. Артиллерии на путь в 9–10 км от Пушкаревки вокруг Малых Будыщ потребовалось бы не менее 2,5–3-х часов, то есть Реншельд отказывался от боя по крайней мере до 9 часов утра. Прошлый опыт подсказывал ему, что русские не осмелятся ничего предпринять и не выйдут из-за укрытий. Ожидая подкреплений, фельдмаршал не собирался строить армию в боевой порядок. И это был его крупный промах: если бы шведская линия стояла в боевой готовности, то вместо самой большой катастрофы в шведской военной истории, возможно, было бы только частное поражение в Северной войне.

В тягостном ожидании бессмысленно тратилось время. Мазепа в обозе не проявлял никакой инициативы и не думал высылать ни помощь «шведским спасителям» хотя бы гонца к ним в обход Малых Будыщ. Левенгаупт так писал о неуверенности после пережитого потрясения: *«В конце концов мы застряли на месте, перемещаясь то туда, то сюда, и все проявляли растерянность. Такой нерешительности войска никогда раньше не показывали»*.

В отличие от шведов Петр развернул активные действия против осколков неприятеля. Очевидность того, что «неприятель час от часу в слабость, а русская армия от силы в силу происходили», позволили царю для связи с Полтавой, занятия лагеря шведской пехоты и Крестовоздвиженского монастыря послать три батальона полковника И.М. Головина. Таким образом, можно считать, что освобождение Полтавы произошло между 7 и 8 часами утра, еще до русской победы.

Удачно удалось расправиться и с «корпусом резервы в 3000 человек», идущих «в сукурс» королю и с «тремя полками генерал маеора Розе». Судя по «Обстоятельной реляции», русское командование даже 9 июля продолжало считать, что шведы не ввели тогда в бой еще 5–6 тысяч войск! Неизвестно, кто доставил сомнительные известия о «резервных войсках» короля, но ему поверили. (Гарнизоны редутов хорошо знали, что они отбросили часть шведской армии к яковецкому лесу и там не появлялось никаких новых «резервов».)

Разбить неизвестного по численности неприятеля послали Меншикова, под командой которого находился генерал-лейтенант С. Ренцель с пятью батальонами (2486 чел.) и генерал-лейтенант И.К. Хайнске с пятью конными полками (3593 чел.)[193].

Руус при бегстве к бывшей королевской стоянке надеялся найти там какие-то шведские части. После того как он убедился, что там никого нет,

его стал нагонять Ренцель с казаками, и он собрался бежать к осадным траншеям к югу от Полтавы. Проходя мимо монастыря, он хотел подкрепить себя шведами, которые замуровались в церкви, но те даже не высунули нос. Дальнейший путь ему преградила вылазка пехоты и конницы, организованная Келиным. Комендант Полтавы линейным строем загнал остатки колонны Рууса — 400 чел. в большой редут гвардии на берегу Ворсклы. Там тот и капитулировал. Эпопею бегства шведский генерал-майор излагал так:

«В конце концов мы пошли на высоту, к бывшей стоянке Его Королевского величества, но вместо того, чтобы встретить там какие-нибудь признаки нашей армии, увидели тьму казаков из неприятельского лагеря, которые с генерал-лейтенантом Ренцелем стали преследовать нас. Поэтому мне не оставалось ничего другого, кроме как спуститься вниз к Полтаве, где были наши осадные траншеи. Имея в виду эту цель, я пошел вперед к монастырю. Когда я приблизился к церкви, то увидел, что все двери и окна заложены кирпичом, а внутри много наших из нашей армии. Я предложил им выбраться и пойти со мной, так как противник следует по пятам. Однако они не захотели выйти и потом были окружены и ограблены. Обойдя монастырь сзади, мы пошли к городу, но тут из городских ворот выступила линия, составленная из пехоты и всадников, которая быстро устремилась вниз к болоту в ольховой роще. Таким образом путь к осадным траншеям был отрезан, и мне не оставалось ничего другого, как направиться в большой редут гвардии [на берегу Ворсклы] *в надежде, что смогу там защищаться до тех пор, пока не получу какой-либо помощи. Засев в редут, я велел поджечь в разных местах туры и фашины, сделанные между городом и редутом, чтобы не допустить подхода и использования их противником. Своей команде и резерву я сразу составил диспозицию для действий по всем направлениям, чтобы все было готово к обороне»*[194].

Все задачи, поставленные русским командованием в перерыве, были выполнены. *«Пред тем поутру рано князь Меншиков генерала Розена с 5 батальонами жестоко розбил, для чего он, генерал Розен, принужден был назади остатца. В то ж время несколько неприятелских редутов* [гвардейские шанец и др.] *под самым городом Полтавою взяли, чрез что себе свободной путь в город отворили»*[195].

6.4. Главный бой

Между 7 и 8 часами утра Петр отказался от оборонительного плана. Он не сомневался, что новый бой очистит поле от противника, иначе не стал бы выводить пехоту из ретраншемента.

Военный совет был проведен на конях: *«Его Царское Величество верхом на коне держал военный совет и решил, что после того, как мы уже отбили атаку врага, необходимо дальше использовать это для победы. И дело пошло следующим образом: мы выступили двумя дивизия-*

ми пехоты из нашего лагеря и ретраншемента. Его Царское Величество собственной персоной командовал правым флангом вместе с фельдмаршалом Шереметевым, а левым флангом командовали князь Меншиков и я», — писал Алларт[196]. Менять план в ходе сражения было непросто. Французско-баварские войска в битве при Хохштедте 13 августа 1704 г. провели время в пассивной обороне, которая и стала причиной их поражения. При Мальплаке французский маршал Буфлер имел возможность опрокинуть австрийцев и голландцев, но так как сражение было задумано как оборонительное, он упустил победу[197].

Момент совета на конях можно счесть решающим не только для битвы, но для всей войны. С восьмого часа утра 1709 г. началась общая наступательная стратегия русской армии, продолжавшаяся до 1721 г.

До восьми часов утра (почти час!) без всяких помех от шведов русская артиллерия, пешие и конные полки выводились из лагеря и строились в две боевые линии. Впрочем, возможностей для успешного шведского удара на строящиеся русские полки не было: 32 орудия полевой артиллерии, занимающей пристрелянные позиции, хорошо прикрывали выход армии. Полки перед построением окроплялись святой водой.

В отличие от растянутых линий под Нарвой в 1700 г., Фрауштадтом в 1706 г., Головчиным в 1708 г. теперь выстроили глубокий боевой порядок, заботясь прежде всего об устойчивости и жесткости строя, чем о маневре на поле.

Твердо помня, что шведы будут разваливать строй сквозным прорывом, батальоны устанавливали в пять шеренг вместо уставных четырех. Интервалы между батальонами обеих линий были короткими, в них стояло по три пушки. Цель была только одна — устоять на месте и сбить врага с поля. Об окружении, уничтожении армии короля, о прорыве шведской линии по центру или преследовании противника думать не приходилось. Зная шведский принцип «только вперед», не собирались искушать противника «свободным бегством» сквозь завалы подрубленных деревьев, плетни, хатки, заросли и топь с ручьем у Малых Будыщ.

Все 18 батальонов второй линии ставились на удалении 200–300 шагов от 24 батальонов первой, чтобы возможное смятение впереди не перекинулось назад.[198] Размещение батальонов каждого из полков в разных линиях разрывало надвое командный состав, затрудняло маневрирование. Такое неудачное разделение царю пришлось выправлять самому с риском для жизни. После Полтавской битвы такое построение не повторялось.

Фактически вторая линия выполняла роль резерва, стоявшего вне досягаемости ружейного огня. Третья линия из 13 резервных батальонов (5 500–6 000 чел.) была выстроена в ретраншементе[199].Вторая и третья линии страховали первую и не имели приказа совершать маневры для окружения врага.

Каждый фланг пехоты был усилен гренадерским полком, они были созданы всего год назад и вооружены гранатами и ручными мортирцами. *«И тако наша армея стала в ордер баталии и положено атаковать неприятеля»,* — отметил Петр.

Боур перевел к ретраншементу от Побыванки всю драгунскую конницу тоже беспрепятственно. Атаковать ее на марше Реншельд не мог, чтобы не отрывать свою кавалерию от пехоты.

Принимая новый план, царь, возможно, помнил о первой Нарве, когда стоявшая на одном фланге конница сбежала с поля. В начале седьмого часа позади пехоты с правого на левый фланг перевели 6 драгунских полков. Но даже и в таком случае правый фланг оставался заметно сильнее — там стояли 12 драгунских полков, все три конно-гренадерских и гвардейская бригада — Преображенский, Семеновский Ингерманландский и Астраханский полки, о которых шведам было известно, что они «места не уступят». Русские линии при пятишереножном построении оказались длиннее шведской на шесть полков.

Как и в сражении при Лесной, царь, распоряжавшийся всей армией, принял командование правым, а Меншиков левым крылом. Пехота на левом фланге подчинялась Л.Н. Алларту, на правом — М.М. Голицыну. А.И. Репнин отвечал за центр пехоты. Драгунами на левом крыле командовал И.К. Хайнске, на правом — Р.Х. Боур.

Пока не удалось найти источников, которые бы твердо свидетельствовали о том, что в линиях стояли казаки. К немецкой рукописи Л.Н. Алларта «Историческое описание Северной войны» приложен план построения русских войск, где на крайних флангах рядом с драгунами помечены и казаки[200].

Шведы также пытались изменить план битвы. Реншельд, возможно, собирался напасть на правую сторону русского лагеря с севера, [201] но этому помешало русское наступление. Юлленкрук писал: *«В это время явился фельдмаршал к Его Величеству и сказал, известил короля, что неприятель трогается с пехотой из своих линий. Его Величество ответил: «Не лучше ли, чтобы мы пошли прежде на кавалерию и прогнали ее?» Фельдмаршал отвечал: «Нет, Ваше Величество, мы должны идти к ним». Король заметил: «Ну, ну, делайте, как хотите». Все шведские батальоны двинулись назад»*[202].

Часть шведских историков полагает, что слова Реншельда: *«Nej, Eders Maj.t, vi måste gå emoth dem»* — означали намерение направить всю армию на помощь Руусу[203]. Зильман написал, что, когда шведские полки стали колонной двигаться на юг, русские подумали, что те отступают, и стали выводить свои силы из лагеря. Однако снова прорываться сквозь редуты после того, как сорвались вылазки драгунского полка Н. Ельма и Вестманландского полка А. Спарре — было бессмысленно.

От начала и до конца ходом всей битвы распоряжался полководец победы — Петр Великий, «корпусом баталии» — формально Шереметев, который остался в тени Петра Великого и его «птенцов»-героев. Приняв на себя роль обычного генерала, фельдмаршал достойно помогал управлять войсками. В «Обстоятельной реляции» Борис Петрович упомянут всего раз: *«А корпус баталии командовал сам Его Царское Величество высокою особою своею и при том господин генерал-фельтмаршал Шереметев»*[204].

Досконально изучив ремесло и натуру солдата и пользовавшийся его любовью, [205] царь при железном характере, колоссальной энергии и работоспособности, оригинальности и быстроте мышления, свойственных гению, при любви к военному делу был самым опытным офицером и талантливейшим военачальником России. Он знал, что лучше других генералов вдохновит армию. Очевидец П. Болесте, служитель канцелярии польского гетмана А.Н. Сенявского, расцветил это, как полагалось в те времена, выспренно: *«Монарх, своей особой, явился в стан при начале боя: вдруг как бы новая душа оживила воинов, каждый из них получил новыя силы, мужество и смелость... Воин и Царь, став в челе вождей, воодушевляет всех его окружающих, ни шагу не уступать упорному неприятелю»*[206].

«Победить — или умереть славно!»[207] — таков был смысл призыва Петра I к армии, содержание которого изложил позже Феофан Прокопович. Вдохновляющий эффект был несомненен. Речь государя никоим образом не была мифом и «барочным украшательством» Прокоповича[208]. Слова царя о судьбе России, которая сейчас в руках воинов, были огненными, по шеренгам прокатилось «ура!». Обратившись к долгу своего народа, он так вдохновил солдат, что «они, сбрасывая с себя кафтаны, просили, чтобы их скорее вели в бой»[209]. Те, кого оставляли в лагере, тоже просили вывести их в поле!

Полки левого фланга объехал и Меншиков, призывая крепко стоять за Отечество и подражать государю.

Между восемью и девятью часами музыканты грянули в литавры и барабаны. Ритм ударных инструментов должен был подстегнуть победный дух[210]. Обе русские линии — 22 037 солдат и 12 168 всадников (на правом крыле насчитывалось 7 709, на левом 4 459 драгун)[211] двинулись в наступление. *«И тогда о 9-м часу пред полуднем атака и жестокой огонь с обоих сторон начался»*. Позже Петр уточнил: *«Потом во имя Господне неприятелской главной корпус атаковали, которой, не дожидаясь на месте, такожде на нас пошел. И тако о 9-м часу пред полуднем генеральная баталия началась прежде между нашего левого, а неприятелского правого крыл, а потом и во весь фрунт обеих войск»*[212].

В победных реляциях 27 июня Петр неточно писал, что первыми выставили боевую линию шведы, после чего из лагеря стала выходить русская

армия[213]. Это ошибочное положение вошло во многие отечественные работы. Алларт в «Историческом описании Северной войны» утверждает, что русская армия первой пошла на врага между 8 и 9 часами утра. *«И как скоро поставили войско в 2-е линеи, то с Божиею помощию на неприятеля и пошли. И как неприятель то усмотрел, также определил своей кавалерии на оба крыла итти. И со обоих сторон сходитца начали. И что мы на него еще в 9-м часу наступили и начали друг против друга становитца в 2 шеренги еще же и вдвое. И как увидели, что после нашего одного выстрела неприятель едва мог построиться, то тот час, приткнув на мушкеты багинеты, вступили в неприятельской строй, для чего многия ружье свое от себе бросали и бежали»*[214].

Атака была начата по уставам европейской линейной тактики. Впереди ехал сам царь, за ним Шереметев, генералы и высшие офицеры, вплоть до полковников. На слепящем солнце вид двух солдатских волн был грозным. Над шеренгами зеленых мундиров пехоты и синих кавалерии развевались белые полковые и цветные ротные знамена. Под барабанный бой, «сиповки и флеи», мерно (шаг в ногу был введен позже) шли фузилеры с тяжелыми ружьями на плечах, с примкнутыми штыками или «лезвиями» багинетов у пояса. Колыхались черные пики пикинеров с трехгранным острием и черными прапорцами. Сержанты с алебардами следили за равнением. Между солдатами был интервал до полуметра, чтобы была возможность сдвоить шеренги. Уверенность ветеранов взбадривала новобранцев, разбросанных по разным полкам. И русские и шведы истекали потом под суконными кафтанами, камзолами, ремнями и черными треуголками, но о зное никто не мог и думать.

Петр мог быть доволен строевой выучкой своего детища — регулярного войска. Слаженность пехоты, конницы и артиллерии была полной, кавалерийские полки двинулись шагом, как и пехота. Первые шеренги видели — пушек враг не выкатил, превосходство в живой силе — явное, неприятель будет сбит с ПОЛЯ. Вряд ли подобная вера была у шведов после всего пережитого. *«Противник двинулся на нас, а мы головой против стены»,* — сокрушался Левенгаупт, на которого во время перерыва вообще не обращали внимания.

Два часа Реншельд держал без движения свою армию в «логовине»; держал бы и дольше, останься русские в ретраншементе. «Внезапность» появления врага в чистом поле показывает, как глубоко въелся в шведов стереотип малодушия русских. Реншельд обратил внимание на командующего пехотой только в последний момент. В мемуарах граф так выкладывал свою правду: *«Неприятель все время вытягивался из своего ретраншемента и в очень хорошем порядке выстраивал против нас ордер баталии. Меня ни о чем не спрашивали и не говорили ни о каких дальнейших планах, пока фельдмаршал не подошел ко мне и не приказал, чтобы*

я выстроил фронт инфантерии против неприятеля, что и было сделано. После этого он дал приказ кавалерии, чтобы она выстроилась за пехотой. Это, как только я увидел, резануло меня по сердцу — ведь только пехота противника протянулась втрое длиннее нас. А наша кавалерия отделилась от наших флангов и ушла за нас на неудобную почву, где ей пришлось сбиться в кучу в сильной толчее»[215]. Здесь намек графа на неграмотность Реншельда, поставившего конницу позади пехоты, неверен — пройти кавалерии к правому флангу мешало болото. Кто-то из казаков сообщил Седерьельму и Кройцу, что «безобразную трясину» можно все же обойти вокруг деревни Малые Будыщи, но Седерьельм не решился сообщить это фельдмаршалу, боясь ненароком попасть под горячую руку[216].

Встревоженный русским выдвижением Реншельд подъехал к Кройцу: *«Господин генерал-майор, вы видите, что пехота противника сильно перекрывает нашу? ...Что делать теперь?» Я ответил, что ничего другого нельзя посоветовать, кроме как «заиграть» штыками нашей пехоте, чтобы мне пройти на правую сторону. После этого его превосходительство пустился полным галопом назад к другим полкам и больше я его не видел в сражении»*[217].

Неизвестно, сколько десятков метров прошли русские, прежде чем Реншельд послал вперед свою пехоту. 12 батальонов (не менее 9 тысяч солдат) спешно расставлялись против 10-тысячной русской первой линии на расстоянии до 75 шагов друг от друга, чтобы вытянуть линию как можно длиннее. Большой разрыв образовался между Уппландским и Эстгетским полком. Не линия, а почти дуга скандинавов неровно пошла навстречу.

Энглунд в своей талантливой книге постоянными повторами нагнетает впечатление, что русские одержали победу только пяти-шестикратным превосходством. Обрабатывая в плену свои записки, Левенгаупт и лейтенант Вайе преуменьшили количество своей пехоты, «на глазок» оценив ее в 4 тыс. Эта цифра постоянно кочует по работам шведских историков, которые игнорируют фантастическое «свидетельство» того же Вайе о «80 тысячах регулярного войска» Петра. Вайе также неверно писал, что уже у редутов от 4 полков группы Рууса осталось всего 1 500 чел., что в битве погибло шведов всего 4 400[218].

Левенгаупт знал из русских реляций количество захваченных и убитых шведов под Полтавой, видел собственное 16-тысячное скопище у Переволочны, но тоже настаивал на многократном превосходстве русской пехоты в битве. Командуя пехотой, он, казалось, начисто «забыл» о 8 тыс. шведской кавалерии, будто ее вообще не было на поле!

Численное превосходство русских во втором периоде битвы никак не снижает значимости Полтавской победы. Дело в том, что русские лишь

к концу XVIII в. достигли шведской ударной силы. Поэтому, как указывалось, Петр обоснованно противопоставлял всему этому огневую мощь, земляные укрепления и большее количество воинов. Благоприятное соотношение численности войск было подготовлено русским командованием — оно заставило Карла принять сражение в невыгодных условиях, вынудило разбросать силы и предпочитало бить их по частям.

Русской конницы на поле боя было не намного больше, чем у врага, и если бы шведские всадники встали по флангам, то охватить их строй было бы трудно. Но на правом крыле половина кавалерии Кройца в ужасной давке месила грязь позади пехоты, на левом конные полки Гамильтона не встали в линию с пехотой, а застряли в трясине уступом сзади. **Оставшись за пехотинцами, шведская конница не приняла участия в контратаке и не пострадала от ядер и картечи русских. Ей пришлось потом только защищать бегущих.**

Тыл шведов не прикрывался ничем — ни резервом, ни местностью. Впрочем, полковник Н. Юлленшерна считал, что позиция для их небольшой армии была удачной: слева болото, справа лес, так что русские не могли развернуть полностью свои превосходящие силы[219]. Каролинцы, все как один, сетовали на численное превосходство противника, но никто не осуждал шаблонную наступательную тактику. Во втором периоде битвы им было выгоднее стать в оборону. Конечно, ни пушек, ни земляных укреплений у них не было, но дать отпор из-за деревьев малобудыщенского леса, как это делали русские при Лесной, было возможно. Мертвая хватка за принцип «вперед, и только вперед!», толкала их на самоубийственную контратаку!

Итак, «последний парад» для армии короля наступил после 8 часов утра. Каролинцы, как всегда, были готовы разметать врага. Обвала духа, который наступил позже, не было. Левенгаупт спешно стал вытягивать пехотную цепь направо, загораживая конницу.

Уподоблять шведов баранам, покорно идущим на бойню, нельзя, однако граф в мемуарах нагнетал изначальную обреченность: *«Вся наша пехота, которая у нас была, состояла из 12 батальонов — столько оказалось после первой атаки и после исчезновения генерал-майора Рууса с шестью батальонами. Число оставшихся не превышало 4 000... С этими, как на бойню идущими бедными и простодушными баранами, я должен был напасть на всю инфантерию противника, 22 тысячи которой выстроились перед нами без интервалов в двух линиях. А кроме этих были еще 10 тысяч, которые стояли позади в ретраншементе. Пушек, распределенных среди них, насчитывалось всего 132 единицы, в чем уверяли меня как генералы противника, так и другие офицеры. А мы не имели ни одного орудия на нашей стороне, и никакая кавалерия не поддерживала нас»*[220].

И тут же, перед ударом в штыки, генерал нарвался на очередную ругань фельдмаршала. «Куда, к черту, я тяну, не оставляя совсем места кавалерии?» Разнос почти пришиб графа: *«Моя боль была такова, что я хотел скорее умереть, чем дальше быть под такой командой»*[221]. Свара военачальников не сулила армии ничего доброго, однако списывать шведские неудачи на нервный срыв и нездоровье Реншельда после давней контузии при Веприке нельзя. Фельдмаршал неистово носился из конца в конец поля вплоть до своего пленения.

Родственник канцлера К. Пипера, Г.А. Пипер, писал так: *«Когда мы стояли в долине, ко мне подошел советник канцелярии Гермелин и сказал, что король приказывает трогаться с места. Я ответил ему, что мы не должны спешить, пока еще ни одна линия не построена для сражения, а к этому требуется определенное время. После этого он поехал назад, но тут же вернулся обратно, сообщив, что противник быстро приближается, чтобы напасть на нас, и находится всего на расстоянии нескольких мушкетных выстрелов. Я сел на коня и увидел, что неприятель наступает на нас, но наша армия все еще не построена к баталии. Я сказал Гермелину: «Бог сотворит чудо, если все пройдет на этот раз удачно для нас». После этого я поскакал на правый фланг, думая, что там встречу Его Королевское Величество. Но когда я прибыл туда, то увидел нашу кавалерию в большой конфузии и в такой большой сутолоке, что не мог никуда двинуться. Вдобавок передние были в беспорядке и давили на соседей, а те на задние ряды»*[222].

И все же перед смертельной схваткой, перед тем, как загреметь барабанам, Реншельд «взял дружески под руку» Левенгаупта и потом послал вперед. Многие из шведов обнялись и простились друг с другом[223].

Самым поразительным для русского командования была кратковременность второго периода битвы. Как только генералы царя увидели наступление шведов, они остановили обе линии. Противников разделяло расстояние в «несколько мушкетных выстрелов» — вероятно около 800 м. Эту дистанцию можно было пройти за 10 минут. В то время как два батальона лейб-гвардии, Упплансдкий Кальмарский и Скараборгский полки, которых вел Левенгаупт, быстрым шагом сближались с русским центром, левый фланг только-только развертывался.

Сердца каролинцев не могли не дрогнуть, когда пушкари в красных кафтанах стали наводить на них стволы 68 полковых орудий, выставленных по три в ряд в интервалах между батальонами. По флангам, возможно, были поставлены пушки конной артиллерии и переносные мортирцы[224].

Неприятеля русская первая линия «приняла жестокосердо». Сблизившись со шведами, царь поднял три вала огневой защиты: ядрами, затем до рубежа 200–300 м картечью и до дистанции 60– 70 м — мушкетами.

В начале девятого часа (примерно в 8 ч. 15 мин.), началось избиение шведов огнем. Скорострельность пушек была выше, чем у мушкетов. Сноровистые расчеты из трехфунтовых орудий могли выпалить в минуту 1 ядро (и до 2,5 выстрелов картечью.) За 10 минут каждый ствол мог засыпать наступающих 10 ядрами и в 2,5 раза больше «сеченым железом». С таким шквалом шведы впервые встретились в Северной войне[225]. Только трехфунтовых ядер и трехфунтовой картечи было выпущено 2 795 и 2 206 единиц[226].

При скорости чугунных шаров 200–250 м/сек. солдаты видели летящую к ним смерть, но не имели права увернуться и шли в полный рост. Чугунные шары и бомбы яростно скакали по полю и пробивали бреши в батальонах. Вслед за ядрами атакующих начала косить картечь. «Виноградная дробь» выкашивала целые шеренги, левый шведский фланг, попав под мощные залпы русской гвардии, почти сразу стал откатываться, но гвардия и правый фланг продолжали надвигаться. Расстрельная, как на учениях, канонада гремела почти четверть часа[227].

Когда шведы приблизились, в разных местах первой русской линии раздалось: «Первая шеренга — пади на колена!» Вторая шеренга вошла в интервалы первой и тоже встала на колено. Третья и четвертая сдвоенные шеренги засверкали выстрелами, по словам шведского капитана Й. Оллера, с дистанции 60–70 шагов[228]. Первая и вторая сдвоенные шеренги, по Алл援у, возможно, производили следующий залп почти в упор: *«Когда мы таким порядком приблизились друг к другу до 15 шагов, я со своей пехотой выиграл у неприятеля преимущество первым открыть огонь и после этого произвел еще один залп. Затем мы стали напирать с багинетами»*[229].

«Сердце всей армии» — король, приказав нести себя вслед за гвардейцами, возможно, вместе с ними рассчитывал рассечь русские порядки. Его окружала свита, драбанты и несколько эскадронов. Поведение Карла XII нельзя расценить иначе как геройское. Раненый и беспомощный, он приказывал нести себя туда, где огонь был всего сильнее. Каролинцы своими телами продолжали самоотверженно прикрывать своего вождя от пуль и ядер.

Доблесть шведской (как и русской лейб-гвардии) была несравненной. Гвардейцы короля после принятого в лицо смертоносного шквала свинца и картечи не бросились врассыпную, а клином рванулись на новгородский батальон первой линии. За ними быстро шли скараборгцы, кальмарцы и упландцы[230]. Следом спешил на коне Левенгаупт. Это был акт шведского героизма, шведской славы и самопожертвования.

Среди новгородцев, вероятно, всколыхнулось старое — врагов не берет ни пуля, ни картечь, они накатываются, как заговоренные. Хотя «дуга» шведской линии лопалась в разных местах, «синдром атаки»

и бесстрашие каролинцев еще до их залпа сдвоенными шеренгами опрокинули новгородцев. Первый батальон, бросая две пушки, пики и ружья, отхлынул назад, ко второй линии[231].

Вайе написал о 4 пушках: *«Неприятели охватили нас с обоих флангов, первые шеренги встали на колено и вся линия дала залп, на который нами было достойно отвечено сдвоенными шеренгами, при этом нужно только поражаться, как гвардейский батальон Маннерсверда прорвал первую русскую линию и отбил у противника 4 пушки»*[232].

Капитаны лейб-гвардии Л. Тизенстен и Й. Оллер, подправляя впечатление от Полтавской катастрофы, позже писали, что лейб-гвардейцы гнали отступающих чуть ли не 100 шагов, коля штыками и пиками в спину. Капитан лейб-гвардии Густав Гадде похвалялся, как его батальон захватил 4 знамени, 6 (!) пушек и даже выстрелил из них, но тут же был окружен и вынужден отступить[233].

Офицер и 69 рядовых новгородцев было перебито, 53 человека ранено. Командиры второго батальона и соседних Бутырского и Нарвского полков, может быть, растерялись. Бригадир И.С. Феленгейм, останавливая бегущих, бросился навстречу и, заколотый, погиб смертью героя. Он оказался одним из трех полковников, убитых в Полтавском сражении. Феленгейм, несомненно, был достоин награды, но погибших храбрецов в то время не отмечали посмертно[234].

Если бы в прорыв хлынула кавалерия, могли бы дрогнуть и соседние батальоны. Но Кройц и его подопечные, так и не выбравшись из толчеи, не имели возможности бросить коней вперед.

Левенгаупт так писал о точке высшего накала Полтавской битвы: *«Когда мы подошли под пушки противника и тот мог достать нас картечью, началась жуткая стрельба, нанесшая нам большие потери. Когда же мы попали под мушкеты, огонь стал еще сильнее. Казалось, разумом нельзя было понять, как из всей нашей пехоты останется в живых хоть бы один человек. Что происходило на самом краю нашего правого фланга, мне нельзя было видеть из-за порохового дыма. Позже мне сказали (и это подтверждает реляция генерал-майора Кройца), что там очень скоро отступили перед неприятелем. Несмотря ни на что, наша инфантерия, которую я мог видеть и командовать ею, пошла на противника* без *единого выстрела. Я, зная слабость нашего пороха, сам удерживал ее от стрельбы, чтобы дать залп с самой короткой дистанции. Там, где я находился, были слева два гвардейских батальона, одним из которых командовал мой племянник Эрик Юлленшерна как старший майор гвардии, а вторым капитан Маннесверд*[235]*, а также Уппландский, Кальмарский и Вестготский полки, которые я поставил вместе в одну линию. Два последних были так малы, что каждый из них не составлял даже одного доброго батальона. Враг бежал перед нами прежде, чем мы дали*

зали, бросив две пушки. Тогда я приказал открыть огонь, но у большинства наших прогорел только запальный порох и выстрелы дали звук, похожий на шлепок нескольких перчаток друг о друга. Наш порох никуда не годился и мог дать только слабый эффект; тем не менее противник продолжал бежать. Однако с нашей короткой и тощей линией, без какой-либо кавалерии на флангах, в чистом поле при таком количественном превосходстве неприятельской пехоты, не могло быть ничего другого, кроме окружения со всех сторон противником. Отсюда стало неизбежным, что во время боя в нашей линии образовались интервалы — большие разрывы, так что правое и левое крыло шли на довольно большом расстоянии друг от друга. Наш левый фланг стал колебаться и подаваться назад, в то время, как мы на правом еще гнали врага. Как только я это увидел, то сразу повернул коня и поскакал как можно быстрее налево, чтобы удержать левый фланг на месте»[236].

Жалобам графа об отсыревшем порохе вторят почти все зарубежные историки, в том числе и Энглунд. Но если бы негодный порох давал звук, как шлепок перчатками, то шведские мушкеты не вывели бы из строя почти 5 тыс. русских убитыми и ранеными. (От холодного оружия гибнут, как правило, бегущие, а таковых среди русских было мало.)

Можно понять шведских историков, выделяющих малейшие намеки шведской победы. Е. Тенгберг, раздувая частный успех Левенгаупта, писал, что левый фланг русских был разбит и шведская победа была в пределах досягаемости: «Теперь следовало также, как под Фрауштадтом, разбить отступающее русское крыло»[237]. Гипотеза, что победа могла бы быть за шведами, пойди в прорыв кавалерия, неверна[238]. Весь центр и вся вторая линия держались настолько безупречно, что сразу после битвы царь сам возложил на Аникиту Ивановича Репнина орден Св. Андрея Первозванного.

Всем левым крылом распоряжался Меншиков, Алларт следил за своей дивизией из шести полков, но прорыв, который пришелся почти по центру, ликвидировал государь. И Алларт, и светлейший князь, под которым пали три коня, скорее всего, оказались вдали от опасного места. Царь, пришпорив бойкого гнедого скакуна Лизетт, первым сорвался на помощь к бегущим. Промчавшись между линиями, он поднял в контратаку новгородцев (среди бежавших первого батальона уцелело подавляющее большинство — более 500 солдат.) Нет сомнения, что за царем неслись и гренадеры его охраны[239]. Широкий, повязанный поверх кафтана через плечо бело-сине-красный офицерский шарф был заметен издали. Несколько атакующих целились, чтобы свалить скачущего офицера и усилить смятение русских. (В дыму и горячке боя шведы никак не могли узнать царя.) Петр вырвался вперед, одна пуля прошила поле шляпы в дюйме от правого виска, а вторая впилась в переднюю луку седельного остова[240].

Нет сомнения, мимо свистели и другие куски свинца. Правое поле шляпы было пробито снизу и, судя по траектории с расстояния 3–5 м. Если бы царь пал с пробитой головой, историки писали бы о безумии властителя, бросившегося в пекло простым офицером. Но самоотверженность Петра I была оправдана, в отличие от Карла XII, постоянно рисковавшего без надобности. Позже, 13 августа 1709 г., с шутливой гордостью за свой подвиг, вызвавший бегство Карла XII, царь писал: *«Что за диковина, что ныне побили такова малова короля, которого одним Новогородским разрядом ганивали»*.

Б.Н. Григорьев поставил судьбу баталии в прямую зависимость от самодержцев. На вопросы: почему «дотошный и совестливый» Левенгаупт не узнал о пропаже одной колонны, почему Реншельд тянул с посылкой адъютантов к безынициативному Руусу, почему высшими командирами овладела непонятная апатия он нашел легкий ответ: в «шведском военном механизме вышла из строя пружина, приводившая весь механизм в действие и заставлявшая работать его точно и непрерывно, — король Карл XII… А что случилось бы с русской армией и вообще с Россией, если какое несчастье произошло бы с царем Петром? Ответ очевиден»[242]. Можно заметить, что раненый Карл принимал все-таки участие в командовании и Реншельд свои приказы давал с его санкции. Отпор же в зоне редутных крепостей настолько потряс, что не только Левенгаупт, но никто из высшего командования не оборачивался в сторону отставшего Рууса. Не апатию, а шок переживали шведы.

Уже с июня 1709 г. военный перевес на Гетманщине во всех отношениях был на русской стороне. Петр предусмотрел максимум случайностей, и шансов на победу у противника почти не было. Даже в случае гибели царя битва окончилась бы в пользу русских.

Оба батальона новгородцев быстро двинулись за государем, стали окружать и заходить через разрывы линии в тыл шведам. На левом шведском фланге уже все бежали, управление войсками было потеряно. Одним из первых генерал-майоров был пленен Шлиппенбах[243].

Левенгаупт делал все, что мог, чтобы задержать бегущих. Граф вспоминал: *«Я вначале встретил Естгетский полк и полковника Аппельгрена, который кричал своим людям остановиться. Я призвал его: «Господин полковник, ради Бога, прошу вас — сделайте, чтобы ваши люди остановились. Вы же видите, как мы на правом крыле уже погнали врага!». Тот отвечал: «Я не могу их заставить, к тому же я ранен. Дай Боже, чтобы господин генерал смог их задержать!» Я выехал перед ними, просил, угрожал, проклинал, бил, но все напрасно, будто они ничего не слышали и не видели. Тут появилась группа нашей кавалерии — не более 50 всадников, которая надвинулась на преследующего противника, так что тот не только остановился, но даже немного подался назад. Одна-*

ко, так как наших было мало, то не могло статься ничего иного, что те снова откатились назад.

Здесь я увидел генерал-майора Спарре, который тоже хотел задержать своих людей. Я закричал: «Брат, во имя Господа, давай сделаем все, чтобы снова остановить их. На нашем правом крыле мы погнали врага!» Он отвечал: «Их сам черт не остановит, это невозможно!» Это было действительно неисполнимо — неприятель превосходил нас, а среди наших людей ужас был слишком большим. Когда я это понял, то собрался поехать снова на правый фланг, который был в непрерывном огне и окружен со всех сторон неприятелем, но пройти туда уже было нельзя. Та часть противника, которую мы сначала погнали, увидев, что наше левое крыло бежит, снова вернулась и так глубоко врезалась между нашим правым и левым крылом, что я был совершенно отсечен от правого фланга»[244].

Та часть русской пехоты, которая временно отхлынула, а потом, по словам Левенгаупта, *«глубоко врезалась между* [шведским] *правым и левым крылом»*, были новгородцы, а может быть, и часть соседних батальонов. Определить государя в пылу битвы генерал, конечно, не мог, однако, судя по его последней фразе, именно Петр не только выправил дело, но окончательно разрезал фронт шведской пехоты. **Контратака Петра стала решающей, она предрешила успех битвы, развалив шведскую армию надвое**. Кавалерия Кройца не смогла отразить стремительный прорыв Петра.

В официозных документах «Гистории Свейской войны» и «Обстоятельной реляции» нет упоминаний о разрыве первой русской линии и штыковой контратаке Новгородского полка во главе с монархом. Через 2 дня после битвы Алларт тоже не отметил ни прорыв шведов, ни контратаку царя[245]. Но отрицать геройский поступок Петра невозможно — ведь о прорыве, как указывалось, вспоминали шведские участники сражения, а сам царь писал, что он «гонял короля».

Натиск на противника русские батальоны и эскадроны вели, не теряя строя (за этим зорко следили офицеры.) Войско Петра уже владело «шведской манерой» лобовой атаки холодным оружием. Беспримерным был не только линейный порядок, но и грозное «силовое поле» двух русских линий. Как принято уставными правилами всех тогдашних армий, солдаты Алларта и Репнина беглым шагом входили в промежутки между шведскими батальонами, атаковали их с боков и с тыла.

«Грудной бой» кипел всего полчаса. Армию короля от фланга до фланга снесла только первая линия. В ход шло в основном огнестрельное оружие. Конно-гренадерский полк Андрея Семеновича Кропотова выпалил 34 040 патронов, бросил 120 гранат, Московский драгунский полк израсходовал 13 337 фузейных и 3 700 пистолетных патронов[246].

Вторая линия не стреляла и не сражалась, однако считать ее «вне боя» нельзя. Солдаты, даже ни разу не выпалившие из мушкетов, считаются участниками сражения. Вторая, да и третья (в лагере) линии крепили боевой дух всей армии.

Шведская дуга окончательно рассыпалась, разрывы между батальонами раскрывались до 100–200 шагов и более (Й. Оллер.) Полностью окруженными оказались Эстгетский полк и батальон Нерке, которых били сзади. Всего полчаса — и боевой дух армии Карла XII, наводившей страх на Европу, рухнул. В отчаянии часть солдат пыталась уничтожить знаки своей воинской славы — отбивали навершия знамен с вензелем короля, лихорадочно отдирали полотнища или ломали древки. (Из 137 трофейных знамен и штандартов в русских руках 66 оказалось без наверший, 24 знамени частично или совсем были оторваны от древков, 11 древков было сломано[247].) И все же до половины знаков славы шведам удалось унести — 127 знамен и штандартов пришлось сдать в Переволочне.

Кучки шведов пытались пробиваться назад «по коридорам» сквозь перекрестный огонь первых 24 русских батальонов, старавшихся держать строй. Почти всюду противник откатывался, не вступая врукопашную. *«И в то время у обоих инфантерей веема много кровопролития было. Однакож и шведы дважды по российской армее выпалили. И не болши получаса времяни было, в которое оная Шведская армия, прежде храбрая, вконец была побита. И тако, с помощию Божиею, Его Царское Величество также и чрез салдацкую храбрость полную славную над королем шведским и его войском получил викторию, которая виктория королю шведскому и его армее великое ниспадение причинила»*[248].

Паника перешла в безумие. Шведов **«гнали стадами»**. Во фланги и тылы шведской кавалерии хлынули русские драгуны. Эскадроны Кройца метались, не пытаясь предотвратить окружение клочьев пехоты. Шведские всадники уносились прочь, не потерпев урона. Полк Н. Юлленшерны, пытаясь избежать окружения, бежал после атаки одного русского батальона (А. Гилленкрок). «Es ist alles verloren!» (Все потеряно!) — вырвалось у Реншельда, который носился от одной группы к другой, безнадежно пытаясь восстановить порядок. (После битвы Карл XII желчно говорил, что Реншельд со всем усердием руководил сражением, но не мог ничего сделать без помощи остальных генералов[249].)

Виктория совершенная! Прежде бывшая победоносная, армия разбита наголову! Русские драгуны сидят «на неприятельских хребтах», «дотоле страшная» шведская пехота сметена, ее избивают шпагами, палашами и пиками, она бросает оружие и сдается! Всюду слышалось радостно-победное: «С нами Бог!» Как водится, большинство из 9 тысяч убитых погибло на ограниченной площади поля при бегстве. Сдаваться, срывать с головы треуголку, падать на колени было нельзя — можно только, бро-

сив мушкет, бежать в ужасе. Почти всех, кто пытался сдаваться, убивали. Бегущих рубили и кололи окровавленной сталью. «Батько казацкий» Палий, несмотря на возраст и слабость, неутомимо призывал казаков Скоропадского не давать неприятелю пощады[250]. Истребление шведов в побоище под Полтавой стало самым огромным в шведской военной истории! Пехота была полностью уничтожена. Из всех полей битв Северной войны Полтавское поле больше всего пропиталось кровью — 14 тысяч убитых и раненых, поле у Лесной — кровью десяти тыс., под Нарвой пролили кровь 8 тыс. чел., под Фрауштадтом — 7 тыс..

Стрельба по шведам велась и с редутов до 11 часов утра[251].

Королевская группа из нескольких десятков человек, задержалась одной из последних на поле. В пятидесяти шагах от нее выросли батальоны первой линии. Русские пушкари едва не лишили жизни шведского самодержца. Они навели стволы и одним ядром свалили обоих коней, впряженных в качалку. Король приказал было запрячь новых, но тут ядро снова попало в носилки у его раненой ноги, и Карл XII упал на землю. Стоявший за Карлом XII придворный летописец Адлерфельд насмерть был сражен ядром. Короля подсадили на лошадь, но сделав два-три шага, она была сражена пулями. Некоторое время монарх лежал распростертым на земле и среди шведов пронеслось страшное: «Убит!?» Короля подняли на скрещенных пиках, но его зов «Svenskar! Svenskar!» («Шведы! Шведы!») никого не останавливал. Упал раненый лейб-драбант А. Йерта, подсаживавший короля на свою лошадь. Из раны короля снова обильно потекла кровь, но «железный король» якобы сказал, что считает себя в состоянии сражаться с пехотой и конницей, так как сидит на коне.

Судя по «реляции» Кройца, оборонительные действия конницы начались, когда шведская инфантерия уже «рассыпалась и бросала оружие». Король приказал генерал-майору атаковать и прикрыть его отход, но русские умело собрались в каре, навели пушки и отбились картечью. Потом они рассекли его эскадроны, и Кройц пробился к Карлу XII всего с некоторыми из них. *«Батальон противника с пушками вышел из небольшого леска справа от нас, чтобы воспрепятствовать нашему проходу. Его Величество послал приказ, чтобы я с кавалерией атаковал этот батальон. Своим малым числом эскадронов я выстроил фронт против него, и противник остановился. Но когда он увидел, как мало людей перед ним, он приблизился и нанес нам большие потери своими пушками и картечью. Его выстрелы попали в носилки Его Величества и в одну из запряженных лошадей. Его Величество должен был сесть на коня, но и тот был подстрелен под ним. Потом полковник драбантов Йерта дал своего коня, на котором Его Величество уехал. Так как противник плотно обложил меня своей пехотой среди изгородей и ям, я немного продвинулся левее к деревне и пробился через нее со своими ратниками, правда,*

не без потерь... Я старался замедлять движение, чтобы дать надежду полкам, находившимся на левом фланге, присоединиться к нам. Но все было тщетно. В это время наш всемилостивейший король подъехал ко мне туда, где я разговаривал с подполковником графом Габриэлем Оксеншерной, сокрушаясь, как плохо прошел день. Король хлопнул меня по плечу и сказал: «Вся наша пехота разбита. Нельзя ли спасти как-то какую-либо ее часть?» Я ответил: «Вот поэтому я отходил совсем медленно»[252].

Брошенные солдатами полковники, капитаны, майоры и прочие офицеры сдавались вместе с оружием, не пытаясь ускакать. Офицеров русские солдаты стремились заполучить живьем.

Реншёльд и Левенгаупт делали все возможное, но выправить ничего не могли. Потрясенным военачальникам уже бессмысленно было бросаться вперед, подобно Петру I. Охраны они не имели[253].

Безнадежность вынудила шведов, подобно иноземным офицерам русской армии под Нарвой в 1700 г., самим сдаваться в плен, писал Алларт[254].

Провалилась и отчаянная попытка Левенгаупта организовать отпор хотя бы пятьюдесятью всадниками. Как всегда при бегстве, повторялась старая история: *«Я встал против них со шпагой, просил стоять, бил и колотил. Почти все они кричали «Стой, стой!», но все уносились вскачь... Я поехал правее, откуда они прискакали и увидел полковника Хорда, который командовал драбантами. Он сказал: «Господин генерал, этих людей невозможно остановить. Они совсем бросили короля...» ...Я помчался назад и закричал: «Стойте во имя Иисуса! Не оставим короля, он здесь!» Тогда некоторые из пехотинцев отвечали: «если здесь король, то мы остановимся «и начали понемногу, как и часть кавалерии, задерживаться»*[255].

Увидев графа, король выразил удивление: «Вы еще живы?» Поражает, что ни Карл XII, ни Левенгаупт не знали, как добраться до обоза. Помогли валахи. *«Мы прошли через лес и деревню сквозь два-три узких дефиле вместе с той оставшейся пехотой, которая была сбита противником и подобралась с левого крыла. Все те, кого неприятель сначала погнал с правого фланга, большей частью погибли — они были со всех сторон окружены и перебиты, так как сопротивлялись до последнего. Многие, кто бежал с левого фланга, были также взяты в плен неприятелем. Из кавалерии к нам собралось достаточно много, так как ее большая часть, как мне говорили, не сражалась или не получила на это приказа»*[256].

При отступлении снова появились конные отряды русских, а также «большое скопище русских казаков и калмыков», которые для разведки на полном скаку пронеслись между шведскими частями. Считая своей

основной заслугой медленный отход, Кройц с издевкой упомянул комизм недалекого Лагеркруны. Попав в гущу отступавших эскадронов, он по ошибке стал кричать: «Марш! Марш!» и большая часть полков, потерявших своих офицеров, понеслась вскачь к обозу[257].

Скорее всего, на опушке малобудыщенского леса или уже в его чаще, пленили генерал-майоров Стакельберга и Гамильтона, потом драгуны Архангелогородского полка привели к русскому фельдмаршалу фельдмаршала шведов — Реншельд был взят в плен, мужественно пытаясь остановить бегущий левый фланг. (Шведский ротмистр Плантинг одним из последних видел, как фельдмаршал помчался туда, где беспорядок был самым большим.) Среди офицеров русские старались выискать короля. На короткое время вспыхнула нежданная радость — захватили раненого «маленького принца» Максимилиана-Эммануила Вюртембергского, и какой-то русский офицер спрашивал подполковника Сконского полка Карла Хенрика Врангеля, не король ли это? Принца с «политесом» отправили к царю[258].

Завалы, заросли и строения у Малых Будыщ оказались спасительной преградой, за которой беглецы получили передышку. Там король принял командование на себя после пленения Реншельда и приказал всем уходить к обозу.

Больше пяти часов Петр Великий бился при д. Лесной, а здесь, под Полтавой, свершилась скорая, с «лехким трудом» и малой кровью победа! Сокрушительный разгром был проведен оборонительным боем в первом периоде и наступательным во втором. Такого внезапного низвержения («Фаэтонова жребия») «гордого неприятеля» никто не ждал. *«...Вся неприятелская армея по получасном бою с малым уроном наших войск (еже при том наивяще удивително) как кавалерии, так и инфантерия весма опровергнута, так что швецкая инфантерия ни единожды потом не остановилась, но без остановки от наших, шпагами багинетами и пиками колота и даже до обретающагося вблизи лесу, яко скот, гнаны и биты»*[259]. Противопоставляя скоротечность сражения 27 июня 1709 г. упорству шведов при Лесной, Петр не указал, что в Белоруссии баталия велась с небитой и сытой «курляндской армией», а под Полтавой сражалось измотанное боями и маршами войско короля.

Громоносная победа была рождена русской доблестью и умелым командованием. «Храбрость наших солдат была неописанной!» — восторгался ее творец через 10 дней после битвы. Великая победа обязана главным образом великому Петру. **Помимо театра войны в 1500 км от Петербурга до Киева и Полтавы, Петр I подготовил поле и весь ход Полтавской битвы. Благодаря полководческому искусству царя «превеликая и неначаемая виктория» была одержана с уроном всего в 1 507 убитых и 3 129 раненых**[260]. Одно это ставит русского монарха на уровень лучших

полководцев XVIII в. С гордостью Петр I рапортовал «князю-кесарю» Ф.Ю. Ромодановскому: «Сражался я с полком моим, лично быв в великом огне». С полным правом он предложил возвести себя в чин старшего генерала-лейтенанта и контр-адмирала во флоте. Полтавская победа продемонстрировала небывало быстрое «взросление» новой регулярной армии. Она стала образцом и крупной вехой русского военного искусства.

Что можно сказать о русских и шведских военачальниках? Шведские командиры оставили россыпь мемуаров, в которых упомянули даже о криках друг другу в грохоте боя. Русские генералы почти не оставили подробных описаний сражения. В поведении на поле боя упрекнуть ни в чем нельзя ни Меншикова, ни Брюса, ни Голицына, ни Репнина, ни Ренне, ни Алларта, ни Боура, ни Куракина. Образцово, как на учениях, они руководили линейным боем. Никто ни на мгновение не терял контроля над своими частями. Большой вклад в победу внесли командующий гарнизоном редутов бригадир С.В. Айгустов и комендант Полтавы А.С. Келин.

Все «шведские учителя»: Карл XII, Реншельд, Кройц, Гамильтон, Стакельберг мужественно рвались к победе, но особо надо выделить Левенгаупта. Пытаясь реабилитировать себя за поражение при Лесной, он бесстрашно провел батальоны сквозь редуты, пошел с горстью пехоты на безрассудный штурм ретраншемента, прорвал вместе с гвардейцами первую русскую линию и делал все, чтобы остановить бегущих шведов. Нельзя упрекать графа, что, уйдя в лес перед Малыми Будыщами, он не отбросил оттуда русских, как это делали Петр и Меншиков при Лесной. Все уже развалилось, у всех была мысль скорее достичь спасительного островка — вагенбурга у Пушкаревки! Даже Карл XII, ехавший с окровавленной стопой, положенной на холку лошади, видел, что никого остановить невозможно. Ни шведским, ни русским генералам нельзя ставить в упрек, что никто из них не был ранен — все они командовали, находясь позади своих линий.

После того как в одиннадцатом часу противника смели с поля, первая русская линия стиснула остатки побежденных полумесяцем у Малых Будыщ. Оттуда шведы в беспорядке бежали за ручей, плетни, мазанки и чащобу за этим селом.

Победа полная, неприятель сломлен. 137 знаков шведской воинской славы — штандартов и знамен в русских руках. По приказу царя загремели литавры, давая знать о прекращении битвы. Беглецов сквозь чащу не преследовали, пехоте и кавалерии приказали снова строиться в линию.

Почему Петр прекратил главный бой между 10 и 11 часами? Почему выпустили разгромленного противника и Карла XII? Ведь захват короля по тогдашним меркам означал конец войны.

Шведские историки, опираясь на рассказы бежавших, вплоть до недавнего времени ошибочно писали, что русские прекратили погоню, не осмеливаясь напасть. Вот слова бежавшего Я. Шульца: *«Русские не дерзали нас преследовать и разрешили нам идти куда хотим. Король пошел к обозу в Пушкаревку»*[261]. С. Понятовский, возглавлявший отходящую группу короля недоумевал: *«Я не знаю, был ли неприятель удивлен своей неожиданной победе но он удовольствовался тем, что предоставил королю спокойно уходить и забрать свой обоз; несколько эскадронов лишь скакали вокруг, но не нападали»*[262]. Н.И. Костомаров, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский вслед за А. Фрюкселем, не вдаваясь в детали, писали, что неожиданное счастье победы заставило забыть о преследовании «иначе цель Северной войны была бы достигнута в тот же день»[263]. Специально занимавшийся этим вопросом Н.Л. Юнаков считал молебен и пир после победы уступкой древнерусским традициям и якобы уверенностью Петра в том, что шведы попадут в мешок у Переволочны[264]. Основательнее подошел к делу Н.П. Михневич, объяснявший все расстроенностью русских при наступлении и опасением засады в Будищенском лесу[265].

Стремясь выправить престиж русского командования, советские авторы, перепевавшие дореволюционные исследования, чаще всего не упоминали паузу в преследовании или объясняли ее трудной лесистой местностью, неясностью обстановки и предвидением Переволочны[266]. Б.Б. Кафенгауз считал, что никакого прекращения погони не было и она энергично велась вплоть до Днепра[267]. Тарле тоже отрицал перерыв в преследовании, но Б.С. Тельпуховский и Е.И. Порфирьев указывали на это[268].

П.А. Кротов, отводя от русского командования обвинения в непредусмотрительности, высказал гипотезу об искушении врага «золотым мостом» для отступления. Автор считает, что действия царя соотносились с рекомендациями античных авторов, советовавших не гнаться за врагом при расстроенном войске, чтобы не стать жертвой притворного бегства. «Решение царя не преследовать шведов за Малобудыщенским лесом крупными силами с участием пехоты и артиллерии, не атаковать их новую позицию близ обоза — это проявление полководческой мудрости Петра I»[269].

Никто из русского командования до 27 июня не размышлял, что придется делать вслед за полным поражением неприятеля. Сейчас можно свободно ставить вопросы: реально ли было, пустив в дело не сражавшиеся и не расстроенные вторую и третью линию, окружить и ликвидировать шведов: во-первых, на поле боя; во-вторых добить их на семикилометровом пути от Малых Будыщ до Пушкареки; в-третьих, напасть на войска и вагенбург у Пушкаревки?

Насколько все детали полтавской операции 4–27 июня были тщательно продуманы, настолько все действия после победы приходилось принимались экспромтом.

Брать в клещи и уничтожать крупные, хотя и раздробленные силы неприятеля на Полтавском поле, даже имея более сотни орудий, никто не помышлял. При подготовке атаки в 7–8 часов утра русские военачальники собирались обескровить шведов огнем, устоять в ордере баталии и при удаче сбить противника с поля. Все это было с лихвой выполнено — противник разбит наголову, поле битвы осталось за русскими, Полтава освобождена. Да, Меншиков окружил шведов в баталии при Калише 18 октября 1706 г. и расстрелял из 13 пушек, но там в замкнутый круг попало всего-навсего батальонное каре. Под Полтавой при лобовом ударе сильный правый фланг русских вышиб шведов за Малые Будыщи. Зайти этим флангом в тыл бегущим уже не было возможности. Идти через село и чащобу в неизвестность было рискованно. Спецификой русской армии была стойкость в обороне — вспомним сражения 8–9 июля 1711 г. на Пруте, при Ставучанах 17 августа 1739 г., при Цорндорфе 14 августа 1758 г. и Кунерсдорфе1 августа 1759 г., Прейсиш-Эйлау 27 января 1807 г., Фридланде 2 июня 1807 г., Бородино 26 августа 1812 г. В отличие от Шведской, Прусской и Французской армии, маневрирование Русской армии при слабой грамотности солдат давалось с трудом[270].

От преследования полками второй и третьей резервными линиями за Малыми Будыщами шведов спасла их прошлая военная слава. Осторожность Петра Великого показывает, насколько высоко (и правильно) он ценил армию Карла XII. Конечно, шведской «победной концовки» в битве на открытом пространстве перед Пушкаревкой, о чем пишет П.А. Кротов, быть не могло. Выйти с разбитым духом снова в поле было невозможно. Но русские военачальники не могли не учитывать неожиданного выдвижения какого-нибудь нового «корпуса резервы» от вагенбурга, от шведских стоянок или от Санжар.

Собравшееся из осколков разных частей вокруг обоза и Пушкаревки воинство не было боеспособно[271], но о его местоположении русские, по крайней мере до 11 часов, ничего не знали. Для начала новой операции после 11 часов следовало провести рекогносцировку, пополнить боезапасы пехоты и артиллерии, построить войска в походный порядок, организовать 7–8-километровый марш в колоннах на юго-запад и перестроить их в боевые линии перед Пушкаревкой. Учитывая тогдашнюю слабую маневренность русской армии, новый бой в тот же день начинать было нельзя!

Правило XVII–XVIII вв. — «не азардовать в сражении» — неукоснительно соблюдалось. Военное искусство всех стран того времени действительно придерживалось тактики «отступающему — золотой мост». Не преследовал турок Ян III Собеский под Веной в 1683 г., принц Евгений Савойский после победы под Зентой в 1697 г., Карл XII после побед у Клишова и Головчина, М. Стенбок после победы у Гельсингфорса в 1710 г.

Даже в Семилетнюю войну Фридрих II не преследовал противника, правда, в основном из-за опасения дезертирства своих солдат.

Русская армия трудно изживала прадедовские беспорядочные атаки и погони, приводившие к горьким потерям. Так было при Конотопском поражении от крымских татар и казаков 28 июня 1659 г. Так было при Гемауэртгофе 15 июля 1705 г., когда Б.П. Шереметев бросил на отступавших шведов кавалерию, которая принялась грабить обоз противника. 1 августа 1705 г. Петр указал Шереметеву «под смертной казнью» не гнаться за неприятелем, хотя бы тот и бежал, но следовать шагом. Или по нужде, «малой грудью, под смертью же»[272].

О том же наказывал Петр и в «Регулах, которые при баталии предостережены быть имеют», составленных после битвы при д. Лесной 28 сентября 1708 г. *«Ненадобно, чтоб наша кавалерия гораздо далеко за неприятелем гналась, но потребно, чтоб оная, розбив ево, паки в шквадроны собиралась, в добром порядке маршировала и ожидала указов от своих командиров. Она может токмо послать некоторыя малыя деташаменты для преследования неприятеля, а остатку надлежит тотчас паки построитца. И сие есть дело такой важности, что не можно оного доволно явственно кавалерии изобразить, ни доволно рекомендовать»*[273]. Квалифицировать русскую тактику того времени «преступно пассивной» и писать, что генералы Петра «угорели» от победы[274] — несерьезно. Сознательно же «искушать» противника свободным путем к отступлению Петр не собирался.

Петровская армия еще не имела установки А.В. Суворова: «Гони до сокрушения, победа все покрывает». Наращивание победы — преследование в тот же день — стало главной задачей только с XIX в. (К. Клаузевиц.) Ради возвеличивания победы в «Обстоятельную реляцию», составленную 9 июля, вставили строки о добивании регулярной кавалерией бегущих шведов на расстоянии якобы в 9 и даже 18 км[275]. (На самом деле от Малых Будыщ до Пушкаревки около 7 км.) У Бардили приведена оценка численности преследовавших — это 6 полков драгун и 2 тысячи казаков и калмыков[276]. Скорее всего, это были те 6 драгунских полков, которых послали на помощь к Скоропадскому с Волконским. Драгуны, казаки Скоропадского, донцы и калмыки вплоть до обоза, с тыла и флангов обстреливали бегущих «огненным» и «лучным боем» и даже пленили некоторых[277].

Нерегулярные конники избегали нападать на крупные партии врага и у Пипера был шанс, усевшись на лошадь, добраться к королю, но видимо, у него сдали нервы. Боясь попасть в руки казаков, он велел группе из 93 солдат вместо Пушкаревки свернуть к Полтаве и вместе с секретарями полевой канцелярии Хермелином и Седерьхельмом («увидя, что ему спастись невозможно, сам приехал в Полтаву»), беспрепятственно добрался

до ее валов, приказал бить в барабан и сдался. А.С. Келин взял его под конвой и отправил к царю[278]. *«Когда я, по несчастью, туда* [в Полтаву] *прибыл и был вежливо принят комендантом, известие об этом немедленно направили в лагерь, и по истечении некоторого времени мне сообщили, что я поступаю в распоряжение Его Царского Величества»*[219]

Около полудня основное скопище побежденных быстро проскочило 7 км до Пушкаревки. Меньшая часть с потерями была прогнана мимо редутов. Из 22 тыс., выведенных ночью, после полудня вернулось около 10 тыс. шведов — 9 234 было убито и 2 973 пленено. Такого сокрушительного погрома армия победоносного короля не испытывала никогда и не испытает до конца Северной войны[280]. Остальные стянулись в Пушкаревку из траншей под Полтавой. Всего у Пушкаревки скопилось около 16 тыс. шведов вместе с неслужащими. Там же находилось и несколько тысяч мазепинцев и запорожцев.

Цепенящий страх висел над вагенбургом. Еще до появления разбитых частей Юлленкрук сцепил фургоны, выкатил вперед пушки (часть была не заряжена из-за нехватки пороха) и выстроил для отпора 2 500 шведов и 3 000 казаков. «30 орудий, бывших в обозе во главе транспорта, хотя и не были заряжены за недостатком снарядов, но внушили уважение неприятелю, который несколько раз подъезжал к ним»[281].

Когда вдали поднимались столбы пыли, трепет усиливался. Запорожцы вокруг вагенбурга успели набросать невысокий бруствер, и пушки, стоявшие за ним, несколько раз по ошибке стреляли по своим. *«Войска, оставшиеся у обоза, завидев множество накатывающихся толп, засомневались, — не враг ли это? Запорожцы, охранявшие обоз, успели набросать невысокий бруствер. Пушки, стоявшие за ним, дважды выпалили по нашим, но разобравшись потом, что это были свои, стрельбу прекратили, прежде чем была замечена ошибка»*[282]. *«В этом круговороте перед нами не было ничего, кроме смерти. Как только к нам приближались бегущие с поля битвы казаки, или разбросанные врозь шведы, которых из-за поднятой пылищи наши не могли узнать, так мы обмирали со страха, ожидая атаки врага и нашей конечной гибели… Лишь шалые отчаянные и безбожные вертопрахи-возницы, навербованные в Польше и Белоруссии, не обращали внимания ни на сильную многократную канонаду, ни на наступающего неприятеля, который, казалось, грозил обозу. При великом ужасе всех, кто стерег боевой обоз, они, засев под густой листвой, дулись в карты»*[283].

Пыль, поднятая с прожаренной земли, таким слоем покрыла мундиры, а пороховая гарь так въелась в кожу, что люди были словно в масках, и никого нельзя было узнать. Несколько дней потом солдаты не могли отмыться. Разброд и падение духа были всеобщими. Гробовой тишиной встретили медленно подъезжавшего короля. С раненой ноги, лежавшей

на луке седла, свисали окровавленные бинты. Никто не хотел говорить первым. Карл попытался взбодрить улыбкой сплошь расстроенные лица «Ничего, ничего!» Распорядился отыскать канцлера Пипера и маленького принца и якобы сказал, что, собрав в Швеции новое пополнение, пойдет на Москву[284].

Вплоть до смерти в 1718 г. Карл XII не считал себя побежденным. Магия «железного короля всех словно воскресила» (Д. Крман.) Кройц по приказу короля выстроил всю оставшуюся кавалерию перед обозом.

Преследователи, услышав грохот больших пушек, увидев огромное, до 26 тыс., скопище людей, ряды вагенбурга и боевой строй войск, нападать не стали. Днем, еще до того, как был пленен принц Максимилиан Вюртембергский, генерал-майору М.М. Голицыну и Боуру был дан приказ готовить корволант для погони за «беглыми неприятелями»[285].

Во второй половине дня побежденные и победители восстанавливали свои силы — русское командование за победным пиршеством, шведская в обозе, чтобы подождать недобитков и собрать все, что можно для отступления. Эйфория победителей была безмерной, когда осознали сокрушительность разгрома. Между 12 и 13 часами начался благодарственный молебен, пели церковный (общеевропейский) гимн «Тебя, Бога, хвалим», радовались при трехкратном ружейном и артиллерийском салюте из более чем сотни орудий. При выходе царя из шатровой церкви армия склонила знамена и оружие, и Шереметев рапортовал о победе, о количестве убитых и плененных врагов[286].

Не менее 18 поздравлений с «неслыханной новиной» тут же продиктовал и подписал царь. Еще днем, в момент, когда был пленен принц Максимилиан Вюртембергский, он приказал для погони за «беглыми неприятелями» формировать «летучий отряд» такой же по составу, что преследовал Левенгаупта в сентябре 1708 г. Д.М. Голицыну было велено идти на перехват противника к Днепру и Переволочне[287]. Корволант формировался из посаженной на коней пехотной гвардейской бригады и шести драгунских полков Р.Х. Боура, пополнялся конский состав, боеприпасы, порох и готовилось оружие. Командование вручалось генерал-лейтенанту и полковнику Семеновского полка князю М.М. Голицыну.

В ставке Меншикова подготовили для генералитета, штаб- и оберофицеров пир за «земляным столом». К началу второго часа солдаты выкопали канавки по периметру прямоугольника, разровняли в центре набросанную землю и накрыли ее коврами. Гости садились на траву, опустив ноги в канавки. Так в полевых условиях быстро устраивалось многолюдное угощенье.

От палящего зноя победители и «земляной стол» были прикрыты иранской и китайской работы шатрами Меншикова, полы которых были подобраны для доступа воздуха. В начале четвертого часа сели за пирше-

ственный стол. Распорядителем торжества был Меншиков. Возбуждение и ликование было безмерным — генералитет и штаб-офицеры справляли древнейший обряд победителей. Вокруг стоял караул из нескольких рот гвардейцев. При каждом тосте за царя, царевича и царскую семью гром заздравных выстрелов раздавался не слабее, чем в баталии, «пушечного зелья» не жалели. Новотроицкий драгунский полк в битве спалил 10 пудов пороха, а на «викторию под Полтавой» — 5 пудов[288].

Примерно через час ввели фельдмаршала Реншельда, четырех шведских генерал-майоров — Шлиппенбаха, Рууса, Стакельберга, Гамильтона и принца Макса Эммануила[289]. Позже из Полтавы доставили Пипера. Петр с подъемом отзывался о «брате Карле» и радостно провозглашал здравицу за шведских учителей, благодаря врагов за уроки. (Заздравные слова царя не противоречат традиционно-высокой оценке им шведского военного искусства и считать их «литературно-художественным вымыслом» из-за того, что они не зафиксированы в официальных документах, нельзя.) Тут же, в присутствии всех, в знак уважения доблести и таланта «государь, выхваляя мужество и храбрость фелтьмаршала Рейншильда в воинских делех, пожаловал ему шпагу свою и позволил ее носить». (9 лет Реншельд пробыл в русском плену. 29 (30) октября 1718 г., когда прояснилась надежда на мир, он был обменен на генералов Трубецкого и Головина и умер в Стокгольме 22(23) января 1722 г. после сильного кровотечения, вызванного, как полагали, от старой контузии, полученной после давнего выстрела из крепостцы Веприк[290].) На поле казаки Скоропадского давали «представление» для русских и шведских солдат: *«Забавно было смотреть, как казаки, действовавшие против шведов с фланга и тыла на свои бритые головы и на шапки надевали шляпы и парики, снятые с живых и мертвых неприятелей. Обложенные галуном кафтаны накидывали на свои шубы... Сами пленные шведы не могли удержаться от смеха, при виде такого странного наряда*[291] *»*.

6.5. Агония

Сведений о новой операции против разбитой армии, стянувшейся к Пушкаревке, нет. Можно предположить, что не исключалась мысль напасть на вагенбург на другой день, но к вечеру выяснилось, что штурм вагенбурга не потребуется — шведы собрались бежать из-под Полтавы. «Куды оные обратятся далее бегом спастися, о том время покажет», — писал царь 28 июня.

Когда в русском лагере ликовали, в шведском обозе царила неразбериха. Ставка короля в то время помещалась в карете Зильтмана. Ждали подхода остатков с поля битвы. Едва Карл пришел в себя после перевязки, прусский посланник, чтобы спасти монарха и армию, предложил, прежде чем неприятель начнет преследовать, послать его, как посредни-

ка к царю с представлением перемирия и шведско-русского соглашения. Этим можно задержать дальнейшее наступление русских. Король больше всего беспокоился о Пипере и Реншельде. Многие полагали, что они либо убиты, либо пленены. Карл спросил, есть ли полномочия у Зильтмана, тот предъявил рескрипт прусского короля от 4 сентября 1708 г.

Левенгаупт, отыскав свою поклажу и «подкрепившись куском хлеба и несколькими глотками питья», предложил Карлу XII бросить фургоны, посадить уцелевших пехотинцев на лучших обозных лошадей, прихватить с собой часть провизии, амуниции и легкие, с хорошей упряжью повозки, а пушки, если их нельзя будет волочить дальше, взорвать или утопить; все прочее сжечь, как сделал это он после поражения при Лесной.

Но король не признавал ни себя, ни своих солдат поверженными и сгоряча приказал эвакуировать все подчистую. Лихорадочно стали вытягивать простоявшие в обозе пушки, мортиры и гаубицы, грузили ядра, которых осталось почти две тысячи, 1 200 картечных зарядов, десятки бомб, зажигательные ядра и гранаты, три тонны пушечного пороха, все виды слесарных и плотничьих инструментов и остатки провизии[292]. Часть из 2 250 чел., раненых и больных, посадили на телеги. Полковые кассы приставили к артиллерии. Прихватили и пленных. Мазепа и Орлик, уходившие вместе с запорожцами, не бросили ни копейки из своих сокровищ. Кое-как были построены колонны, несколько конных полков под командованием генерал-майора Крусе собралось в арьергарде, остальные по флангам. Авангард поручили Юлленкруку.

Уход в сумерках исключал нападение на нескольких ночных часов. На закате (на широте Полтавы он наступает в 19 ч. 25 м; темнота спускается около 22 часов) стали выводить артиллерию и обоз. Карета Зильтмана, в которой ехал Карл XII, замыкала вереницу повозок. «Лучшего» пути отхода, кроме как вниз вдоль Ворсклы, не было.

К 20 часам «невыносимо тяжелый» обоз погнали на юг. Путь к Старым Санжарам был чист — нигде не было ни казаков Скоропадского, ни драгун. Заслона на Днепре у Переволочны тоже не было. (В сентябре 1708 г. ради отсечения корпуса Левенгаупта от Сожа, Петр посылал к этой реке тысячу драгун бригадира Ф.И. Фастмана, которые за два дня одолели 70 км.) В дороге Зильтман дал прочитать мертвенно-бледному королю последнюю полученную им инструкцию и еще раз предложил прусское посредничество в замирении с царем. Карл XII принципиально отвергал мир, однако Зильтман, возможно, натолкнул его на мысль отправить к русским какого-нибудь посланца якобы с мирной инициативой, чтобы замедлить погоню.

Местность была незнакомой, никто толком не знал, куда идти. Погони не видели, но смятение среди разбитого воинства было не меньше, чем при бегстве от Лесной. *«Обоз получил приказ трогаться около 8 часов*

вечера. Ночью началась такая растерянность, что трудно даже представить для такой славной армии. Если бы противник напал на нас, то король и остатки армии пропали бы, никто никого не слушался и каждый шел, как знал»[293]. У д. Хведерки, где через топкое болотце был переброшен хлипкий мосток, движение застопорилось.

В полной темноте, около 23 часов Юлленкрук с артиллерией добрался до Новых Санжар, где стояли драгуны Мейерфельта и где стали на ночь. Коляска с королем добралась туда перед рассветом. Карла внесли в хату на перевязку. Левенгаупт надеялся, что тут по броду можно будет переправить за Ворсклу не только войска, но и обоз с артиллерией. За левым берегом встретилась бы речушка Орель и городки Нехвороща, Маячка, Царичанка и Китайгородок. Там была надежда прихватить какой-нибудь провиант. Русскую крепость Новобогородицкую на р. Самара можно обогнуть стороной и вроде бы через 10–12 дней оказаться у Перекопа.

Едкости шведов о «бережении русскими их ночного покоя» бессмысленны. Вечером победного дня гвардейская бригада М.М. Голицына, 6 драгунских полков Р.Х. Боура (всего около 12 тыс.) и казаки только готовились к преследованию. Шведы обнаружили погоню лишь в предрассветное утро 28 июня[294]. 28 июня вдогонку за королем пошел и Меншиков с тремя конными и тремя пехотными полками, чтобы принять общее командование над корпусом погони. За конными передовыми частями снарядили два «корпуса инфантерии», второй был под командой генерал-лейтенанта фон Вердена, так писал Алларт[295].

На рассвете со стороны Голтвы стали маячить казаки Скоропадского, но начинать им атаку на санжарских полях без регулярных частей было невозможно.

Узнав о погоне, Кройц приказал разбивать и жечь тяжелые фуры и отдавать лошадей раненым и пехотинцам. С дымом пылавших повозок улетучивался дух армии: никто не знал, какие силы накатываются сзади. Отступление стало переходить в первое за время Северной войны беспорядочное бегство начали бросать оружие, покидать мертвых и раненых.

Тем же утром 28 июня король послал Юлленкрука узнать о переправе через Днепр, а к Петру I отправил генерал-майора Мейерфельта — замедлить погоню под предлогом выяснения судьбы Реншельда, Пипера, обсуждения проекта мирного договора, обмена пленными и захоронения убитых. Остановить погоню Мейерфельту в Полтаве не удалось[296]. Петр 29 июня «торжественно вступил в Полтаву, и полтавчане, освобожденные от осады, в знак преданности царю на самой высокой башне подняли белый флаг[297] и беспрестанно выражали к нему свою радость»[298] — так, судя по рассказам, писал евангелический епископ Д. Крман. Там же Петр отмечал праздник святых Петра и Павла и потом, 30 июня, отправился вслед за Меншиковым.

Изнемогая от жары и жажды, беглецы покатились к Беликам и Кобелякам. У Беликов стоял подполковник Т. Функ с драгунами. Местных жителей он называл «шельмами», которые стоят по валам городка, и ему приходится все время держать стражу против них[299]. Там около полудня короля в очередной раз перевязали и покормили. От местного населения шведы не могли дознаться, где самые удобные броды. Между Беликами и Кобеляками над колонной снова кружили зловещие стаи воронья, которые приводили в трепет веривших в приметы людей. В Кобеляках стоял отряд подполковника Йорана Сильфергейма. Тут пехота ночью снова жгла багаж, пыталась отбить выстрелами казаков и авангарда Голицына и самовольно сбежала с позиций у речки Кобелячки. Остановиться и дать настоящий бой, как сделал Левенгаупт на р. Ресте 27 сентября, никто не думал[300]. Г.А. Пипер писал, что если бы погоня настигла их в Кобеляках, то всех бы разбили и пленили короля.

После катастрофы под Полтавой люди и беспорядочная цепь повозок нигде не могли задержаться, чтобы искать броды через Ворсклу. По инерции все катились вниз к Днепру, где светилась некоторая надежда найти средства переправы или построить мост. Большая часть артиллерии была брошена между Кобеляками и Соколками. Догнать и ударить по растянувшейся на километры колонне погоня не успевала.

30 июня марш к Соколкам окончательно превратился в бегство. Пройдя от Пушкаревки за два с половиной дня 90 км, около 8 часов утра 29 июня передовые части шведов вошли в сожженную Переволочну, где снова уничтожали повозки и документы королевской канцелярии.

Когда беглецы сошли с приднепровских круч, их сердце не могло не дрогнуть — перед глазами неслась водная преграда Днепра шириной в четверть доброй мили, по оценке Левенгаупта. Средств для переправы, кроме нескольких чудом найденных лодок, не было — все загодя увел киевский губернатор Д.М. Голицын. Беда стала очевидной, нарастало отчаяние.

Генерал-майор Спарре пытался рассеять тревогу: *«Черт меня возьми, если неприятель появится тут через три дня. Его войска сильно измотаны, а мы проделали очень большой путь. Он найдет, чем заняться, и доволен, что остался в спокойствии»*[301].

Левенгаупт в мемуарах задним числом раздувал безвыходность ситуации, но и без того топкое место, где стеснилось более 20 тыс. чел., было провальным — все направления перекрывались реками Днепром, Ворсклой и в 40 км к северо-западу рекой Псел. Треугольную с мокрыми местами низину у Переволочны и Таштайки окружали высоты с двумя-тремя узкими выходами. Люди, среди которых было более 2 тыс. больных и раненых, оказались в мешке. Генерал писал, что 12- и 18-фунтовые пушки сверху могли накрыть всех. (При этом граф не обмолвился, что под Пол-

тавой 12-фунтовых русских пушек было всего две, а 18-фунтовых вообще не было. К тому же тяжелые орудия не могли быть быстро доставлены к Переволочне.)

Положение было таким же отчаянным, как в 1711 г. у прижатой к Пруту 40-тысячной русской армии с 122 пушками, которая была блокирована 135 тыс. турок и татар, имевших 407 стволов[302]. Однако у Петра I тогда была надежда выскочить из западни прорывом или с помощью переговоров.

Оставить арьергард с пушками на высотах, уходить с кавалерией и пехотой, посаженной на коней, к Перекопу было бы можно только тем, дух которых был под стать духу Карла XII. Но есть предел человеческой выносливости, и Левенгаупт видел, что грядет либо переход измученных людей на сторону противника, либо их избиение. Оправдываясь перед потомством, граф многословно описал свой диалог с королем. Опустившись на колени перед властителем, лежавшим на низком ложе, он убеждал, что позиция безнадежна, люди растеряны и сдадутся при появлении врага. Государь должен бросить войско и спасать себя.

Карл схватил графа за грудь и оттолкнул: *«Генерал не знает, что говорит, я думаю совсем по-другому!»* Левенгаупт отошел назад: *«Беда слишком велика... Если Ваше Величество попадется в руки врага, то Вашему Величеству придется соглашаться на все, что тот захочет, и тогда мы станем вечными рабами»*[303].

Монарх отвечал, что его как раз схватят, если он отделится от войск. Граф уверял, что если король спешно уедет, этого не произойдет, и подговорил Юлленкрука, Понятовского, Крейца, Спарре, советника канцелярии Густава фон Мюллерна и гофинтенданта Густава фон Дюбена каждому по отдельности уговаривать властителя в необходимости бегства за Днепр. Убийственный аргумент повторил Юлленкрук — ошеломление солдат настолько велико, что, как только они увидят русских, большинство переметнется к ним или утопится в Днепре. Короля припугнули, что в случае его пленения русские будут возить его в клетке, как медведя, на посмешище и вынудят подписать позорный для Швеции мир[304]. Чем дольше оставаться здесь, тем хуже будет всем. Под конец Карл согласился забрать с собой отряд, включая Левенгаупта, а кавалерию Крейца с остатками пехоты отправить через Ворсклу в Татарию. Но Левенгаупт уговорил Карла оставить именно его. Граф собирался этой же ночью или на другой день выбираться из «этой дыры». Ему дали карту Украины и разрешили раздать месячное жалованье солдатам для «подъема их настроения».

В строю при штандартах и знаменах людей было мало, и штандарты малочисленных рот сожгли. По приказу короля затопили полковые ведомости и документы полевой канцелярии. Так, в сумерках 29 июня погиб весь архив армии и дипломатической службы за несколько лет.

Новому главнокомандующему Карл приказал уйти за Ворсклу в пределы Крымского ханства, до границ которого оставалось около 200 км. Соединившись затем с армией у Очакова, король собирался войти в Польшу. Бедственный путь по безводному Дикому полю мог бы закончиться удачей, если бы крымская орда поспешила на выручку. Но ее не было[305]. Присланный раньше татарский «капитан», который понимал по-французски и обещал найти проводника по левобережью Днепра, исчез, как только узнал о русской погоне.

Левенгаупт распорядился выдать солдатам и офицерам месячный оклад и велел каждому полку взять столько провианта и амуниции, сколько может снести лошадь. Около 23 часов 29 июня граф простился с королем.

Карла подвезли к могучему потоку. Плот из разобранной церкви унесло течением, но к вечеру 29 июня запорожцы сноровисто сбили для королевского окружения и мазепинцев другой плот на 50 человек и отыскали несколько рыбацких челнов. Мазепа с Орликом, решив спасти свою жизнь среди турок, переправили свои нажитые под «колониальной» русской властью сокровища, утопив часть золотых, серебряных монет и сервизов в воде. Почти все запорожцы умело и быстро переплыли Днепр. За рекой сокровища гетмана охраняли драгуны Седерманландского полка, а не сечевики, которым он не доверял и которые могли все «раздуванить»[306].

Король отобрал по списку около тысячи человек, в том числе оставшихся драбантов[307]. Всем стало ясно, что нависла окончательная катастрофа. Получившие разрешение на переправу разбивали кареты, коляски, телеги и сундуки. Сотни фургонов, колясок и карет с ларями горели в кострах. Поздним вечером спасителя, который всегда выручал армию, переправили на правый берег реки в карете, поставленной на помост поверх двух связанных друг с другом лодок. Решение короля было верным: ждать, пока армия уйдет за Ворсклу, не было времени. Когда лодки вернулись, чтобы забрать королевский багаж, «началась настоящая свалка... — люди цеплялись за борт, но в них стреляли, а по рукам немилосердно рубили саблями»[308].

Паника шла в паре с наживой. Попасть в дырявую посудину, рассчитанную на двух человек, нельзя было и за сотню золотых дукатов. Шведские офицеры взимали мзду, смотря по чину, и забирали тех, кто платил больше. Впрочем, и на другом берегу запорожцы старались обчистить до нитки каждого.

Нестроевые безнадежно пытались на досках, зарядных ящиках, бревнах и даже тележных колесах (!) одолевать мощное течение, водовороты и сильный ветер. Пытались связывать вместе даже телеги или пробовали буксировать по воде свою повозку с добром, потом бросали и топили все,

кроме денег. Берег был завален обломками досок и колес, кое-где покачивались утопшие.

Оставшись один, Левенгаупт совершил крупную ошибку — не поднял войско на приднепровские кручи, откуда можно было бы припугнуть погоню. На рассвете 30 июня остатки армии готовились сесть в седла, но в это время дозорные сообщили о столбах пыли на горизонте. Левенгаупт поначалу подумал, что это русские иррегулярные части, которые надеялись чем-нибудь поживиться. Действительно, первым появился казачий авангард. Шведов снова охватил панический страх, пережитый 27 июня опять, как 3 дня назад грядет избиение. Кройц вспоминал, как дозорные, уносившиеся во всю прыть от казаков, кричали своему скакавшему впереди корнету: *«Стой, безделюга, ты не офицер, мы проткнем тебя шпагой, стой, если ты мужик!»* Все орали, но продолжали нестись вскачь назад.

В это время кавалеристы разных полков без приказа разбирали уцелевшие постройки и вязали хлипкие плотики из жердей, бревен и редких тонких деревьев. На беду, стал усиливаться ветер, поднимавший волны. Плотики крутились в водоворотах, ныряли и перевертывались. Головы, торчавшие над водой, отчаянно кричали, неслись вниз по течению и поглощались стремниной. («Мнози речною глубиною пожренны, погибоша», — писал позже краснопевец Феофан Прокопович.) Кони без ездоков еле справлялись с водоворотами. Казалось, что наступал «рагнарек» — конец света по шведским сказаниям. Останься король в мешке между Днепром и Ворсклой, новый бой при всеобщем разложении окончился бы большой кровью.

«В свете неслыханная виктория» — так написал Петр I в собственноручном извещении 8 июля об окончательной капитуляции лучшей армии Европы. Ранним утром на днепровских кручах показались 9 тыс. всадников Голицына (остальные отстали.) «В каждом эскадроне от 10 до 20 лошадей спотыкалось от изнурения через голову, а прочие шатались, тяжело дыша»[309]. Левенгаупт понимал, что вслед за авангардом появится все войско победителей.

Часть шведских офицеров и рядовых безрассудно бросилась в воду на лошадях. Снова люди стали тонуть, а те, что возвращались, попадали в руки калмыков и казаков, которые спустились к берегу и уже начали грабить фуры. Группы по пять, двенадцать и более человек стали перебегать к противнику.

От дезертиров русские узнали, что Мазепа сбежал за Днепр с 1 500 казаками и сокровищами около 4 часов 29 июня, а король в ночь на 30 июня (Кройц запомнил более точное время — 22 часа 29 июня.) Часть замешкавшихся мазепинцев, спасая себя, окружила группу из двух десятков шведов и выдала их русским. Захваченные в плен валахи и шведы сооб-

щили, что «неприятели не зело к бою охоту имели», а Левенгаупт склонен к капитуляции. *«Армия была разбита и бежала от врага; все находилось в ужасном оцепенении и смятении («alt I största consternation och confusion».) Мы были как кол, забитый в угол между тремя реками, откуда в виду появления неприятеля никто не мог выбраться. Место отовсюду контролировалось пушками неприятеля и оттуда выходило не больше двух-трех дефиле. Обоз и полки стояли тут вплотную, как кому заблагорассудится. У многих полков было очень мало, у большинства же — подпорченные боеприпасы. Я не знаю, было ли у артиллерии больше, чем несколько сотен пригодных ядер. Я слышал, что полковник очень жаловался, что небольшое количество оставшегося пороха мало пригодно. Почти все полки ни о чем другом не думали, кроме как сделать плоты, на которых переплыть Днепр»,* — сокрушался Левенгаупт[310].

Шведская конница с Лейб-регименом на правом фланге неровно вытянулись вдоль берега лицом к высотам. Приказ Кройца «по коням» многие кавалеристы игнорировали и лежали, наблюдая пасущихся коней или читая псалмы. Многих вообще не было.

Русским, учитывая усталость и численное превосходство шведов, идти на сражение было нецелесообразно. М.М. Голицын применил военную хитрость — на высоте, которая контролировала возможный выход шведов, он построил спешенных драгун, а на флангах расставил лошадей, чтобы казалось «многолюднее». (Меншиков, может быть, ошибочно оценил силы противника в 8 тыс. чел.[311]).

К Кройцу был послан генерал-адъютант Рамзай с трубачем и барабанщиком. Как писал Кройц, генерал-адъютант твердо и решительно заявил, что князь Меншиков со всей армией победителей уже на подходе и что ни помощи, ни свободы отступления для шведов нет. При сопротивлении русские потеряют нескольких людей, но все шведы будут перебиты. Не желая напрасного кровопролития, от имени светлейшего князя предлагаются достойные условия капитуляции.

Левенгаупт был в депрессии: *«Бог знает, куда люди попрятались. Очень трудно поставить людей в строй».* Кройц предложил тянуть с ответом, чтобы отвести удар от короля.

Поехав наверх с полковником Дюкером и генерал-адъютантом Дугласом с целью разведки, Кройц увидел, что пехота и кавалерия противника построены в боевом порядке, пушки на кручах уже установлены и готовы со всех сторон причинить шведам большие потери. Вскоре на высоком холме появился Меншиков, который объявил, что послан государем со всей армией атаковать врагов, но, следуя заветам Христа и принимая во внимание положение шведов, не хочет напрасного кровопролития[312].

Отправить на правый берег Днепра хотя бы калмыков и казаков Меншиков не подумал. А ведь там, среди шведов, окружавших короля, пери-

одически поднималась ложная тревога: «Калмыки!» На левом берегу калмыцкие удальцы срывались отовсюду и обчищали тех, кто не сопротивлялся, других же били и угрожали им смертью.

Левенгаупт, не отправив посланца к Карлу, стал опрашивать полки: будут ли они сражаться? Разгром, паника при бегстве, беспорядок на переправе, отсутствие провианта, артиллерии (боеприпасы все-таки оставались), упадок сил и безвыходность положения в ловушке между Днепром и Ворсклой окончательно парализовали волю к сопротивлению.

Все, кроме трех полков, высказались за капитуляцию. Около 9 утра «аккорд» был подписан. Левенгаупт слышал, как на другом берегу прозвучала труба, зовущая уходить: король уехал в 9 ч. 45 мин[313]. Согласно договору, оружие, пушки, полковые кассы, знамена и полковая музыка сдавались на имя царя, шведы получат хорошее содержание и после заключения мира все будут отпущены домой. У рядовых останутся их личные вещи, а офицерам сохранят багаж, повозки, коней и слуг. Мазепинцев и запорожцев шведы не собирались включать в «аккорд». По оценке С. Понятовского, около 4–5 тысяч казаков, невредимо ушедших из-под Полтавы, бежали через Днепр. Сразу откуда-то появились шведские солдаты и офицеры, которых раньше не было видно. Начался грабеж своих фургонов. Драгуны полковника Таубе напали на полковую кассу Лейб-регимента. Брошенную мазепинскую повозку с 23 булавами, полученными в дар от царя и турецкого султана, тайком прибрал к рукам подполковник остзеец Арвид Иоганн фон Каульбарс[314].

Потом деморализованные люди строем плелись на возвышенность, где стояла русская гвардия, и дисциплинированно складывали оружие к ногам Меншикова, Голицына и Боура. На долгие годы плена шли туда же Левенгаупт, 2 генерал-майора, 10 полковников, 14 подполковников, 22 майора и др. Всего «без всякой трудности» было взято 14 267 строевых чинов (с нестроевыми 16 264), 28 пушек, большое количество боеприпасов, 127 штандартов, 142 знамени и т. д. Освобождено было и неизвестное число русских пленных[315]. Остатки мазепинцев, часть из которых были с женщинами и детьми, собрали вместе и перебили[316].

Зильтману сказали, что на другой стороне Днепра еще находятся шведские войска и слышны звуки трубы, а это могло бы означать, что король или мертв, или не в состоянии продолжать путь. В связи с тем, что не было ни одного иностранного министра, прусскому послу предложили переправиться туда и оговорить скорее всего, те же условия капитуляции. Надобность в его вояже отпала, так как остатки беглецов успели подняться в сторону турецких владений.

«Стратегия отложенной победы», принятая Петром в 1707 г., завершилась блестяще. Расчет за Нарву и Фрауштадт был произведен с лихвой. «Может быть, в целой истории не найдется подобного примера покорно-

го подчинения судьбе со стороны такого количества регулярных войск», — писал английский посол Витворт 20 июля 1709 г. В 1706 г. число шведских военнопленных в России было около 3 300 человек и около 4 тысяч гражданских лиц. Июнь 1709 г. почти обескровил Швецию и Финляндию: пленных в России оказалось около 25 тысяч, из них 1 600 офицеров[317]. «И не осталось семьи от вышней степени даже до нижней, чтоб от русских не охали... Все посацкие... толкуют, как с Царским Величеством... миру искати, дабы... не дождатися бы русских в столицу», — писал 23 октября из шведского плена генерал Вейде[318].

Шведский историк начала XX в. Е. Карлсон считал, что не Полтава, а «капитуляция на Днепре... получила далеко идущие последствия, и именно она стала поворотным пунктом в нашей внешней истории»[319]. Однако сдача на милость победителя у Днепра была прямым следствием победы под Полтавой. Отказ от вооруженного сопротивления отдавал позором, поэтому граф, обеляя себя, писал, что спас короля, добровольно приняв на себя опасность. И тем не менее остракизм товарищей по плену свел его преждевременно в могилу в 1719 г.

Затяжка капитуляции 30 июня выручила короля. Меншиков напрасно надеялся, что погоня «праздно не возвратится».

Помимо опытных запорожцев у Карла XII появилось и несколько проводников, присланных из Крыма[320]. Генерал-майор Г.С. Волконский только к вечеру с 6 тыс. драгун и с казаками переплыл Днепр. С правого берега успели уйти не все, и там было пленено до 70 человек (Ф.Х. Вайе.) 1 июля в Переволочну приехал царь. Возможность захватить короля («нашего чудина») и Мазепу в Диком поле испарялась, поэтому понятно, почему позже Петр I пригрозил Волконскому расстрелом[321]. 2 июля огромные колонны пленных под конвоем погнали обратно вдоль Ворсклы в Полтаву. Трофейное оружие везли на 500 телегах.

6 июля 1709 г. в Полтаве состоялся триумф победителей. Весь полон разместили к югу от Полтавы между русскими полками. Петр собрал высших шведских офицеров в шатер Меншикова и на немецко-голландском языке заверил, что договор о капитуляции 30 июня будет свято содержан («Datt sali heilig gehalten werden».) В лагере по другую сторону Полтавы готовились к триумфу победители. Потом сформировали колонну — шведские полки были поставлены между русскими. Колонна входила в Полтаву через Киевские ворота — там А.С. Келин успел наскоро соорудить триумфальную арку. Радуясь, шли победители через город воинской славы, ликовал гарнизон и люди, мужественно выдержавшие осаду. За военнопленными ехал фельдмаршал Шереметев, вслед за ним везли захваченные пушки, литавры, штандарты и знамена. Потом показались генерал А.Л. Левенгаупт, генерал-майоры Крейц и Крусе, полковники, подполковники и майоры — все верхом. Реншельда по состоянию

здоровья не было. За шведскими офицерами молодецки ехал Петр I с обнаженной шпагой, а перед ним шли гобоисты. За царем маршировал батальон гренадеров Преображенского полка. Все русские офицеры следовали при своих полках — кавалерийских и пехотных.

Из Полтавы колонна войск и шведы проследовали на поле Победы. Там армия, окружив трофейные знамена, участвовала во всеармейском благодарственном молебне. Исполнялся церковный гимн «Тебя, Бога, славим!». Половину русских обер-офицеров выделили для надзора за массой пленных, которые стояли отдельно. Многие по случаю триумфа успели облачиться в расшитые золотыми и серебряными позументами кафтаны, которые шведы вывезли из Саксонии. И снова гремел победный салют, и снова победители пировали вместе с побежденными: *«Когда мы пришли в их лагерь, генерал Левенгаупт со всеми нами был приглашен в шатер фельдмаршала Шереметева, где был царь. Во время обеда генерала посадили рядом с генералом Аллартом, а генерал-майора Крусе и меня рядом с Шереметевым»* — так закончил описание первого Парада Победы Кройц[322].

8 июля Петр отправил к европейским дворам и в Россию 18 грамот, извещавших о новой «совершенной и никогда [не] слыханной виктории». 9 июля Петр распорядился привезти в Нарву пушки, ядра, порох и лопаты, чтобы «доставать» Ревель и Корелу. В тот же день Волконский с переяславскими и лубенскими казаками у Буга захватил ретранжемент, наскоро сделанный беглецами, пленил 216 чел., многих перебил («а больше потопили в реку Буг»), 150 мазепинских компанейцев передались сами 8 июля.

11 июля главный полон отправили в Севск, а оттуда разослали в Москву, Киев и другие города. 13 июля Меншикову присвоили чин второго фельдмаршала, многих офицеров переменили чинами, раненого и лежащего в Полтаве с жестокой раной генерал-лейтенанта Ренне возвели в полные генералы. На господ генералов Репнина, Алларта, Брюса, Долгорукого государь собственноручно возложил орденские кресты святого Андрея на лазоревой ленте. Другие генералы получили портреты его величества на финифти и золоте и украшенные бриллиантами. Офицерам позже раздавали медали согласно их рангам. 15 июля пехоту стали отправлять под Ригу, а конницу — очищать от шведов Польшу. 22 июля победитель Петр под гром салюта и звон колоколов въехал в «праотеческий город Киев».

14 ноября 1709 г. Петр «отправил своими руками первые три бомбы» в Ригу.

Второй триумф проводился в Москве с 18 декабря 1709 г. по 1 января 1710 г. Из Серпухова и Можайска пленных перевели в Коломенское. Офицеры от каждого шведского полка опознавали и сортировали выставленные пушки, литавры и знамена.

21 декабря по русской столице провели вместе с фельдмаршалом Реншельдом и генералитетом огромное количество военнопленных — 22085 шведов, финнов, немцев и др.[323]

От Серпуховских ворот гремели победные звуки двадцати четырех трубачей и шести литаврщиков, возглавлявших колонну. Шествие победителей открывал князь М.М. Голицын и Семеновский полк, ехавший верхом со своими знаменами и обнаженными палашами. Следом везли трофеи, взятые под Лесной, за ними русские солдаты волокли по снегу 295 знамен и штандартов, захваченных при Лесной и Полтаве и Переволочне. («Волочение» трофейных знамен по земле или воде, если захватывались суда, входило в ритуал петровских триумфов.) Затем вели пленных обер- и унтер-офицеров «курляндского корпуса». После побед при Лесной и Полтаве шведов не считали грозным противником и в издевку пропустили 19 запряженных северными оленями и лошадьми саней «самоедского короля» полусумасшедшего француза Вымени с ненцами, одетыми в оленьи шкуры. С некоторым отрывом ехала верхом гренадерская рота Преображенского полка. Левенгаупта вместе с Реншельдом и Пипером вели пешком вслед за полтавскими трофеями и перед конями, на которых гарцевали полковник Преображенского полка Петр Великий и генерал Меншиков. На 54 (!) открытых повозках везли шведскую полковую музыку в сопровождении 120 пленных музыкантов[324]. Пленных вели по городским улицам через 8 триумфальных ворот, возведенных «на стыд и позор шведам»[325]. Во всех церквах трезвонили колокола, народ орал, выкрикивал ругательства, и вообще был «такой грохот и шум, что люди вряд ли слышали друг друга на улицах», — записал капрал Эрик Ларссон Смепуст[326]. Впрочем, всех участников шествия угощали и пивом, и водкой. (Через 28 лет страшный «Троицкий» пожар 29 мая 1737 г., бушевавший в Кремле и Китай-городе, уничтожил в Оружейной палате знамена и носилки Карла XII и повредил «Царь-колокол».)

Заключение. «Один день возместил все годы»

19 ноября 1700 г. наспех собранная 35-тысячная русская рать была наголову разбита у Нарвы. 26 мая 1701 г. Стокгольм отмечал день «русского позора» — по шведской столице провели русских генералов и офицеров, плененных под Нарвой 19 ноября 1700 г.

После сокрушительного разгрома можно было на несколько лет выйти из войны, чтобы заняться военной реформой и поставить на ноги армию. Однако царь заставил ее овладевать победной тактикой в боях. Линейный порядок дал прочную структуру и коллективную волю всем родам войск.

Целью Карла XII при выходе из Саксонии в 1708 г. было разрушение России. Законы войны одинаковы во все времена, и русское командование приняло решение помимо укрепления западной части страны, изнурять противника малой войной, опустошать местность вокруг него, держать в тревоге и сдерживать на переправах. Русская стратегия и тактика 1707–1709 гг. обессилили противника. Оборонительная кампания Петра I привела «восточный поход» Карла XII к катастрофе[327].

Великая Полтавская победа стала одной из тех, которые определяют ход мировой истории, стала судьбоносной для нескольких стран Восточной и Северной Европы. Шведское королевство уже не воспринималось смертельной угрозой. Теперь шведы стали уклоняться от крупных баталий с русскими. После Полтавской победы северный сосед начал испытывать страх перед русским военной мощью[328]. Для Швеции открылся путь к стандартному государству Северной Европы[329].

Полтавская битва определила великодержавие России так же, как битва под Веной 1683 г. — великодежавие Габсургов, как сражение у Седана 1 сентября 1870 г. привело к созданию Германской империи в 1871 г. «В свете неслыханная виктория» заложила прочное основание не только под новую столицу — Петербург, но под Романовскую империю.

Звездный час Петра Великого 27 июня 1709 г. вознес престиж русской армии. Военная сила стала опорой монархии, дворянство стало сплачиваться вокруг военной службы. Блестящая победа может считаться образцом военного искусства и примером русской самоотверженности. Военные действия в конце июня 1709 г. освободили от шведской оккупации Украину, [330] Речь Посполитую и возродили Северный союз. Балканские христиане стали связывать свои надежды на избавление от турецкого господства с Россией.

С 1709–1714/1715 гг. русская военная доктрина и стратегия стали наступательными. Решающим фактором стали считаться полевые сражения. В заключительный период войны 1715–1721 гг. вместо ударов по окраинам Шведского королевства стали «с храбростью задирать сердце земель» Карла XII. Ожидалось вступление царя в Стокгольм. «Трехвременная школа» закончилась победным миром в Ништадте 30 августа 1721 г., после которого царь Петр был провозглашен императором, Отцом Отечества и Великим.

Быстрота и эффективность петровской военной реформы были уникальными в мировой истории. Всего за 9 лет произошли громадные перемены в структуре и духе войска «белого царя». Эта реформа изменила русскую военную историю, подняла авторитет центральной власти и на два века «дала дыхание» самодержавию. Другая кардинальная реформа русского военного дела была проведена лишь в 1862–1874 гг.

Петр I не только дал России регулярную армию, но ввел в нее новые идеи и сделал инструментом культурного и государственного строительства. Как и Густав II Адольф, Петр I создал национальную военную школу, соединив старое и новое. Прежнюю личную воинскую повинность дворянства царь сделал всеобщей. Правило мобилизации дворян на бессрочную постоянную службу окончательно утвердилось к 1705 г. Важной была роль гвардейских полков, в которых рядовыми служили дворяне. Через офицерский корпус крепилась боеспособность армии. Выборные дворянские роты поставляли командный состав в армейские полки.

Крестьянская община незаметно перекочевала в армию. Уникальной в истории армий Европы были русские солдатские артели, ведавшие общим питанием и хозяйственным бытом служивых. В артели солдаты имели свою собственность — артельных лошадей, телеги, котлы, ротные деньги. С Петра I армия была почти на самообеспечении — солдаты ковали, плотничали, пекли хлеб, поварили, шили и стригли друг друга.

Русская армия, набранная из тягловых великорусских крестьян, как и шведская, была национально, социально, конфессионально и психологически однородной. Артели и землячество усиливали солдатское братство, уменьшали дезертирство. Сильным стимулом военной службы стало освобождение от крепостной зависимости. Солдат имел перспективу дослужиться до офицерского чина и даже получить дворянство.

Палка прусских офицеров в XVIII в. работала с утра до вечера, выколачивая из наемного сброда послушных солдат. Русский крестьянин как в XVII, так и в XVIII в. был приучен к послушанию помещику крепостным бытом. И хотя офицер в XVIII в. должен был видеть в солдатах не крепостных, а свободных, в полках у рядовых с командиром часто складывались патриархальные отношения, как в деревне.

Военные историки выделили военное новаторство Петра Великого, но оставили без внимания использованные им приемы старорусского военного дела. В петровское время и позже, как и в XVI–XVII вв., кадры вооруженных сил намечались по городам, собирались по спискам и вызывались на «генеральные смотры» с сыском «нетчиков». Опыт гигантских засечных линий был использован против шведов на западном театре военных действий в виде «линии Петра I».

На традициях мощной русской артиллерии и пушкарей с их корпоративным сознанием, честью и долгом (вспомним повесившихся на стволах своих орудий московских пушкарей под Венденом в 1578 г., когда батарее грозил захват врагом), вырос невиданный для Восточной Европы орудийный парк. В 1725 г. в России было 5 тыс. стволов на суше и 4 тыс. на кораблях[331].

В конце XVI в. в Российском царстве была массовая армия примерно в 75 тыс. чел. в конце XVII в. — 110 тысяч. На 15 января 1726 г. 26 драгунских полков насчитывали 30 238 чел., 40 полевых пехотных полков — 52 436 чел., в Низовом корпусе (9 драгунских и 9 пехотных полков) было 9 624 драгуна и 13 402 пехотинца. В гарнизонах насчитывалось 78 тыс. чел., в артиллерии — 4 тыс., иррегулярных войск было до 35 тысяч[332].

Петр I не отказался от восходящих к степной древности опустошительных набегов с угоном населения, а также скорых, без обозов, рейдов и погонь знаменитыми, так поразившими европейцев «корволантами».

О русской школе военного искусства свидетельствует и ориентация на традиционную для Восточной Европы многофункциональную конницу (драгун) а не на распространенных в Центральной и Западной Европе кирасир. Как и у степных народов, русская кавалерия (и пехота) была приспособлена к сверхдальним маршам.

Большое впечатление на противников производила иррегулярная конница Руси. При Петре I казачество прочнее, чем раньше, оказалось привязанным к государству. Не отказался царь и от использования инонациональных формирований — калмыцких, татарских, башкирских, украинских.

Типично «русская» специфика проглядывает и в тактике полевых сражений. Даже в наступательной войне предпочтительнее принимать атаку противника на хорошо укрепленной позиции, будучи в обороне. Петр I, как и полководцы XVI–XVII вв., до 1709 г. отдавал предпочтение оборонительным сражениям. Такая тактика продолжалась и в XVIII и в XIX вв. Вспомним Ставучаны 1739, Кунерсдорф 1759, Прейсиш-Эйлау и Фридланд 1807, Бородино 1812. Удачные легкие фортификационные сооружения на полях битв, так восхищавшие французского полководца Морица саксонского восходят к таборам русских ратей XVI XVII вв. Туры, фашины, валы и рвы, модернизированные в соответствии с требо-

ваниями времени, были при Петре в ходу также, как и в допетровское время. Наступательная тактика, которой прежде отличались шведы, начала активно внедряться после Полтавской победы.

Не разрушил Петр I и стержень духа русской военной силы -православие. Священники, как и прежде, воодушевляли на заступничество Богородицы. Русский национальный герой — Александр Невский стал защитником новой столицы — Петербурга. Иконы и небесные покровители — все было мобилизовано для вдохновения солдат. Перед походом и на маршах ратников также исповедовали и причащали. Войска, стены крепостей и пушки освящались святой водой. Православной церкви было вменено в обязанность прославлять все светские и военные праздники и юбилеи. Остался жить идущий с древности национальные военный девиз: «С нами Бог, никто же на ны!».

Знаменитая солдатская присяга Петра Великого, которую повторяли русские воины вплоть до 1917 г., представляла собой сокращенный вариант русской присяги XVII в.

Петр успешно продолжил борьбу с душившим старорусское войско местничеством, которое оставалось живучим и в XVIII в. Честь «породы» царь заменил честью службы Отечеству.

Военный историк А.К. Байов перечислил многие упомянутые «национальные черты русской школы военного искусства», но не оговорил, что большинство этих черт — это специфика Востока.

С Петра I идут и совершенно новые национальные особенности русской военной школы. Военное обучение на поле боя формировало культ доблести, подвига и долга. Солдаты приучились принимать убийственный огонь в лицо. Русская армия была одной из немногих, которая была способна выдерживать довольно высокие потери.

Царь заложил склонность к рукопашному штыковому бою, которая расцвела во второй половине XVIII в.

Из застаревших недочетов можно указать на слабую маневренность на поле боя (в эпоху наполеоновских войн она была такой же, как в Северной и Семилетней войне.)

Отвращение к регулярной постоянной службе не удалось преодолеть в первой четверти XVIII в. «Петровские семена» проросли позже. Во время Семилетней войны в солдатах уже был «дух удальства и молодечества». Относительно слабой оставалась выучка кавалерии, которую приходилось укрывать за румянцевскими и суворовскими каре также, как внутри таборов в эпоху Крымских походов 1687/1689 гг. Только к началу XX в. русская регулярная конница стала одной из лучших в Европе.

Линейные победы Петра Великого законсервировали приверженность к плотному строю. Еще во время наполеоновских войн Русская армия строилась в 2–3 линии с полковыми пушками в интервалах между баталь-

онами. Плотным строем и в колоннах пехота ходила в атаки и в Крымскую войну 1853–1856 гг.

За 1700–1721 гг. русская армия трижды сменила свой состав. Петр I пропустил все сословия через такую суровую «трехвременную школу», что она определила исторический опыт и психологию потомков.

Как только разжалась железная десница самодержца, армия и флот остались без руля и ветрил. Наступило безвременье, но царь-реформатор дал стране такой мощный импульс, что даже при небрежении правителей, держава Петра Алексеевича не сползла снова в XVII в.

При императрице Анне Иоанновне (1730–1740) самодержавие воскресло, но генерал-фельдмаршал Б.Х. Миних заменил петровское боевое обучение немецкими экзерцициями. Миних не понимал, что в однородной конфессионально и социально русской армии, где великорусские рекруты изначально почитали офицера за барина, муштра была не нужна. Часть национальных целей исчезла, однако черноморская и «польская» программы Петра I были продолжены. Война за Польское наследство в 1733–1735 гг. вылилась в легкие маневры из-за упадка польской боеспособности. «300 русских не сворачивали ни шага с дороги, чтобы избегнуть встречи с 3000 поляков» (Х.Г. Манштейн.) Миних не был Евгением Савойским, как называл его Фридрих Великий. Ради отвоевания Азова и овладения Причерноморьем с Крымом, Миних в 1737–1739 гг., забыв все заветы Петра I, гонял на юг придушенные немецкой муштрой 100-тысячные каре. Но муштра Миниха не «перешибла» наследия Петра Великого.

При Елизавете Петровне страна стряхнула бироновщину и на арену вышло поколение, с «младых ногтей» впитавшее петровские понятия о чести, Отечестве и «общем благе». Новая дворянская поросль приняла имперскую идеологию и рвалась на войну, в отличие от предков XVII в. Произошло чудо: малоподвижная, необстрелянная, с низкой меткостью ружейного огня, армия Елизаветы сделала в Семилетнюю войну больше, чем все противники Фридриха II Великого, вместе взятые. Боевой дух выправлял плачевную неграмотность офицерского костяка. Под Цорндорфом 14 августа 1758 г. русская армия в невыгодной позиции и без бежавшего с поля боя генерал-аншефа В.В. Фермора, выстояла в десятичасовом бою, несмотря на чудовищные потери — 54% убитыми, ранеными и пленными. Таких потерь не выдерживала ни одна армия в мире! Победа 1 августа 1759 г. под Кунерсдорфом поставила Пруссию на грань гибели. Вторично после Петра I в Европе стали всерьез считаться с Россией.

Через семь десятков лет после начала петровских реформ русская армия поднялась к зениту славы, опередив шведскую, прусскую, австрийскую и французскую. Произошло это не только из-за расцвета русского феодализма, высокого уровня производства чугуна и железа и распространения крепостных мануфактур. Россия в то время стала выполнять

миссию освобождения континента православной цивилизации — греков, сербов, болгар, валахов, молдаван, украинцев, белорусов, грузин, армян от исламского и католического гнета (позже — освобождения Европы от империи Наполеона.)

Войны России за «великий греческий проект», за права православных в Речи Посполитой отвечали народному идеалу брани с «басурманами» и находили сочувствие у белорусов и украинцев. Произошел невиданный со времен 1612 г. взлет русской гордости и самосознания. От генералов до солдат все вдохновлялись «русской идеей» с боевым кличем «Бог за русских!». Самопожертвование за веру и сакральную царскую власть вдохновляло великороссов не меньше, чем французов за «Свободу, равенство, братство» после 1789 г.

В 1770–1790-е годы неповоротливость русской армии сменилась подвижностью. Пассивная стойкость времен Семилетней войны преобразилась в атакующий натиск, огромные потери прекратились, русские стали побеждать меньшинством. «Ломовая пехота» Екатерины II ходила в атаки под гром маршевой музыки, с «готовностью рвать на штыках». Вера в непобедимость создала победный боевой дух. «Послушные как агнцы в лагере, солдаты в бою были свирепыми львами» (Ф. фон Смит.) Ветераны-профессионалы чувствовали превосходство над любой армией мира. Моряки смело выходили на бой против линейных кораблей противника. Ни одна армия, кроме русской, не практиковала такие крупномасштабные, порой с убитыми и ранеными, маневры-бои.

17–19 июня 1799 г. при Треббии солдаты шли в атаку с песенниками, а А.В. Суворов посылал инструкторов в австрийскую армию обучать штыковому бою. В том же году Фредерик герцог Йоркский, фельдмаршал британской армии просил придать каждой английской колонне по роте фанагорийских гренадер, чтобы в атаке они своим бесстрашием впечатляли врага. Г.А. Потемкин вывел формально не отмененные телесные наказания, и армия Екатерины II стала отличаться от войск Фридриха II, Иосифа II и Людовика XVI.

На гребне петровских традиций взошла слава «золотого века Екатерины» — П.А. Румянцева и А.В. Суворова. По военной гениальности Суворов пошел дальше Петра I и был предтечей Наполеона — он применял «стратегию сокрушения», решая генеральной битвой исход войны. Без обозов форсированными маршами он бросал армию в уязвимые места противника и, компенсируя недостаток сил, мог на расстоянии устрашать поляков, турок, шведов, а в 1799 г. и французов. На петровской «закваске» в XVIII–XIX вв. держались традиции военных советов, тысячеверстных походов, «летучих корпусов», мощной артиллерии, русской гвардии, рекрутских наборов до 1874 г. и устремленности нашей страны к океанским просторам.

Северная война ввела в национальное сознание понятие русского великодержавия. После победы в 1721 г. Россия стала обладать одной из самых сильных армий мира. Православная империя в глазах Европы из окраинной и третьеразрядной страны превратилась в «евразийского гиганта» и ключевое государство Восточной, Северной и Центральной Европы.

Примечания

[1] *Энглунд П.* Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 52.

[2] *Бескровный Л.Г.* Стратегия и тактика Русской армии в Полтавский период Северной войны // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сб. статей. М., 1959. С. 42, 46; История Северной войны 1700–1721 гг. М., 1987. С. 81.

[3] *Lewenhaupt A.L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse med bilagor. Stockholm, 1952. S. 220.

[4] *Weihe Fr. Chr.* Löjtnanten Fr. Chr. von Weihes dagbok 1708–1712 // Historiska handlingar. Stockholm 1902. Del 19. № 1. S. 39. Вайе оценивает численность гарнизона в 4 тысячи чел. П.А. Кротов дает цифру в 2200 чел. См.: *Кротов П.А.* Битва при Полтаве. К 300-летней годовщине. СПб., 2009. С. 157. Фридрих II писал, что Карл XII, будучи полевым полководцем, не понимал толк в осадах // Разсуждения Фридерика II, короля прусского о свойстве и воинских дарованиях Карла XII. М., 1789. С. 35.

[5] *Гилленкрок А.* Современное сказание о походе Карла XII в Россию // Военный журнал. 1844. № 6. С. 90, 91.

[6] ППВ. Т. 9. С. 874.

[7] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 13. Л. 61.

[8] ППВ. Т. 9. С. 174.

[9] ГСВ. Вып. 1. С. 298–299.

[10] *Adlerfeld G.* Leben Carl des Zwölften, König von Schweden. Frankfurt und Leipzig, 1742. T. 3. S. 210.

[11] ППВ. Т. 9. С. 184.

[12] *Adlerfeld G.* Op. cit. S. 210.

[13] *Гилленкрок А.* Современное сказание... С. 94–95.

[14] *Petre R.* Robert Petres dagbok // KKD. Lund. 1901. Bd. 3. S. 251.

[15] «Шведы между тем с Полтавы города взяли 3 пушки, но за приключившимся рвом и водою ничего зделать не могли», — записал в другом месте Алларт // РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 13. Л. 61 об. — 62.

[16] ППВ. Т. 9 С. 884.

[17] *Adlerfeld G.* Op. cit. S. 211.

[18] ППВ. Т. 9. С. 883–885. Возможно, шведы сочинили легенду, что на вопрос их постов «Кто идет?» «голландский офицер», якобы командовавший русским десантом, ответил, что идет отряд // *Jeffreyes J.* Captain James Jeffreyes's Letters to the Secretary of State, Whitehall, from the Swedish Army 1707–1709 // Historiska

handlingar. Stockholm, 1953. № 35/1. P. 73. В русских источниках нет указаний об этом. Полк пехоты, выбиравшийся из реки, неизбежно должен был вызвать подозрение у шведских караульных.

[19] ГСВ. Вып. 1. С. 299.

[20] Редан — открытые с тыла укрепления из двух фасов, выступающих в сторону противника под углом в 60–120 градусов, и рва перед ними. Реданы позволяли вести фланговый огонь. Редут — сомкнутое полевое укрепление в виде многоугольника, подготовленное для круговой обороны.

[21] Ретраншемент — полевое укрепление, оборонительная постройка часто с бастионами, редутами и реданами для прикрытия лагеря войск или полевых позиций.

[22] Штерншанец — звездообразное сомкнутое полевое укрепление.

[23] *Petre P.* Op. cit. S. 254.

[24] *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. S. 42–43.

[25] *Siltmann D. N.* «Volontären» vid Svenska armen preussiske öfverstlöjtnanten baron D.N. v. Siltmanns dagbok 1708–1709 // KKD. Lund, 1907. T. 3. S. 314–315; *Weihe Fr. Chr.* S. 43–44. Алларт считал, что бригадир Головин «после несколких дней паки намерен был возвратится чрез реку Ворсклу, где его и в полон взяли».

[26] *Siltmann D.N.* Op. cit. S. 315.

[27] *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. S. 43.

[28] *Petre P.* Op. cit. S. 255. Петре пишет о том, что жители отбивались от шведов подручными средствами. Косы, вилы и топоры были в каждом дворе. Следует отклонить гипотезу П.А. Кротова о том, что вооруженные горожане не участвовали в обороне Полтавы // *Кротов П.А.* Битва при Полтаве. С. 158. Шведские источники свидетельствуют, что украинцы сражались в Веприке, в Тернах и др.

[29] *Lewenhaupt A. L.* Op. cit. S. 223.

[30] *Krman D.* Itinerarium. Cestovny dennik z rokov 1708–1709. Bratislawa, 1969. S. 101.

[31] Так писал Келин Меншикову // ППВ. Т. 9. С. 862.

[32] *Petre P.* Op. cit. S. 263.

[33] *Эриксон-Вольке Л.* Импульсы к проведению военных реоформ // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур / Под ред. Т. Тоштендаль-Салычевой и Л. Юнсон. Сб. статей. М., 2009. С. 289; Lewenhaupt A. Karl XII: s officerare. Biografiska anteckningar. Stockholm, 1921. S. 127.

[34] *Petre P.* Op. cit. S. 263.

[35] А.Д. Меншиков — Петру 128 мая. — ППВ. Т. 9. С. 885.

[36] ТИРВИО. СПб., 1909. Т. 3. С. 197; *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. S. 49.

[37] *Siltmann D. N.* Op. cit. S. 318.

[38] *Siltmann D.N.* Op. cit. S. 319. Вайе уменьшил потери до 15 убитых и 11 раненых. *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. S. 47. Г.И. Головкин в расчете на будущего датского союзника, сообщал 10 июня послу в Дании В.Л. Долгорукову, что полтавчане «300 шведов трупом положили. И мочно сказать, что неприятель есть паче от нас

в осаде, нежели оная помянутая крепость от него. И вскоре чаем знатных действ над ним» // ППВ. Т. 9. С. 928.

[39] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 13. Л. 61 об.

[40] Перебежчики, покинувшие Мазепу, сообщали, что тот «потерял у шведов кредит. И шельмою его все называют за неправды» // ППВ. Т. 9. С. 929, 931.

[41] ППВ. Т. 9. С. 932.

[42] *Petre P.* Op. cit. S. 278.

[43] *Lewenhaupt A.L.* Op. cit. S. 228.

[44] *Krman D.* Op. cit. S. 104–105, 109, 114.

[45] *Lewenhaupt A.L.* Op. cit. S. 224.

[46] *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. S. 47.

[47] Обоим король велел выдать по 50 талеров // *Siltmann D.N.* Op. cit. S. 316. Шведы для устрашения украинских сторонников России проводили не менее жестокие экзекуции. Перед тем как шведы сожгли Опошню, «состоялась экзекуция над четырьмя крестьянами — их повесили, однако два сына и один батрак этих крестьян были помилованы» // Там же. S. 310.

[48] Скорее всего, это были не черепахи, а лягушки.

[49] *Petre P.* Op. cit. S. 270–271.

[50] *Gyllenstierna N.* Nils Gyllenstiernas berattelse // KKD. Lund, 1913. S. 86.

[51] *Siltmann D.N.* Op. cit. S. 319.

[52] *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. S. 48; *Siltmann D.N.* Op. cit. S. 321.

[53] *Siltmann D.N.* Op. cit. S. 322–333.

[54] РГАДА. Ф. 17. Оп. l. Д. 91 доп. Л. 357.

[55] Петр I — А.С. Келину 11–12 июня 1709 г. // ППВ. Т. 9. С. 207–208.

[56] ППВ. Т. 9. С. 204–206. Об атаке с трех направлений донес прислуживавший у русского офицера шведский пленный, захваченный при Лесной // *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. C. 48.

[57] ППВ. Т. 9. С. 216.

[58] Петр I — царевичу Алексею Петровичу 15 июня. Г.И. Головкин — послу в Дании В.Л. Долгорукову около 16 июня 1709 г. // ППВ. Т. 9. С. 210–211, 945–946.

[59] *Petre P.* Op. cit. S. 274.

[60] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 13. Л. 61 об. – 62.

[61] ППВ. Т. 9. С. 211, 946. Переяславский полк не был восстановлен, но расформирован до генеральной битвы // *Кротов П.А.* Полтавская битва: новые материалы по спорным вопросам // Полтава. К 300-летию Полтавского сражения. Сб. статей. М., 2009. С. 143.

[62] *Petre P.* Op. cit. S. 274–275. Был захвачен и обоз драгунского полка И.А. Мейефельта. Он был сформирован в 1703 г. и пленен в Переволочне в 1709 г.

[63] *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. S. 49; *Jeffreyes J.* Captain James Jeffreyes's Letters ... S. 74.

[64] ГСВ. Вып. 1. С. 159. За день до Полтавской битвы Меншиков писал жене: «...чаем, что неприятель вскоре принужден будет место сие оставить и идти да-

лее, когда надеемся, при помощи Божией. С городом коммуникацию свободную получить» // ППВ. Т. 9. С. 974.

[65] Г.И. Головкин — В.Л. Долгорукому после 16 июня // ППВ. Т. 9. С. 947.

[66] *Siltmann D.N.* Op. cit. S. 324.

[67] ППВ. Т. 9. С. 947.

[68] *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. S. 50.

[69] *Anusik Z.* Karol XII. Wroclaw; Warszawa; Krakow, 2006. S. 235.

[70] Об этом же писал Р. Петре 14(15) мая: «Я пришел на вахту, когда полковник Бюнов заканчивал с двух батарей бомбардировку города, включая и калеными ядрами. Его Королевское Величество на сей раз не желал давать разрешения на продолжение канонады и после 11 часов вечера она была прервана вопреки полковнику, который, как я слышал, просил разрешения продолжить ее на 6 часов после чего Его Величество добьется желаемого. Но Его Королевское Величество похлопал полковника по плечу, назвав того «дедушкой», и попросил быть не столь сердитым. Мы всегда видели его добросердечным, но на этот раз он как никогда был переполнен этим чувством. Таким образом, нельзя ничего другого заключить, что в намерение Его Величества не входило овладение городом, как бы он этого не желал, несмотря на его большие усилия. Надо полагать, теперешний план Его Королевского Величества состоял только в том, чтобы испытать, будет ли противник держаться и защищать город, к чему Его Величество никогда не мог его принудить со времен Головчина» // Petre P. Op. cit. S. 253.

[71] *Lewenhaupt A.L.* Op. cit. S. 225–226.

[72] *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. S. 51.

[73] *Lewenhaupt A.L.* Op. cit. S. 226–228.

[74] *Горяинов С.М.* Записки сподвижника Карла XII. К истории Северной войны // Журнал императорского Русского военно-исторического общества. СПб., 1910. Кн. 2. С. 34.

[75] *Adlerfeld G.* Op. cit. S. 264.

[76] *Petre P.* Op. cit. S. 278–281.

[77] Зильтман писал, что в редутах Ренне находилось 6–7 тысяч человек // *Siltmann D.N.* Op. cit. S. 324. Левенгаупту показалось, что русских «больших редутов» к 18(19) июня было уже семнадцать // *Lewenhaupt A.L.* Op. cit. S. 228.

[78] Как указывалось выше, Карл в то время находился в другом месте.

[79] ППВ. Т. 9. С. 947–948.

[80] *Petre P.* Op. cit. S. 281–282.

[81] *Siltmann D.N.* Op. cit. S. 324–326.

[82] *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. S. 52.

[83] «В 25 день уведомились, что король швецкой подъезжал сам осматривать росийской лагерь и наехал ночью на российскую казацкую малую партию, которая стояла неосторожно, и некоторые из оной казаки сидели при огне. Что он, усмотря, наехал с малыми людми и одного из них, сошед с лошади, сам застрелил.

Которые казаки, вскоча, ис трех фузей по нем выстрелили и прострелили ему в то время ногу, которая рана ему весьма жестока была» // ГСВ. Вып. 1. С. 301.

[84] Там же. См. также ППВ. Т. 9. № 3233, 3234 и прим.

[85] *Колосов Е.Е.* Артиллерия в Полтавском сражении // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М. 1959. С. 3.

[86] *Молтусов В.А.* Полтавская битва: уроки военной истории 1709–2009. М., 2009. С. 196.

[87] Таким образом, Петр не исключал того, что отбить противника от Полтавы не удастся и во второй половине июля. Петр I — А.С. Келину 19 и 26 июня // ППВ. Т. 9. С. 216–217, 225.

[88] Б.П. Шереметев — Я.В. Брюсу 18 июня // ППВ. Т. 9. С. 966–967.

[89] Подробнее о переправе см.: Молтусов В.А. Полтавская битва: уроки военной истории. С. 197–199. На плане Алларта показано движение части пехоты к мосту и предмостному шанцу к югу от Полтавы. Не было ли это обманным движением?

[90] *Молтусов В.А.* Полтавская битва: уроки военной истории… С. 196–199.

[91] *Petre P.* Op. cit. S. 283.

[92] Там же.

[93] *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. S. 53.

[94] *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. S. 54.

[95] *Гилленкрок А.* Сказание… С. 102.

[96] *Krman D.* Op. cit. S. 106.

[97] А.С. Келин — А.Д. Меншикову 21 июня из Полтавы // ППВ. Т. 9. С. 967.

[98] *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. S. 55.

[99] Ни в Кобеляках, ни на р. Самаре крымской орды ни весной, ни тем более в августе 1709 г., как пишет В.Е. Возгрин, не было. Неосторожно доверять пропаганде королевской канцелярии, стремившейся до последнего подкреплять дух шведов. См.: *Возгрин В.Е.* Военно-политический конфликт в период пребывания Карла XII в Турции (1709–1714) (по неопубликованным источникам) // Проблемы войны и мира в эпоху Нового и Новейшего времени. СПб., 2008. С. 60. Чтобы подойти к р. Самаре, и тем более к Кобелякам (т. е. на расстояние в 56 км от Полтавы, орде надо было миновать русские крепости Каменный Затон, Новобогородицкую и Новосергиевскую. 28 июня при отступлении к Днепру шведы также не встретили в Кобеляках ни одного крымского татарина. Хан Девлет-Гирей в соответствии с османским запретом (см. ППВ. Т. 9. С. 897) ничем не помог бегущему через Дикое поле шведскому войску.

[100] См. напр.: *Бескровный Л.Г.* Стратегия и тактика Русской армии в Полтавский период Северной войны // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 51.

[101] *Кротов П.Н.* Битва при Полтаве… С. 301–344.

[102] Так рассказывал переводчик с польского языка при Кройце «цесарец Езоф Миллер», выехавший 23 июня. Он же добавлял, что все шведы стали худы и недовольны провиантом, особенно «в питье», однако офицеры «довольствуют их

куражом и отчасти придают им сердца на словах» // РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. Д. 91 доп. Л. 368.

[103] ППВ. Т. 9. С. 218, 222.

[104] ППВТ. 9. С. 222, 976.

[105] 10 июля, после победной битвы, Петр указал 3000 лопат, которые он затребовал к Полтаве, перебросить в Смоленск, а оттуда, видимо, под Ригу // ППВ. Т. 9. С. 284.

[106] ГСВ. Вып. 1. С. 301.

[107] *Колосов Е.Е.* Артиллерия в Полтавском сражении. С. 103; ТИРВИО. Т. 3. С. 273.

[108] ГСВ. Вып. 1. С. 301; Г.И. Головкин — П.А. Толстому 26 июня // ППВ. Т. 9. С. 979–980.

[109] *Гольденберг Л.А.* Картографические источники XVIII в. о военных действиях в 1708–1709 гг. // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 384–385. Полтавский историк В.А. Молтусов в кандидатской диссертации собрал несколько малоизвестных карт, относящихся к периоду Полтавской битвы, которые существенно проясняют инженерную подготовку поля сражения. — *Молтусов В.А.* Полтавская битва. Новые факты и интерпретация. Харьков, 2002. Приложения 1–15. План генерала Галларта // Журнал Общества ревнителей военных знаний. 1909. Кн. 3. Комплект карт. Прил. 5. На этом плане, большая часть которого составлялась из-за Ворсклы, детально показаны русские и шведские укрепления вдоль реки, 2 предмостных шанца, 2 редута к югу от ретраншемента для прикрытия русской конницы, но сильно сжат масштаб с севера на юг. Видимо, не удалось успеть показать продольные редуты, очень приблизительно намечено расположение шведской армии до битвы и ее движение на поле боя.

[110] Бастион — пятиугольное укрепление, на котором устанавливаются пушки для обстрела рва по обе стороны от бастиона и пространства перед ним. Передние стороны бастиона называются фасами, боковые — фланками, вход на бастион с внутренней стороны — горжей.

[111] *Молтусов В.А.* Полтавская битва: уроки военной истории... С. 218, 225, 297. Вряд ли были сооружены еще 2 многоугольных шанца у южной стороны ретраншемента (там же. С. 226), которые можно обнаружить на нескольких планах и гравюрах. Скорее всего, это был неосуществленный проект.

[112] *Колосов Е.Е.* Артиллерия в Полтавском сражении... С. 104.

[113] «Вчерась абоз свой перенесли мы сюда и хотя ближе к неприятелю, только зело в удобном месте стали и тражамент построили и чаем, что неприятель вскоре принужден будет место свое оставить в итти дале, когда надеемся при помощи божии з городом комоникацую свободную получить... опасности никакой нет, понеже все стоит в одном месте и наша армея вся здесь в совокуплении». — А.Д. Меншиков — Д.М. Меншиковой 26 июня 1709 г. // РГАДА, ф. А.Д. Меншикова. Оп. 1. Д. 1170. Л. 152–153.

[114] *Гилленкрок А.* Современное сказание... С. 104.

[115] *Jägerskiöld S.* Några aktstycken av David Natanael von Siltmanns hand rörande verksamheten vid Svenska armen 1708–1709 // KFÅ. 1937. S. 171.

[116] *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. S. 56.

[117] *Krman D.* Op. cit. S. 107.

[118] *Krman D.* Op. cit. S. 108–109.

[119] *Carlsson E.* Karl XII och kapitulationen vid Perevolotjna // KFÅ. 1940. S. 98. Г. Виллиус в 1951 г. писал о 8 тысячах освобожденных от участия в битве.

[120] *Кан А.С.* Шведские историки о Полтавской битве // История СССР. 1959. № 4. С. 190. До этой статьи об этих населенных пунктах, важных для ориентации расположения шведов, не упоминал ни один отечественный историк, так как сведений о них не имелось в русских источниках.

[121] ППВ. Т. 9. С. 984.

[122] *Lewenhaupt A.L.* Op. cit. S. 231.

[123] «Если подобная армия разрезана была пополам, то она оказывалась чем-то вроде разорванного дождевого червя, части были еще живы и подвижны, но природные функции организма уже прекратились» // *Клаузевиц К.* О войне. М., 2002. Т. 1. С. 262.

[124] Молтусов пишет о 1500 м. См.: *Молтусов В.А.* Полтавская битва: уроки военной истории... С. 225. Ранее этот автор полагал, что продольные редуты уходили вглубь поля на 500–600 м // *Молтусов В.А.* Полтавская битва. Новые факты и интерпретация. Дисс. ... канд. истор. наук. Харьков, 2002. С. 108–109. Имеет смысл повторить постройку одного редутов, чтобы узнать, за какое время 4–5 сотен человек управятся с работой и какой объем работ можно произвести примерно за 5 часов ночного времени.

[125] *Кротов П.А.* Полководческое искусство Петра I и А.Д. Меншикова в Полтавской битве. К 300-летию Полтавской победы // Меншиковские чтения 2007. СПб., 2007. Вып. 5. С. 62–65.

[126] *Колосов Е.Е.* Артиллерия в Полтавском сражении... С. 96, 104.

[127] *Уредссон С.* Карл XII // Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы. М., 1999. С. 40–42. См. также: *Svensson A.* Karl XII som fältherre. Stockholm, 2001.

[128] *Карлссон О.* Швеция после Полтавы: экономика и политика после катастрофы // Полтава. Судьбы пленных... С. 344.

[129] *Артеус Г.* Карл XII и его армия // Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы. М., 1999. С. 157–163.

[130] *Шебалдина Г.В.* Сибирские мемуары каролинов: о своих и о чужих // Полтава. Судьбы пленных... С. 58.

[131] *Молтусов В.А.* Полтавская битва: уроки военной истории... С. 284–286.

[132] *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. S. 56.

[133] *Lewenhaupt A.L.* S. 232.

[134] *Jeffreyes J.* Op. cit. P. 78.

[135] Сб. РИО. Т. 50. 196. Шведский Генеральный штаб в 1918 г. рассчитал численность в 22 тыс. 450 чел. П. Энглунд — 24300 чел. См.: *Энглунд П.* Полтава. С. 55.

[136] РГАДА. Ф. 17. Оп. 1. 91 доп. Л. 367–368 об. Однако запорожцев и мазе-пинцев король оставил у обоза, не поручив им вспомогательного рейда по тылам, хотя бы против казаков Скоропадского.

[137] *Jägerskiöld S.* Några aktstycken av David Natanael von Siltmanns… S. 171.

[138] Karl XII päslagfältet. Stockholm, 1918. Bd. 3. S. 787.

[139] Generalmajor Creutz' relation med bilagor // Lewenhaupt A.L. Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse med bilagor. Stockholm, 1952. S. 285–286. Направление шведской атаки в обход хаток Малых Будищ через ручьи и болотные места Петр, видимо, считал неопасным.

[140] Прусский генерал-фельдмаршал Д. Кейт, служивший в России с 1727 г., был убежден, что Карл XII даже с армией в 100 тыс. человек не одержал бы верх на этой позиции // *Кротов П.А.* Битва при Полтаве… С. 130.

[141] Сб. РИО. СПб., 1886. Т. 50. С. 195. Как указывалось, свободное пространство между д. Павленко и продольными редутами русская разведка не держала под наблюдением.

[142] *From P.* Katastrofen vid Poltava. Karl XII: ryska fälttåg 1707–1709. Lund, 2007. S . 307–309.

[143] *Roos K.* Generalmajor Roses relation // KKD. Lund, 1903. Bd. 2. S. 219.

[144] *From P.* Op. cit. S. 309.

[145] *Григорьев Б.Н.* Карл XII, или Пять пуль для короля. М., 2006. С. 325.

[146] «Обстоятельная реляция о Полтавской битве // ППВ. Т. 9. С. 258; В Дневнике Полтавской битвы было написано, что шведский король вывел свою армию между первым и вторым часом ночи «во втором часу по полуночи» // ТИРВИО. Т. 3. С. 276. На этой основе возникла легенда о ночевке шведов «поблизости от редутов» и о выступлении их во втором часу по полуночи».

[147] Шведы выступили в 2 часа ночи 27 июня // *Бескровный Л.Г.* Стратегия и тактика… С. 53.

[148] Тенгберг считает, что пехота вышла на исходные позиции около 2 ч. 30 м., а кавалерия около 3 ч. 45 м. — Tengberg. Karl XII och Ryssland. Stockholm, 1958. S. 35.

[149] Полтавская реляция генерал-квартирмейстера Акселя Юлленкрука. Публ. и пер. Е. Чевкиной // Военно-исторический журнал. Старый цейхгауз. Специальный совместный выпуск. М., 2009. С. 103.

[150] *Lewenhaupt A.L.* Op. cit. S. 238.

[151] *Weihe Fr.* Chr. Op. cit. S. 58.

[152] *Lewenhaupt A.L.* Op. cit. S. 236–237.

[153] Родственник канцлера К. Пипера, Г.А. Пипер, ночевавший в вагенбурге у Пушкаревки, неточно отметил, что «с трех часов утра мы слышали залпы, которые удалялись» // *Piper G.A.* Minnen fran Karl: s ryska fälttåg och sin ryska fångenskap // Svensk bokskatt. Stockholm, 1902. № 22. S. 18. Более верную заметку оставил Лют, что атака на русскую кавалерию началась при восходе солнца (т. е. около 4 утра) // Lyths dagbok // Karolinerna dagböcker. Stockholm, 1958. S. 86.

[154] *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. S. 58.

[155] *Krman D.* Op. cit. S. 110–111.

[156] *Вольтер Ж.Ф.А.* История царствования Петра I. М., 1810. С. 200.

[157] *Энглунд П.* Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995. С. 101.

[158] *Юлленкрук А.* Полтавская реляция генерал-квартирмейстера Акселя Юлленкрука // Военно-исторический журнал. Старый цейхгауз. Специальный совместный выпуск. М., 2009. С. 104.

[159] Д. Крман, видимо, слышал от каролинцев, что в двух редутах было 20 пушек и король «оставил стеречь» их 300 шведов // *Krman D.* Op. cit. S. 110.

[160] *Lewenhaupt A.L.* Op. cit. S. 238.

[161] *Roos C.G.* Generalmajor Roses relation // KKD. Lund, 1903. Bd. 2. S. 219.

[162] *Энглунд П.* Полтава… С. 122–123; *Григорьев Б.Н.* Карл XII… С. 332–333.

[163] ГСВ. Вып. 1. С. 302. За умелое командование редутными гарнизонами С.В. Айгустов 13 июля 1709 г. был заслуженно по приказу Петра I произведен в генерал-майоры.

[164] Так показано на чертеже редутов и ретраншемента из Походной канцелярии Петра I. Вряд ли в дело пошли все 26 драгунских и конно-гренадерских полков численностью в 21 044 всадника, как считает Кротов. См.: *Кротов П.А.* Битва при Полтаве… С. 122, 152, 213. В узком дефиле шириной до 700 м разместиться такой массе коней было невозможно, к тому же часть конных полков надо было оставить при ретраншементе и при гетмане Скоропадском.

[165] «Я подъехал на край левого фланга, на котором были запорожские казаки и который был, по сути, в самом опасном положении, так как его поставили под угрозу иррегулярные части противника. Едва дошли до этого фланга, тысячи калмыков подняли истошный, вздымавшийся до неба крик, который нагнал такой страх, что там начали отступать… Погорский, поспешая на место битвы, вставил себе в шляпу пук соломы, чтобы его можно было отличить от москвитян. Он собирался чем-нибудь поживиться, может быть, добыть коней. Но когда увидел смятение, которое вызвали запорожцы, когда услыхал этот мерзкий рев калмыков, в котором ничего нельзя было понять, кроме постоянного «и-и-и», когда услышал свист пуль над нашими головами, то потерял всю отвагу… По промыслу Божьему мы сразу удалились, как только среди запорожцев снова вспыхнула паника и они пустились бежать, иначе мы бы встретились с вражеской кавалерией, которая вышла из города помочь своим в битве и наши уже усталые кони не могли бы унести нас от быстрых казацких коней к далекому обозу» // *Krman D.* S. 110–111; *Гилленкрок А.* Реляция о сражении при Полтаве // Военный журнал. 1845. № 3. С. 93;

[166] *Lövgren G.* Regementsfaltskären Jacob Schultz dagbokanteckningar 1697–1721 // KFÂ. 1948. S. 87; *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. S. 222.

[167] О том, что успех сражения в немалой мере был обязан распорядительности Ренне, говорил сам Петр. См.: Витворт — Бойлю 24 августа 1709 г. Сб. РИО. 50. С. 237.)

[168] Запись Алларта: «И как то учинилось, имел он сквозь те редуты маршировать, при которых веема блиско стоял генерал-лейтенант Рен с левым крылом ковалерии, которой генерал долгое время на том месте стоял. Оной генерал Рен был

тогда ранен. Потом кавалерии дан был указ, дабы оная помалу к ретранжаменту подвигалась и стояла бы пред ретранжаментом, в котором была инфантерия, ибо в том месте невозможно было полного зделать ретранжаменту, но токмо реданы, а инфантерия рогатками была заметана. Оныя реданы изрядно были пушками удоволствованы, отчасти болшими, да и 3-х, 6: 8: и 12: фунтовыя в том числе были» // РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 13. Л. 62 об. – 63.

[169] Так писал Алларт // РГАДА. Каб. ПВ. Ф. 9. Кн. 13. Л. 62 об.

[170] *Юлленкрук А.* Полтавская реляция... С. 104.

[171] В шведских исследованиях она неточно именуется «большим оврагом». На русских планах битвы и медалях, выбитых в честь Полтавской победы, расположение кавалерии Боура показано вдоль Побыванки. См. Полтавская битва 1709–1909. СПб., 1909. С. 240. Прил. 4, 16.

[172] П.А. Кротов считает, что всего погибло 973 драгуна, около 4%, из 29 сражавшихся полков // *Кротов П.А.* Полтавская битва 1709 г. ... С. 58. Всего за время сражения каждый драгунский полк потерял убитыми не так много — от 3 до 57 человек (2–9%) // Северная война... С. 524–525.

[173] Generalmajor Creutz' relation... S. 292–293. В шведской историографии до сих пор существует концепция Нордберга, по которой русские драгуны после третьей атаки были опрокинуты, бежали, завязли в болоте и были бы совершенно уничтожены во время преследования, если бы Крейц не получил «ужасный приказ» Реншельда прекратить преследование // *Nordberg G.* Leben Carls des Zwölften, König In Schweden. Hamburg, 1746. Bd. 2. S. 149.

[174] ГСВ. Вып. 1. С. 302.

[175] Там же.

[176] *Konov J. von.* Karolinen Rehnskiöld... S. 126.

[177] По крайней мере, одна пушка была выведена за редуты на поле. См.: *Кротов П.А.* Совершенный камень во основание Санкт-Петербурга (Полтавская битва: некоторые итоги и перспективы изучения) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. СПб., 2004. С. 81–82.

[178] Generalmajor Creutz' relation... С. 286. Неточно переведены вопросы царя шведским генералам Шарыпкиным // См.: *Шарыпкин Д.М.* Полтавские дневники шведов — полтавских пленников // Восприятие русской культуры на западе. Л., 1975. С. 72–73.

[179] *From P.* Op. cit. S. 323–324.

[180] *Adlerfeld G.* Op. cit. T. 3. 1748. S. 271. «Эффективный кавалерийский удар, храбрый напор пехоты и быстрое приближение [Левенгаупта] к русскому лагерю произвело сильное впечатление на царя и его генералов. После победы царь говорил перед шведскими пленниками, что он в тот момент готов был выйти из борьбы. Но шведы не стряхнули готовое упасть яблоко. Рок, военный азарт и чрезмерные шведские ошибки быстро сняли появившийся оптимизм. Внезапно пришел приказ к недоумевающему Левенгаупту, что он должен отвести свои батальоны налево от русского лагеря». *From P.* Op. cit. S. 321.

[181] *Lewenhaupt A.L.* Op. cit. S. 239.

[182] ГСВ. Вып. 1. С. 302.

[183] РГАДА. Каб. ПВ. Ф. 9. Отд. 1. Кн. 13. Л. 63. Петр записал короче: «х которому на левой угол генерал Левенгопт с пехотою гораздо приближился, а имянно саженях в 30-ти, но оттуды не пушек отбит» // ГСВ. Вып. 1. С. 302.

[184] «И тако неприятель... в некотором логу (далее пушечной стрельбы) в парат стал к лесу» // ГСВ. Вып. 1. С. 302.

[185] См.: *Wennerholm J.B.R.* Emporterade trofeer. Karl XII: s ryska fälttåg 1708–1709. I belysning av uppgifter om förluster av svenska fälttecken. Bohus, 2000. S. 19.

[186] *From P.* Op. cit. S. 323.

[187] *Энглунд П.* Полтава... С. 112–113.

[188] *Кротов П.А.* Битва при Полтаве... С. 220. Другая цифра — 3862 чел. приведена в работе: *Кротов П.А.* Полтавская битва: новые материалы по спорным вопросам // Полтава. К 300-летию Полтавского сражения. Сб. статей. М., 2009. С. 146.

[189] Видимо, царь стал думать, что бездействие шведов в логовине «вызвано намерением разбить войска гетмана» // *Юнаков Н.Л.* Полтавская операция 1709 г. // Военный сборник. 1909. № 7. С. 18. В таком случае предусматривался отход казаков и драгун Волконского на север.

[190] *Gyllenstierna N.* Nils Gyllenstiernas berattelse... S. 90.

[191] СВ. С. 506.

[192] *Petri G.* Slaget vid Poltava // Historia kring Karl XII. Stockholm, 1964. S. 89. Армию, которая еще не потерпела разгрома, можно было бы спасти, если прихватить орудия, боевой обоз и начать постепенный выход к Днепру и на Правобережную Украину. С будущими налетами и попытками «выдавить» шведов из Восточной Европы была надежда управиться. Русское командование, с уважением относившееся к шведам, вполне удовлетворилось бы освобождением Полтавы и Малороссии от шведской оккупации и временно ограничилось бы осторожным преследованием.

[193] *Кротов П.А.* Битва при Полтаве... С. 218. Данные о «корпусе резервы» вошли также в «Книгу Марсову» и во многие отечественные работы, в которых батальоны Рууса и «корпус резервы» принимались за разные группировки.

[194] *Roos C.G.* Op. cit. S. 224.

[195] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 13. Л. 63.

[196] *Кротов П.А.* Битва при Полтаве... С. 234; *Молтусов В.А.* Полтавская битва: уроки военной истории... С. 329. Другая запись Алларта: «В 8-м часу поутру положил Его Царское Величество намерение со всею армеею с помо-щию Божиею Швецкую армию атаковать и дать с нею баталию // РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 13. Л. 63 и об.

[197] *Свечин А.* Эволюция военного искусства с древнейших времен до наших дней. М.; Л., 1927. С. 240; *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. СПб., 1994. Т. 4. С. 308.

[198] Возможно, так учитывался опыт Фрауштадской катастрофы 2(13) февраля 1706 г., когда бежавшая первая линия снесла вторую.

[199] «А в транжаменте оставлены генерал-маеор и полковник от артиллерии Гинтер да подполковник Бой, при которых были полки Гранодерской, Лефортовской, Ренцелев, Троицкой, Ростовской, Апраксин да ис протчих дивизий по несколку сот» // ГСВ. Вып. 1. С. 302; ППВ Т. 9. С. 1133.

[200] De Hallart. Historische Beschreibung des Nordischen Krieges seit Anno 1699 bis 1721 // РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 11. Л. 56. На плане Алларта 1709 г. указано, что «русские» казаки стояли на правом фланге второй линии и не приняли участия в главном бою. П.А. Кротов полагает, что казацкая конница (до 4 тыс. донцов) заняла место слева и справа за второй линией регулярной кавалерии. Всего в русской армии, сосредоточенной у Полтавы ко дню битвы, по Кротову, было до 15 500 украинских, донских, яицких казаков, татар и волохов, а также неопределенное количество калмыков // *Кротов П.А.* Битва при Полтаве... С. 158–165. Возможно, это преувеличенное количество.

[201] Е. Тенгберг писал, что движение на север к Тахтаулову преследовало цель отрезать русскую армию от переправ на Ворскле // *Tengberg E.* Karl XII och Ryssland. Studier rörande ryska fältågets slutskede // Historisk arkiv. S. 37–40.

[202] *Гилленкрок А.* Реляция... С. 96.

[203] *Konov J.* von. Karolinen Rehnskiöld... S. 127.

[204] ППВ. Т. 9. С. 260. Борис Петрович тоже был «окурен порохом». В бою у него была пробита пулей рубашка, выбившаяся из-под распахнутого камзола.

[205] *Мавродин В.П.* Петр I и петровская эпоха в оценке современников. Л., 1972. С. 5.

[206] *Болесте П.* Полтавский бой, описанный современником очевидцем, Петром Болесте, служившем в Канцелярии гетмана Сенявскаго, бывшаго тогда воеводою бельским, а в последствии кастеляном краковским / Пер. и вступ. А. Перлштейна // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1871. Кн. 3. Отд. 5. С. 3.

[207] Таков был и девиз царя, как писал А.А. Нартов.

[208] Так считает Анисимов Е.В. (Миф великой виктории. Полтава в русском сознании и коллективной памяти // Родина. 2009. № 7. С. 52.) Не дословную речь, а общее ее содержание передал позже в Киеве Ф. Прокопович. См.: Приказ перед Полтавской битвой // ППВ. Т. 9. С. 226. На это еще давно указал Р. Виттрам. См.: *Wittram R.* Peter I. Czar und Kaiser. Göttingen, 1964. Bd. 1. S. 312. Смысл речи нельзя подвергать сомнению из-за того, что на поле никто туг же не записывал слов царя.

[209] Донесение голландца Фан дер Хельста о Полтавской битве // Правительственный вестник. 1909. № 117. С. 4.

[210] Яркие нашивки на зеленых, с «крылышками» кафтанах музыкантов сигнализали — убивать безоружных не полагается. Военные оркестры появились в русской армии до Петра I, хотя их состав и численность не были регламентированы //

Недоспасова А. Вклад шведских военнопленных в формирование традиций российского инструментального музицирования // Полтава. Судьбы пленных... С. 110; См. также: *Соболева Н.А., Артамонов В.А.* Символы России. М., 1993. С. 149–151. Военная музыка гремела в сражении при Лесной и нет оснований считать, что от нее отказались под Полтавой.

[211] *Кротов П.А.* Шведское влияние на русское военное дело до Полтавской битвы // Полтава. Судьбы пленных... С. 308.

[212] ГСВ. Вып. 1. С. 303.

[213] «...неприятель стал во фрунт против нашего лагору, против которого тотчас всю пехоту ис транжамента вывели и пред очи неприятелю поставили, а конница на обеих фланках» // ППВ. Т. 9. С. 227.

[214] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 13. Л. 63 об. – 64. Все шведские участники сражения также пишут, что войско короля пошло вперед только после того, как увидело наступающих русских.

[215] *Lewenhaupt A.L.* Op. cit. S. 241–242.

[216] Generalmajor Creutz relation... S. 277.

[217] Там же.

[218] *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. S. 56, 60, 62–63. Верную цифру в 20 тысяч русской пехоты, выступившей из лагеря в двух линиях, он мог слышать уже в плену. Цифра в 80 тысяч русских фигурировала в шведской пропаганде, распространяемой о битве под Нарвой в 1700 г. и в 1708 г. о сражении при Лесной. Для дискредитации русской победы в западных справочных изданиях численность шведов в битве ранее указывалась 17 тысяч, русских — 80 тысяч. См.: *Harbottle T.* Dictionary of Battles. London, 1971. P. 229. Позже указано, что 35-тысячная шведская армия сражалась с 42 тысячной русской. См.: *Харботл Т.* Битвы мировой истории. Словарь. М., 1993. С. 364. Преуменьшил силы шведов до 6 тыс. пехоты и 7 тыс. кавалерии Стилле А. (Карл XII как стратег и тактик в 1707–1709 гг. СПб., 1912. С. 106.)

[219] *Gyllenstierna N.* Op. cit. S. 91.

[220] *Lewenhaupt A.L.* Op. cit. S. 243.

[221] *Lewenhaupt A.L.* Op. cit. S. 242.

[222] *Piper G.A.* Op. cit. S. l.

[223] *Piltz G.* August der Starke. Träüme und Taten eines deutschen Fürsten. Berlin, 1986. C. 154.

[224] *Колосов Е.Е.* Артиллерия... С. 107.

[225] «Русские продемонстрировали новейшее военное искусство, в то время как шведы пали жертвой своих устаревших методов» — такую характеристику дал историк А. Оберг // Åberg A. Karolinerna och Österlandet. Stockholm, 1967. S. 24. Возможно, реформа шведской артиллерии была начата под русским влиянием. Участник Полтавской битвы К. Кронстедт был взят в плен, почти сразу бежал ив 1712 г. ввел в шведскую артиллерию ускоренный огонь и прислугу, посаженную на коней // *Эриксон-Вольке Л.* Импульсы к проведению военных реформ // Полтава. Судьбы пленных... С. 289.

[226] СВ. С. 512.

[227] Так отметил Д. Крман.

[228] *Oiler J.* Kapten ölers relation // Lewenhaupt A.L. Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse… S. 340.

[229] *Кротов П.А.* Битва при Полтаве… С. 251. О стрельбе с колена первых шеренг писал Вайе. О боевых командах см.: *Масловский Д.Ф.* Строевая и полевая служба русских войск времен императора Петра Великого и императрицы Елизаветы М., 1883. Приложение. С. 11–12. См. также: *Юнаков Н.Л.* Полтавская операция… // ВС 1909. № 7. С. 19.

[230] *Энглунд П.* Полтава... С. 170.

[231] *Lewenhaupt A.L.* Op. cit. S. 24; *Гилленкрок А.* Реляция… С. 97.

[232] *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. S. 61.

[233] *Нильссон Б.* Шведские документальные источники по истории завершающей части русского похода Карла XII и Полтавской битвы // Военно-исторический журнал. Старый цейхгауз. 300 лет Полтавскому сражению. Специальный совместный выпуск. М., 2009. С. 101.

[234] Перечень потерь Новгородского полка см.: Военный сборник. 1909. № 6. С. 228.

[235] 31-летний барон Эрик Юлленшерна аф Улаборг служил в гвардии с 1697 г., участвовал в боях в Зеландии, Нарве, Двине, Торне, при Клишове. В 1708 г. получил чин майора. Полтава стала его последним сражением. Ганс Маннерсверд поступил волонтером в гвардию в 1688 г., чин капитана получил в 1704 г., был убит также под Полтавой.

[236] *Lewenhaupt A.L.* Op. cit. S. 243–245.

[237] *Tengberg E.* Karl XII och Ryssland… S. 40.

[238] П. Энглунд по одной из русских парадных схем Полтавской битвы XIX в. насчитал подряд шесть якобы бежавших полков с русского левого фланга — Казанский, Псковский, Сибирский Московский, Бутырский и Новгородский, которые столкнулись со второй линией и едва не опрокинули ее // *Энглунд П.* Полтава… С. 170–171..

[239] В середине XX в. некоторые историки считали, что государь повел с собой второй батальон Преображенского полка // *Азанчевский М.* История лейб-гвардии Преображенского полка. М. 1859. С. 105.

[240] На тонком ринграфе (шейном офицерском знаке) Петра I слева от косого креста св. Андрея Первозванного есть вмятина, возможно от пули, что родило легенды о спасении царя от третьей смертельной пули наперсным «священным крестом». Документальными материалами это не подтверждается. Красивой народной легендой подчеркивалась самоотверженность государя. Ношение офицерами поверх кафтанов наперсных крестов не предусматривалось. «Священный крест», якобы спасший жизнь царя, хранился в ризнице Московского Успенского собора, откуда в 1895 г. был перенесен в Синодальную ризницу. Существуют описания и фотографии этого креста в натуральную величину. Крест высотой 10,5 см, ши-

риной 5,5 см был золотым, с шестью жемчужинами, четырьмя сапфирами (один сапфир выбит) и десятью частицами мощей Андрея Первозванного, Пантелеймона, Федора Стратилата и других святых. На боках креста надпись: «Повелением благоверного государя, царя и великого князя Феодора Ивановича всея Руси и его благоверной царицы и великой княгини Ирины сделан был сей крест государыне царевне и великой княжне Феодосье в колыбель». В разных версиях о происхождении креста говорится, что он был привезен царю Федору Иоанновичу с Афона и некогда им владел император Константин Багрянородный, что он принадлежал царю Борису Годунову, что им благословила своего сына царица Наталья Кирилловна или что он использовался в походной церкви Петра I.

[241] ППВ. Т. 9. С. 343.

[242] *Григорьев Б.Н.* Карл XII… С. 335.

[243] В 1713 г. он был отпущен в Лифляндию, поступил на русскую службу, служил в Финляндии и в 1717 (?) г. писал царю, что «до скончания живота» вручает себя Богу и милости царского величества // РГАДА. Ф. 9. Отд. 2. Кн. 53. Л. 772, 773.

[244] *Lewenhaupt A.L.* Op. cit. S. 245. Нет оснований не считать, что во главе этой части был Петр I. П.А. Кротов полагает, что прорыва русской линии не было и подвиг Петра выдуман публицистом П.Н. Крекшиным, так как ни в «Обстоятельной реляции» о Полтавской битве, ни в «Гистории Свейской войны» об этом нет записей. См.: Меншиковские чтения 2006. СПб., 2006. С. 68–71. *Он же*: Полководческое искусство Петра I и А.Д. Меншикова в Полтавской битве (К 300-летию Полтавской победы) // Меншиковские чтения 2007. СПб., 2007. С. 77. Но эти официальные произведения очень лаконичны. В них нет указаний о третьей пуле, попавшей в ринграф (нагрудный офицерский щиток) царя, о простреленной рубашке Шереметева, о мужественном поведении и призывах Екатерины I в 1711 г. во время Прутского сражения собрать средства для заключения мира с турками и многих других подробностях Северной войны. Только через полгода, 22 декабря 1709 г. в письме к Ф.Ю. Ромодановскому царь упомянул, что он лично подвергся сильному обстрелу: «А при Полтавской баталии сражался я с полком своим лично, быв в великом огне». Русский поход Карла XII и Полтавская битва описаны шведскими историками по нарративным источникам, которые точно так же можно было бы поставить под вопрос из-за того, что они изложены не по актовым и официальным документам. В памяти русских участников битвы вполне мог держаться эпизод о расчленении шведских порядков царем, который и зафиксировала рукопись Крекшина 1753 г. По тогдашним уставам военачальники следили за боем позади первой линии. Если ее шеренги нигде не прорывались, то получить пистолетную пулю в седло невозможно. Маловероятно, что пули попадали в царя при паническом бегстве противника. В последней работе П.А. Кротов снял свое предположение, что царь лично не возглавлял контратаку новгородцев. См.: *Кротов П.А.* Битва при Полтаве… С. 262–264.

[245] *Кротов П.А.* Битва при Полтаве… С. 251.

[246] Военный сборник. 1909. № 4. С. 244, 246$ Там же. № 5. С. 21.

[247] *Wennerholm J.B.R.* Emporterade trofeer… S. 155–184.

[248] Так писал Аллардт // РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Вып. 13. Л. 63 об. – 64.

[249] *From P.* Op. cit. S. 365.

[250] «Призывал войско, чтобы неприятелю сломанному не дали осмотреться»// *Молтусов В.А.* Полтавская битва: уроки военной истории… С. 254.

[251] *Гилленкрок А.* Реляция… С. 97.

[252] Generalmajor Creutz relation… S. 279

[253] «Генералам не дозволялось иметь при себе даже караульных» — *Клокман Ю.Р.* Неизданный том «История царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. Сб. статей. М., 1959. С. 314.

[254] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн 13. Л. 64.

[255] *Lewenhaupt A.L.* Op. cit. S. 248.

[256] *Lewenhaupt A.L.* Op. cit. S. 246.

[257] Generalmajor Creutz' relation… S. 279.

[258] *Maximilien-Emanuel.* Mémoires de Maximilien-Emanuel, duc de Wirtemberg, colonel d'un regiment de dragons au service de Suede 1703–1709. Amsterdam a Leipzig, 1740. P. 322.

[259] ППВ. Т. 9. С. 260.

[260] *Кротов П.А.* Битва при Полтаве… С. 274.

[261] *Lövgren G.* Regementsfältskären Jacob Schultz… S. 88.

[262] *Горяинов С.М.* Записки сподвижника Карла XII… С. 37–38.

[263] *Ключевский В.О.* Курс русской истории Соч.: В 8 т. М. 1958. Т. 4. С. 57; *Костомаров Н.И.* Мазепа и мазепинцы. Собр. соч. СПб., 1905. Кн. 6. Т. 16. С. 693; *Соловьев С.М.* История России М., 1962. Кн. 8. С. 275.

[264] *Юнаков Н.Л.* Полтавская операция// ТИРВИО. СПб., Т. 4. С. 185.

[265] *Михневич Н.П.* Петр Великий и Полтава. СПб., 1909. С. 59.

[266] *Безбах С.А.* Полтавское сражение. М., 1939. С. 60; *Панов В.А.* Петр I как полководец. М., 1940. С. 7; *Козаченко А.И.* Битва под Полтавой. М., 1945. С. 43; Маркевич А.П. Великий подвиг. Киев, 1959. С. 112.

[267] *Кафенгауз Б.Б.* Полтавская битва // Историк-марксист. 1939. № 4. С. 55.

[268] *Тарле Е.В.* Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 2002. С. 508–509; *Тельпуховский Б.С.* Северная война 1700–1721. Полководческая деятельность Петра I. М., 1946. С. 137; *Порфирьев Е.И.* Полтавское сражение 27 июня 1709 г. М., 1959. С. 82.

[269] П.А. Кротов полагает, что «полное пленение либо истребление всей шведской армии замышлялось стратегическим гением Петра I не на полях близ Полтавы, но на берегу Днепра», поэтому и был оставлен единственный «искушающий свободный» выход на запад. Действительно, в военном искусстве того времени общепринятым было правило «отступающему — золотой мост», чтобы скорее выпроводить врага с поля битвы. (Принцип преследования и добивания противника сразу же после нанесения ему поражения возник только в начале XIX в.) Однако

«искусно устроенного «золотого моста» через Малые Будыщи не было, — там были труднопроходимые завалы и топь. Не было и «непроходимого болота» с речкой в лощине Побыванки, которую можно было преодолеть только по гатям, не было и «высокого гребня» к северу от Побыванки, с линией «полевых инженерных сооружений», занятых казаками Скоропадского. Беспорядочное бегство было следствием обвала боевого духа шведов, но не специально устроенного «золотого моста». См.: *Кротов П.А.* Битва при Полтаве... С. 134–141, 258, 260; *Он же*: Полководческое искусство Петра I и А.Д. Меншикова в Полтавской битве (К 300-летию Полтавской победы) // Меншиковские чтения 2007. СПб., 2007. Вып. 5. С. 52–58, 72–75.

[270] «Несмотря на большое фортификационное искусство в Полтавской победе мы обязаны стратегии больше, чем тактике. Тактически Петровская армия под Полтавой еще не научилась маневрировать на поле боя... Наступление русского укрепленного лагеря вниз по Ворскле напоминает еще маневрирование Шереметевского вагенбурга в 1660 г. или московский гуляй-город» // *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. Т. 1. С. 287–288.

[271] Противоположного мнения придерживался Тенгберг Е. (Karl XII I Ukraina áren 1709 // KFÅ. 1948. S. 133.)

[272] *Соловьёв С.М.* История России. М., 1962. Кн. 8. С. 128.

[273] ППВ. Т. 9. С. 8–9.

[274] *Григорьев Б.Н.* Карл XII... С. 355.

[275] «В погоню же за уходящим неприятелем последовала наша кавалерия болше полутора мили, а имянно, пока лошади ради утомления итти могли, так что, почитай, от самой Полтавы в циркумференции (вокруг. — *В. А.*) мили на три и болши на всех полях и лесах мертвые неприятелские телеса обреталися и, чаем, оных от осми до десяти тысячь побито» // ППВ. Т. 9. С. 260–261.

[276] *Maximilien-Emanuel.* Mémoires... S. 322, 452.

[277] Заслуги и подвиги... Вып. 5. С. 16; *Krman D.* Op. cit. S. 716; *Piper G.A.* Minnen... S. 18.

[278] ГСВ. Вып. 1. С. 304; там же. Вып. 2. С. 121.

[279] *Григорьев Б.Н.* Карл XII... С. 348–349.

[280] Отдельной братской могилы для шведов не копали. Окрестное население, стремилось не утруждать себя неприятным занятием и, скорее всего, закапывало трупы где сподручнее — во рвах у редутов, в низинах и складках местности. В преддверии 200-летней годовщины массовой гибели павших соотечественников скульптор Теодор Лундберг изваял скорбящую Мать Свею для установки на поле битвы, но чтобы не «прославлять русский триумф», прекрасную композицию в 1904 г. установили в Стокгольме, перед Музеем артиллерии.

[281] *Горяинов С.М.* Записки сподвижника Карла XII... С. 38; *Гилленкрок А.* Реляция... С. 78, 96, 101.

[282] Generalmajor Creutz' relation... S. 279

[283] *Krman D.* Itinerarium... S. 111–112.

[284] *Bardiii J.W.* Des Weyland… S. 453.

[285] ППВ. Т. 9. С. 235

[286] ГСВ. Вып. 2. С. 121.

[287] Петр I — Д.М. Голицыну и Г. Гольцу 27 июня 1709 г. // ППВ. Т. 9. С. 231, 235.

[288] Военный сборник. 1909. № 4. С. 245.

[289] Ошибочно предположение, что пир — это литературная легенда, так как в описаниях его у Нордберга, Голикова, Беляева, Вольтера, Шувалова есть противоречия // *Шарыпкин Д.М.* Полтавский пир Петра I по русским и шведским источникам // Сравнительное изучение литератур. Л., 1976. С. 82–87.

[290] *Konov J. von.* Karolinen Rehnskiöld… С. 147. Первоначально в «Гистории Свейской войны» было написано, что царь вручал шпагу за храбрость, «учиненную в помянутой [Полтавской] баталии». Однако затем, видимо, учитывая явную неудачу Реншельда в Полтавской битве, уточнили формулировку — личное оружие вручалось в знак уважения к доблести и таланту шведского фельдмаршала в военном деле в целом. О беспощадности Реншельда к русским пленным, захваченным при Фрауштадте, не вспоминалось // ГСВ. Вып. 1. С. 304; Вып. 2. С. 121.

[291] Заслуги и подвиги… Кн. 5. С. 16.

[292] *Молтусов В.А.* Полтавская битва: уроки истории… С. 390–393.

[293] Так писал Г.А. Пипер. Цит. по: *From P.* Katastrofen vid Poltava… S. 352.

[294] В ГСВ указано, что погоня отправилась в день победы к вечеру, но шведские источники не упоминают ни о каких признаках погони.

[295] РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 13. Л. 67.

[296] *Tengberg E.* Mejerfelts mission efter Poltava // Historisk tidskrift 1952. S. 270.

[297] Полковые знамена русской армии были белыми с рисунком государственного герба, ротные — цветными.

[298] Фальсифицированный перевод украинских переводчиков Ольги и Григория Булах: «освобожденные от осады полтавчане в знак покорности и преданности повесили на высокой башне белый флаг». Слова о радости полтавчан они вообще опустили *Крман Д.* Подорожній щоденник (Itinerarium 1708–1709.) / Пер. Г. Булах, Булах О. Київ, 1999. С. 96.

[299] *From P.* Katastrofen vid Poltava… S. 357

[300] «Мы сего часу с ковалериею пришли до Кобыляка и речку Кобылячку переправливаемся, где от неприятеля с нашими была стрельба небольшая, не хотел наших перепустить. …Король ныне начевал в Кобыляке и ис Кобыляка пошел и спрашивает розных дорог за Днепр», — писал А.Д. Меншиков Петру I 29 июня // ППВ. Т. 9. С. 986; *Piper G.A.* Minnen… S. 18.

[301] *Lewenhaupt A.L.* Op. cit. S. 256.

[302] *Орешкова С.Ф.* Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 123–124.

[303] *Lewenhaupt A.L.* Op. cit. S. 254.

[304] *Григорьев Б.Н.* Карл XII… С. 359; *From P.* Katastrofen vid Poltava… S. 365.

[305] Не основательно утверждение, что крымское войско стояло в Кобеляках и на р. Самаре. См.: *Возгрин В.Е.* Военно-политический конфликт в период пребывания Карла XII в Турции (1709–1714) (по неопубликованным источникам) // Проблемы войны и мира в эпоху Нового и Новейшего времени (К 200-летию подписания Тильзитского договора.) СПб., 2008. С. 60.

[306] *Григорьев Б.Н.* Карл XII... С. 373.

[307] *Weihe Fr. Chr.* Op. cit. S. 67; *Tengberg E.* Fran Poltava till Bender. Lund, 1953. S. 23.

[308] *Григорьев Б.Н.* Карл XII... С. 363.

[309] *Стилле А.* Карл XII... С. 134.

[310] *Lewenhaupt A.L.* Op. cit. S. 257.

[311] СВ. С. 495.

[312] Царю князь написал, что, не желая ненужных потерь, не стал сражаться «с опасным и отчаянным неприятелем». А.Д. Меншиков — Петру 130 июня в 2 часа пополудни// РГАДА, Ф. 17. Оп. 1. Д. 91 доп. Л. 369.

[313] *Tengberg E.* Karl XII och Ryssland. Studier rörande ryska fälttågets slutskede // Historisk arkiv. Stockholm, 1958. Bd. 7. S. 71.

[314] «Подполковник Кулбарс... показал такую продерзость, что он одну телегу, принадлежащую Мазепе, затаил, в которой 23 булавы, отчасти от салтана турецкого и от ЕЦВ подареныя и жалованныя были с драгоценными каменьями и другими вещьми». Л.Н. Алларт. «Историческое описание Северной войны с 1699 по 1721 гг.»// РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 12. Л. 71 об. После этого Б.И. Куракину было поручено пересмотреть повозки остальных офицеров, причем у каждого офицера нашли по 2–3 тысячи саксонских ефимков, а у солдат и рейтар по 26 и по 30 ефимков. (Там же.)

[315] 30 июня А.Д. Меншиков писал жене: «також и своих пленных всех выручил»// РГАДА Ф. 198. Д. 1170. Л. 156. Тогда же освобожден был и храбрец А.А. Головин.

[316] Современные украинские историки раздувают «безжалостность москалей», расправлявшихся с казаками в Батурине, Келеберде, Сечи и у Переволочны. Действительно, отношение к «своим» казакам, переметнувшимся к врагу, было более суровым, чем к шведам. Но принципиальной бескомпромиссности в противостоянии с Россией у тех казаков не было. В 1714 г. вернулись на родину («под московское ярмо») много мазепинцев и запорожцев. В 1715 г. в Россию прибыл Д.Л. Горленко. 1 июня 1721 г. покаялся в измене «гетман в изгнании» Ф. Орлик. В 1734 г. из-под крымской протекции в Россию вернулись 7 тысяч запорожцев. После поражений османских и крымских войск в «Румянцевской войне» 1768–1774 гг., вывода в Крымского ханства из-под юрисдикции Турции и ликвидации в 1775 г. Сечи, потерявшей значение форпоста, запорожских казаков перевели в Предкавказье. Начав жить там за счет хлебопашества (окончательно «сев на землю»), они с 1792 г. превратились, подобно донцам, в верных стражей Российской империи.

[317] *Шебалдина Г.В.* Сибирские мемуары каролинов: о своих и о чужих / Полтава. Судьбы пленных... С. 48. «Из войска, еще прошлым летом насчитывавшего

около 49 500 солдат, на первый день июля осталось лишь 1300 душ, что перебрались через реку с королем. Да и те почти все были больные и раненые... Это была самая грандиозная военная катастрофа в долгой истории Швеции — каковой она является и по сей день»// *Энглунд П.* Полтава... С. 267. До 1721 г. общее количество пленных выросло до 30 тысяч, из них 2300 офицеров// Den svenska historien. Karl XII, stormaktens fall. Stockholm, 1979. T. 8. S. 45. В Швеции русских пленных было около 1700.

[318] СВ С. 518.

[319] Цит. по: *Тоштендаль Р.* Полтава: сражение, история и смысл // Полтава. Судьбы пленных... С. 28. Та же мысль проводится в статье: *Эриксон-Вольке Л.* Импульсы к проведению военных реформ (в том же сборнике, с. 280.)

[320] РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. 1711. Д. 7а. Л. 582–587 об.

[321] 19 июля царь поставил на вид Волконскому расстрел 16 июля 1709 г. захваченного бригадира М.Г. Мюленфельза, который в 1708 г. не выполнил приказ и впустил Карла XII в Гродно // ППВ. Т. 9. С. 307. В руки Волконского попалось 600 шведских офицеров и солдат, а также часть мазепинцев и запорожцев, рассеянных по степи// РГАДА. Каб. ПВ. Отд. 1. Кн. 13. Л. 66 об.

[322] Generalmajor Creutz' relation... S. 285–286. Всех погибших еще не успели похоронить и торжеству мешал запах разложения.

[323] Рапорт Петра Великого Ф.Ю. Ромодановскому 22 декабря 1709 г. // ППВ. Т. 9. С. 495–496.

[324] *Недоспасова А.* Вклад шведских военнопленных в формирование традиций российского инструментального музицирования // Полтава. Судьбы пленных... С. 113.

[325] Триумфальным аркам посвятила основательную монографию Тюхменева С.А. (Искусство триумфальных врат в России в первой половине XVIII в. М., 2005.)

[326] *Тоштендаль Р.* Полтава: сражение, история и смысл // Полтава. Судьбы пленных... С. 41.

[327] В Европе в 1719 г. публиковались ироничные «воспоминания-стенания» якобы от лица Карла XII о его «русской войне»: «Я так подготовил свою армию в Саксонии против Москвы — и провиантом, и хорошими сапогами, и мундирами. Но главный враг — невыносимый холод и голод пожрали моих любимых солдат перед московитскими границами. Потом безжалостный Петр в битве сокрушил всю мою армию, забрал в плен храбрых генералов и забросил их в Сибирь. И только с малым числом людей я спас свою горькую жизнь за Днепром. Самая тяжкая война у меня с Москвой — она завоевала мои лучшие земли в Лифляндии и Финляндии, а под конец вторглась и в сердце Швеции. С ней биться, что со свирепым медведем — никакая защита не поможет»// Gedächtniss Caroli des XII. Konig In Schweden. Helmstädt, im Jahr 1719. S. 3–4, 9, 10.

[328] *Аскер Б.* «Нация, которой надо показывать зубы». Шведский взгляд на Россию времен Петра Великого // Полтава. Судьбы пленных... С. 370.

[329] «Полтава положила начало политике мира, а не войны, и эта политика стала шведским лозунгом. Имевшие позже место кратковременные военные психозы… относительно быстро затихали. Мирная внешняя политика стала для страны счастливым приобретением» // *Тоштендаль Р.* Полтава: сражение, история и смысл // Полтава. Судьбы пленных… С. 26.

[330] Искажая факты ради углубления раскола между Украиной и Россией, заместитель главы Секретариата президента Украины М. Ставнийчук при освящении «Арки примирения» говорила 27 июня 2009 г. на поле Полтавской битвы: «Полтавская битва дала нашей стране исторический шанс получить суверенность и самостийность», но, к сожалению, результатом той битвы стало поражение национально-освободительного движения. Одновременно *«это была победа украинского* духа *в борьбе за свою свободу»* // Трудова слава. 4 июля 2009 г. С. 4.

[331] *Хмыров М.Д.* Артиллерия и артиллеристы на Руси в единодержавие Петра Перваго (1696–1725) // Артиллерийский журнал. СПб., 1865. № 11. С. 669.

[332] *Нелипович С.Г.* Русско-австрийские союзные связи второй четверти XVIII в. (1726–1750 гг..) Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 46.

Сокращения

ВУА – Фонд Военно-учёного архива (в РГВИА)
ГСВ – Гистория Свейской войны (Подённая записка Петра Великого). М., 2004. Вып. 1–2
Каб. ПВ – Кабинет Петра Великого (в РГАДА)
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи с 1649 г.
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
Сб. РИО – Сборник Императорского русского исторического общества
СВ – Северная война 1700–1721 гг. Сборник документов 1700–1709. Т. 1. М., 2009
ТИРВИО – Труды Императорского русского военно-исторического общества
KFÅ – Karolinska förbundets årsbok
KKD – Karolinska krigares dagböcker
RMII – Riksarkivet, Stockholm. Militaria II. Kriget i Ostersjöprovinserna och Ryssland

Источники и литература

Неопубликованные

Российский государственный архив древних актов.

Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. I. Кн.18. 4.1.

Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Отд. II. Кн. 5, 6, 7, 8, 9, 10.

Ф. 9. Кабинет Петра Великого. Оп. 5. № 1. Ч. 2.

Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 1. 1706 г. Д. 5, 7, 8, 9.

Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 3. 1706 г. № 71; 1707. Д.30.

Ф. 79. Сношения России с Польшей. Оп. 4. 1706 г. № 113, 114, 115.

Ф. 32. Сношения России с Австрией и Германской империей. Оп. 5. 1690–1717. Д. 13.

Ф. 17. Госархив. Наука, литература, искусство. Оп. 1. Д. 91 доп.

Ф. 160. Письма и прошения разных лиц на высочайшее имя и к высоким особам (на русском языке). 1708. Д. 23.

Ф. 89. Сношения России с Турцией. Оп. 1. 1709. Д. 1 Ф. 96. Сношения России со Швецией. Оп. 1. 1709. Д. 1, 2, 8.

Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 1. 1708. Д. 7, 56.

Российский государственный военно-исторический архив

Фонд Военно-учёного архива. № 1434, 1443, 1445, 1476, 1491, 1496.

Государственный архив в Стокгольме (Riksarkivet, Stockholm).

Фонд Militaría II. Kriget i Ostersjöprovinserna och Ryssland. Vol. M. 1378; Фонд Diplomatica. Extranea. Vol. 158.3.

Фонд Muscovitica. Vol. 662, 663.

Военный архив в Стокгольме (Krigsarkivet).

Фонд Stora Nordiska kriget.

Опубликованные

Болесте П. Полтавский бой, описанный современником очевидцем, Петром Болесте, служившем в Канцелярии гетмана Сенявскаго, бывшаго тогда воеводою бельским, а в последствии кастеляном краковским / Пер. и вступл. А. Перлштейна // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. 1871. Кн. 3. Отд. 5.

Беспятых Ю.Н. Петербург Анны Ивановны в иностранных описаниях: Введение. Тексты. Комментарии. СПб., 1997. С. 277.

Беспятых Ю.Н. Иностранные источники по истории России первой четверти 18 в. (Ч. Уитворт, Г. Грунд, Л.Ю. Эренмальм). СПб., 1998.

Военные уставы Петра Великого. М., 1946.

Гилленкрок А. Современное сказание о походе Карла XII в Россию // Военный журнал. 1844. № 6. С. 8–105.

Гилленкрок А. Реляция шведского генерал-кваритирмейстера и полковника барона Гилленкрока. Сражение при Полтаве // Военный журнал. 1845. № 3. С. 88–114.

Гистория Свейской войны (Подённая записка Петра Великого). М., 2004. Вып. 1–2.

Горяинов С.М. Записки сподвижника Карла XII (К истории Северной войны) // Журнал русского военно-исторического общества. СПб., 1910. Кн.2.

Донесения и другие бумаги чрезвычайного посланника английского при русском дворе Чарльза Витворта и секретаря его Вейсброда // Сб. Русского исторического общества. СПб., 1886. Т. 50.

Заслуги и подвиги его светлости, князя Александра Даниловича Меншикова… // Сын Отечества. 1848. Кн. 1–6.

Книга Марсова или воинских дел… М., 1713.

Корб И. Дневник путешествия в Московское государство… // Рождение империи. М., 1997.

Куракин Б.И. Гистория о царе Петре Алексеевиче //Архив князя Ф.А. Куракина СПб., 1891. Кн. 1.

Летописец 1700 года. СПб., 1868.

Невиль де ла. Записки о Московии. М., 1996.

Ланжерон, граф. Русская армия в год смерти Екатерины II // Русская старина. 1895. № 5.

Перелштейн А. Свидание Петра Великого с Августом II в Биржах. Рукописный дневник (Diariusz) польского дипломата — очевидца этого свидания // Временник Императорского Московского общества истории и древностей российских. 1853. Кн. 17.

Письма и бумаги Императора Петра Великого. СПб. — М. 1887–2003. Т. 1–13.

Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 6.

Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. СПб., 2004.

Прокопович Ф. Слова и речи. СПб., 1760–1761. Ч. 2.

Северная война 1700–1721 гг. Сборник документов. 1700–1709. М., 2009. Т. 1.

Фоккеродт И.Г. Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000. С. 43.

Шафиров П.П. Рассуждения, какие законные причины Его Царское Величество Пётр I… к начатию войны против короля Карла XII имел. СПб., 1717.

Юлленкрук А. Полтавская реляция генерал-квартирмейстера Акселя Юлленкрука // Военно-исторический журнал. Старый цейхгауз. Специальный совместный выпуск. М., 2009.

Adlerfeld G. Leben Carl des Zwölften, König von Schweden. Frankfurt und Leipzig, 1742. Bd. 3.

Carlsson E. Karl XII och kapitulationen vid Perevolotjna // KFÅ. 1940.

Cederhielm J. Sekretaren vid Carl XII. fältkansli Josias Cederhielm bref till sin broder Germund 1707–1722 // KKD. Lund, 1912. T. 6.

Generalmajor Creutz' relation med bilagor // *Lewenhaupt A.L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse med bilagor. Stockholm, 1952.

Gyllenstiema N. Öfversten grefver Nils Gyllenstiemas berättelse om polska och ryska kriegen 1702–1709 // KKD. Lund, 1913. T. 8.

Des Grossen Herrens Czaars und Gross Fürstens von Moscau Petri Alexiewiz, des gantzen Grossen, Kleinen und Weissen Reusslandes Selbsthalters / etc. etc. etc. / Leben und Thaten, aus besonderen Nachrichten beschrieben. Von J.H. von L. Frankfurt und Leipzig, 1710. T. 1–2.

Jeffreyes J. Captain James Jeffreyes's Letters to the Secretary of State, Whitehall, from the Swedish Army 1707–1709 // Historiska handlingar. Stockholm, 1953. № 35/1.

Hallart L.N. Das Tagebuch des Generals von Hallart über Belagerung und Schlacht von Narva 1700. Reval. 1894.

Hermelin O. Bref från Olof Hermelin till Samuel Bark 1702–1709. Stockholm, 1913.

Krassow E.D. Generalmajoren Emst Detlof Krassows bref till konung Carl XII. 1706–1707 // KKD. Lund, 1916. T. 11.

Krman D. Itinerarium. Cestovny dennik z rokov 1708–1709. Bratislawa, 1969.

Lewenhaupt A.L. Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse med bilagor. Stockholm, 1952.

Lyth I.M. Löjtnant Joachim Mattias Lyths dagbok 1703–1722 // Karolinska dagböcker. Stockholm, 1958.

Öllers J. Kapten Öllers relation // *Lewenhaupt A.L.* Adam Ludwig Lewenhaupts berättelse… Stockholm, 1952.

Petre R. Fänrik Robert Petres dagbok 1702–1709 // KKD. Lund, 1901.T. 1.

Piper G.A. Minnen fran Karl: s ryska fälttåg och sin ryska fångenskap // Svensk bokskatt. Stockholm, 1902. № 22.

Roos C.G. Generalmajor Roses relation // KKD. Lund, 1903. T. 2.

Siltmann D.N. "Volontären" vid Svenska armen preussiske öfverstlöjtnanten baron D.N. v.Siltmanns dagbok 1708–1709 // KKD. Lund, 1907. T. 3.

Sperling C.H.P. Löjtnanten grefve C.H.P. Sperlings dagbok 1700–1710 // KKD. Lund, 1907. T. 3.

Weihe Fr. Chr. Löjtnanten Fr. Chr. von Weihes dagbok 1708–1712 // Historiska handlingar. Stockholm, 1902. Del. 19. № 1.

Wisocki-Hochmuth L. Dagbok af en ingeniör-officer L. Wisocki-Hochmuth 1700–1708 // KKD. Lund. 1903. Bd. 2. S. 127.

Литература

Автократов В.Н. Военный приказ (К истории комплектования и формирования войск в России в начале XVIII в. // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959.

Автократов В.Н. Управление вооружёнными силами России в начале 18 в. М., 1964.

Агеева О.Г. Северная война и искусство гравюры в России петровского времени // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн X–XX вв. Сб. научных трудов. М., 1990. Вып. 2. С. 151–178.

Азанчевский М. История Лейб-гвардии Преображенского полка. М., 1859.

Артамонов В.А. Страны Восточной Европы в войне с Османской империей (1683–1699 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-восточной Европы в XVII в. М., 2001. 4.2.

Артамонов В.А. Боевой дух армий России и Швеции 1700–1714 гг. (На материалах полевых сражений) // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. М., 2006. С. 147–163.

Артамонов В.А., Болтунова Е.М., Сахаров А.Н. Историография Северной войны в России //Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприятия. XVII–XX вв. М., 2006. С. 99–112.

Артамонов В.А. Россия и Речь Посполитая после Полтавской победы (1709–1714). М., 1990.

Артамонов В.А. «Несказанная виктория»: сражение при Лесном. 1708. М., 2009.

Артамонов В.А. Мать Полтавской победы. К 300-летию победы Петра Великого при Лесной. СПб., 2008.

Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В. Вторжение Шведской армии на Гетманщину в 1708 г. СПб., 2008.

Артеус Г. Карл XII и его армия // Царь Пётр и король Карл. Два правителя и их народы. М. 1999. С. 156–175.

Аскер Б. «Нация, которой надо показывать зубы». Шведский взгляд на Россию времен Петра Великого // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур / Под ред. Т. Тоштендаль-Салычевой и Л. Юнсон. Сб. статей. М., 2009.

Бабич М.В. Петр Великий как честный и добрый офицер //Труды Гос. Эрмитажа. СПб., 2006. Т. 32. С. 32–38.

Байов А.К. Курс истории русского военного искусства СПб., 1902.

Балашова Ю.П. Из истории Северной войны (от поражения под Нарвой до взятия Орешка 1700–1702 гг.). Дисс. ... канд. истор. наук. М., 1960.

Бантыш-Каменский Д.Н. Деяния знаменитых полководцев. М., 1821. Ч. 1–2.

Бантыш-Каменский Д.Н. Жизнь Мазепы. М., 1834. 92 с.

Бантыш-Каменский Д.Н. Источники малороссийской истории, собранные Д. Бантыш-Каменским. М., 1859. Ч. 2.

Бантыш-Каменский Д.Н. Биографии Российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов: В 4-х частях. М., 1991.

Баскаков В.И. Северная война 1700–1721. Кампания от Гродна до Полтавы 1706–1709. СПб., 1890.

Бескровный Л.Г. Очерки по источниковедению военной истории России. М., 1957.

Бескровный Л.Г. Стратегия и тактика Русской армии в Полтавский период Северной войны // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959.

Беспалов А.В. Битвы Великой Северной войны 1700–1721. М., 2005.

Беспятых Ю.Н. Александр Данилович Меншиков: мифы и реальность. СПб., 2008.

Бобровский П.О. История лейб-гвардии Преображенского полка 1683–1725. М., 2007.

Богословский М.М. Пётр I. Материалы для биографии. Л., 1948. Т. 4. С. 464.

Богуславский Г.А. О «Дневнике полтавского коменданта Келина» // Вопросы архивоведения. 1962. № 4. С. 80–83.

Борисов В.Е. Полтавская битва 1709. СПб., 1909.

Бранденбург Н.Е. Исторический каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея. СПб., 1877. Ч. 1.

Бутурлин Д.П. Военная история походов россиян в 18 столетии. СПб., 1819–1823. Т. 1–3.

Верховский А. Очерк по истории военного искусства в России в XVIII и XIX вв. М., 1922.

Вилинбахов Г.В. К истории учреждения ордена Андрея Первозванного и эволюция его знака // Культура и искусство петровского времени. Л. 1977. С. 144–158.

Водарский Я.Е. Служилое дворянство в России в конце XVII — начале XVIII вв. // Вопросы военной истории. М., 1969. С. 233–238.

Военный энциклопедический лексикон (1837–1850).

Возгрин В.Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. История дипломатических отношений в 1697–1710 гг. Л., 1986.

Волынской Н.П. Постепенное развитие русской регулярной конницы в эпоху Великого Петра с самым подробным описанием участия ея в Великой Северной войне. СПб., 1912. Вып. 1–4.

Гаврищук В.В. Военные реформы Петра I в отечественной историографии (1917–1991) М., 1998. Автореф. канд. дисс.

Георгиевский Г.П. Мазепа и Меншиков // Исторический журнал. 1940. № 12. С. 72–83.

Гербильский Г.Ю. Русско-польский союз и Жолкевский стратегический план // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 63–90.

Геровский Ю. Польша и победа под Полтавой // Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. М., 1959. С. 13–70.

Голомбиевский А. А.Д. Меншиков. Сборник биографий кавалергардов. СПб., 1901. Т. 1.

Гольденберг Л.А. Картографические источники XVIII в. о военных действиях в 1708–1709 гг. // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 363–388.

Григорьев Б.Н. Карл XII, или Пять пуль для короля. М., 2006.

Гудим-Левкович П.К. Очерк развития вооружённых сил России до 1708 г. с критическим разбором кампании 1708 г. // Военный сборник. СПб., 1876. № 1–4.

Гудим-Левкович П.К. Историческое развитие вооружённых сил России до 1708 г. СПб., 1875.

Данков М.Ю. «Неистовый гвардеец» царя Петра // Петровское время в лицах — 2004. СПб., 2004.

Дельбрюк Г. История военного искусства. М., 1930. Т. 4.

Демидова Н.Ф. Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г. // Россия в период реформ Петра I. М., 1973.

Денисова М.М. Поместная конница и ее вооружение в 16–17 вв. // Труды исторического музея. М., 1948. Вып. 20. С. 29–45.

Дирин П.Н. История лейб-гвардии Семёновского полка. СПб., 1883. Т. 1.

Дуров В.А. Наградные медали России первой четверти 18 в. // Труды ГИМ М.,1982. Вып.49. Нумизматический сборник.Ч.5. В.2.

Епифанов П.П. Русская армия накануне Полтавской битвы // Военно-исторический журнал. 1979. № 6. С. 66–76.

Есипов Г.В. А.Д. Меншиков. Его жизнь и государственная деятельность. СПб., 1899.

Жомини А. Очерки военного искусства. М., 1939. Т. 1–2.

Заозерский А.И. Фельдмаршал Б.П. Шереметев. М., 1989.

Зелов Д.Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII — первой половины XVIII в. // История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М., 2002. 303 с.

Иверсен Ю.Б. Медали на деяния Петра Великого. СПб., 1872.

История Русской армии и флота. М., 1911. Вып. 2–3.

История Северной войны 1700–1721 гг. М., 1987.

«И Шереметев благородный...». К 350-летию со дня рождения Б.П. Шереметева (1652–1719). Каталог выставки 9 января — 19 мая 2003 г. СПб., 2003.

Калягина Н.В., Калязин Е.А. Александр Меншиков — строитель России. СПб. 2005. Ч. 1.

Канн А.С. Шведские историки о Полтавской битве // История СССР. 1989. № 4.

Капитонов А.П. Репатриация шведских военнопленных из России после окончания Северной войны 1700–1721 гг. // Россия и Швеция в Средневековье и Новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 238–261.

Карлссон О. Карл XII. Трелеборг, 2002. С. 12–13.

Карлссон О. Швеция после Полтавы: экономика и политика после катастрофы // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур / Под ред. Т. Тоштендаль-Салычевой и Л. Юнсон. Сб. статей. М., 2009.

Карцов А.П. Военно-исторический обзор Северной войны. СПб., 1851.

Карцов А.П. История лейб-гвардии Семеновского полка 1683–1854. СПб., 1852.

Катлярчук А. Швэды у гісторыі й культуры беларусау. Вільня, 2007.

Кепсу С. Петербург до Петербурга. История устья Невы до основания города Петра. СПб., 2000.

Клаузевиц К. О войне. М., Т. 1–2.

Клокман Ю.Р. Неизданный том «Истории царствования Петра Великого» Н.Г. Устрялова // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М. 1959. С. 311–322.

Клокман Ю.Р. Вопросы военной истории России XVIII — начала XIX вв. в советской историографии // Вопросы военной истории XVIII и первой половины XIX вв. М.1969. С. 16–53.

Клокман Ю.Р. Северная война 1700–1721 гг. // Страницы боевого прошлого. Очерки военной истории России. М., 1968.

Коваленко В., Мезенцев В., Моця О., Ситий Ю. Батурин археологічний // Сіверянський літопис. Чернігів, 2000. № 3.

Коваленко Г.М. Первые металлургические заводы в Карелии 1670–1703. Л., 1979.

Колосов Е.Е. Артиллерия в Полтавском сражении // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М. 1959. С. 91–111.

Колосов Е.Е. Реорганизация русской артиллерии в связи с военной реформой первой четверти XVIII в. Л., 1962. Автореферат канд. дисс.

Конисский Г. История руссов или Малой России. М., 1846.

Копанев Н.А. К формированию образа А.Д. Меншикова в европейской публицистике (Письмо, содержащее «Жизнеописание» и портрет князя Меншикова от 7 декабря 1711 г. // Меншиковские чтения 2004. СПб., 2004.

Королюк В.Д. Избрание Августа II на польский престол и вступление Речи Посполитой в Северную войну. Диссертация на соискание уч. степени канд. исторических наук. М., 1948. Т. 1–4.

Краткое описание славных и достопамятных дел императора Петра Великого… М., 1794.

Русской армии в годы Северной войны // Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы. М.1959. С. 209–235.

Кротов П.А. Битва при Полтаве. К 300-летней годовщине. СПб., 2009.

Кротов П.А. Гангутская баталия 1714 года. СПб., 1996.

Кротов П.А. Осударева дорога 1702 // Русский Север и Западная Европа. СПб., 1999. С. 178–220.

Кротов П.А. Шведское влияние на русское военное дело до Полтавской битвы // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур. Под ред. Т. Тоштендаль-Салычевой и Л. Юнсон. Сб. статей. М., 2009.

Кротов П.А. Полтавская победа 1709 г.: цена победы и поражения // Меншиковские чтения 2008. СПб., 2008. Вып. 6.

Кузнецов А.А. Ордена и медали России. М., 1985.

Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства В России. СПб., 1861. Ч. 2.

Леер Г.А. Пётр Великий как полководец // Военный сборник. 1865. № 3–4.

Леер Г.А. Абрам Петрович Ганнибал. Биографическое исследование. Таллин, 1980.

Люстров М. Шведские и русские победословия эпохи Северной войны // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур / Под ред. Т. Тоштендаль- Салычевой и Л. Юнсон. Сб.статей. М., 2009.

Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории 1656–1671 гг. М., 2006.

Марченко М.И. Генерал-фельдмаршал барон Огильвий (1704–1706) // Военный сборник. 1900. № 9–10.

Масловский Д.Ф. Материалы к истории военного искусства в России. М. 1889. Вып. 1. Проект плана кампании 1708 г.

Масловский Д.Ф. Строевая и полевая служба русских войск времён императора Петра Великого и императрицы Елизаветы. М., 1883.

Масловский Д.Ф. Записки по истории военного искусства в России 1683–1762. СПб., 1891. Вып. 1.

Мацьків Т. Гетьман Іван Мазепа в західньоевропейських джерелах 1687–1709. Київ; Полтава, 1995.

Медали и монеты Петровского времени. Л. 1974.

Мелин Я., Юханссон А.В., Хеденборг С. История Швеции. М. 2002.

Мещеряков Г.П. Из истории военно-теоретической мысли в России в первой четверти XVIII в. // Вопросы военной истории XVIII и первой половины XIX в. М., 1969. С. 97–108.

Михневич Н.П. История военного искусства с древнейших времён до начала 19 в. СПб., 1895.

Михневич Н.П. Основы русского военного искусства. Сравнительный очерк состояния военного искусства в России и в Западной Европе в важнейшие исторические эпохи. СПб., 1898.

Михневич Н.П. Пётр Великий и Полтава. СПб., 1909.

Молтусов В.А. Полтавская битва: уроки военной истории 1709–2009. М., 2009.

Мышлаевский А.З. Пётр Великий. Война в Финляндии в 1712–1714 гг. СПб., 1896.

Мышлаевский А.З. Северная война 1708 г. От р. Уллы и Березины за р. Днепр. СПб., 1901.

Мышлаевский А.З. Северная война. Летняя кампания 1708 г. // Военный сборник. 1901. № 10–12.

Нартов А.А. Рассказы о Петре Великом (по авторской рукописи). СПб., 2001.

Недоспасова А. Вклад шведских военнопленных в формирование традиций российского инструментального музицирования // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур / Под ред. Т. Тоштендаль-Салычевой и Л. Юнсон. Сб.статей. М., 2009.

Оглоблин О. Гетьман Іван Мазепа та його доба. Нью-Йорк; Київ; Львів; Париж; Торонто, 2001.

Орешкова С.Ф. Русско-турецкие отношения в начале XVIII в. М., 1971. С. 123–124.

Оселиус Г. «Полтава не подействует угнетающе на человека здорового». С Карлом Беннедиком на поле битвы // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур / Под ред. Т. Тоштендаль-Салычевой и Л. Юнсон. Сб. статей. М., 2009.

Павленко Н.И., Артамонов В.А. 27 июня 1709 г. М., 1989.

Павленко С.О. Іван Мазепа. Київ, 2003.

Павловский И.Ф. Битва под Полтавой 27 июня 1709 г. Полтава. 1909.

Павловский И.Ф. Битва под Полтавой 27 июня 1709 г. и ея памятники. Иллюстрированное издание. Полтава, 1909.

Паяли Х.Э. Между двумя боями за Нарву. Эстония в первые годы Северной войны (1701–1704). Таллин, 1966.

Панков Д.В. Русская регулярная армия // Развитие тактики Русской армии. М., 1957. С. 3–30.

Панов В.А. Пётр I как полководец. М.1940.

Панченко А.М. Церковная реформа и культура петровской эпохи // Восемнадцатый век. СПб., 1991.

Пискунова Л.С. Северная война в медальерном искусстве. Л. 1950.

Платонов С.Ф. К истории Полтавской битвы // Русская старина. 1909. № 1. С. 28–34.

Подъяпольская Е.П. Военные советы 1708–1709 гг. // Полтава. К 250-летию Полтавского сражения. М., 1959. С. 112–136.

Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур / Под ред. Т. Тоштендаль-Салычевой и Л. Юнсон. Сб. статей. М., 2009.

Портрет петровского времени. Каталог выставки. Л., 1973.

Порфирьев Е.И. Пётр I — основоположник военного искусства Русской регулярной армии и флота. М.1952.

Порфирьев Е.И. Полтавское сражение 17 июня 1709 г. М.1959.

Предтеченский А.В. Полтавский бой в освещении современников- иностранцев // Учёные записки Ленинградского государственного педагогического института им. М.Н. Покровского. Л., 1940. Т. 5. Вып. 1.

Пузыревский Г.А. Развитие постоянных регулярных армий и состояние военного искусства в век Людовика XIV и Петра Великого. СПб., 1889.

Рабинович М.Д. Судьбы служилых людей «старых служб» в период формирования регулярной Русской армии в начале XVIII в. М., 1953. Дисс. ... канд. истор. наук.

Рабинович М.Д. Формирование регулярной Русской армии накануне Северной войны // Вопросы военной истории России в XVIII — первой половине XIX вв. М., 1969. С. 221–232.

Рабинович М.Б. Стрельцы в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. М., 1956. Т. 58.

Рабинович М.Д. Офицерские сказки начала XVIII в. Актовое источниковедение. Сб.статей. М. 1979.

Развитие тактики Русской армии. М., 1957. Т. 2.

Ригельман А. Летописное повествование о Малой России и её народе и козаках вообще. Київ, 1994.

Ронский О.М. Крестьянское движение в Центре Европейской России в 1700–1710 гг. Ростов н/Дон. 1971. Автореферат канд. дисс.

Сахаров В.В. История конницы. СПб., 1889.

Свечин А. Эволюция военного искусства с древнейших времён и до наших дней. М.; Л., 1927. Т. 1.

Славнитский. Н.Р. Система обороны (крепости) северо-западных рубежей России в первой четверти XVIII века. Дисс. … канд. истор. наук. СПб., 2006.

Сокирко О. Лицарі другого сорту. Найманe вшсько Лівобережної Гетьманщини 1669–1726 pp. Київ, 2006.

Соколовский. План местности Полтавского боя 27 июня 1709 г. Полтава, 1909.

Сокуров В.Н. Канжальская битва 1708 г. и ее отражение в кабардинском фольклоре // Актуальные вопросы кабардино-балкарского литературоведения и фольклористики. Нальчик, 1986.

Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. М., 1968. Кн. 9.

Стилле А. Карл XII как стратег и тактик в 1707–1709 гг. СПб., 1912.

Столетие Военного министерства 1802–1902 / Ред. Д.А. Скалон. СПб., 1902.
Субтельний О. УкраУна. Історія. Київ, 1993.

Тарле Е.В. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 2002.

Тельпуховский В.С. Северная война 1700–1721. Полководческая деятельность Петра I. М., 1946.

Томашівський С. Із записок каролинців про 1708/1709 р. // Записки наукового товариства імени Шевченка. Львів, 1909. Т. 92. Кн. 6. С. 66–91.

Уманец Ф.М. Гетман Мазепа. Историческая монография. СПб., 1897.

Уредссон С. Карл XII и падение шведского великодержавия в историографии и традиции // Царь Пётр и король Карл. Два правителя и их народы. М., 1999. С. 276–306.

Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. СПб., 1862. Т. 4.

Фель С.Е. Картография России XVIII в. М., 1970.

Форстен Г.В. Сношения Швеции и России во второй половине XVII в. (1648–1700) // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. № 9. С. 47–92.

Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М. 1954.

Чичерин А. История Лейб-гвардии Преображенского полка 1683–1883. СПб., 1883. Т. 1.

Чухліб Т. Український гетьманат у Великій Північній війні 1700–1721 рр.: проблеми міжнародного та воєнно-політичного становища // Гетьман Іван Мазепа: постать, оточення, епоха. Збірник наукових праць. Київ, 2008.

Шарыпкин Д.М. Полтавский пир Петра I по русским и шведским источникам // Сравнительное изучение литератур. Сб. статей к 80-летию академика М.П. Алексеева. Л., Наука. 1976. С. 82–87.

Шебалдина Г.В. Сибирские мемуары каролинов: о своих и о чужих // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур / Под ред. Т. Тоштендаль-Салычевой и Л. Юнсон. Сб. статей. М., 2009.

Шельс И.Г. Сражение при Полтаве 27 июня 1709 г. // Военный журнал. СПб., 1845. № 3. С. 54–114.

Шперк В. Инженерное обеспечение Полтавской битвы. М.,1939.

Шутой В.Е. Северная война. М., 1970.

Шугой В.Е. Борьба народных масс против нашествия армии Карла XII в 1700–1709 гг. М., 1958.

Щукина Е.С. Серия медалей Ф.Г. Мюллера на события Северной войны в собрании Эрмитажа // Нумизматический сборник 1998. СПб., 1998. С. 187–212.

Щукина Е.С. Медали Северной войны // Русский север и Западная Европа. СПб., 1999.

Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М., 1995.

Эриксон-Вольке Л. Импульсы к проведению военных реоформ // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур / Под ред. Т. Тоштендаль-Салычевой и Л. Юнсон. Сб. статей. М., 2009.

Юнаков Н.Л. Операция Петра Великого против Левенгаупта // Военный сборник. 1908. № 12. С. 1–32.

Юнаков Н.Л. Полтавская операция 1709 г. // Труды императорского Русского военно-исторического общества, СПб., 1909. Т. 2, 4.

Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М. 1897.

Åberg A. Fångars elände. Karolinema I Ryssland 1700–1723. Lund, 1991.

Åberg A. I karolinema spår. Stockholm. 1959.

Åberg A. Karolinema och Österlandet. Stockholm. 1967.

Åberg A. Det försvunna fältarkivet // KFÅ. 1970. S. 169–178.

Anners E. Den karolinska militär-straffrätten och Peter den Stores krigsartiklar. Stockholm, 1961.

Anusik Z. Karol XII. Wrocław; Warszawa; Kraków, 2006.

Artamonow W.A. Zwycięnstwo poltawskie i unia polsko-saska //Sobótka. 1982. № 3–4.

Artamonow W.A. Rußlads Sieg über die Schweden bei Poltawa 1709 // Militärgeschichte. 1987. № 5. S. 561–570.

Aselius G. The Russian Menace to Sweden. Stockholm, 1994.

Bardili J.W. Des Weyland Durchl. Printzens Maximilian Emanuels… Reisen und Campagnen… Stuttgardt, 1730.

Bengtsson F.G. Karl XII: s levnad. Stockholm, 2001.

Bidrag til den Store Nordiske Krigs histone. Utg. av den Danske Generalstaben. København 1899–1933. Bd. 1–10.

Blome A. Das deutsche Russlandbild im frühen 18. Jahrhundert. Untersuchungen zur zeitgenossischen Presseberichterstattung über Russland unter Peter I. Wiesbaden. 2000.

Burdowicz-Nowicki J. Pasiwnosc Rosji w czasie bezkrölewia 1696–1697 a stosunki rosyjsko-austriackie // Kwartalnik historyczny. 2007. № 3. S. 5–36.

Bushkovitch P. Peter the Great. The struggle for power 1671–1725. Cambridge, 2001.

Carlsson E. Karl XII och capitulation vid Perevolotjna //KFÅ. 1940.

Carlsson E. Det svenska högkvarterets planläggning av slaget vid Poltava //KFÅ. 1947. S.130–145.

Corvisier A. Dictionnaire d'art et d'Histoire militaries. Paris, 1988.

Danmarks historic. København. 1964. Bd. 2.

Defoe D. An impartial History of the Life and Actions of Peter Alexowitz, the present Czar of Muscovy. London, 1723.

Den svenska historien. Karl XII, stormaktens fall. Stockholm, 1979. T. 8.

From P. Katastrofen vid Poltava. Karl XII: s ryska fälttåg 1707–1709. Lund, 2007.

Frost R.I. The Northen Wars. War, State and Society in Northeastern Europe, 1558–1721. London, 2000.

Fryxell A. Lebensgeschichte Karls des Zwölften. Braunschweig, 1861. Th. 2.

Granberg W. Reduttema i slaget vid Poltava enligt ryska källor och rysk krigsvetenskaplig litteratur // KFÅ. 1961. S. 91–104.

Grauers S. Karl XII: s personlighet // KFÄ. 1969. S. 7–30.

Grauers S. Den karolinska fälthärens underhål 1704–1707 // KFÅ. 1969. S. 109–148.

Hahlweg W. Die Heeresreform der Oranier und die Antike. Berlin, 1941.

Hedberg J., Medvedjev G. Artilleriet — en avgörande factor i Poltavaslaget // KFÅ. 1961. S. 105–134.

Hellbom A. Bogg-Hans — en karolin från Medelpad // KFÅ. 1967. S. 81–98.

Helli R. The Petrine Army // Canadian-American Slavic Studies. 1974. V. 8. № 2. P. 237–253.

Janczak J. Powstanie Paleja // Universytet Wrocławski im. B. Bieruta. Zeszyty naukowe. Seria A. N23. Historia III. Wroclaw. 1960.

Jägerskiöld S. Några aktstycken av David Natanael von Siltmanns hand rörande verksamheten vid Svenska armen 1708–1709 // KFÅ. 1937.

Jsberg A. Propaganda och fakta om slaget vid Narva // KFÅ. 1963. 114–140.

Kaminski A. Konfederacja sandomierska wobec Rosji w okresie poaltransztadzkim 1706–1709. Wrocław; Warszawa; Krakow, 1969.

Karl XII på slagfaltet. Stockholm. 1918. Bd. 1–4.

Kleen W. Poltavaslagets strategiska inramning // KFÅ. 1949. S. 142–149.

Konov J. von. Karolinen Rehnskiöld fältmarskalk. Karlskrona, 2007.

Konovaltjuk P, Lyth E. Vägen till Poltava. Slaget vid Lesnaja 1708. Borgä, 2009.

Kunisch J. Der kleine Krieg. Studien zum Heerwesen des Absolutismus. Wiesbaden, 1973.

Larsson O. Stormaktens sista krig I Sverige och stora nordiska kriget 1700–1721. Lund, 2009.

Lewenhaupt A. Karl XII: s officerare. Biografiska anteckningar. Stockholm, 1921.

Limiers de h. p. Histoire de Suede sous le regne de Charles XII. Amsterdam, 1731. Vol. 5.

Lundblad K. Geschichte Karls des Zwölften, König von Schweden. Hamburg, 1835.

The New Cambridge modern History. Cambridge. 1970. Vol. 6 (1688–1715/25).

Majewski W. Polska sztuka wojenna w drugiej polowie 17 wieku // Historia wojskowości polskiej. Warszawa, 1972.

Maximilien-Emanuel. Memoires de Maximilien-Emanuel, duc de Wirtemberg, colonel d'un regiment de dragons au service de Suede 1703–1709. Amsterdam a Leipzig, 1740.

Nilsson S.A. De svensk turkiska förbindelserna fore Poltava // Scandia. 1953/54. Bd. 22. Hf. 2. S. 113–163.

Nilsson S. Rysskräcken I Sverige. Fördomar och Verklighet. Orebro, 1990.

Nordberg G. Leben Karls des Zwölften, König in Schweden. Hamburg. 1746. Bd. 2.

Olsson S. Olof Hermelin, en karolinsk kulturpersonlighet och statsman. Lund, 1953.

Olsoni E. Karl XII: s gestalten genom tiderna // KFÅ. 1956. S. 187–247.

Ottow F. Der besessene König Karl XII. München 1949.

Petrelli T.J. Några blad ur en rysk dagbok frän 1709 // KFÅ. 1910. Lund. 1911.

Petri G. Slaget vid Poltava // Historia kring Karl XII. Stockholm, 1964.

Podhorodecki L. Chanat Krymski i jegostosunki z Polska w 15–18 w. Warszawa, 1987.

Portal R. Pierre le Grande. Paris, 1961.

Sarauw Ch. Die Feldzüge Karls XII 1700–1718. Leipzig, 1881.

Sjoström O. Fraustadt 1706: ett falt fargat rött. Lund, 2008.

Staszewski J. August II Mocny. Wroclaw, 1998.

Sylvan N. Karolinska tiden // Sveriges historia genom tiderna. Stockholm. 1948. Bd. 3. S. 143–200.

Tengberg E. Karl XII i Ukraina ären 1709 // KFÅ. 1948.

Tengberg E. Fran Poltava till Bender. Lund. 1953.

Tengberg E. Tsar Peter I: s dagbok. // KFÄ. 1950.

Tengberg E. Karl XII och Ryssland. Studier rörande ryska fälttågets slutskede // Historisk arkiv. Stockholm, 1958. Bd. 7.

Tengberg E. Överloparen Johan Gummert. En källkritisk Studie // KFÄ. 1952. S. 58–79.

Theatrum Europaeum. Franckfurt am Mayn, 1720. T. 18.

Torke H.J. Zum Epochencharakter des 17. Jahrhunderts in der Geschichte Russlands // Handbuch der Geschichte Russlands. Stuttgart, 1983. Bd. 2. Hf. 3. S. 208.

Valloton H. Pierre le Grande. Paris, 1958.

Villius H. Karl XII: s ryska fälttåg. Lund, 1951.

Waller S.M. Blev O. Hermelin fangen vid Poltava? // KFÄ. 1955. S.121–133.

Waller S.M. Den svenska huvudarmens styrka är 1707 // KFÅ. 1957.

Wennerholm J.B.R. Emporterade trofeer. Karl XII: s ryska fälttåg 1708–1709 i belysning av uppgifter om förluster av svenska fälttecken. Bohus, 2000.

Wemstedt F. Linear taktik och karolinsk taktik // KFÅ. 1957. S. 153–164.

Wemstedt F. Bidrag till kännedomen om den svenska huvudarmens styrka under fälttåget mot Ryssland 1707–1709 // KFÅ. 1931.

Westin G.T. Dagböcker som källor för Karl XII: s ryska fälttäg // KFÅ. 1953. S. 7–133.

Wimmer J. Wojsko Rzeczypospolitej w dobie wojny Pólnocnej 1700–1714. Warszawa, 1956.

Wimmer J. Bitwa pod Kaliszem 29.10.1706 // Osiemnaście wieków Kalisza. Kalisz. 1962. T. 3. S. 119–138.

Wimmer J. Polskie wojsko i stuka wojenna w czasie Wielkiej wojny Pölnocnej // Studia i materialy do historii wojskowosci. Wrocław, 1978. T. 21.

Wittram R. Baltische Geschichte. Die Ostseelande Livland, Estland, Kurland 1180–1918. München, 1954.

Wittram R. Peter I. Czar und Kaiser. Göttingen, 1964. Bd. 1–2.

Wrangell G. Die Schlacht bei Narva am 19.11.1700 // Die harrischwerische Ritterschaft. Reval, 1914. S. 25–41.

Zechlin H. Die Schlacht bei Fraustadt. Posen, 1896.

Именослов

Summary

Russia endured three invasions from the West when the aggressor' power was at its maximum: in 1708–1709, 1812 and in 1941–1942 of victory. The talented Swedish king Charles XII, like prominent commanders of world history based his strategy on a strike at the opponent's political centre. Victories at Narva, Dvina, Klissow, Gemauerthof, Frauschtadt proved the supremacy of the Swedish military art. Peter I opposed it with a coalition war and principal avoidance of decisive battles. The Russians built a huge defense «Peter I line» from Pskov to Bryansk, fatigued the opponent by a small-scale war, devastated the areas round its quarters, constantly kept it being alarmed and contained it at river-crossings. The Russian army's retreat in 1708 was performed better than in 1812 and 1941. Charles XII 's army wasn't admitted to Russian frontiers and was forced to march southward, to Ukraine.

Hetman Mazepa, who carried on personal negotiations on transferring Ukraine to Polish citizenship, did not stake exclusively on the Swedes. Wealth and power preservation were the main things for him. He bore in mind a preferable variant of keeping the Dnieper's left bank away from hostilities and getting under the winner's wing. The hetman could defend Baturin until the Swedes' arrival, but he cowardly abandoned the residence. The majority of Baturin inhabitants remained loyal to oath of allegiance to the tsar and Menshikov's troops captured the fortress within 2 hours with a big loss of civilian lives. Despite Baturin's annihilation, Ukraine remained loyal to the tsar. Having seen a pitiable condition of the Swedes, Mazepa tried to take advantage of imperial amnesty and suggested his returning under Russian protectorate, promising to capture Charles XII if the tsar forgave him. Peter's attempt to trap the hetman, using his own adventurous proposal, didn't work.

In spring of 1709 the Russian army squeezed the Swedes from different directions near Poltava and in the middle of June decided to fight a decisive battle, planning not to destroy the king's army, but to release Poltava and to supersede the Scandinavians behind the Dniepr. The king's error consisted of an underestimation of the opponent and ignoring revolution in Russian military art in 1700–1708. Speed and efficiency of Peter's military reform were unique in the world history. Peter had so quickly changed structure and fighting capacity of his armed forces that the Swedish generals hadn't had time to give up a stereotype of «negligibility» of the opponent. Near Poltava they faced Russian veterans, who had mastered the Swedish offensive tactics since victories at Kalisz and Lesnaya.

There were no possibilities for the Swedish victory at Poltava. The most critical moment for the Russians was the dragoons' disengagement on full gallop

from K.G. Kreuts's cavalry, which had forced its way through the line of redoubts. No panic arose when Lewenhaupt's ten battalions attacked the Russian camp at 6 in the morning. At the beginning of the main fight, the Swedes, having endured the lethal squall of bullets and case-shots, didn't scatter in all directions, but as a wedge broke through the first Russian line. It was a deed of Swedish heroism and selfsacrifice.

Peter I's counterattack not only liquidated the break-through, but also cut the Swedish army in two, which predetermined a victory.

The Swedes were rescued from pursuit by Russian regiments of the second and third reserve lines by their former last military glory. Peter the Great' caution shows, how high (and correctly) he appreciated Charles XII's army. The remnants of the Swedish army, consisting of splinters of different units, gathered around the train and Pushkaryovka village. The troops were no more efficient, but the Russians knew nothing about their location at least till 11 a. m. The new operation required providing reconnaissance, re-supplying the troops with ammunition, deploying them into a marching order, marching in columns and re-deploying them into a battle-order in front of Pushkarevka. Considering a weak manoeuvrability of the Russian army of that time, it was impossible to begin a new fight that very day.

On June 28th the same corps volant which had defeated Levenhaupt at Lesnaya, was sent in chase of fugitives. The remnants of royal army capitulated at the Dniepr.

The Poltava victory became fatal for the several countries of Eastern and Northern Europe. It liberated Ukraine from the Swedish occupation, Poland and revived the Northern Alliance. The Balkan Christians began to pin the hopes of disposal of Turkish domination on Russia. It also defined the birth of Russia as a great power as well as a battle at Vienna in 1683 defined the greatness of the Habsburgs, as well as a battle at Sedan on September 1st, 1870 led to the birth of the German empire in 1871.

Within 1709–1714/1715 the Russian military doctrine and strategy became offensive. Now Swedes began to evade from big fights with the Russians. Military force became the Romanovs' main support.

Оглавление